

1918 ГОД

РЕВОЛЮЦИЯ

КРОВЬЮ ОМЫТАЯ

РАБОЧИЕ МОСК. ГУБ. К" В.З.С.
ДА ЗАРАВСТВУЕТЬ
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ДА ЗАРАВСТВУЕТЬ
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Институт всеобщей истории

А.В. Шубин
р

1918 год

Революция, кровью омытая

«Академический проект»
Москва, 2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Ш 95

Ш 95   **Шубин А.В.**
1918 год. Революция, кровью омытая. — М.: Академический проект, 2019. — 598 с. — (История России: XX век).

ISBN 978-5-8291-2317-8

В своей новой книге историк А.В. Шубин предлагает читателю всестороннюю картину событий 1918 г., который стал временем начала широкомасштабной гражданской войны, расколовшей нашу страну на враждующие части. Подробно анализируя ситуацию весны 1918 г., автор выясняет причины возникновения этой войны. Читатель получит возможность познакомиться не только с ходом военных действий, но и с жизнью по разные стороны фронта, с драматичными событиями заговоров и восстаний, мотивами и обстоятельствами действий таких ярких личностей, как Ленин, Троцкий, Шаумян, Спиридонова, Чернов, Савинков, Деникин, Колчак и многие другие. События столетней давности, о которых рассказывает эта книга, оставили в наследство стране уроки, которые имеют непреходящее значение.

Книга рекомендуется широкой читательской аудитории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-2317-8

© Шубин А.В., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2019

Если верить поэту Александру Блоку, на Рождество под новый 1918 г. Петроград посетил Иисус:

Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Просто красивый образ? Но в это время с точки зрения судеб мира Петроград был действительно самым интересным местом. На фронтах мировой войны установилось затишье, а вот из Петрограда от новой невиданной Советской власти неслись вести о возможности справедливо закончить войну и обустроить мир. Почему бы не приглядеться к этому месту, которое считает себя очагом новой эпохи?

Тот, кто посетил Петроград на Рождество, не встретил бы там Ленина. Лидер большевизма тогда отдыхал в санатории «Халила» на станции Усиккирко. Ленин переводил дух после первых месяцев у власти и обдумывал новые шаги к социализму, которые последуют после первого натиска. Он готовился с новыми силами вернуться в столицу, смести Учредительное собрание, вывести страну из войны любой ценой и перейти от демократического разбрасывания камней к их собиранию железной рукой.

Петроград — столица новой России — вдохновлял сторонников Советской власти, но почти не управлял ими. Большинство регионов находилось во власти Советов — органов самоорганизации леворадикальных активистов, в большинстве своем вышедших из городских низов и учившихся теперь искусству управлять. Учеба шла трудно, потому что Россия находилась в таких условиях, в каких управлять не умел никто: распад хозяйственных связей, миллионы людей на фронте, скоротечная гражданская война на окраинах. Сторонники власти Советов ее выигрывали, ощущение легкой победы пьянило — нам все нипочем. Мы кого угодно переломим через колено —

и контрреволюционные офицеры, и брызжащую саботирующую интеллигенцию, и сцепившихся в смертельной схватке между собой империалистов. Массы, поверившие большевикам, еще не знали, что мир с Германией не станет демократическим, что 1918 г. станет временем кровопролития, даже более жестокого, чем опостылевшая мировая бойня. Эта новая война продлится еще несколько лет, и, при всем стремлении большинства населения к вершинам социализма — посткапиталистического общества — в реальности толкнет страну в сторону озверения и архаизации. Но затем начнется новая великая эпоха. Таким бывает прорыв через тернии к звездам. Но тернии нанесли стране такие раны, которые во многом определяли особенности ее дальнейшего развития на десятилетия вперед. А звезды коммунизма вопреки ожиданиям оказались слишком далеки. И все же в огне войны и революции страна нашла свой путь модернизации, основанный на стремлении вырваться из вечной периферийности, отвергнуть капитализм — царство Мамоны. И в этом стремлении впереди красногвардейцев шел Иисус Христос. Как об этом написал Блок.

В самом начале 1918 г. у Советской власти было несколько приоритетных задач: отбиться от других претендентов на власть, начать социалистические преобразования и выйти из войны. 1918-й виделся как год прекращения войны. Действительно, мировая война в этом году в основном закончилась. А вот Россия погрузилась уже в новую — широкомасштабную гражданскую войну.

Глава I

НА ПУТИ К БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ

Революция и гражданская война

Революции — это слишком решительная социальная, политическая и правовая ломка. Революции часто сопровождаются гражданскими войнами. Особенно если революция начинается в условиях войны, милитаризации общества. Но несколько месяцев — с марта 1917 г. — революция обходилась без гражданской войны. А после прихода к власти большевиков стали возникать вооруженные столкновения, то утихая, то нарастая. Это была гражданская война, но совсем не та, которая осталась в исторической памяти. В конце 1917 г. практически не было фронтов, потери были невелики, мало кто хотел всерьез воевать.

Поэтому когда мы выясняем, кто и как начал общероссийскую гражданскую войну, на этот вопрос следует отвечать двояко. Потому что гражданская война начиналась два раза. Сначала — после Октябрьского переворота в нескольких очагах как результат непризнания советского правительства. И затем — в мае 1918 г. — по всей стране.

25–26 октября 1917 г. (до 14 февраля 1918 г. все даты — по юлианскому календарю) вооруженные столкновения развернулись сразу после того, как большевики, опираясь на Советы рабочих и солдатских депутатов, свергли Временное правительство и создали свое — Совет народных комиссаров (СНК). Противники большевиков, естественно, не признавали легитимность Октябрьского переворота. Но и правительство Керенского не было легитимным и не было создано каким-то выборным органом (здесь у большевиков было даже некоторое преимущество — их Совнарком заручился поддержкой II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов). Уже в начале ноября 1917 г. стало ясно, что правительство Керенского никто восстанавливать не собирается, но основные политические силы признают легитимность и авторитет Учредительного собрания, которое было избрано 12 ноября 1917 г. Никто не хотел умирать в этой скоротечной гражданской войне конца 1917 — начала 1918 г. Какой смысл, когда правительство большевиков — временное, существует до Учредительного собрания? К весне 1918 г. вооруженные противники большевиков на территории России не получили массовой поддерж-

ки, были в основном разбиты и перешли к локальным партизанским действиям¹.

А вот в мае–июне 1918 г. Россия раскололась на несколько частей, началась широкомасштабная гражданская война (война фронтов). У этой войны был совсем другой масштаб, чем у скоротечной гражданской войны конца 1917 — начала 1918 г., и были свои самостоятельные причины.

Если говорить о Гражданской войне 1917–1922 гг. на территории бывшей Российской империи, то фактически речь идет о нескольких взаимосвязанных вооруженных конфликтах: скоротечная гражданская война, связанная с установлением Советской власти («Триумфальное шествие Советской власти» 26 октября 1917 — февраль 1918 г.), локальные вооруженные столкновения весны 1918 г., широкомасштабная гражданская война (май 1918 — ноябрь 1920 г.), восстания против «военного коммунизма» под лозунгами «третьей революции» и т. п. (конец 1920 — начало 1922 г.), Гражданская война на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.), иностранная интервенция 1918–1922 гг., ряд войн, связанных с образованием или попытками образования национальных государств и социальной конфронтацией в них («войны за независимость» и гражданские войны в Финляндии, странах Балтии, Украине, странах Закавказья, Средней Азии, включая басмачество, ликвидированное в начале 1930-х гг., советско-польская война 1919–1920 гг.).

Между «Триумфальным шествием» и началом широкомасштабной гражданской войны, разрезавшей страну линиями фронтов в мае 1918 г., есть хронологический перерыв, когда общероссийская гражданская война фактически не велась. Первую войну сторонники Советской власти выиграли уже к марту 1918 г., взяв под контроль все крупные города и почти всю территорию России, отбросив остатки своих противников на дальнюю периферию, где те скитались в надежде на лучшие для них времена.

Локальные столкновения происходили на окраинах России и в апреле 1918 г., но войны в масштабах страны не было. Всероссийская война развернулась в мае 1918 г. А вот в 1920–1922 гг. после разгрома белых армий А. Колчака и П. Врангеля локальные очаги Гражданской войны охватывали, в отличие от апреля 1918 г., значительную часть России и Украины, включая и центральные районы, вплоть до окрестностей Петрограда. Война непрерывно продолжалась до 1922 г.

¹ См.: Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. М., 2017. С. 10–107.

К этой войне привели последствия глубокого социально-экономического кризиса, усугубившегося в результате политики большевиков, направленной на форсированное огосударствление экономики; рост межнациональных противоречий, последствия неудачной для России Первой мировой войны и Брестского мира 1918 г., интервенция государств Центрального блока и Антанты.

Новый шаг к гражданской войне был сделан насильственным разгоном Учредительного собрания. Он показал, что большевики не боятся столкновения с крестьянским большинством страны и ее интеллигенцией. Резко сократились возможности оппозиции отстаивать свою точку зрения мирным путем. Поскольку большевистская власть была в глазах оппозиции абсолютно нелегитимной, то оружие стало вполне законным аргументом политической борьбы. После разгона Учредительного собрания в России не было авторитетного для большинства населения механизма разрешения социально-политических противоречий. Большевики не опасались гражданской войны, надеясь разгромить в прямом столкновении своих «классовых врагов». Они ущемляли интересы все более широких слоев населения. Это помогало оппозиционным партиям вести агитацию против большевиков, а после разгона Учредительного собрания готовить восстание против них. Теперь основным противником большевиков была не буржуазия, а «мелкая буржуазия», как называли они крестьянские трудящиеся массы. Вокруг новой власти нарастали конфликты и отчуждение.

После заключения Брестского мира тяжесть введенной 13 мая 1918 г. продовольственной диктатуры ложилась на крестьян Поволжья, Северного Кавказа и Сибири, что создало почву для антисоветских настроений в массах.

Непосредственным началом широкомасштабной гражданской войны стало майское восстание на Дону и выступление чехословацкого корпуса 25 мая 1918 г.

Рассмотрим подробнее причины и начало широкомасштабной войны в 1918 г.

Разгон

Рисуя картину новогоднего Петрограда, Блок затронул ключевой политический вопрос того времени: нужно ли стране Учредительное собрание? И прокомментировал его скептически:

От здания к зданию
Протянут канат

На канате — плакат:
 «Вся власть Учредительному собранию!»
 Старушка убивается — плачет
 Никак не поймет, что значит,
 На что такой плакат,
 Такой огромный лоскут?
 Сколько бы вышло портянок для ребят,
 А всякий — раздет, разут...

Учредительное собрание производит речи, а не портянки. Впрочем, портянок еще долго не дадут и большевики, они старушке тоже не нравятся. Вечный вопрос элит и народа: что важнее — продукты или политические дебаты? Но от дебатов зависят продукты. Учредительное собрание было местом, где проблеме стратегии развития страны от разрухи к массовому производству ткани и другого добра можно было решить с помощью слов, а не пуль.

Выборы в Учредительное собрание, проходившие с 12 ноября, принесли большевикам разочарование — они набрали 23,5% голосов, в то время как другие социалистические партии получили 58%. Раскол Партии социалистов-революционеров (ПСР) отнял у них около 40 левоэсеровских мандатов, но эсеры все равно остались крупнейшей парламентской фракцией (более 300 депутатов, а с национальными партиями эсеров — более половины собрания). С работой Учредительного собрания избиратели связывали надежды на бескровное решение вопросов, стоявших перед страной: аграрного, рабочего, национального и вопроса об организации государственной власти. Именно Учредительное собрание и должно было поставить точку в истории революции.

Но, потерпев поражение на выборах, большевики и левые эсеры сохраняли перевес в вооруженной силе. Действуя силой, большевики не боялись гражданской войны, репрессий и прочих авторитарных действий «в интересах пролетариата». Таково было настроение не только большевистско-левоэсеровского Совнаркома, но, что существеннее — шедших за ним активных леворадикальных масс.

Большевики и левые эсеры не собирались сдавать власть Учредительному собранию, и в противовес ему готовили созыв III съезда Советов, на котором должны были объединиться рабочие, солдатские и крестьянские Советы.

Созыв парламента готовился в напряженной новогодней обстановке. 1 января был обстрелян автомобиль Ленина, легко ранен ехавший с ним швейцарский социал-демократ Ф. Платен. Позднее заговорщиков сдал один из подельников, солдат, который решил, что его обманули, и большевики не являются предателями России.

Заговорщики — группа офицеров — были арестованы, но во время немецкого наступления по их просьбе отправлены на фронт¹. Так или иначе, выстрел обеспечил большевикам хороший повод для усиления мер безопасности в столице. 2 января в связи с покушением (хотя и без всяких доказательств причастности) были арестованы эсеры П. Сорокин, А. Аргунов и А. Гуковский. Г. Зиновьев объяснил в Петросовете 3 января, что покушение на Ленина морально подготовлено эсеровскими газетами, с чем и связан арест.

Красная гвардия блокировала тот район Петрограда, где расположен Таврический дворец и взяла под усиленную охрану окрестности расположенного недалеко Смольного. На Литейном проспекте и прилегающих улицах были построены баррикады.

К открытию заседания в Таврический дворец прибыло около 410 депутатов из 767. Кворум был достигнут.

5 января, в день открытия собрания, в сторону Таврического дворца двинулись демонстранты. Красная гвардия не пропускала их. Красногвардейцы открывали огонь. Погибло 12 человек.

Публика, приведенная в основном большевиками, криками и свистом мешала говорить социалистам (эсерам и меньшевикам). Кадеты, объявленные вне закона, не рискнули явиться. Некоторые зрители рассматривали депутатов в прицелы ружей.

Эсеры направили на трибуну пожилого депутата С. Швецова открывать собрание. У большевиков были на этот счет другие планы — они считали, что собрание должен открыть представитель их власти, председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Я. Свердлов. Завязалась потасовка. Швецов вроде открыл заседание, но Свердлов после «легкой рукопашной схватки»² с помощью большевиков утвердился на трибуне. Депутаты открыли заседание пением «Интернационала» — этот гимн объединял подавляющее большинство собравшихся.

Затем Свердлов зачитал проект Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, который большевики ультимативно требовали принять. В нем говорилось: «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета народных комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задача исчерпывается установлением коренных оснований социалистического переустройства общества»³. Таким образом, большевики предлагали эсерам компромисс — не претендуйте на государственную власть сегодня, вырабатывайте конституцию и закон о социализации земли. Многие из положений Деклара-

¹ Выстрел в сердце революции. М., 1989. С. 26–38.

² Раскольников Ф. Ф. Рассказ о потерянном дне // Утро страны Советов. С. 312.

³ Учредительное собрание. Россия 1918 г. Стенограмма и документы. М., 1991. С. 69.

ции эсеры могли бы поддержать, но это значило проявить слабость перед лицом шантажа силой. Учредительное собрание отказалось даже обсуждать такую декларацию.

Блок большевиков и левых эсеров выдвинул в председатели собрания М. Спиридонову. Но на выборах 244 голосами против 153 победил ее недавний однопартиец и один из лидеров Партии эсеров В. Чернов.

Трибуна Учредительного собрания стала местом изложения политического кредо крупнейших политических сил России. В. Чернов выступил с концептуальной речью, которая предлагала развитие России по пути демократии и социализма. Чернов также поддерживал идеи Циммервальдской конференции, провозгласившей в 1915 г. принципы завершения войны без аннексий и контрибуций с правом народов на самоопределение.

Эти принципы поддерживали также большевики и левые эсеры. Но Чернов делает важные оговорки: «И мы верим в силу и конечную победу этих лозунгов, если только за ними не будет торжества тенденции к распаду и развалу демократии, разобщению и междоусобице народов, составляющих нашу страну, если только Учредительное собрание преуспеет в своих стремлениях к тому, чтобы вокруг него сосредоточились, сорганизовались и сплотились народы, сосредоточились и сплотились народы, составляющие Россию, сделавшую эти лозунги русской революции лозунгами российского государства и лозунгами федеративной демократической российской республики, — России, как союза свободных равноправных народов»¹. То есть Чернов и другие демократические социалисты (в тот момент — даже украинские лидеры) не считают право на самоопределение основанием для распада России на множество независимых государств.

Таким образом, Чернов предлагает решение вопроса, из-за которого начинала литься кровь (льется она и сто лет спустя): «Учредительное Собрание представляет собой самое живое единство всех народов России и потому уже фактом открытия первого заседания Учредительного Собрания, уже самым фактом этого открытия провозглашается конец гражданской войне между народами, населяющими Россию. Граждане, вы позволите мне дать, я верю, от имени всего Учредительного Собрания обещание, обращаясь к гражданам Украины, что отныне Украина может не опасаться ни на одну минуту того, чтобы рука солдата-великоросса, землепашца в серой шинели, поднялась бы на того же одетого в серую шинель землероба Украины»².

¹ Учредительное собрание. Россия 1918 г. Стенограмма и документы. С. 74–75.

² Там же. С. 77.

Чернов осудил брестские мирные переговоры как «ловкий маневр» германского империализма, направленный на то, «чтобы, увлекши Россию на путь сепаратных переговоров, ее изолировать», в то время как именно Россия может стать важнейшей силой, способной добиться всеобщего мира без аннексий и контрибуций, причем не «предательски-сепаратного», а всеобщего демократического¹.

Чернов считал необходимым оформить передачу земли крестьянам «в конкретную, законом точно оформленную действительность». Хаотический земельный передел, начатый большевиками и левыми эсерами, не способен обеспечить крестьянам прочное право на землю: «...всеобщая передвижка земельного пользования... не делается одним росчерком пера... Не аренды казенной собственности хочет трудовая деревня, она хочет, чтобы доступ труда к земле сам по себе не был обложен никакой данью...»² Это — принципиальная критика аграрной политики большевизма на десятилетия вперед.

Аграрная реформа может стать фундаментом для постепенного социалистического строительства. «Эта наглядно проявившаяся воля к социализму, тяга к социализму широких народных масс России, есть также событие, небывалое в истории...»³ Важную роль в этом процессе Чернов отводит рабочему классу, который борется за свое «освобождение, за свой культурно-социальный подъем, да, за подъем на всю высоту, которая требуется для того, чтобы рабочий класс смог взять в свои руки, в конце концов, управление всем производством страны и от прежнего режима фабричного самодержавия хозяина через период государственного контроля над производством — период трудовой конституции — перешел к периоду трудовой республики во всех отраслях производства». Предвосхищая, таким образом, современные идеи экономической демократии, председатель Учредительного собрания конкретизирует свой план социализации промышленности, поддерживая идею передачи отраслей в руки профсоюзов, рассчитывая на развитие самоуправления как через профсоюзы, так и через кооперативы и Советы⁴. На оскорбительные выкрики левой части зала и сформированной большевиками галерки Чернов ответил предложением вынести разногласия на референдум. Предложение на деле обратиться к народу вызвало аплодисменты большинства депутатов, но не большевиков⁵.

¹ Учредительное собрание. Россия 1918 г. Стенограмма и документы. С. 74–76.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 82.

Речь Чернова произвела сильное впечатление на часть левых эсеров, которые, по существу, были согласны с очень многим в ней. Как вспоминал И. Штейнберг, «это была искусная речь, которая в тот момент могла смутить многих»¹. Зато речь Чернова совсем не понравилась правому крылу эсеров². Уже в это время члены Партии эсеров начинали расходиться во взглядах не только на тактику, но и на стратегию. Правое крыло партии и прежде не считало Россию готовой к социалистическим преобразованиям, а столкнувшись с советской «социалистической революцией», и вовсе перешло на антисоциалистические позиции, стремясь остановить социальные преобразования. Чернов и левое крыло партии, напротив, видели в социальных, в том числе антикапиталистических, преобразованиях единственный шанс на победу в борьбе за активные массы со стороны Советской власти.

Представитель большевиков Н. Бухарин утверждал, что в силу расстановки классовых сил социалисты не смогут осуществить программу Чернова и сдадут позиции буржуазии. Доказать этого Бухарин не мог. Практический опыт эсеровской политики продемонстрирует Комуч, который получит власть в Поволжье летом 1918 г. (правда — в отсутствие Чернова). Мы ниже рассмотрим этот опыт подробно.

Выступление лидера меньшевиков И. Церетели было эффектнее по форме, чем речь Чернова, но содержательно это был типичный пример меньшевистской агитации, способствовавшей отходу масс от социал-демократии в 1917 г. Речь Церетели полна сложных логических умозаключений и в то же время ломающих логику отвлечений на реплики противников, она перегружена марксистскими теоретическими формулами. Если речь Чернова, в том числе и в газетных пересказах, давала читателю ясное представление о народнической стратегии революции, то социал-демократы смогли добавить к эсеровской программе только лозунг социального страхования и наукообразную форму. Вместе с тем некоторые полемические уколы Церетели были весьма болезненными. Так, он ответил на попытки большевиков все свои неудачи объяснить саботажем буржуазии: «Свидетельство о бедности выдадите вы себе, если неудачу социалистического опыта взвалите на саботаж буржуазии»³.

На голосование в итоге были поставлены декларация, оглашенная Я. Свердловым, и повестка дня, разработанная руководством

¹ Цит. по: *Иммонен Х.* Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб., 2015. С. 255.

² Цит. по: *Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П.* Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М., 2015. С. 188.

³ Учредительное собрание. Россия 1918 г. Стенограмма и документы. С. 98.

ПСР и оглашенная Н. Пумпянским. Второе предложение победило 237 голосами против 146.

Большевики, а затем и левые эсеры ушли из парламента. В результате возникла проблема с кворумом. Но мы знаем, что парламенты часто работают в отсутствие кворума. Кворум был обязателен для открытия собрания, но обязателен ли он для текущей работы — это никакими положениями оговорено не было. Ноябрьские съезды Советов обходились без кворума, и большевиков это не смущало. В зале оставалось большинство от того числа депутатов, которые открыли заседание и составляли Учредительное собрание.

Оставшиеся депутаты обсудили и приняли 10 пунктов Основного закона о земле, соответствовавшего принципам партии эсеров. Без выкупа отменив право собственности на землю, закон передал ее в распоряжение государства и местных органов самоуправления для дальнейшего распределения между крестьянами.

Представители национальных партий и движений высказались за автономию своих регионов и превращение России в федерацию.

Прения заканчивались рано утром 6 января. Начальник караула анархист В. Железняков заявил, что «караул устал». Однако эта попытка закрыть заседание не удалась. Депутаты продолжали работать, приняли пункты закона о земле, постановление о провозглашении России демократической федеративной республикой и декларацию о мире, осуждавшую сепаратные переговоры большевиков и требовавшую всеобщего демократического мира. Затем председатель собрания В. Чернов закрыл заседание. Когда, немного поспав, депутаты вновь собрались у Таврического дворца, они нашли двери закрытыми — ВЦИК заявил о роспуске собрания и отобрал у верховного органа власти помещение.

Рабочие Семяниковского завода предложили депутатам засесть на территории их предприятия. Митинговали и другие предприятия на востоке столицы. Несмотря на то что В. Чернов рекомендовал принять предложение рабочих, большинство депутатов-социалистов выступило против продолжения заседаний, уверяя, что большевики могут обстрелять завод с кораблей¹. Неизвестно, что произошло бы, если бы большевики приказали матросам стрелять по заводу. Но лидеры эсеров остановились перед призраком гражданской войны и не воспользовались шансом оказать сопротивление большевизму в Петрограде. Депутаты разъезжались из столицы, опасаясь арестов.

В Петрограде в ночь на 7 января 1918 г. в тюремной больнице матросами были убиты арестованные ранее депутаты-кадеты А. Шин-

---

¹ Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 359–360.

гарев и Ф. Кокошкин. По приказу Ленина была создана следственная комиссия для расследования убийства, были арестованы 8 матросов. Но в дальнейшем они были освобождены.

9 января было арестовано около 20 депутатов (затем их отпустили). По стране прокатились аресты эсеров. В Москве их было арестовано 300 человек¹.

Первый свободно избранный парламент России был разогнан. Демократия потерпела поражение. Теперь противоречия между различными социальными слоями России нельзя уже было решать путем мирных обсуждений в парламенте².

После разгона Учредительного собрания право определить государственное устройство страны взял на себя III съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшийся 10 января.

12 января съезд принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая стала временным конституционным документом Советской республики. Специальным декретом из нее и из других актов Советской власти были изъяты все упоминания Учредительного собрания.

Делегаты собрались в обстановке триумфа Советской власти, которой предстояло подтвердить свой рабоче-крестьянский характер. 13 января рабоче-солдатский съезд объединился с III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, начавшим работу утром того же дня в Смольном. На этот съезд приехало около 500 депутатов, из которых около 200 представляли левых эсеров и примерно столько же — большевиков. Около 30 мест было у максималистов. Еще более 200 депутатов опоздали, и если их учесть, большевики имели перевес над левыми эсерами (обе партии с учетом сочувствующих) со счетом 309:278. Депутаты представляли не менее 133 крестьянских Советов, 129 солдатских комитетов, 94 объединенных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 91 уездный и 14 губернских съездов крестьянских Советов, 5 Советов рабочих и солдатских депутатов. Если вычесть представителей рабочих и солдат, получается негусто — только уездных Советов крестьянских депутатов в России было 414³. Но даже с учетом армии обнаружилась тревожная для левых эсеров тенденция — часть просоветского актива деревни стала ориентироваться на больше-

¹ Юрьев А. И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М., 2011. С. 184.

² Подробнее об Учредительном собрании см.: Протасов А. Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997; Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 168–199.

³ Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996. С. 226–227.

виков. Если уж связывать жизнь с Советской властью, то с более влиятельными большевиками.

Развернулся процесс объединения Советов на местах, где создавались Советы рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов — унифицированные органы новой власти.

Брест

Российская революция, разразившаяся в ходе мировой войны, имела важное международное значение. С приходом к власти большевиков правительство одного из воюющих государств выступило за немедленное заключение демократического мира без аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение.

Однако 3 марта 1918 г. большевистское правительство подписало Брестский мирный договор, который даже Ленин признавал грабительским и «похабным». Были ли большевики искренни, когда агитировали за мир без аннексий и контрибуций? Может быть, они все-таки действовали в интересах Германии? Можно ли в тех условиях заключить более выгодное соглашение или продолжать войну? Подробнее анализ этой проблемы был предпринят в другой моей работе¹, и здесь я ограничусь кратким очерком событий и выводами о значении Брестского мира.

9(22) декабря 1917 г. начались мирные переговоры между Россией и державами Четверного союза в Брест-Литовске. Большевики затягивали переговоры, надеясь, что в Германии и Австро-Венгрии, уставших от войны, вот-вот тоже начнется революция. Предложения советского правительства приобрели мировую популярность. Однако государства Антанты не признали его и не присоединились к переговорам, рассчитывая, что им удастся одержать победу над Германией.

Может быть, тактика затягивания переговоров была ошибочной, и нужно было отдать немцам территории, которые они уже оккупировали — Польшу, Литву и Курляндию? Но такая немедленная капитуляция в тех исторических условиях означала бы сильнейший удар по престижу Советской власти. Большевики не могли сразу сдаться, даже не попытавшись отстоять свои идеи. А в марте 1918 г. уже было ясно, что Россия подчиняется грубой силе.

Некоторый шанс на успех тактики затягивания переговоров все же был. В Германии и Австро-Венгрии обострился продовольственный кризис. В январе в Берлине, Вене и Будапеште произошли стач-

¹ Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 372–440.

ки. Часть руководителей Германии и Австро-Венгрии считали, что нужно заключить мир с Россией на мягких для нее условиях, чтобы сосредоточить силы на Западном фронте. Но германский кайзер и его генералы не намерены было упускать «плоды победы».

Многое зависело от Центральной рады Украины, которая, контролируя Киев и центральную часть Украины, вступила в конфликт с большевиками и в поиске международной опоры стала сближаться с Германией и Австро-Венгрией.

5(18) января 1918 г. германский генерал М. Гофман предъявил советской делегации карту, на которой была обозначена линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с линией фронта. К западу от нее Германия обещала провести «самоопределение» Польши, Литвы и Курляндии под своим контролем, планируя создать марионеточные государства. Россия должна была отказаться от прав на эти территории.

Ленин считал, что можно пойти на любой мир, лишь бы начать строить социализм. Тогда пример России обеспечит мировую популярность коммунистических идей, и начнется мировая революция, которая сметет германский империализм. Левые коммунисты во главе с Н. Бухариным и левые эсеры считали, что капитуляция перед империализмом исключает успешное решение социалистических задач. Россия попадет в зависимость от Германии, которой достанется часть ресурсов, без которых нельзя поднять хозяйство из разрухи. Левые эсеры понимали также, что выполнение немецких условий углубит продовольственный кризис, и расплачиваться придется крестьянству, интересы которого левые эсеры представляли в рабоче-крестьянском союзе. Немецкий ультиматум уязвлял и патриотические чувства населения России, и принципы революционеров. Ленин предложил все же принять немецкий ультиматум, так как считал, что советские отряды и разлагающаяся старая армия не смогут остановить немецкое наступление, если оно начнется.

Нарком иностранных дел Л. Троцкий пытался сблизить позиции левых и правых большевиков с помощью рискованной внешнеполитической игры. Если развал армии неизбежен, ее нужно распустить, получив поддержку солдат в дальнейшей политической борьбе в России. Положение Германии и Австро-Венгрии также тяжело — они не в состоянии вести длительное наступление. Германия не решится наступать. Можно рискнуть — отказаться от заключения мира до лучших (для Германии и России) времен. Тогда становится излишним тяжелый выбор, вызвавший конфликт среди большевиков и сторонников Советской власти вообще. Лозунг этой рискованной игры Троцкого: «Ни мира, ни войны, а армию распустить».

Однако Германия и Австро-Венгрия стали поддерживать Центральную раду, провоцируя отделение от России Украины с ее ресурсами. В конце декабря советские отряды развернули наступление на Киев. В ответ, учитывая также отсутствие в России легитимной власти после разгона Учредительного собрания, Центральная рада 9(22) января 1918 г. провозгласила независимость Украинской народной республики (УНР). Но 26 января (8 февраля) 1918 г. советские войска, в рядах которых сражались и украинцы, взяли Киев. Тогда 27 января (9 февраля) 1918 г. представители Центральной рады решили защититься от большевиков с помощью немецких войск и подписали свой мирный договор с державами Четверного союза. Это резко ослабило позицию России на переговорах. 9 февраля германский император Вильгельм II потребовал от своих дипломатов предъявить ультиматум Троцкому — сдать всю Прибалтику до Пскова и Нарвы. Но Троцкий не стал дожидаться неизбежного предъявления ультиматума и 10 февраля заявил, что отказывается подписать аннексионистский мирный договор. Троцкий заявил тем не менее о прекращении состояния войны и демобилизации армии.

Германия и ее союзники не могли позволить себе длительного продолжения войны на Восточном фронте. Но они могли нанести мощный удар и провести быстрое наступление, чтобы окончательно вывести Россию из войны. 18 февраля австро-германские войска перешли в наступление. Российская армия оказывала им сопротивление лишь в отдельных местах. Противник занял Ревель, Псков, Киев и двигался на восток Украины. Остатки российской армии и отряды Красной гвардии не могли его удержать.

23 февраля Ленин с большим трудом добился в ЦК большевиков принятия германских условий мира. Тем самым было обеспечено согласие на это и других органов Советской власти, в которых у большевиков было большинство. В ночь на 24 февраля, вопреки сопротивлению левых эсеров и отдельных левых коммунистов, ВЦИК санкционировал условия соглашения. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске Россия подписала мир, в соответствии с которым отказывалась от прав на Финляндию, Украину, Прибалтику и часть Закавказья. Российская армия демобилизовывалась.

Украина по приглашению Центральной рады была оккупирована германскими войсками. Они не остановились даже на границе той территории, которую Центральная рада провозгласила частью Украины. Оккупация нарушала связи центра России с хлебными районами, обостряя продовольственную проблему. Левые эсеры 18 марта вышли из правительства в знак протеста против Брестского мира и развернули агитацию против большевиков в Советах. Германия и Австро-Венгрия

смогли вывезти с Украины значительные объемы продовольствия. Это помогло стабилизировать ситуацию в Германии и Австро-Венгрии до осени. Позорный мир с Германией уязвил патриотические чувства, настроил против большевиков миллионы людей, которые придерживались самых разных политических взглядов.

Но затянув переговоры, не желая капитулировать сразу, большевики сохранили авторитет среди части населения. В марте 1918 г. было ясно, что большевики пытались сопротивляться Германии, но в итоге подчинились силе. Солдатская масса устала от окопов, и многие поддерживали мир любой ценой. Продолжать войну можно было только отступая по всему фронту до Москвы, ценой потери Петрограда. В таких условиях тяжело было бы сохранить Советскую власть. Для осуществления такой «кутузовской» стратегии в тех условиях нужен был широкий патриотический фронт, как минимум — союз с социалистами, то есть восстановление прав Учредительного собрания (на иных условиях политический союз был невозможен). А это означало превращение большевиков в младших партнеров левой коалиции. Так что у Ленина были и внутривнутриполитические мотивы добиваться заключения мира даже на тяжких условиях. Иначе власть большевиков сохранить было практически невозможно.

Очевидно, что Брестский мир был вынужденным, возможности удерживать существовавший фронт против Германии практически не было. Позиции России на переговорах были ослаблены германо-украинским сближением. Перспектива перехода к маневренной и полупартизанской войне рассматривалась, но была отвергнута.

При первой возможности, после начала революции в Германии Россия 13 ноября денонсировала Брестский мир, и с конца 1918 г. Красная армия развернула наступление в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Но весной 1918 г. заключение Брестского мира стало одной из причин начала широкомасштабной гражданской войны и интервенции со стороны как держав Центрального блока, так и Антанты, пытавшихся использовать Россию в интересах своей победы в Первой мировой войне.

Красногвардейская атака на экономику

Настаивая на заключении Брестского мира, Ленин рассчитывал на «мирную передышку», которая позволит осуществить конструктивные задачи социалистической революции, создать основы общества, которое даст возможность России выйти из социального кризиса и продемонстрировать миру преимущества социалистической системы, что само по себе будет способствовать мировой революции,

представив ей конструктивную практическую модель успешного социально-экономического устройства¹.

Большевики объявили курс на социалистические преобразования, но в чем же они могли заключаться? Социалистические теоретики обсуждали два пути к посткапиталистическому обществу: через переход предприятий в руки их коллективов (снизу) и обобществление всей экономики в систему, работающую по единому плану (сверху)². Коммунисты надеялись, что пути сверху и снизу вполне совместимы. Но большевики не смогли построить систему, основанную на балансе таких важнейших составляющих революции, как самоорганизация, низовая инициатива, производственная демократия, с одной стороны, и единство экономической системы, ее целенаправленное регулирование — с другой.

14 ноября был введен рабочий контроль над производством. В условиях развала капиталистической промышленности рабочие поддерживали введение контроля над работой предприятий со стороны избранных ими органов, как правило, фабрично-заводских комитетов (ФЗК). В случаях острых конфликтов с предпринимателями или их попыток изъять капитал из производства ФЗК брали управление предприятиями в свои руки, иногда добиваясь при этом национализации фабрик и заводов. Рабочее самоуправление пока не приобрело опыта хозяйствования, тем более в ситуации распадающихся экономических связей. Назначение на предприятия государственных управляющих не спасало ситуацию, так как их компетентность, как правило, была низкой.

Как пишет историк А.В. Гоголевский, огосударствление «в ряде случаев осуществлялось под нажимом рабочих. Анализ протоколов общих собраний на предприятиях, а также изучение материалов фабзавкомов позволяет прийти к заключению, согласно которому один из побудительных мотивов национализации заключался в распаде прежнего хозяйственного механизма. Перед рабочими возникала дилемма: либо добиваться передачи управления предприятием своим организациям, либо остаться на улице без средств к существованию»³.

До конца 1917 г. было национализировано 298 предприятий, а в январе–марте — 538, то есть около четверти учтенных предприятий (по другим данным, даже 836 предприятий)⁴. Это был обширный, но

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М., 1962. С. 250–251.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007.

³ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. СПб., 2005. С. 199.

⁴ Ирошников М.П. Первые 124 дня // Утро страны Советов. А., 1988. С. 25; Соколова Е.К. Око рабочих. М., 1988. С. 41.

очень разбросанный, не организованный в единое целое сектор. В металлообработке и горнодобывающей отрасли доля национализированных предприятий достигла к началу июня 50%, на Урале — 80%¹.

Хаотичную национализацию Ленин весной 1918 г. назовет «красногвардейской атакой на капитал», имея в виду и роль низовой инициативы, и бессистемную радикальность инициаторов. Правда, без поддержки Совнаркома атака не состоялась бы.

Большевики рассчитывали, что фабзавкомы, органы рабочего контроля, профсоюзы и Советы будут работать по единому плану. Для регулирования экономики и управления государственным сектором 2 декабря был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Управление национализированными предприятиями производилось через отраслевые главки (главные управления). Первоначально в руководство главком входили треть от профсоюзов, треть от ВСНХ и треть — от бывших хозяев, готовых сотрудничать с государством.

«Кризис-менеджмент» большевиков оказался неудачным, им не удалось сделать из разнородной государственной промышленности «мотор» преодоления экономического кризиса. Не были решены даже проблемы, которые напрашивались на роль промышленного «драйвера» — конверсия военной промышленности, ремонт паровозов и вагонов, наведение порядка на железных дорогах². 19 декабря была национализирована банковская система. Убыточный государственный сектор гирей повис на государственных финансах. В условиях рыночной экономики он бы эти финансы утопил. Но не таковы были большевики, чтобы отступать перед «законами капитализма». Руководители советской экономики надеялись, что государственный банк поможет регулировать развитие промышленности и обмена, но для этого не было как минимум подготовленных кадров. Национализация банков подорвала рыночный обмен. Кроме всего прочего, она привела к задолженностям по зарплатам, так как частные предприниматели не могли своевременно снимать средства со счетов³. Ломая рыночную систему, большевики должны были срочно предложить что-то взамен. Но они продолжали спорить о грядущих формах государственного регулирования и управления⁴.

¹ *Василькова А.И.* Экономическая платформа партии большевиков накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 128–129.

² См., например: *Шубин А.В.* Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 222–223.

³ *Хазисб Р.А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах. Хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007. С. 47.

⁴ См.: *Шубин А.В.* Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 207–236.

Уже в декабре 1917 г. Ленин внес в ВСНХ предложение проработать декрет о национализации всех акционерных обществ (что фактически было сделано через полгода). По свидетельству Н. Осинского этот декрет предполагал также введение всеобщей трудовой повинности и приписку всех граждан к потребительским обществам¹. ВСНХ не решился ввести в действие этот план, потому что управленческим способностям фабзавкомов не доверяли, а своих управленцев для всех предприятий у Советской власти не было.

19 марта на заседании ВСНХ В. Милютин выступил за использование в управлении национализированными предприятиями «организаторских сил буржуазии». Возражая ему, Ю. Ларин утверждал, что нужно сломить сопротивление класса буржуазии даже ценой хозяйственных разрушений. Преобладание получила позиция Ларина².

Но в апреле Ленин в своем докладе «Очередные задачи Советской власти» в принципе поддержал идею Милютина. Тогда президиум ВСНХ вступил в переговоры с предпринимателем А. Мещерским о создании металлического треста из 14 крупнейших предприятий России. Переговоры вел Ларин, и они оказались скорее разведкой. Выяснив планы Мещерского, 14 апреля Президиум ВСНХ решил строить организацию машиностроения «как единое государственное предприятие»³. Поскольку не хватает компетентных специалистов для всех предприятий, предполагалось централизовать промышленность настолько, чтобы небольшое количество опытных «топ-менеджеров» могли отдавать приказы нижестоящим управленцам. Власть рабочих таким образом заменялась властью технократии.

Большевистские лидеры надеялись, что национализация и плановое хозяйство позволят сконцентрировать ресурсы на решении народнохозяйственных задач, которые были не по плечу капитализму. 10 и 14 мая Совнарком обсуждал смету Комитета государственных сооружений по работам на водных путях, включая Волго-Донской канал и шлюзование по рекам Туре, Тоболу и Томи. На это было выделено 14 млн рублей. Причем 6,5 млн — на Волго-Донской канал⁴, в районе которого уже разгоралась Гражданская война. Он был построен только в 1952 г.

Попытка выйти из социально-экономического кризиса с помощью наращивания государственного вмешательства только усили-

¹ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 33.

² Там же. С. 43–44.

³ Там же. С. 45.

⁴ Генкина Э. Б. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник. М., 1982. С. 30–31.

вала неразбериху и конфликты государственных управленцев с трудовыми коллективами. Сделки на каждую продажу текстиля фабрикой регламентировались в специальной комиссии Центроткани, но фабрики прибегали к бартеру, неподконтрольному главку¹. На ткань можно было выменять больше продовольствия, чем на деньги по госрасценкам. Попытка чиновников Центроткани управлять распределением тканей привела к затовариванию, на некоторых складах ткань стала портиться. И это в условиях тотальной нехватки тканей в России².

Затоваривание тканей было «первым звонком», предупреждавшим о коренном пороке государственного распределения, которое порождает дефицит даже при избытке продукции. Чиновник не торопится выпускать ресурсы из своих рук, и он, в отличие от потребителя, частного собственника или производственного коллектива, никак не страдает от того, что продукция медленно уходит со складов. В то же время чиновнический аппарат работал медленно из-за перегрузки делами, которые наваливались на сотрудника — ведь государство брало на себя полномочия, которые раньше реализовывались рынком. И пока перегруженный делами чиновник не давал санкцию на движение продукта — продукт просто не двигался, оставаясь на складе.

Государственное регулирование, которое по замыслу большевиков должно было обеспечить выход из кризиса, удушало производство, так как государственные структуры вместо установления правил пытались управлять хозяйством страны в ручном режиме. В результате возможность сбыть продукцию зависела уже не от потребителя, а от чиновника, который далеко не всегда понимал нужды производства, потребителя и вообще не успевал досконально изучить ситуации, которыми пытался управлять.

В марте 1918 г. ВСНХ принял решение, что главки должны назначать на предприятия своих комиссаров, технических и административных директоров. Из них только административный директор был подконтролен хозяйственно-административному совету, в котором рабочие занимали до половины мест³. Комиссары, как правило, плохо разбирались в делах предприятий. Как говорилось в мае на Уральском областном съезде по проблемам национализации о предприятиях Богословского округа: «началось паническое бегство из округа рабочих и служащих... неимоверно сократилось производство за-

¹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 75. Л. 33.

² Чураков Д.О. Фабзавкомы в борьбе за производственную демократию. Рабочее самоуправление в России. 1917–1918 годы. М., 2005. С. 284.

³ Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 — июнь 1918 г.). М., 2015. С. 461–462.

водов, остановился целый ряд производств. Назначенных комиссаров... с утра до вечера осаждала толпа требующих денег. В течение нескольких дней сменилось пять комиссаров»¹. Не имея достаточных средств, государство склонялось к закрытию производств. Но это вызывало сопротивление коллективов. «Рабочие не соглашались с закрытиями предприятий, объявленных властями, либо ввиду нехватки топлива и сырья, либо из-за саботажа бывших владельцев, и пытались наладить производство собственными силами. Соответствующие решения принимали, как правило, общие собрания рабочих, а иногда — большевистские организации фабрик и заводов. В начале 1918 г. общее собрание рабочих Петроградского механического завода опротестовало постановление правления остановить предприятие из-за окончания военных заказов и поручило завкому перепрофилировать производство. Вскоре завкому удалось наладить на заводе ремонт автомобилей. Благодаря рабочим сохранилось крупнейшее в России предприятие по изготовлению резиновой обуви — завод “Треугольник”»².

Большевистский социально-экономический проект был направлен на замену капиталистической системы нерыночной системой продуктообмена, управляемой государственным центром. Такой переход не может произойти постепенно, плавно. Самим фактом своей победы сторонники социализма ускоряют отток капитала и разрушение капиталистической экономики. Но именно поэтому производство оказывается в тяжелом положении. Переходные состояния, где сохраняется распоряжение производством капиталистами, позволяют им выводить капиталы из производства. Начав разрушение капиталистической экономики, ее нужно как можно скорее заменить другой, причем целостной. А в начале 1918 г. некапиталистические элементы экономики представляли собой плохо состыкованные части недостроенного здания.

Сферы компетенции разных уровней управления экономикой не были четко определены, возникали конфликты между органами самоуправления и регионального управления, что порождало экономический хаос. Нужно было выбирать — или самоорганизация, самоуправление, низовая демократия, или «строительство» сверху нового строя, управляемой из единого центра экономики, работа которой основана на строгом принуждении к выполнению решений государственного центра. Советская самоорганизация была для

¹ Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 — июнь 1918 г.). С. 47.

² Гоголевский А. В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 212.

Ленина средством, а коммунизм — целью. Он взял курс на усиление централизации управления, предложил завершить «красногвардейскую атаку на капитал» и заменить ее систематической национализацией.

Государство должно было обеспечить прозрачные правила экономической игры — либо рыночной, либо кооперативной, либо жестко централизованной. Но как раз с этой задачей оно не справилось.

В условиях индустриальной модернизации, когда сохраняется многосекторная экономика, государство должно концентрировать ресурсы на узких производственных направлениях, необходимых для развития остальной экономики. И чем шире фронт государственного вмешательства, тем ниже его эффективность. Сознание даже компетентного чиновника не может вместить все факторы производства, распределения и потребления. Члены коллектива лучше государственного управленца понимают, что происходит на их предприятии, а потребитель — что бы он хотел на самом деле приобрести.

Важным ресурсом экономики, который предоставляет ей революция, становится энтузиазм трудящихся в условиях производственной демократии. Осознав себя хозяевами предприятия, работники готовы через сегодняшние тернии идти к завтрашним звездам, жертвуя сиюминутными удобствами и раскрывая творческий потенциал. В ходе революции происходило распространение демократии с элитарных сфер на все стороны жизни, на повседневность, производство, жизнь кварталов и дворов. Допустимо ли это? Если простому человеку можно доверить выборы президента и депутата, о которых он толком ничего не знает, почему нельзя приобщить его к принятию решений в тех вопросах, в которых он действительно разбирается, потому что сталкивается с ними в реальной жизни каждый день? Самоорганизация и низовая демократия (а именно она и является настоящей демократией) показали себя как источник человеческой энергии, меняющей социальные условия. Но она может найти и разрушительные выходы и работать конструктивно и творчески.

В развитии низовой, особенно производственной демократии есть свои трудности, связанные с проблемой компетентности тех, кто принимает решения. Первоначальный уровень компетентности большинства людей в области управления низок. Но то же самое можно сказать и о чиновниках, которые то и дело поражают граждан некомпетентностью своих решений. Компетентность может приобретаться с опытом участия в управлении, которого массы трудящихся обычно лишены. Производственная демократия опасна не более чем произвол капиталиста и чиновника. Важно, чтобы разные способы

принятия решений уравнивали друг друга и сочетались по понятным и признаваемым правилам.

Это — важнейшие уроки попытки выйти из капитализма в 1917–1918 гг. Практические результаты хозяйствования Советской власти оказались разочаровывающими. Они не вывели Россию из тяжелого социально-экономического кризиса. Напротив, он значительно углубился, что стало одной из причин широкомасштабной гражданской войны, с мая 1918 г. бушевавшей на просторах бывшей Российской империи еще несколько лет после завершения Первой мировой войны.

Власть Советов и Советская власть

В 1918 г. экономические институты были теснейшим образом связаны с политическими. Советская система выстраивалась с двух сторон. В Петрограде отрабатывалась работа ее управленческого ядра. На местах творчество масс формировало практику самоорганизации активной части рабочих и крестьян. Власть Советов устанавливалась местным большевистским и левоэсеровским активом на местах почти самостоятельно от центра, но центр выстраивал централизованную кадровую машину с тем, чтобы позднее протянуть нити управления в каждую точку России.

Советская система была основана на высокой вертикальной мобильности, черпая кадры и мнения с нижних этажей социальной иерархии. Однако принятие решений многочисленными форумами просоветского актива (с небольшими вкраплениями актива несоветского) оказалось не лучшим способом организации власти с точки зрения эффективности. Большие форумы подвержены ораторской манипуляции. Но если делегаты все же берутся всерьез обсуждать решения, а не просто принимать проекты, предложенные партийными аппаратами, то обсуждение и принятие решения движется крайне медленно. Тем более — в отсутствие соответствующих навыков у делегатов.

Советская система становилась перед выбором: либо создание более компактных Советов, на каждом уровне состоящих из делегатов нижестоящих организаций и выполняющих их волю, либо превращение в совещательные органы при управленческой вертикали Совнаркома, поглощающей аппарат Советов. Эта альтернатива проявила себя весной 1918 г. перед лицом острых социальных вызовов.

В деятельность Советов и общественных организаций, по данным СНХ Северной области, к 1 апреля 1918 г. были непосредственно во-

влечены только 1,84 % рабочих¹. Это значит, что рабочий класс, время от времени голосуя на выборах в Совет, был занят проблемами своей семьи и своего предприятия, а более широкий круг вопросов «пролетарской власти» решали активисты, фактически ушедшие с предприятий на советскую работу. Но и внутри Советов власть была в руках не всех депутатов, а концентрировалась в исполкомах. Рядовые депутаты могли участвовать в обсуждениях общих вопросов или влиять на проекты решений в комиссиях, но практические решения принимались на исполкоме или даже его президиумом. Само по себе это не противоречит принципам демократии при условии, если бы рабочие могли в любой момент заменить представляющего их депутата, а депутаты держали бы под контролем исполнительные органы Совета. В теории преимущество Советов как раз и должно было заключаться в реальном праве отзыва депутатов и нераздельности представительной и полностью подчиненной ей исполнительной власти. Но это — в теории.

Депутат Петросовета эсер В. Каплан рассказывал: «Считают, что Советы обладают властью, — на самом деле Петроградский Совет, напр., никакой власти не имеет, он и не знает, что творится в правительстве, ждет, что скажет председатель, открывает прения по указке председателя, голосует по указке, отклоняет все попытки оппозиции отстоять свое мнение тоже по указке...

В ряде городов Советы ведут борьбу за свое существование, когда избирателям удастся отозвать мертвые души оттуда и сделать что-либо для оздоровления советской работы»². Советская верхушка управляла от имени рабочих и крестьян.

Левый эсер М. Левенсон подтверждал: «В Петрограде власть Советов не существует, потому что Совет там фикция, и мы, работавшие в Петрограде, делали там все усилия, чтобы выкрутиться из этого положения, чтобы придумать какую-нибудь комбинацию, которая могла бы заместить Совет, пополнить это здание, которое там сейчас есть, по сути этой власти нет. Там недопустимо сейчас устроить пере-выборы Советов, потому что им оказывалось противодействие. Там оказались бы в большинстве меньшевики и правые с.-р., которые первое, что они сказали бы, — созвать Учредительное Собрание, и поэтому там выполнить свою роль Совету нет возможности. В Петрограде все в конечном смысле сводится к маленькой градоначальственной коллегии, которая не опирается на пролетариат Петрограда, потому

¹ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 42.

² Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006. С. 183.

что там пролетариата мало, а та часть пролетарского населения, которая отстранена, она выбирает не в пользу левых с.-р. и большевиков»¹. То есть, чтобы сохранить у власти сторонников принципа Совесткой власти, нужно было отстранять от власти депутатов Советов, которых выбирали туда рабочие и крестьяне, раздраженные политикой Советской власти. Этим подрывался как раз тот принцип советской демократии, за который выступали левые эсеры. Но логика событий вела их в фарватере большевиков, занявшихся превращением Советов в фасад авторитарного режима.

К тому же конструкция объединенных Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, создававшихся после III съезда Советов, давала преимущество солдатам над рабочими и рабочим над крестьянами. Например, Ржевский уездный съезд имел норму представительства 6 депутатов от волости, 1 депутат от 200–300 рабочих, до 500 рабочих — 2, до 1000 — 4, до 3000 — 8. Красноармейцы — до 200 солдат — 1, до 300 — 2, до 500 — 4². Ю. Мартов писал, что в Петросовете созданы «гнилые местечки» в виде частей Красной армии, которые имеют «четвертное против рабочих представительство»³. Меньшевики в своей листовке жаловались, что в ходе перевыборов Петросовета Красная гвардия разгоняла рабочие собрания, где ситуация складывалась не в пользу большевиков. На Трубочном заводе большевистский завком пригрозил, что перевыборы могут привести к остановке завода (завод, впрочем, вскоре и так прекратил работу из-за отсутствия заказов)⁴.

Ю. Мартов настаивал, что «нет никакой советской власти, и нет никакой власти пролетариата... В действительности “советская власть” превратилась в... власть комиссаров, комитетов, штабов и вооруженных банд»⁵. Это было написано в апреле.

В действительности, по крайней мере до начала широкомаштабной гражданской войны в мае–июне, Советы сохраняли большие полномочия, конкурируя как с вышестоящими структурами, так и с оставшимися кое-где военно-революционными комитетами (ВРК), а в зонах боевых действий (прежде всего вдоль германского

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 389.

² Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 529.

⁴ Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 57–58; Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. С. 40.

⁵ Цит. по: Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. М., 2009. С. 187.

фронта и на Дону) — с военными штабами. В тылу у Советов было преимущество над чрезвычайными органами и пришлыми военными группировками. Например, в феврале–марте произошел конфликт такого рода в Орле, и Совет вышел из него победителем. В начале 1918 г. Ставка назначила в Орел верховного комиссара по охране порядка Сухоносова, отряд которого представитель Партии левых социалистов-революционеров (ПАСР) охарактеризовал как пример «шляющейся банды». Сухоносов устраивал облавы и реквизиции, во время пьяной пирушки затеял стрельбу из револьвера и убил двух девушек. Комиссара мог бы урезонить Совет, но Сухоносов его арестовал. Однако у сторонников Совета была своя вооруженная сила, включая пулеметы и орудия. В центре Орла завязалась перестрелка, Сухоносов был разбит и арестован. Несмотря на то что конфликты с военными начальниками разного калибра продолжались, текущая работа по управлению Орлом оставалась в руках Совета¹.

Советские партии тоже умирляли своих зарвавшихся деятелей. Так, в Рязанской губернии был создан ВРК во главе с левым эсером Е. Муравьевым, члены которого позволяли себе злоупотребления властью при реквизициях и даже производили расстрелы. 18 марта губернский Совет принял решение о ликвидации ВРК, но тот не подчинился. 16 апреля ЦК ПАСР отстранил членов ВРК от общественной деятельности. Зарвавшиеся ревкомовцы были отстранены от власти².

В ходе перевыборов уездных Советов в первой половине 1918 г. большевики получили 39 % мест, сочувствующие им — 8,5 %, левые эсеры — 12 %, меньшевики, эсеры, анархисты и представители других партий — 7,3 %, беспартийные — 32,2 %³. За большевиками шла не только беднота, крестьянские активисты делились по принципу лояльности к власти. Ведь после ухода левых эсеров из правительства принадлежность к большевикам стала карьерным преимуществом.

В условиях социально-экономических трудностей, которые контрастировали с популистскими обещаниями большевиков осени 1917 г., перед ними встала угроза потери большинства в городских Советах. Большевики не собирались уступать власть, но Петроградский и Московский Советы нельзя было разогнать по примеру Учредительного собрания. Однако можно было закрепить там свои позиции независимо от настроений избирателей — вовлекая рабочий ак-

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 286–287.

² Леонтьев Я.В. Трижды исключавшийся, или Вехи политической биографии Е.Ф. Муравьева // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 84.

³ Соболева П.И. Борьба большевиков против эсеров и меньшевиков в период упрочения Советской власти. М., 1961. С. 62.

тив в работу исполнительной власти, превращая наиболее активных и лояльных новой власти бывших рабочих в кадровый состав новой бюрократии.

Членам исполкомов, как правило не имевшим управленческого опыта, приходилось теперь решать самые разнообразные вопросы, превышающие сферу компетенции дореволюционной администрации. Они определяли и порядок выдачи продовольственных пайков, и возможность проведения религиозных собраний, и правила обысков и арестов, и даже разбирали инциденты с хулиганами в учебном заведении — десятки пунктов повестки дня в день¹.

Понятно, что при широкой компетенции и низкой компетентности, высокой интенсивности работы и отсутствии времени на изучение решаемой проблемы качество работы Советов было не велико. Зато Советы воспринимали себя как плоть от плоти масс, их депутаты знали непосредственно жизнь, которой пытались управлять, и надеялись на поддержку населения в осуществлении своих начинаний. Как говорилось в резолюции Зубцовского Совета Тверской области, «только единодушный взрыв народного энтузиазма и максимальное проявление всех творческих трудовых народных масс может вывести народ к лучшей доле из того ужасного экономического кризиса, который передан по наследству буржуазно-оборонческим течением»². Спору нет, наследство Советам досталось неважное. Но энтузиазм длится недолго, особенно при отсутствии очевидных успехов. В середине февраля 1918 г., когда принималась эта резолюция, на повестке дня этого Совета была рутина и конфликты в среде «творческих трудовых народных масс».

Местные органы Советской власти, включая и Московский регион, в этот период ревностно отстаивали права своей автономии от покушений со стороны центральной Советской власти. Так, 4 апреля Московский революционный трибунал ответил на требование наркомата юстиции РСФСР закрыть оппозиционные газеты «Вперед» и «Новое Слово»: «...не входя в обсуждение существа дела, обратить внимание центрального Совнаркома на то, что никакие органы местного Совета управления не могут получать предписаний от кого бы то ни было непосредственно, кроме создавшей эти органы Советской власти, к посредству таковой и следует обращаться всем Центральным учреждениям, нуждающимся в содействии этих органов»³. Вассал моего вассала — не мой вассал.

¹ Например, протоколы заседания исполкома Богородского Совета рабочих и солдатских депутатов в феврале–марте 1918 г. ЦГАМО. Ф. 2446. Оп. 1. Д. 49. Л. 11–16.

² Там же. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 об.

³ Там же. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.

Москва отгораживалась от потоков населения. В апреле было принято постановление о въезде в Москву только по служебным делам советских органов и «общественных организаций, находящихся под контролем Советов»¹. Каждый прибывший должен был зарегистрировать свою командировку в комитете по эвакуации и по отбытии погасить ее на вокзале², а иначе могло произойти задержание патрулем. Нарастание запретов вело к злоупотреблениям. Тут же стало известно, что Клинский совдеп (в документе зачеркнуто, и написано более нейтрально — в Клину) выдает удостоверения на въезд в Москву за плату³.

Московская область планировала введение собственных денежных бонов и даже выплатила за их эскизы художнику Фидилееву 3500 рублей⁴.

Советы старались не выпускать ресурсы из своих рук. Бюллетень ВСНХ сообщал 13 мая: «Исполнительный комитет лесозаготовочного союза телеграммой от 22 апреля извещает, что местные Совдепы продолжают арестовывать заготовителей, накладывать налоги и конфисковывать топливо и лесные материалы, предназначенные для железных дорог, фабрик и заводов»⁵.

Только половина Советов ввела регулярное налогообложение доходов. Их было трудно контролировать. Столкнувшись с нехваткой средств на свои мероприятия из-за инфляции, местные Советы принялись обкладывать имущественную элиту контрибуциями. А. Рыкову писали 24 марта из Ефремова, что Совдеп наложил контрибуцию в 4 млн на город и уезд. Кто не платит, подвергается арестам и конфискации имущества, но «ставка обложения в громадном большинстве превышает во много раз стоимость имущества. Разрушается торговый аппарат, душится частная инициатива, вносится разруха в хозяйственно-экономический строй уезда. Тормозившаяся губернским продкомом закупка овса начала налаживаться. Настоящее время постановление Совдепа, отнимая оборотный капитал, уверенность в личной безопасности наших контрагентов, проваливает все дело! Следствие наступившей распутицы подвоз возможен не более недели. Голодающие губернии останутся без хлеба, обсеменения»⁶. Контрибуции сокрушали старую имущественную элиту, но советское государство еще не могло без нее обойтись, не наладило иных,

¹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 114.

² Там же.

³ Там же. Л. 99.

⁴ Там же. Л. 89.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 75. Л. 87.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 82. Л. 2.

нерыночных отношений. А значит, на месте рыночного обмена воцарялась разруха.

Тяжелое продовольственное положение способствовало росту конфликтов между Советами в борьбе за ресурсы. Так, острый конфликт разгорелся в мае между Ржевом и Тверью. На заседании исполкома Ржевского Совета 10–11 мая говорилось, что Тверь захватила 20 вагонов продовольствия, предназначенных для Ржевского уезда. Поскольку Ржев входил в состав Тверской губернии, это был акт произвола со стороны вышестоящих властей. Но ржевцы не были намерены с этим мириться, и член исполкома товарищ Тимофеев предложил отделиться от Твери. Товарищ Суворов возразил ему, что ржевский исполком на это не полномочен без уездного съезда (то есть сама возможность такого сепаратизма не исключалась). Председатель исполкома товарищ Алексеев подытожил, что пока нужно требовать свои вагоны у Твери, жаловаться в Москву и ждать реакцию центра. Решили направить в Москву делегацию и требовать, чтобы грузы шли в Ржев, минуя Тверь. А «если в спешном порядке центральная власть не примет меры к устранению игнорирования Ржева Тверью, иском снимает с себя ответственность за возможные анархистские выступления против Твери за несправедливое распределение вагонов хлеба на ржевский уезд»¹. Чтобы заручиться поддержкой в борьбе против тверских властей, ржевский исполком в мае созвал уездный съезд².

На съезде Советов Зубцовского уезда депутаты говорили о самозахватах леса, нехватке керосина и голоде. Представитель Игнатовской волости жаловался: «Смоленская губерния, граничащая с нами, угрожает придти вооруженными, если им не дадут дров»³.

Некоторые советские органы шли по пути сепаратизма дальше ржевского уездного исполкома. 2 апреля районный съезд в г. Кимры создал самостоятельный уезд, что должно было облегчить поиск продовольствия без оглядки на прежнее уездное начальство. Учредительный уездный съезд в Кимрах постановил: «ввиду того, что в нашем районе поступление продуктов совершенно отсутствует, а также существующие твердые цены слишком низки и не соответствуют дороговизне жизни, предлагает:

1. Получение и покупка хлеба должна быть в хлебобродных губерниях самостоятельна уездными отделами снабжения.

2. Твердые цены должны быть изменены, ввиду повышения цен на предметы первой необходимости.

¹ ЦГАМО. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–24 об.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 10.

3. И ходатайствовать перед высшими органами власти о немедленном созыве Всероссийского съезда по продовольствию»¹.

Таким образом, образовался замкнутый круг, когда в условиях дезорганизации товарообмена Советы вступали в борьбу за ресурсы, прежде всего продовольственные, и это, в свою очередь, вело к еще большей дезорганизации снабжения, дальнейшему нарастанию продовольственного кризиса. Это не было его причиной, но усугубляло ситуацию. До середины 1918 г. советская система была «не достроена», в ней не было единых принципов организации, зато быстро накапливались противоречия между разными уровнями власти и территориями. Весной 1918 г. пора было делать выбор — или каждый Совет получил свою ясно очерченную сферу компетенции, в рамках которой даже Совнарком должен с ним договариваться, или структуры всех Советов должны быть твердо подчинены общей иерархии с центром в Совнаркоме, и от советской демократии придется отказаться.

Очередные задачи Советской власти

В первые месяцы Советской власти большевики открывали кингстоны революции, впуская в государственную конструкцию поток низовой стихии. Первые месяцы после Октября ЦК большевиков занимался прежде всего борьбой за выживание нового режима, большой политикой, мирными переговорами, отдавая дело радикального социального преобразования на откуп массам. Революция — это творчество масс. Фабрики — рабочим. Вот и берите их, пытайтесь управлять (а как это делать в условиях распавшихся рыночных связей и несформированности новых?). Земля — крестьянам. Вот и делите ее, как сочтете нужным. Только в январе левые эсеры разработали закон о социализации земли, который в основном соответствовал концепции, общей для эсеров — как левых, так и оставшихся в ПСР². Но возможность полностью соблюдать этот закон не была обеспечена, и большевики были готовы отдать передел земель на волю крестьянской стихии. Все равно позднее крестьянские наделы будут объединены в крупные коммунистические хозяйства. Рабочие и крестьяне организованы в Советы. Им и переходит власть, управляйте своей жизнью, как сочтете нужным.

Впервые высшее руководство России так безоглядно пошло на встречу требованиям, действительно вызревшим в народе. Большеви-

¹ ЦГАМО. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12. А. 22–22 об.

² Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 245–248.

ки предложили массам опробовать все самим. Если что не получится — убедитесь на собственном опыте. Пустив народную инициативу на «самотек», большевики отчасти дискредитировали ее и потом забрали выданную свободу назад.

Был ли это циничный расчет? Нет, все было сложнее. Марксистский проект не разделял демократию и авторитаризм, а соединял их в одно целое. Если подряд прочитать две работы Ленина — «Государство и революция» и «Очередные задачи советской власти», может возникнуть впечатление, что писали их непримиримые противники. Биограф Ленина Л. Фишер считал, что весной 1918 г. «“Государство и революцию” можно было сдать в музей»¹. Эта работа, написанная до Октября — труд ультрадемократа. По идее Маркса и Ленина, изложенной здесь, государство после революции сразу же начинает отмирать в пользу общественной организации рабочих. Трудящиеся легко справятся с задачами управления, насилие может понадобиться только в отношении сопротивляющихся эксплуататоров. Пролетариат вырабатывает важнейшие решения сам и выносит их в центр через свободную демократическую советскую систему. Массы будут добровольно следовать этому своему свободному решению. Так считал Ленин летом 1917 г.²

Весной 1918 г. перед нами Ленин — менеджер и управитель. Он рассуждает о том, что русский человек — плохой работник, и нужно бороться с разгильдяйством с помощью репрессий и системы Тэйлора. Ленин размышляет о том, как государство будет организовывать жизнь миллионов людей, вникая во все стороны их жизни.

Интересно, что сам Ленин не считал идеалы «Государства и революции» устаревшими — эта работа была напечатана в 1918 г. А основные тезисы «Очередных задач» были сформулированы Лениным во время рождественского отпуска в декабре 1917 г. Две работы Ленина — это две стороны одной стратегии.

После первых месяцев интенсивной работы, «бури и натиска», Ленин на Рождество ненадолго уехал из Петрограда отдохнуть и осмыслить дальнейшие шаги и перспективы. 24–27 декабря появилась серия набросков, которые тогда не были опубликованы, но в которых явственно проступают идеи будущих «Очередных задач» — пришлось подождать еще три месяца, пока внимание Ленина было приковано к разгону Учредительного собрания и отношениям с Германией в связи с брестской драмой.

¹ Фишер Л. Жизнь Ленина. М., 1997. Т. 1. С. 348.

² Подробнее см.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34; Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г. М., 2014. С. 276–284.

Уже в декабре 1917 г. Ленин писал для себя, словно набрасывая «Очередные задачи...»: «Учет и контроль, как сущность социализма»; «Управлять предприятиями или дискутировать о социализме?»; «Дисциплина рабочих и босяческие привычки»; «Смертная казнь и расстрелы красногвардейцами воров»¹ (смертной казни официально еще нет, но видно, что Ленин предусматривает ее введение в ближайшее время). Но здесь же есть и мотивы, продолжающие «Государство и революцию»: «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству»².

Ленин считает, что путь к социализму идет через разрушение недемократических учреждений в армии, деревне и на фабрике. И такое разрушение практически закончено³. Подразумевается: то, что будет теперь строиться, принципиально демократично. Даже если оно будет основано не на самоуправлении, а на управлении сверху армией, деревней и фабриками. Но «социализма нельзя “вести”». Он «вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы и гражданской войны» и возникающей в этих условиях диктатуры пролетариата⁴. Разрушение капитализма неизбежно ведет к коммунизму. Ленин не учитывает перспективу социальной деградации. Но как же строить такую сложную организованную систему в условиях ожесточенной войны? Может быть, Ленин использует понятие «гражданская война» фигурально, недооценивая ее возможные масштабы в России? Для Ленина гражданская война — это повсеместная борьба сплоченных пролетариев и беднейших крестьян против буржуазии, синоним непримиримости, а не распада страны на воюющие друг с другом куски.

Очередные задачи, которые ставит Ленин, исходят из целостности страны: «Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, принудительная организация всего населения в потребительские общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и др. необходимыми предметами»⁵. Такова ленинская модель социалистического или почти социалистического общества. Она универсальна — все работают на государство (национализация) и получают продукты от него (государственная монополия), через потребительские общества, в которых нужно состоять обязательно, принудительно. Ленин подробно обдумывает устройство потребительских коммун, распределяющих все продукты, в том числе — и принадлежащие

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 188.

² Там же. С. 189.

³ Там же. С. 191.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ Там же. С. 196.

еще сохранившимся частным собственникам¹. «Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе, требует также — помимо «военных» мер подавления сопротивления эксплуататоров — громадных организационных, организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства»². То есть «труд на себя» — это труд на гигантскую государственную или межгосударственную систему, организованную по единому плану. Вновь и вновь Ленин повторяет лозунг «учет и контроль»³, который будет ключевым и в «Очередных задачах Советской власти».

Но путь к этой системе может быть еще спонтанным, по инициативе снизу, по «смелому почину». Ленин радуется, что рабочие выкидывают вон капиталистов и «работают на себя», но соглашается с ситуацией, когда капиталист пока остается на предприятии и лишь обуздан рабочим контролем⁴. Ленин хочет направить гнев и борьбу рабочих также против жуликов, тунеядцев и хулиганов. Они ведь останутся, когда в ближайшее время промышленность перейдет «в собственность всего народа»⁵. А жуликом, тунеядцем и хулиганом можно будет объявить и рабочего, и крестьянина, и интеллигента. На интеллигентов Ленин особенно раздражен из-за саботажа, добавляет «истеричек из интеллигенции» в список врагов рабочего класса, которых нужно «обезвреживать и истреблять»⁶. Но тунеядцев можно будет даже расстреливать по инициативе местных коммун⁷. До таких крайностей в публичном докладе «Очередные задачи Советской власти» Ленин уже не доходит, но в остальном декабрьские наброски — это полный конспект апрельского курса Ленина.

Таким образом, стратегия, изложенная в «Очередных задачах Советской власти» не была результатом неудачи большевистской стратегии самоорганизации, передачи полномочий на места. И то, и другое было частью единого замысла.

Марксистский проект, унаследованный Лениным, основан на полном экономическом централизме. До революции Ленин понимал социализм вполне ортодоксально: «Социализм требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 209.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 196–197.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же. С. 203.

⁷ Там же. С. 204.

Социализм требует, чтобы и земля, и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство»¹. Формально может существовать демократия, но общество должно развиваться по единому плану. План этот позволит реализовать высочайшие гуманистические идеалы, выдвинутые социалистической идеей. Но соблюдаться он должен неукоснительно, и сопротивление несогласных с общей хозяйственной политикой должно пресекаться. Без принуждения вряд ли может быть осуществлен такой всеобъемлющий план.

Уже дискуссия о рабочем контроле и формах осуществления «воли» рабочего класса отражала борьбу сторонников принципов самоуправления и государственного обобществления. Среди дискутирующих — в основном коммунистов — выделились два полюса. Сторонники первого выступали за широкий социальный союз разных слоев рабочего класса и интеллигенции, политическим выражением которого является многопартийное «однородно-социалистическое» правительство. Этот союз сможет обеспечить эффективное регулирование и планирование экономики. Сторонники противоположного подхода выступали за решительный разрыв со старыми общественными отношениями в пользу рабочего самоуправления в производстве и политике. Эти два подхода сосуществовали в большевизме, который был неоднороден, сочетая в себе социал-демократические и синдикалистские тенденции. Правобольшевистская тенденция была направлена на постепенное усиление государственного регулирования в союзе с буржуазными кадрами, пока их нечем заменить. Синдикалистская тенденция ставила на инициативу снизу, на вытеснение буржуазии рабочим самоуправлением². Ленин, поддержавший первоначально синдикалистскую тенденцию, был занят другими вопросами, но надеялся, что низовая инициатива удачно соединится с рациональным регулированием экономики, когда дойдут руки до его создания. Когда же выяснится, что инициативы снизу и сверху в «контроле» плохо сочетаются, Ленин, с присущей ему решительностью и однозначностью, сделал выбор между умеренным этатизмом и радикальной низовой инициативой в пользу радикального этатизма.

* * *

29 апреля Ленин выступил во ВЦИК с докладом «Очередные задачи Советской власти». Накануне он был опубликован в виде статьи. 3 мая провозглашенный в нем курс был в основном одобрен «со-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 81.

² См.: Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 207–236.

ветским парламентом». Речь в докладе шла о скорейшем переходе к социализму в понимании Ленина — нетоварному обществу, организованному как единая планомерная система производства и распределения продуктов. Позднее Ленин вспоминал: «Мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, — из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству... Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособлявшего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения»¹.

Пора заменять разваливающийся рынок новыми отношениями, коммунистическими по сути. На повестке дня стоит «созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»².

Утопия? Конечно не реалистично представление о том, что планомерно учесть все возможности и потребности людей сможет некий планирующий центр (даже если в нем будут заседать идеально умные и честные люди). Но как показывает история XX в., можно приблизиться к модели общества, где руководящий центр будет контролировать все — производство, потребности, поведение, как фабрикант на своем предприятии.

Во всяком случае, перед нами план не регулирования рыночных отношений, а план замены рынка нетоварными отношениями. В условиях сохранения многосекторной экономики это сделать нельзя. В «Очередных задачах Советской власти» Ленин планирует продолжить лишение капиталистов собственности: «в войне против капитала движения вперед остановить нельзя... продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо»³. Только теперь это нужно делать более упорядоченно.

На национализированных предприятиях уже вводятся по настоянию Ленина так называемые «Брянские правила» распорядка, устанавливающие режим беспрекословного подчинения начальству. Ленин требовал от рабочих и служащих: «Веди аккуратно и добро-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 197, 199.

² Там же. Т. 36. С. 171.

³ Там же. С. 176.

совестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде...»¹. Какой капиталист не согласится с тем, чтобы его работники были такими? Если рабочий не соблюдает правил, то он уже не рабочий, а хулиган — в такой же степени враг, как и эксплуататор: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов»². Жесткие меры нужны и против тех, кто может растащить добро «рабоче-крестьянского» государства. Чтобы не было сомнений в том, как надо их подавлять, Ленин пишет о «поимке и расстреле взяточников и жуликов и т. д.»³.

По мнению Ленина, «русский человек — плохой работник, по сравнению с передовыми нациями». Научить его работать может «последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора...» (конвейерная система, доводящая до максимума полноту эксплуатации человека в процессе производства). «Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области»⁴. Рыночная стихийность и спонтанность должны смениться порядком и управлением в единой государственной экономике, действующей как огромная фабрика. Эта стратегия была логичным продуктом индустриальной эпохи, которая превратила человека в придаток машины. Сторонникам Советской власти предстоял тяжелый выбор между провозглашенным ими демократизмом и задачами индустриальной модернизации.

Индустриализм плохо сочетается с народовластием, с участием рядовых людей в принятии общественно значимых решений. Индустриальной машине нужен идеальный исполнитель, человеческая деталь, а не существо, любящее порассуждать, отстаивать свое мнение. Начав воплощать в жизнь свой идеал централизованного коммунизма, лидеры большевизма неизбежно входили в конфликт с той народной стихией, которая привела их к власти.

Но для Ленина противоречия не было. Как автор работы «Государство и революция» он был готов сделать каждого «сознательно-го» рабочего частью системы власти. Как автор «Очередных задач Советской власти» он теперь требовал от каждого рабочего (он же — часть «пролетарского» государства) беспрекословного подчинения дисциплине этого государства — фабрики. Социалисты, включая левых эсеров, не узнавали в новом ленинском курсе пути к социализму. При обсуждении «Очередных задач» во ВЦИК представитель эсеров

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 174.

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 189–190.

Штейнберг воскликнул: «Почему же вы не заканчиваете: долой советскую власть!»¹ Ведь в условиях централизованно управляемого «общества-фабрики» для советской демократии не оставалось места. Что делать, если какие-то Советы не согласятся с планом? Как быть, если органы рабочего самоуправления откажутся переходить на систему Тэйлора?

Ответом на «Очередные задачи Советской власти» стали принятые Московским обкомом меньшевиков тезисы И. Исува, в которых говорилось: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер. Под флагом национализации промышленности проводится политика насаждения промышленных трестов, под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения восьмичасового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тэйлора»². Однако соглашения большевиков с буржуазией не произошло. Наступление на права рабочих развернула новая партийно-государственная элита.

Разворот ленинской политики от самоорганизации и автономии к тотальному централизму не мог не вызвать недовольства со стороны партнеров большевиков в Советах — левых эсеров и анархистов.

Советская оппозиция и антисоветские Советы

Весной 1918 г. нарастали противоречия между двумя основными партиями, поддерживающими Советскую власть, — Российской коммунистической партией (большевиков) (РКП(б)) и Партией левых социалистов-революционеров интернационалистов (ПАСР). Значение ПАСР для советской системы определялось тем, что, как пишет историк А. Рабинович на примере Петрограда, «левые эсеры были источником энергичных грамотных работников, зачастую бесконечно более преданных делу революции, чем набранные без разбора и в спешке новые члены большевистской партии»³.

В марте левые эсеры вышли из правительства, но остались во многих советских органах на местах и в коллегиях наркоматов, а также во Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и командном соста-

¹ Цит. по: *Павлюченков С. А.* Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. С. 47.

² Цит. по: *Подболотов П. А., Спиринов А. Н.* Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988. С. 79.

³ *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 394.

ве Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Эта новая ситуация оценивалась в партии по-разному, что проявилось на II съезде ПАСР 17–25 апреля. На съезде с правом решающего голоса присутствовало 58 человек, которые представляли более 61 тыс. членов партии из 28 губерний¹.

Одни делегаты съезда говорили, что после перехода в оппозицию в партию «прибывают все больше и больше новые силы», другие — напротив — что левые эсеры стали терять влияние на ход дел и на массы, которые настроены против продолжения войны. Обращения левых эсеров в центральные советские органы по местным вопросам остаются теперь без ответа, «нерв главный перерублен»². Для одних организаций ПАСР источником силы было крестьянство, а для других — посредничество между крестьянством и Советской властью.

Б. Камков доказывал, что революция делается не в правительстве, и нет оснований пересматривать решение о выходе из него. М. Спиридонова была недовольна решением об уходе: «Выход является преступлением по отношению к крестьянству, так как со стороны интересов крестьянства необходимо, чтобы аппарат центральной власти был у нас в руках»³. Уже страдает дело социализации. Тем более что большевики в силу своей программы «не могут нашу русскую национальную революцию провести так, как нужно было бы»⁴. Спиридонова выступала также против провоцирования войны с Германией, раз уж мир заключен. И. Штейнберг раскритиковал эту теорию национальной революции «при какой-нибудь Тверской губернии». Судьбы революции определяются международной расстановкой сил. К тому же большевики сворачивают с дороги социализма, пытаются договориться с буржуазией. А на местах «мы имеем демократическую бюрократию, но с худшими задатками, чем старая бюрократия, которая боялась, по крайней мере, Бога и начальства, а эти считают себя и богом, и царем, и начальством»⁵. Таковы были результаты наблюдений Штейнберга во время поездки в провинцию.

Слабым местом левых эсеров была их партийная организация, которая оставалась слабее, чем у большевиков. Мы видели, что и у большевиков партийные структуры были полны противоречий, но в 1918 г. большевики могли опереться на силу власти. Теряя власть, левые эсеры обнаруживали, что им теперь тяжело и непривычно дей-

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 425.

² Там же. С. 247, 257, 285.

³ Там же. С. 334.

⁴ Там же. С. 340.

⁵ Там же. С. 344, 346.

ствовать в оппозиции. Штейнберг говорил: «Отдавшись государственности, мы забыли о своей партийной работе»¹.

Главная проблема для ПЛСР после потери власти заключалась в том, что левые эсеры теряли рычаги в своем основном деле — социализации земли. Большевики пускают это дело на самотек, они не разделяют эту идею. Большевики «ни одной минуты не верили в социализацию земли, и лишь под давлением наших сил они должны были голосовать за социализацию земли², — говорил А. Колегаев. — Они только позволяют крестьянам проделывать опыт социализации земли, причем они убеждены, что из этого ничего не выйдет»³. Может быть, ничего страшного, крестьяне сами совершат социализацию на местах? Но социализация — это не просто раздел помещичьих земель, а равномерное перераспределение земель крестьянских. Оно требует кропотливой землеустроительной работы, на которую большевики перестали отпускать средства.

Столкнувшись с проведением социализации, левые эсеры обнаружили, что начислять землю точно так, как это предусмотрено в законе, невозможно, земли не хватает. И. Майоров говорил на II съезде ПЛСР: «Земли не так много, и даже нельзя ею наделить малоземельное крестьянство... Поэтому, если потребительскую норму брать за единицу измерения при наделении крестьян землею, то надо брать в каждом отдельном случае само крестьянское хозяйство, увеличение после определения так называемой ориентировочной нормы, т. е. нормы существующего нормального крестьянского надела, увеличенного за счет земель запасного фонда, в каждом данном случае»⁴. Майоров говорил, что сами крестьяне делят помещичьи усадьбы и наделяют землей малоземельных. Столыпинская реформа привела к тому что «это искусственное насаждение отчасти до известной степени насадило и собственническую психологию в самой крестьянской среде»⁵. А нужно, чтобы крестьяне в ходе землеустроительных работ обменивались землями для создания удобных одинаковых по размеру участков.

Для практических нужд крестьян Наркомат земледелия очень важен: «Если вся Русь стекается в Кремль, то четверть Руси стекается в крестьянский комиссариат. Все посылают с мест. Им нужно что-то получить, чем-то заручиться. Мы с этим не только не должны спорить и мешать этому, но в этом отношении должны явиться силой

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 348.

² Там же. С. 352.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 551.

⁵ Там же.

связующей, централизующей и регулирующей, потому что только в этом наше спасение»¹. Если ПЛСР хочет влиять на крестьянство и аграрную ситуацию, они должны контролировать Наркомзем.

В борьбе с собственническими инстинктами Спиридонова готова действовать против сегодняшней крестьянской психологии: «Здесь на съезде мы должны очень подробно и реально поговорить о том, как из нашего аграрного социализма сделать лозунги, которые сумеют крестьянство выбить из столыпинских позиций и вогнать в царство Божие»². Ради этого можно пойти на большие уступки большевикам во второстепенных вопросах.

Характерно, что проект социализации в понимании Спиридоновой отчасти противостоит частнособственническим («столыпинским») настроениям крестьян, которые Спиридонова надеется переломить как раз с помощью государственных рычагов. Но после ухода левых эсеров из правительства большевики стали саботировать социализацию, отказывая в финансировании ее институтов: Ленин, по существу, срывал социализацию, прекратив ее финансирование.

По оценкам левых эсеров, Совнарком должен был выделить для успешного проведения социализации земли 1200 тыс. рублей³. Спиридонова считала, что без государственных рычагов провести землеустроительные работы не удастся: «Даже эту социализацию земли крестьянство без помощи громадного политического аппарата не в состоянии будет осуществить, и когда Ленин с циничной усмешкой заявил нам, что двухсоттысячный кредит будет закрыт, и когда говорил: что вам заботиться о мужиках, они землю получили без вас, они землю разделят без вас. Землю они разделят без нас, но не социализируют ее. Это в наших руках. Мы должны дать возможность организовать сознание крестьянства в том духе, в каком мы хотим. Вы знаете, что земельные отделы за месяцы провели громадную работу, учет, сводку и распределение земли, а сейчас они все решительно заброшены за отсутствием материального питания. Они все без денег. На Всероссийском съезде чуть ли не клятвенно я давала обещание, и товарищ Колегаев и Майоров говорили, что деньги будут, пусть не уходят из земельных отделов, потому что лучшие работники-организаторы не получали в земельных отделах материальное питание. В последнюю минуту, когда мы должны были осуществить административно-практическое строительство через земельные отделы, в это время нам пришла крышка»⁴.

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 445.

² Там же.

³ Там же. С. 423.

⁴ Там же. С. 445.

С социализацией следовало спешить по внешнеполитическим причинам. В. Зитта говорил: «Позвольте привести целый ряд примеров из этой области в данное время, когда мы столкнулись с деятельностью Крестьянского и Дворянского земельных банков, мы натываемся на такое громадное участие иностранного капитала, главным образом немецкого, что, товарищи, поневоле приходишь в ужас. Что делать, когда нам на основании мирного договора скажут, что вы должны будете вознаградить все потери немецких подданных? Вам ясно будет, что государство должно платить целые громадные миллионы на выкуп за эти земли... В Германии открыты конторы по скупке наших земель»¹. Формально такая скупка была нелегальна уже после принятия в июле 1917 г. пролоббированного В. Черновым решения Временного правительства о запрещении земельных сделок. Но, опираясь на силу, Германия могла использовать этот фактор для давления на Россию. В августовском соглашении с Германией и ее союзниками Россия согласилась на выплату контрибуции, в том числе для компенсации имущественного ущерба германским собственникам. Правда, как мы увидим, на деле Ленин не собирался платить империалистам.

Левые эсеры были возмущены не только внешней и экономической политикой большевиков. Само государство Советов перестраивалось в свою противоположность. Как говорил на съезде Д. Черепанов, «централизация идет сверху донизу. Ведется борьба с самыми идеями федерализма, и не позже как на днях нам пришлось отстаивать в комиссии по выработке конституции Советской Республики автономию Московской области.

России суждено, по-видимому, послужить объектом для восприятия специфического суррогата марксизма»². Однако Ленин уже сделал выбор в пользу строгого централизма, и автономия Московской области доживала последний месяц.

Д. Магеровский с возмущением рассказывал, что, вопреки возражениям левых эсеров, большевики в конституционной комиссии добились ликвидации региональных советских республик, кроме национальных³. Он надеялся, что часть большевиков, которые работают в региональных советских республиках, поддержат левых эсеров, заступятся за федерализм и региональную автономию: «...когда нож из центра заносится над московской республикой, они восстанут против этого ножа, не дадут возможности убить московскую

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 418.

² Там же. С. 354.

³ Там же. С. 422.

республику»¹. Левые эсеры продолжают надеяться на размежевание в большевизме. Однако московские большевики при всем недовольстве Брестским миром и свертыванием региональной автономии, не были готовы бросить вызов партийной дисциплине и ленинской стратегии.

Магеровский говорил о том, что с мест обращаются за указаниями «на те основные принципы определенной и ясной организации, которые должны разграничить компетенцию местных Советов, компетенцию волостных, уездных, губернских и центра, потому что все это протекает чисто стихийно, благодаря тому или другому усмотрению местного Совета или того или иного комиссариата»². Левые эсеры становятся политическими защитниками такой альтернативы, когда кризис Советской власти разрешается путем не подчинения Советов Совнаркому, а разграничения компетенции всех уровней власти. При этом Магеровский показывает, что ведомства создают хаос ничуть не меньше местных Советов: «Каждый комиссариат считал необходимым сам толковать свою компетенцию, свои права, как по отношению к другим комиссариатам, так и по отношению к Российской Федерации. Эта неразбериха, которая имела чисто стихийный характер на местах, эта неразбериха подхлестывалась из центра...»³. Ведомственность и местничество — две беды советского управления на протяжении всей его истории. В 1918 г. Ленин резко повернул от местничества к ведомственности.

Левые эсеры возмущены и превращением советских представительных органов в фасад власти исполнительных структур: ЦИК превратился в «штемпелевщика, который накладывает свой штемпель к тому или иному акту, уже совершенному Советом Народных Комиссаров или Президиумом»⁴. Пленумы Советов и съезды носят агитационный характер, а затем разъезжаются⁵.

Говоря о необходимых преобразованиях советской системы, Магеровский отмечал, что поскольку Советы должны сочетать исполнительные и представительские функции, нельзя предоставлять отдельные полномочия наркоматам. Вышестоящие органы должны выпускать только общие директивы с тем, чтобы местные Советы в их осуществлении сохраняли полноту полномочий⁶.

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 423.

² Там же. С. 463.

³ Там же. С. 464.

⁴ Там же. С. 469.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 471–474.

Таким образом, у левых эсеров проявились острые противоречия с большевиками по всем основным направлениям политики: и по внешней, и по экономической, и по конституционному устройству государства. Значит ли это, что левые эсеры должны бороться за отстранение большевиков от власти? Но ведь тогда придется встать в один ряд со вчерашними врагами — эсерами, меньшевиками и теми, кто правее. Чтобы отстранить от власти большевиков и не пустить более правых социалистов, нужно взять власть в левоэсеровские руки и удержать ее. Реально ли это?

Спиридонова не верила, что в ближайшее время удастся получить влиятельное большинство на съездах которое сможет «овладеть аппаратом власти. Это, товарищи, утопично»¹. Следовательно, если партия намерена работать в советской системе, союз с большевиками необходим. Спиридонова считает, что удар по большевикам станет ударом по самой социальной революции, с которой большевизм сейчас неразрывно связан: «Свалим большевиков, а если свалим, то, значит, мы громим тот ход социальной революции, который сейчас намечается»². Критики большевизма на съезде повторяют «буквально Церетели и Чернова и других»³. Для Спиридоновой это недопустимо. Но левые эсеры остаются эсерами, и вполне естественно, что в их критике большевизма есть общие черты со взглядами эсера Чернова. Отстаивая демократические принципы в советской оболочке, левые эсеры упрекают большевиков за те же злоупотребления, что и меньшевики и эсеры, которые отстаивали демократию в парламентской форме.

Солидаризируясь с ветераном народнического движения М. Натансоном, Спиридонова поставила вопросы сторонникам разрыва с большевиками: «Может ли наша партия левых эсеров взять на себя смелость или мужество сорвать мир и взять на свои плечи ведение войны с германским империализмом? Это, товарищи, первый вопрос, и второй вопрос — может ли наша партия левых эсеров в таком составе, в каком мы в настоящий исторический момент застигнуты, с таким техническим аппаратом, который есть в наших руках, в таком количестве и качестве, какое имеется, быть гегемоном в социальной революции и взять на свои плечи весь государственный аппарат власти и руководство всеми делами нашего крестьянства и пролетариата, т. е. может ли наша партия в настоящий момент столкнуть, свалить в яму другую партию социального переворота, большевиков, и взять власть в свои руки. И третий вопрос — пусть мне товарищи,

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 441.

² Там же. С. 447.

³ Там же.

которые выступают сейчас с такой критикой и с таким неверием в силу социальной революции... дадут положительную программу, что положительного они сейчас могут внести в жизнь, что у них имеется в запасе, кроме критики и отрицания всех данных, организующих революционные силы и той партии, которая ведет это дело впереди всех, с победным знаменем на плечах и руках»¹.

Это было сказано 20 апреля, за два с половиной месяца до санкционированных Спиридоновой убийства Мирбаха и выступления левых эсеров. Что заставило ее поддержать самоубийственную для партии авантюру? Если на третий вопрос Спиридоновой было ответить несложно — левые эсеры отстаивали понимание идеалов Октябрьской революции, альтернативное большевистскому — то по первым двум вопросам ситуация принципиально не изменилась. Это ставит интересную проблему: почему Спиридонова и согласные с ней лидеры ПЛСР все же согласились санкционировать выступление 6 июля? Мы вернемся к решению этой загадки в другой главе.

Риторические вопросы Натансона и Спиридоновой не смутили Камкова. Он считал, что о срыве мира говорить бессмысленно, война фактически продолжается. «У нас такой выработался взгляд, что взятие Петрограда — это будет смерть революции, а вот взятие десятка других городов, с точки зрения дорогих наших товарищей, это не угроза и не смерть революции. Вот Москва и Петроград — это революционные аристократы, а Харьков, Курск и ряд советских губерний — там нужно все это делать»². Но значение столичных центров России и Харькова действительно было разным. Брестский мир сдерживал германскую экспансию южнее Курска и западнее Петрограда. Советские отряды пытались удержать Харьков, но не смогли. В условиях весны 1918 г. попытка отбить Харьков была бы авантюрой. Камков был прав в том, что Брестский мир не остановил войну на периферии Советской республики. Но он дал «передышку» ее центрам. Правда, социально-экономические надежды, которые Ленин возлагал на эту передышку, не оправдались.

«Можем ли мы взять власть в свои руки? — отвечает Камков на второй принципиальный вопрос левоэсеровской послебрестской политики. — Если бы большевикам был поставлен вопрос, могут ли они взять власть в свои руки? Кто помнит, как они комбинировали первый Совет Народных Комиссаров, как они искали министров, как они в панике находили людей.

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 440–441.

² Там же. С. 452.

Дыбенко был назначен не только потому, что он матрос, ну, действительно, никого не было»¹. Камков самоуверенно рассчитывал, что этот фокус выйдет и у левых эсеров — ведь они опираются на энергию масс. Но 6 июля массы отнесутся к выступлению левых эсеров довольно равнодушно.

Категорически за возвращение во власть был настроен А. Устинов: «Народ посылает нас в эту власть, мы не имеем права уходить из этой власти... Когда наш Центральный Комитет решился пойти против народа и против социальной революции, он сказал: “Мы выходим из Советской власти”, в которой мы обязаны участвовать, потому что это власть народа, я сказал: “Я не могу участвовать в Центральном Комитете, потому что это значит действовать против народа, а не с народом”»². После левоэсеровского выступления в июле, когда левых эсеров будут исключать уже и из Советов, Устинов вместе с Колегаевым примет участие в создании Партии революционных коммунистов, лояльной коммунистическому режиму.

Натансон был разочарован результатами выхода ПЛСР из Совнаркома: «Партия обязана быть во власти, должна пользоваться всем механизмом государственной власти для проведения социализации... Партия левых эсеров, раз она откажется от мандата, она явится предательницей крестьянских трудовых масс (Аплудисменты)». Б. Камков напомнил Натансону, что тот сам голосовал за выход эсеров из Совета народных комиссаров. На это Натансон ответил: «Я голосовал вот почему: я голосовал до съезда. Мы были в центральном комитете почти в большинстве и мы стояли на почве раскола. Вы раскольники. Все вы готовы были рвать. Я не хотел, чтобы наша молодая организация, старая наша партия революционного социализма распалась, чтобы ее драли на куски, а вы готовы были драть»³. Теперь Натансон настаивал на возвращении в Совнарком: «Комиссар земледелия должен войти немедленно в Совет Народных Комиссаров»⁴.

Натансон отмечал, что «есть вопросы определенные, фактические, в которых мы не можем идти против народа, раз большинство, а несомненно большинство Советов, большинство крестьян и рабочих стоит за то, чтобы подписать мир и он был подписан, мы в таком вопросе не можем идти силой против большинства»⁵. Нельзя вести войну «вопреки и без мандата народных масс»⁶. Более того,

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 452.

² Там же. С. 356–357.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же. С. 429.

⁵ Там же. С. 430.

⁶ Там же.

возобновление войны сделает левых эсеров частью проантантовского антисоветского блока. Натансон ставит вопрос: «Можем ли мы сбросить большевиков?» И отвечает: «Ну разве с помощью правых эсеров»¹. А могут ли левые эсеры без большевиков вести войну против немцев и можно ли ее сейчас вести вообще? Ответ был дан весной 1918 г. на Украине: «Вы обещали не сдавать Киев. Пока вы подготовлялись, у нас взяли Курск и Харьков»².

Однако эти аргументы не убеждали другую часть съезда. Е. Пятницкий так критиковал позицию сторонников восстановления коалиции с большевиками: «Подобно тому, как защитники вхождения в коалиционное министерство вместе с т. Черновым думали обжулить товарища Милюкова, так мы думаем обжулить товарищей большевиков. ...Мы хотим их обжулить и также, как Ленин хочет обжулить Вильгельма, повести по своему пути. Вообще эта политика обжуливания, обжуливания жуликов, иногда очень опасна и чревата последствиями самыми неблагоприятными»³. Да уж, по части искусства обжуливания трудно было превзойти большевиков. Ведь в конечном итоге они обжулили и Вильгельма.

Как бы левые эсеры ни критиковали большевиков, свергнуть их они тоже не могли — это означало бы и падение Советской власти, ради создания которой левые эсеры раскололись с Партией эсеров.

Как говорил В. Трутовский, «мы знаем, что без коалиции с левыми большевиками мы не удержимся, ибо тех 300 тыс., которые имеются у большевиков, у нас пока не имеется»⁴. Но Трутовский и другие левые эсеры надеялись на левое крыло большевиков: «Мы должны сказать, что если мы рассчитываем на возможность скорого приближения социализма, то мы одни, в одной России, ничего решительно в этом смысле не сделаем»⁵. Левые коммунисты были согласны с левыми эсерами по ключевому вопросу о мире. Может быть, и по другим проблемам удастся договориться?

Рассуждая таким образом, левые эсеры недооценивали сплоченность партии большевиков, проявившуюся уже при заключении Брестского мира.

В разгар съезда стало известно, что на Пермском окружном съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов левые эсеры получили перевес 307 делегатов против 210 большевиков. Однако большевики требовали, чтобы в исполкоме у них было преимущество 13 мест

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 431.

² Там же.

³ Там же. С. 391.

⁴ Там же. С. 372.

⁵ Там же. С. 369.

против 7. Когда Пермский съезд отклонил это предложение большевиков, они отказались сдать власть левозэсеровскому большинству.

Областной Совет комиссаров Урала постановил составить новый исполнительный комитет из кандидатов, намеченных областными комитетами обеих партий, предоставив при этом левым эсерам меньшинство мест. Как же так, они же победили на выборах! Такое нарушение советской демократии вызвало возмущение на съезде ПАСР. Однако Колегаев говорил, что нельзя раскалывать Советскую власть: «Если Исполнительный Комитет не выполнит законного нашего требования, оставить Исполнительный Комитет в их руках. Они представляют собой меньшинство и ходом событий держаться там не могут и должны будут сдать позицию, но встать на путь вооруженной борьбы — это вещь неприемлемая»¹.

Опыт покажет, что большевики вполне могут удержаться без поддержки всех просоветских масс и даже вопреки им. Колегаев мог бы понять это — ведь удержались же большевики с левыми эсерами вопреки мнению крестьян, поддержавших эсеров на выборах в Учредительное собрание. Разогнав Учредительное собрание без немедленных отрицательных последствий для себя, большевики поняли, что и нелояльные Советы можно будет разгонять.

А. Шрейдер обличал уступчивость товарищей в отношении большевиков: «Если в одном месте мы получим большинство, так давайте откажемся от этого даже места, давайте смиренно скажем: товарищи большевики, возьмите пожалуйста власть, а мы будем вас поддерживать. Да, потому что товарищ Колегаев говорит, что они не смогут удержаться. Да, если мы вступим в борьбу. Но если мы будем поддерживать, то почему им не удержаться и не руководить нами, когда мы предоставили всю возможность... Мое конкретное предложение — один раз хотя бы остаться достойными самих себя... Нужно пользоваться своим большинством, предложить товарищам большевикам в крайнем случае пропорционально»². А если откажутся, то образовать свой исполнительный комитет.

При обсуждении этого вопроса выяснилось, что левые эсеры сами передали разрешение конфликтной ситуации на суд областного исполнительного комитета с большевистским большинством, чем и воспользовались большевики³. Этот случай показывал, что большевики готовы игнорировать нормы советской демократии ради сохранения своей власти.

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 373.

² Там же.

³ Там же. С. 374–375.

Но левые эсеры надеялись, что кризис политики большевиков позволит ПАСР обогнать РКП(б) по влиянию в Советах. В. Левин говорил: «Кто соприкасается сейчас с толщей народных масс, видит колоссальный рост нашей партии»¹. В Тверской губернии число левоэсеровских делегатов губернского съезда Советов выросло с 17 до 51. Аналогичная ситуация в Тульской и Рязанской губерниях. Это по расчетам части левых эсеров, должно было заставить большевиков восстановить советскую коалицию уже на левоэсеровских условиях. Как говорил И. Штейнберг, «мы партия, идущая к власти, которая вскорости будет гегемоном власти, поскольку в России суждено оставаться Советской власти. Но это не значит, что она будет единственной властью и только в коалиции с большевиками она будет гегемоном»².

Таким образом, перед левыми эсерами стояла непростая альтернатива. «Подводя итоги, можно сказать, что есть два пути, которые дают нам исторические перспективы. Путь этот — возглавление новой революции, и идти в эту революцию во главе крестьянства. Другой путь, когда мы говорим: это революция может смести все социальные завоевания, которые сейчас наблюдаем. По объективным условиям в самом процессе хода русской революции наше судьба кровно связана с судьбой большевиков, с известной классовой массовой силой, и поскольку они не могут изменить сущности социальной революции, постольку мы оторваться от них не можем и нам не страшно, если вы серьезно стали на позицию научного социализма, прийти к оценке, и нам не страшно, если мы тоже назовемся партией коммунистов, и объективные условия не нынче — завтра толкнут нас на этот путь, и будет единая коммунистическая партия, поскольку действовать она будет на арене политической борьбы, но с особой религией»³, — говорил делегат съезда С. Рудаков.

Сторонникам возвращения в Совнарком не удалось убедить съезд пойти к большевикам в Каноссу. Съезд подтвердил послебрестский курс партии — отказ от ратификации мира и отзыв членов партии из СНК⁴. Президиум ЦК партии возглавил Б. Камков. Но и те и другие левые эсеры считали, что партия должна вернуться к власти. Для этого нужно нарастить силы (в том числе и вооруженные — повсеместно формировались левоэсеровские боевые дружины) и выиграть у большевиков борьбу за Советы в преддверии их V съезда. В условиях кризиса социально-экономической политики большевиков у партии были хорошие перспективы роста за счет недовольных. Правда, как

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 375.

² Там же. С. 377.

³ Там же. С. 403–404.

⁴ Там же. С. 458.

раз во время съезда ПАСР курс на мирное соревнование с большевиками за Советы был поставлен под сомнение практикой. Большевики просто-напросто отказались отдать власть левым эсерам, получившим большинство на съезде Советов в Пермском округе. Это показывало, что левые эсеры не могли добиться проведения своей политики мирным путем.

* * *

Поддержку левым эсерам в борьбе с нарастанием большевистского авторитаризма могли оказать анархисты. Они в этот период в большинстве своем были союзниками большевиков, причем союзниками слева. Анархо-синдикалисты приобрели влияние в фабзавкоммах и профсоюзах, где активно выступали за рабочий контроль и за переход предприятий в руки коллективов. Союз анархо-синдикалистской пропаганды, издававший «Голос труда», Петроградская федерация анархистских групп (газета «Буревестник»), Московская федерация анархистских групп (газета «Анархия») были относительно немногочисленны. Но анархисты пользовались влиянием среди рабочих и матросов. Членом ВЦИК был анархо-коммунист А. Ге. В Москве и некоторых других городах и селах (Кронштадт, Воронеж, Гуляйполе и др.) анархисты имели заметную военную силу.

Теоретический уровень большинства анархистских лидеров этого времени был таков, что не позволял им разглядеть принципиального различия их самоуправленческой модели будущего и коммунизма, который собирались строить большевики. Тем более что практика большевиков первоначально содействовала самоорганизации низов, за которую выступали и анархисты.

Общность лозунгов большевиков и анархистов дезориентировала последних. Видный деятель анархизма Всеволод Волин (Эйхенбаум) вспоминал: «Когда я читал сочинения Ленина, особенно написанные после 1914 г., я видел прекрасные параллели между его идеями и идеями анархистов, кроме идеи государства и власти»¹. Требуя «плановой организации мирового хозяйства»², анархо-коммунисты в этом принципиально не отличались от марксистов, и видели в Ленине лишь непоследовательного сторонника анархии. В свою очередь, анархо-синдикалистские идеи влияли на большевиков, работающих в профсоюзах и движении фабзавкомов.

Анархисты разделились на бесконечно рассуждающих пропагандистов, повторяющих формулы П. Кропоткина или еще более дале-

¹ Voline V. The Unknown Revolution. L., 1974. P. 209.

² Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. 1917–1935. М., 1999. С. 69.

кие от происходящих событий анархо-индивидуалистские идеи, на анархо-синдикалистов, ставших «младшими партнерами» большевиков в движении фабзавкомов, и на боевиков, «ставивших дело» в виде экспроприаций, накопления оружия ради «грядущих боев» с властью.

Стереотип анархии как хаоса, свободы без границ оказывает влияние и на состав анархистского движения. К нему прибивается множество людей, понимающих анархизм как своеволие. Примитивный анархизм не тратит времени на кропотливую организационную работу, зато вполне соответствует представлениям обывателя об анархии, и общество готово видеть именно в этом течении истинное лицо анархизма. Известный впоследствии повстанческий лидер анархист Н. Махно писал: «60–70% товарищей, называющих себя анархистами, увлеклись по городам захватом барских особняков и ничегонеделанием среди крестьянства. Их путь — ложный путь»¹.

Городские анархисты были терпимы к уголовной среде, указывая на то, что уголовник — продукт социальных условий, и когда изменятся условия, он станет лучше. В революционной обстановке уголовники были вольны выбирать — или пользоваться смутным временем для привычных аполитичных грабежей, или «сменить окраску» на политическую и пойти в ЧК, повстанческий отряд или группу боевиков (уж как повезет — анархистов, эсеров или белых подпольщиков на красной территории и красных — на белой). Решительные люди с навыками обращения с оружием были нужны везде.

До весны 1918 г. анархисты в большинстве своем придерживались тактики, сформулированной членом ВЦИК А. Ге, — «Врозь идти, вместе бить». При этом анархисты шли врозь не только с большевиками, но и между собой.

Отношение большевиков к анархистам зимой 1917–1918 гг. было снисходительно благосклонное. Анархистские газеты продавались перед входом в Смольный². Разворот большевистской политики от поощрения самоорганизации к «собираанию вожжей», централизации и авторитаризму предопределял конфликт большевизма и анархизма.

В Москве, куда перебрался Совнарком в марте 1918 г., анархисты контролировали 25 особняков. Некоторые были расположены вдоль Бульварного кольца, окружая центр столицы. Анархисты были разочарованы поворотом в политике большевиков. Ж. Содуль вспоминал о беседе с членом ВЦИК анархо-коммунистом А. Ге: «Ге гневно об-

¹ Махно Н. Российская революция на Украине. Париж, 1929. С. 111.

² Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004. С. 180.

личает большевиков. Придя к власти, они только и делают, что предадут принципы, чистые принципы, они переродились в обыкновенных реформистов, рабочие от них отворачиваются и сплываются под черным знаменем... Ге считает, что уже сейчас можно рассчитывать в Москве на несколько тысяч бойцов. Однако для действий момент еще не настал. В движение проникли монархисты, которые пытаются использовать его в своих целях¹. Следует избавиться от этих темных и опасных элементов. Через месяц-два анархисты выкопают могилу для большевиков, «царству варварства придет конец». Будет основана подлинно коммунистическая Республика»². Конечно, один на один с большевиками анархисты не имели шансов на успех, но вот в случае вооруженного столкновения большевиков и левых эсеров анархисты могли стать для последних существенным союзником.

Для борьбы с анархистами большевики использовали представление о них как о полууголовных элементах. Отдельные черногвардейцы и анархисты действительно были замешаны в уголовных делах. Но, с другой стороны, эксцессы происходили и в рядах советских силовиков. В ночь на 5 апреля два чекиста были задержаны — один за стрельбу в извозчика, а другой за пьянство. Было решено расформировать весь отряд ЧК³.

Приступив 5 марта 1918 г. к формированию Черной гвардии с единым командованием, Московская федерация анархических групп (МФАГ) стремилась отсечь от движения неконтролируемые группы уголовников, прикрывающиеся именем анархистов. Для вступления в Черную гвардию требовались рекомендации идейных анархистов и рабочих организаций. Запрещалось участие Черной гвардии в реквизициях. Анархисты спешили освободиться от компрометирующих их уголовных элементов. Но некоторых уголовников анархисты считали «перевоспитавшимися» и оставили в своих рядах. 16 марта МФАГ заявила, что «никогда не разрешала никаких захватов с личными целями и тем более с целями личной наживы и что она примет любые необходимые шаги для пресечения таких проявлений буржуазного духа»⁴. Чтобы «эксы» с участием черногвардейцев стали невозможны, любые задачи гвардия могла теперь выполнять только в сопровождении члена штаба и с письменного согласия еще двух членов.

¹ На анархистских базах укрывалось небольшое количество членов организации Савинкова.

² *Содуль Ж.* Записки о большевистской революции. М., 1990. С. 233–234.

³ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Документы. М., 2007. С. 34.

⁴ Цит. по: *Эврич П.* Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006. С. 193.

Старания анархистов были оценены — малая коллегия военного комиссариата Московской области приняла постановление о приравнивании Черной гвардии «в смысле довольствия и проч., к Советским войскам»¹. Но 6 апреля это постановление было отменено.

4 апреля Совнарком Московской области постановил: «Ввиду бывших со стороны некоторых анархистских групп злоупотреблений реквизицией помещений предложить реквизиционной комиссии не предоставлять помещения никакой группе анархистов без предварительного разрешения Совнаркомов Москвы и Московской области»². Таким образом, подтверждалось, что прежние реквизиции, проведенные анархистами, санкционированы Советом, новые могут проводиться только в исключительном порядке. Хватит анархистам помещений.

Анархисты вели переговоры с московским Совнаркомом о статусе Черной гвардии. 26 марта он решил: «...предложить Федерации анархистов ввести черноговардейцев в состав Красной армии не как особую организацию, а на общих началах, причем только после этого вхождения они получают от военного комиссариата вооружение и содержание на общих основаниях»³. Анархистам такое предложение не могло понравиться. Они взяли паузу. В этот день ВЧК уже обсуждала, каким образом провести разоружение анархистов⁴.

В ночь с 11 на 12 апреля ВЧК захватила базы анархистов. На Малой Дмитровке они отстреливались из горной пушки, но у коммунистов был перевес в артиллерии. Из пушек разнесли верхний этаж особняка на Донской улице. Бои шли и на Поварской. В других местах опорные пункты анархистов удалось взять без значительного сопротивления. Было убито и ранено 40 анархистов и 10–12 чекистов и солдат. Несколько анархистов были расстреляны на месте. «Ничего не изменилось. Самодержавие приняло другое название»⁵, — годоводала анархистская газета «Черное знамя».

ЧК рассчитывала получить дополнительный компромат на Черную гвардию после захвата особняков. Учитывая, что перерегистрация черноговардейцев началась лишь месяц назад, в особняках продолжало жить некоторое количество уголовников. Было найдено золото. Московская федерация анархистов была обвинена в связях с известным актером Мамонтом Дальским, который с помощью дру-

¹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 105.

² Там же. Л. 115.

³ Там же. Д. 1. Л. 17.

⁴ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Документы. С. 31–32.

⁵ Цит. по: Рублев Д.И. Политическая позиция анархистов в Российской революции (1917–1918 годы) // Великая российская революция 1917–1921: либертарный взгляд. Прямухинские чтения 2017 года. М., 2018. С. 119.

зей-анархистов провел аферу с продажей опиума (правда, Дальского не стали преследовать), в укрывательстве уголовника Кэбурье (правда, он уже скрылся из Москвы). Всего было задержано около 500 человек, но большинство вскоре отпущено.

Даже в официальных сообщениях по поводу разоружения анархистов признавалось, что многочисленные преступления совершались от имени анархистов, а не идейными анархистами. Дзержинский подчеркивал, что «мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами»¹. Тем не менее идейные анархисты Л. Черный и другие были привлечены к ответственности за укрывательство. Впрочем, они вскоре тоже оказались на свободе. Угроза вмешательства анархистов в силовую борьбу в Москве была снята. Во всяком случае до 1919 г. В мае—начале июля крупнейшие анархистские издания были запрещены или перестали выходить. Анархисты разделились на тех, кто готов был активно бороться с большевиками, и тех, кто считал, что перед лицом белой угрозы нужно сохранять лояльность Советской власти, которая создает предпосылки для анархического коммунизма².

Сразу после разгрома Черной гвардии прибывший в Москву близкий к левым эсерам полководец М. Муравьев, недавно прославившийся взятием Киева, завел разговор с известным анархистом Л. Черным о передаче анархистам оружия и обещал поддержать их вооруженное выступление войсками. Черный не одобрил эту идею, но о разговоре стало известно ВЧК. В конце апреля Муравьев был арестован, помимо разговора с Черным (который эту информацию не подтвердил) председатель ВЧК Дзержинский обвинял Муравьева в «кошмарных расправах, расстрелах, самоуправстве, предоставлении солдатам права грабежа городов и сел» именем Советской власти, что ее дискредитировало³. Однако веских доказательств вины Муравьева против Советской власти не было, разбор его злоупотреблений на Украине в той обстановке мог ударить по авторитету Советской власти, а «место преступления» было занято немцами. Хотя ЦК ПЛСР не признал Муравьева членом партии, они обсуждали возможности его поддержки в случае суда⁴. 9 июня ВЦИК решил прекратить дело за отсутствием состава преступления⁵. Муравьеву

¹ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. 1917–1935. С. 231.

² См.: Рублев Д. И. Политическая позиция анархистов в Российской революции. С. 122–136.

³ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 66.

⁴ Там же. С. 78. Но видный левый эсер Б. Спиро утверждал, что Муравьев успел оформить членство в партии (Там же. С. 93), так что ЦК ПЛСР, возможно, перестраховывался.

⁵ Там же. С. 101.

повезло — через две недели за меньшие прегрешения был расстрелян бывший начальник морских сил Балтийского флота А. Щастный. Советское руководство не доверяло военным руководителям, помня, чем кончилась история Великой французской революции. Но на военные способности Муравьёва у советских лидеров были виды — он был направлен на Восточный фронт.

В апреле–мае 1918 г. операции по разоружению анархистов и максималистов были проведены и в других городах России. Максималисты критиковали большевиков за слишком медленное обобществление экономики (здесь смыкаясь с левыми коммунистами), заключение Брестского мира и диктаторские методы руководства (здесь смыкаясь с левыми эсерами и анархистами). В тех городах, где они были сильны, местные власти нанесли по максималистам удар. В Ижевске было арестовано несколько десятков максималистов и разгромлены их помещения. В Воткинске был арестован и затем расстрелян максималист А. Протопопов. 17–19 мая произошли вооруженные столкновения большевистских и максималистских отрядов в Самаре, после чего максималисты подверглись репрессиям¹.

Ослабив таким образом радикальную оппозицию слева, большевики продолжали демонстрировать терпимость к тем представителям советской оппозиции, которые были готовы сотрудничать под руководством Совнаркома. В Кронштадте, где большинство в Совете получили левые эсеры и максималисты, они даже заложили более радикальный курс, чем прежде большевики. Совет провел социализацию жилья и предприятий². Левые эсеры продолжали работать на всех уровнях Советской власти, за исключением СНК³. При этом левые эсеры понимали, что в центре советская демократия уже не соблюдается. И. Штейнберг говорил: «Съезды всероссийские — это фабрика советская. Народ иначе думает. Товарищи, идите назад к народу»⁴. Беда левых эсеров заключалась в том, что мнение непредставленной Советами части народа было правее левых эсеров. Чтобы идти к народу, который не поддерживает «фабрику советскую», нужно было идти назад к Партии эсеров.

¹ Союз эсеров-максималистов. 1906–1924 гг. Документы, публицистика. М., 2002. С. 124. Также см.: *Стариков С.В.* Политическая борьба в Поволжье: левые социалисты в 1917–1918 гг. Йошкар-Ола, 1996.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 260–261.

³ Подробнее см.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. С. 66–67.

⁴ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 440.

* * *

В условиях обострения социально-экономической ситуации и неспособности большевиков с ней справиться они стали терять позиции в Советах.

В марте — начале апреля прошли перевыборы в Ярославский Совет. На 47 меньшевиков и 13 эсеров приходилось 36 большевиков. Образовался «антисоветский» Совет, нелояльный Советской власти. 9 апреля первое заседание нового Совета было разогнано Красной гвардией. В городе началась забастовка протеста. Рабочие захватили на станции оружие, но не воспользовались им против большевиков. Лидеры эсеров и меньшевиков были арестованы. 18 апреля состоялся суд, который, возмущив подсудимых многочисленными нарушениями процедуры, приговорил их к общественному порицанию, а лидер меньшевиков И. Шлейфер был выслан на год из губернии¹. Однако разгон неугодного Совета в Ярославле сделал положение большевиков в городе очень шатким. Для того чтобы победить на следующих выборах, большевики лишили представительства ярославских железнодорожников.

В ночь на 20 марта в Калуге прошли повальные обыски под предлогом поисков оружия, которые сопровождались такими эксцессами, что в ответ забастовали железнодорожники. Они требовали прекращения повальных обысков, свободы печати, перевыборов губернского Совета на губернском съезде и передачи всей власти Совету рабочих и крестьянских депутатов, а не комиссарам. Железнодорожники требовали отчета в расходовании средств, что говорило о недоверии советскому руководству. На губисполкоме обсуждалась возможность локаута, но уволенных было бы некем заменить. На железных дорогах было объявлено чрезвычайное положение, но часть требований забастовщиков была удовлетворена².

Волнения в Сормово начались в марте с похорон видных местных эсеров Чернова и его жены, убитых красногвардейцами. После похорон было решено провести однодневную забастовку против «германских империалистов и их пособников». Толпа рабочих окружила Совет, город был объявлен на военном положении. После митинга были арестованы лидеры меньшевиков. В ответ рабочие избрали делегацию в 400 человек, которая отправилась к Совету вызволять арестованных и заняла его зал заседаний. Туда были вызваны солдаты, но они не стали применять оружие, началось

---

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. С. 392–397.

² Берговская И.Н., Филимонов В.Я. Калужская советская республика. Калуга, 2012. С. 60–61, 87–88, 97.

братание с рабочими, и отряд пришлось отозвать, а рабочим дать возможность огласить перед исполкомом Совета свои требования. Впрочем, председатель исполкома Романов ответил, что продолжит борьбу с проникновением в рабочий класс агитаторов, не разделяющих платформу Советской власти. Арестованных социалистов выслали из губернии.

Но рабочая оппозиция не успокоилась. 19–20 марта было решено избрать делегатов от каждой сотни рабочих и добиваться пере-выборов Совета, свободы прессы, освобождения политзаключенных и права возвращения высланным, прекращения Гражданской войны и передачи власти Учредительному собранию, а на местах — «городским и земским самоуправлениям при деятельной поддержке Советов депутатов». А пока Совет не переизбран — не давать ему причитающихся денег. Эта резолюция была поддержана представителями более 10 тыс. рабочих из имеющихся 16 тыс.¹ Как видим, рабочее движение в Сормово поддерживало политические лозунги эсеров и меньшевиков.

В марте в ходе перевыборов Сормовского Совета большевики получили 15 мест, левые эсеры и максималисты — по 1 мандату, эсеры — 13 (по другим данным 19), меньшевики — 7, беспартийные — 1. Потеряв большинство, большевики, левый эсер и максималист покинули Совет и создали Сормовское бюро Нижегородского Совета, провозгласившее себя представителем Советской власти в Сормово. В связи с этой ситуацией Лениным и Свердловым в Нижний Новгород был направлен Ф. Раскольников, который собрал совещание просоветских депутатов Нижегородской губернии и Сормово. Они решили, что власть должна принадлежать той части Совета, который стоит на платформе Советской власти. Власть Совета таким образом была заменена Советской властью как противоположным принципом. Об этом было заявлено на заседании Совета, куда явились представители просоветского актива. На этом собрании было решено, что большевики, левый эсер и максималист «берут на себя власть», потому что эсеры и меньшевики этого сделать не могут, не признавая сам принцип Советской власти. А большинство Совета, не согласное с необходимостью брать власть, может заниматься «вопросами профессионального, экономического и культурно-просветительного характера»². В дальнейшем социалистическая часть Сормовского Совета стала одним из центров движения уполномоченных, о котором речь пойдет ниже.

¹ Берговская И. Н., Филимонов В. Я. Калужская советская республика. С. 380.

² Подболотов П. А., Стифин А. Н. Крах меньшевизма в Советской России. С. 97–98; Юрьев А. И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). С. 193.

После того как социалисты (эсеры и меньшевики) 21–25 апреля победили на выборах в Костроме, большевики заявили, что не отдадут власть «контрреволюции», то есть новому большинству Совета. 23 мая социалисты провели массовую демонстрацию под лозунгом «Долой Советскую власть и хлебную монополию!». Произошли столкновения. В ответ было введено чрезвычайное положение, а большевистско-левоэсеровская фракция Совета решила, что он может работать и без депутатов-социалистов, то есть без большинства¹.

2 мая Саратовский Совет решил не допускать на заседания депутатов, не признающих Советскую власть.

18 мая Совнарком Калужской советской республики принял решение, в соответствии с которым «граждан, позволяющих себе противоправительственные, хотя бы словесные, выступления, исключать из всех списков и лишить тем возможности занимать должности... во всех правительственных организациях. Или же, смотря по силе выступления и по его контрреволюционному размеру, арестовывать на месте, хотя бы выступление произошло на разрешенном собрании и хотя бы выступивший гражданин был делегат»². Таким образом, исполком исключал оппозиционные выступления на любых собраниях и съездах.

После победы социалистов на выборах в Златоустовский Совет были восстановлены гордума и управа, а Совет от власти отказался. Также большевики проиграли выборы в Вязниках, Касимове, Брянске, Бежеце, Макеевке, Ростове, Уфе, Ижевске³. Но все же на карте страны это были точки, иногда важные, но не преобладавшие. Разбольшевизация Советов шла медленно и встречала ожесточенное силовое сопротивление большевиков — пока без террора, но уже с существенными репрессиями. Разгоняя неугодные Советы, большевики в этих пунктах теряли связь с рабочими и крестьянами, вызывали возмущение актива трудящихся. Все меньше рабочих, не говоря уже о крестьянах, были лояльны Советской власти, все больше мечтали «посчитаться» с ней при случае.

* * *

Сложно складывались отношения Советской власти и тюркских национальных движений. С одной стороны, она провозгласила право мусульманских народов устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно, с другой — подозревала националь-

¹ Подболотов П. А., Спиринов А. Н. Крах меньшевизма в Советской России. С. 92–93.

² Цит. по: Берговская И. Н., Филимонов В. Я. Калужская советская республика. С. 126.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 530.

ные движения во враждебности, и не без оснований. Большинство национальных лидеров в конце 1917 — начале 1918 г. не считали, что политическая форма Советов совместима с решением национально-культурных задач, ориентировались на Учредительное собрание, которое создаст федерацию демократических автономий. После разгона Учредительного собрания вопрос об общероссийской легитимности оставался спорным, но с региональными Советами национальные движения были явными конкурентами.

Перспектива возникновения неконтролируемого Москвой государственного образования существовала не только на «окраинах», но и в территориальной сердцевине РСФСР.

II Всероссийский мусульманский военный съезд 8(21) января — 18 февраля (3 марта) 1918 г., проходивший в Казани, решил создать в составе России «Штат Идель-Урал» на населенных тюрками территориях Уфимской, Казанской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Пермской, Вятской губерний. Уфимская губерния должна была войти в тюркскую автономию целиком, что тогда было неприемлемо для значительного русского населения. Было создано правительство «Милли идар» (Национальное управление). Обсуждая отношение к Учредительному собранию и Советам, съезд раскололся, и просоветское меньшинство с него ушло. 16(29) января председатель избранной съездом Коллегии Г. Шараф предложил включить в документы Штата положения о лояльности Советской власти. Когда это было сделано, члены управления Г. Губайдуллин и Н. Халфин вышли из него в знак протеста.

На 15 февраля планировалось провозглашение Штата Идель-Урал. Просоветские заверения его инициаторов не впечатлили Казанский Совет, который ввел военное положение в Казани и арестовал руководство II Всероссийского мусульманского военного съезда и Военного Совета (Харби Шуро). Арестованные вскоре были освобождены, но не отказались от создания автономий. Они перенесли свою резиденцию в татарский район за реку Булак и 16 февраля (1 марта) провозгласили там республику в составе Советской России — автономный Штат Идель-Урал. Казанские большевики это решение не признали и называли противников «Забулачной республикой». За Булаком был создан Татарский Совнарком, который заявил о признании Советской власти, но претендовал на власть на территории Штата. Граница по Булаку охранялась татарскими отрядами. Учитывая, что Булак течет вдоль центральной части Казани, татарские националисты могли попытаться захватить город и сделать его уже не просто виртуальной, но реальной столицей тюркского национального государственного образования.

15(28) марта красногвардейцы и матросы сумели бескровно разогнать «Забулачную республику». Органы Штата и создавшие его организации были запрещены.

Наркомнац был не против создания тюркской автономии (Татарско-Башкирской советской республики) под руководством татарских коммунистов. 24 марта был опубликован официальный проект, по которому в ее состав должны были войти обширные территории — Уфимская и Казанская губернии целиком, части Оренбургской, Самарской, Симбирской, Пермской и Вятской губерний. Учредительный съезд намечался на 1 июня. Однако начавшаяся вскоре широкомасштабная гражданская война отложила создание Татарской и Башкирской АССР. Разгон большевиками «Забулачной республики» оттолкнул от них влиятельных татарских национальных лидеров, которые создали «Малый меджлис» и активно поддерживали Комитет членов Учредительного собрания (Комуч).

* * *

Победив своих противников в Советах, большевики иногда вступали в борьбу между собой. В Петрограде городские верхи перетягивали канат власти с райсоветами и только к концу года смогли подчинить их своей воле с помощью централизации финансирования¹.

В Вятской губернии конкурировали в борьбе за власть разные прокоммунистические структуры. Зимой 1918 г. в Вятской губернии стал действовать летучий отряд матроса Л. Журбы в несколько десятков человек, направленный Петроградским Советом. Отряд должен был бороться с контрреволюцией и реквизировать продовольствие для Петрограда. Сначала Вятский губисполком и местные уисполкомы дружили с Журбой, потому что он был наиболее боееспособным в губернии, и его можно было использовать для подавления антисоветских волнений.

Одновременно в Вятке возникла конкуренция между губисполкомом и местным Советом. Журба добился введения в губисполком своих людей и получил право проводить силовые заготовки продовольствия на юге губернии.

Кроме отряда Журбы появились и другие, губисполком стал терять контроль над ситуацией. Опираясь на военные отряды, большое влияние приобрела группировка во главе с начальником гарнизона г. Вятки М. Лапиным и заместителем председателя СНК Вятской губернии матросом А. Тэнсом, губернским военным комиссаром

¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 576.

С. Семеновым и др. К ним примыкали исполняющий обязанности председателя губернского исполкома Е. Бакин, военный комиссар П. Евстафьев, начальники летучих отрядов матросов И. Кириллов и Л. Журба и другие военные руководители. Журба, Кириллов и Тэнс тяготели к анархизму.

Из-за болезни председателя губисполкома М. Попова и командировок председателя Вятского СНК С. Малыгина власть в губернских органах оказалась в руках Бакина и Тэнса. Они вступили в конфликт с Вятским городским Советом, который добивался более жесткого контроля над летучими отрядами. Губисполкомовцы критиковали вятский советский бюрократизм.

А городской Совет решил контратаковать и 10 марта арестовал Лапина. Губисполком Лапина освободил. Совместное совещание губисполкома и представителей горсовета, предъявлявших доказательства злоупотреблений Лапина, закончилось скандалом и уходом членов горсовета. 12 марта «лапинцы» во главе с Бакиным объявили о введении в Вятке осадного, а в губернии военного положения. Были произведены аресты членов горсовета и большевистского горкома. Этим они противопоставили себя компартии, что стало важной ошибкой. Губисполкомовцы и летучие отряды сохраняли лояльность Советской власти.

Свои действия «лапинцы» оправдывали угрозой белогвардейского заговора, которому Вятский горсовет не может противостоять. Оставшиеся члены горсовета не сдавались, опираясь на Красную гвардию и не до конца домобилизованный 106-й полк. Также Вятский совет заручился поддержкой Уральского совнаркома, который мог прислать подмогу.

Поняв, что соотношение сил не в их пользу, «лапинцы» решили бежать. 14 марта М. Попов, несмотря на болезнь, собрал совещание членов губисполкома и горсовета, куда прибыл и советский лидер Урала Ф. Голощекин. Решили, что ответственность за переворот можно возложить не на официальные институты, а на отдельных лиц.

24 марта из Екатеринбурга в Вятку прибыла следственная комиссия во главе с А. Белобородовым. На II губернском съезде Советов, созванном для стабилизации положения 8 апреля, Белобородов заявил, что раскрыто «много больших и мелких преступлений». Были арестованы Лапин, Бакин, Тэнс и другие «лапинцы», обвиненные в злоупотреблениях. Однако аресты были довольно выборочными¹.

¹ Вятская губерния в 1917–1918 годах... С. 132–140.

Журбу преследовать опасались, тем более что во время переворота его не было в Вятке. В целом исход конфликта стал победой советской системы над слабоконтролируемыми (в том числе идейно) военными.

В итоге кризиса в Вятке «произошло некоторое потепление общественно-политического климата ... Власть большевиков оказалась в значительной степени деморализованной, скомпрометированной и ослабленной»¹, — пишет историк Ю.Н. Тимкин. Вернулись к легальной работе несоветские общественные и политические организации, стали выходить независимые от властей печатные издания.

Однако это потепление было временным — до начала широкомасштабной гражданской войны в мае—июне.

Еще один вариант внутрисоветского конфликта произошел в Калужской советской республике в апреле 1918 г.

Напряженность между сторонниками председателя Совнаркома П. Витолина и большинством Калужского горкома РКП(б) зрела давно. Виталин принимал решения, не советуясь с парторганизацией, официальная пресса восхваляла его лично, Виталин и сам любил выступать, отличаясь, по словам калужских коммунистов, «внешней сногшибательностью»². Повод для атаки на амбициозного лидера Калужской советской республики дал его визит в Свято-Тихоновский монастырь для конфискации ценностей. 24 апреля собралось экстренное заседание горкома, на котором была изложена следующая версия событий. Прибыв в монастырь вечером 22 апреля, отряд во главе с Витолиным устроил повальный обыск, в ходе которого монахов раздевали, а красногвардейцы курили и ругались в храме, входили в алтарь. Обнаружив вино, Виталин раздал его своим бойцам и соратникам, часть из которых перепилась. Арестованных игумена и казначея допрашивали в пьяном виде и грозили расстрелять. Горком принял постановление снять с постов и арестовать Витолина и участвовавших в этой экспедиции Фомина и Ассен-Аймера. 26 апреля всех троих вывели из Совнаркома, который возглавил П. Скорбач.

Выступая на Совнаркоме уже уездного Калужского Совета, комиссар монастыря Копылов добавил красок в картину: «витолинцы» заставили монахов резать для них кур, которые до этого были взяты на учет Советской властью. Виталин отождествлял себя с Советом, говоря о своих действиях «Совет решит», «Совет решил и скоро приступит». Пьяные красногвардейцы во главе с Ассеном-Аймером разъезжали на лошадях и палили из оружия. В результате уездный Совнарком вынес протест губернскому³.

¹ Вятская губерния в 1917–1918 годах... С. 143.

² Цит. по: Берговская И.Н., Филимонов В.Я. Калужская советская республика. С. 127.

³ Там же. С. 105–108.

Однако Московское областное бюро РКП(б) пыталось замять скандал. На собрании городской парторганизации его представитель настаивал на уничтожении документов, относящихся к конфликту. Большинство калужских коммунистов настаивали на удалении Витолина в другой город. Присланная из Москвы следственная комиссия осудила поведение участников экспедиции в Тихоновскую пустынь, но также обвинила калужских коммунистов в превышении полномочий — арестовывать Витолина и его товарищей они не имели права. Достаточно снять бедокуров с постов¹.

Но Витолин решил не сдаваться. Его сторонники сформировали новый губернский комитет РКП(б), который 12 мая возглавил Витолин. Губком объявил дело о Тихоновской пустыни сущей клеветой, поскольку сам Витолин лично вина не пил. Большинством 6 против 5 «витолинцы» победили. Тогда представители городского комитета демонстративно покинули это заседание. При этом «витолинцы» вышли из Калужской городской организации и образовали районную, хотя вскоре вынуждены были отказаться от этого хода. Снова собрались калужские коммунисты, снова критиковали Витолина за самоуправство и недисциплинированность. Но с поста председателя губкома свалить его не удалось. Разрешение конфликта снова было доверено Москве. Но ей было пока не до того. Предсовнаркома Скорбач не хотел сражаться с Витолиным и попросился в отпуск. Некоторое время Витолин продолжал руководить Калужской советской республикой (это название сохранилось до принятия конституции РСФСР). Губисполкомом Калужской губернии, по выражению его противников, «распоясался вовсю». Но затем Витолин был отправлен на фронт, где работал редактором фронтовой газеты².

Характерно, что эта свара происходила, когда у коммунистов начинала гореть под ногами земля — была введена продовольственная диктатура и начиналась широкомасштабная гражданская война.

Ход внутрисоветских конфликтов зимы–весны 1918 г. показывает, что в это время еще нельзя говорить о существовании коммунистического режима. Коммунисты преобладали в Советах и их руководящих органах и группировались именно в них, а не вокруг централизованной партийной организации. Публичные государственные посты еще важнее, чем партийные. Но бросать прямой вызов коммунистической парторганизации уже опасно. Идет укрепление коммунистической структуры, которая в условиях широкомасштабной гражданской войны подомнет под себя Советы.

¹ Берговская И.Н., Филимонов В.Я. Калужская советская республика. С. 105, 111–112.

² Там же. С. 113–173.

Пролетарское сопротивление диктатуре пролетариата

После разгона Учредительного собрания политическая тактика социалистов потерпела крах. Шанс на новый подъем их влияния могло дать только разочарование рабочих и крестьян в результатах политики большевиков. И весной 1918 г. это стало происходить.

Социалисты пытались укрепить связи с рабочими еще во время борьбы за созыв Учредительного собрания. 18 декабря Союз защиты Учредительного собрания попытался собрать рабочую конференцию. На нее прибыли рабочие с 69 предприятий, но были разогнаны красногвардейцами. 20 декабря собрались рабочие со 115 заводов¹. Но это был актив социалистов, а не представители коллективов.

Расстрел демонстрации сторонников Учредительного собрания произвел шокирующее впечатление на часть рабочих. Общее собрание завода «Сименс-Шуккерт» поддержало резолюцию эсеров о недоверии Совнаркому и отзыве Красной гвардии (то есть по сути ее роспуске). Красногвардейцы в ответ арестовали эсера Павлова, а когда возмущенные этим рабочие снова собрались, то Красная гвардия их разогнала и ненадолго арестовала завком. Эти события способствовали успеху эсеров на выборах депутата Петросовета от завода, где они получили две трети голосов. Волнения прошли на Обуховском заводе, завкому вынесли недоверие, но при выборах в Петросовет большевики все же получили на заводе большинство².

После разгона Учредительного собрания 18 января собралась рабочая конференция, где меньшевики предложили собрать представителей от предприятий вопреки Совету для обсуждения сложившегося положения (возможно, эту идею предложил правый меньшевик О. Богданов, выступая на одном из рабочих митингов)³. Хотя сразу эта инициатива не получила отклика, в марте она реализовалась в движении уполномоченных.

Историк Д.О. Чураков пытается вывести идею движения уполномоченных из опыта рабочих групп военно-промышленных комитетов 1915–1917 гг., «организаций, подконтрольных цензовой буржуазии»⁴.

¹ Черняев В.Ю. Предисловие // Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 9.

² Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 46–47.

³ Павлов Д.Б. Собрания уполномоченных фабрик и заводов России. Итоги и перспективы изучения // Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 6.

⁴ Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России. М., 2007. С. 77.

Последние слова должны, конечно, скомпрометировать движение — вот откуда, оказывается, ветер дует. Основание? В рабочей группе Центрального Военно-промышленного комитета (ВПК) работал Богданов. Но идея движения уполномоченных — совсем другая. Это не работа под прикрытием легального, санкционированного правительством органа, а, напротив, самоорганизация рабочих в противостоянии власти. Это набор идей, хорошо известных социалистическому движению России с начала XX в. — рабочего съезда и Советов. Кстати, Богданов был одним из «архитекторов» системы Советов в 1917 г. В 1918 г., когда старые Советы переродились, естественно возникла мысль возродить рабочую самоорганизацию под новым названием. Меншевик Ю. Денике, который сотрудничал тогда с Богдановым, вспоминает, что идея была «импровизацией, искрой», результатом успехов меньшевиков на рабочих митингах. Эти успехи нужно было закрепить организационно¹.

В марте, после заключения Брестского мира, в условиях неопределенности, связанной с немецкой угрозой и отъездом правительства, в Петрограде созрели условия для выборов неподконтрольных Совету уполномоченных коллективов предприятий.

За Невской заставой меньшевики и беспартийные рабочие активисты собрали 3 марта организационное собрание, которое приступило к выборам рабочих представителей. Эти выборы напоминали создание Петроградского Совета. Ю. Денике вспоминает, что «большевики оказались неожиданно пассивными»², опасаясь новых конфликтов в условиях германской угрозы.

Организационное бюро, созданное 3 марта, предложило обсудить сложившуюся опасную для рабочего класса ситуацию, когда «идет и шириться будет контрреволюция», «капитал только, видимо, притих», а у рабочего класса нет средств защиты. Профсоюзы и заводы «не своим делом заняты. Из независимых боевых органов рабочего класса они стали частью правительственной власти... Советы стали правительственными органами. Там уже не все могут говорить свободно. Мы потеряли право посылать тех, кому мы верим». Предлагалось обсудить, «как сделать, чтобы наши организации стали независимы и стали органами нашей борьбы и нашей защиты»³.

I заседание Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда состоялось 13 марта. 110 делегатов представляли 24 предприятия. 35 участников были меньшевиками, 33 эсерами, 1 энесом и 42 — беспартийными. Решающий голос был предоставлен только представителям предприятий, совещательный — центрально-

¹ Меншевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 184.

² Там же. С. 185.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 37.

му и районным оргбюро по созыву собрания, Петроградскому союзу потребительских обществ, районным кооперативным объединениям и профсоюзам. А вот представителям партий, если они не были уполномоченными, даже совещательного голоса не дали¹. Движение уполномоченных не хотело повторить урок Советов, в которых партии сразу заняли доминирующее положение. Скептицизм части рабочих в отношении партий выливался в экономизм, стремление ограничиться только борьбой за зарплату и работу — вне зависимости от политического режима. В авторитарной системе экономизм обречен на поражение. Чувствуя себя уверенно, власть может дезорганизовать «аполитичное» движение арестами и подачками, которые потом легко отнять. Актив социалистических партий понимал это, и, как писал историк А.В. Гоголевский, «аполитичность рабочих беспокоила меньшевиков и эсеров в не меньшей степени, чем большевиков»².

От имени организационного бюро собрание открыл меньшевик Богданов. Изложив основные положения обращения оргбюро, он позволил себе с партийных меньшевистских позиций покритиковать заводские комитеты, которые «заняты захватом предприятий»³. Но такое отношение к рабочему управлению предприятиями разделяли не все делегаты. Представитель фабрики «Паль» Дунаев говорил: «У нас работа идет. Есть еще запас на 3–4 месяца. Комитет держим в руках. Все вопросы решаются на общих собраниях. Расплата производится 4 раза в месяц»⁴. Впрочем, такой оптимистичный доклад о положении на предприятии был исключением — экономика Петрограда болезненно переживала перестройку на мирные рельсы — весьма хаотичную. Большевики не смогли организовать планомерный переход к производству мирной продукции военными заводами. В этом была сила и слабость рабочей оппозиции большевизму — в той отчаянной ситуации росло недовольство, но рабочий класс Петрограда был деморализован и распадался.

Выслушав доклады с мест, участники собрания 13 марта решили направить свою делегацию на IV съезд Советов и потребовать:

- «1. Отказа утвердить кабальный, предательский мир;
2. Постановления об отставке Совета народных комиссаров;
3. Немедленного созыва Учредительного собрания...»⁵

Все эти требования были чисто политическими и соответствующими позиции эсеров и меньшевиков. Несмотря на стремление к само-

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 39.

² Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 130.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 40.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 53.

стоятельности от партий, уполномоченные пока не смогли выработать собственную повестку и социальную программу, превратившись на этом этапе в структуру поддержки социалистов в борьбе за восстановление Учредительного собрания. В результате к уполномоченным сформировалось и соответствующее отношение со стороны власти и части рабочих, сочувствовавших большевикам и колеблющихся в этом сочувствии. Естественно, на съезд Советов делегатов собрания не допустили. Однако они донесли идею выборов уполномоченных до московских рабочих, проведя около 30 собраний, в том числе на Прохоровской мануфактуре и в мастерских Александровской железной дороги. По мнению петроградских делегатов, в Москве ситуация была легче и с продовольствием, и с политическим режимом: «Рассказы о терроре, который здесь царит, поражали москвичей». На рабочих митингах, даже там, где выступали высшие советские руководители, давали говорить оппозиционным социалистам¹.

27 марта в Москве состоялось совещание рабочих 20 предприятий и представителей нескольких профсоюзов, которые избрали временное бюро из 12 человек. Число представленных предприятий росло от совещания к совещанию.

В воззвании Московского временного бюро беспартийных рабочих совещаний говорилось: «Настало, товарищи, время, когда нам самим, самой рабочей массе, нужно хорошо обсудить создавшееся положение и найти какой-нибудь выход. Нам нужно найти верные пути к восстановлению и освобождению наших разрушенных и попавших в плен к власти организаций»². Массовое движение уполномоченных развернулось в Самаре, Сормово и др.

15 марта было избрано бюро Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда (ЧСУФЗП) — своего рода альтернативный исполком рабочего Совета. В него вошли председатель Е. Берг — видный эсер, член ЦК ПСР, в прошлом электромонтер; М. Каммермахер — меньшевик, печатник; Н. Глебов — слесарь Путиловского завода, бывший меньшевик, а теперь — сторонник создания Единой рабочей партии, альтернативной существующим левым партиями и социалистической интеллигенции; А. Смирнов, слесарь, меньшевик, член ЦК; К. Корохов, рабочий-эсер; Рагозин — рабочий-меньшевик; беспартийный рабочий Зимин; М. Яковлев — рабочий-меньшевик; С. Кононов — рабочий-эсер; беспартийный рабочий М. Зверев. Таким образом, в бюро было 3 эсера, 4 меньшевика и 3 беспартийных, один из которых надеялся осуществить соб-

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 129.

² Там же. С. 382.

ственный партийный проект. Некоторые члены бюро одновременно были депутатами Петросовета. Среди кандидатов в члены бюро было 5 меньшевиков, 2 эсера и 1 беспартийный¹. Руководство движения вполне контролировалось социалистическими партиями — прежде всего благодаря популярности и активности в движении партийных рабочих-социалистов.

15 марта на собрании пытался выступить известный анархист Блейхман, но, поскольку он не представлял какое-то предприятие, в слове ему было отказано². Однако синдикализм был представлен на собрании беспартийными, поддерживавшими рабочий контроль, против которого выступали меньшевики. Часть делегатов считала, что его упразднение — «потеря всех наших завоеваний»³. В борьбе с этой точкой зрения Каммермахер встал на сторону капиталистов: «Если не было бы рабочего контроля, промышленники давным-давно нашли бы возможность наладить производство, демобилизовать промышленность»⁴. Оставалось объяснить, что мешало им наладить производство накануне прихода к власти большевиков?

Собрание попыталось найти способы решения проблем, которые оказались не по зубам большевикам. Как бороться с безработицей? Организовывать кооперативы, разгружать столицу от неквалифицированных рабочих, которые пришли в оборонку во время войны, организовать общественные работы и общественные столовые. Поскольку Советская власть организовать все это не сумеет, нужно восстановить городские думы и занять этим вопросом профсоюзы⁵. Близкие идеи высказывали делегаты рабочей конференции в Туле 2–3 марта⁶.

В движение были вовлечены крупнейшие заводы Петрограда — Путиловский, Обуховский, Балтийский, Вестингауз, всего 83 предприятия. По собственным оценкам, уполномоченные представляли 40 тыс. человек⁷. 31 марта в бюро ЧСУФЗП был произведен обыск — власть заметила угрозу. 10 апреля на собранный уполномоченными митинг на Патронном заводе явился один из лучших петроградских большевистских ораторов В. Володарский с большой свитой и потребовал слова. Ему предложили записаться в очередь. Тогда большевики стали шуметь, не давали другим выступать, началось столкно-

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 59.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 79, 81, 83, 85.

⁶ Там же. С. 373.

⁷ Там же. С. 55.

вание, и красногвардейцы разогнали митинг¹. Однако в этот период конфликт властей и рабочей оппозиции не перешел в фазу решающего столкновения — это произойдет уже в июле, в условиях широко-массштабной гражданской войны.

Уполномоченные надеялись провести 1 мая собственную демонстрацию, однако вскоре обсуждение этого плана пошло в скептическом ключе: «Настроение подавленное. Под влиянием голода, отчасти застраивания. Если выйдут на улицу 1-го Мая, то только маленькие кучки, которых не стоит и показывать. Шествие будет плачевное и жидкое». «Печально бить отбой, но придется это делать. Масса с нами солидарна, но к борьбе не готова»². Первый раунд движения уполномоченных закончился спадом, но они не собирались прекращать борьбу в надежде, что дальнейшее ухудшение социального положения все же поднимет рабочий класс на борьбу с большевизмом. Однако пока рабочие колебались и не спешили менять большевиков на социалистов.

Разуместся, не все рабочие поддерживали большевиков, но нельзя сказать, что большинство рабочих Петрограда активно против них выступало³. Это были две крупные группы, между которыми располагалась третья, настроения которой высказал на созванной советскими властями районной конференции представитель табачной фабрики Шапошникова: «Отношение у нас, рабочих, к Советской власти — ни то, ни другое. Какая бы власть не была, лишь бы хлеб был»⁴.

А вот с хлебом дела шли неважно. В мае в Петроград пришел уже полноценный голод. Для того чтобы обеспечивать паек в 500 граммов хлеба в день, нужно было получать 2000 вагонов в месяц. А в апреле прибыло 550 вагонов. Можно было бы обеспечить и этими вагонами 100 граммов в день (голодная норма), но власти распределяли это продовольствие неравномерно, и начались перебои даже с этим скудным пайком⁵.

9 мая красногвардейцы стреляли в рабочих в Колпино, где располагался крупный Ижорский завод. Эти события были вызваны отсутствием хлеба в лавке в течение нескольких дней. Совет был

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 134–135.

² Там же. С. 197, 201.

³ Д.Б. Павлов считает, что движение уполномоченных представляло от половины до двух третей рабочих Петрограда (*Павлов Д.Б. Собрания уполномоченных фабрик и заводов России*. С. 13). Но такую статистику дают сами уполномоченные. Ей можно было бы поверить, если бы уполномоченные смогли вывести хотя бы половину рабочих Петрограда на демонстрацию или стачку.

⁴ Цит. по: *Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг.* СПб., 1999. С. 34.

⁵ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 235.

непопулярен, а накануне «на Пасхе некоторые члены Совета и Исполнительного комитета перепились». Толпа женщин 9 мая пошла к Совету требовать хлеба. Участники этой демонстрации вступили в перепалку с работниками Совета и дали гудок, чтобы созвать рабочих. Красногвардейцы стали стрелять, были раненые. Вечером рабочие Ижорского завода собрались обсудить ситуацию, и этот митинг не сулил коммунистам ничего хорошего. К заводу была направлена Красная гвардия. Когда рабочие вышли с завода после митинга, произошли столкновения, Красная гвардия открыла огонь. Были раненые и один убитый рабочий. Начались аресты¹.

В Сестрорецке рабочие и их жены были возмущены тем, что хлебный паек заменили сто граммами овса. Начались волнения, во время которых был избит представитель Совета. В ответ несколько рабочих было арестовано. Завод три дня бастовал и обратился за помощью к движению уполномоченных².

События в Колпино вызвали волну митингов и резолюций протеста на петроградских предприятиях. Замитинговали обуховцы и путилевцы, рабочие других питерских предприятий. Массовый протест по поводу стрельбы в Колпино выразили рабочие не только Петрограда, но также Москвы, Нижнего Новгорода, Ярославля и Рыбинска³.

В мае забастовали рабочие Невского района Петрограда, но собрание уполномоченных призывало пока повременить — для подготовки общего выступления летом.

Лидеров уполномоченных беспокоило, что вспышки протеста происходили уже не только под социалистическими, но и под погромными лозунгами «Долой Советы! Дайте хлеба! Бей жидов!»⁴ Правые настроения проявлялись среди рабочих не только в Петрограде. В марте толпа рабочих ворвалась в здание банка в Екатеринбурге и стала требовать денег и ругать большевиков: «Коли вы власть, так дайте нам дешево хлеба. Арестовали царя, при котором нам жилось много лучше, и хлеб был дешев, и все можно было на рынке купить, а теперь ничего нет, хоть с голоду умирай. Коли управлять не умеете, отдайте нам царя»⁵.

Вооруженные столкновения голодающих с войсками произошли в Клину, Коломне⁶ и других городах.

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 219–220, 226–227.

² Там же. С. 231–232.

³ Чуриков Д. О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России. С. 30–31.

⁴ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 233.

⁵ Цит. по: Хазиев Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах. Хаос, контроль и стихия рынка. С. 50.

⁶ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 529.

В письме А. Штейну 16 июня Ю. Мартов подводил итоги предвоенной кампании городского сопротивления большевизму. Разгоны Советов большевиками произошли в Златоусте, Ярославле, Сормове, Орле, Вятке, Рославле (Смоленской губернии), Тамбове, Гусь-Мальцеве (текстильный центр Владимирской губернии), Борогородском Нижегородской губернии.

Чистки Советов от оппозиции до середины июня произошли в Ростове-на-Дону, Саратове, Калуге и др. Забастовки протеста прошли неоднократно в Ярославле, Сормове, Туле, однократно — в Луганске, Сестрорецке, Костроме, Коломне, Богородском, Коврове, Рыбинске, Архангельске, Твери, Орехово-Зуево, на отдельных заводах Москвы и Петрограда¹.

Меньшевики на партийном совещании РСДРП 21–27 мая спорили о том, продолжать ли работу в Советах, и большинством голосов решили сочетать борьбу за Советы с поддержкой несоветского рабочего движения уполномоченных. Но в целом они рассчитывали на то, что обстановка изменится — ведь большевистский эксперимент должен вскоре провалиться. Возможно, это произойдет в результате внешней интервенции империалистов, и меньшевики, хоть и жаждали краха большевистского режима, оговаривали, что не будут поддерживать антисоветское вмешательство извне². В целом позиция РСДРП оказалась выжидательной.

А вот эсеры рвались в бой с Советской властью. В резолюции их VIII совета партии, проходившего 7–16 мая, говорилось, что ликвидация большевистской власти «не только не усугубит гражданской войны в рядах трудовой демократии, но, наоборот, поведет к восстановлению единства демократии, ибо плоды большевистского режима и вторжения германских войск, несущих реставрацию монархии, явились тем сильным средством, которое излечило массы от большевистского угара»³. После разгона Учредительного собрания эсеры уже не боялись гражданской войны. После свержения большевиков планировалось восстановить демократию от земств и самоуправлений до Учредительного собрания, которое назначит новые выборы. И хотя докладчик Е. Тимофеев, говоря о средствах уничтожения большевистского режима, предостерегал партию от заговорщической тактики и прямо не говорил о восстаниях, партия должна была поддерживать массовые антибольшевистские движения, которые

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 548.

² См.: *Ненашихов А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2011. С. 347–355; Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 215–221.

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 390.

могут «захватывать целые области и в них закрепляться»¹. А ненасильственным движениям большевики не позволяли «закрепляться» в целых областях.

Большевики показали, что готовы защитить свою власть силой, соразмеряя уровень репрессивности с угрозами своему режиму. Пока они чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы отбиться от разрозненных волнений и оппозиционной активности социалистов с помощью Красной гвардии и высылки смутьянов. Но, справившись с оппозицией, большевики стали терять обратную связь между властью и обществом, между господствующей партийно-государственной элитой и терявшими терпение рабочими и крестьянами.

Еда и диктатура

Неэффективность государственного управления промышленностью в первой половине 1918 г. — это полбеды. В конце концов промышленность еще продолжала работать и производить много полезного селу — пусть и в недостаточных количествах. Нельзя сказать, что рабочие не хотели работать, а новое руководство предприятий совсем не могло организовать производство — во многих случаях очень даже могло. Но крестьянам было очень сложно получить произведенную промышленную продукцию из-за дезорганизации обмена. Вместо того чтобы создавать систему государственного регулирования рыночных отношений, большевики принялись разрушать рыночные институты, еще не построив им альтернативу. В итоге воцарился хаотический бартерный обмен, разрушивший те правила продовольственной монополии, которые худо-бедно работали при Временном правительстве.

* * *

По мнению историка С.А. Павлюченкова, «в сущности, в первом полугодии 1918 года оказался полностью проведенным в жизнь лозунг “Земля — крестьянам”, и этот лозунг на практике оказался лозунгом голода... Будучи воплощенным в жизнь, лозунг “Земля — крестьянам”, которым революционеры всегда приманивали на свою сторону крестьянство, привел к отказу крестьян от обязанностей по отношению ко всему обществу»². Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Оказывается, у крестьянина, в отличие от остальных, есть некие «об-

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 377.

² Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 110.

щественные обязанности» кормить города, даже если веселые горожане не собираются делать что-то полезное для крестьян.

Веселые помещики пили шампанское, пока крестьяне голодали и пахали, потому что помещикам принадлежала земля, которую они не обрабатывали. А теперь эту землю получил тот, кто на ней работает, у него появился шанс не голодать, и это, оказывается, «лозунг голода». Крестьянство нуждалось в продукции города и было готово обменивать продовольствие на мануфактуру, металлические и иные промышленные изделия. Передача земли крестьянам могла стимулировать сельскохозяйственное производство в условиях гражданского мира, сохранения промышленного производства и денежного обращения, развития кооперативного снабжения и др. Голод на территории, контролируемой большевиками, стал результатом не передачи земли крестьянам, а сокращения городом полезного для деревни производства.

Товарообмен между предприятиями и деревней шел и позволял рабочим получать продовольствие. Крестьяне вполне готовы были кормить город, не в силу некоторых внеэкономических «обязательств», а в порядке товарообмена.

Крестьяне были не против такого продуктообмена, выступая иногда его зачинщиками. Так, например, Гуляйпольский Совет во главе с Н. Махно направил в Москву вагон продовольствия с тем, чтобы назад рабочие прислали вагон с мануфактурой. Однако на обратном пути вагон попытались перехватить уездные власти, и «махновцам» пришлось угрожать походом на Александровск, чтобы вернуть вагон¹.

Пока фабзавкомы сохраняли влияние на национализированных предприятиях, они продолжали заниматься бартером с крестьянами. По словам историка Р.А. Хазиева, «на крупных заводах Урала складывались хозяйственно-производственные отношения, приобретшие черты регионального хозрасчета. Преимущественно это выражалось в исполнении, в обход ВСНХ, выгодных коммерческих заказов; текущих продажах товаров постоянного спроса на местных рынках, в массовых обменных операциях промышленных изделий на продукты питания... Операции могли исчисляться эшелонами и небольшими размерами сделок... Особенно крупные партии металла "усиленно распродавались... в течение первой половины 1918 года" со складов 25 крупнейших уральских заводов, насчитывавших 9 335 500 пуд. учтенной продукции. Несанкционированный отпуск продукции на Богословском заводе, когда "прошел на Омск вооруженный ружья-

¹ См.: Шубин А.В. Махно и его время. О революции и гражданской войне в России и на Украине 1917–1922 гг. С. 39–40.

ми и пулеметами поезд, груженный железом, с целью разменять это железо на хлеб и привезти тем же порядком обратно», — один из немногих примеров обнаруженного ВСНХ «хозяйственного самовольства». Обнаружить такие примеры, впрочем, было несложно, так как газеты пестрели объявлениями о продаже и обмене кровельного и котельного железа, проволоки, литья, меди, теса, бревен и т. д. При этом предприятия сопротивлялись попыткам ВСНХ заставить их работать по государственному плану, «каждый завод представлял из себя самостоятельную республику, не поддаваясь общему учету и руководству». В результате национализированные предприятия Урала восстановили рентабельность, чему способствовало в то же время и получение государственных дотаций. «Национализированные предприятия Урала несанкционированным рыночным производством отчасти компенсировали потери от обязательных поставок продукции по твердым ценам»¹.

Недостатком такого продуктообмена был его хаотичный характер. ВСНХ не признавал право предприятий заниматься бартером, хотя и вынужден был смотреть на него сквозь пальцы. Получение продовольствия на добровольной основе требовало продуктообмена и накопления промышленных товаров. Продовольственная монополия не могла осуществляться без монополии на все остальное. Пока решение не было принято в общегосударственном масштабе, инициативу проявляли региональные советские органы. Так, уже в марте в Калужской губернии (Калужской советской республике) были взяты на учет спички, стекло и бумага². Но обменять их на продовольствие можно было либо полуполюгально, либо с санкции центральных органов, которые работали неповоротливо и не гарантировали получение продовольствия. Назревал конфликт между Советами и Центром, претендующим на функции регулирования, но плохо справляющимся с ними.

Так, на заседании Калужского губисполкома в марте председатель Калужского Совнаркома П. Витолин критиковал центральные продовольственные органы, которые настаивают, что нельзя заготавливать продовольствие без нарядов из Петрограда, что затрудняет работу региональных центров³.

В целом по стране бартер слабо регулировался и шел по принципу «кто смел, тот и съел». В условиях дефицита продуктов они доста-

¹ Хазиев Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах. Хаос, контроль и стихия рынка. С. 52–53, 55.

² Берговская И. Н., Филимонов В. Я. Калужская советская республика. С. 74.

³ Там же.

вались не всем. Советы и отдельные заготовительные организации вступили в конкурентную борьбу за продовольствие.

Так как у нового государства, в том числе у местных Советов, не был выстроен аппарат, способный доставлять грузы от производителей к потребителю, дело продуктообмена было доверено представителям коллективов, получавшим наряды — документы, дававшие право на получение продовольствия по государственной цене. Но получить наряд и заветную еду — это еще не одно и то же.

Заготовки были делом хлопотным. Так, часть продовольствия, предназначенного Богородско-Глуховской мануфактуре, пропала по дороге, грешили на красногвардейцев, которые якобы распродали груз¹. Из-за неритмичности поставок хлеб в рационе богородских рабочих в начале мая заменили на пшено и рис, предлагалось купить копченой колбасы 8 рублей за фунт². Нормы отпуска продовольствия на апрель на предприятии составляли: хлеб выдавался по полфунта в день на человека по цене 26 коп. за фунт, сахар по 1,50 коп. за фунт — $\frac{3}{4}$ фунта; солонина, телятина и шпик — 2,25 коп. за фунт — $\frac{3}{4}$ фунта на 2 недели, керосин 19 коп. — 3 фунта³.

Богородский Совет закупал продовольствие за наличные для льготной продажи рабочим, выступая в роли торговой организации или кооператива. В апреле ему удалось заключить договор на поставку копченой колбасы 500 пудов за 290 рублей, вареной 300 пудов за 195 рублей и др.⁴

Направляя своего представителя за продовольствием, Совет написал ему мандат, в котором говорилось: «Причем, ввиду сложившегося вопроса в продовольствии и даже голода в нашем Богородском уезде, просим всевозможные организации и железнодорожный персонал по возможности оказывать ему, Сопову, надлежащее и всевозможное содействие»⁵. Возымеют эти слова действие или нет — зависело от везения и личного обаяния Сопова. Какого-то специального интереса оказывать ему содействие у советских органов за пределами уезда не было, а ехать нужно было через пол-России, по которой носились заготовители других предприятий и регионов.

16 апреля экстренное совещание рабочих Богородской фабрики констатировало провал попыток заготовить продовольствие по нарядам и потребовало, что если хлебные наряды не будут выполнены полностью — предоставить право самостоятельной заготовки

¹ ЦГАО. Ф. 2446. Оп. 1. Д. 55. Л. 8–8а.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 157.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 80.

за деньги и дать ссуду 4 млн рублей. Это требование к вышестоящим властям было поддержано Богородским Советом и профсоюзом¹. Рабочие были недовольны, на выборах дали большинство социалистам. Большевики свое поражение не признали. 24 мая рабочие взбунтовались, было убито несколько большевиков, в промышленное село был направлен военный отряд². Продовольственные волнения, сопровождавшиеся нападениями на здания Советов и на советских работников, произошли в первой половине года в Твери, Рыбинске, Павловом Посаде, Шуе, Нижнем Новгороде, Кинешме. Это были выступления преимущественно средних городских слоев, но в них активно участвовали и рабочие³.

В сельской местности тоже возникал голод, причем до введения продразверстки, которая выкачивала продукты из села. Не только города, но и многие уезды ввозили хлеб, а вывозили лен, торф и другую продукцию. Теперь, при отсутствии рыночного механизма, крестьяне не знали, как сбыть плоды своего труда и получить продовольствие, и требовали от Совета это обеспечить, жаловались, что вокруг царит «целый хаос»⁴. Уездные советские руководители пытались успокоить посланников волостей. Мол, конфликты волостей улаживаем, из городов «идет мануфактура», открываются народные чайные, где можно дешево поесть⁵.

Не без труда удалось принять резолюцию: «Зубцовский крестьянский съезд усматривает хорошее будущее и надеется, что все имеющиеся в настоящее время дефекты скоро будут устранены, и настанет жизнь русского революционного крестьянства, введение культуры, техники и просвещения с той трудовой интеллигенцией, которая идет с трудовым измученным русским народом»⁶.

Нужно учитывать, что съезды Советов отражали настроения крестьянства не напрямую, а через советский актив — через ту часть крестьян, которые поддерживали советскую систему и были готовы в ней работать. В начале 1918 г. и эта часть крестьян проявляет недовольство в хлебопотребляющих губерниях. Голод подрывал социальный фундамент Советской власти, население хлебопотребляющих губерний нужно было срочно накормить за счет хлебопроизводящих. 16 февраля Зубцовский Совет обсуждал, как обеспечить

¹ ЦГАМО. Ф. 2446. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

² Юрнев А. И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). С. 194.

³ Капищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995. С. 128–131, 135.

⁴ ЦГАМО. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–11.

⁵ Там же. Л. 11 об.

⁶ Там же. Л. 12.

поставки хлеба. Пробовали посылать ходока с деньгами на Кавказ, но договориться он не смог, лишь потратив часть денег на газеты¹.

От центральной власти помощи пока не было, и Советы стали обсуждать, как наладить продуктообмен по горизонтали. Говорили, что для успешной доставки продовольствия «желательно влить в состав Советов хлебоборбных губерний наших представителей с правом совещательного голоса для плодотворной работы по продовольствию здешнего населения хлебом»².

Из-за конкуренции Советов в борьбе за ресурсы возникла неразбериха, о которой говорилось, в частности, на заседаниях уполномоченных рабочих Петрограда: «Большевики передали право закупок и продажи местным Советам. Один Совет покупает, а другой запрещает к вывозу купленное»³. Тульские большевики перехватывали грузы, предназначенные для Новгородской губернии и ставили себе это в заслугу перед тульскими рабочими⁴. В результате до северных губерний и Петрограда не доходила значительная часть даже причитавшихся им продуктов. А ходоки от городских учреждений хаотически метались по стране, вырывая заказы из-под носа друг у друга, и при этом масса продовольствия оставалась невывезенной.

Интересный обзор экономической ситуации в апреле 1918 г. был составлен военно-экономическим отделом военного ведомства при Главпочтамте на основе анализа телеграфных сообщений. В нем говорилось: «Урожай. Сведения пока не особенно утешительные. В Тверской, Костромской и Черниговской губерниях предстоит очень плохой урожай, хлеба мало — семена проели и сеять нечего». Это касалось, конечно, не только этих трех губерний. Плохо дело обстояло и в Смоленской, Самарской и в Саратовской губерниях, а вот положительных примеров не приводится. Из-за расстройства транспорта не удалось перебросить в центральные районы рыбный улов из Астрахани, и он пропадает. «Торговля за последнее время несколько оживилась, благодаря тому, что провинция сильно нуждается в товарах, хотя цены стоят очень высокие, но торговцы думают, что этот год не будет хуже прошлого... Отсутствие денежных знаков выдвинуло новый вид торговли — меновой. Так, союз маслоделателей Сибири предлагает Крассовету ходатайствовать о ввозе клепки из-за границы для обмена на отруби, жмыхи и масло. В Омске многие голодающие губернии привезли свои товары для обмена на хлеб... Главным предметом спекуляции в настоящее время является мука

¹ ЦГАМО. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

² Там же. Л. 131 об.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 229.

⁴ Там же. С. 377.

и все жизненные продукты. В Саратовской губ. грузится мука в огромном количестве, но по неизвестному назначению, в то время как на месте в ней ощущается уже нужда... Крестьяне усиленно скрывают хлеб, овес, сено и ни на какие деньги не продают»¹. Спекуляция, дороговизна, дезорганизация товарообмена, вовлеченность Советов в бартерные операции, причем не самые эффективные, — таковы были первые итоги экономической политики Советской власти.

Большевики пришли к власти с обещанием наладить продовольственное дело лучше, чем органы Временного правительства, но справлялись с этой задачей гораздо хуже. Поскольку большевики умудрились рассориться со специалистами, занимавшимися заготовками до ноября 1917 г., Октябрьский переворот привел не к укреплению, а к распаду регулирования в этой сфере².

В ноябре было собрано 33,7 млн пудов хлеба, в декабре — 6 млн (уровень, который потом придется выдавливать из крестьян с кровью), в январе — 2, в апреле — 1,6, в мае — 0,1, в июне 1918 г. — 21 тыс.³ В 1917 г. был недород, и в 1918 г. в Поволжье был недостаток хлеба даже для сева, отсутствовали излишки товарного значения⁴. Крестьянин не хотел отдавать хлеб «за бумажки», тем более «пролетарской партии». Ему нужна была промышленная продукция.

По подсчетам С.Г. Струмилина, основанным на данных продовольственных органов Петрограда, энергоемкость суточного пайка в калориях составляла в ноябре 1917 г. 1241 калорию, в декабре — 1162, в январе 1918 г. — 771, в феврале — 612, в марте — 1082, в апреле — 1023, в мае — 899. Притом, что для поддержания жизни требуется не менее 2300, а для работы средней интенсивности — 3100 калорий⁵. Остальное приходилось добирать покупками на рынке, своими заготовками, помощью из деревни. Цены росли так быстро, что доход рабочего позволял обеспечить его семью с рынка только дня четыре⁶.

Значительную роль в нарастании продовольственных трудностей сыграл Брестский мир. По данным известного экономиста-меньшевика С.О. Загорского, из 650 млн пудов хлебных запасов России 350 млн пудов приходилось на Украину, 110 млн — на Северный Кав-

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 42. Л. 60.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 122–129.

³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 366.

⁴ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 88–90.

⁵ Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958. С. 252–256, 279.

⁶ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 57–58.

каз, 143 млн — на степной край и Западную Сибирь. Население после Бреста сократилось вдвое, а продовольствия к маю в Центральной России и Сибири (подвоз с Северного Кавказа был крайне затруднен из-за действий немцев и белых) осталось 150–200 млн пудов. Брестский мир, как мы увидим, не остановил военных действий в хлебных районах. К тому же продовольствие нужно было перевезти, а количество исправных паровозов за год упало с 20 тыс. до 6 тыс., добыча угля — на 25 %, посев упал примерно вдвое¹.

Не сумев преодолеть кризис промышленности, транспорта и обмена, Советская власть встала перед лицом голода в городах. Получив землю, крестьяне могли жить для себя. Они меньше, чем горожане страдали от разрухи, начавшейся до Октября, но усугубившейся в результате политики большевиков. Передача земли крестьянам могла стимулировать сельскохозяйственное производство в условиях гражданского мира, сохранения промышленного производства и денежного обращения, автономных общественных организаций, в том числе кооперативного снабжения. Но эти условия не были соблюдены.

Нужно было срочно «доставлять» систему снабжения городов продовольствием, устранив ее хаотичность. Это можно было сделать двумя путями. Либо устанавливая общие правила доступа к продукции предприятий и регионов, в ней нуждающихся: с помощью кооперативов или регулируемой государством деятельности посреднических организаций и индивидуальных торговцев; либо путем жесткой централизации продовольственного дела, изъятия продукции у крестьян в пользу государства с последующим распределением по всей стране. Нетрудно заметить — и это потом подтвердит практика, — что второй путь менее эффективен, ведь потоки продовольствия будут направляться чиновниками, удаленными от мест заготовки на сотни и тысячи верст. Даже небольшое перемещение груза должно было санкционироваться в Москве. Зато исчезали материальные стимулы для крестьян расставаться с продовольствием. Но этот путь был проще и не требовал компромиссов со специалистами, торговцами и верхами деревни.

* * *

26 марта был принят декрет о товарообмене, и в хлебопроизводящие регионы отправились эшелоны с накопленными в городах промышленными товарами. Однако менять товары на хлеб воспрещалось. В случае успешной сдачи продовольствия волостями това-

---

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. С. 228–229.

ры должны были равномерно распределяться между жителями при активном участии бедноты¹. Советская власть стремилась быть популярной среди бедноты, а не среди кулачества и зажиточных крестьян, к которым товары попали бы в случае их прямого обмена на продовольствие.

Наиболее удачно продуктообмен прошел на Юге России (здесь — включая Украину), где благодаря ему удалось получить 9260 тыс. пудов хлеба. Всего было заготовлено 17,3 млн пудов. На юге Советская власть сотрудничала с кооперацией, в частности с Потребительским обществом Юга России². А это заставляло отступать от «классового» подхода при распределении продукции, «выманивая» продукты с помощью промтоваров у тех крестьян, у которых были излишки.

Такой подход практиковался в Москве. В апреле Московская область с помощью крестьянских Советов заготовила 1402 вагона продовольствия, что составляло 14,9 % плана³. Секрет этого относительного успеха заключался не только в организаторских способностях московских большевиков, но и в том, что комиссар продовольствия Московского района А. Рыков был умеренным большевиком и сотрудничал как с Советами, так и с дооктябрьской продовольственной общественностью. Обратной стороной успехов Москвы и области в снабжении горожан продовольствием были неудачи Петрограда и других северных центров, до которых не доходил хлеб, «перехваченный» Москвой.

26 апреля проблема продовольственных заготовок обсуждалась на Комиссии по разбору конфликтов и по разграничению прав и функций центральных правительственных учреждений и СНК Московской области. Представитель центрального Совнаркома в комиссии М. Ладис взял быка за рога и поставил проблему: «некоторые области, и в т. ч. Московская область, присвоили себе функции, которые области, как таковые, иметь не должны»: транспорт, иностранные, национальные, военные дела и др.⁴ Нарком продовольствия А. Цюрупа более категорично заявил, что в Москве образовался лишний бюрократический институт, который мешает передаче указаний из центра на места. Цюрупа исходил уже из новой модели власти, когда решения принимаются в центре, а региональный уровень является лишним.

¹ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. С. 35.

² Борисов В. И. Продовольственная политика на Юге России (август 1914 — март 1921 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 28, 30.

³ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. С. 49

⁴ ЦГАМО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 8–9.

На заседании 30 апреля представитель Центрального комитета продовольствия Шмидт докладывал: «В прошлом областной продовольственный комитет выполнил такую работу, за которую до него никто не брался, и развил свою деятельность не считаясь с рамками области, но в настоящее время, когда воссоздался центральный продовольственный аппарат, подобное положение создает ряд столкновений в практической работе между центром и областью»¹. Московский областной Совнарком взял на себя управление некоторыми центральными главками, такими как Центрочай, Центроткань, Центромыло, при этом центральные ведомства о его действиях не ставят в известность. Ресурсы этих главков распределяются через областной продкомитет². Неудивительно, что в своей деятельности Московский продовольственный комитет вышел за пределы области и стремился везде иметь свой аппарат, прежде всего в хлебопроизводящих губерниях³. Выкачивая оттуда продовольствие, прежде всего для своей области, Москва объективно подрывала возможности получения продовольствия другими регионами. Если бы более эффективный аппарат Рыкова работал для всей России, то лучше было бы и Петрограду, и Твери, и Ржеву. Но для этого должны были быть иначе устроены отношения центрального правительства и всех субъектов продовольственного дела. После поражения проекта однородного социалистического правительства это было невозможно, но умеренные большевики взялись за дело в Москве, и своими успехами не только оттенили провал радикальной политики наркома продовольствия А. Шлихтера, но выявили порочность неупорядоченности продуктообмена.

Умеренный большевик И. Теодорович «указывает на огромный вред сепаратных действий отдельных учреждений в продовольственном деле». Лацис сделал из этого практический вывод: аппарат Московского продовольственного комитета должен был быть передан центру, чтобы работать по единому плану. Рыкову было обидно отдавать центру налаженное дело, и он позволил себе высказать сомнение: «План — хорошая вещь, но выполнение плана уже лопнуло», что видно на примере работы Центроткани. «Создается такое положение, при котором склады завалены мануфактурой, в деревне же есть деньги, но нет мануфактуры. Распределяется только ничтожный процент производимых товаров, у нас финансовый кризис, положение катастрофическое»⁴. Таким образом, дело не просто в том, кто будет управлять государственными структурами, а как будут стро-

¹ ЦГАМО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 16.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же.

иться отношения управленцев, производителей и потребителей. Пока бюрократизация обмена привела к тому, что «в настоящее время наблюдается уплата рабочим зарплаты мануфактурой, и рабочие обращаются в мелких мещан, торгующих тканью». Рыков не против перехода к нетоварному обмену в перспективе, но для этого в каждой деревне должен быть распределительный пункт, «но в деревне, а не на бумаге»¹. Пока этого нет, Рыков не хочет отдавать наработанные структуры снабжения Цюрупе и его команде. Сначала организуйте поставки, потом ликвидируем свой аппарат. Представители центра Енукидзе и Шмидт настаивали на том, чтобы вне области Московский продком действовал только по заданиям центра².

3 мая Цюрупа, за которым очевидно стоял Ленин, заявил на комиссии, что областной комитет большевиков нарушает постановления ЦК³. Но москвичи не собирались создавать новую оппозицию, и А. Розенгольц выступил за общую работу, которая может быть успешнее теперь, после удаления Шлихтера, «при котором не мог наладиться общий план работ». Заместитель Цюрупы Н. Брюханов продолжал возмущаться, что «власти на местах сами вводят твердые цены и нарушают общий план работ; такой самостоятельности мы не допустим». Цюрупа предложил такой итог обсуждения: внутри области московские власти автономны, но вне ее действуют по общему плану. Шмидт уточнил: «По точным заданиям Цюрупы и в исполнение общего государственного плана»⁴. Розенгольц предложил, чтобы центр сносился с областным комиссариатом продовольствия, но в новой системе областной комиссариат был лишним звеном, и Цюрупа выступил против: «Нет никакой необходимости центральному комиссариату сноситься с г. Орлом через Москву — это внесет путаницу и осложнит дело». Предложение Розенгольца отвергли⁵. С советским экономическим федерализмом было решено заканчивать. Цюрупа как наркомпрод получал полноту прав в области продовольственного дела, и продотделы местных Советов должны были превратиться в аппарат, выполняющий задания центрального наркомата.

Теперь предстояло принять общий декрет, который подчинял бы Наркомпроду и его аппарату не только Советы, но и собственно самих крестьян.

Вскоре председатель Московского областного продовольственного комитета Рунов подал в отставку из-за расхождений взглядов

¹ ЦГАМО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 17–18.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 46–47.

⁵ Там же. Л. 48.

с Наркомпродом, который теперь получил диктаторские полномочия. В своем откровенном письме Цурюпе Рунов подвел итог своему опыту борьбы с продовольственным кризисом и изложил альтернативу политике продовольственной диктатуры. Рунов утверждал, что сохранить хлебную монополию в существующих условиях нельзя, о чем он уже говорил на сессии продкомитета¹. Твердые цены на хлеб и другое продовольствие должны быть заменены гибкими. Необходимо участие всех общественных организаций, частного торгового аппарата «под строгим контролем советских правительственных учреждений..., создание заготовительных аппаратов с широким участием в них представителей потребляющих губерний с предоставлением им полной самостоятельности в вопросе как заготовки, так и снабжения населения хлебом и другими продуктами питания». Необходимо ввести запрет на самоуправные решения местных властей, препятствующих движению грузов. Закупки должны производиться исключительно по удостоверениям местных продовольственных организаций потребляющих губерний, а перевозки — по плановым удостоверениям². Таков был противоречивый итог работы одного из относительно успешных региональных продовольственных комитетов: нужно возвращаться к регулируемым рыночным отношениям с едиными, прозрачными правилами товарообмена.

Новая система диктаторского управления хозяйством из центра была несовместима с советским регионализмом. 20 мая Московский областной Совнарком был ликвидирован.

13 мая 1918 г. был обнародован декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. Наркомпрод получал диктаторские полномочия в этой области в отношении аппарата Советов. Это стало началом подчинения аппарата Советов центру и в других областях — советская демократия агонизировала. В соответствии с декретом, «излишки» продовольствия отчуждались у крестьян принудительно по твердой цене — многократно ниже рыночной. Создавались продотряды — голодные рабочие должны были сами добывать хлеб. «Ни один пуд хлеба не должен оставаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая». Остальное должно быть сдано в недельный срок. После чего «объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку, — вра-

¹ ЦГАМО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 10. Л. 112–112 об.

² Там же. Л. 112–113 об.

гами народа, предавать их революционному суду, заключать в тюрьму на срок не менее 10 лет, подвергать все имущество конфискации и изгонять навсегда из общины, а самогонщиков, сверх того, присуждать к принудительным общественным работам». Обнаруженный после этого хлеб изымается бесплатно, а половина стоимости по твердым ценам выплачивается доносчику. Наркомпрод получил право «отменять постановления местных продовольственных органов и других организаций и учреждений, противоречащие планам и действиям народного комиссара». В случае сопротивления он имел право применять вооруженную силу и распускать продовольственные органы на местах, увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций¹.

Историк В.В. Кондрашин считает, что переход к продовольственной диктатуре весной 1918 г. был неизбежен: «Была ли альтернатива избранному новой властью курсу на продовольственную диктатуру? На наш взгляд, нет. Товарный голод, низкий урожай 1917 г., потеря ряда крупнейших зерновых районов страны вследствие Гражданской войны и Брестского мира делали невозможным все остальные варианты»². Но введение продовольственной диктатуры произошло до потери зернопроизводящих районов в ходе Гражданской войны. Как мы видели, в 1918 г. применялись и более эффективные средства продуктообмена, чем прямой продуктоотъем.

Свердлов надеялся, что с помощью продовольственной диктатуры можно быстро отобрать у сельской буржуазии излишки хлеба в 12–15 млн пудов и таким образом продержаться до следующего урожая³.

Цюрюпа был настроен еще оптимистичнее. Он считал, что Самарская, Уфимская и Вятская губернии имеют десятки миллионов пудов лишнего хлеба, и еще по 12–15 млн пудов имеют Воронежская, Орловская и Тверская губернии⁴. Но крестьяне не соглашались просто так отдавать хлеб, по словам выдающегося экономиста Н. Кондратьева, «началась кошмарная полоса войны центральной России с ее окраинами, с ее житницами»⁵.

Декрет 13 мая положил начало стремительному изменению социально-политической системы Советской республики в направлении, определенном в работе Ленина «Очередные задачи Советской вла-

¹ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 264–266.

² Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 92.

³ Свердлов Я.М. Избранные статьи и речи. 1917–1919. М., 1944. С. 73.

⁴ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет. Москва, 4–10 июля 1918 г. М., 1918. С. 144.

⁵ Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 351.

сти». Эта перестройка завершится одновременно с началом широкомасштабной гражданской войны в июне 1918 г. — введением комбедов и национализацией промышленности. Такая модель централизованного управления экономикой получила название «военного коммунизма», а обстановка войны придаст мерам мая–июня вид вынужденных действий. Если бы не война, может быть, Ленин сразу бы к НЭПу перешел... Однако мы видим, и еще увидим, что разворот к «военному коммунизму» был запланирован и начал осуществляться до июня 1918 г., и был вызван вовсе не войной, а неспособностью советской системы наладить производство и распределение в условиях, когда сохранялось фундаментальное противоречие между советской самоорганизацией и технократическим управлением экономикой как единой фабрикой из государственного центра. Марксистская идеология помогла Ленину и шедшим за ним большевикам сделать выбор в пользу максимальной централизации, что повлекло за собой бюрократическую трансформацию коммунистического режима.

Этот выбор ставил в повестку дня столкновение большевизма уже не только с буржуазией, массами интеллигенции и служащих, но теперь и с крестьянским большинством России. Такое столкновение было крайне опасно в условиях возобновления общероссийской Гражданской войны. К ней большевизм был готов лучше других политических сил.

Большинство коммунистических лидеров недооценивало опасность и возможные масштабы Гражданской войны и потому не боялось ее. Но недовольство крестьянства большевизмом придало антибольшевистским силам массовость, а войне — разрушительность и длительность.

Разгон Учредительного собрания, тяжелые условия выхода из мировой войны, разрушение связи власти с массами из-за деградации советской демократии, острый продовольственный кризис — все это толкало страну к широкомасштабной гражданской войне. Учредительное собрание, которое в 1917 г. представлялось средством предотвращения внутренней войны, после его разгона стало символом демократического сопротивления большевизму и надежда на решение проблем, которые оказались не по плечу Советской власти. Наличие общего политического идеала позволило антисоветским силам сплотиться для нового вооруженного выступления. Даже более правые силы, чем победившие на выборах эсеры, готовы были тактически поддержать борьбу за Учредительное собрание.

Другим важнейшим фактором, обеспечившим начало широкомасштабной войны, расколовшей страну на несколько воюющих частей, стали внешние силы — восстание Чехословацкого корпуса, экспансия Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, интервенция Антанты.

Глава II

РАСПАД РОССИИ

Установление Советской власти вызвало сопротивление, в том числе вооруженное. Но в ноябре–декабре 1917 г., в ходе так называемого «Триумфального шествия Советской власти», ее сторонники сумели установить контроль над основными городами России и большей частью ее территории. Крупнейшим очагом сопротивления установлению Советской власти была область Войска Донского, где действовал атаман А. Каледин и Добровольческая армия во главе с М. Алексеевым и Л. Корниловым. В декабре 1917 г. Красная гвардия и поддерживавшая большевиков часть казаков развернули наступление против антисоветских сил и нанесли им поражение. 29 января Каледин застрелился, а Добровольческая армия отступила на Кубань, где вела партизанские действия¹. После поражения Каледина прекратил существование очаг вооруженного сопротивления большевизму, который имел всероссийское значение. Большевики выиграли общероссийскую гражданскую войну осени–зимы 1917–1918 гг., затухали и ее локальные очаги.

Либеральный историк А.Г. Прайсман пишет о ситуации мая 1918 г.: «Лидеры большевиков, видимо, до конца не понимали, как их ненавидело большинство населения страны»². Победив без большого труда в вооруженных столкновениях конца 1917 — начала 1918 г., большевики вряд ли могли считать, что большинство страны их ненавидит. Ведь те, кто ненавидел до решимости сражаться, поддержки большинства не получили. Крестьяне в массе своей остались равнодушны к разгону своих избранников из Учредительного собрания. Сам А.Г. Прайсман не приводит доказательств, что большевиков ненавидело именно большинство населения России. Спектр чувств в отношении Советской власти весной 1918 г. был существенно шире, чем ненависть.

Однако политика Советской власти вызывала политическую поляризацию жителей России. Все массивнее и агрессивнее становились крайние группы, готовые решить свои противоречия силой.

---

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 94–107.

² Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. С. 48.

Это вело к новому витку Гражданской войны — уже не скоротечной, а широкомасштабной. Гражданской войне предстояло стать не просто одной из сторон революционного процесса, а основой целого этапа в истории страны.

Прежде всего среди внутренних причин широкомасштабной гражданской войны необходимо назвать усиление авторитаризма (включая разгон Учредительного собрания и оппозиционных Советов, репрессии против невооруженной оппозиции), неудачу социально-экономической политики Советской власти и установление продовольственной диктатуры. Уже летом 1918 г. произойдет распад России на несколько враждующих частей. Свою роль в этом сыграли и внешние силы.

После Бреста

Брестский мир, заключенный 3 марта 1918 г., был относительным, боевые действия продолжались и после его заключения. 10 мая сотрудник французской военной миссии П. Паскаль писал брату: «Здесьняя ситуация непередаваема: мир подписан, и Россия — страна нейтральная, но, по-прежнему, существует фронт, сводки с фронта, сражающиеся с немцами русские армии. Договор гласит о мире и дружбе, но правительство во всеуслышанье провозглашает, что, как только будет возможно, оно возобновит войну. Народ все больше и больше поднимается против немцев. Напротив, буржуа, промышленники, аферисты, как здесь говорят, настроены пронемецки, и часть аристократии взывает к немцам. В немецких войсках есть русские офицеры. В Красной Армии есть немецкие военнопленные. Все смешалось»¹.

Германские и австро-венгерские войска продвигались по союзной им Украине. Несмотря на формальный мир, большевики и левые эсеры не собирались сдавать этот край без боя — у советской Украины не было мира с Германией, и можно было опробовать идею левых эсеров и левых коммунистов о партизанской войне, изматывающей Германию. Но Красная гвардия численностью около 20 тыс. бойцов не могла остановить немецкий фронт более чем в 400 тыс. солдат и офицеров. В начале марта бои шли под Конотопом и Бирзулой. Но после нескольких боестолкновений красные и «черногвардейские» отряды откатились за Днепр. И здесь оборона продержалась недолго. В боях за Бахмач приняли участие солдаты Чехословацкого корпуса. Но немцев удалось лишь задержать.

¹ Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург, 2014. С. 479.

В городах черноморского побережья вспыхнули восстания против немцев. Херсон держался с 20 марта до 5 апреля, Николаев — 22–25 марта. Но без поддержки извне у восставших не было шансов на успех.

На Харьковщине и Екатеринославщине еще надеялись, что их минет чаша сия. Там возникла Донецко-Криворожская советская республика (ДКСР), статус которой тогда был спорным, и споры о нем продолжают даже в наше время — уже в новом политическом контексте¹.

27–30 января (9–12 февраля) 1918 г. состоялся IV Донецко-Криворожский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Он был посвящен строительству Советской власти и политическому положению. Но самым важным оказался вопрос, который не значился в повестке дня и обсуждался в последний день работы — об образовании Донецко-Криворожской советской республики, самостоятельной от Советской Украины.

Представлявший Украинскую рабоче-крестьянскую республику (УРКР) М. Скрыпник подверг критике идею выведения Донецкого и Криворожского бассейнов из состава Украины: «Ставить во главу угла организации власти экономический принцип — верно; нельзя, однако, будущее переносить в современность». Еще неясно, чем закончатся переговоры в Бресте, где остро встал украинский вопрос. Скрыпник предлагал сохранить существующее положение: «Автономия необходима, но как части, входящей в состав Украинской федерации»².

Председатель исполкома Харьковского Совета Артем (Ф. Сергеев) эмоционально отвечал на упреки сторонников принадлежности Донбасса Советской Украине: «Мы не разбиваем ни единой федеративной республики, не посягаем на национальные интересы Украины, мы не собираемся создавать независимой республики. Разве мы собираемся проводить особую таможенную политику и пр.? Мы хотим связаться со всей страной. “Вся власть Советам” — вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству, которым никого не нужно угнетать. Сепаратисты не мы, а вы»³.

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 441–447.

² Цит. по: Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 158.

³ Цит. по: Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. С. 160. Правда, решение о создании ДКСР принималось без учета мнения крестьянства. В. В. Корнилов пытается так оправдать этот факт: «плебисциты тогда не проводились. Но они не проводились по поводу поддержки Ленина, Центральной рады и Деникина» (С. 156). Это как раз говорит не в пользу как ДКСР, так и других перечисленных деятелей и их режимов. Тем более что выборы в Учредительное собрание проводились, и это голосование

Но то же самое мог сказать и М. Скрыпник (которого поддерживали также левые эсеры) — ведь УРКР оставалась частью Российской Федерации, и украинские коммунисты в этот момент не ставили вопрос об отделении от России. Скрыпник даже называл Советскую Украину «южно-русской республикой»¹.

Территория ДКСР формально включала Донбасс, Криворожский бассейн, Екатеринославскую и Харьковскую губернии. Но Екатеринославский Совет выступил против создания ДКСР². В Донбассе созданную в Харькове власть признали.

Формально принятая 30 января (12 февраля) резолюция ничего не говорила об отделении от Советской Украины — просто принималось решение о необходимости существования в Донецком и Криворожском бассейнах (подразумевалось — и в Харьковской губернии) собственного самоуправления в лице областного комитета, который должен создать собственный Совнарком³. Создание Совнаркома ставило Донкривбасс (как иногда называли это территориальное образование) вровень с УРКР. Решение об этом было принято обкомом большевиков Донкривбасса 14 февраля: «Совет Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов обязан проводить в жизнь декреты Народных Комиссаров Российской республики в Бассейнах. ЦИК Украины считается органом, параллельным Областному комитету, но Советы Донецкого бассейна принимают участие в общем строительстве государственной жизни с Советами всего юга России — Украины и Доно-Кубано-Терекского района»⁴. Вот она — формула отделения, принятая партийным органом.

В.В. Корнилов признает, что съезд Советов не принимал решение об отделении от Украины. По мнению донецкого автора, и не должен был принимать такого решения, потому что регион в УРКР прежде не входил⁵. Но формально входил⁶ (а здесь важна именно

оказалось не в пользу как Ленина, так и правых сил, дело которых продолжал Деникин. Центральная рада в самом конце декабря заручилась поддержкой избирателей на выборах в Украинское учредительное собрание, но эти выборы проводились в таких условиях, что трудно говорить, насколько они отражали реальные настроения жителей даже центральной части Украины, не говоря уже о юге и востоке, где развернулись наступления сторонников Советской власти. На IV съезде Советов Донецко-Криворожской области за плебисцит выступали эсеры и меньшевики, но большевики провозгласили ДКСР волевым решением.

¹ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. С. 162.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 157.

⁴ Цит. по: Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. С. 174.

⁵ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. С. 166.

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Киев, 1957. Т. 3. С. 352–353.

формальная сторона дела). В Москве это понимали именно так, поэтому 17 февраля Я. Свердлов телеграфировал Артему: «Выделение считаем вредным»¹. То есть констатировался факт выделения. А 3 марта секретарь ЦК Е. Стасова направила письмо, в котором выделение прямо не поддерживалось, но тон был одобрительный, и поддерживалось создание Совнаркома². «Чем может быть вызвана такая разноплановая реакция?»³, — задает вопрос В.В. Корнилов и высказывает гипотезу, что Артем переубедил лидеров ЦК. Однако нет оснований считать, что Артем силой своего убеждения мог перевернуть всю стратегию Ленина в отношении Украины. Дело, очевидно, в другом.

В феврале обстоятельства борьбы за Украину изменились кардинально. 27 января (9 февраля) Украина подписала с Германией и ее союзниками мирный договор. Австро-германские войска были приглашены на Украину. 28 января (10 февраля) были сорваны переговоры Германии и ее союзников с Советской Россией. 18 февраля австро-германские армии начали наступление. 3 марта был заключен Брестский мир. Возникла угроза австро-германской оккупации Украины. Но в каких границах?

Создание Донецко-Криворожской республики сразу после срыва переговоров могло показаться удачным тактическим ходом. Мол, это не территория Украины. Но немцев этот ход не убедил. В начале апреля немцы подошли к Харькову и Донбассу. Лидеры Донецко-Криворожской республики рассчитывали, что их Брестский мир не касается.

Ленин продолжал скептически относиться к идее использовать ДКСР, чтобы остановить немцев дипломатическим путем на границах Харьковской и Екатеринославской губерний. Он писал Г. Орджоникидзе 14 марта: «Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что как бы они не ухитрились выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину, и немцы будут ее завоевывать. Ввиду этого, совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с Украиной фронта оборон»⁴.

¹ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.). Сборник документов и материалов. Киев, 1962. С. 564.

² Там же. С. 587.

³ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. С. 186.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 50.

15 марта в связи с предстоящим 17–19 марта II съездом Советов Украины ЦК РКП(б) постановил: «На созванный украинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны приехать товарищи из всей Украины, в том числе и из Донецкого бассейна. На съезде необходимо создать единое правительство для всей Украины. Всех партийных работников обязать работать совместно для создания единого фронта обороны. Донецкий бассейн рассматривается как часть Украины»¹.

Ленин и его партия играли по-крупному, ставкой была вся Украина, сохранение ее в составе единой государственной системы, которую выстраивали большевики. Не получится сейчас — получится после ухода немцев. Инициатива донецких и харьковских коммунистов была не ко двору, так как отталкивала от Советской власти национально мыслящих украинцев и ослабляла влияние большевизма на Украину в целом. Ведь в исторической Новороссии и Донецко-Криворожском бассейне влияние большевиков было выше, чем в Центральной Украине. Если считать эти регионы частью формирующейся автономной Украины, то их просоветские лидеры, получая право голоса во внутриукраинских делах, помогали Ленину в борьбе за Украину. А им не хотелось этим заниматься.

Однако 18 марта нарком иностранных дел Г. Чичерин без особой надежды на успех протестовал против движения германских войск за пределы Украины, требуя вывести их из Одессы. 26 марта аналогичная нота была отправлена с протестом против движения германских войск на Харьков и в Донбасс. 29 марта Германия ответила, что ориентируется на III Универсал Центральной рады². Так что ДКСР эта проблема тоже касалась. Начиная с 18 марта территория Одесской, Николаевской, Таврической и Донецко-Криворожской советских республик становится формально спорной территорией между РСФСР и Украинской народной республикой (УНР).

Но и в марте 1918 г. статус ДКСР оставался неопределенным даже для ее лидеров. Подчиняясь решению ЦК от 15 марта, Артем 17 марта прибыл на II съезд Советов Украины в Екатеринослав, правда не сделал там заявлений о том, что ДКСР является частью Украины, но и не опровергал этого. Неопределенная позиция Артема была расценена частью его товарищей как слишком проукраинская, и 29 марта (то есть не сразу, а после выяснения отношений) Васильченко, Филлов и Жаков вышли из совнаркома ДКСР. Как писал экс-нарком Филлов, раскол произошел из-за того, что Артем «склонялся к необходимо-

¹ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.). Сборник документов и материалов. С. 66.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 214–217.

сти вхождения Донецкой республики в Украинскую»¹. Таким образом, линия на резкое размежевание ДКСР с ЦИК Украины тоже не возобладала, после изменения внешнеполитической ситуации даже Артем не исключал вхождения Донбасса и Харькова в Советскую Украину (что и будет сделано при его участии в конце 1918 — начале 1919 г.). В условиях германского наступления было не до раздела границ и определения статусов.

7 апреля немцы выбили советские войска из Харькова. В апреле отряды ДКСР вместе с украинскими советскими армиями пытались сопротивляться немецкому нашествию, опираясь на Луганск, но 28 апреля отошли в Миллерово, за пределы Украины и ДКСР. В июне 1918 г. представители Донецко-Криворожской организации РКП(б) под давлением ЦК согласились войти в создающуюся Коммунистическую партию (большевиков) Украины². Очевидно, что высшее советское руководство не планировало отделять этот регион от Украины.

С февраля—марта по апрель 1918 г. территория Харьковской и Екатеринославской губерний была спорной территорией между Украиной и Россией. Спор этот силой германского оружия был решен в пользу Украины. Россия с этим согласилась и в дальнейшем, даже после отмены Брестского мира в ноябре 1918 г., не оспаривала принадлежность этих губерний к Украине (разумеется — Советской Украине). В этом нет ничего удивительного — ведь эти губернии считались руководством РСФСР частью Советской Украины уже с декабря 1917 г., и относительное признание «выделения Донкривбасса» произошло по внешнеполитическим соображениям в марте—апреле 1918 г. Когда немецкая угроза исчезла, Москва вернулась к идее «большой Украины», которую будет легче привязать к общесоветскому пространству за счет юга и востока, более тесно связанных с Россией экономически и культурно. А идея харьковских и донецких коммунистов об объединении Донбасса была реализована уже в рамках УССР — за счет расширения ее границ на восток.

18 апреля в Таганроге состоялось последнее заседание ЦИК Украины, которое передало свои полномочия «Девятке» или «Повстанческой девятке» — Всеукраинскому бюро по руководству повстанческой борьбой во главе с большевиком А. Бубновым. В него вошли 3 большевика, один близкий к ним социал-демократ и 4 левых эсера. Но сил для борьбы у «Девятки» было мало, потому что Ленин пока стремился к максимальной осторожности в отношениях с немцами

¹ Цит. по: Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. С. 398.

² Там же. С. 488–490.

на Украине, чтобы не дать им поводов для нападения на российские губернии.

Но война с немцами продолжилась и на территории собственно России. Воспользовавшись тем, что граница между Украиной и Россией не была четко определена, германские войска двинулись в Донскую область, на которую УНР не претендовала. Также немцы углубились в пределы Курской и Воронежской губерний.

Стратегической задачей Германии стало установление контроля над восточным побережьем Черного моря. 29 марта 1918 г. по соглашению с Австро-Венгрией Германия включила Крым в зону своих интересов, а уже 18 апреля германские войска в нарушение условий Брестского мира захватили Перекоп и вторглись в Крым. Их поддержали антибольшевистские силы в самом Крыму, в том числе татарские националисты из партии «Милли-Фирка». В Алуште 22 апреля взял власть мусульманский комитет. Под Алуштой был захвачен председатель Совнаркома Тавриды А. Слуцкий и 24 апреля расстрелян. Восставшие направились на Ялту. Власть была захвачена в Судак, Карасубазаре, Старом Крыму. Произошло выступление и в Феодосии, но при содействии флота оно было подавлено. Однако красные уходили из Крыма. Татары приветствовали немцев национальными флагами.

Наступление на Крым начала и Крымская группа войск УНР под командованием подполковника П. Болбочана. Но 26 апреля германское командование потребовало от Болбочана покинуть Крым, что по указанию властей УНР было исполнено.

17 июня в Крыму было создано краевое правительство генерала М. Сулькевича — выходца из литовских татар (крымско-татарского языка он не знал). Татарские национальные лидеры поддерживали правительство. Сам Сулькевич совместил посты премьер-министра, министра внутренних, военных и морских дел. Министром иностранных дел стал татарский националист Д. Сейдамет. Сулькевич восставил помещичье землевладение и вакуфные земли, часть урожая с которых шло татарской бедноте. Было введено крымское гражданство. Однако юридического признания суверенитета Крыма не последовало. Зато немцы из севастопольского военного порта вывезли запасы на сумму 2 млрд 550 млн рублей. Из кооперативных складов Севастополя немцы вывезли 500 тыс. банок консервов, 900 пудов чая и четырехмесячный запас сахара. В Германию вывезли оборудование симферопольского завода А. Анатра, на котором производились аэропланы, оборудование Керченского металлургического завода, радиостанции, телеграфное имущество, автомобили, аэропланы¹.

---

¹ История Крыма. М., 2015. С. 295.

1 мая после трехдневных боев немцы взяли Таганрог. Остановившись, немцы пропустили через свои позиции белый отряд Дроздовского, который 4 мая взял Ростов, но не сумел его удержать. 8 мая Ростов был занят немцами.

Под Батайском германские войска столкнулись с силами входившей в РСФСР Кубано-Черноморской республики. После нескольких дней боев 30 мая Батайск был взят германо-казачьими войсками. За Батайском была установлена демаркационная линия.

Левозеровский лидер Б. Камков говорил: «Я должен сказать, что сейчас мира нет, война продолжается и война неимпериалистическая, война за защиту Советской России, за завоевание земли крестьянами, за рабочий контроль...

Возьмите другие полосы: Юг, Донецкий бассейн, Дон и т. д. (Голос с места: «Там идет война».) ...Оказывается, видите, что там идет война. Здесь выдвигается, я спрашиваю, национальная точка зрения или интернациональная? Я больше скажу — губернская и какой губернии точка зрения? (Аплодисменты.) ...Установили похоже, ужасный предательский мир, мы были против него... Я говорю — о каком мире идет речь? На каком куске территории вы сорвете мир? Я этого не знаю... Когда поступил призыв к рабочим и призыв к трудовому народу и трудовому казачеству оказать поддержку для того, чтобы противодействовать наступлению немцев, товарищи большевики стали говорить: если вы сделаете так, значит объявите войну Германии, и тогда она оккупирует вас сполна. Играя на этих шкурных инстинктах, которые даже не националистические, а инстинкты своих хат, наигрывая на этих скотских инстинктах (к сожалению, никто не чужд им), они пытались удержать тех, кто пошел помогать для того, чтобы не были разгромлены и расстреляны Советы»¹.

25 мая немцы высадились в Потти и с согласия властей только что возникшего Грузинского государства заняли страну. На Кавказе разыгралась драматическая борьба, связанная с экспансией Османской империи.

1–2 мая часть Черноморского флота ушла из Севастополя в Новороссийск, а часть была захвачена немцами в Севастополе. 11 мая германское командование ультимативно потребовало вернуть флот в Севастополь. Возникла угроза захвата Новороссийска. Германия поставила возвращение флота к месту дислокации условием прекращения военных действий, утверждая, что флот может быть использован против германских войск. Надо сказать, что советское командование Кубано-Черноморской республики своими действиями под-

¹ История Крыма. С. 450–452.

твердило это предположение, 10 июня высадив десант в Таганроге. 12 июня немцы разгромили его и в качестве ответной меры 14 июня высадились на Таманском полуострове. Ситуация с флотом давала Германии основания для того, чтобы захватить Новороссийск и таким образом установить полный контроль над северным побережьем Черного моря. Флот в этом случае все равно попадал в германские руки и в дальнейшем мог быть передан антисоветской Украине, что усиливало бы ее мощь в случае военного столкновения с РСФСР.

Советская дипломатия из всех сил пыталась убедить германскую сторону, что готова дать любые гарантии неподвижности флота, но немецкое руководство не собиралось отказываться от такого козыря. Пока нет флота — нет и прекращения продвижения германских войск.

Чтобы не обострять отношений и ликвидировать это новое яблоко раздора, 28 мая Ленин подписал секретную директиву об уничтожении Черноморского флота, для чего в Новороссийск был направлен замнаркома по морским делам И. Вахромеев с чрезвычайными полномочиями. Да только в Новороссийске эти полномочия оказались не очень-то действенными. Командующий флотом, бывший вице-адмирал М. Саблин не собирался уничтожать флот и отправился в Москву, надеясь убедить правительство. Там он был арестован, в дальнейшем, освободившись, ушел к белым. Отправляясь в Москву, он оставил вместо себя командира линкора «Воля» А. Тихменева. Тот надеялся спасти флот, приняв немецкий ультиматум о возвращении кораблей в Севастополь. Противники уничтожения флота использовали военную демократию — вопрос обсуждался и на совете флагманов, и в командах. ЦИК Кубано-Черноморской республики и командование ее армии не хотели терять флот, который мог облегчить борьбу и с немцами, и с белыми. Против уничтожения флота были и левые эсеры, и часть коммунистов. Вахромеев и комиссар флота Н. Глебов-Авилов пытались переломить ситуацию, но тщетно. Решили вынести вопрос на усмотрение команд.

Пока суд да дело, 9 июня Чичерин официально сообщил германскому послу В. Мирбаху, что советское правительство согласно принять ультиматум. Но Вахромееву была отправлена телеграмма № 14, что официальное указание о переходе флота в Севастополь выполнять не следует, а нужно все-таки утопить флот.

Мнения расходились — то ли топить флот, то ли сражаться до последнего и взорвать корабли в крайнем случае. Эта точка зрения, которая разрушала всю игру Ленина, была принята большинством матросов 12 июня. Такая борьба до последнего снаряда давала немцам прекрасный повод для захвата Новороссийска. На делегатском

собрании команд Тихменев огласил телеграмму № 14, что вызвало скандал и дискредитировало Вахромеева и Авилова. Не добившись своего, Вахромеев и Авилов покинули Новороссийск, что ослабило позиции сторонников затопления. ЦИК Кубано-Черноморской республики чуть было не вышел из состава РСФСР, чтобы воевать с немцами за флот, но прибывший в Екатеринодар нарком А. Шляпников вместе с Авиловым и Вахромеевым пресекли эту затею. Матросы массами сходили с кораблей. Тем не менее Тихменеву и его сторонникам удалось вывести из Новороссийска линкор «Воля», вспомогательный крейсер, 5 эсминцев, миноносец и яхту. 18 июня были потоплены линкор «Свободная Россия», 9 эсминцев, 4 миноносца. Мирбах выразил недовольство этим¹. Но камень преткновения в отношениях с Германией был снят. Военные действия прекратились. 23 июня Вильгельм II распорядился прекратить военные операции в России. Германская сторона заверила советскую, что можно, не опасаясь нападения на Петроград, перебрасывать войска на Восточный фронт².

* * *

Центральная рада и ее правительство во главе с эсером В. Голубовичем вернулись в Киев. Лидеры Рады наивно утверждали, что немецкие войска, «дружественные нам, будут биться с врагами Украинской народной республики под началом Полевого штаба нашего государства»³.

Вернувшись в Киев, Министерство внутренних дел приказало губернским и уездным комиссарам известить население, что правительство УНР «твердо и нерушимо стоит на страже всех политических, социальных и национальных достижений Великой Революции»⁴. Выступая на заседании Малой рады, посвященном годовщине Центральной рады, ее председатель М. Грушевский подтвердил, что УНР не отказывается от необходимости созыва Учредительного собрания⁵. Более того, в брошюре «На пороге новой Украины» Грушевский заявил: «Укрепляя авторитет нашей социалистической Центральной рады и ее социалистического министерства, хотим сделать нашу

¹ *Сирченко И.Т.* Выполняя приказ В.И. Ленина... (Потопление Черноморского флота в 1918 г.). М., 1979. С. 177–249; *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 8.

² *Быстрова Н.Е.* Из истории дипломатических отношений Советской России 1917–1918 гг. // Российская история. 2012. № 5. С. 135.

³ Українська Центральна рада. Документи і матеріали у двох томах. Т. 2. С. 161.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Там же. С. 217.

Украину крепостью социализма. Строим республику не для буржуазии, а для трудящихся масс Украины, и от этого не отступим!»¹

Немцы, однако, не собирались смотреть сквозь пальцы на все это социалистическое самоуправство. Им нужно было выкачивать продовольствие из Украины. А это было удобнее делать через крупные хозяйства, и уж во всяком случае — не в условиях земельного передела. Также Вильгельм II не был намерен терпеть «союзное государство», правительство которого является очагом социалистической пропаганды. 6 апреля главнокомандующий немецких войск Г. фон Эйхгорн выпустил свой аграрный декрет, игнорирующий законодательство УНР. Теперь крестьяне могли взять только ту помещичью землю, которую засевают они сами. Если помещики на своей прежней земле действовали совместно с крестьянами, то получали половину урожая. В современной украинской историографии этот приказ характеризуется как «довольно прагматичный»², с чем очень трудно согласиться, учитывая обстановку в стране. Ведь помещики не могли сеять сами, для этого им нужно было привлечь рабочую силу. Весной 1918 г., когда беднейшие слои деревни не были настроены на покорное батрачество, это означало привлечение к работам все тех же крестьян, которые до прихода немцев рассчитывали получить весь урожай, а теперь вынуждены были работать на помещичьей земле исполу. Ничего, кроме возмущения, это вызвать не могло, и Эйхгорн своим приказом готовил почву для крестьянских восстаний на Украине.

Рада протестовала против декрета Эйхгорна как против грубого вмешательства во внутренние дела Украины, но была проигнорирована. Таким образом, было продемонстрировано ее полное бессилие в условиях немецкой оккупации. Однако лидеры Рады предпочли смириться и 23 апреля подписали оговоренный еще в Бресте торговый договор о поставках в Германию и Австро-Венгрию 60 млн пудов зерна, а также других продуктов.

Мавр сделал свое дело и мог уйти. 26 апреля Вильгельм дал согласие на замену режима УНР диктатурой крупного помещика и наследника гетманского рода П. Скоропадского.

Поводом для разгона Центральной рады стала авантюра премьера В. Голубовича и его сотрудников, которые 25 апреля похитили банкира А. Доброго, осуществлявшего финансовые операции с немецким командованием. Вскоре он был освобожден за взятку, и подробности дела приобрели огласку. В дальнейшем на немецком суде Голубович утверждал, что организовал похищение в знак протеста

¹ Цит. по: История Украины. Научно-популярные очерки. М., 2008. С. 495.

² Там же. С. 498.

против германского произвола. 26 апреля Эйхгорн ввел военно-полевые суды для украинского населения. Немцы разоружили 1-ю украинскую дивизию, на которую Рада опиралась в Киеве.

28 апреля, когда Центральная рада возмущенно обсуждала германский произвол, в здание вошел немецкий отряд и объявил собравшихся арестованными. Организатор похищения Доброго Ю. Гаевский был взят под стражу, а остальные депутаты заперты. Как вспоминал один из депутатов, «наше сидение взаперти продолжалось не больше часу. Вдруг двери на лестницу раскрылись, и кто-то грубым насмешливым тоном крикнул нам: “Raus! Nach House gehen!” (Вон! Расходитесь по домам!). Мы спустились по лестнице вниз. На улице у входа в здание Рады стояли броневики и пулеметы. Толпа любопытных глядела на пикантное зрелище. Мы разошлись по домам»¹. На следующий день Рада собралась на последнее заседание. Последним актом агонизировавшей Центральной рады стало принятие демократической конституции УНР 29 апреля. Украина оставалась парламентской республикой всего еще на несколько часов.

29 апреля 1918 г. на Всеукраинском съезде хлеборобов, проходившем в киевском цирке, была провозглашена передача власти гетману П. Скоропадскому. Делегатами съезда были представители крестьян и помещиков. По воспоминаниям генерала В. Мустафина, «ораторы в один голос говорили, что государству нужна сильная единоличная власть, нужна голова, диктатор. И когда в одной из лож появился Скоропадский, привлекая на себя внимание делегатов, выявился неудержимый, бурный подъем настроения хлеборобов, встретивших популярного генерала приветственными криками и приглашением принять гетманскую булаву. Скоропадский кланялся во все стороны, благодарил за честь и доверие... Затем делегатам предложено было выйти на площадь у Софийского собора, где перед памятником Богдану Хмельницкому все было приготовлено для торжественного молебствования». Но авторитарный энтузиазм разделяли далеко не все делегаты съезда: «представитель левого крыла хлеборобов Шемет заявил протест против решения большинства об избрании гетмана и со своими единомышленниками в числе 450 депутатов демонстративно удалились из цирка»². Начальник штаба гетмана генерал Б. Стеллецкий вспоминал о событиях в цирке: «Еще не было произведено подсчета голосов, когда группа лиц, окруживших Скоропадского, закричала: “Да здравствует гетман Украины Скоропадский”, этот крик подхватили другие — потом ходили слухи, что доктор Лучиц-

¹ Цит. по: Федюк В.П. Украина в 1918 году. Гетман П.П. Скоропадский. Ярославль, 1993. С. 18.

² Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М., 2014. С. 465.

кий получил на 20 голосов больше Скоропадского, почему необходимо было предупредить оглашение подсчета»¹. Сам Скоропадский вообще не помнит какой-то баллотировки, ссылаясь только на энтузиазм и крики делегатов, после которых он заявил, что принимает власть². То есть Скоропадский был провозглашен гетманом громкими криками правой части депутатов съезда.

Генеральному секретариату УНР подчинялись в Киеве несколько сот сечевиков, а за Скоропадского было несколько десятков офицеров. «Но, — пишет Б. Стеллецкий, — здесь выступило германское командование... оно не разрешило сечевикам выход из казарм, а отдельные вооруженные их группы, оказавшиеся на улице, арестовывало и разоряло».

Между тем «войска» Скоропадского произвели арест членов правительства, хотя многие успели скрыться»³.

Потомок гетмана XVIII в. П. Скоропадский в 1917 г. командовал 34-м армейским корпусом, где поощрял украинизацию. Вокруг него объединились украинские сторонники твердой власти и противники социалистического движения. Они создали Украинскую народную громаду. Провозглашение гетманата готовилось различными правыми силами от союза коммерсантов «Протофис» до кадетов. Перед переворотом со Скоропадским встретился германский генерал В. Гренер, который обговорил с ним условия поддержки переворота. Скоропадский должен был навести порядок в стране и содействовать вывозу продовольствия в Германию и обеспечению продовольствием германских войск. Парламент мог быть созван только с согласия германского командования⁴.

Скоропадский опубликовал «Грамоту украинскому народу», провозгласив себя «Гетманом Всея Украины» (откровенно монархическая калька) и распустив Центральную раду, Генеральный секретариат и ненавистные земельные комитеты, регулировавшие раздел помещичьих земель. Были восстановлены права частной собственности, существовавшие до 1917 г., обещаны аграрная реформа с компенсацией стоимости земли и выборы в парламент (сейм). Вместе с Н. Устимовичем, назначенным в премьер-министры, Скоропадский выпустил законы о временном государственном устройстве Украинской державы. Они передавали всю полноту власти гетману, который

¹ Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 671.

² Скоропадский П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 155–156.

³ Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 672.

⁴ Скоропадский П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 147–148.

назначал председателя Совета министров и утверждал состав правительства, а также законы.

Хотя формально Украинская держава не провозглашалась наследственной монархией, порядки в ней были вполне монархические. Личные взгляды Скоропадского характеризует и его реакция на известие о гибели Николая II. Его начальник штаба Б. Стеллецкий вспоминал: «Лицо его как-то вытянулось, потом скривилось в гримасу, и он заплакал, как маленький ребенок, уйдя в глубину кустов, росших по сторонам аллеи»¹.

Устимович не справлялся с ролью премьер-министра и не мог заручиться поддержкой влиятельных политиков и управленцев для формирования правительства.

Формальной политической опорой переворота Скоропадского стало правое большинство съезда хлеборобов. Но съезд партии хлеборобов отказал Скоропадскому в поддержке, потребовав созыва полноправной Государственной рады и отстранения от власти не только «голытьбы», но и «больших богатеев»². Отклонили предложение войти в правительство и социалисты-федералисты, которые требовали возвращения к конституции 29 апреля и только на этом условии были готовы признать Скоропадского временным президентом. Гетман не мог пойти на такое сокращение своей власти — не для того переворот делался. Руку поддержки гетману протянули кадеты, что было для них результатом болезненного пересмотра принципов. Ведь кадеты на Украине были частью общероссийской кадетской партии, выступали как против украинской государственности, так и против сговора с Германией. А здесь пришлось публично оказать поддержку главе украинского государства — ставленнику немцев. Но священный принцип частной собственности оказался для кадетов важнее любых патриотических соображений. Четыре кадета вошли в гетманское правительство, а 8–10 мая санкцию на это дал областной съезд кадетов, который так обосновывал «гибкость» своих принципов: «Съезд, оставаясь верным идеалам партии и ее программе, перед угрозой порабощения и гибели края от анархии и руины признает необходимым участие партии в государственной работе»³. Перед угрозой порабощения кадеты пошли на службу к порабощителям. Впрочем, у кадетов была «задняя мысль» — в союзе с ненавистными немцами создать антибольшевистский «Пьемонт» для последующего «освобождения» всей России, после которого украинская государственность будет ликвидирована за ненадобностью.

¹ Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 700.

² История Украины. Научно-популярные очерки. С. 503.

³ Цит. по: История Украины. Научно-популярные очерки. С. 506.

3–10 мая было сформировано гетманское правительство во главе с земским деятелем, бывшим кадетом Ф. Лизогубом, которое провозгласило своими задачами укрепление порядка, подготовку «созыва народного представительства», развитие украинской культуры и обеспечение прав украинского языка в школе и государственных учреждениях. Правительство подчеркивало, что не служит интересам крупных помещиков и будет готовить аграрную реформу, но без «опасных опытов»¹.

Немецкие военно-полевые суды проводили аресты. В деревнях имели место карательные экспедиции против крестьян, отказывавшихся возвращать землю помещикам. Товарищ министра внутренних дел в правительстве Лизогуба В. Рейнбот вспоминал: «Во всех случаях предпринимавшихся чужеземными отрядами карательных экспедиций Ф.А. Лизогуб “умывал руки”, выражая словесно соболезнования пострадавшим крестьянам и одновременно разделяя и убеждая, что ответственность всецело и исключительно лежит на немецких командирах отрядов.

Увы, таких экспедиций было немало. Производились они и по почину немецких лейтенантов и ротмистров по непроверенным доносам о готовящихся нападениях, или по почину некоторых помещиков, торопившихся поскорее покарать крестьян и отобрать у них захваченное в месяцы своеволия... Прямым, естественным последствием экспедиций было чрезвычайное озлобление населения против прямых карателей, и против гетманской власти, не умевшей его уберечь от несправедливости.

Озлобление вызывало новые враждебные выступления, а последние — новые экспедиции». В дальнейшем проведение карательных экспедиций было упорядочено, они должны были проводиться с согласия уездного начальника². Но и гетманская стража (варта) не отставала: власти «успели восстановить против себя сельское население действиями летучих отрядов опричников и организованных рабочих преследованием деятелей профессиональных союзов»³, — считал товарищ министра торговли и промышленности В. Ауэрбах.

Соппротивление крестьян привело к тому, что планы вывоза продовольствия с Украины не выполнялись. К 1 июля, по официальным данным, было вывезено только 5,5 млн пудов⁴. Впрочем, это тоже была неплохая прибавка к германским рационам.

¹ Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 968.

² Там же. С. 66–67, 73.

³ Там же. С. 183.

⁴ Пятый всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918. С. 9.

По закону от 27 мая старые землевладельцы получали право на урожай озимых, а за яровые, посеянные весной, крестьяне должны были выплатить помещикам арендные и дополнительные платежи, не говоря уже о налогах. «Были образованы особые комиссии по возмещению убытков, причиненных в революционную эпоху землевладельцам. Установленные комиссиями суммы убытков безжалостно выколачивались у крестьян с применением круговой поруки. Деревня отвечала местными восстаниями, подавлявшимися с большой жестокостью. Из городского населения больше всех подвергались репрессиям евреи. Гетманское правительство взяло антисемитский курс, которого и следовало от него ожидать. Гетман опирался, с одной стороны, на немцев, с другой — на правые русские круги. Во многих отношениях эта десница и шуйца расходились и тнули каждая в свою сторону. Но в еврейском вопросе они были более или менее солидарны: и десница, и шуйца не любили евреев и приписывали евреям все крайности революции»¹, — вспоминал А. Гольденвейзер. 14 июня был принят закон, разрешавший свободную куплю-продажу земли при условии, если участок не вырастет более 25 десятин. 8 июля был принят закон о мерах борьбы с разрухой сельского хозяйства, который предусматривал использование инвентаря и скота тех хозяев, которые неполно им пользуются, в других хозяйствах и для государственных нужд.

Революционеров отправляли в созданные немцами концлагеря. Зато в городах расцвела торговля. Киев, как позднее Одесса, стал местом скопления эмигрантов из Москвы и Петрограда.

2 июня Германия признала власть гетмана официально, в августе состоялся его визит в Германию. Скоропадский отъезжал секретно, все было организовано немцами. Его начальник штаба Б. Стеллецкий вспоминал: «Войдя быстро в вагон, Скоропадский имел крайне сконфуженный вид. Действительно, этот отъезд скорее напоминал отправление какого-то важного преступника, а не отбытие из своей резиденции главы государства»². Вильгельм был очень любезен с сателлитом, «именовал его “Светлостью”, почему этот титул так и остался за гетманом»³. Переменилось и отношение германских военных к другу императора, оно стало более почтительным.

5 мая было заключено соглашение о прекращении российско-украинских и российско-германских боевых действий в Курской, Брянской и Воронежской губерниях. Поскольку граница между Россией и Украиной здесь не была определена, пока устанавливалась

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 43.

² Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 703.

³ Там же. С. 704.

10-километровая нейтральная полоса. Выполнение этого соглашения ставилось германской стороной в зависимость то от ситуации с Черноморским флотом, то от хода переговоров об урегулировании экономических отношений.

В Киев прибыла советская делегация во главе с Х. Раковским, которой предстояло договориться о перемирии и подготовить условия мира с Украиной. 23 мая начались переговоры советской делегации с украинской во главе с С. Шелухиным, и 12 июня перемирие было заключено. Но до мира было далеко, так как стороны продолжали спорить о границах. Были согласованы предварительные условия мирных переговоров: остановка военных действий, возможность перемещения гражданских лиц между двумя странами с целью возвращения на родину, восстановление товарообмена и железнодорожного сообщения, назначение представителей (консулов и комиссаров) с целью помощи своим гражданам на территории другого государства. Переговоры продолжались до октября, когда зашли в тупик.

В то же время в 10-километровой нейтральной зоне в районе Сунжи накапливались революционные отряды.

* * *

5–12 июля в Москве прошел съезд украинских коммунистов, ставший I съездом Коммунистической партии (большевиков) Украины (КП(б)У) в составе РКП(б) (формально самостоятельной партии самостоятельного государства). Г. Пятаков и другие левые коммунисты звали к продолжению войны против германского империализма методами революционного восстания. Один из левых украинских коммунистов В. Затонский считал, что «к нам, на Украину переносится в данный момент очаг мировой революции»¹.

Эта позиция была близка к левоэсеровской и вызывала опасения Ленина. По словам Затонского, Ленин «беспощадно крыл» в беседах с украинскими делегатами выдвинутые Пятаковым планы восстания на Украине, доказывая их неподготовленность. «Правые» представители восточных организаций (Э. Квириг, Я. Яковлев и др.) поддерживали этот скепсис, соглашались, что нужно ждать революции в Германии и Австро-Венгрии. Между двумя фракциями маневрировала третья — коммунисты-украинофилы во главе с Н. Скрыпником, который в общем поддерживал Пятакова. Скрыпник считал, что Украинская компартия должна быть самостоятельной партией в Коммунистическом интернационале, а Пятаков, чуждый украин-

¹ Цит. по: *Солдатенко В.Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. М., 2017. С. 192.

ской национальной идее, надеялся на самостоятельные действия КП(б)У, не связанной Брестским миром. В итоге решили, что официально будет существовать самостоятельная КП(б)У, но негласно ее ЦК будет действовать на правах областного центра РКП(б). Пятаков стал лидером съезда, настоял на радикальных решениях о «революционном объединении Советской Украины и Советской России», хотя и не получил полного преобладания в ЦК. Он утверждал, что восстание уже «развивается», и его нужно только возглавить¹.

В разгар съезда случилось выступление левых эсеров. Оно дискредитировало идеи немедленной революционной войны с империализмом. Съезд КП(б)У принял решение распустить «Девятку» (которую отождествил с Народным секретариатом, старым правительством Советской Украины), так как сотрудничать на прежних основаниях с мятежными левыми эсерами теперь было нельзя. Правда, съезд оставил возможность сотрудничества с левыми эсерами на местах: «Что касается партии так называемых левых эсеров, то необходимо строго отличать интеллигентски-беспочвенные авантюристические верхушки партии от ее крестьянских низов»². Вместо «Девятки» ЦК КП(б)У создал на Украине свой Центральный военно-революционный комитет (ЦВРК), который 5 августа призвал к всеобщему восстанию. Было выпущено воззвание «На штурм!». Однако на приказ № 1 о восстании мало кто откликнулся — повстанцы продолжали действовать по своей программе. В сентябре Пятаков был раскритикован за авантюризм и заменен на посту секретаря ЦК КП(б)У сторонницей Квирина С. Гопнер. Пятаков, отозванный в Москву, где он возглавил Народный банк, продолжал доказывать, что мировая революция вот-вот разразится. На II съезде партии 17–22 октября левые потерпели поражение. Но уже совсем скоро Пятаков окажется пророком и триумфально вернется на Украину.

* * *

30 июля левым эсером Б. Донским был убит немецкий командующий Г. фон Эйхгорн. Как вспоминает начальник штаба Скоропадского Б. Стеллецкий, когда Эйхгорн «возвращался из казино домой и находился уже в нескольких шагах от дверей своего помещения, его нагоняет обыкновенный извозчик, с которого на ходу соскакивает какой-то субъект и сзади, вслед Эйхгону, бросает бомбу.

У старика оторвало часть бока, у адъютанта — ногу.

¹ Подробнее см.: *Солдатенко В.Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. С. 204–238.

² Цит. по: *Солдатенко В.Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. С. 222.

Через несколько минут на место происшествия прибыл Скоропадский и застаёт Эйхгорна, лежащего на тротуаре... Когда к нему приблизился Скоропадский и нагнулся, то Эйхгорн все-таки имел силу протянуть гетману руку и еле слышно произнести: «За что, ведь я никому вреда не сделал»¹. Через два дня генерал скончался, так и не поняв смысл своего пребывания на Украине и причины ненависти к нему как к командующему оккупацией.

Это убийство было только верхушкой айсберга разраставшихся по Украине восстаний — крестьянство уже ненавидело оккупантов. 8–10 мая подпольный крестьянский съезд под Киевом, организованный эсерами, постановил создавать партизанские отряды. В июне 1918 г. по инициативе эсеров восстали крестьяне Звенигородского и Таращанского уездов на Киевщине. Один из лидеров таращанских партизан Ф. Гребенко еще в марте поднял восстание против наступавших немцев. Но тогда повстанцев разбили, и Гребенко партизанил с небольшой группой. 8 июня восстало несколько сел, и Гребенко возглавил крестьянскую армию в несколько тысяч человек. Летом 1918 г. на Киевщине действовало до 40 тыс. повстанцев — националистов, левых эсеров и большевиков. Под ударами немцев они ушли в леса, а часть прорывалась в нейтральную зону на границе с Россией, где левые эсеры готовили вторжение революционных отрядов на Украину.

Один из очагов повстанчества возглавил Нестор Махно, который впоследствии стал одним из самых эффективных и влиятельных повстанческих лидеров, своего рода символом повстанчества времен Гражданской войны. Махно был анархистом-коммунистом, участником террористической анархо-коммунистической группы в 1906–1908 гг. (за что сидел в тюрьме до 1917 г.), популярным лидером Гуляйпольского Совета в 1917 — начале 1918 г. С началом австро-германской оккупации он бежал в Россию, но в июле 1918 г. вернулся в родные места. Собрав сторонников, Махно создал небольшой партизанский отряд, который в сентябре начал боевые операции, нападая на поместья, немецкие колонии, оккупантов и полицейских гетмана (варту). Первый крупный бой с австро-венгерскими войсками и их местными союзниками в селе Дибровки (Б. Михайловка) оказался для партизан удачным, принес Махно почетное прозвище «батько». В районе Дибривок отряд Махно объединился с отрядом Ф. Щуся. Затем к Махно стали присоединяться и другие местные отряды. Удачливые партизаны стали получать поддержку крестьян. Махно подчеркивал антипомещичий, антикулацкий и антинемецкий

¹ Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 701–702.

характер своих действий. Махновцы громили немецкие поселения, обвиняя колонистов в поддержке оккупантов.

Сам партизанский отряд действовал как мобильная ударная группа в несколько десятков бойцов. При необходимости он мог вырасти до 400 человек (у Махно было еще около тысячи невооруженных резервистов). Иногда отряд оказывался на грани уничтожения превосходящими по численности силами противника, но в целом действия Махно были относительно успешными¹.

На Черниговщине (Нежинщине) штаб повстанцев возглавил подполковник большевик Н. Кропивянский, в отрядах которого сражались и эсеры, и большевики.

В июле началась забастовка железнодорожников. На Украине было создано более 190 ревкомов и около 180 партизанских отрядов разного размера². Они могли срывать сбор продовольствия для Германии и Австро-Венгрии, но не имели сил, чтобы вытеснять оккупантов из городов. Немцы не получили на Украине столько продовольствия, сколько рассчитывали. Им приходилось сохранять здесь 200-тысячную группировку, хотя войска были так нужны на Западном фронте.

* * *

Германская экспансия после заключения Брестского мира не остановилась и в Балтийском регионе. Германские войска нанесли удар в спину красной Финляндии³.

По утверждению германского генерала Р. фон дер Гольца, командующий «белыми» К. Маннергейм «в середине марта, когда о помощи уже давно запросили, оценивал перспективы развития событий как крайне тяжелые в том случае, если в скором времени не высадятся немцы»⁴. Сам Маннергейм позднее отрицал такую трактовку событий и утверждал, что и сам бы победил, без помощи немцев. Но в действительности к моменту высадки германского десанта ситуация на фронтах была равновесная, и до победы одной из сторон было далеко. «Красным финнам» нужно было продержаться до конца 1918 г., после чего они, вероятно, получили бы серьезную помощь Красной армии РСФСР, которая тогда начала поход на запад.

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне в России и на Украине. М., 2013. С. 9–28, 37–41, 78–100.

² Солдатенко В.Ф. Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. С. 240.

³ О начале гражданской войны в Финляндии см.: Шубин А.В. Старт страны Советов. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 290–296.

⁴ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015. С. 54.

Еще до заключения Брестского мира Германия переправила в «белую» Финляндию 27-й егерский батальон под командованием капитана Аусфельда, сформированный из финнов во время Первой мировой войны. У него был опыт боевых действий, отсутствовавший у подавляющего большинства финнов. Егеря обучали военному делу «белых» и командовали подразделениями¹. Также на стороне «белых» воевали шведские добровольцы. А на Карельском перешейке «красных» поддерживали большевизированные российские части.

Война в Финляндии, как и на Украине, велась вдоль железных дорог, которые стали важнейшими путями перемещения войск.

18 февраля в «белой» части Финляндии была введена всеобщая воинская повинность. Армия «красных» оставалась добровольческой.

Весной 1918 г. стороны активизировали свои действия. Красные атаковали Хейнолу, «и вышли на единственную тыловую коммуникацию Маннергейма»². Однако красное командование сочло дальнейшее наступление неподготовленным.

15 марта Маннергейм начал наступление на Таммерфорс. После ожесточенного сражения, в котором участвовало и несколько сот шведов, Таммерфорс был взят 6 апреля. В это же время крупный отряд Красной гвардии попал в засаду к югу от Рауту и был уничтожен.

Несмотря на эти неудачи, у «красных» оставались еще значительные силы. Однако 3 апреля у них в тылу высадились германские войска. В Финляндию была направлена 12-тысячная дивизия во главе с Р. фон дер Гольцем. Она высадилась в Ханко и двинулась на Гельсингфорс. 7 апреля отряд О. фон Брандштейна высадился в Лависса. Столица Финляндии вот-вот могла быть отрезана от Советской России. Совет народных уполномоченных 6 апреля выехал в Выборг.

Но просто военной прогулки у германских войск не получилось. Р. фон дер Гольц пишет о боях за Гельсингфорс 12–13 апреля: «В царившем кругом тумане сильная позиция была прорвана неожиданно быстро, однако затем в упорных кровопролитных боях в лесистой и скалистой местности уланы, карабинеры, 4-й егерский и 3-й резервный егерский лишь очень медленно продвигались вперед. Ведь наша артиллерия в рукопашном бою могла помочь мало, а красные оказались весьма меткими стрелками.

Наконец на 4 часа дня я назначил общую атаку с обходом справа. Однако противник уже отошел...

Освобождение города было не столь легким и продолжалось до вечера 13 апреля. Разгорелись тяжелейшие уличные бои со стрелка-

¹ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 53.

² Там же. С. 54.

ми на крышах, с неистовыми вооруженными женщинами, с броневиками и пулеметами... Взятие города было облегчено белогвардейцами, частью вооруженными, частью предоставившими свои услуги в качестве проводников»¹.

Удар с двух сторон был сокрушительным для «красных». Атака Маннергейма на Таммерфорс облегчила взятие Гельсингфорса, дальнейшее продвижение немцев на север разрушило фронт «красных» против Маннергейма. Выбраться к Выборгу основная часть их войск не успела. Но, развернувшись, они предприняли натиск на немцев и даже отбросили их под Лампи и двинулись на Лахти. «Отчаявшиеся красные раз за разом, ревя словно тигры, днем и ночью пытались прорваться на юг... Женщины в брюках в первых рядах, многие в русской форме. Положение было чрезвычайно серьезным. Едва ли французы могли столь же молодцевато идти в атаку, как эти фанатичные приверженцы нового Евангелия от бескультурья»². Кто может лучше понимать в культуре, как не немецкий генерал? Впрочем, его оценка военной стороны дела почетна для «красных» финнов, которые смогли нанести такой удар даже в безнадежных условиях. Под угрозой оказалась даже ставка фон дер Гольца в Рийхимяки. Во встречном сражении 30 апреля — 2 мая под Лахти и Тавастагусом западная армия красных была окружена. В плен попало 25 тыс. человек.

28–29 апреля Маннергейм разбил восточную группировку деморализованных «красных» под Выборгом. Совет народных уполномоченных эвакуировался в Петроград. Социалистическая республика в Финляндии пала. Но и прежняя республика не была восстановлена — Германия выстраивала на бывших территориях Российской империи систему марионеточных монархий.

В боях погибло более 5300 красных, 3400 белых, 600 россиян и 300 германцев. В плену оказалось почти 80 тыс. красных, более 13 тыс. которых умерли в лагерях от голода и болезней³.

Из-за того, что финляндские социал-демократы бежали или сидели в заключении, парламент уменьшился почти в два раза и резко поправел. Председатель сената П. Свинхувуд проводил настолько прогерманскую политику, что это привело даже к отставке Маннергейма, который прозорливо решил ставить на Антанту. 9 августа 75 голосами против 32 парламент (в котором числилось около 200 депутатов) проголосовал за возвращение к монархической форме правления. Великое княжество Финляндское должен был возглавить князь из династии Гогенцоллернов Фридрих Карл Гессенский.

¹ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 70–71.

² Там же. С. 79.

³ Мейнандер Х. История Финляндии. М., 2008. С. 137–138.

Оно стало северным звеном системы прогерманских государств, которая просуществовала в Восточной Европе до ноября 1918 г. В нее входили также провозглашенное 12 апреля Балтийское герцогство, провозглашенное 13 июля Литовское королевство во главе с Миндаугасом II (он же принц Фриц фон Урах), формально созданное еще в 1916 г. Польское государство во главе с Регентским советом, Украинская держава.

Разгром красной Финляндии создал непосредственную угрозу Балтийскому флоту и Петрограду. Флот с большим трудом удалось под руководством капитана А. Щастного увести в Кронштадт.

* * *

Между тем 23 апреля в Москву прибыл германский посол В. фон Мирбах. Он усилил давление на Совнарком, ультимативно требуя строго следовать букве Брестского мира (что угрожало новыми потерями территорий и флотов) и в то же время ведя дело к тому, чтобы получить все-таки с России контрибуцию, которая теперь могла рассматриваться как компенсация еще и за национализацию и социализацию. Мирбах требовал передачи Финляндии форта Ино, с которого можно было обстреливать Петроград (подробнее об этом см. параграф «Несчастный Щастный»), и передачи под контроль Германии Балтийского и Черноморского флотов, что вело к их фактическому переходу в руки Финляндии и Украины. А это резко усиливало бы обоим новым соседям России. Ультимативный тон Мирбаха создал у большевиков ощущение, что немцы все же готовы захватить Петроград. На фоне этой угрозы казались мелочью «шалости» Антанты. Однако при одновременном нажиме Германии и Антанты большевики могли потерять и Москву. 6 мая ЦК большевиков, обсудив эту безрадостную ситуацию, принял резолюцию, предложенную Лениным: «Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить. (Ибо война против Германии грозит непосредственно большими потерями и бедствиями, чем война против Японии)». Ленин, а за ним и ЦК, были готовы пойти на новые территориальные уступки ради заключения мира с германскими сателлитами Финляндией и Украиной. При этом Ленин пришел к выводу, что нужно готовить новую базу большевизма, более надежную, чем Москва: «Направить все силы для защиты урало-кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии». К этому пункту Ленин приписал: «Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще и Экспедиции заготовления государственных бумаг в частности»¹. Столица уже переехала из Петрограда

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 315.

в Москву, в новых условиях могла последовать и в Екатеринбург. Но с началом чехословацкого выступления в конце мая эта идея отпала сама собой. А российско-германская военная тревога была преодолена в середине июня ценой утопления Черноморского флота.

В мае советник германского посольства К. Рицлер неофициально беседовал с участником подпольного Союза общественных деятелей С. Котляревским. Рицлер знал Катляревского лично и был «довольно откровенен. Он говорил, что надежды некоторых русских кругов на германское вмешательство совершенно иллюзорны... Далее Рицлер признал, что по его взгляду правые круги России вообще совершенно бессильны и к тому же германское правительство совершенно не сочувствует им, как не сочувствовало и царскому строю, разрушенному революцией. Русская монархия лишь компрометировала монархические начала... Кадеты все заражены ненавистью к Германии, находятся под полным влиянием англичан и, даже если бы Германия хотела низвергнуть Советскую власть, работать на передачу власти в их руки значило бы работать на англичан. Что касается левых, то с.-р. тоже враждебны к Германии, а это единственная сила, кроме большевиков». Так что «военная тревога» в Кремле была скорее всего преждевременной. Хотя, как признавал Рицлер, в германском руководстве были круги, настроенные более агрессивно — военное руководство и восточно-прусские аграрии, «но их влияние в Германии чрезвычайно уменьшилось»¹. В условиях подготовки решающих сражений на Западном фронте германским военным тоже было не до новой кампании в России. Большевики в этих условиях были идеальным партнером в России.

По мнению историка Г.А. Соболева, после прибытия в Москву германского посла Мирбаха Германия оказывала Советской России финансовую помощь². Г.А. Соболев считает, что после прихода к власти большевики «систематически» получали финансовую помощь от Германии, без которой они не могли бы удержаться у власти³. Но историк не приводит доказательств этой «систематичности» и тем более того, что без германской финансовой помощи большевики не смогли бы удержаться у власти. Опубликованные документы, на которые он ссылается, о факте финансирования Совнаркома не говорят⁴.

¹ Котляревский С. История «Национального центра» // Красная книга ВЧК. М., 1990. С. 138.

² Соболев Г.А. Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009. С. 383.

³ Там же. С. 429.

⁴ Критику позиции А.Г. Соболева и других авторов, считающих, что Германия оказывала Советскому правительству большевиков помощь в ноябре 1917 г., см.: Козлов Я.В. Финансирование большевиков немцами. Какие доказательства? <https://yroslav1985.livejournal.com/103572.html>

Мирбах считал, что Германия может легко свергнуть большевиков и не исключал, что можно при случае это сделать, создав марионеточное правое правительство наподобие режима Скоропадского: «Любое военное выступление, проведенное нами в скольконибудь значительном масштабе, — оно даже не обязательно может быть направлено против обеих столиц, — автоматически приведет к падению большевизма, после чего, также автоматически, новые правительственные структуры, которые мы бы держали наготове и которые находились бы полностью на нашей службе, заняли бы образовавшуюся пустоту»¹. Мирбах не учитывал, что «образовавшуюся пустоту» скорее всего займут политические силы, стремящиеся к возобновлению войны на стороне Антанты в спектре от левых коммунистов и левых эсеров до эсеров и кадетов.

Хотя Вильгельм II и не доверял большевикам, взвесив за и против, в мае–июне 1918 г. германское руководство все же решило поддерживать в сложившейся обстановке большевиков. В меморандуме статс-секретарю иностранных дел Р. фон Кюльману для обсуждения с министром финансов З. фон Редерном от 5 июня 1918 г. говорилось о том, что Мирбах уже потратил «значительные суммы», чтобы помешать «Советам» принять требования Антанты. Грядущие траты следовало направлять как на поддержание власти большевиков, так и на укрепление связей с теми силами, которые могут их сменить в случае свержения Советской власти. В связи с предстоящими тратами статс-секретрь Кюльман запрашивал в перспективе до 40 млн марок. Деньги были выделены, но стали поступать в Россию уже после убийства Мирбаха². Первый транш поступил уже после убийства Мирбаха. «Гельферих, преемник Мирбаха, имел очень мало времени, чтобы использовать эти деньги. Он пробыл в Москве всего 10 дней», — считает Я.В. Козлов. Но для передачи той суммы, которая предназначалась большевикам, много времени не требовалось. Если эта сумма была передана, то она составляла не более 3 млн марок.

Однако это был скорее займ, чем финансовая помощь. Ленину предстояло выплатить Германии гораздо большие деньги, чтобы компенсировать ущерб Германии и германских подданных от войны и революции, включая и национализацию. Ленин оправдал надежды Германии и согласился на подписание советско-германского

¹ Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Documents from Archives from German Foreign Ministry. L., 1958. P. 139.

² Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 387, 391. См. также: Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Documents from Archives from German Foreign Ministry.

соглашения 27 августа о нормализации экономических отношений, которое предполагало выплату фактической контрибуции в пользу Германии. Дело в том, что Брестский мир предполагал выплату компенсации за ущерб в период войны, а также восстановление коммерческих прав. В результате германский капитал, в условиях гонений на российских капиталистов, мог стать ядром капитализма в России. Чтобы это предотвратить, Советское руководство было готово откупиться от Германии большой суммой.

Договор 27 августа регулировал прежде всего территориальные и экономические вопросы. Предусматривалось создание совместных комиссий для установления демаркационных линий. «Демаркационные линии должны быть проведены таким образом, чтобы между фронтами обеих сторон существовали нейтральные зоны, вход в которые запрещен чинам обеих армий за исключением парламентариев». В дальнейшем это положение использовалось левыми радикалами, которые создавали вооруженные отряды в нейтральной зоне между РСФСР и Украиной. Предусматривалось урегулирование границ в Прибалтике, Россия получала доступ к прибалтийским портам на льготных условиях. Германия обязывалась очистить еще до заключения всеобщего мира занятую к востоку, а затем и к западу от Березины территорию в зависимости от того, как Россия выплачивает средства на основании финансового соглашения. То есть сначала Россия должна была платить контрибуцию (теперь она могла рассматриваться как компенсация за национализацию германской собственности и другой ущерб германским интересам от советских экономических экспериментов), а потом получать территорию. Германия обязывалась не вызывать и не поддерживать образование самостоятельных государственных организмов на территории России, признанной Брестским договором.

Россия обещала бороться за удаления войск Антанты со своей территории на севере (это положение де-факто уже выполнялось с началом советского вооруженного противодействия интервенции Антанты), но не могло пока быть выполнено окончательно. Зато в соглашении содержалось положение, которое успокаивало большевиков, боявшихся нападения на Петроград: «Германия принимает на себя гарантию в том, что во время этих операций не последует с финляндской стороны каких-либо нападений на русскую территорию, в особенности на Петроград». Германия обещала очистить занятые ею центрально-российские и черноморские области, расположенные вне Кавказа, но только после ратификации российско-украинского мирного договора, который установит точные границы РСФСР.

Пока Россия в этом отношении получала самое важное: по требованию Советской России Германия была готова очистить желез-

нодорожную линию Ростов–Воронеж и расположенную на восток от нее оккупированную территорию и сам Ростов. Но пока такое требование не поступало, так как для Москвы было выгоднее, чтобы эту территорию занимали немцы, а не белые. «До очищения Германия на участке этой дороги, расположенном в оккупированной области, допустит перевозку зерна и других товаров для русского правительства под надзором русских должностных лиц; то же самое относится и к участкам железнодорожных линий Таганрог–Ростов и Таганрог–Курск, расположенным в оккупированной области, пока продолжается оккупация». Также пока Донецкий бассейн оставался занятым германскими войсками, «Россия из добытого там количества угля получает ежемесячно число тонн, в три раза превышающее число тонн нефти или нефтяных продуктов из Бакинской области... и в четыре раза большее число тонн за находящиеся в том числе поставки бензина; поскольку добытый в Донецком бассейне уголь является для этого недостаточным или должен быть употреблен для других целей, он будет дополнен германским углем». Таким образом, обе стороны решали проблемы сырья для своего производства. За то, что Россия заявляла «свое согласие на то, что Германия признает Грузию самостоятельным государственным организмом», Германия обещала свое содействие в остановке турецкой экспансии против Баку. Тем более что Германия собиралась получать через Россию бакинскую нефть (соглашение предусматривало получение Германией четверти добытого, но не менее определенного числа тонн). Это создавало предпосылки для восстановления контроля Москвы над Баку при германской поддержке. Германия обещала оказать содействие, чтобы турки остановили продвижение к Баку от Шемахи.

Болезненный вопрос о военных кораблях должен был решаться на российско-украинских и российско-финляндских переговорах о разделе «государственного имущества бывшей Российской Империи». Но «конфискованные военные суда до заключения всеобщего мира пребывают под германским надзором». Ленину было важно, чтобы они не использовались против Петрограда и не оказались пока в руках сил, воюющих против Советской власти. Таким образом, договор разрешал наиболее острые советско-германские противоречия путем их частичного замораживания. Условием разморозки было завершение Первой мировой войны, заключение мирных договоров с новыми западными соседями России и выплата денежных средств Россией¹.

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 446–447. О ходе переговоров подробнее см.: Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М., 2017. Т. 1. С. 428–443.

По экономическому соглашению Россия обязывалась уплатить Германии 245 546 кг золота, денежные средства и товары. Первый взнос — 42 860 кг — должен быть сделан 10 сентября, четыре других (равными долями по 50 676 кг) — 30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 г. Эта сумма составляла 6 млрд марок¹. В сентябре в Германию было отправлено два «золотых» эшелона на сумму более 120,4 млн руб. Еще одна партия золота была отправлена в Германию в октябре в счет закупки в Германии 6 млн пудов угля для Петрограда. Было отправлено золото в слитках весом 3125 кг, 34 500 000 руб. царскими кредитными билетами и 50 000 германских марок. Всего по договорным обязательствам РСФСР Германии было передано золота на сумму 124 835 549 руб. 47 коп.² По Компьенскому перемирию 11 ноября 1918 г. российский и румынский золотые запасы, оказавшиеся в Германии, передавались союзникам до заключения мирного договора. Золото было отправлено в Париж.

Так что если большевики и получили деньги от Германии в 1918 г. — это был небольшой долг «на карманные расходы», который был многократно компенсирован. Большевики откупились от империалистов данью за мирную передышку и возможность защитить российскую экономику от перехода под контроль германского капитала.

* * *

Боевые действия на территориях, которые отошли от России по Брестскому миру, как бы не касались РСФСР. Здесь планировалось противостоять прежде всего внутреннему противнику — антисоветским восстаниям.

Старая армия была демобилизована. Троцкий, 13 марта возглавивший Наркомат по военным делам и Временный военный совет, должен был срочно сформировать новую Рабоче-крестьянскую красную армию (РККА). Он не исключал использование помощи Антанты в сопротивлении немецкому продвижению. Однако после заключения мира это нужно было делать осторожно, чтобы не спровоцировать наступление немцев на Москву и Петроград. 22 марта П. Паскаль писал в дневнике: «Троцкий создает проект армии. Садуль пытается добиться от него согласия на японскую интервенцию. В то же время наше правительство готовит высадку и оккупацию России: об этом ничего не говорят ни Троцкому, ни Садулю»³. Вскоре из

¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского соглашения. Т. 1. М., 1968. С. 641.

² Ефимкин А. П. «Мы заплатили немецким империалистам золото...» // История СССР. 1990. № 5. С. 147–151.

³ Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. С. 451.

Парижа пришел отрицательный ответ на проекты участия французской военной миссии в создании новой советской армии. Это было нежелательно и в свете предстоящей интервенции Японии¹. Новая армия Троцкого могла вступить в столкновение с японцами.

Красную армию приходилось делать из того что было. Солдаты, согласившиеся добровольно вступить в РККА, в основном сосредотачивались на месте распущенного фронта — в войсках «Западной завесы». В тыловых губерниях РККА формировалась на основе Красной гвардии и революционных отрядов, сражавшихся против антисоветских сил, а также из военнопленных и китайских работников. Бывшие военнопленные были дисциплинированы, но не так много из них решались сменить перспективу возвращения на родину на полную неопределенности службу красным. Красногвардейцы и революционные матросы были плохо обучены ведению военных действий и к тому же были склонны к военной демократии, продолжая митинговать и возмущаться тем, что к власти в армии возвращают офицеров и генералов. Крупнейшим военным соединением, на которое могла опереться Советская власть, оказалась дивизия латышских стрелков.

Латышские полки, сформированные во время Первой мировой войны, активно поддерживали большевиков и стали их военной опорой уже осенью 1917 г. В условиях демобилизации старой армии латыши опасались возвращаться домой — за линию германской оккупации. Они стали наиболее организованной частью добровольческой Красной армии. Оставшиеся в РККА латышские стрелки были более организованы, чем части, плохо сколоченные из идейных, но не имеющих достаточного боевого опыта красногвардейцев. Разумеется, в России были миллионы людей, которые обладали военным опытом, но они «навоевались» и разошлись по домам. Жизнь заставит их снова взять оружие уже летом 1918 г., но — несколько позднее латышей и не всегда добровольно, что скажется на устойчивости красных частей, по сравнению с которыми до поры до времени латышские стрелки будут отличаться в лучшую сторону.

13 апреля 1918 г. было принято решение о формировании из демобилизованных латышских стрелков, а также латышей-коммунистов и рабочих Латышской стрелковой советской дивизии. Ее возглавил бывший комполка латышских стрелков времен Первой мировой войны И. Вацетис. Теперь дивизия состояла из трех бригад, по три стрелковых полка и два артиллерийских дивизиона в каждой, кавалерийского полка, трех артиллерийских батарей и авиационно-

---

¹ Пискаль П. Русский дневник 1916–1918. С. 460.

го отряда. К декабрю 1918 г. дивизия достигла численности 17 тыс. солдат¹. К началу 1919 г. в полках числилось свыше 1000 строевых солдат, но в ходе боев их число иногда падало до 500 и даже меньше, а потом постепенно возрастало за счет новых бойцов². Политическое руководство дивизией находилось в руках своеобразного органа самоуправления — Исполнительного комитета латышских стрелков (Исколастрел).

Дивизия стала одной из важнейших военных опор большевистского режима в 1918 г. Стрелки охраняли советское правительство, воевали на Восточном фронте. Для доукомплектования штата дивизии латышей уже не хватило. 13 сентября 1918 г. начдивом был поставлен вопрос о «пополнении нашей дивизии солдатами русской национальности, призванными по мобилизации. В данную минуту было бы необходимо около 3000 человек для пополнения частей дивизии». Президиум Исколастрела ответил: «Рассмотрев вопрос об укомплектовании Латышской Стрелковой Советской дивизии солдатами русской национальности, находит это целесообразным, но принимая во внимание то обстоятельство, что русские товарищи не так аккуратны при несении службы и другие их недостатки, если в большинстве окажутся русские — что может оказать вредное влияние на боеспособность дивизии, признает возможность принять товарищей русских с тем расчетом, чтобы они не превышали одной трети состава каждой отдельной части, а в общем, по нашему мнению, можно принять в дивизию не более 1500 русских»³. Таким образом, дивизия осталась преимущественно латышской по своему составу. Латыши придали силовую устойчивость Совнаркому в Москве.

РККА была разбросана на огромной территории. В оперативном отношении советскими формированиями руководили командующие, назначенные региональными Советами. Это было удобно для борьбы с местными восстаниями и недобитыми антисоветскими формированиями. С мая, однако, этих формирований стало гораздо больше.

Громкий Дон

22 февраля Добровольческая армия во главе с генералами А. Корниловым и М. Алексеевым отступила под натиском красных в степи в сторону Кубани. 1-й Кубанский поход начинало около 4 тыс. «пер-

¹ См.: *Драудин Т. Я.* Боевой путь Латышской стрелковой дивизии в дни Октября и годы Гражданской войны (1917–1920). Рига, 1960; *Каймынь Я.* Латышские стрелки. М., 1960; *Латышские стрелки в борьбе за Советскую Латвию. Воспоминания и документы.* Рига, 1962.

² РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 203. Л. 2–42.

³ Там же. Д. 31. Л. 336–337.

вопоходников», которым пришлось двигаться в тяжелых условиях холода и дождей. Поход называется также «ледяным» (это название генерал А. Деникин употребил в отношении событий 28 марта 1918 г., когда колонна шла под ледяным дождем). Первоначально Добровольческая армия могла позволить себе только партизанские действия — сторонясь железных дорог и крупных соединений красных. Командования Кубано-Черноморской и Донской советских республик действовали недостаточно скоординированно и не смогли воспользоваться своим численным превосходством, чтобы уничтожить белую группировку. 27 марта 1918 г. к походу Добровольческой армии присоединился отряд сторонников Кубанской войсковой рады численностью около 6 тыс. бойцов во главе с В. Покровским.

9–13 апреля 1918 г. Добровольческая армия безуспешно штурмовала Екатеринодар. Овладев крупнейшим городом Кубани, белые могли создать устойчивую подконтрольную им территорию и передохнуть. Но командующему советской Юго-Восточной армией А. Автономову и его помощнику И. Сорокину удалось сосредоточить здесь 20 тыс. бойцов, которые отбивались от упорно атакующих добровольцев. Корнилов считал, что неудача под Екатеринодаром будет катастрофой белого движения, был готов победить или умереть. Он сказал Деникину: «Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб»¹. Корнилову не пришлось стреляться — 13 апреля он был убит шальным снарядом, но гибель командующего нельзя считать простой случайностью. Шансы на успех в этом сражении у белых были не велики, так что Корнилов мог погибнуть и чуть позднее в отчаянной атаке. Или уж свести счеты с жизнью.

Остатки Добровольческой армии с согласия Алексеева возглавил Деникин. Им пришлось отступить от Екатеринодара, оставляя раненых и бросая артиллерию. Положение было отчаянным. «В первый раз за три года войны мне пришлось увидеть панику»², — вспоминает А. Деникин.

Но вскоре пришла обнадеживающая новость — началось восстание на Дону. Это спасло Добровольческую армию от окончательного разгрома. 29 апреля Добровольческая армия двинулась в сторону Дона. Новый командующий А. Деникин выпустил обращение, в котором говорилось: «Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опи-

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 1991. С. 295.

² Там же. С. 306.

раясь на все государственно мыслящие круги населения... Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; ...за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни»¹. Таким образом, сохраняя верность идее народоправства (под которым тогда понимался созыв Учредительного собрания), Деникин акцентировал внимание на преодолении «урезания» России в Бресте и нарушения ее «целости» — тревожный сигнал для сторонников казацкой автономии. Генерал С. Марков заметил Деникину, что упоминание «народоправства» и Учредительного собрания вызвало среди офицерства «толки»². По поводу необходимости борьбы против германской экспансии разногласий не было. Но объективно действия Добровольческой армии ослабляли сопротивление красных немцам — особенно разрушительный набег на железную дорогу Ростов–Тихорецкая 25–30 апреля. Затем Деникин отошел в сторону Дона, закончив тем самым 1-й Кубанский поход.

Судьба Добровольческой армии зависела не столько от усилий ее бойцов и командиров, сколько от обстановки в стране. В апреле 1918 г. белое движение не могло победить, а уже в мае — не могло не возродиться в условиях восстания на Дону и начала широкомасштабной гражданской войны и интервенции.

* * *

Первоначально на Дону установилась Советская власть, опиравшаяся на казаков-фронтовиков во главе с Н. Голубовым. Он надеялся на примирение в казацком мире. Благо гражданская война здесь быстро кончилась. Захватив соратника Каледина М. Богаевского, Голубов даже дал ему выступить на митинге³. Это примиренчество не устраивало председателя СНК Донской республики Ф. Подтелкова и его сторонников, стремившихся к более тесной интеграции Дона в общероссийскую советскую систему, преодолению разделения на казаков и иногородних. Донской СНК, расположенный в Ростове, потребовал выдачи Богаевского, Голубов из Новочеркасска отказал. 9 апреля в Новочеркасск прибыл красный отряд, который сверг Голубова. Тот бежал агитировать в станицы, но 12 апреля во время выступления был убит в станице Кривянской. Свержение Голубова ослабило Советскую власть на Дону.

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. С. 341–342.

² Там же. С. 342.

³ Там же. С. 319.

Уже в марте казаки проявляли недовольство действиями пришедших красных отрядов. В станицах происходили и вооруженные нападения на пришедших с ними представителей новой власти. Но в целом Дон в марте контролировался Советской властью. 22–31 марта восстали станицы Хомутовская, Грушевская и Суворовская. 13 апреля красные потерпели поражение под Кривянской, 14 апреля восставшие казаки ворвались в Новочеркасск и устроили там резню коммунистов. Казаки-голубовцы при этом объявили нейтралитет¹. В Новочеркасске был создан Совет обороны во главе с Г. Яновым. «Из документов явствует, что в Совет обороны вошли представители повстанческих сотен — преимущественно урядники и рядовые казаки, так сильны были еще антиофицерские настроения»², — пишет историк А.В. Венков.

17 апреля красные отбили донскую столицу. Восставшие, уже во главе с генералом К. Поляковым, отступили на острова у станицы Заплавской. Совет обороны объявил себя Временным донским правительством. На Дон вернулись отряды походного атамана генерала П. Попова, бежавшие от большевиков в Сальские степи. Ему 24 апреля правительством была передана военная власть. Восставшие проводили набеги на «большевистские» станицы³. Красные приступили к зачистке станиц к северу от Дона.

6 мая восставшие казаки снова взяли Новочеркасск. Но через два дня красные ворвались в город. Завязались бои за донскую столицу. И тут в тыл красным ударил появившийся неведом откуда крупный белый отряд числом около 1000 солдат. Это были дроздовцы.

Отряд под командованием полковника М. Дроздовского был сформирован из офицеров Румынского фронта в конце 1917 г. Формально это была бригада ударников, фактически — отряд сторонников твердого порядка и на том этапе — защиты Учредительного собрания. В феврале Румыния искала мира с Германией, и дроздовцы ушли из Ясс. С 7 марта, двигаясь от Дубоссар параллельно наступавшим немцам, они прошли через всю Украину. Дроздовцы и немцы сохраняли нейтралитет друг в отношении друга. По дороге дроздовцы творили «жестокую расправу» над представителями Советской власти⁴. Под Каховкой немцы пропустили дроздовцев вперед, чтобы те

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. С. 320.

² Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 136.

³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. С. 320; Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 138–142.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. С. 332.

прорвали оборону красных, расчистив таким образом немцам путь¹. Этот опыт понравился германскому командованию, и 4 мая немцы позволили Дроздовскому взять Ростов. Но вскоре красные выбили дроздовцев из города обратно на оккупированную немцами территорию, где те отдохнули.

Дон в это время был для Дроздовского землей обетованной, там отряд мог встретить искреннюю поддержку, там был непочатый край работы по уничтожению сторонников Советов. М. Дроздовский записал 30 апреля в дневнике о действиях в станице Новониколаевской: «Встреча в станице, первой станице Войска Донского. Восторженное отношение казаков... Энергично стали арестовывать виновных в большевизме, комитетчиков»².

Удачное появление дроздовцев в тылу красных сослужило отряду добрую службу — восставшие казаки были благодарны за своевременную помощь, дроздовцы стали героями белого казачества. Дроздовский объявил свой отряд частью Добровольческой армии.

10 мая восставшими казаками были захвачены и 11 мая казнены председатель Совнаркома Донской советской республики Ф. Подтелков, комиссар по делам управления левый эсер М. Кривошлыков и их товарищи. Восстание разделило советский актив на живых и мертвых вне зависимости от радикальности и умеренности, зверскости и гуманизма того или иного коммуниста или левого эсера. Антисоветские восстания растекались со всех сторон, милости к побежденным ждать не следовало, и спасение было везением.

11 мая был создан Круг спасения Дона, представлявший 10 станиц из 123 — в основном ближайших к Новочеркасску³. 16 мая круг избрал атаманом Всевеликого войска Донского генерала П. Краснова. Была объявлена мобилизация, введены погоны. Сохранивший командование Попов сообщил кругу, что Донская армия насчитывает уже 50 тыс. бойцов⁴. Вскоре Краснов оттеснил Попова от командования и отправил его на пенсию. С 18 мая армией командовал генерал-майор С. Денисов.

Краснов и войсковое правительство восстановили частную собственность на национализированные Советской властью заводы и фабрики, шахты и землю. Приказом № 1 Краснов восстановил действие законов Российской империи. Но 5 июня атаман Краснов выступил

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. С. 333.

² Дроздовский М.Г. Дневник. Б., 1923. С. 127–128.

³ Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 166.

⁴ Там же. С. 162.

с декларацией, в которой объявил Дон республикой. Атаман взял курс на сотрудничество с немцами, получал от них оружие и боеприпасы, часть которых передавал Деникину.

На Дону казаки жили почти прежним укладом. Земли помещиков были засеяны с помощью пленных красновардейцев. Урожай предполагалось сдать в казну. Казачки в духе времени получили избирательное право. Правда вся власть принадлежала атаману. Казаков отпускали с фронта на полевые работы¹. Полковник А. Шкуро вспоминал: «Впервые, после долгого перерыва, вступил я на территорию Дона. После грязного и беспорядочного Екатеринодара, казалось, что попал в другое царство, как в старое время, бывало, выезжал за границу. На станциях стояли brave жандармы в красных фуражках; поезда шли аккуратно по расписанию; всюду чистота и порядок»².

Но судьба Дона зависела от исхода сражений по всей России, а не только здесь. На Дон прибыла уставшая Добровольческая армия. Историк казачества и участник Гражданской войны А.А. Гордеев писал: «Весть о восстании на Дону воскресила добровольцев; они радостно потянулись на Дон, исхудалые, оборванные, раненные и больные. На Дону они были приняты радушно, раненные и больные размещены по городам и станицам, снабжены продовольствием, и с ними поделились скудными запасами вооружения, патронами, снарядами»³.

Деникин претендовал на общее командование антибольшевистскими войсками, но казачьи лидеры с этим не согласились. В июне белая армия ушла в свой 2-й Кубанский поход — более успешный, чем первый.

18 июня вспыхнуло казачье восстание на Тереке. Повстанцы взяли Моздок, где было создано правительство Г. Бичерахова. Однако взять Грозный и Кизляр им не удалось — горцы не пустили казаков, объективно поддерживая Советскую власть. Развернулись бои между казаками и осетинами с одной стороны и красными и горцами-мусульманами — с другой.

* * *

Если добровольцы ушли на юг, то Донская армия стала действовать в северном и восточном направлениях. Выходить за пределы Дона казаки не хотели. Их главным противником стали красные эшелоны 5-й и 3-й армий, пробивавшиеся под командованием К. Во-

¹ Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 172.

² Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 1991. С. 105.

³ Гордеев А.А. История казаков. Великая война 1914–1918 гг. Отречение государя. Временное правительство и анархия. Гражданская война. М., 1993. С. 224.

рошилова и других командиров через территорию Дона с Украины на восток. Казаки под командованием К. Мамонтова (Мамантова), А. Фицхелаурова и др. атаковали эшелоны с севера и юга. При этом часть восставших станиц не желала трогать красных — пусть уходят. С большими потерями эшелоны Ворошилова вышли к Царицыну. Война стала массовой, но вели ее все еще как зимнюю скоротечную войну 1917–1918 гг. — вдоль железных дорог, с митингами, на которых бойцы обеих сторон обсуждали, стоит ли идти в атаку.

С июня боевые действия переместились на север области и велись прежде всего за железнодорожную линию Царицын–Новохоперск, по которой на север вывозился хлеб. Казаки то перерезали ее, то отбивались южнее, после чего в глубь области врывались красные под командованием В. Киквидзе, Ф. Миронова и др. Казаки окружали их и с потерями отбрасывали назад. В сентябре красные войска, сражавшиеся с донцами на севере области, были сведены в 9-ю армию во главе с А. Егоровым. Северное направление казачьей армии возглавлял генерал М. Иванов, северо-восточное — А. Фицхелауров.

Даже в случае успеха казаки предпочитали не развивать его, не втягиваться в бои на территории остальной России. Краснов учитывал эти настроения, когда 7 августа издал приказ, в котором говорилось, что «Донская армия имеет задачей исключительно изгнание из пределов области пришедших красновардейских грабительских банд...» Но сам Краснов понимал, что необходимо выйти за пределы области — иначе Красная армия, разбив своих противников по частям, всей силой обрушится на Дон. Под предлогом все той же защиты Дона Краснов 24 августа приказал занять Царицын, Дубовку, Камышин, Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, Таловую, Калач¹.

Взятие белыми Царицына отрезало бы советский центр от хлеба Северного Кавказа и бакинской нефти. Сражение за Царицын станет одним из решающих в Гражданской войне в 1918 г.

* * *

Восстали казаки и на востоке России. В Уральске произошел переворот, Советская власть была свергнута, и 23 марта было создано коалиционное либерально-социалистическое правительство во главе с энесом Г. Фомичевым. 26 марта в илецком бою казаки разбили красновардейцев. 4–11 мая было предпринято наступление красных на Уральск, которое закончилось поражением.

¹ Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 335–336.

28 марта оренбургские казаки уничтожили красный отряд в станице Ветлянской. Восстание возглавил съезд делегатов 25 станиц во главе с Д. Красноярцевым. 4 апреля казаки на короткое время заняли Оренбург, но вынуждены были его оставить. Пытаясь подавить восстание, красные действовали жестоко, сжигали восставшие станицы. Но после начала чехословацкого выступления, которое отрезало Южное Приуралье от Центральной России, у красных было мало шансов удержать Оренбург. 3 июля отряды Красноярцева и Н. Карнаухова заняли город, и 7 июля из Тургайских степей туда вернулся отряд атамана А. Дутова. «Как и на Дону, между “степняками” и “заплавцами”, на Южном Урале существовала определенная рознь между “тургайцами” и участниками восстания на казачьей территории. Однако Дутов сумел одержать верх над оппозицией и стал единоличным властителем на Южном Урале»¹, — пишет биограф атамана А.В. Ганин.

Выбитые из Оренбурга красные частично отступили в Туркестан, а частично — на север. Колонна под командованием И. Каширина и В. Блюхера начала свой 1500-километровый поход, который закончился выходом к Восточному фронту красных в районе Аскино и Кунгура (после ранения Каширина поход продолжился и завершился под командованием Блюхера).

В апреле восстали казаки Семиречья и осадили Верный. В июне красные сумели подавить это восстание, но в июле в Семиречье вышли части белой Сибирской армии, которые вместе с казаками установили здесь фронт против Советского Туркестана.

Восстания казаков на Дону и Урале привели к возобновлению гражданской войны в ряде регионов России. Но всеобъемлющей войной стала после выступления внешней силы — чехословацкого войска, перешедшего под руководство Антанты.

Антанта на пути к интервенции

На фоне успехов Германии и ее союзников на востоке Европы Антанта чувствовала себя проигравшей в регионе и искала путей для реванша. В повестку дня государств Антанты становилась интервенция в России — формально с целью защиты имущества союзников, оказавшегося под угрозой в результате заключения мира, а фактически — с целью свержения «прогерманского» режима большевиков.

Несмотря на заключение Брестского мира и отъезд послов из столицы, продолжалась деятельность в России неофициальных представителей союзников — британского Б. Локкарта и американского

¹ Ганин А. В. *Семь «почему» российской Гражданской войны*. М., 2018. С. 171.

Р. Робинса. Они сотрудничали с военными миссиями Антанты, которые, по существу, выполняли функцию посольств. «Интервенция с согласия большевиков — вот политика, которую мы старались провести, а через десять дней после моего приезда (27 марта. — А. Ш.) мы провели общую резолюцию, признающую бесплодной японскую интервенцию»¹, — вспоминал Локкарт.

Между представителями Антанты в России существовали серьезные разногласия. Французская военная миссия и неофициальные представители надеялись на возобновление советско-германского конфликта, понимали вынужденность брестских уступок и пытались наладить хоть какое-то сотрудничество против Германии². Послы, эвакуировавшиеся в Вологду, ориентировались на официальную антисоветскую позицию своих правительств и сами относились к большевизму враждебно.

Первыми объектами интервенции становились Мурманск (Мурман) и Владивосток — порты, через которые в Россию поступала помощь союзников. В Мурманске находилось принадлежавшее союзникам военное имущество весом 450 тыс. т и стоимостью 6 млрд руб. (и еще в Архангельске 160 тыс. т на 2 млрд руб.)³. 6 марта небольшой британский отряд с неофициального согласия Л. Троцкого и Мурманского Совета высадился для охраны складов от возможного нападения прогерманских сил финнов. Затем высадились и французы. При этом 2 марта председатель исполкома Мурманского Совета А. Юрьев устно оговорил, что гражданская власть в Мурмане и окрестностях принадлежит Совету, а под его верховенством военное руководство — трем лицам по одному представителю от Совета, британцев и французов⁴. Договоренность была достигнута до заключения Брестского мира, а высадка состоялась после и нарушала мирный договор. Германия рассматривала пребывание сил Антанты на российской территории как нарушение нейтралитета.

26 марта Ленин и Сталин обратились по прямому проводу к Юрьеву: «Нам кажется, что Вы немножечко попались. Теперь нужно выпутаться». Для этого необходимо письменно подтвердить согласие англо-французских представителей на то, что их пребывание в Мурмане не носит характер оккупации⁵. Но большего пока не требовалось — возможности выдворить Антанту из Мурманска не было. Более того,

¹ Локкарт Б. Р. Г. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 227.

² Подробнее см.: Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 393–399.

³ Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. Рукопись.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 221.

⁵ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 230.

9 апреля Сталин и Ленин посоветовали Юрьеву «принять помощь англичан»¹ против финляндских белогвардейцев. Но только действовать нужно секретно. Одновременно советские власти вывозили военное имущество из Архангельска в направлении Вологды и Котласа².

Историк Е.Ю. Сергеев суммирует: «Как же можно оценить начало интервенции “по соглашению” на севере России? С нашей точки зрения, участие Британии в ней явилось первым опытом успешного взаимодействия советских и английских войск в борьбе с общим противником. Далее, объединенными отрядами местных Советов и Антанты удалось предотвратить захват немцами и меньшевистскими финскими отрядами не только Мурманска, но также Карелии и Петрограда. Кроме того, отпор, который противник неожиданно для себя получил в северном регионе России, не позволил Берлину осуществлять переброску контингентов на Западный фронт с прежним темпом по шесть дивизий в месяц. Наконец, несмотря на Брест, возникла реальная перспектива нормализации двусторонних отношений. Свидетельством этому стало оказание британской стороной практической помощи советскому правительству в строительстве РККА»³.

Присутствие небольшого контингента войск Антанты имело значение для ситуации в районе Мурманска, хотя в условиях незавершенной гражданской войны в Финляндии Маннергейм не имел возможности всерьез бороться за его отторжение от России. Влияние мурманского контингента на оборону Петрограда, на который после 3 марта никто не наступал и который, к тому же, в отличие от Мурманска, был прикрыт существенными силами РККА, стремилось к нулю. Темпы переброски австро-германских войск на запад зависели прежде всего от развития операций на Украине. Так что значение мурманского десанта сводится прежде всего к эксперименту по советско-британскому сотрудничеству. Значение этого эксперимента определялось вдали от Мурманска. Если бы советско-британское сближение в это время произошло, эксперимент был бы признан удачным. А в условиях обострения отношений он стал в дальнейшем трактоваться как начало агрессии Антанты — тем более что в июне действительно перерос в такую агрессию. В какую сторону повернется эта альтернатива, зависело не от Мурманска, и не только от состояния советско-британских отношений, а от позиции Антанты и США в отношении большевизма. В этой позиции не было единства — в том числе и среди представителей Великобрита-

¹ В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. С. 234.

² Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

³ Там же.

тании, Франции и США в России. Но сторонники несотрудничества с большевиками и их свержения изначально имели более сильные официальные позиции.

Даже те руководители союзников, которые в принципе были готовы сотрудничать с большевиками, видели в этом смысл лишь при условии возобновления российско-германской войны. Так, в апреле 1918 г. меморандум британского министра вооружений У. Черчилля для Кабинета подчеркивал: «Если удастся “соблазнить” большевиков выступить совместно с Румынией и совместно атаковать Германию, можно будет своевременно направить в Москву представителей союзников, имеющих достаточный политический вес, чтобы придать большевистскому правительству новый элемент стабильности и дать ему средство достижения текущего согласия с другими классами российского общества»¹.

Историк Е.Ю. Сергеев считает, что весной 1918 г. Антанта проводила в России «интервенцию по соглашению»: «13 апреля “Бальфур сообщил Локарту условия продолжения интервенции по соглашению”: “Большевистскому правительству следует попытаться создать эффективную национальную армию, начать партизанскую войну против немцев и перекрыть каналы поставок; ему необходимо запросить союзную военную и морскую помощь в Мурманске, если возникла угроза железной дороге, а также во Владивостоке; при этом союзники обязуются эвакуировать войска со всей территории России в конце войны и не принимать участие в политических и экономических столкновениях на протяжении всего их пребывания в стране”»². Но в это время лидеры большевиков не собирались возобновлять войну с Германией и видели в Антанте не меньшую угрозу. Этому способствовала интервенция во Владивостоке, которая проводилась вовсе не «по соглашению».

Во Владивостоке также находились большие запасы военного снаряжения, направленного в Россию Антантой — общим весом 800 тыс. т и стоимостью 10 млрд руб.³ «Англичане опасались, что большевистские войска во Владивостоке захватят запасы, отправят в Петроград и продадут немцам»⁴. Однако достаточными силами для интервенции на Дальнем Востоке располагала не Великобритания, а Япония и в меньшей степени США.

¹ Цит. по: Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 207.

Американское руководство опасалось, что в случае высадки японцев на российском Дальнем Востоке они уже не уйдут оттуда, что серьезно нарушит баланс сил в регионе. США настаивали на совместной интервенции. Такой формат позволил бы затем добиться и совместного вывода войск с территории России (как окажется, наличие во Владивостоке еще каких-то войск мало повлияет на поведение Японии, которая оставит оккупационные войска после вывода сил союзников с российского Дальнего Востока еще на два года, а на Сахалине — до 1925 г.). Впрочем, весной 1918 г. японцы предпочитали получить «мандат» на собственную интервенцию без вмешательства других союзников. Это выглядело как явное намерение аннексировать затем восток России.

Британское руководство не считало это препятствием для интервенции японскими руками. Военный кабинет обсуждал возможность продвижения японцев по Транссибу до Урала (что уже совершенно не соответствовало плану японцев). Но Великобритания не была намерена ссориться с США из-за Японии. Министр иностранных дел Великобритании Бальфур продолжал добиваться от Вильсона соглашения на японскую интервенцию.

Лорд Бальфур сообщил своим посольствам, что Транссиб можно использовать «для оказания эффективной помощи еще имеющимся на юго-востоке России воинственным силам», то есть, по-видимому, антисоветскому казачеству. Впрочем, Бальфур сомневался, что японцы «согласятся продвинуться вплоть до Уральских гор», и, скорее всего, ограничатся захватом Восточной Сибири¹. Продвинуть японские войска столь далеко было, конечно, утопией, но тема «оказания эффективной помощи воинственным силам» с помощью Транссиба получит второе рождение в связи с движением по этой железной дороге Чехословацкого корпуса.

26 марта министр иностранных дел Японии Мотоно заявил в парламенте: «Германское влияние завоевывает Сибирь, и это беспокоит не только Японию, но и всех союзников. Японское правительство не предполагает и не предлагает военных операций в Сибири. До сих пор Япония не получила предложения союзников по этому вопросу, но если это предложение будет сделано, оно будет рассмотрено весьма тщательно»². Впрочем, не дожидаясь предложений от союзников, Япония предпочла начать действовать самостоятельно.

4 апреля во Владивостоке неизвестными был убит японский коммерсант и были тяжело ранены двое служащих, причем один —

¹ Цит. по: Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 226, 232.

² Цит. по: Левидов М. К истории союзной интервенции в России. Л., 1925. С. 92–93.

смертельно. Это было расценено как достаточный повод для высадки 5 апреля около 500 японских солдат. Символический десант в 50 человек высадила Великобритания, чтобы успокоить США. Советская Россия восприняла эту высадку как агрессию.

В бухте Владивостока без спроса встали на якорь два японских крейсера и по одному военному кораблю Великобритании, США и Китая. Для более широкой интервенции в России у союзников пока не было сил — ведь в марте Германия развернула наступление на Западном фронте. Ситуацию изменило только выступление Чехословацкого корпуса.

При этом Бальфур через Локкарта надеялся убедить советских лидеров заключить соглашение с Японией и Румынией на условиях, аналогичных «устной договоренности» Мурманского краевого Совета и представителей Антанты¹.

Как пишет историк Е.Ю. Сергеев, «в результате согласования позиций на конференции Антанты в Лондоне 16–17 марта и получения вынужденной санкции американского президента Вильсона, Уайтхолл все же взял курс на поддержку интервенции Японии, не найдя иного способа отвлечения германских сил от наступления во Франции»². Но этот план не учитывал, что Япония готова взять под контроль российский Дальний Восток, но не маршировать через Урал для изнурительной окопной войны на востоке Европы.

Однако в июне советско-германские военные конфликты в основном затихли, что ослабило и без того слабые позиции сторонников сотрудничества с большевиками.

* * *

18 апреля, в связи с высадкой японцев во Владивостоке, французский посол Ж. Нуланс дал интервью газете «Вологодский листок», где прямо поддержал японскую акцию: «В течение долгих месяцев известия, получаемые нами из Владивостока, указывали на царящую там анархию, которая грозила опасностью для жизни и имущества представителей союзных наций». Но гибель японских подданных и «хаос во Владивостоке» — все же повод, а не причина интервенции: «союзники не могли оставаться равнодушными к успехам австро-германцев, как на севере, так и на западе, далеко расширивших те границы, которые предусматривались мирным договором в Брест-Литовске». Нуланс уверен, что с помощью военнопленных немцы намерены создать «центр колонизации в Си-

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Там же.

бири». Если можно немцам, Антанта не должна оставаться в стороне, разумеется в интересах русского народа: «возможное военное вмешательство, могущее иметь место в Сибири, носило бы характер вполне дружественный»¹.

В ответ на это интервью советское правительство потребовало отзыва Нуланса из России и лишило его дипломатического иммунитета. Но изгонять его из Вологды не стали. Как писал секретарь посольства де Робьен в своем дневнике, в России все заканчивается «разговорами» (это слово написано по-русски с намеренной ошибкой)².

Нуланс использовал свое положение для активных контактов с антибольшевистским подпольем: «В последнее время нас осаждают представители всех партий, от правых до самых прогрессивных социал-революционеров, все просят нашей поддержки против большевиков»³, — свидетельствовал де Робьен. Обсуждая со своим сотрудником Р. Маршаном (впоследствии, как и Ж. Садуль, перешедшим на сторону большевиков) возможность создания правительства эсеров, Нуланс заявил: «Мы не позволим никогда... новых социалистических экспериментов в России»⁴.

Локкарт, напротив, приводил Робинсу доводы в пользу того, что «Троцкий показал свою готовность работать с союзниками»: «он пригласил союзных офицеров сотрудничать в реорганизации новой армии»; «до сих пор он давал нам все благоприятные условия для совместных действий союзников в Мурманске», всегда соглашался предоставить документы, необходимые для деятельности союзных офицеров в России, согласился пропустить Чехословацкий корпус в Архангельск и Мурманск, согласился сохранить в Архангельске нужные союзникам склады. «Вы согласитесь, что это не похоже на действия прогерманского агента и что политика союзной интервенции во взаимодействии с большевистским правительством и с его согласия возможна и реальна»⁵. Но Ленин и Троцкий вовсе не торопились соглашаться на интервенцию против Германии на своей территории.

Версия о возможности захвата Сибири немецкими военнопленными была проверена в ходе поездки американского и британского офицеров Вебстера и Хиггса, которые отправились в этот край

¹ Цит. по: Быков А.В., Панов А.С. Дипломатическая столица России. Вологда, 1998. С. 103.

² Там же. С. 99.

³ Цит. по: Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Russian-American Relations. March. 1917–1920. Documents and Papers. N.Y., 1920. P. 202–203.

20 марта. 30 марта Робинс сообщил американскому послу Д. Френсису: «Получил следующее донесение от Вебстера и Хиггса от 30-го: вооруженных военнопленных в районе Владивостока и Читы не имеется. Некоторые военнопленные в Иркутске вооружены — все они венгерские социалисты и записываются для борьбы против Семенова в Манчжурии»¹. Всего в Сибири было обнаружено 1500 таких военнопленных, находящихся под контролем большевистских командиров и не собирающихся действовать в интересах Центрального блока.

Локкарт и Робинс, таким образом, лишили интервенционистов важного аргумента. Американский консул в Москве М. Саммерс писал послу Френсису в Вологду: «Я постоянно сталкиваюсь с вопросом: Вы или полковник Робинс — официальный представитель»². Робинс, разумеется, был неофициальным представителем США, но в отличие от Френсиса и Саммерса у него был регулярный контакт с советским правительством. Френсис отвечал Саммерсу: «Чичерин, как Вы сами мне сообщили, признал Робинса представителем Соединенных Штатов, и будет игнорировать посольство, если сможет... Робинс спросил меня, желательны ли мне дальнейшие его услуги в Москве, и, когда я сказал ему, что нет, он написал мне 27 апреля», что намерен уехать примерно 3 мая. Однако затем Робинс телеграфировал, что задерживается в Москве. Френсис с беспокойством продолжал: «Подозреваю, что полковник Томпсон, подстрекаемый Робинсом, стремится убедить наше правительство признать правительство большевиков... Сегодня утром он телеграфировал мне, что британцы с каждым днем все теснее сотрудничают с большевистским правительством и благодаря этому становятся на первое место в их благосклонности»³.

Саммерс не прочитал это сообщение, так как 4 мая скоропостижно скончался. 9 мая госсекретарь США Р. Лансинг отозвал Робинса из России. Время поиска Антантой возможностей взаимодействия с большевиками подходило к концу.

2 мая Д. Френсис сообщил в Вашингтон, что, по его мнению, пришло время для союзной интервенции против большевиков⁴. Однако американский консул в Архангельске Ф. Коул считал, что «мы выиграем больше, используя зерно, сахар и машины, чем примерно 200 000 солдат»⁵. Однако эти войска еще следовало изыскать и перебросить в Россию. Представители Антанты продолжали колебаться до лета 1918 г. Очень не хотелось отвлекать

¹ Russian-American Relations. March. 1917–1920. Documents and Papers. P. 121.

² Цит. по: Быков А. В., Панов А. С. Дипломатическая столица России. С. 60.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Там же. С. 72.

большие силы с Западного фронта и в то же время припугнуть немцев угрозой возрождения Восточного фронта. В этом случае Германия будет вынуждена и дальше держать на востоке Европы крупную группировку, несмотря на ожесточенные бои, развернувшиеся на Западном фронте в марте–июле 1918 г. Возник план высадки относительно небольшого контингента, после чего иностранные солдаты станут ядром для формирования российской антибольшевистской армии. Но по России уже двигалась крупная военная сила, формально подчиненная командованию Антанты — Чехословацкий корпус.

Братья-славяне

В начале 1918 г. через Россию с запада на восток эвакуировался во Францию корпус (легион) бывших военнопленных чехов и словаков. Это была военная часть численностью около 45 тыс. легионеров, сформированная во время Первой мировой войны для борьбы за освобождение славян от Австро-Венгрии. Помимо чехов и словаков в корпусе служили поляки, румыны и сербы. Корпусом командовали русские офицеры, а политически руководил Чехословацкий национальный совет (ЧСНС), лидеры которого сотрудничали с Антантой и симпатизировали социал-демократам и эсерам. «Ясно лишь одно, что у нас была армия, и в России мы были единственной значительной военной организацией, что придавало нам вес, соображения о нашей армии играли в переговорах о нашем признании значительную роль»¹, — вспоминал председатель ЧСНС Т. Масарик. Корпус был не единственной, но самой крупной из организованных и самой организованной из крупных военных частей в России, к тому же — неконтролируемой правительством.

Попытки лидеров белого движения привлечь корпус к своему делу оказались неудачными. В Добровольческой армии удалось сформировать небольшой отряд чехов и словаков во главе с инженером Кралем, но его численность не шла ни в какое сравнение с количеством чехов и словаков, служивших в красных формированиях (коммунистический полк под командованием Я. Штрэмбаха, революционный полк А. Шипека, отряд С. Частека и др.), в которые ушло около 10 тыс. человек.

После заключения перемирия Россией и Германией лидеры ЧСНС потребовали отправки корпуса на Западный фронт, где он мог

¹ Цит. по: *Недбайло Б.Н.* Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.). Историческое исследование. М., 2004. С. 47.

продолжить борьбу с Германией и Австро-Венгрией за независимую Чехословакию. Переброска первых чехословацких частей во Францию началась еще 21 октября 1917 г. 15 (28) января 1918 г. президиум отделения для России ЧСНС объявил «чехословацкое войско» находящимся в распоряжении верховного главнокомандования французской армии. В марте глава французской военной миссии генерал Ж.-Ф. Лавернь дал финансовое поручительство, в счет которого корпус мог снабжаться в пути следования кооператорами.

10 февраля 1918 г. было заключено соглашение советского командования на Украине и представителей чехов и словаков о пропуске корпуса во Францию. 2 марта началось движение корпуса под командованием В. Шокорова на восток. Когда немцы двинулись на Украину, они попытались блокировать чехословацкие части, но те отбились под Бахмачем 7–14 марта и ушли в глубь России. Из двух маршрутов эвакуации — через Архангельск или Владивосток — был согласован восточный. Советские руководители не доверяли руководству корпуса и опасались допускать чехословацких солдат в район Москвы и Петрограда. Казалось более безопасным «сплавить» корпус подальше от Центральной России. Но из-за проблем с железнодорожным транспортом движение корпуса шло медленно и стало для российских железных дорог еще одним бедствием. Пользуясь силой, чехословацкие солдаты захватывали паровозы и запасы продовольствия. Буйство чехов и словаков переполнило чашу терпения, и в марте командование Московского военного округа дало распоряжение местным Советам разоружать солдат корпуса.

13–14 марта в Курске В. Антонов-Овсеенко договорился с комиссаром корпуса П. Максой о частичном разоружении. Гарантии беспрепятственного движения после этого должен был дать Совнарком. 26 марта 1918 г. Сталин сообщил представителям Чехословацкого корпуса, что СНК гарантирует продвижение эшелонов по направлению к Владивостоку, если они оставят у себя только согласованное количество оружия. Солдаты корпуса должны были ехать не как боевые подразделения, а как группа «свободных граждан». Председателю Пензенского Совета В. Кураеву было поручено подобрать надежных комиссаров для сопровождения эшелонов до Владивостока¹.

В этот же день в Пензе представители СНК и легиона подписали соглашение, в котором гарантировалась беспрепятственная отправка чешских подразделений из Пензы во Владивосток. В соответствии

¹ Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.). Историческое исследование. С. 55–56.

с соглашением в каждом эшелоне оставляли по 30 винтовок и 1 пулемету. Правда, чехословацкое руководство продолжало настаивать на том, что необходимо оставить 100 винтовок на эшелон, но это разногласие было скорее техническим. Корпусу оставался аэроплан и две батареи. Все остальное оружие предписывалось сдавать по прибытии в Пензу особой комиссии, в состав которой входили представители обеих сторон. К 4 апреля Пензенскому Совету было сдано около 50 тыс. винтовок, 5 млн патронов, 1200 пулеметов, 72 орудия и 3 аэроплана¹. В это время для большинства чехов и словаков возможность покинуть Россию была важнее сохранения оружия. Оставшееся оружие было необходимо для несения карульной службы — защиты легионеров и их имущества от грабежей на беспокойных российских дорогах.

Но легионеры не сдали все согласованное оружие, спрятав «излишки» в вагонах. А большевики стремились разоружить их еще сильнее. К тому же они надеялись сагитировать как можно больше чехов и словаков остаться в России в просоветских частях.

Историк А.Г. Прайсман так оправдывает нарушение соглашения: «Чешские солдаты значительно лучше понимали опасность поездки по объятой гражданской войной стране без оружия, чем официальные представители союзников»². Непонятно правда, откуда у солдат были сведения о том, что страна «охвачена гражданской войной», которых не было даже у официальных представителей союзников. В марте сторонники Советской власти нанесли поражение вооруженному сопротивлению, и в военном отношении путь на Владивосток был свободен. Страна будет охвачена Гражданской войной, когда восстанет Чехословацкий корпус.

В замедлении движения корпуса на восток сыграла роль и японская интервенция во Владивостоке. 9 апреля Сталин направил в Красноярск указание: «Теперь после десанта положение изменилось, теперь необходимо полное разоружение эшелонов и отпуск их на восток только маленькими частями и с перерывами, ни в коем случае не вместе. Все дело в том, что чехи рассматривают себя как французскую армию, а союзники смотрят на них, как на немецких военнопленных, ища в них повод к вмешательству. Разъясните все это чехам. И неуклонно проводите эту линию. Другого пути нет»³. Нарушение большевиками

¹ Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.). Историческое исследование. С. 56–57.

² Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. С. 37.

³ Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965. С. 188.

только что достигнутого соглашения не могло не обострить ситуацию. Чехи и словаки боялись разоружения, потому что не знали мотивов большевиков. А вдруг после разоружения, когда они станут беззащитными, их направят в лагеря для военнопленных и хуже того — могут выдать Австро-Венгрии. В этих условиях командование легиона было готово пробиваться к океану силой. Однако после некоторых колебаний 12 апреля было дано разрешение на дальнейшее продвижение эшелонов. Задержка движения эшелонов, оказавшихся к западу от Иркутска, возникла в связи с атаками атамана Семенова, который 5 апреля ринулся из Маньчжурии в сторону Читы.

21 апреля Чичерин, ссылаясь на немецкие требования, приказал местным советским властям оказывать содействие движению эшелонов с пленными, возвращающимися в Германию и Австро-Венгрию, а чехословацкие эшелоны пока остановить. 1 мая для эшелонов был установлен новый маршрут: те, кто находился к востоку от Иркутска, должен был продолжить движение во Владивосток, а остальные развернуться на Мурманск¹. Это было довольно спорное решение, учитывая, что в Мурманске тоже присутствовали силы Антанты. Вскоре выяснилось, что изменение маршрута — не злая воля немцев, а происходит с согласия Антанты².

Для советского правительства корпус был проблемой — и как инородная вооруженная сила, и как источник пополнения Красной армии, и как повод для негодования германских представителей. Обсуждалась возможность эвакуации корпуса через Архангельск. Локкарт считал, что это позволило бы эвакуировать корпус без конфликта, «если бы не глупость французов»³. Впрочем, о какой глупости может идти речь, если выступление Чехословацкого корпуса было в целом на руку политике французского правительства в отношении большевиков? Но для союзных миссий последовавшее в мае восстание было сюрпризом — накануне они обсуждали, как скорейшим образом эвакуировать корпус⁴.

Планы интервенции с участием «чехов» вынашивались французским послом Ж. Нулансом еще в марте: «Безумный проект посла: занять Архангельск, Мурманск, Вологду, воспользоваться чехами и поставить новое правительство»⁵, — писал сотрудник французской военной миссии П. Паскаль. Но в середине мая конкретных

¹ Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 39–40.

² Там же. С. 42.

³ Локкарт Б. Р. Г. История изнутри. Мемуары британского агента. С. 251.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Паскаль П. Русский дневник. 1916–1918. С. 450.

планов восстания корпуса вдоль линии Транссибирской магистрали у французов не было. 14 мая, отправляя своего сотрудника Паскаля в поездку на восток России, генерал Лавернь наставлял его: «Речь идет о том, чтобы встретиться с чехами. Путешествие приятное, командировка интересная. Ни за что на свете чехи не хотят сражаться в России, они хотят уехать возможно скорее. Они боятся, что Франция оставит их: давай у них побываем»¹. В руководстве ЧСНС были сторонники вмешательства во внутрисоветскую борьбу, например секретарь совета И. Клецанда, но только при условии либо широкомасштабной интервенции Антанты, либо мощного антибольшевистского восстания демократов².

18 мая французский посол в России Ж. Нуланс сообщил военному представителю при корпусе майору А. Гинэ, что «союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии»³. Но это — в случае начала широкомасштабной интервенции. За оставшийся до нее месяц легион должен был сосредоточиться во Владивостоке и, возможно, в Архангельске.

Эшелоны с чехословацкими солдатами растянулись от Пензы до Тихого океана и медленно сдвигались к востоку. Японская интервенция не получила развития, и, возможно, решение было бы найдено, корпус удалось бы вывезти. Но в этой напряженной ситуации произошла одна из тех случайностей, которые меняют ход истории. 14 мая из вагона эшелона с австро-венгерскими военнопленными, направляющимися домой, кто-то бросил металлический предмет. Он попал в голову чешского солдата Ф. Духачека. Чехословацкие солдаты догнали поезд обидчика и убили И. Малика, которого сочли виновным, так как накануне на станции с ним произошел конфликт. Также были избиты находившиеся в этих вагонах венгерские пленные. Советские власти арестовали 10 участников самосуда. Тогда 17 мая легионеры захватили ключевые пункты Челябинска и арестовали несколько советских руководителей, требуя освобождения своих товарищей. В результате арестованные легионеры были освобождены, после чего чехословацкие солдаты вернулись в свои вагоны⁴. Казалось бы, инцидент был исчерпан.

¹ Паскаль П. Русский дневник. 1916–1918. С. 484.

² Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. С. 186.

³ Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.). Историческое исследование. С. 126.

⁴ Юрченко В. Мятёж, которого не было // Родина. 1994. № 1. С. 28.

20 мая в Екатеринбурге Паскаль писал в дневнике: «Визит к чехам, обитающим в специально оборудованном вагоне: они как раз готовили пищу. Эшелоны Сибирского направления должны начать проходить здесь с 21-го числа. 15 эшелонов уже ждут в Челябинске. Там у них были стычки с Советом: как бы не пролилась кровь...»¹ Ни о каком заранее спланированном нападении на Советскую власть речи нет.

Сотрудник французской военной миссии Ж. Садуль сообщал, что Троцкий считал выступление частью плана Антанты, реализуемого французскими офицерами при корпусе. «Я совершенно убежден, что Троцкий ошибается. По моим сведениям, французская миссия представлена в чешских эшелонах лишь двумя офицерами, на которых лежит административная работа (мы авансируем чехословакам их расходы) и сношения с советским правительством»². Впрочем, затем Гинэ принимал участие в заседаниях военного совета антибольшевистских сил. Но это потом. Нет доказательств, что выступление началось по приказу из Франции. Оно стало результатом наложения случайных обстоятельств на взаимную недружелюбность большевиков и руководителей легиона, которые симпатизировали антибольшевистской оппозиции. Большевики опасались, что легион может быть использован против них на окраинах, и их жесткая реакция на челябинский инцидент может объясняться желанием ликвидировать «иностранное тело», пока оно не дошло до этих самых окраин.

Челябинский конфликт был воспринят советским руководством как долгожданный повод ликвидировать корпус. 21 мая были задержаны находившиеся в Москве руководители ЧСНС Б. Чермак и П. Макса. Находясь в руках большевиков, они отдали корпусу приказ о разоружении. Перед легионерами встал выбор — вступить либо в Красную армию, либо в рабочие артели (то есть вернуться в обновленные лагеря). Либо — не подчиняться. Этот приказ стал сигналом к восстанию легиона.

23–24 мая в Красноярске красными был разоружен эшелон со штабом 2-й дивизии и авиационным отрядом. Столкновение при разоружении легионеров произошло в Иркутске, но там их пропустили дальше на восток.

Собравшийся в Челябинске 20 мая съезд делегатов чехословацких частей принял решение не разоружаться и пробиваться дальше на восток. 22 мая был создан Временный исполком из 11 чело-

¹ Паскаль П. Русский дневник. 1916–1918. С. 92.

² Садуль Ж. Записки о большевистской революции.

век, которому перешло общее руководство легионом (войском), раз уж представительство ЧСНС действует по указке большевиков. Командование перешло к военному совету (С. Войцеховский, С. Чечек, Р. Гайда), в заседаниях которого в дальнейшем принимали участие представитель французского командования майор А. Гинэ и деятели антибольшевистских политических сил России. Было решено 27 мая пробиваться на восток. Но боевые действия начались на два дня раньше.

Вечером 25 мая наркомвоен Троцкий издал приказ: «Все Советы под страхом ответственности обязаны немедленно разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте; каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных... С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся Советской власти, поступить как с братьями и оказать им всяческую поддержку. Всем железнодорожникам сообщить, что ни один вооруженный вагон чехословаков не должен продвинуться на восток»¹.

Но остановить восставший корпус не могли не только железнодорожники, но и разбросанные в районе Транссиба отряды Красной армии, которые были заняты отражением набегов казаков Дутова и Семенова. Из 45–50 тыс. легионеров в выступлении приняло участие более 35 тыс. (до конца года в чехословацкое войско вступило еще более 10–15 тыс. бывших военнопленных). 8 тыс. чехословацких солдат было в пензенской группе С. Чечека, 8800 — в челябинской С. Войцеховского, 3880–4500 — в сибирской Р. Гайды и 14 тыс. — во владивостокской М. Дитерихса. На Волге и Урале в РККА было почти 38 тыс. бойцов. Они тоже были разбросаны на большом пространстве.

25–26 мая по инициативе командира полка Р. Гайды части корпуса захватили Мариинск и Ново-Николаевск. Гайда вспоминал о захвате Ново-Николаевска: «После телеграммы Троцкого нужно было принять решение и выбрать из двух зол меньшее: или ждать, пока на нас нападут и обороняться и самим нападать. Впервые на мою совесть ложилась такая тяжкая ответственность... С капитаном Кадлец, помощником командира 7-го полка мы уже заранее проработали ряд вопросов... Мы имели свои шифры, условные знаки и т. д. ...Всех мучило нетерпение, особенно, когда было получено сообщение капи-

¹ Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. С. 210.

[illegible]

- Работы в области культуры и образования на Крайнем Восточном побережье
- Направление дара в области культуры и образования
- Построена школа на южном берегу в Владивостоке в мае 1918 г.
- Построены школы восточного берега 25 мая 1918 г.
- Платоновые организации РНГ(с)
- Направление дара в области науки
- Работы в области культуры и образования
- Построены школы в станице Златоустовской в мае 1918 г.
- Построены школы в станице Пролетарской в мае 1918 г.
- Заведены интернаты в станице Сибирской флотилии в мае 1918 г.
- Работы флотилии Амурской флотилии
- Автономные учреждения

This map illustrates the Eastern Front during the summer of 1941. It shows the German advance from the north and east towards Moscow. Key locations include:

- German Positions (indicated by 'X' marks):**
  - Smolensk (100 km from Moscow)
  - Yelnya (120 km from Moscow)
  - Orsha (150 km from Moscow)
  - Bobruysk (180 km from Moscow)
  - Belarus (200 km from Moscow)
  - Slutsk (220 km from Moscow)
  - Baranovichi (250 km from Moscow)
  - Novopolotsk (280 km from Moscow)
  - Polotsk (300 km from Moscow)
  - Vitebsk (320 km from Moscow)
  - Orshansk (350 km from Moscow)
  - Smolensk (380 km from Moscow)
  - Yelnya (400 km from Moscow)
  - Orsha (420 km from Moscow)
  - Bobruysk (450 km from Moscow)
  - Belarus (480 km from Moscow)
  - Slutsk (500 km from Moscow)
  - Baranovichi (520 km from Moscow)
  - Novopolotsk (550 km from Moscow)
  - Polotsk (580 km from Moscow)
  - Vitebsk (600 km from Moscow)
  - Orshansk (620 km from Moscow)
  - Smolensk (650 km from Moscow)
  - Yelnya (680 km from Moscow)
  - Orsha (700 km from Moscow)
  - Bobruysk (720 km from Moscow)
  - Belarus (750 km from Moscow)
  - Slutsk (780 km from Moscow)
  - Baranovichi (800 km from Moscow)
  - Novopolotsk (820 km from Moscow)
  - Polotsk (850 km from Moscow)
  - Vitebsk (880 km from Moscow)
  - Orshansk (900 km from Moscow)
  - Smolensk (920 km from Moscow)
  - Yelnya (950 km from Moscow)
  - Orsha (980 km from Moscow)
  - Bobruysk (1000 km from Moscow)
  - Belarus (1020 km from Moscow)
  - Slutsk (1050 km from Moscow)
  - Baranovichi (1080 km from Moscow)
  - Novopolotsk (1100 km from Moscow)
  - Polotsk (1120 km from Moscow)
  - Vitebsk (1150 km from Moscow)
  - Orshansk (1180 km from Moscow)
  - Smolensk (1200 km from Moscow)
  - Yelnya (1220 km from Moscow)
  - Orsha (1250 km from Moscow)
  - Bobruysk (1280 km from Moscow)
  - Belarus (1300 km from Moscow)
  - Slutsk (1320 km from Moscow)
  - Baranovichi (1350 km from Moscow)
  - Novopolotsk (1380 km from Moscow)
  - Polotsk (1400 km from Moscow)
  - Vitebsk (1420 km from Moscow)
  - Orshansk (1450 km from Moscow)
  - Smolensk (1480 km from Moscow)
  - Yelnya (1500 km from Moscow)
  - Orsha (1520 km from Moscow)
  - Bobruysk (1550 km from Moscow)
  - Belarus (1580 km from Moscow)
  - Slutsk (1600 km from Moscow)
  - Baranovichi (1620 km from Moscow)
  - Novopolotsk (1650 km from Moscow)
  - Polotsk (1680 km from Moscow)
  - Vitebsk (1700 km from Moscow)
  - Orshansk (1720 km from Moscow)
  - Smolensk (1750 km from Moscow)
  - Yelnya (1780 km from Moscow)
  - Orsha (1800 km from Moscow)
  - Bobruysk (1820 km from Moscow)
  - Belarus (1850 km from Moscow)
  - Slutsk (1880 km from Moscow)
  - Baranovichi (1900 km from Moscow)
  - Novopolotsk (1920 km from Moscow)
  - Polotsk (1950 km from Moscow)
  - Vitebsk (1980 km from Moscow)
  - Orshansk (2000 km from Moscow)
  - Smolensk (2020 km from Moscow)
  - Yelnya (2050 km from Moscow)
  - Orsha (2080 km from Moscow)
  - Bobruysk (2100 km from Moscow)
  - Belarus (2120 km from Moscow)
  - Slutsk (2150 km from Moscow)
  - Baranovichi (2180 km from Moscow)
  - Novopolotsk (2200 km from Moscow)
  - Polotsk (2220 km from Moscow)
  - Vitebsk (2250 km from Moscow)
  - Orshansk (2280 km from Moscow)
  - Smolensk (2300 km from Moscow)
  - Yelnya (2320 km from Moscow)
  - Orsha (2350 km from Moscow)
  - Bobruysk (2380 km from Moscow)
  - Belarus (2400 km from Moscow)
  - Slutsk (2420 km from Moscow)
  - Baranovichi (2450 km from Moscow)
  - Novopolotsk (2480 km from Moscow)
  - Polotsk (2500 km from Moscow)
  - Vitebsk (2520 km from Moscow)
  - Orshansk (2550 km from Moscow)
  - Smolensk (2580 km from Moscow)
  - Yelnya (2600 km from Moscow)
  - Orsha (2620 km from Moscow)
  - Bobruysk (2650 km from Moscow)
  - Belarus (2680 km from Moscow)
  - Slutsk (2700 km from Moscow)
  - Baranovichi (2720 km from Moscow)
  - Novopolotsk (2750 km from Moscow)
  - Polotsk (2780 km from Moscow)
  - Vitebsk (2800 km from Moscow)
  - Orshansk (2820 km from Moscow)
  - Smolensk (2850 km from Moscow)
  - Yelnya (2880 km from Moscow)
  - Orsha (2900 km from Moscow)
  - Bobruysk (2920 km from Moscow)
  - Belarus (2950 km from Moscow)
  - Slutsk (2980 km from Moscow)
  - Baranovichi (3000 km from Moscow)
  - Novopolotsk (3020 km from Moscow)
  - Polotsk (3050 km from Moscow)
  - Vitebsk (3080 km from Moscow)
  - Orshansk (3100 km from Moscow)
  - Smolensk (3120 km from Moscow)
  - Yelnya (3150 km from Moscow)
  - Orsha (3180 km from Moscow)
  - Bobruysk (3200 km from Moscow)
  - Belarus (3220 km from Moscow)
  - Slutsk (3250 km from Moscow)
  - Baranovichi (3280 km from Moscow)
  - Novopolotsk (3300 km from Moscow)
  - Polotsk (3320 km from Moscow)
  - Vitebsk (3350 km from Moscow)
  - Orshansk (3380 km from Moscow)
  - Smolensk (3400 km from Moscow)
  - Yelnya (3420 km from Moscow)
  - Orsha (3450 km from Moscow)
  - Bobruysk (3480 km from Moscow)
  - Belarus (3500 km from Moscow)
  - Slutsk (3520 km from Moscow)
  - Baranovichi (3550 km from Moscow)
  - Novopolotsk (3580 km from Moscow)
  - Polotsk (3600 km from Moscow)
  - Vitebsk (3620 km from Moscow)
  - Orshansk (3650 km from Moscow)
  - Smolensk (3680 km from Moscow)
  - Yelnya (3700 km from Moscow)
  - Orsha (3720 km from Moscow)
  - Bobruysk (3750 km from Moscow)
  - Belarus (3780 km from Moscow)
  - Slutsk (3800 km from Moscow)
  - Baranovichi (3820 km from Moscow)
  - Novopolotsk (3850 km from Moscow)
  - Polotsk (3880 km from Moscow)
  - Vitebsk (3900 km from Moscow)
  - Orshansk (3920 km from Moscow)
  - Smolensk (3950 km from Moscow)
  - Yelnya (3980 km from Moscow)
  - Orsha (4000 km from Moscow)
  - Bobruysk (4020 km from Moscow)
  - Belarus (4050 km from Moscow)
  - Slutsk (4080 km from Moscow)
  - Baranovichi (4100 km from Moscow)
  - Novopolotsk (4120 km from Moscow)
  - Polotsk (4150 km from Moscow)
  - Vitebsk (4180 km from Moscow)
  - Orshansk (4200 km from Moscow)
  - Smolensk (4220 km from Moscow)
  - Yelnya (4250 km from Moscow)
  - Orsha (4280 km from Moscow)
  - Bobruysk (4300 km from Moscow)
  - Belarus (4320 km from Moscow)
  - Slutsk (4350 km from Moscow)
  - Baranovichi (4380 km from Moscow)
  - Novopolotsk (4400 km from Moscow)
  - Polotsk (4420 km from Moscow)
  - Vitebsk (4450 km from Moscow)
  - Orshansk (4480 km from Moscow)
  - Smolensk (4500 km from Moscow)
  - Yelnya (4520 km from Moscow)
  - Orsha (4550 km from Moscow)
  - Bobruysk (4580 km from Moscow)
  - Belarus (4600 km from Moscow)
  - Slutsk (4620 km from Moscow)
  - Baranovichi (4650 km from Moscow)
  - Novopolotsk (4680 km from Moscow)
  - Polotsk (4700 km from Moscow)
  - Vitebsk (4720 km from Moscow)
  - Orshansk (4750 km from Moscow)
  - Smolensk (4780 km from Moscow)
  - Yelnya (4800 km from Moscow)
  - Orsha (4820 km from Moscow)
  - Bobruysk (4850 km from Moscow)
  - Belarus (4880 km from Moscow)
  - Slutsk (4900 km from Moscow)
  - Baranovichi (4920 km from Moscow)
  - Novopolotsk (4950 km from Moscow)
  - Polotsk (4980 km from Moscow)
  - Vitebsk (5000 km from Moscow)
  - Orshansk (5020 km from Moscow)
  - Smolensk (5050 km from Moscow)
  - Yelnya (5080 km from Moscow)
  - Orsha (5100 km from Moscow)
  - Bobruysk (5120 km from Moscow)
  - Belarus (5150 km from Moscow)
  - Slutsk (5180 km from Moscow)
  - Baranovichi (5200 km from Moscow)
  - Novopolotsk (5220 km from Moscow)
  - Polotsk (5250 km from Moscow)
  - Vitebsk (5280 km from Moscow)
  - Orshansk (5300 km from Moscow)
  - Smolensk (5320 km from Moscow)
  - Yelnya (5350 km from Moscow)
  - Orsha (5380 km from Moscow)
  - Bobruysk (5400 km from Moscow)
  - Belarus (5420 km from Moscow)
  - Slutsk (5450 km from Moscow)
  - Baranovichi (5480 km from Moscow)
  - Novopolotsk (5500 km from Moscow)
  - Polotsk (5520 km from Moscow)
  - Vitebsk (5550 km from Moscow)
  - Orshansk (5580 km from Moscow)
  - Smolensk (5600 km from Moscow)
  - Yelnya (5620 km from Moscow)
  - Orsha (5650 km from Moscow)
  - Bobruysk (5680 km from Moscow)
  - Belarus (5700 km from Moscow)
  - Slutsk (5720 km from Moscow)
  - Baranovichi (5750 km from Moscow)
  - Novopolotsk (5780 km from Moscow)
  - Polotsk (5800 km from Moscow)
  - Vitebsk (5820 km from Moscow)
  - Orshansk (5850 km from Moscow)
  - Smolensk (5880 km from Moscow)
  - Yelnya (5900 km from Moscow)
  - Orsha (5920 km from Moscow)
  - Bobruysk (5950 km from Moscow)
  - Belarus (5980 km from Moscow)
  - Slutsk (6000

тана Кадлец о взятии Мариинска... Вечером, как всегда, у водокачки играл полковой оркестр, на концерт которого собрались жители всего города и много красногвардейцев. Когда стемнело, то многие солдаты, по заранее отданному приказу, разошлись по городу. В 11 часов оркестр ушел. Наступила мертвая тишина. Около часа ночи над вокзалом взлетела сигнальная ракета. Это был условный сигнал к началу сражения... Город был взят через 40 мин. Мы потеряли 2-х убитыми и 3-х ранеными...»¹. Из этого описания видно, что хотя захват Ново-Николаевска произошел и после выхода телеграммы Троцкого от 25 мая, он готовился заранее и произошел после случившегося ранее захвата Мариинска утром 25 мая. То есть телеграмма не была мотивом для выступления под руководством Гайды и Кодлеца. После принятия общего решения 22 мая Гайда и его соратники решили действовать первыми, захватить в свои руки инициативу. Телеграмма Троцкого была реакцией на действия легионеров.

В захвате Ново-Николаевска легионерам содействовали члены подпольной офицерской организации полковника А. Гришина (Алмазова), направленного генералом Алексеевым в Сибирь. Надо сказать, что в городах Сибири были созданы подпольные антисоветские организации разного толка (прежде всего проэсеровские, прокорниловские и просто антисоветские), готовившие вооруженное восстание. Как писал проехавший по Сибири эмиссар Добровольческой армии, вероятно, генерал В. Флуг, «ко времени чехословацкого выступления, в мае 1918 года, положение в Сибири было таково, что не давало оснований надеяться на возможность свержения большевистской власти без помощи извне.

Офицерские организации, не насчитывающие в каждом из крупных центров и тысячи бойцов (единственное исключение представлял Томск с 1500 человек) и двух-трех сотен во второстепенных городах, плохо вооруженные и снабженные... при таком состоянии не могли считаться надежной боевой силой, способной к ведению систематичной и упорной борьбы с советскими войсками...»². Выступление Чехословацкого корпуса привело эти силы в движение. Военный руководитель белого подполья Гришин-Алмазов и другие командиры формирующейся Сибирской армии подчиняли свои силы чехословацкому командованию³.

¹ Цит. по: *Соколов Б.А.* К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и гражданской войне в России // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 93.

² См.: Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив Русской революции. Т. 9. М., 1991. С. 271.

³ *Соколов Б.А.* К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и гражданской войне в России. С. 96.

27 мая пал Челябинск, 29 мая — Пенза и Канск. Ситуация была все еще неопределенной. Восставшие захватили чрезвычайного комиссара продовольствия А. Шлихтера, но затем отпустили его. Мнения местных советских руководителей разделились — одни, понимая, что сил для сопротивления корпусу нет, предпочитали пропускать эшелоны на восток. Другие, подчиняясь приказу Троцкого, пытались их остановить. 27 мая командир эшелонов 2-й дивизии Р. Гайда приказал арестовывать представителей Советской власти¹. При этом 28 мая Временный исполком войска заявил, что Советскую власть оставляем на местах. Впрочем, в июне с колебаниями было покончено, и легионеры приступили к систематическим разгонам Советов и арестом просоветского актива на занятой ими территории, завершившимся свержением Советской власти во Владивостоке 29 июня.

Восстание оказалось сюрпризом для представительства ЧСНС в России, которое на момент выступления спокойно работало в Москве. Макса даже 29 мая, направившись в Пензу, продолжал настаивать: «Еще раз от имени профессора Т.Г. Масарика призываю прекратить все выступления и соблюдать полное спокойствие. Это советует вам и французская миссия. Несмываемым позором будет покрыто наше имя, если мы прольем хоть каплю братской русской крови...»². Но советские власти не допустили Максу в расположение корпуса.

Парадоксальным образом, восстание координировалось самими коммунистами. Бунт в Челябинске вызвал ужесточение мер к остальным эшелонам корпуса, и тогда восстание стало повсеместным. Попытка использовать челябинский инцидент для ликвидации корпуса оказалась для большевиков трагической ошибкой. В результате того, что выступление корпуса началось на пространстве от Пензы до Сибири, Советская власть была свергнута не просто на окраине, а на большей части территории России. Не желая по ряду причин вывозить эту «бомбу», большевики попытались разрядить ее в центре страны, а «бомба» взорвалась и расколола страну. Большевики не учли, что от выступления корпуса «детонируют» внутрироссийские социально-политические силы, ждавшие только повода для выступления против большевиков.

Но задача ликвидировать Советскую власть как таковую руководством легиона пока не ставилась. Они продолжали прорываться на восток, не стремясь наступать на Москву. Захватив Пензу, группировка С. Чечека не стала ее удерживать и не повернула на Москву,

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М., 1973. С. 85.

² Цит. по: *Недбайло Б.Н.* Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.). Историческое исследование. С. 81.

а ушла восточнее к Сызрани, чтобы прорываться дальше на восток к Самаре. Теоретически группировка Чечека могла сразу пойти на Москву. Если бы legionеры ставили целью свержение Советской власти в целом, они теоретически могли бы атаковать Рязань. Правда, в случае такой авантюры группировка Чечека оказалась бы между молотом и наковальней, так как с тыла на нее вышли бы части, готовые к войне на Дону (например, дивизия Киквидзе). Но в любом случае Чечек все еще ставил перед собой задачу прорываться на восток и на соединение с другими эшелонами корпуса.

4 июня основные силы красных в районе Самары были разбиты под Русскими Липягами (ныне Новокуйбышевск), причем часть пленных (около 70) тут же была расстреляна legionерами.

8 июня чехословацкие войска переправились на правый берег реки Самары, перешли мост, уничтожили латышский отряд и сбили с позиций отряд уфимских красногвардейцев. Бои продолжались в Самаре. Одновременно по красным был нанесен удар изнутри города. После взятия Самары в городе развернулась охота на коммунистов. Самосуды происходили сотнями. Чехословацкие военные потом отмежевывались от этого кровавого пира победителей: «Коммунистов мы арестовали и повели в тюрьму. И тотчас из всех домов повысыпала публика, кричат, орут, бросаются на большевиков и ну их бить чем попало... я взял револьвер. Поднял его над толпой и крикнул: «Пустите! Это наш пленный, не дам бить». Толпа отступила, я отвел его в арестантский вагон»¹, — рассказывал о взятии Самары С. Чечек. По советским оценкам, в Самаре было расстреляно около 300 сторонников Советской власти².

После взятия Самары французский представитель Жанно приказал чехословацким командирам, намеревавшимся двигаться дальше на восток: «Французское правительство уведомляет чешские эшелоны, базирующиеся в Самаре, о том, что без срочных и подлинных инструкций союзнических военных властей они не должны оставлять никаких ныне занимаемых позиций, а, наоборот, укреплять их, обеспечивая постоянную связь на всей Транссибирской линии.

Целью этих эшелонов является не путь во Францию через Владивосток, а подготовка Восточного фронта на Волге. Мероприятия, предпринятые до настоящего момента, точно отвечают этому замыслу. Всякое усиление в этом направлении способствует обеспечению окончательной победы над Центральными державами, то есть осво-

¹ Цит. по: *Прайсман А.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 110.

² *Поезд смерти.* Куйбышев, 1966. С. 101.

бождению оккупированных территорий в союзных странах и эмансипации чешской нации»¹.

Выступление иностранцев стало детонатором к восстанию в Сибири и на Урале. Здесь против большевиков выступили казаки, офицеры, дружины эсеров и даже рабочие отряды. Подвойский докладывал в Москву, что лозунг Учредительного собрания «пользуется здесь огромной популярностью. Нигде за все время революции ни один лозунг не охватил так глубоко массы, как это имеет место в областях, являющихся ареной чехословацкой трагедии. Даже рабочие, сохранившие свой заработок, попадают под его влияние, не говоря уже о безработных, железнодорожниках и крестьянах»². Были и случаи поддержки чехословацких войск местными крестьянами³.

На Урале происходили восстания рабочих против коммунистов — в Верхне-Нейвинском, Руденском, Полевском, Северском заводах вокруг Екатеринбургa, в Тюмени и др.

30 июля председатель Чехословацкого национального совета Т. Масарик указал руководству корпуса: «Никаких политических союзов с монархистами и реакционерами»⁴. Но легионеры не могли контролировать, кто вступает в борьбу против большевиков. Они поддерживали всех, раздавали антисоветским активистам захваченное у красных оружие. В ликвидации Советской власти в Сибири приняли участие офицерские организации численностью до 7 тыс. человек (омская во главе с П. Ивановым-Риновым — около 3 тыс.)⁵. В Томске Советская власть была свергнута 31 мая до прибытия легионеров.

Сторонник Советской власти М.В. Подольский вспоминал о приходе чехословацких войск в Бугульму: «Ясный июльский день. На улицах разодетая праздничная толпа. Уже не шушукается, а громко говорит, что к станции подошел эшелон чехов. В городе власти нет. Здесь уместно будет сказать о провокаторской роли комиссара города Петрова — б. офицера. Он открыл склад оружия при милиции и вооружил офицерство, которое кинулось по всему городу вылавливать “комиссаров”. Наконец, со стороны станции показался отряд

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. С. 102–103.

² Цит. по: Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. С. 71.

³ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 107.

⁴ Цит. по: Ненишева З. С., Серапионова Е. П. Чехословацкий корпус в России // Чехословацкий корпус в России. 1914–1920 гг. Каталог выставки. М., 2008. С. 21.

⁵ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. М., 2011. С. 498.

чехов и приблизился к центру города. Отряд шел стройно, с песнями... Публика шпалерами выстраивалась по обеим сторонам улицы и вливалась в толпу. Образовалось грандиозное, триумфальное шествие. Но вот раздалось одинокое “ура”, и его подхватила тысячная толпа торжествующей контрреволюции; полетели вверх шапки, замелькали платочки, цветы; гул имел обширный диапазон — от контр-актавы 7-ми пудового купца до фальцентовых дискантов ребятишек, заразившихся всеобщим торжеством»¹.

Всеобщность торжества показательна — большевики умудрились возбудить ненависть большинства населения небольших российских городов. Приближение чехословацких войск было поводом для антисоветских восстаний.

Действия Чехословацкого корпуса сопровождались террором. В крупных городах количество жертв исчислялось сотнями. С помощью местных врагов большевизма выявлялись коммунисты, советские работники. Они арестовывались, многие расстреливались. Массово расстреливались венгры. С. Моравский вспоминает о занятии чехами и словаками Троицка: «Тотчас же по занятии города начались массовые убийства коммунистов, красноармейцев и сочувствующих Советской власти. Толпа торговцев, интеллигентов и попов ходила с чехами по улицам и указывала им на коммунистов и советских работников, которых чехи тут же убивали. Около 7 часов утра в день занятия города я был в городе, и от мельницы к гостинице Башкирова, на расстоянии приблизительно одной версты, насчитал около 50 трупов замученных, изуродованных и ограбленных. Убийства продолжались два дня... В течение нескольких дней трупы валялись неубранными»².

5 июля чехословацкие войска заняли Уфу, чему способствовал переход на их сторону командующего 2-й армией РККА Ф. Махина. 22 июля пал Симбирск, а через 25 июля Екатеринбург. 6 июля пензенская и челябинская группы соединились на станции Миньяр. 31 августа на реке Онон произошло соединение с частями владивостокской группировки. Транссиб практически целиком оказался в руках анти-советских сил.

* * *

12 июля пала резиденция советской Центросибири Иркутск. В Сибири война шла также, как на Украине в 1918 г. — прежде всего вдоль железнодорожного полотна. Отряды коммунистов, левых эсеров и анархистов откатывались под натиском чехословацких войск,

¹ Подольский М. Дни чехов в Бугульме // События гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев. Казань, 2012. С. 202.

² Цит. по: Голуб П. А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006. С. 49–50.

белоказаков и их союзников из местного населения. Еще в мае атаман Семенов был очередной раз разбит и отброшен в Маньчжурию. Теперь, с началом чехословацкого выступления, настала пора поражений красных и черных, которым оставалось только обвинять в неудачах друг друга. В действительности эти дни полны примеров как мужества и большевиков, и анархистов, и левых эсеров, так и мародерства, трусости и разгильдяйства, оплаченного жизнями. И тоже без различия партийной принадлежности. Что ни эпизод этого времени, то разрушение стереотипов о том, что борьба с разложением исходила от партии коммунистов. Так, анархист Н. Каландаришвили расстрелял другого популярного анархистского (по другим данным левоэсеровского) командира Ф. Лаврова за дезертирство. 23 августа в Чите восстали казаки и офицеры, но мятеж был подавлен анархистами, коммунистами и левыми эсерами. Коммунисты решили арестовать анархистов, которые, по их версии, готовили заговор и сеяли разложение, но в ответственный момент командующий войсками Центросибири коммунист П. Голиков оказался мертвецки пьян. 26 августа, накануне занятия Читы казаками Семенова, анархисты из отрядов Е. Пережогина и А. Караева захватили золото советского правительства Центросибири, обвиняя его в том, что оно готово отдать золотой запас белым. Красные обвинили их в грабеже. Караев сдался белым. Но Пережогин в Благовещенске с согласия Амурского совнаркома стал формировать дивизион с артиллерией и пулеметами, так что средства Читинского банка могли найти лучшее с точки зрения просоветских сил применение, чем просто оказаться в руках белых. Но 6 сентября Пережогин был застрелан красными.

Прокоммунистический автор А.А. Штырбул упрекает меня в том, что А.В. Шубин, «оправдывая захват Пережогиним золота, намекает, что эти средства нужны были ему для дальнейшей борьбы с белыми»¹. Ну да, лучше было белым отдать — они вошли в Читу на следующий день после того, как анархисты вывезли часть золота. Но вообще-то на то, что Пережогин собирался использовать золото в борьбе против белых, «намекает» не только А.В. Шубин, но и элементарная логика. Если бы Пережогин собирался просто сбегать с ценностями, у него для этого было множество возможностей. Но он предпочел продолжать сопротивляться белым, в то время как красные решили прекратить фронтальное сопротивление. 18–19 сентября Амурская советская республика пала. И в этом никак нельзя упрекнуть Пережогина. Убив его, коммунисты дезорганизовали со-

¹ Штырбул А. А. Пережогин, Караев, Лавров и другие: анархо-партизанщина в Сибири // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 78.

противление в Благовещенске. Впрочем, даже такой прокоммунистический автор, как А.А. Штырбул признает, что в красном Благовещенске «разложение касалось не только анархистских отрядов. Оно в те дни было практически всеобщим»¹.

Тем временем 27 августа Каландаришвили, по-анархически не подчинившись приказу отступить на восток, прорвался на запад, где под Иркутском зимой перешел к партизанской войне в районе реки Китой, наведываясь и на Транссиб.

* * *

После соединения всех группировок чехословацкого войска встал вопрос — должны ли легионеры дальше двигаться на восток, оставляя города, где после этого могла быть восстановлена Советская власть, или необходимо развернуться и вступить в полномасштабную войну против большевизма, развернувшись на запад.

Сначала руководители Антанты не имели единого мнения по этому вопросу. 28 мая состоялось обсуждение проблемы в Лондоне. Британскую сторону представляли премьер-министр Д. Ллойд-Джордж, министр иностранных дел А. Бальфур, министр блокады Р. Сесил и начальник Генштаба Х. Вильсон, французскую — министр иностранных дел С. Пишон и посол Франции в Великобритании П. Камбон. Британцы предлагали оставить корпус в Сибири с целью интервенции, а французы очень хотели получить его на полях сражений Западного фронта. Решающим аргументом оказались вычисления, согласно которым к осени можно будет перевезти во Францию не более 14 тыс. солдат, да и то за счет перевозок американских войск и грузов, необходимых Британии. Формально решение о вывозе чехословацких войск из России в это время не было пересмотрено². Но французское руководство не нашло, что противопоставить британским аргументам.

3 июня Верховный совет Антанты решил не выводить Чехословацкий корпус из России³. 4 июня Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) был проинформирован представителями Антанты, что они считают чехословацкие войска союзными, а действия против них — инспирированными Германией⁴.

¹ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Омск, 1996. Ч. 2. С. 21.

² См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2.

³ Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982. С. 505.

⁴ Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989. С. 58.

12 июня Чичерин ответил через Локкарта: «Разоружение чехословаков не может быть ни в коем случае рассматриваемо как акт недружелюбия в отношении держав Согласия. Оно вызвано, прежде всего тем, что Россия как нейтральное государство не может терпеть на своей территории вооруженных отрядов, не принадлежащих к армиям Советской республики.

Непосредственным же поводом к применению решительных и строгих мер в целях разоружения чехословаков послужили их же собственные действия»¹.

В начале июня Гинэ передал легионерам благодарность французского посла от имени союзников за выступление, а также то, что «союзники решили выступить в начале июня. Чехословацкая армия и французская миссия представляют авангард союзнических сил». Чехословацкие войска должны были «укрепить добытые позиции и продолжать действия в ожидании прихода союзников»².

* * *

В июле руководители корпуса запросили Масарика: «Мы испрашиваем инструкций — должны ли мы отправиться во Францию или сражаться в России»³. Масарик ответил, что чехословацкие войска временно остаются в России для совместной борьбы с союзниками. В июле–сентябре корпус был развернут в западном направлении. Задачи борьбы с Германией сменились задачами антисоветской интервенции в России. Во второй половине сентября группировка Гайды была через всю Сибирь переброшена под Екатеринбург. Теперь чехи и словаки удалялись от кораблей, которые должны были везти их на родину.

Чехословацкий корпус до конца 1918 г. оставался самой крупной группировкой антисоветских сил. 28 августа на посту комкора русского офицера Шокорова сменил чешский поручик Я. Сыровый, который в связи с этим стал генералом. На посту начальника штаба корпуса М. Дитерихса сменил подполковник Б. Вшетичка. 1-ю дивизию возглавил полковник Й. Швец. В декабре 1918 г. Гайду на посту командира 2-й дивизии сменил полковник Л. Крейчи. Благодаря мобилизации чехов и словаков, находившихся на занятой чехословацким войском территории, его численность выросла на 10–13 тыс. Это позволило сформировать 3-ю дивизию во главе с полковником Л. Прхалом.

Впрочем, к августу чешские и словацкие солдаты уже утомились от войны в центре России. Между ними шли такие разговоры: «Черт

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. С. 115.

² Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 54.

³ Russian-American Relations. March. 1917–1920. P. 235.

побери, что нам тут делать, под этой Казанью? Зачем мы возвращаемся сюда с Урала?»¹

Спонтанное выступление чехов и словаков, первоначально не ставившее цель свержения Советской власти в Москве, стало детонатором широкомасштабной гражданской войны на востоке России. Руководители Антанты, воспользовавшись случаем, сделали легион главным орудием намечавшейся антисоветской интервенции. По их указанию в июле легион развернулся с востока на запад и двинулся на Москву, став на тот момент наиболее боеспособной силой восточного антисоветского фронта. Широкомасштабное выступление против большевизма началось не с народных восстаний, как виделось эсерам, а с вмешательства внешней силы, что оказало влияние на последующие события. Гражданская война и интервенция станут двумя сторонами ситуации в стране на следующие пять лет. Несмотря на то что выступление Чехословацкого корпуса вызвало цепную реакцию восстаний, к свержению Советской власти оно не привело. Начавшаяся широкомасштабная гражданская война не способствовала воссозданию Восточного фронта против Германии.

Положение Советской республики стало еще тяжелее, коммунистическая политика проявилась жестче, провоцируя все более решительное и массовое сопротивление. Цепная реакция насилия стала необратимой. Ситуация кардинально изменилась, начался новый этап в развитии Великой российской революции 1917–1922 гг. — широкомасштабная гражданская война.

Путь Комуца

Распространенное мнение, в котором сходятся защитники Советской власти и «белого дела», заключается в том, что кроме этих двух сил никто третий победить не мог.

Но можно ли считать эту точку зрения доказанной? Она выводится ретроспективно из результатов Гражданской войны, из фаталистического принципа «история не знает сослагательного наклонения». Правда, тот же фатализм исключает и победу белых, а затем также противников Сталина, Ельцина... Но история не фаталистична, она полна развилок и альтернатив. Не будем забывать, что в конце 1917 — начале 1918 г. наибольшей популярностью в России пользовались сторонники демократического социализма. Разгон Учредительного собрания и начало широкомасштабной

¹ Терингл К. Десятая рота под Казанью // События гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев. Казань, 2012. С. 13.

гражданской войны уменьшили шансы на успех этой альтернативы, но не свели их к нулю.

«Альтернативы существуют всегда. Их множество. Любая революция... может остановиться на половине пути... может свернуть влево или вправо. Дело не в наличии возможностей альтернатив, а в их реальности, — пишет историк Ю.А. Поляков о событиях 1917–1922 гг. — Да, в растерзанной России существовали значительные политические силы, которые стремились занять среднюю позицию, избежать крайностей основных противников, найти выход на путях демократии, эволюции, реформ. Это течение представляли меньшевики, эсеры, созданные ими правительства на Волге, Урале, в Сибири, Архангельске. Программы, провозглашенные меньшевиками и эсерами, казались весьма разумными и привлекательными. Но жизнь показала, что в условиях дошедшей до предела поляризации политических сил появление промежуточных, средних образований не дает должного эффекта. Когда страна разделена баррикадами, находиться между ними невозможно. Меньшевики и эсеры не устраивали ни большевиков, ни лагерь открытой контрреволюции. Они не получили массовой народной поддержки.

Третий путь, таким образом, оказался невозможным»¹.

При всей справедливости посылки об альтернативах построение Ю.А. Полякова основано на допущениях, с которыми трудно согласиться.

Во-первых, поражение социалистической альтернативы было не следствием поляризации политических сил, а одной из ее важнейших причин. Большевикам, представлявшим меньшинство «демократии», но не стеснявшимся в средствах и меньше, чем умеренные социалисты, учитывавшим деструктивные последствия своих действий, в конце 1917 — начале 1918 г. удалось сорвать компромиссы и реформы, за которые выступало большинство активного населения России². И это вело к дальнейшей поляризации. Во-вторых, утверждение о том, что социалистов не поддерживали массы, прямо противоречит результатам выборов в Учредительное собрание и другим известным фактам истории революции (от преобладания социалистов в Советах 1917 г. до массовых восстаний под эсеровскими лозунгами в 1921 г.). Но массовая поддержка в борьбе с диктатурой — еще не залог успеха. В-третьих, социалисты не были промежуточной силой в истории революции. Они представляли собой наиболее последовательную

¹ Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 48, 51.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 30–199.

альтернативу большевистскому авторитаризму (отсюда и принципиально разное понимание социализма, путей к нему). В этом отношении как раз белое движение было силой промежуточной, сочетавшей авторитаризм и элитарность, в условиях революции имевшей наименьшие шансы на успех.

Победа большевизма и широкомасштабная затяжная гражданская война — оборотная сторона и результат поражения именно социалистической альтернативы в 1917–1918 гг. Наилучшие перспективы для политики демократических социалистов возникали в случае создания «однородного социалистического правительства» осенью 1917 г.¹ Срыв развития революции в пропасть вооруженной борьбы уменьшал шансы демократического социализма на успех. Но и в экстремальных условиях Гражданской войны эсеры и отчасти меньшевики попытались продолжить борьбу за свои принципы — насколько их воплощение было возможно на территории нескольких губерний, вовлеченных в Гражданскую войну.

* * *

В самом начале июня в Самаре эсеры-депутаты Учредительного собрания П. Климушкин и К. Фортунатов, к которым затем присоединились В. Вольский, И. Нестеров и В. Филипповский — создали группу, которая вошла в контакт с самарским антисоветским подпольем и чехословацкими войсками. Вольский оценивал число эсеров в Самаре в 300 человек². По словам Климушкина, в их дружине было около 500 человек, но «нам приходилось сдерживать пыл дружинников», пока не начался штурм города³. Однако чехословацкие солдаты 8 июня ворвались в город быстро, и помощь изнутри не понадобилась. Как рассказывал Климушкин, «жители Самары увидели автомобиль, проехавший под охраной чехов (пока еще не русских солдат) в здание городского самоуправления. В автомобиле сидел Комитет членов Учредительного собрания»⁴. В него вошел также присоединившийся к чехословацким войскам И. Брушвит⁵. Все пять первых членов Комитета (Комуча) были эсерами.

Первоначально Комуч был готов привлечь во власть кадетов, но местные либералы заявили, что должны убедиться, останутся ли

¹ Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 30–53.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 472.

³ Там же. С. 434.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 444.

в Самаре чехи¹. Если они уйдут, нечего и пытаться удерживать город. Власть оказалась однопартийной, чему способствовала сама конструкция власти — в Комитет должны были входить только депутаты Учредительного собрания, среди которых эсеры составляли большинство.

8 июня Комуч принял приказ № 1, в котором говорилось: «Призываем всех граждан сплотиться вокруг Великого и всенародного Учредительного собрания, дабы восстановить в стране закон, покой и порядок. Единая, независимая, свободная Россия. Вся власть Учредительному собранию. Вот лозунги и цели новой революционной власти»². Уже в этом приказе было заложено основное противоречие политики Комуча. С одной стороны — устанавливается новая революционная власть. То есть она будет проводить политику продолжения социальной революции. Власть должна принадлежать Учредительному собранию с социалистическим большинством. Должны продолжаться начатые им реформы. И тут же апелляция к уставшим от революции сторонникам восстановления покоя и порядка. Конечно, покой и порядок могут установиться после закрепления итогов революции. Но пока до этого далеко, и провозглашение ценности порядка могло обеспокоить крестьян, которые еще не уверены, насколько законно приобретение ими земли.

Воззвание Комуча от 8 июня обвиняло большевиков в том, что они «предали Россию немецкому штыку», но не забывало поблагодарить «доблестные чехословацкие отряды». Переворот совершался «во имя великого принципа народовластия и независимости России». Создатели Комуча попытались перехватить у большевиков «великие лозунги социальной революции», которыми коммунисты прикрываются, возвращая Россию к «самодержавию, возглавляемому немецким императором»³.

Так идеологи Комуча пытались совместить две популярные темы — национальную и социальную. Этот идеологический синтез прослеживается и в дальнейшем развитии официальной позиции Комуча. В декларации 2 августа о принятии власти Комучем говорилось: «Комитет в своих действиях руководствуется преданностью Родине, стремлением к национальному возрождению ее, воссозданию боевой мощи, установлению порядка, улучшению экономического положения страны, охране труда, утверждению демократических принципов в стране». При этом «самые ответственные посты Комитет готов

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 444.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 385.

поручать лицам, пригодным к делу управления и могущим принести пользу национальному возрождению России, независимо от их связи с той или иной партией, лишь бы последняя разделяла основные положения политики, проводимой Комитетом»¹. Национал-государственные и революционно-социальные ценности стали двумя полюсами политики Комуча.

Воззвание 8 июня не понравилось Вольскому, который по своим настроениям стоял на левом фланге Комуча. Но документ уже был согласован, и Вольский его подписал, хотя считал, что социально-экономическая политика Комуча должна быть направлена против капитализма².

Комуч, делавший ставку на антигерманскую агитацию и обличение большевиков как немецких марионеток, сам не хотел бы выглядеть марионеткой Антанты. В обращении к союзным правительствам 3 августа Комуч заявлял: «Рассматривая помощь союзников как выражение искреннего желания совместной борьбы с внешним врагом, Комитет предвещает, что эта помощь не может повлечь за собой какой бы то ни было территориальной или иной компенсации за счет федеративной России и что привлечение в пределы России доблестных войск союзников имеет единственную цель — борьбу с внешним врагом»³.

Как пишет историк В.В. Кондрашин, «Факт иностранного вмешательства во внутренние дела страны вызвал негативную реакцию самой активной в политическом отношении части деревни — фронтовиков, которые возмущались тем, что Россией “правят чехи”, “наши пленные”. В глазах крестьян члены Комуча стали ассоциироваться с чужеземцами, которые, хотя и “прогнали большевиков”, но все же действовали в своих интересах, а не в интересах России. Поэтому обвинения большевиков в “предательстве”, “продаже России” и т. п. в устах представителей Комуча звучали для крестьян не очень убедительно. Комучевцы были не лучше»⁴.

Приказ Комуча 8 июня распускал существующие Советы, но с возможностью избрать новые⁵. При Комуче Советы были общественными органами, представлявшими интересы рабочих. Фабзавкомы при этом сохранялись.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 394–395.

² Там же. С. 473–474.

³ Там же. С. 396.

⁴ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 107.

⁵ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 142.

Основой своей легитимности Комуч считал депутатов Учредительного собрания, которые должны были собрать в Самаре кворум и продолжить формирование законной власти России и принятие законов. В Самаре побывало до 120 членов Собрания, но в итоге в Комитете осталось 93¹. Так что до кворума Учредительного собрания в 400 депутатов было далеко. Даже если вычесть из общего количества избранных депутатов (767) большевиков и левых эсеров как «самоисключившихся» (около 220), то половина составит около 280.

23 июля Комуч постановил, что в списке эсеров левые эсеры считаются выбывшими и замещаются следующими по списку кандидатами².

26 августа М. Коган-Бернштейн предложил организовать специальные экспедиции на территорию Советской России для поиска депутатов, в том числе и председателя В. Чернова, и переброски их через линию фронта в Самару³. Комуч постановил создать комиссию для подготовки таких мероприятий, но времени для этой работы оставалось мало, а комиссия работала медленно.

Тень Учредительного собрания, которое все никак не могло собраться, нависла над политикой Комуча. Как писал историк Г.А. Трукан, «в течение всей своей короткой жизни Комуч чувствовал себя находящимся на полустанке, за которым виделась огромная станция с подлинным хозяином земли Русской — Учредительным собранием. В ожидании прибытия на узловую станцию Комуч сам не решался браться за выработку тщательно продуманной и оформленной программы преобразований, ограничиваясь самыми неотложными мерами. На всей его работе лежала печать временности: издаваемые законы именовались приказами, а официальные документы начинались словами: “Впредь до восстановления законной власти...”»⁴. Но в этой оглядке на «хозяина земли русской» был и конкретный политический смысл — верность тени Учредительного собрания гарантировала легитимность эсеровскому руководству, потому что Партия эсеров выиграла именно выборы 1917 г. А теперь на власть претендовали те, кто эти выборы проиграл, но имеет значительные ресурсы — финансовые и силовые.

* * *

Во главе Комуча стоял председатель (В. Вольский) и президиум, в который помимо председателя входили два заместителя и два се-

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 10, 432.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 71.

⁴ Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 34.

кретаря. Председатель и президиум переизбирались ежемесячно, но Вольский все время избирался на этот пост.

«На первом этапе Комуч соединял в своих руках все ветви государственной власти: законодательную, исполнительную и судебную»¹, — констатируют исследователи Б.Ф. Додонов и В.М. Хрусталева. Решение ведомства докладывалось Комучу и только после этого считалось утвержденным.

14 августа был учрежден отдельный исполнительный орган Комуча — Совет управляющих ведомствами (СУВ) во главе с эсером Е. Роговским. Президиум Комуча мог приостановить любое решение СУВ и передать его на обсуждение Комуча.

Также были созданы совещательные Торгово-промышленный и Финансовый советы, в которые вошли представители кадетских и социал-демократических кругов.

Политическую декларацию Комуча в июле должны были вырабатывать эсеры В. Вольский, Б. Фортунатов, В. Подвицкий и В. Гуревич. При обсуждении декларации Комуч стремился продолжать курс Учредительного собрания. Так, 22 июля была принята следующая формула о земле: «Земля бесповоротно перешла в народное достояние, и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков Комитет не допускает. Сделки купли-продажи и залога на земли сельскохозяйственного назначения и лесные угодья запрещаются, а тайные и фиктивные сделки объявляются недействительными. Виновные в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности»².

Органы Комуча действовали от имени Российской Федеративной Демократической Республики³. Комуч признавал право тюркских народов как на национально-культурную автономию, так и на территориальную автономию Туркестана, Алаш-Орды (Казахстана) и Башкирии. Комуч оставлял себе полномочия в сфере компетенции ведомств военного, иностранных дел, путей сообщения, почт и телеграфов. Границы автономий могли уточняться в соответствии с волеизъявлением местного населения. Окончательно вопрос о границах автономий должно было решить Учредительное собрание⁴. Комуч допускал создание национальных воинских формирований.

Комуч стремился восстановить местное самоуправление. 19 июля П. Климушкин провел через Комуч предложение о волостном земстве и сельской власти. Кворум земских собраний снижался до четвер-

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 11.

² Там же. С. 338–339.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 406–409.

ти депутатов. Земства должны были восстанавливаться до нормального состава за счет замещения выбывших следующими по списку кандидатами. Поскольку выбывали прежде всего большевики и левые эсеры, земства по политической позиции смещались существенно вправо по сравнению с результатами выборов¹.

Перевыборы органов самоуправления в городах дали преимущество в основном социалистам, за исключением Уфы, где победил список приходов². На выборах в гордуму Самары в августе почти половину голосов собрал социалистический блок, с которым конкурировало 10 списков. Социалисты (включая правых из Союза возрождения России) составляли самые крупные фракции и на других выборах в городское самоуправление, кроме Уфы. Особенно убедительной была победа в Оренбурге — ответ на «реакционную» политику Дутова³.

Однако административная власть на местах передавалась уполномоченным Комуча. Они могли производить аресты, распускать съезды и собрания⁴ (то есть как таковые съезды и собрания допускались и, как мы увидим, не всегда разгонялись даже при активной агитации против властей Комуча). Получалось, что Комуч также ограничивал власть земского самоуправления, как большевики — власть Советов на местах. В условиях Гражданской войны обе системы пытались сочетать командно-административное управление с элементами самоуправления на местах — с перекосом в сторону первого. Но система, которую формировал Комуч, была более плюралистична.

26 июля было принято разъяснение местным властям, что они не имеют права вмешиваться в деятельность судов⁵. Это иногда препятствовало проведению левого курса Комуча, так как судьи, вступившие в должность в 1917 г., по своим взглядам были правее.

Важный критерий оценки альтернативы Комуча — уровень репрессий. В условиях Гражданской войны он не мог быть нулевым, но в любом случае наличие репрессий и расстрелов компрометирует демократическую альтернативу, даже если другие силы виновны в еще большем кровопролитии и казнях безоружных людей.

По данным, оглашенным на рабочей конференции Самары 11–15 июня, в городе было арестовано около 1500 человек. Делегаты

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 34.

² Там же. С. 450.

³ Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 302–303.

⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 165, 179.

⁵ Там же. С. 44.

конференции требовали освободить всех политзаключенных, кроме советских руководителей¹. В дальнейшем, по официальным данным, в Самаре при Комуче по политическим причинам было арестовано 268 человек².

20 июня Комуч издал приказ о привлечении гражданских лиц к военному суду, что допускалось только на территориях, объявленных на военном положении. Могли привлекаться (что с высокой степенью вероятности означало расстрел) лица, виновные в восстании, приготовлении и подстрекательстве к нему (под это положение можно было подвести агитацию за Советскую власть), сопротивлении властям (очень размытая формулировка), шпионаже, умышленном поджоге и истреблении военного имущества, продовольствия и фуража, хранении оружия без разрешения, умышленном повреждении коммуникаций, вооруженном нападении или сопротивлении солдатам, находящимся на посту, и милиционерам, разбое и грабеже³. Как видим, в приказе были перечислены разнопорядковые преступления с возможностью широкого толкования его положений.

Сразу после взятия Казани армией Комуча и чехословацкими войсками прокатились аресты советского актива и расстрелы коммунистических руководителей. Пиком комучевского террора стал расстрел пленных в Казани. Погибло несколько сот человек⁴.

Но вскоре под давлением рабочей конференции в Казани был выпущен приказ о том, что расстрел может производиться только по приговору суда, а в губернской тюрьме, как вспоминает один из ее узников, «офицерские караулы были заменены рабочими»⁵. Затем в Казани было расстреляно не менее 60 человек⁶. Характерно, что накануне падения Казани бессудные расстрелы там производились и красными⁷.

Только 18 сентября Комуч учредил чрезвычайный суд в Самаре из четырех человек, представлявших чехословацкие войска, Народную армию и Ведомство юстиции. Этот суд мог рассматривать дела,

¹ *Прайсман А.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 221.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 528.

³ Там же. С. 157.

⁴ *Ратковский И.С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2016. С. 124–125.

⁵ *Терехин Ф.* Красная армия с момента формирования до налета чехов // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. Казань, 1924. С. 34.

⁶ *Знаменский Н.* Время чехов // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. С. 142.

⁷ *Мазунин В.* 3 месяца до и во время чехов (Казань–Арск) // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. С. 48.

которые «не требуют предварительного следствия», но достойны смертной казни (от восстания до убийства, спекуляции предметами первой необходимости и даже призыва к уклонению от воинской службы)¹.

Репрессии Комуча были направлены не только налево, но и направо. 25 августа был арестован лидер самарских кадетов А.И. Коровов за агитацию против существующей власти².

Исследователь И.С. Ратьковский оценивает количество жертв чехословацкого и комучевского террора в 5 тыс. человек³. Однако доказательств этой цифры он не приводит. Позднее И.С. Ратьковский опубликовал сборник сообщений об антисоветском терроре — в основном из советских публикаций, некоторые из которых даже по его мнению заведомо преувеличены. Эта «коллекция» позволяет подтвердить несколько сотен жертв структур Комуча и более тысячи — легионеров. С учетом жертв ижевско-воткинских повстанцев может получиться около 2 тыс.⁴ Смысл преувеличения количества жертв террора «демократов» понятен — тогда оно становится примерно равным числу жертв ВЧК за этот период (хотя красный террор в целом все равно более масштабен).

При этом нужно учитывать, что сам Комуч боролся с произволом своих «силовиков» (И.С. Ратьковский склонен подчеркивать аналогичные действия ВЧК). 25 июля Комуч разбирался с произволом военно-полевого суда в Сызрани, который, как следовало из доклада депутата П. Маслова, «находится в руках двух-трех человек, случайно оказавшихся в этой роли. Работа военно-полевого суда протекает совершенно ненормально. Проявляется определенная тенденция подчинить сфере своего влияния всю гражданскую область. Военно-полевым судом вынесено 6 смертных приговоров за 1 день. По ночам арестованные выводятся и расстреливаются. Член Комитета Маслов отдал распоряжение о приостановке судопроизводства военно-полевого суда в г. Сызрани». Депутат, как видим, возмущен необоснованным расстрелом нескольких человек (а не нескольких десятков или сотен). Комитет поддержал действия Маслова и принял более общее решение: «Военно-полевые суды не должны существовать как органы постоянные, а назначаются каж-

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 300–301.

² Калягин А.В., Парамонов В.Н. Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект). История. 1998 год (1) // <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/his/199810901.html>

³ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. М., 2006. С. 103.

⁴ Подсчет по: Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). С. 74–174.

дый раз с особого разрешения Комитета членов Учредительного собрания. Только в действующих частях армии и в случаях военного бунта военно-полевые суды возникают самостоятельно при условии немедленного сообщения об этом в Комитет членов Учредительного собрания»¹.

10 сентября было принято решение об ускоренном рассмотрении дел заключенных с целью освободить тех, на кого не найдено оснований для дальнейшего содержания под стражей и направления в суд дел остальных².

При отступлении из Самары были эвакуированы пленные и заключенные, часть которых погибла в пути³.

* * *

Комуч приступил к формированию Народной армии — сначала добровольческой. Штаб Народной армии Комуча возглавил подполковник Н. Галкин, его членом был один из основателей Комуча Б. Фортунатов. 17 июля командование Народной армией было доверено чехословацкому полковнику С. Чечеку, но 22 июля командующим действующими на фронте российскими частями армии был назначен В. Каппель, 24 августа произведенный в полковники. 29 июля Галкин, уже в чине полковника, был назначен управляющим военным ведомством, а штаб был упразднен.

Как рассказывал представитель ЦК ПСР и член СУВ М. Веденяпин, «для борьбы с большевиками Комитет решил, что можно пользоваться только добровольцами, а не армией, составленной по набору; последняя предназначалась для борьбы с германцами. Призваны были молодые года (2 года) и отведены в тыл на обучение»⁴. 30 июня началась мобилизация 1897–1898 гг. рождения. Также мобилизовывались офицеры моложе 35 лет и старшие офицеры и генералы независимо от возраста. Здесь идеализм причудливо смешивался с прагматизмом: мобилизация неминуемо вела к недовольству, но без нее создать достаточно многочисленную армию было невозможно. Решили фронтовиков не трогать, но заняться военной подготовкой молодежи, обещая не использовать ее в братоубийственной войне. Крестьяне не очень в это верили. И правильно не верили — часть мобилизованных была направлена на фронт.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 42.

² Там же. С. 296.

³ Поезд смерти. С. 16–17. Советские источники утверждают, что погибло около 1000 человек, но непонятно, каким образом это могло быть подсчитано.

⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 452.

Другим препятствием роста численности армии была нехватка оружия. По оценке Климушкина, Народная армия составила 15 тыс. бойцов, на которых хватило оружия. Было мобилизовано еще 46 тыс., но «мы не могли вооружить и пятой части солдат. Остальная масса бездействовала и, бездействуя, разлагалась»¹.

Солдат Народной армии расстреливали за дезертирство, а когда солдаты 3-го Самарского полка в сентябре попытались силой заступиться за товарищей, арестованных за дезертирство, это выступление было подавлено, а часть солдат расстреляна.

По оценке Вольского, к концу существования Комуча на Поволжском фронте было около 22 тыс. солдат, из них 5,5 тыс. чехословацких, 6 тыс. добровольцев, около 2 тыс. казаков и 8–9 тыс. мобилизованных². По другим данным, у Дутова было уже около 20 тыс. бойцов³. Историк А.Г. Прайсман оценивает общую численность вооруженных бойцов Народной армии в 40 тыс. человек плюс 6 тыс. чехословацкий солдат⁴. При этом казаки, как и на Дону, были настроены на локальные действия, не желая тесной координации с Народной армией.

Как пишет А.Г. Прайсман, «получая от Комуча и командования Чехословацкого корпуса разнообразную помощь деньгами, оружием и снаряжением, Уральские и Оренбургские казачьи войска ограничили посылкой небольших частей, в основном отсиживались в тылу. И если некоторым оправданием корыстной позиции атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова может служить то, что ему приходилось отбивать атаки Туркестанской красной армии и посылать части на помощь группе войск Чехословацкого корпуса под командованием С.Н. Войцеховского, ведших бои за Екатеринбург, то Уральское казачье войско не имеет даже такого оправдания: оно предпочитало равнодушно смотреть, как Красная армия захватывает Поволжье, один город за другим, чтобы затем всей силой обрушиться на тех же уральских казаков. Этот ярко проявившийся в годы Гражданской войны казачий сепаратизм сыграл большую роль в поражении Комуча»⁵. Но не меньшую роль сыграла пассивность Сибирской армии, о которой речь пойдет ниже.

Отчуждение между Комучем и казачеством имело также политические причины — лидеры казачества по своим взглядам были правее

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 435.

² Там же. С. 477.

³ Там же. С. 506.

⁴ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 134.

⁵ Там же. С. 180.

и авторитарнее эсеров. 5 августа Климушкин докладывал на заседании Комуча: «В Оренбурге с каждым днем усиливается реакция. Начальником милиции арестован член городской управы, ведающий делами милиции.

Дутовым издан указ в волости возвратить землю помещикам... Арестован редактор газеты "Рабочее утро" и его поручители». Причем над этими меньшевиками готовится военно-полевой суд. Было решено немедленно потребовать от Дутова приостановить этот суд и запросить о причинах ареста, а одновременно готовить замену Дутова на посту главноуполномоченного Комуча в Оренбургской губернии¹. По данным посетившего Сибирь члена Комуча И. Брушвита, Дутов говорил на заседании Сибирского правительства: «В Самаре нет ничего серьезного. Войско возглавлено совдепами. По этим соображениям им выделена активная часть казачества для ликвидации Самарского комитета». Дутов вел также конфиденциальные переговоры с командующим Сибирской армией Гришиным-Алмазовым². Это неудивительно — антикомучевские настроения Дутова были лишь частным случаем правоавторитарных настроений офицерства. Недооценка этих настроений и неготовность решительно бороться с ними стали важными ошибками Комуча.

Комуч в своем военном строительстве сделал ставку на офицерство. Как говорилось в заявлении Комуча, «учитывая отрицательные результаты опытов реконструкции русской армии, производившихся в недавнем прошлом, совещание находит действительно необходимой передачу военного дела исключительно в руки военных авторитетов — офицеров с боевым прошлым и с опытом в деле формирования и управления крупными воинскими частями и полного подчинения им всего аппарата армии, которая должна быть внепартийна, но предана идее народовластия и готова для защиты ее»³. В условиях революционной политизации внепартийность армии была очень сомнительна. Почему офицерство должно было служить именно идее народовластия, было непонятно. Ослабив идеологический контроль над армией, Комуч облегчил превращение ее в инструмент правых политических сил.

Пока Комучу не было альтернативы в антисоветском лагере на востоке России, ему «добровольно, без всякого давления подчинялась буржуазия и офицерство Царской армии, не ставшие оснащать власти Комитета и его некоалиционной, резко демократической

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь — октябрь 1918 года. С. 52–53.

² Там же. С. 56–57.

³ Там же. С. 388.

политики», — рассказывал Вольский. Но так продолжалось только до оформления «сибирской реакции»¹, которая создала такую альтернативу.

Правое офицерство, по словам Климушкина, не могло «смотреть спокойно на эту совдеповщину, опять начинаемую нами по примеру 1917-го года. «Пора кончить с этим. Довольно этой болтовни»... Недовольство офицеров политикой Комуча начало проявляться с первых же дней движения не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожавших самому существованию Комуча»².

«В чем были на самом деле виноваты руководители Комуча, так это в том, что они практически полностью устранились от создания армии, поручив эту задачу исключительно офицерам, большинство из которых относилось к ним с плохо скрываемой ненавистью и мечтало о свержении “ненавистной” эсеровской власти»³, — считает А.Г. Прайсман. Из этого правила были важные исключения — Лебедев и Фортунатов, например, занимались созданием армии. Но целостной политики контроля за офицерством со стороны Комуча не было, комиссары в армию назначались, но не пользовались реальными правами, и Комуч не предпринимал целенаправленных усилий к наказанию офицеров, проявлявших неповиновение. Также не было агитационного аппарата, который мог бы разъяснить мобилизованным, ради чего они сражаются. В этом отношении военное строительство Комуча составляет резкий контраст с советским, где жестокие наказания сочетались с партийным контролем и вдохновляющей агитацией в армии.

Офицер по особым поручениям при Галкине капитан И. Ильин, посещавший Совет рабочих депутатов, возмущался раскованностью его ораторов: «говорили погромно-революционные речи. Все время только и слышалось: “Контрреволюция, товарищи, подняла голову; белогвардейцы распустились, нам всаживают нож в спину. По ту сторону баррикад наши товарищи умирают за свободу рабочего класса!!!” После пяти часов всех этих речей, в двенадцать часов ночи, общим открытым голосованием вынесли резолюцию: “Начать переговоры с большевиками и через головы контрреволюционеров протянуть им руку”»⁴. Понятно, почему такие прения возмущают офицера-кадета, мечтающего о ликвидации Комуча. Но в приведенных

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 476.

² Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге. Вып. 1. Прага, 1930. С. 91.

³ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 141.

⁴ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 290.

цитатах нет чего-то погромного. Делегаты стремятся к прекращению Гражданской войны и боятся прихода к власти контрреволюционной военщины. В общем, правильно опасаются. Сам Ильин так характеризует свое настроение при выслушивании революционных речей: «Вот бы вызвать караул да не только закрыть, но полоснуть их всех двумя-тремя залпами!»¹

13 августа пьяные казаки Анненкова устроили дебош, увидев красное знамя над зданием Комуча, и после вооруженного сопротивления были арестованы. Однако Галкин не желал их наказывать, так как ему красное знамя тоже не нравилось². Несмотря на это, Галкин 19 августа был произведен Комучем в генерал-майоры.

Ильин рассказывает, как во время ужина у Галкина прямо стал критиковать Вольского и политику эсеров: «дело тормозится, потому что на первом плане партийность и полное игнорирование общественных и общерусских интересов. Тогда Вольский сел на ручку дивана и, согнувшись и болтая ногой, сказал:

— Ни о какой партийности не может быть и речи. Потому что есть Учредительное собрание, выбранное общим голосованием всей страны, и в этом Учредительном собрании подавляющее большинство — члены партии эсеров, — всякое правительство, какое бы оно ни было, обязано подчиниться Учредительному собранию в ту минуту, когда оно соберется»³. Вольский имел основания гневаться на этого офицера, упрекавшего Комуч в «игнорировании общественных интересов». Разговор происходил в начале сентября, когда Комуч пошел на большие уступки своим оппонентом справа, а им все мало. Конечно, правые офицеры заговорили бы иначе, если бы у власти стояло кадетское правительство или военный диктатор. Тут уж о каких-то уступках «общественным интересам» в их более левом, чем у кадетов, понимании речи бы не шло. «Общерусские интересы» давно превратились в прикрытие узкоклассовых правых интересов.

Центром притяжения этих «общерусских» интересов стало Временное сибирское правительство.

* * *

В июне–августе 1918 г. под контроль Комуча попали Самарская, части Казанской, Уфимской, Симбирской, Саратовской и Пензенской губерний.

Наиболее боеспособной частью Народной армии был «Добровольческий партизанский отряд» под командованием подполковни-

¹ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. С. 290.

² Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 156–157.

³ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. С. 314.

ка В. Каппеля. Человек монархических взглядов, Каппель сохранял лояльность Комуучу. Концентрация войск на театре военных действий была низкой, как и устойчивость частей формирующейся РККА. Каппель проводил глубокие рейды: то с помощью пароходов по Волге, то на подводах. Когда они появлялся на фланге или в тылу красных, возникала паника, и они стремительно отступали или бежали.

10 июля Народная армия отбила у красных Сызрань, 21 июля вместе с чехословацкими войсками — Симбирск. 1 августа началось наступление на Казань. Оно вызвало серьезные разногласия в руководстве Комууча, так как не было санкционировано Комитетом. Как рассказывал Веденяпин, «Комитетом было решено после взятия Симбирска удар направить на Саратов. Комитет учитывал революционное настроение крестьян Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губ., крестьян Саратовской губ., а также выгодность занятия “производящих” губерний... Лебедев же, как товарищ военного министра, вместе с Фортунатовым в Симбирске, вопреки боевому приказу отдают свой о походе на Казань. Комитет за это решил предать их военно-полевому суду... Только колоссальное количество богатств, взятых в Казани, затушевало преступление Лебедева и Фортунатова, и военно-полевой суд не состоялся»¹. Победителей не судят.

6 августа к Казани подошла эскадра с шестью вооруженными пароходами и трехтысячным десантом. За два дня до этого был высажен десант на другом берегу Волги, у Нижнего Услона. Он продвинулся до Свияжска, отрезая пути отхода из Казани. С Волги по городу был открыт огонь из артиллерии. Флотилия Народной армии прошла Казань и высадила десант в тылу красных. Этот десант был отбит, но красные ждали нападения с Волги, а Каппель и чехословацкие войска атаковали с фронта и восточнее, обошли Казань и захватили вокзал в тылу. Высаживались и новые десанты с Волги. Красным изменили сербский батальон в 300 человек и часть офицеров, работавших в штабе. Антисоветское подполье стало брать город под контроль с тыла. Фронт развалился, сопротивление на улицах было обречено на неудачу. Наступавших сдерживали латыши, часть из них была взята в плен и затем расстреляна. В городе началась паника, коммунисты разбежались².

В. Лебедев надеялся, что если продолжить наступление, то можно при поддержке сормовских рабочих взять Нижний. Он писал

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 453.

² См., например: *Тихомиров Г.* Борьба за Казань // *Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г.* № 1. С. 90–94.

в дневнике: «Сегодня пришла пробравшаяся делегация от сормовских рабочих из Нижнего Новгорода. 15 тыс. рабочих ждут нас с нетерпением. В Нижнем у большевиков паника. Все силы двинуты на усмирение вспыхнувших к северу крестьянских восстаний»¹.

Штурм Казани был авантюрой, которая не просто удалась, а неслла большую угрозу большевизму в случае, если была бы возможность развить успех. Но такой возможности у Народной армии не было, потому что на этом наиболее перспективном направлении ее не поддерживали ни казаки, ни вооруженные силы, формировавшиеся в Сибири.

10 августа Комуч постановил потребовать от инициаторов взятия Казани Лебедева и Фортунатова «дать объяснения Комитету о нарушении ими воинской дисциплины». По мнению большинства Комитета, очередной задачей армии в настоящий момент должно являться укрепление Волги и продвижение на юг»².

Перспектива наступления на Саратовскую губернию, на которой настаивало руководство Комуча, была неоднозначной. Рассчитывали, что там Народную армию поддержат массы крестьян, недовольных большевистской продовольственной диктатурой. Но, несмотря на крестьянские волнения, доказательств желаний саратовских крестьян сражаться за Комуч не было.

На Саратов должна была наступать Хвалынская (Южная) группа полковника Ф. Махина. По своему званию Махин мог претендовать на командование Народной армией. Но Лебедев и Фортунатов не доверяли ему, так как он до восстания в июле служил в Красной армии (но выступил против Советской власти и помог занять Уфу). Вольский, который видел в Махине твердого эсера, напротив, считал, что «если кому и можно было вручить временную и политическую диктатуру, то это только Махину, славному и честному демократу с.-р., редкостно мощной личности»³. В случае успеха саратовского похода авторитет Махина вырос бы настолько, что Народная армия могла приобрести левого командующего. Еще одно последствие успеха на саратовском направлении — соединение с казаками Краснова и затем с Деникиным — могло иметь для Комуча противоречивые последствия, усилив влияние правого офицерства. В любом случае, наступая на Саратов, Народная армия не приближалась к Москве, давая Советской власти время для организации боеспособной армии. Но из-за казанского успеха значительных сил для наступления на Саратов Махин не получил.

¹ Цит. по: *Прайсман Л. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 217.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 57.

³ Там же. С. 488.

Благодаря взятию Казани у Комуча возник шанс получить финансовые ресурсы, столь остро необходимые для закупок оружия и для социальной политики. В Казани была захвачена половина золотого запаса России. «Захват части золотого запаса позволил не только упрочить авторитет Комуча, но и укрепить его экономическое положение»¹, — считают историки Б.Ф. Додонов и В.М. Хрусталеv. Так бы и было, если бы Комуч решился начать тратить этот запас. Но законнический догматизм лидеров Комуча оказался сильнее прагматизма. Комуч был готов скорее проиграть войну, чем потратить что-то из средств, принадлежащих Учредительному собранию и России в целом. В результате было решено этих денег не тратить, и при сдаче дел Комуч осенью передал Директории 40 тыс. пудов золота, 30 тыс. пудов серебра, платину и значительную часть захваченных в Казани денежных средств². Затем эти средства достались Колчаку, который начал их тратить.

Комучу остро требовались средства. В месяц на армию уходило около 100 млн рублей³. Деньги требовались и на нужды Чехословацкого корпуса. Платить приходилось и за демократию, то есть за связь с населением и общественную инфраструктуру — Комуч оплачивал работу восстанавливающихся земств, которые по мере сил налаживали решение местных проблем. Приходилось платить за единство России — Комуч субсидировал региональные правительства, включая Башкирское, Казахское, Оренбургское и Уральское. За неимением иных денежных знаков Комуч стал выпускать свои облигации, известные как раковки (по имени управляющего финансовым ведомством Ф. Ракова). Но их ценность в глазах жителей была невелика. Если бы Комуч потратил на их обеспечение хотя бы небольшую часть золота, ситуация была бы другой.

Также использовались билеты Займа свободы 1917 г. В конце существования Комуча были выпущены его деньги на 130 млн рублей. Еще 70 млн выпустил Оренбург⁴.

17 сентября Совет управляющих ведомствами Комитета признал финансовое положение катастрофическим и решил приступить к продаже серебряной монеты из захваченных в Казани государственных запасов по цене в пять раз выше ее номинальной стоимости. Но было уже поздно⁵.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 11.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 450–451.

⁵ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 216.

* * *

При обсуждении социально-политических режимов, которые погибли в результате военного поражения — будь то Парижская коммуна или Испанская республика — в центре внимания оказывается вопрос о причинах этого поражения. Но не менее важен вопрос о перспективах победы данной социально-политической модели, если бы военная фортуна и внешние политические факторы оказались бы более благоприятны для нее. Эти два вопроса взаимосвязаны, необходимость мобилизовать силы для победы заставляет наступать на горло демократической песне. Но это можно делать с разной степенью жесткости, сохраняя демократические принципы или отказываясь от них настолько, что возвращение на демократический путь становится невозможным и после войны. Комуч имеет репутацию непоследовательности как раз потому, что пытался сохранять верность демократическим принципам и защите социальных прав, когда военная обстановка отнимала предпосылки для этого. Поэтому необходимо внимательно присмотреться к социально-политической модели Комуча как возможной альтернативе развития России после революции и Гражданской войны.

Одна из важных черт социальной политики Комуча — нежелание отрицать все, что сделала Советская власть. Он стремился быть не контрреволюцией, а коррекцией пути революции. Вольский говорил год спустя: «Комитет считал бессмысленным возврат к законам правительства коалиции и вышвыривание вместе с большевистской властью того социально ценного, что имелось в ее декретах»¹.

14 июня национализированная Советской властью в Самаре недвижимость передавалась Самарской гордуме вплоть до новых распоряжений². 26 июня Комуч решил: «Движимое и недвижимое имущество частных лиц, находящееся в различных советских учреждениях, временно, впредь до особого распоряжения, не должно быть возвращаемо этим лицам, так как подобное возвращение может лишить эти учреждения возможности продолжать свою работу»³. Тогда же было принято решение об упразднении советской коллегии управления речным транспортом, но недавно национализированный транспорт переходил в ведение Управления речным транспортом — уже комучевского⁴.

---

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июль–октябрь 1918 года. С. 427.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 31.

В приказе от 10 июня Комуч разъяснил, что выданные Советской властью документы на жилье сохраняют силу, и занимающие помещения жильцы выселятся не будут. При этом квартальные советы должны выяснить, насколько занимаемые помещения соответствуют потребностям жильца, и результаты обследования предоставить Самарской гордуме¹.

Естественно, такое решение вызвало недовольство домовладельцев Самары. Они создали Центральный Совет кварталов, претендовавший на полномочия гордумы. 70 крупных зданий гордума вернула собственникам, но домовладельцам было мало. Либеральный историк А.Г. Прайсман поддерживает позицию домовладельцев, пользуясь случаем, чтобы осудить социалистическую составляющую политики Комуча: «Как часто бывает у социалистов, за общей риторикой они не очень хорошо разобрались в сущности вопроса». Мол, и среди домовладельцев были люди бедные, а квартиронаниматели сдавали квартиры другим жильцам. В результате не хватало средств на обслуживание домов, включая уборку отходов². Если бы не идеологические шоры, А.Г. Прайсман заметил бы, что все эти проблемы никак не лечатся насильственными выселениями, которые запретил Комуч. Для решения этих проблем необходимо было налаживать городское хозяйство силами городских властей, возложить ответственность за поддержание чистоты на жителей, а не на терявших доходы домовладельцев. Ревизия мандатов на жилье, которую предложил Комуч, как раз и была средством борьбы с субарендой и другими злоупотреблениями в этой области. Поскольку Центральный Совет кварталов пытался вести борьбу за власть с городским самоуправлением, Комуч 27 июля распустил эту организацию.

* * *

Балансировать между «трудом и капиталом» было нелегко. Собственники крупных предприятий, с одной стороны, собирали средства на нужды обороны³, и с ними нужно было считаться. А с другой — требовали компенсации за казенный счет убытков, причиненных большевиками⁴, что могло привести Комуч к банкротству.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 144.

² Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 300.

³ Самарская губерния в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.): Документы и материалы. Куйбышев, 1958. С. 39.

⁴ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 336.

Формально Комуч обещал в своем воззвании 22 июня торгово-промышленным организациям создание исполнительной власти «из представителей всех политических, национальных, экономических групп, которые стоят на платформе народовластия и национальной обороны»¹ — то есть от либералов до умеренно левых. Ради успокоения буржуазии экономические лозунги Комуча выглядели правее, чем та политика, которая потом осуществлялась: «Восстановление прав собственности, кроме земельной, частной предприимчивости и капитала с оставлением прав реквизиции за местными органами самоуправления и государственными учреждениями в целях общественных, кроме того, уравнивание в правах торговой деятельности кооперативов, частной торговли и промышленности»². Этот срединный курс не мог вызвать энтузиазма ни у собственников, ни у рабочих организаций, но по крайней мере успокаивал бизнес.

Через три дня Комуч принял новую декларацию, которая была обращена к рабочим, крестьянам и левым кругам. Она была призвана объяснить, почему нет смысла бояться за судьбу социальных завоеваний революции. Комуч и эсеры — их лучшие гаранты: «земля бесповоротно перешла в народное достояние», сделки купли-продажи и залоги на землю запрещены, законы и постановления об охране труда сохраняют свою силу, и за их исполнением будет следить ведомство труда, закрытие предприятий может проводиться только с согласия Совнархоза и местных экономических советов, права профсоюзов и коллективные договоры сохраняются. Но, в свою очередь, и предприниматели могут увольнять сотрудников по закону и требовать от рабочих интенсивного и качественного труда»³.

Отойдя от подавившего рыночные отношения «военного коммунизма», Комуч не отказался от государственного регулирования рыночной экономики. Регулировать торгово-промышленную деятельность должен был совет при Комуче, который мог создавать также комиссии по отдельным вопросам. В Совет торговли и промышленности должно было входить более 20 представителей от заинтересованных общественных организаций и ведомств. Сначала они делегировались, а затем должны были избираться на съездах организаций и самоуправления. При президиуме совета учреждался технический совет, который должен был готовить материалы для его решений⁴.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 388.

² Там же.

³ Там же. С. 291–292.

⁴ Там же. С. 343–345.

Государственные структуры (Совнархоз, комитеты при ведомстве торговли и промышленности) распределяли топливо и металлы, которые могли выдаваться только по нарядам. Главный комитет по металлу мог проводить реквизиции и замену директоров предприятий. Этот орган, как и другие структуры государственного регулирования при Комуче, был коллегиальным и состоял из представителей заинтересованных организаций. Пленум комитета должен был собираться два раза в год, и текущее регулирование проводили председатель и управление делами¹.

Регулировалось распределение топлива — по плану и в соответствии с заявками потребителей². Комуч подтвердил введенную Временным правительством кожевенную монополию.

9 июня, созвав совещание представителей местных банков и торгово-промышленных кругов, член Комуча И. Брушвит сообщил им: «В области финансово-экономической отменяются национализация банков, торговли, промышленности, финансов и вообще всякие стеснения личной инициативы и предприимчивости. Частный торгово-промышленный аппарат должен быть восстановлен. Власть будет работать в контакте со сведущими лицами и специалистами дела»³. Но в реальности все оказалось для предпринимателей не так просто.

9 июля была учреждена комиссия по денационализации, состоявшая из представителей органа регулирования промышленности Совета народного хозяйства (по сути унаследованного от большевиков), профсоюзов (включая союз инженеров и техников), Общества фабрикантов и заводчиков, бывшего Военно-промышленного комитета (ВПК) и его преемника Народно-промышленного комитета, городской управы, губернского земства, фабзавкомов национализированных предприятий, их владельцев⁴. При таком широком представительстве обсуждение целесообразности денационализации предприятия могло затянуться в случае несогласия любой из сторон.

Согласно постановлению Комуча от 18 августа, прежде чем провести возвращение предприятия бывшему собственнику, следовало составить опись, которая фиксировала бы положение рабочих

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 371–372.

² Там же. С. 314.

³ *Калягин А.В., Парамонов В.Н.* Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект). История. 1998 год (1) // <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html>

⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 184.

и состояние предприятия, состояние его на момент национализации («передачи рабочим»), условия, «при которых владелец намерен вести предприятие в дальнейшем». Затем предприниматель должен был представить «подробный план и калькуляцию дальнейшего производства», «список необходимого штата рабочих и служащих» и принципиальное согласие работать на условиях коллективного договора с профсоюзом. Выдвигались и другие условия, вплоть до возможности отвечать по долгам, сделанным уже национализированным предприятием. Условия дальнейшей работы предприятия должны были согласовываться с фабрично-заводским комитетом (ФЗК). Если предприниматель не мог или не хотел продолжать дело на таких условиях, государство могло передать его в управление другому лицу или выкупить в государственную собственность «с оплатой собственности по справедливой оценке» (очевидно, такая оплата могла производиться когда-то в будущем). Комиссия по денационализации должна была по согласованию с предпринимателем, профсоюзом и ФЗК выработать правила, предусматривающие минимум производительности труда, ниже которого не должны были опускаться рабочие¹.

Неудивительно, что при таких трудностях денационализации в руках Комуча оставался значительный по размерам государственный сектор. СУВ принимал оперативные решения по управлению заводами, налаживанию или прекращению производства на них².

Особое совещание по обороне, состоящее из представителей ведомств и Совета торговли и промышленности, имело право преимущественного исполнения своих заказов предприятиями, а также могло секвестировать их в зоне военного положения и сменять управляющих и членов правлений³.

Создавались военно-общественные предприятия под государственным управлением. При этом предприятия, не нужные для дела снабжения армии, могли быть закрыты, и их инвентарь направлен на нужды военно-общественного сектора⁴.

Отчасти государственное регулирование экономики при Комуче было вариантом «военного социализма» в Европе в период Первой мировой войны. Но в Поволжье эту политику проводили социалисты, для которых государственное регулирование экономики было частью программы, не временной, ситуативной чисто военной мерой, а начальным этапом экономической политики, которая проводи-

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 345–347.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 281–282.

⁴ Там же. С. 284.

лась бы и в случае победы Комуча. Такая политика предвосхищала НЭП 20-х гг. (будучи более гибкой) и реформы в западных странах в 30-е гг. (будучи более левой).

На процессе эсеров 1922 г., когда НЭП уже начался, Д. Раков говорил: «Вся та политика, которая проводилась Комучем, вряд ли чем отличалась от той политики, которую сейчас проводит Советская власть, ибо она свою прежнюю политику назвала ошибкой. А мы этой политики не совершали — за что же нас винить?»¹ Как отмечает историк Г.А. Трукан, «самарская модель социализма являлась реальной альтернативой не только «военному коммунизму», но и последующему ленинскому НЭПу»². Комуч обеспечивал гораздо большие свободы, чем коммунисты в 1920-е гг.

Модель регулируемой экономики нужна не сама по себе, а для решения двух типов задач: государственно-политических (например, военных) и социальных — создание более устойчивой и гуманной социальной структуры, социального государства. Если первая задача у Комуча осуществлялась не лучшим образом, то вторая стояла в центре внимания социалистов.

Комучу было нелегко добиться соблюдения своих требований предпринимателями. Исследователи А.В. Калягин и В.Н. Парамонов пишут об этом: «Торгово-промышленные круги демонстрировали готовность воспринимать лишь изменения в свою пользу. Принимая восстановление своих прав, они отнюдь не желали признавать права рабочих. Предприниматели жестко выдвинули требование пересмотра прежних коллективных договоров, начались массовые их нарушения. Недовольные рабочие увольнялись. Не обращая внимания на специальное распоряжение Комуча, не только частные предприниматели, но также органы самоуправления и даже государственные органы нанимали рабочих, минуя профессиональные союзы и биржу труда, оплачивая их труд значительно в меньших размерах. Так, управление железной дороги «Самара–Златоуст» выплачивало нанятым рабочим в полтора раза меньше, чем следовало по коллективному договору. На протест профсоюза управление ответило, что руководствуется исключительно своей выгодой»³. Из приведенных данных видно, что коллективные договоры продолжали действовать и лишь иногда нарушались — прежде всего в отношении вновь нанятых работников. Ответом на этот произвол стало социальное законодательство Комуча.

¹ Цит. по: Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. С. 38.

² Там же.

³ Цит. по: Калягин А.В., Парамонов В.Н. Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект). История. 1998 год (1) // <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html>

За ведомством труда оставалось решающее слово в случае конфликтов по поводу трудового распорядка¹. 7 июля последовал приказ, запрещающий локауты. Лица, их использующие, подлежали военному суду². Нарушители социального законодательства Комуча подвергались судебному преследованию, например: «Установив факт найма рабочих помимо профсоюза за более низкую плату и нарушение закона о 8-ми часовом рабочем дне на заводе “Кристалль”, Самарский губернский отдел ведомства труда передал протокол по этому делу в суд для привлечения владелицы завода М.А. Сорокиной к ответственности»³.

Запретив локауты частным лицам, Комуч оставил их себе как средство государственной политики. Так, был проведен «локаут» «ненадежного» коллектива Сергиевского завода взрывчатых веществ в Иващенково⁴. Советская и просоветская историография придает большое значение этому государственному «локауту» как примеру антирабочего характера социальной политики Комуча. Однако реальное значение «локаута» оказалось незначительным. У работодателя не было особого выбора — кого нанимать в поселке. В результате «локаут» свелся по сути к перерегистрации рабочих и сокращению их числа до необходимого. А бунтари и после этого «локаута» остались на предприятии, доказательством чему является восстание рабочих завода 1 октября, когда его попытались эвакуировать⁵.

Комуч следил за уровнем безработицы. «Предусматривалось развитие системы общественных работ и создание общественных столовых, деятельность которых должна была начаться с 1 июля. Пока же Комуч выделил 133 тыс. руб. на выдачу безработным. К началу июля из них было выдано около 65 тыс. руб. 25 июня последовал приказ о создании кассы безработных»⁶, — пишут А.В. Калягин и В.Н. Парамонов.

25 июня приказом Комуча определялся порядок работы кассы безработных, которая должна была пополняться за счет государства, местного самоуправления, предпринимателей и рабочих (рабочие должны были вносить вдвое меньше средств, чем предприниматели)⁷.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 258.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. С. 151, 174.

⁵ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). С. 162–163.

⁶ Калягин А. В., Парамонов В. Н. Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект). История. 1998 год (1) // <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html>

⁷ Там же. С. 159.

Ключевой фигурой в проведении социальных реформ Комуча стал меньшевик И. Майский, кстати — будущий советский дипломат и академик. 10 августа он был назначен управляющим ведомством труда. Занятие Майским этого поста было санкционировано областной организацией РСДРП, которая обосновывала это тем, что восстановление нормальной экономической и государственной жизни требует урегулирования «взаимоотношений между трудом и капиталом с таким расчетом, чтобы, при гарантии свободного развития производительных сил, интересы трудящихся были всемерно охранены методами широких социальных реформ, осуществляемых в рамках капиталистического строя»¹.

Майский надеялся провести целую серию законов: о 8-часовом рабочем дне, о минимальной зарплате, о свободе профсоюзов, о страховании от безработицы, несчастных случаев и по болезни, о промысловых (промышленных) и арбитражных судах, о трудовой инспекции и трудовом договоре².

Эти реформы создавали модель развития социальных отношений в России в случае победы Комуча и его принципов. Осуществление такой модели означало создание в России наиболее совершенного социального государства Европы. Эта модель предвосхищала реформы Рузвельта и шведских социал-демократов. Конечно, в условиях, когда территория Комуча находилась в кольце фронтов и блокады, реализовать этот план во всей полноте было очень сложно, хотя бы по финансовым соображениям. Но социальный вектор развития России, за который Комуч боролся, был определен в его социальных мероприятиях.

4 сентября был принят приказ о 8-часовом рабочем дне, который предусматривал, что рабочий не может трудиться больше 48 часов в неделю, а работник в возрасте до 16 лет — 36 часов. Рабочим должен был предоставляться еженедельный выходной и ежедневный часовой перерыв для приема пищи. Устанавливался перечень выходных — православные праздники, 27 февраля и 1 мая (очевидно, авторы приказа забыли перевести дату Февральской революции на григорианский календарь). Замена работы в праздник на работу в будни могла производиться по добровольному соглашению и с разрешения ведомства труда и его местных органов. Сверхурочная работа допускалась по добровольному соглашению, ограничивалась во времени 16 часами в месяц и должна была оплачиваться не менее чем

¹ *Калягин А.В., Пармонов В.Н.* Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект). История. 1998 год (1) // <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html>. С. 16.

² *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. С. 37.

в полуторном размере. Работники в возрасте до 16 лет к ней не допускались. Отклонения от этого приказа во время войны могли устанавливаться на предприятиях, работающих на оборону, совместным решением ведомств труда, военного и того, которому принадлежит предприятие, и только в случае утверждения Комучем¹.

Приказ о 8-часовом рабочем дне рассматривался как начало создания целой системы социального законодательства, закладывающего основы социальной модели будущей России: «Комитет считает, что за этим актом должен последовать ряд других неотложных мер социального законодательства, направленных к защите интересов труда. Но все эти меры могут быть действительно проведены в жизнь и прочно повысить благосостояние трудящихся масс только при условии свободы и независимости России, утверждения в ней демократического строя и оздоровления всего народного хозяйства. Вне этого все социальные реформы окажутся призрачными»². Заботясь о социальной защите рабочих, нужно было одновременно разработать и систему мер, направленных на повышение производительности труда³. Но на это у Комуча и его ведомств уже не оказалось времени.

Помимо общих идеологических мотивов социальные меры были призваны обеспечить Комучу поддержку со стороны рабочих. Однако их волновали не только социальные права, но и гражданские — прежде всего произвольные репрессии.

Настроения рабочих Самары характеризуют результаты голосования резолюций в поддержку Комуча на Самарских рабочих конференциях. На конференции 11–15 июня — 341 за, 21 воздержался из 518 участников (из документа неясно, остальные были против или не присутствовали на заседании). На II конференции 4–5 июля — 156 за, 56 воздержалось и 22 против⁴. Эта конференция была менее многочисленной, но пропорция поддержки Комуча даже немного выросла.

В начале августа в Самаре был созван новый Совет рабочих депутатов из 201 представителя. Политическое лидерство в нем принадлежало меньшевикам, и председателем Совета был выбран меньшевик А. Кабцан. Однако 30 августа Совет принял резолюцию «беспартийных», которую поддерживали большевики: «Принимая во внимание поход реакции, расчищающей дорогу военной диктатуре, Совет счи-

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 291–293.

² Там же. С. 294.

³ Там же. С. 295.

⁴ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006. С. 415; *Прайсман Л. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 221.

тает своим долгом для предотвращения ее провозгласить: 1) всеобщее вооружение рабочих, 2) снятие военного положения, 3) немедленное прекращение политических арестов, обысков, расстрелов, самосудов и прочее, 4) немедленное освобождение из тюрьмы всех политических заключенных, 5) отстаивание всех декретов, изданных Советом народных комиссаров... 6) отстаивание постановлений III Всероссийского съезда Советов о земле и т. д.»¹. Таким образом, на территории Комуча существовал настолько широкий политический плюрализм, что рабочие могли выражать ту позицию, которую считали нужным, даже проникнутую симпатией к противнику в Гражданской войне. На советской территории рабочий класс в это время терял такую возможность.

Рабочая конференция прошла и в Казани 18–31 августа. Ее 384 делегата представляли более 32 тыс. рабочих². И хотя группа делегатов-коммунистов (не афишировавших свою партийность) была не велика, настроение было оппозиционное — прежде всего из-за арестов и расстрелов³. Уполномоченный Комуча депутат И. Алкин, один из лидеров татарского национального движения, говорил на конференции: «Товарищи как бы боялись, что в период переворота, когда в Казани пала Советская власть, рабочий класс, может быть, потеряет свои завоевания и, может быть, классовые организации будут уничтожены. И эта боязнь, товарищи, совершенно правильна... В данном случае новая власть Ком. Уч. Собр. говорит определенно, что она никаких золотых гор рабочему классу не даст. Она определенно говорит, что осуществить свои завоевания и продолжать свое развитие рабочий класс сможет только при существовании сильных организаций в самом рабочем классе. Новая власть ставит своей задачей оградить рабочий класс при развитии капитализма от напора справа... ограждение тех реальных завоеваний, которые рабочий класс уже имеет в период этой революции... которые должны быть неприкосновенны»⁴. Характерно, что Алкин признал: Советская власть принесла с собой завоевания рабочего класса, и Комуч будет их охранять.

На конференции принимались меньшевистские резолюции, но аплодисменты вызвало предложение послать делегацию в Москву для поиска путей прекращения Гражданской войны⁵. Конференция

¹ Майский И. М. Демократическая контрреволюция. С. 127–128.

² Знаменский Н. Время чехов // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. № 1. С. 170.

³ Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. № 1. С. 87.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Знаменский Н. Время чехов // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. № 1. С. 170.

высказалась за создание Совета рабочих депутатов «как организатора, руководителя и выразителя задач рабочих масс, который ни в каком случае не должен стать или пытаться стать органом власти»¹. Избрать свой Совет рабочие не успели — власть Комуча в Казани вскоре пала.

3 сентября, накануне наступления РККА на Казань просоветские рабочие и недовольные мобилизацией солдаты попробовали поднять восстание, но не получили широкой поддержки. Восстание началось с митинга рабочих и солдат против войны и репрессий. Эти же темы, как мы видели, в наибольшей степени раздражали и самарских рабочих. На артиллерийском складе и заводе № 40 началась забастовка. Собралось несколько тысяч человек. Руководители митинга А. и С. Григорьевы и Н. Ларионов выдвинули план вооруженного восстания. Восставшие попытались захватить артиллерийский склад и увлечь недавно мобилизованных солдат, но неудачно. Часть восставших разбежалась, часть была взята в плен, а часть — прорвалась к красным². После восстания 3 сентября Казань была объявлена на военном положении, собрания запрещены.

В условиях Гражданской войны популярность Комуча и правящих социалистов падала. Историки А.В. Калягин и В.Н. Парамонов так характеризуют причины трудностей внутренней политики Комуча: «Выстроенная на реалиях западного демократического общества, на происходящих там процессах, политика эта не учитывала восточнодеспотическое существо общества российского, особенности его экономического развития, социальной структуры, отношений, психологии»³. Авторы уверены, что раз они постигли «восточнодеспотическое существо общества российского», то разбираются в особенностях его психологии куда лучше эсеров начала XX в. Но эсеры знали о психологии российских масс того времени не понаслышке, что помогло им выиграть выборы в Учредительное собрание. В начале XX в. «реалии западного демократического общества» еще только приближались к той планке, которую поставил своей социальной политикой Комуч (а его аграрная программа вообще была направлена в сторону от западного пути развития). В то же время социальная политика победоносных большевиков тоже строилась на теории, имевшей западное происхождение, и это не помешало им одержать победу.

¹ Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. С. 238.

² Там же. С. 193–196.

³ Калягин А.В., Парамонов В.Н. Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект). История. 1998 год (1) // <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html>

Конкретные трудности, с которыми столкнулся Комуч, вытекают из другого обстоятельства. Критикуя, и во многом справедливо, военно-коммунистическую политику большевиков, эсеры и меньшевики должны были частично восстанавливать рыночно-капиталистические отношения. А их успешное развитие было возможно при сотрудничестве власти и буржуазии. Буржуазия же требовала демонтажа «социалистических завоеваний», на что Комуч идти не собирался — и по идейным причинам, и в силу того, что капиталистическая экономика в ходе Первой мировой войны и революции стала распадаться. Путь Комуча предполагал сочетание рыночной экономики (не обязательно только капиталистической), государственного регулирования и широких социальных прав. Рабочие и крестьяне после большевистских обещаний отнеслись к этому довольно спокойно, как к должному, опасаясь возможной отмены социальных завоеваний революции и выражая недовольство нарушениями обещанных гражданских прав. А вот буржуазия, убедившись в «непоследовательности» демонтажа институтов, ущемляющих право частной собственности, встала в резкую оппозицию Комучу, делая ставку на его противников в антисоветском лагере. При этом Комуч не успел выстроить государственную систему контроля за соблюдением социальных прав, рассчитывая на активность профсоюзов, которые, в силу своей социальной функции, были критически настроены к власти — в данном случае к власти Комуча. В отличие от большевиков, Комуч ценил независимость профсоюзов. Но ему не хватало времени, чтобы выстроить трехсторонний баланс профсоюзов, бизнеса и государственных структур, характерный для развитых социальных государств (Швеции и США, например, для этого понадобились десятилетия). Но Комуч шел по этому пути.

* * *

Одним из важнейших вопросов внутренней политики в условиях Великой российской революции был аграрно-продовольственный. Собственно аграрный вопрос для Комуча был в принципе решен Учредительным собранием.

25 июня Комуч восстановил систему земельных комитетов, предписав им руководствоваться первыми десятью пунктами земельного закона, которые успело принять Учредительное собрание. Земля перешла в распоряжение этих комитетов¹. При этом право снять ози-

---

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 161, 177. Комментируя земельное законодательства Комуча, В.В. Кондрашин утверждает, что «эти положения фактически воспроизвели советское аграрное законодательство» (за исключением компенсации

мые получал тот, кто их произвел (если крестьяне уже сняли чужие озимые, то должны были платить компенсацию), и государство получало преимущественные права на приобретение продовольствия у крупных хозяйств. Однако инвентарь, уже отнятый у помещиков крестьянами, оставался в их распоряжении или в распоряжении земельных комитетов¹, так что рассчитывать на уборку силами крупных частных владельцев было затруднительно.

Первоначально Комуч ввел свободную торговлю хлебом. Крестьяне, укрывавшие хлеб от большевиков, охотно продавали его. Было заготовлено достаточно хлеба даже для того, чтобы везти его в центральные губернии по мере наступления². Сохранялись советские нормы выдачи хлеба горожанам³.

И. Майский вспоминал о своих впечатлениях после приезда в Самару с советской территории: «Высшего пункта наше настроение достигло, когда мы пришли на рынок. Эти горы белого хлеба, свободно продававшиеся на ларях и телегах, это изобилие мяса, битой птицы, овощей, масла, сала и всяких иных продовольственных прелестей нас совершенно ошеломило. После Москвы 1918 г. самарский рынок казался какой-то сказкой из «Тысячи и одной ночи». Притом цены на продукты были сравнительно очень умеренны»⁴. Историк А.Г. Прайсман надеется, что это свидетельство Майского позволяет ему объявить либеральное представление о хозяйственной политике единственно «нормальным»: «Этот неподдельный восторг лучше всего показывает, чем отличается нормальная хозяйственная политика от чудовищной экономической утопии, победившей в России в октябре 1917 г.»⁵. А.Г. Прайсман забывает, что эти «продовольственные прелести» не были доступны большинству рабочих Петрограда и Москвы и в первой половине 1917 г., до того, как в России победила «чудовищная утопия». Собственно, без этого печального обстоятельства у «чудовищной утопии» не было бы шансов на победу.

озимых посевов) (Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 111). Это не мудрено, если вспомнить, что советское аграрное законодательство было основано на программе не большевиков, а эсеров, а советский аграрный закон соответствовал основным положениям закона, принятого Учредительным собранием.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 198–199.

² Там же. С. 450.

³ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 115.

⁴ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. С. 32.

⁵ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 310.

Для лидеров Комуча свобода торговли была временным, тактическим шагом. Они, в отличие от сторонников либеральной утопии идеального рынка, понимали: в условиях свободной торговли продовольственное изобилие является временным. Во-первых, август — время урожая. Во-вторых, крестьяне, скрывавшие продовольственные запасы от большевиков, теперь торопятся их распродать. А кормить города нужно будет и поздней осенью, и зимой. Нельзя избежать дефицита без целенаправленных заготовок впрок и регулирования поставок продовольствия, тем более — в условиях падения производства товарного хлеба и необходимости кормить войска. А значит — неизбежен быстрый рост цен на рынке, который сделает продовольствие недоступным для городских низов. Обратной стороной свободного рынка в условиях дезорганизации экономики является дороговизна. Так, в августе в Казани хлеб стоил до 80 руб. за пуд¹.

Комуч не отказался от продовольственной монополии. Операции с хлебом контролировала продовольственная управа и коллегиальный хлебный совет, которые боролись с перекупкой хлеба (спекуляцией). Историк А.Г. Прайсман комментирует: «То есть фактически была установлена большевистская диктатура Наркомпрода, только на эсеровский лад и под новым названием»². Вероятно, А.Г. Прайсман забыл, что такое диктатура Наркомпрода — это насильственное изъятие у крестьян «излишков» продовольствия по символической цене. Комуч всего лишь сохранял продовольственную монополию, введенную еще либеральным Временным правительством в марте 1917 г., поскольку даже с точки зрения кадетов, разбирающихся в продовольственной проблеме, возможности для сохранения свободного рынка тогда не было.

В хлебный совет вошли представители самарской хлебной биржи, кооперативов, госбанка и оставшейся от Советской власти продовольственной управы. Твердые цены на хлеб отменялись, но государство требовало регистрации всех сделок в государственных органах³.

8 августа съезд продовольственных органов выступил против свободной торговли хлебом. Весь заготовленный не для личного потребления хлеб брался правительственными организациями на учет,

¹ Знаменский Н. Время чехов // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. С. 167.

² Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 338.

³ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 163–164.

чтобы предотвратить спекулятивную скупку частными торговцами. «Помимо хлеба, товарами монопольного характера стали сахаро-продукты, чай, мед, соль, дрожжи, яйца, маслопродукты, промышленные товары первой необходимости. Как результат, Казанская продовольственная комиссия, например, постановила закрыть все городские лавки, передав продажу товаров по карточкам кооперативам. В Самаре губернский продовольственный комитет постановил прекратить выдачу масла не только частным лицам, но и кооперативам, а отпускать его исключительно городской продовольственной комиссии для распределения между населением через квартальные организации»¹, — пишут А.В. Калягин и В.Н. Парамонов.

Модель продовольственной политики Комуча сформировалась к 5 сентября, когда СУВ отменил свободную торговлю хлебом и перешел к регулированию цен. Постановление Совета гласило: «Весь заготовленный не для личных потребностей хлеб берется правительственными организациями на учет», хлебные запасы затем распределяются для нужд армии и потребляющих губерний, причем центральный продовольственный орган может запрещать вывоз хлеба из некоторых уездов. «Продовольственным органам предоставляется право принудительного отчуждения хлеба, исключительное право распределения хлебных запасов и право регулирования транспорта продовольственных грузов»². Это уже ближе к продовольственной политике Советской власти до введения продовольственной диктатуры. Продовольственные органы получили широкие права по регулированию хлебных потоков. Но в отличие от продовольственной диктатуры принудительное отчуждение хлеба предусматривается как возможность, а не система. Хлеб приобретался за деньги по цене ниже рыночной, но сопоставимой с ней (в отличие от советских твердых цен). Государство и кооперативы замещали хлеботорговцев, так что крестьянин получал оплату своего труда. В сентябрьском постановлении не планируется никаких продотрядов.

Даже для такого регулирования требовался разветвленный государственный аппарат. 20 сентября, когда Комуч уже агонизировал, было принято положение о создании Ведомства продовольствия. Оно должно было ведать заготовками продуктов широкого потребления, их учетом и распределением по стране, регулированием цен. При ведомстве планировалось создать выборный Центральный про-

¹ Калягин А.В., Парамонов В.Н. Социально-экономическая политика Самарского Комуча (торгово-промышленный аспект). История. 1998 год (1) // <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/hist/199810901.html>

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 163–164.

довольственный совет из 5 человек. Ведомство и совет должны были создать единый продовольственный план. Для его выполнения на местах должны были создаваться отделы продовольствия при земствах, а также направляться уполномоченные ведомства. Создавались также советы по снабжению, хлебные советы и мясо-фуражные советы. С разрешения ведомства земские продорганы могли изымать продовольственные запасы¹.

Историк В.В. Кондрашин уверен, что на примере Комуча «хорошо видно, к чему бы привел предлагаемый местными Советами путь решения продовольственной проблемы. Объявленная им свободная торговля хлебом так и не смогла обеспечить Самару и Казань необходимым количеством, и все шло к тому, что если бы Комуч выстоял под натиском Красной армии, то на его территории неизбежно была бы возобновлена отвергнутая реквизиционная политика»². Здесь верно только то, что Комуч действительно реализовывал, только более последовательно, ту модель продовольственного дела, за которую выступали многие Советы и, как мы видели, московские хозяйственники, противостоявшие введению продовольственной диктатуры. Таким образом, путь Комуча в экономической сфере — это и путь умеренных сторонников Советской власти, трагически разрубленный фронтами Гражданской войны. Но регулирование рынка вместо реквизиций обеспечило Комучу возможность заготовить достаточное количество хлеба, чтобы население в городах не голодало (в отличие от ситуации на советской территории).

Сначала разрешив свободную торговлю, пока продовольственный аппарат еще не был организован, а затем перейдя к регулируемому рынку хлеба, Комуч обеспечил им и армию, и Самару. Голода не было и в Казани³. Чтобы доказать обратное, В.В. Кондрашин ссылается на... Бюро печати НКВД РСФСР, то есть на пропагандистские материалы противников Комуча⁴.

Как рассказывал Вольский, «на опыте обнаружилось, что частная торговля почти ничего не дает в создании хлебных запасов, и главная масса хлеба поступает через кооперативы и продовольственную управу... Отсутствие денег сильно мешало развить продовольствен-

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 378–380.

² Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 94.

³ В Казани продовольствие распределялось через кооператив, но дороже можно было купить на рынке по 2 рубля за фунт (Время чехов. Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. № 1. С. 167).

⁴ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 114.

ные операции, но все же при падении Самары осталось несколько тысяч пудов хлеба в элеваторе по цене около 30 рублей пуд...»¹. В июле на рынке хлеб стоил вдвое дороже². Так что регулирование хлебного рынка Комучем оказалось удачной альтернативой большевистской продовольственной политике.

Понимая важность регулирования рынка, Комуч перешел именно к такой модели, за которую выступали не только эсеры и меньшевики, но также умеренные коммунисты и левые эсеры. Заготовки и распределение велись с помощью кооперативов, опираясь на кадры специалистов в продовольственном деле, с которыми не договорились и не хотели договариваться радикальные коммунисты. Комуч не исключал и реквизиций (как и советские органы до введения продовольственной диктатуры), но в виде исключения, а не в качестве системы. В этом тоже было принципиальное различие продовольственной политики Комуча и продовольственной диктатуры в РСФСР.

Признавая, что «замыслы Комуча по отношению к крестьянству были почти безупречными», В.В. Кондрашин рисует жуткую картину того, что вышло «на практике»: «Деревня была отдана на откуп военщине, которая принуждением и насилием пыталась мобилизовать крестьян в Народную армию. Офицерский корпус в большинстве своем был настроен монархически и не скрывал своих намерений восстановить прежние порядки после победы над большевиками. Более того, в ряде случаев офицеры уже делали это. В своих бывших имениях они наказывали крестьян за причиненные им в 1917 г. убытки: пороли и даже расстреливали зачинщиков антипомещичьих выступлений»³. После этого и продовольственная диктатура коммунистов кажется не такой страшной. Но, как мы увидим в соответствующей главе, найти примеры эксцессов и злоупотреблений властью советских начальников и отрядов сегодня довольно просто. А вот с комучевскими злодействами сложнее. Для подтверждения нарисованной им масштабной картины деревни, отданной «на откуп военщине», В.В. Кондрашин ссылается на одно газетное сообщение, не разъясняя, о чем там говорится, и насколько сказанное газетчиками вообще достоверно, а также на две страницы (170–171) советского издания 1937 г.: Попов Ф. «Чехословацкий мятеж и Самарская Учредилка»⁴. На этих страницах советский автор, не всегда

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 485.

² Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 115.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же.

ссылаясь на источники информации, рассказывает, как крестьяне из Тимошкино прогнали помещика Агеева, пытавшегося забрать у них лошадей, которые ему когда-то принадлежали. Дальше говорится о корреспонденции, в которой помещики грозят крестьянам, но ничего не делают. Более серьезные случаи в Натальине (высечен один крестьянин), Таллинской волости (с крестьян требуют по 50 руб. за десятину засеянной земли некие «учрежденийские власти»). Источник этих сведений не сообщается, обстоятельства эксцессов, если они имели место, не ясны. Еще на тех же страницах рассказывается, что во многих волостях Уфимской губернии земельный закон не соблюдался. То есть в других — соблюдался. Весь этот комплекс «доказательств» свидетельствует о том, что в удаленной от поволжского центра Комуча Уфимской губернии, а также в сфере действия казачьих отрядов продолжалась борьба между сторонниками и противниками аграрной политики Комуча.

Перечисляя эксцессы, за которые, вроде бы, ответствен Комуч, В.В. Кондрашин упоминает сотника Николаева, который потребовал вернуть землю и инвентарь прежнему владельцу (правда, без порок и расстрелов)¹. Но сотник — это офицер казачьей армии, а не Народной армии. Еще историк ссылается на два случая произвола, но иного рода — при проведении мобилизации². И снова речь идет о произволе казаков, которые практически не контролировались Комучем.

Таким образом, нарисованная В.В. Кондрашиным картина «офицеров-монархистов», восстанавливающих «прежние порядки» в «своих бывших имениях», не вытекает из приведенных им случаев, даже если предположить, что все они достоверны.

Совсем не очевидно, что большинство офицеров были монархистами (очевидно лишь, что большинство было по взглядам правее Комуча), что многие из них были здешними помещиками и у них была возможность прибыть с отрядом в собственное поместье и найти там зачинщиков прошлогодних выступлений. Такие совпадения столь сложны и нетипичны, что если такие случаи и могли произойти, то только единичные.

Помещики в отдельных случаях пытались вернуть себе землю или хотя бы инвентарь, продавая их иностранцам³ (аналогичная проблема возникла в Советской России с Германией). Это могло бы затруднить возвращение земли крестьянами в случае победы Комуча в союзе с Антантой.

¹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 113.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 113.

20 сентября Климушкин направил специальный циркуляр волостным земствам о том, что требования о возвращении земли помещикам или выплаты компенсации исполнению не подлежат, а Галкин издал приказ начальникам гарнизонов в случае необходимости пресекать подобные действия против крестьян военной силой. В.В. Кондрашин считает эти указания формальными, потому что не нашел случаев наказания помещиков или офицеров за действия против крестьян¹. Но В.В. Кондрашин игнорирует тот факт, что власть Комуча существовала после этого всего несколько дней, так что трудно упрекать его за отсутствие действий в 20-х числах сентября. Впрочем, самих инцидентов, за которые должны следовать наказания в случае, если информация бы подтвердилась (что тоже не факт), историк нашел всего несколько. Поскольку Комуч объявил, что возвращение земли помещикам признано не будет, шансы вернуть землю у помещиков были только при условии ликвидации власти Комуча.

Из-за недостатка случаев «помещичьих насилий» при Комуче критики его политики смешивают два разных явления — восстановление дореволюционных порядков, которого не было, и конфликты, связанные с мобилизацией. Это — разные вещи. Действия отдельных офицеров в защиту помещиков нельзя отождествлять с «принуждением и насилием» при мобилизации, которая проводилась как раз не вопреки Комучу, а в соответствии с его решениями и никак не угрожала аграрным завоеваниям крестьянства. Комуч пытался принудить небольшую часть крестьян сражаться за эти завоевания. При этом действительно происходили отдельные столкновения, о которых говорили и сами лидеры Комуча — например, гибель представителя Комуча в Бузулукском уезде С. Цодикова, проводившего мобилизацию, и ответное нападение войск на взбунтовавшуюся деревню, в ходе которого погиб один или два человека². На основании этого крупного для времен Комуча эксцесса нельзя сделать вывод, будто Комуч сам отдал деревню «на откуп военщине»³. И уж конечно уровень репрессивности Комуча в отношении деревни не идет ни в какое сравнение ни с последующим правлением Колчака, ни с коммунистами.

Случаи игнорирования правым офицерством законодательства и указаний Комуча, пока единичные, стали частью более широкого

¹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 112–113.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 477.

³ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 112.

и трагического для Комуча явления — выхода из-под его контроля правого офицерства, которое в этот период было опаснее для демократических политиков, чем для крестьянства. В полную силу правое офицерство развернется против крестьян уже тогда, когда Комуч не сможет его сдерживать — при Колчаке.

К тому же, как пишет историк А.Г. Прайсман, «крестьянство, особенно население уездов и волостей, лежавших вдали от крупных городских центров, еще не ощутило на себе все “прелести” советской власти. Аппарат сбора налогов и податей (страшная продрозверстка) еще не был налажен, мобилизация в Красную армию в районе Волги, Урала и Сибири была объявлена только 12 июня 1918 г., и крестьяне не успели ее полностью почувствовать. Сравнение с Комучем, который вынужден был сразу после прихода к власти начать сбор налогов и объявить в конце июня 1918 г. призыв, было не в его пользу»¹. Добавим, что «страшная продрозверстка» в это время не была даже объявлена — пока только продовольственная диктатура. И продотряды просто не успели начать действовать в центральной части Поволжья. С другой стороны, налоговое бремя Комуча была чисто символическим — ведь аппарата для сбора налогов не было, земства только начали восстанавливаться и финансировались Комучем, а не наоборот. Так что главной причиной крестьянского недовольства Комучем стала мобилизация — куда более легкая, чем у большевиков. Но крестьян возмущала и такая.

В 1919 г., когда крестьяне Поволжья вкусят политику коммунистов в полной мере, более 100 тыс. крестьян Поволжья поднимутся против РКП(б). А летом 1918 г. крестьяне были еще относительно равнодушны к вооруженной борьбе эсеров и коммунистов.

Политика Комуча была направлена на умиротворение широких масс, недовольство которых катастрофической ситуацией Гражданской войны и любым правительством в таких условиях было практически неизбежно. Тем не менее, как пишет В.В. Кондрашин, в целом настроенный крайне критически в отношении Комуча, «по сравнению с крестьянским движением на территории Поволжья, контролируемой большевиками, крестьянские выступления на территории Комуча в целом были менее активными»². Это — мягко сказано. Протесты были на порядок менее активными. И направлены они были не против аграрно-продовольственной политики Комуча (что было важнейшим мотивом протестов на территории РСФСР), а прежде всего против мо-

¹ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 123.

² Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 126.

билизации и репрессий (также куда более скромных, чем на советской территории).

В.В. Кондрашин насчитал 34 факта массового сопротивления политике Комуча (часть из которых — слухи из советских источников, достоверность которых нужно проверять отдельно, а часть — сопротивление не политике Комуча, а произволу казачьих офицеров, действующих вопреки указаниям Комуча) и одно (!) восстание. Речь идет о Петропавловской республике, которая была не восстанием против политики Комуча, а сопротивлением сторонников Советской власти наступлению антисоветских сил. Различие между этими двумя понятиями очень важно — восстание поднимают люди, прочувствовавшие на себе политику той власти, против которой восстают. Петропавловскую республику создали сторонники Советской власти, которые при Комуче не жили. В тылу наступающих чехословацких войск был создан Военно-революционный комитет (ВРК), контролировавший 8 волостей, пока 19 июля не был разгромлен Дутовым¹. До советского командования доходили слухи о каких-то партизанских отрядах, действовавших против чехословацких войск, но сами «чехи» и комучевцы их не замечали (о реальной угрозе со стороны партизан на его территории источники Комуча и чехословацкое командование не сообщают). Единственное конкретное свидетельство — вступление в Чапаевскую дивизию крестьянского отряда из с. Домашки в декабре 1918 г., то есть уже при Колчаке².

Итоги крестьянской политики Комуча обсуждал VI Самарский крестьянский съезд, проходивший 15–23 сентября. Обстановка на нем была плюралистичная, выступали и сторонники, и противники Комуча. Здесь обсуждались и факты произвола военщины. В.В. Кондрашин считает, что «главный итог съезда для делегатов состоял в том, что они еще раз удостоверились, что Комуч никогда не был властью, отвечающей интересам крестьян». Однако приведенные самим историком данные свидетельствуют о противоположном. Несмотря на всю критику в адрес Комуча, резолюция в его поддержку, предложенная Климушкиным, получила более половины голосов, а при повторном голосовании перевес сторонников Комуча стал еще очевиднее — 129 за, 33 против и 67 воздержались³. Комуч не смог (и объективно не мог при сохранении политического плюрализма) заручиться поддержкой подавляющего большинства крестьянских представителей, но большинство оставалось на его стороне.

¹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 120.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 123.

Путь Комуча имеет много общего с другими альтернативами Гражданской войны. Все, кто пытался претендовать на победу в тех условиях, ограничивал полномочия местных выборных органов, применял репрессии, использовал вооруженные формирования, которые иногда творили произвол. Но у Комуча были свои отличия. От Советской и белой властей он отличался сочетанием передовой для того времени социально-экономической политики с принципиальной догматизмом приверженностью идеям парламентской демократии. В случае военной победы такой власти успех социал-демократической модели еще не был гарантирован (что показала история Европы межвоенного периода), но все же заметно увеличивались шансы России на движение по пути, сочетавшему социальное государство и демократические институты.

Сибирский холод

В июне 1918 г. казалось, что Комуч, находящийся на острие борьбы с большевизмом, получит надежный тыл в лице других правительств, возникших в Сибири и на Урале. Особенно многое зависело от Сибирского правительства. Оно тоже создавалось эсерами при участии сибирских автономистов.

Временное сибирское правительство (ВСП) было учреждено 29 января 1918 г. в Томске на нелегальном заседании части депутатов (около 40) распущенной 26 января (8 февраля) большевиками Сибирской областной думы, созданной на съезде сторонников автономии Сибири, в большинстве — умеренными социалистами. В ВСП вошли 8 эсеров, 6 областников, 4 националиста и 2 социал-демократа. Правительство возглавил эсер и известный деятель кооперативного движения Сибири П. Дербер. Вскоре он направился в свободный от Советской власти Харбин, где надеялся найти поддержку у других антибольшевистских сил и Антанты. Там, на КВЖД, власть уже взял в свои руки ее бывший управляющий генерал Д. Хорват, который 10 июля создал «всероссийское» правительство.

В Сибири виртуальное правительство Дербера оставило своих уполномоченных — Западносибирский комиссариат, в который входили депутаты-эсеры Б. Марков, П. Михайлов, М. Линдберг и бывший председатель Томской уездной управы В. Сидоров. Комиссариат смог создать подпольную вооруженную организацию, готовившую восстание против Советской власти. Ее костяк составляли офицеры, которые не были эсерами. Военной стороной дела занимался эмиссар генерала Алексеева подполковник А. Гришин, действовавший под псевдонимом Алмазов. Подпольщики поддер-

жали своими силами выступление Чехословацкого корпуса. Власть перешла к находившемуся в Ново-Николаевске Западносибирскому комиссариату, лидеры которого, как и Дербер, относились к левому крылу ПСР. В Сибири мог возникнуть свой Комуч. Политика Западносибирского комиссариата была довольно левой. 1 июня он принял постановление о национализированных предприятиях, в соответствии с которым «никакое вмешательство в распоряжение ими частных лиц и групп до установления нового порядка не может быть допущено. А на существующие коллективы возлагается ответственность за сохранение сумм, имущества и документов предприятий»¹. 28 июня было решено приступить к денационализации, но тоже осторожно: «Если денационализация может повлечь за собой приостановление или сокращение работ предприятия, имеющего исключительное государственное значение, то предприятие это подлежит оставлению в непосредственном заведовании отдела торговли и промышленности». Этот отдел должен был санкционировать каждый акт денационализации, а если владельцы не явились — то и назначать управляющего или оставлять существующее с советских времен управление. При этом государство «не отвечает за могущие произойти за время управления администрацией убытки»². Западносибирский комиссариат был намерен передать власть на местах земствам и городскому самоуправлению, а пока они не восстановлены или не избраны — назначал комиссариаты. Они должны были прекратить работу после воссоздания земств (как большевистские ВРК — после создания Советов)³. Законодательная власть должна была принадлежать Сибирской областной думе. Создавались судебные комиссии, чтобы оперативно разобрать дела арестованных во время антисоветского переворота, чтобы отпустить неправомерно арестованных. Восстанавливались законы Временного правительства, в том числе о печати. Запрещалось увольнение за политические убеждения (если, конечно, человек не был арестован как активный деятель Советской власти). В случае увольнения работникам полагалось выходное пособие, а персональный состав увольняемых определялся не владельцем, а завкомом только с участием владельца⁴. В то же время советские партии исключались из органов местного самоуправления, так как они «продолжают вести вооруженную борьбу против Сибирско-

¹ Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. — 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 1. Томск, 1998. С. 19.

² Там же. С. 34–35.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 16–40.

го Временного правительства, Учредительного Собрания и органов местного самоуправления, избираемых на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»¹.

Но Западносибирский комиссариат считал себя временным органом, который не был правомочен удерживать власть. Тем более что в Сибири было много антисоветских сил, а вооруженные отряды самого комиссариата находились под руководством более правого офицерства. Политически казалось, что нет большой проблемы в передаче власти более легитимному коалиционному Временному сибирскому правительству с социалистическим большинством (хотя легитимность ВСП тоже была сомнительной даже по сравнению с Комучем). В условиях революции спор о соотношении аргументов легитимности и вооруженной силы решается в пользу политической воли, которой у лидеров Западносибирского комиссариата и у Дербера не было. Окажется, что передача власти станет принципиальным сдвигом вправо от политической линии Комуча.

23 июня комиссариат передал власть членам ВСП, которые остались в регионе. 30 июня полномочия нового состава ВСП подтвердил председатель Сибирской областной думы И. Якушев. Новый состав ВСП подчеркивал, что источником его власти является Сибирская дума, что Сибирь является «нераздельной частью Великой Всероссийской Демократической Республики» и призвало объединиться вокруг себя «все государственно-мыслящие элементы, всех, кому дорого возрождение России и свобода Сибири»². Правительство возобновило деятельность в Омске — уже во главе с юристом П. Вологодским. Во времена Первой российской революции Вологодский был эсером, но теперь был известен как областник — сторонник как можно более широкой автономии Сибири. В правительство вошли также И. Михайлов, В. Крутовский, Г. Патушинский, М. Шатилов.

После антисоветского переворота во Владивостоке власть там перешла к генералу Хорвату. В июле Дербер сдал полномочия председателя эсеру И. Лаврову, который, оставаясь во Владивостоке, не получил реальной власти и распустил правительство после образования Директории в октябре. А Хорват стал представлять во Владивостоке сначала власть Директории, а затем Колчака. В 1919 г. Дербер уже боролся с колчаковским режимом, которому служил Вологодский.

Видную роль в правительстве Вологодского играл министр финансов И. Михайлов — в прошлом эсер, теперь изрядно поправевший

¹ Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. — 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 1. С. 40.

² Там же. С. 44.

областник. И. Ильин писал об общении с ним: «В разговоре Михайлов очарователен, просто шармер какой-то. У него ясные чистые глаза, милая очаровательная улыбка. А зовут его “Ванька Каин” его противники»¹. Михайлов был связан с сибирскими коммерческими кругами и ориентировался на них в своей политике. Альтернативу между финансовой поддержкой правительства со стороны бизнеса и социальной поддержкой со стороны масс Михайлов решал в пользу первого фактора. Учитывая, что Комуч не смог заручиться активной поддержкой широких масс рабочих и крестьян, резоны правых сибирских политиков кажутся разумными. Но они не учли, что кроме более-менее благожелательного нейтралитета масс, которого смог добиться Комуч, может быть их массовое активное сопротивление, с которым правые силы Сибири столкнуться начиная с осени 1918 г.

4 июля ВСП приняло постановление о признании недействительными всех декретов Советской власти. На этом основании помимо прочего предполагалось вернуть переданную крестьянам земельную собственность частных собственников, а предприятия — прежним собственникам. Отменялся даже акт Временного правительства от 25 марта 1917 г. о хлебной монополии. Оптовая торговля хлебом и мясом должна была производиться зарегистрированными организациями и по ценам не выше установленных государством, перевозки — только с разрешительными документами. Зато вводилась государственная монополия на масло. А вот вывоз продовольствия за пределы Сибири проводился с 50%-ным сбором².

На места назначались комиссары (вместо коллективных комиссариатов). Упразднялись фабрично-заводские и рудничные комитеты. Сохранялся 8-часовой рабочий день. «Прием и увольнение рабочих производится единолично администрацией, профессиональным организациям предоставляется право заявить мотивированный протест»³. Но к чему может привести такой протест, постановление ВСП от 31 июля не разъясняло. Можете жаловаться. В сибирских городах происходили разгоны (в том числе с жертвами) легальных рабочих собраний⁴.

Формированием Сибирской армии занялся Гришин-Алмазов, произведенный в генерал-майоры и назначенный управляющим военным ведомством (в правительство Дербера он ранее не входил).

¹ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. С. 326.

² Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. — 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 1. С. 69, 74, 77, 83.

³ Там же. Вып. 2. С. 200.

⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 457.

31 июля был объявлен призыв в армию молодежи 1898–1899 гг. рождения.

Правительство пополнил правый областник И. Серебренников, управляющим делами стал близкий к кадетам Г. Гинс. В правительство входили и «унаследованные от Дербера» левые социалисты В. Крутовский, Г. Патушинский, М. Шатилов, которым достались менее важные посты. Но зато им симпатизировало большинство Сибирской областной думы, собравшейся в Томске 15 августа¹. В нее входило 97 депутатов, из них: эсеров — 50, меньшевиков — 8, народных социалистов — 6, бундовцев — 2, интернационалистов — 2, национальных партий — 7². Понимая, что состав Сибирской думы левее, чем ВСП, правительство выступило за приостановку ее деятельности. Между Омском и Томском началась «холодная война». 20 августа работа думы была приостановлена до 10 сентября с целью ее пополнения.

Чтобы избавиться от влияния левых сторонников областной думы, руководство ВСП создало 24 августа Административный совет (АС) из управляющих министерствами, управляющего делами Совета министров и товарищей министров. АС получал право на «предварительное обсуждение вопросов, представляемых на рассмотрение Совета министров», и окончательное рассмотрение вопросов, касающихся трат до 100 тыс. руб., ссуд органам местного самоуправления, отчетов губернских комиссаров, изменения границ уездов и других неполитических вопросов, а также других вопросов, «переданных Советом министров на разрешение Административного совета»³. Казалось бы, такие незначительные полномочия не позволяли АС захватить реальную политическую власть. Но он сделал это.

П. Вологодский уехал на Дальний Восток, и во главе АС встал И. Михайлов. В него вошли Гришин-Алмазов, Гинс и др. правые деятели.

7 сентября на время отсутствия в Омске большинства членов ВСП полномочия АС были резко расширены. Теперь он мог решать все дела «по отпуску кредитов», «по продовольствию, снабжению, промышленности и сельскому хозяйству», по налоговому обложению, назначению и увольнению чиновников и вообще все «не терпящие отлагательства дела». То есть вообще все дела, которые захочет решить АС. Отдельным постановлением 8 сентября Вологодский дал

¹ См.: Шишкин В. И. Введение // Временное сибирское правительство. 26 мая — 3 ноября 1918 г. Сборник документов и материалов. Новосибирск. 2007. С. 17–21.

² Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории, контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927. С. 355.

³ Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. — 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 1. С. 162–163.

АС право роспуска Сибирской думы¹, на которое сама Дума, «породившая» Сибирское правительство, ему права не давала.

Таким образом, в Сибири возник центр власти, оказавшийся существенно правее Комуча, что вскоре сказалось на судьбе последнего. Климушкин в своем докладе о работе Комуча 14 ноября 1918 г. бросил тяжелое обвинение: «Когда наша армия умирала, Сибирь в критический момент не оказала содействия... Перед нами были большевики, но позади в первый же день не союзники, а враждебный лагерь»². Военный министр Сибирского правительства Гришин-Алмазов так оправдывал бездействие Сибирской армии: «Мы считаем, что пока не развернутся силы союзников, за Волгу отправить наши силы было бы величайшей авантюрой»³. Отсиживаться в Сибири в решающие месяцы борьбы за инициативу на Волге было гораздо «практичнее». Часть сибирских сил вышла на фронт на Урале, но была пассивна.

Более того, сибирское командование стало переманивать офицеров из Народной армии, вызвав у них живой отклик. Капитан И. Ильин рассказывал о встрече с Гришиным-Алмазовым: «Он сразу же сказал мне, что я должен переходить в Сибирь, так как мне нечего делать с эсерами. И Галкин ваш — эсер. Затем предложил мне сразу же перейти к нему, а когда я сказал, что это даже и технически немыслимо, то заявил:

— Ну хорошо, я все равно буду числить вас у себя, когда захотите, тогда и приедете». Уже через месяц И. Ильин поступил на службу в Омск⁴.

Чем сражаться с красными на поволжском фронте, веселее было служить в Сибири, мечтая о том времени, когда «розовая» демократия падет, и уже тогда мы большевикам покажем.

В одном из последних своих решений 24 сентября Комуч постановил: «Указать военному ведомству на наблюдающийся отъезд мобилизованных офицеров без соответствующего разрешения в Сибирь для поступления в Сибирскую армию и предложить принять необходимые меры к прекращению этого явления, предания виновных суду для суждения по законам военного времени как дезертиров»⁵. Но если для расправы над дезертирами-солдатами силы находились,

¹ Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. — 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь—ноябрь 1918 года). Вып. 1. С. 179–180.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь—октябрь 1918 года. С. 436.

³ Там же. С. 459.

⁴ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. С. 308, 325.

⁵ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь—октябрь 1918 года. С. 84.

то дезертиров-офицеров прикрывало офицерство Народной армии, рассчитывавшее послужить вместе с «сибиряками» «после Комуча».

В начале июня Западно-Сибирская (с 27 июня — Сибирская) армия составляла 4 тыс., а в середине июня — уже 6 тыс. человек в составе трех корпусов (П. Иванова-Ринова, А. Пепеляева и М. Ханжина). К 19 октября только в Екатеринбургской группе, которая все-таки соприкасалась с РККА, было уже 18 130 штыков и 1886 сабель¹, не считая чехословацких войск. В наступление эти силы перейдут только в декабре.

Причины такого поведения «сибиряков» были идеологическими и мало связанными с сибирским автономизмом, под прикрытием которого действовало командование. Капитан И. Ильин вспоминал: «Гришин-Алмазов сел в автомобиль и, указывая на национальный флажок на радиаторе, громко закричал: “У меня никогда не будет красной тряпки”»². «Автономисты» Вологодский и Михайлов затем будут служить А. Колчаку — стороннику единой и неделимой России. Лишь бы не левым силам.

Если бы во время решающих боев за Казань скромные силы Народной армии и уже уставшие чехословацкие войска были дополнены свежими частями из Сибири, исход боев в августе–сентябре мог быть другим и завершиться падением Нижнего Новгорода, а не Самары. Поведение «враждебного лагеря» понятно политически, но именно оно привело к тому, что инициатива была упущена антисоветским лагерем. И это сделало его поражение практически неизбежным.

Не желая сражаться на Восточном фронте летом 1918 г., праволиберальные и консервативные офицеры не понимали, что шанса вернуться на Волгу с востока больше не будет. Победить Советскую власть можно было только летом–осенью 1918 г. под ненавистным им красным флагом Комуча — по двум причинам. Во-первых, социальная программа Комуча делала массы рабочих и крестьян в антисоветском тылу практически нейтральными в борьбе с красными — в то время как против коммунистов практически все время происходили массовые волнения и восстания в их тылу. Во-вторых, Красная армия летом 1918 г. была еще рыхлой и неустойчивой, и при серьезном натиске бежала. Этот натиск позволял продвигаться вдоль Волги достаточно быстро, и если бы в августе Народная армия Комуча своевременно получила достаточное количество оружия, боеприпасов и живой силы из Сибири, то решающие бои осени 1918 г. разверну-

¹ Соколов Б. А. К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и гражданской войне в России. С. 104. Со ссылкой на Российский государственный военный архив.

² Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. С. 307.

лись гораздо ближе к Москве и при равновесии сил, а не при значительном перевесе РККА. Либерально-консервативное офицерство и политики лишили себя шанса на победу над большевизмом в 1918 г., а другого шанса уже не представилось.

* * *

Отношение ВСП к Комучу было не просто холодным. Во время наступления Народной армии и чехословацких войск на Волге им в спину из Сибири стали дуть морозные ветра.

Создав таможенный пункт на станции Полетаево под Челябинском, Сибирское правительство стало блокировать движение в сторону Самары товаров с востока. В том числе и помощи Антанты, которая распределялась на территории, подконтрольной Сибирскому правительству¹. 3–18 июля Сибирское правительство, вопреки географии, передвинуло границу Сибири за Урал, претендуя на Челябинский, Троицкий и Златоустовский уезды, где были расположены уральские заводы. Вплоть до решения Учредительного собрания о западной границе Сибири здесь учреждался ее Челябинский округ. Комуч протестовал².

15–16 июля в Челябинске состоялись консультации представителей Комуча, правительств Сибири, Оренбургской губернии и Тургайской области. Сибирский министр финансов И. Михайлов сразу заявил, что официальный протокол вести не нужно, потому что формальное соглашение пока не планируется. Достаточно договориться об общей координации действий, а не решать вопрос о власти в России³. Представитель Комуча И. Брушвит настаивал, что высшей властью до созыва Учредительного собрания может быть только Комуч⁴. Он должен создать коалиционное правительство с привлечением всех классов и национальностей России. На языке того времени Брушвит не исключил вхождение в правительство «представителей буржуазии», то есть либералов и ставленников торгово-промышленных кругов. Михайлов на это ответил, что Сибирь не признает никакого правительства, созданного без участия ее властей⁵. При этом представители Комуча получили удар в спину со стороны правого эсера А. Аргунова, который «высказался также в том смысле, что деятельность Учредительного собрания, как органа законодательного

---

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 457.

² Там же. С. 31, 457.

³ Там же. С. 122–123.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 124.

и контролирующего, не может быть восстановлена», а претензии на власть 30 эсеров (Комуч считал это число достаточным для правомочности принятия государственных решений) выглядит юмористически. Аргунов настаивал на создании коалиции эсеров, членов лево-демократического Союза возрождения России (СВР) и кадетов. СВР оказался бы в центре такой конструкции. Эсеру М. Веденяпину пришлось напомнить, что выступление Аргунова прямо противоречит решениям VIII Совета Партии эсеров¹. Тогда Михайлов заявил, что совещание с представителями Комуча сибиряки считают излишним.

16 июля дошло до скандала, когда представители Комуча и Сибирского правительства обвиняли друг друга в узурпации власти. Только под давлением представителя Чехословацкого национального совета Б. Павлу удалось договориться о проведении следующего совещания, которое будет посвящено созданию общего командования и власти.

Комуч не без успеха пытался найти союзников в Сибири. 17 августа он обратился к Сибирской областной думе как к «главному собрату в общей борьбе, оплоту сибирской демократии». Комуч жаловался Сибдуме, что «некоторые мероприятия и акты Временного сибирского правительства разбивают силы российской демократии в тот момент, когда они должны быть как никогда едины. Политика военных репрессий и диктатуры ВСП на Урале кидает рабочие массы снова в объятия большевизма и ободряет силы черной реакции». Также Комуч выступил против взимания таможенных сборов Сибирью². Большинство Думы сочувствовало Комучу, но не смогло добиться паритетного с правительством участия в переговорах о власти.

Комуч готов был идти на уступки, чтобы снять угрозу с тыла. На переговорах с представителями более правого Уральского правительства 27 июля Вольский объяснял позицию Комуча: возможно создание временного всероссийского правительства на съезде Комуча и уже возникших областных правительств. Вольский также высказался за скорейшие новые выборы после Гражданской войны, почти «обнулив» результаты выборов 1917 г.³ При этом представители Комуча и Уральского правительства договорились, что 30 депутатов для создания всероссийской власти маловато, и для правомочности Учредительного собрания нужно хотя бы 150⁴.

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 460.

² Там же. С. 402.

³ Там же. С. 132–133.

⁴ Там же. С. 134.

Шагом на пути к такому соглашению стало Второе Челябинское совещание, которое проходило 10–25 августа, сразу после взятия Казани. Если бы в этот момент удалось начать переброску Сибирской армии на Волгу, положение Советской власти стало бы крайне опасным. Собрание оказалось весьма представительным — около 150 делегатов. Как пишет историк А.Г. Прайсман, «Второе Челябинское совещание занималось прежде всего вопросом о составе и месте проведения Государственного совещания. Вокруг бушевала Гражданская война, Красная армия усиливалась с каждым днем, а стороны собирались вновь и вновь для бесконечных споров о месте будущей встречи»¹. Но созыв совещания был единственным способом преодолеть саботаж сибиряков, снять блокаду Поволжского фронта и перебросить на него Сибирскую армию.

Вопрос о месте проведения совещания был не праздным. Как писал Майский, «Комитет опасался усиления на совещании правых элементов и хотел парализовать эту опасность, перенеся совещание в самый крупный и живой город отвоеванной у большевиков территории. В Самаре совещание было бы в “демократическом” окружении, и здесь Комитет, в случае надобности, мог бы непосредственно апеллировать к демократии»². Это обстоятельство лишний раз доказывает, что социалисты сохраняли популярность в своей столице. А на Востоке совещание оказалось бы под давлением тылового офицерства. Был и другой фактор, который потом ярко проявит себя во время совещания в Уфе. Самара была центром организации реального, а не потенциального сопротивления большевизму. Если бы совещание проходило в Самаре, здесь можно было бы руководить борьбой с Красной армией без отрыва от совещания и совещаться без отрыва от прифронтовой зоны. А когда совещание будет проходить восточнее, многие активные комучевцы не смогут принимать в нем участие, потому что им придется вернуться в Самару, где как раз было «горячо».

На Челябинском совещании стало ясно, что под прикрытием автономизма концентрируются правые политические силы, для которых в большинстве своем автономия регионов России — вопрос тактики, а важно совсем другое. Правое крыло совещания, ревностно отстаивавшее автономию Сибири от Комуча, выступило против автономии национальных меньшинств. Командующий Степного корпуса Сибирской армии Иванов-Ринов заявил: «Инородцев надо держать в ежовых рукавицах!» Майский возражал, и в итоге разразился скандал. Как вспоминает Майский, председательствующий Авксентьев,

¹ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 362.

² Майский И. М. Демократическая контрреволюция. С. 205.

«желая ввести дебаты в парламентское русло, поднялся со своего места и, обращаясь к особенно волновавшемуся Пепеляеву, примирительно начал:

— Товарищ Пепеляев, ради Бога успокойтесь!

Пепеляев вскочил, как ужаленный, и во все горло заорал:

— Я вам не товарищ! Прошу не забываться!

Я вскипел и, бросившись к кадетскому представителю, угрожающе закричал:

— Да. Вы нам не товарищ! Прочь отсюда!

Собрание пришло в полное смятение и, казалось, вот-вот будет сорвано»¹.

Авксентьев, Аргунов и другие члены СВР убеждали фракцию ПСР, что необходимо согласиться на формирование власти, которая не несет ответственности перед какими-то другими организациями, что означало ликвидацию Комуча. Однажды Авксентьеву даже удалось добиться согласия, но члены ЦК ПСР наложили вето на такую позицию². Этим они лишь отсрочили капитуляцию перед сторонниками восстановления либерально-социалистического Временного правительства.

24 августа делегаты снова переругались при обсуждении места будущего совещания. Когда эсеры стали настаивать на Самаре, Пепеляев вскричал: «Самое лучшее Кинталь для некоторых!», намекая на идейную близость левого крыла эсеров к большевикам. Левые кричали: «Безобразие!», казаки аплодировали. «Авксентьев встает, стучит карандашом, говорит с дрожью в голосе: “Мы не для того собрались сюда, чтобы упрекать друг друга и сеять вражду. Я призываю вас в этот серьезный момент отнестись разумно к нашей задаче и помнить, что от нашего решения зависит участь России в борьбе за ее освобождение”»³.

На заседании согласительной комиссии, где происходило голосование о месте проведения Государственного совещания, участники почти пополам разделились на правое и левое крылья. 9 делегаций выступали за Челябинск — ВСП, кадеты, СВР, Временное областное правительство Урала, Оренбургское и Уральское войсковые правительства, правые социал-демократы из «Единства», представитель казачьего войска Сибири и Енисейское казачье войско (реальность которого как отдельной политико-государственной силы сама по себе была под сомнением). 8 делегаций голосовали за Самару — Комуч,

¹ Майский И. М. Демократическая контрреволюция. С. 208–209.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. С. 462.

³ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. С. 306.

ПСР, меньшевики, трудовики, Национальное управление тюрко-татар, правительство Башкирии, Алаш-орда, Съезд земств и городов Урала и Сибири¹. При таком сомнительном перевесе в пользу Челябинска споры продолжались, и в качестве компромисса Авксентьев предложил Уфу. Находясь в центре политического спектра, СВР и его лидер Авксентьев победили. Компромисс выглядел как удача Комуча, так как Уфа находилась на его территории. Но географически она была удалена от Самары и от фронта, что затруднит участие комучевцев в работе Уфимского совещания, которое будет проходить во время борьбы с наступлением Красной армии на Волге.

Ижевско-Воткинский очаг

Серьезным вызовом для большевиков и надеждой для социалистов стало Ижевско-Воткинское восстание. Это было крупнейшее рабочее восстание против коммунистов, самым своим фактом опровергавшее их право говорить от имени рабочего класса. Однако оно осталось единственным в своем роде. В других местах рабочие не вели длительную вооруженную борьбу против коммунистов, хотя были и стачки, и волнения, и участие рабочих в антикоммунистических восстаниях. Это заставляет присмотреться к особенностям Ижевска и Воткинска, которые определили их специфическое место в истории Гражданской войны.

Участник восстания, экономист и журналист А.Я. Гутман-Ган писал об особенностях рабочих Ижевска: «Население Ижевска составляло 40 000–45 000 тысяч человек. Рабочие завода, по преимуществу местные крестьяне, в большинстве владели собственными домиками, участками земли, которые сами и обрабатывали. Как мелкие собственники, они мало похожи на представителей городского пролетариата»². Это обстоятельство позволяло и сторонникам Советской власти объявлять восстание не столько рабочим, сколько мелкобуржуазным. Но дело в том, что большинство рабочих России сохраняли тесную связь с деревней — и те, кто поддерживал большевиков, и те, кто восставал против них. Но в городах значительная часть рабочих была маргинализована, еще не освоила высокую квалификацию и надеялась при благоприятной возможности вернуться в деревню, а ижевские рабочие уже несколько поколений сочетали рабочую профессию, в том числе и высокой квалификации,

¹ Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 365.

² Гутман-Ган А.Я. Два восстания // Ижевско-Воткинское восстание 1918 г. М., 2000. С. 55.

с полусельским образом жизни. Урал был старым промышленным регионом, и особенности Ижевского оружейного и сталелитейного заводов вырастали из седой старины.

Коммунистам не нравилась экономическая самостоятельность трудящихся. Началась борьба с «мелкобуржуазностью» ижевских рабочих, национализировалась их собственность и пресекалась возможность получать доходы помимо зарплаты¹. Рабочий должен работать только на благо государства на своем заводе.

Это вызвало недовольство. В конце мая и в конце июня на выборах в Ижевский Совет победили эсеры и меньшевики, после чего он был разогнан большевиками и максималистами. Город управлялся Ижевским военно-революционным штабом во главе с большевиком С. Холмогоровым. При этом Холмогоров умудрился поссориться с коммунистической парторганизацией (еще один вариант внутрикоммунистических конфликтов, о которых говорилось выше). Параллельно произошло столкновение коммунистов с влиятельными в городе максималистами.

Все это ослабило сторонников Советской власти в Ижевске. Несмотря на разногласия, коммунисты продолжали проводить военно-коммунистический курс, направленный против интересов ижевских и воткинских рабочих.

В Ижевске действовал «Союз фронтовиков» во главе с С. Солдатовым численностью в 4 тыс. человек (в том числе 200 офицеров), большинство членов которого было настроено против коммунистов. Подобный союз численностью в 800 человек во главе с В. Мерзляковым существовал в Воткинске².

В условиях наступления Чехословацкого корпуса и Народной армии Комуча в Ижевске была объявлена мобилизация. «Союз фронтовиков» предъявил большевикам требование отправить рабочих на фронт уже вооруженными. Большевики отказались и арестовали делегацию «Союза фронтовиков». Утром 8 августа стало известно об этих арестах, и рабочие собрались на митинг. Помитинговав у Совета, где пытались выступить и большевики, но без успеха, рабочие вернулись к заводу, где продолжили митинг. Его попытались прекратить конные милиционеры, но были атакованы рабочими, один милиционер был убит³.

¹ См.: *Прийсман А. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 230.

² *Каревский А. А.* К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. // Ижевско-Воткинское восстание 1918 г. М., 2000. С. 6.

³ *Чураков О. Д.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007. С. 183–184.

Рабочие взяли под контроль завод, вооружились изготовленным там оружием. Рабочих поддерживали гимназисты. Вечером восставшие взяли штурмом Нагорную часть города. Произошли убийства советских руководителей, включая Холмогорова. Ижевск с запасами оружия оказался в руках восставших. Власть на время перешла к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избранному в июне и разогнанному большевиками. 15 августа Совет запретил смертную казнь. Осенью она была возобновлена.

9 августа был создан Штаб обороны в составе Солдатова, Цыганова и Зебзиева. Исполком Совета назначил командующим Ижевской народной армией Цыганова, но он вскоре отказался от должности по состоянию здоровья, и 13 августа армию возглавил полковник Д. Федичкин при начштаба Я. Зебзиеве. Первоначально в армии было 6300 бойцов, которые распределялись по 5 фронтам (Казанский, Глазовский, Гольяновский, Малмыжский и Аргызский). Фронты состояли из рот. Позднее были созданы батальоны, полки и бригады. Роты были организованы демократически — командиры были выборными и не имели прав дисциплинарного наказания, предстоящие операции обсуждались коллективно, все бойцы, включая офицеров, получали одинаковое жалованье¹. В отличие от Комуча, Ижевский Совет объявил всеобщую мобилизацию от 18 до 45 лет.

Декреты Советской власти об условиях работы и социальных гарантиях были сохранены.

17 августа повстанцы с помощью местных фронтовиков взяли Воткинск. Воткинскую народную армию возглавил капитан Нилов, замененный 2 сентября капитаном Журавлевым. Начальником штаба был штабс-капитан Юрьев.

Численность Ижевской народной и Воткинской народно-революционной армий оценивается примерно в 30 тыс. человек². На наиболее важных направлениях была отрыта система окопов, широко использовалась телефонная и телеграфная связь — в том числе и с крестьянскими отрядами.

Ижевские повстанцы признали власть Комуча. 17 августа был создан Комитет членов Учредительного собрания Прикамского края (эсеры Н. Евсеев, В. Бузанов, А. Корякин, К. Шулаков), которому 28 августа Совет передал власть. 3 сентября Комитет выпустил декларацию, в которой провозглашал восстановление политических свобод, земского и городского самоуправления, признание ответст-

¹ Каревский А.А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом—осенью 1918 г. С. 10.

² Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 252.

венности перед Комучем и борьбу за восстановление работы Учредительного собрания¹.

После образования 23 сентября Всероссийского временного правительства (Директории) Прикамский Комуч был упразднен. 14 октября ее чрезвычайным уполномоченным стал Евсеев (другие депутаты стали его заместителями). На места были назначены уполномоченные Евсеева.

Советы сохранялись как общественные организации (однако с Ижевским Советом согласовывались решения военных и гражданских властей). В Сарапуле, занятом повстанцами, власть перешла к городской управе. В Воткинск и Сарапул были назначены особоуполномоченные Прикамского комитета. Планировались выборы в органы местного самоуправления.

23 августа в Ижевске было снято военное положение, аресты могли теперь производиться только по ордеру начальника милиции². Советские источники указывают, что в Ижевске было 3 тыс. заключенных³. Откуда такая цифра? После Гражданской войны жертвы контрреволюции в Ижевске регистрировались советскими органами и имели льготы. Естественно, такой статус хотели получить многие. Советским морякам во главе с Ф. Раскольниковым удалось увести баржу с заключенными, которых оказалось во много раз меньше, чем 3 тыс. Накануне падения Ижевска 5 ноября произошла казнь повстанцами 19 заключенных⁴. Из-за нехватки патронов казнимых закалывали штыками.

Возмущенные рабочие — это не интеллектуалы-гуманисты. Об этом стоит помнить тем правителям и предпринимателям, которые игнорируют в своей социально-экономической политике интересы рабочих, вызывая у них раздражение, перерастающее в ненависть.

В Ижевске и Воткинске продолжилось распределение хлеба по карточкам. Так, в Воткинске на сентябрь выдавалось по 20 фунтов на едока по цене 25 руб. за пуд. Производство ружей увеличилось с 200 до 1000 или даже 2500 в день. 15 октября были введены обязательные сверхурочные работы⁵. Часть винтовок отдавали крестьянам за продовольствие.

¹ Каревский А. А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. С. 8–9.

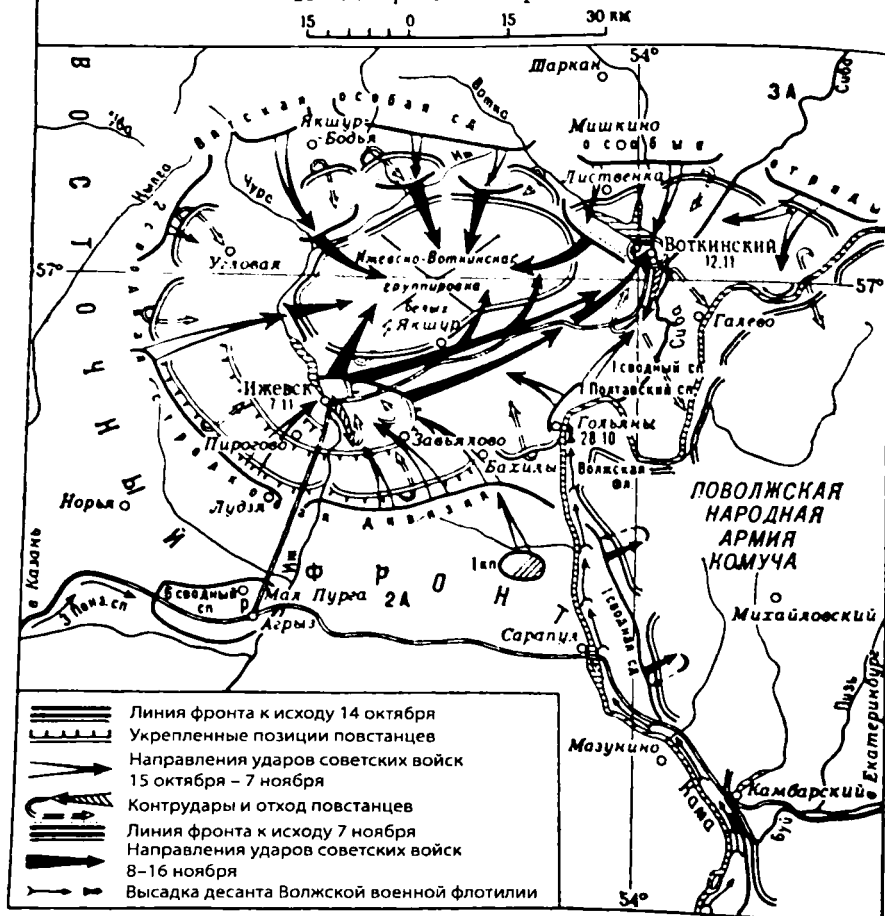
² Там же. С. 26.

³ Чураков О. Д. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). С. 205.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Каревский А. А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. С. 44, 48, 56, 68.

Figure 1: A schematic diagram of a 1D lattice with two sublattices, A and B. The lattice is represented by a horizontal line with alternating open and filled circles. The top half is labeled 'A' and the bottom half is labeled 'B'. The distance between adjacent sites is labeled 'a'. The total length of the lattice is labeled 'L'. The number of sites in sublattice A is labeled 'N_A' and the number of sites in sublattice B is labeled 'N_B'.

18 августа к Ижевску подошел красный отряд численностью около 6 тыс. красноармейцев под командованием В. Антонова-Овсеенко, но был разбит. Красные действовали как зимой 1917–1918 гг. — вдоль железных дорог и продвигались колоннами. Ижевцы, хорошо знавшие местность, пропускали противника вперед и окружали. Победителям доставались артиллерия, боеприпасы и снаряжение. Первые победы Федичкин одерживал с отрядом в 300 бойцов, затем у железной дороги была создана позиция, на которой находилось 800 бойцов¹.

Милиционная система демократизированной армии показала при этом высокую эффективность — бойцы были инициативны, хорошо понимали свои задачи, действия повстанцев были хорошо скоординированы. Но в это время проявились и недостатки: Федичкин действовал с незначительной мобильной частью своей армии, остальная часть которой была пассивна.

Взяв пристань Гольяны на Каме, повстанцы отрезали друг от друга 2-ю и 3-ю армии красных. 3-я армия, оборонявшая Пермь, оказалась в полуокружении, и если бы повстанцы перерезали дорогу на Вятку, вообще была бы окружена. Но этого повстанцам сделать не удалось. Пассивность Ижевской и Воткинской армий можно было бы объяснить их милиционной организацией, затруднявшей управляемость. Но аналогичную структуру имела армия Н. Махно на Украине, которая проводила глубокие рейды. Если бы ижевцы были способны на наступательные операции и рейды, как махновцы, то красным пришлось бы туго. Ижевцы могли бы перерезать дорогу между Пермью и Вяткой, пробиться к Казани. Но Федичкин был офицером Первой мировой войны, склонным к позиционной обороне. Она давала хороший результат против авантюрных наскоков красных, но предопределила им стратегический выигрыш во времени и предопределила конечное поражение Ижевско-Воткинского восстания.

31 августа ижевцы вошли в Сарапул. До Казани оставалось 300 км, красные войска в августе были деморализованы неудачами. Но ижевцы не смогли продолжить наступление. Народная армия от Казани тоже не стала прорываться им навстречу. Общий фронт не возник, что имело тяжелые последствия для снабжения повстанцев. Впрочем, и Народной армии под Казанью не помешала бы помощь многотысячной повстанческой армии.

Ижевцы получили в свои руки большие запасы оружия и стали формировать новые роты из крестьян, а также передавать оружие

---

¹ Федичкин Д. И. Записки командующего Ижевской армией // Ижевско-Воткинское восстание 1918 г. С. 69.

крестьянским отрядам. Это оружие было необходимо более организованной Народной армии, но она не могла его получить.

Екатеринбургская группа Сибирской армии могла пробиваться на соединение с ижевцами, но до колчаковского переворота она была пассивна и не хотела помогать комучевцам. Народная армия Комуча, остановившаяся в Казани, в случае поддержки ее резервами, особенно сибирскими, могла выйти на соединение с ижевцами. Все эти шансы были упущены.

Ижевцам не хватало пороха. Запасы боеприпасов были в Казани, но толика их досталась ижевцам только после взятия Казани красными, когда на Каму к Сарапулу отступила флотилия капитана П. Федосьева с 40 тыс. патронов и 30 фунтами тола.

Затем Самара выделила Ижевску 60 пудов взрывчатки, 10 тыс. снарядов и 15 млн руб. и телефонные аппараты, но доставить их по реке уже было нельзя. В итоге кружным путем удалось доставить только деньги и телефоны¹.

В сентябре повстанцы, двигаясь на север, взяли Игру, но 1 октября красные ее отбили. В конце сентября 2-я армия РККА под командованием В. Шорина перешла в наступление на повстанцев. 4 октября была взята укрепленная станция Аргыз, а 5 октября — Сарапул.

Флотилия Федосьева охраняла устье реки Белой, что обеспечивало повстанцам возможность отступления в случае неудачи. Но после нескольких столкновений с кораблями красной эскадры Раскольников Федосьев 10 октября без предупреждения увел флотилию по Белой, открыв возможность красным отрезать переправы. 6 красных канонерок подошли к Гольянам и отрезали Ижевск от речных коммуникаций. По словам Федичкина, «это было одной из главных причин падения Прикамского края»².

20 октября Федичкин предложил провести организованную эвакуацию за Каму: «Через неделю у ижевцев не будет ни одного патрона и снаряда и “мы должны будем бежать из Ижевска голыми по льду через реку Каму”»³. Члены Комитета были возмущены и обвиняли Федичкина в трусости. Но сами они боялись военного переворота с его стороны и уехали в Воткинск. Федичкин сдал командование Г. Юрьеву и отбыл в Уфу. К 28 октября красные взяли Гольяны.

7 ноября, в годовщину Октября, начался штурм Ижевска. «С самого утра в этот день началась усиленная артподготовка, которую вели правительственные войска. Повстанцы отвечали тем же. Именно в этом бою впервые в ходе Гражданской войны большевикам при-

¹ Федичкин Д. И. Записки командующего Ижевской армией. С. 76.

² Там же.

³ Там же. С. 77.

шлось столкнуться с применением психической атаки, так красочно воссозданной в кинофильме “Чапаев”. Как всегда в минуты наибольшей опасности, над городом завыл заводской гудок, зазвонили колокола Михайловского собора, а затем отборные части ижевцев ровными шеренгами в полный рост под своим красно-зеленым знаменем двинулись в атаку»¹, — пишет историк Д.О. Чураков. Конечно, из-за отсутствия боеприпасов ижевцы не могли ответить красным «тем же» артиллерийским огнем. Да и «отборные части» взять было негде — кто был, те и пришли отражать удар. Дело решил бронепоезд «Свободная Россия», прорвавшийся на станцию. В прорыв пошли превосходящие силы РККА.

Повстанцы отступили к Воткинску. 11 ноября они оставили Воткинск и ушли на правый берег Камы. К 14 ноября за реку удалось переправиться 16–30 тыс. ижевцев (из них 10 тыс. вооруженных) и 30–45 тыс. воткинцев (15 тыс. вооруженных)².

В Ижевске и других населенных пунктах восстания развернулся красный террор. По решению ЧК в Воткинске было расстреляно не менее 126 человек, правда, не только за сопротивление Советской власти, но и за уголовные преступления³.

В это время принципиально изменилась ситуация в антисоветском лагере. 18 ноября относительно демократическая альтернатива большевизму в лице Комуча и Директории сменилась белой диктатурой А. Колчака. Ижевцы и воткинцы вошли в состав его армии.

* * *

Сам по себе факт Ижевско-Воткинского восстания опровергает марксистско-ленинскую трактовку Гражданской войны как классового столкновения пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, с буржуазией. В действительности в 1918 г. широкомасштабная гражданская война начиналась как столкновение двух левых проектов, рассчитанных на примерно одну и ту же классовую почву. Лидеры обоих проектов в основном относились к интеллигенции. Большевики привлекали наверх социальной иерархии преимущественно городские низы и солдат (через систему Советов и чрезвычайных органов), а социалисты предпочитали специалистов. Эта технократия объективно была более компетентна, чем совет-

¹ Чураков О.Д. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). С. 211.

² Каревский А.А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. С. 11.

³ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 281–282.

ская, но привыкла работать в условиях капитализма и тяготела к сотрудничеству с буржуазией. Обе элиты — и советская, и социалистическая — столкнулись с сопротивлением социальной почвы при проведении своих проектов. Большевики, ставившие на социальную поляризацию, столкнулись с более массовым сопротивлением крестьян, рабочих, интеллигенции и офицерства. Но большевики получили и более массовую активную поддержку. Социалисты с их более сбалансированной социально-экономической политикой и «все объясняющим» антидеспотическим лозунгом Учредительного собрания встретили меньшее сопротивление масс, но и меньшую активную поддержку, что в условиях Гражданской войны было недостатком. Победить в этой ситуации социалисты могли только быстро, проводя наступательную мобильную революционную войну (пока Советская республика перестраивалась на военный лад), создав агитационно-контрольный политический аппарат в тылу, где тоже нужно было выиграть войну идеологическую. Остановившись, проявив колебания на этом пути, Комуч проиграл, потому что в затяжной войне, по мере милитаризации общества, демократическая альтернатива разлагалась, а авторитарные — консолидировались.

Глава III

АЗИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Османы идут

27 января (9 февраля) 1918 г., ссылаясь на «армянские насилия» против турецкого населения, османский командующий Вехиб-паша заявил, что перейдет демаркационную линию, что и было сделано 12 февраля (турки несколько опередили германское наступление против Советской России 18 февраля).

Кавказской армией с октября командовал генерал И. Одишелидзе, поощрявший создание национальных частей. К февралю 1918 г. армия фактически распалась. Одишелидзе приступил к отводу ее остатков из Восточной Анатолии. Османской армии численностью 45–50 тыс. человек противостоял армянский корпус под командованием Т. Назаретяна численностью более 35 тыс. Командир западноармянских формирований Андраник Озаян возглавил сводный армянский отряд, занявший позиции в районе Эрзерума в составе армянского корпуса. В районе Батума армян могли поддержать еще 10 тыс. грузинских войск, но они не торопились выступить.

Западные армяне надеялись удержать позиции, которые отвоевала российская армия. После возобновления военных действий отряд Андраника сумел 6 марта взять Агадир. Но на этом успехи кончились. Сам Андраник был храбр и полон энтузиазма, но этого нельзя было сказать о большинстве солдат. Андраник кричал им: «Ребята, вперед, ура! Перед вами турок, который истреблял ваших отцов и матерей, он хочет уничтожить и нас!»

Но никто не услышал его, кроме нескольких бойцов, которые вместе с Андраником предприняли свою самую дерзкую атаку»¹, — вспоминал участник событий А. Мармарян. 14 марта Андраник сдал Эрзерум. Вместе с разваливающимся фронтом Андраник в марте отступил до Александрополя. С переменным успехом он воевал против турок в Армении, но в решающих сражениях не участвовал. Узнав

---

¹ Цит. по: *Андраник Озаян. Документы и материалы.* М., 1991. С. 275.

о заключении мира с Османской империей, Андраник отказался его признать и в июне со своим отрядом отошел в Нахичевань. Проект Великой Армении рухнул, потому что не нашлось достаточного количества людей, готовых умереть за него.

Военное поражение поставило Закавказские сейм и секретариат в положение большевиков — нужно было договариваться о мире в условиях, когда противник был заведомо сильнее.

11 марта Закавказский сейм отверг Брестский мирный договор, по которому в Батумской, Карской и Ардаганской областях должен был быть проведен референдум об их государственной принадлежности.

14 марта начались переговоры между Османской империей и Закавказским секретариатом в Трапезунде. Потратив ради приличия три недели на обсуждение, 6 апреля глава турецкой делегации Х. Рауф-бей выдвинул ультиматум — передача Османской империи Батумской, Карской и Ардаганской областей. 7 апреля турки заняли Ван. Пока закавказские политики готовили контрпредложения с частичными уступками, турецкая армия подошла к Батуму и Карсу. 10 апреля представитель Закавказского комиссариата А. Чхенкели был вынужден заявить о принятии условий Брестского мира. Османскую сторону это не впечатлило, Рауф-бей напомнил, что Закавказье не является пока независимым государством, с которым можно заключить договор. 14 апреля пал Батум. Мирная конференция была прервана.

22 апреля под османским давлением Закавказский сейм провозгласил независимую от России Закавказскую федеративную демократическую республику (ЗФДР). Характерно, что против этого особенно активно выступали антагонисты в других вопросах — кадеты и левые эсеры¹. Правительство ЗФДР возглавил А. Чхенкели.

Чтобы облегчить переговоры о мире, руководство ЗФДР приказало армянскому командованию сдать Карс, что и было сделано 25 апреля. После этого путь турецкой армии в Закавказье был открыт, и османская сторона могла диктовать любые условия. В силу географического положения от падения Карса больше всего страдала Армения, в то время как Грузия почти ничего не теряла. Это еще сильнее ухудшило грузино-армянские отношения и подрывало всю конструкцию закавказского государства.

11 мая начались новые мирные переговоры в Батуме, а уже 15 мая турки взяли Александрополь. С каждым днем переговоров ситуация

¹ Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив Русской революции. Т. 9. М., 1991. С. 100–101.

для Армении и отчасти Грузии ухудшалась. 26 мая турки предъявили новый ультиматум, претендуя уже на Нахичевань, Александрополь и половину Эриванского уезда.

Эти условия были неприемлемы только для Армении и терпимы для Грузии. Азербайджанская сторона в этот период видела в турках родственную силу, которая могла бы помочь в борьбе с большевиками за Баку. Закавказское государство было обречено на распад. Н. Жордания заявил: «Грузия не привыкла быть под властью турок, а армяне привыкли, и если мусульмане отделяются от Закавказья, то Грузия идет за ними»¹. Турецкий ультиматум вскоре будет принят уже независимой Грузией.

22 мая армянским отрядам удалось остановить турецкое наступление под Сардарабадом.

26 мая Закавказский сейм распался на национальные депутатские группы, которые приступили к созданию трех независимых государств — Грузии, Армении и Азербайджана. Представитель национальной демократической партии Грузии Г. Гвазава торжественно заявил: «...настал день национальной организации, ибо все остальные организации — чистая химера»². Менее чем через три года большевистская «химера» разгромит национальные организации Кавказа и поставит себе на службу созданные ими государственные формы.

4 июня Грузия, Азербайджан и Армения заключили в Батуме мирные договоры с Османской империей на условиях ультиматума 26 мая.

Центром советского влияния на Кавказе оставался Баку, к которому было устремлено внимание Османской империи. По Брестскому миру Баку оставался частью России. Но с этим не были согласны лидеры новообразованного азербайджанского государства. Под предлогом защиты его интересов турками была создана Кавказская исламская армия (две турецкие дивизии и подконтрольные туркам отряды местных тюрок из бывшего Азербайджанского корпуса А. Шихлинского), которая продолжала продвигаться к Баку.

В Баку формировалась Кавказская красная армия, в которую вошли дружины большевиков, левых эсеров и дашнаков.

Наступление турок на Баку вызывало раздражение в Берлине, причем по многим причинам: во-первых, учитывая важность бакинской нефти для России, оно могло привести к разрыву Брестского мира в случае угрозы захвата Баку (до начала широкомасштабной гражданской войны в конце мая—июне РККА действительно могла

¹ Цит. по: Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. Ереван, 1962. С. 363.

² Цит. по: Ставровский А. Закавказье после Октября. М.; Л., 1925. С. 83.

оказать более существенную помощь Баку); во-вторых, Германия сама была заинтересована в получении нефти через Россию, что было удобнее в условиях мира; в-третьих, движение турецкой армии в Закавказье отвлекало силы от войны с Великобританией.

15 мая заместитель начальника Полевого генерального штаба Германской армии Э. Людендорф требовал от заместителя начальника штаба армии Османской империи и представителя Германии при турецком военном командовании Х. фон Секта «срочно удерживать Энвер-пашу от требований, выходящих за пределы территории, установленной Брест-Литовским договором»¹.

25 мая Людендорф снова потребовал от Секта «использовать все... влияние, чтобы со стороны Турции были приостановлены дальнейшие военные действия против Закавказья» и даже угрожал, что если из-за своих авантур Османская империя потеряет собственную территорию в результате наступления англичан (что и произойдет на деле), то Германия не будет содействовать в ее возвращении² (финал войны виделся Людендорфу как некоторый компромисс). Но Сект не мог ничего поделать — турки продолжали рваться на восток даже в ущерб безопасности своих южных провинций. 9 июня уже начальник германского генштаба П. фон Гинденбург потребовал от Энвера вернуть войска к границам, предусмотренным Брестским договором, и направить их против британских войск в Иране и Месопотамии. С тем же успехом. Империя Османов трансформировалась в империю тюрок, ради мечты о Великом Туране она была готова жертвовать арабским населением и нефтью Месопотамии.

Этот фактор иногда недооценивается современными исследователями. Так, В.С. Мирзеханов уверен: «Политика Османской империи в этот период не имела никакой идеологической мотивации, — это было прагматичное стремление воспользоваться изменениями в региональном балансе сил. Турки теперь стремились не просто восстановить границу с Россией на Кавказе по состоянию на 1914 г., вернув потерянные в ходе войны территории, но и аннексировать провинции, когда-то входившие в состав Османской империи — Карскую, Ардаганскую и Батумскую, а также создать на Кавказе одно или несколько буферных государств прежде, чем новая российская власть сможет укрепить свои позиции»³. Но, как мы увидим, турец-

¹ Цит. по: Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. С. 368.

² Там же. С. 369.

³ Мирзеханов В.С. Османская империя в годы Первой мировой войны: анатомия краха // Первая мировая война. Россия и Германия в европейском контексте. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Берлин, 2017. С. 179.

кое командование воспринимало Азербайджанскую демократическую республику (АДР) не как буфер, а как формальный повод для экспансии в важном для младотурок направлении. Более того: Брестский мир снимал угрозу экспансии против Османской империи с севера. Вполне реальная угроза с юга обострялась. В марте британцы захватили Киркук, но не стали развивать успех и отошли на прежние позиции. Но новый натиск мог привести к тому, что турки потеряют Мосул — тоже нефтеносный регион. Это и произошло в октябре. Силы, которые могли бы его прикрыть, были заняты походом на Баку и далее на север.

По сути, османское командование развернуло операции по захвату тюркских регионов, жертвуя арабскими и курдскими. Это, как и геноцид армян 1915 г., можно объяснить идеологической основой политики младотурок: они трансформировали полиэтническую, вытянутую с юга на север Османскую империю в относительно монолитное этнически, простирающееся с запада на восток тюркское государство.

В свою очередь Германия направила в Грузию пятитысячный контингент. В сентябре он вырос в три раза. С кем немецкие войска собирались там воевать?

Бакинская нефть была настолько важна, что германское командование обсуждало возможность захватить Баку первыми — под носом у турок. Российский Совнарком пытался противостоять этому дипломатическим путем.

Сталин писал представителю Советской республики на Кавказе и председателю Бакинского Совнаркома С. Шаумяну от имени Ленина 8 июля: «1. Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, явно продиктованной Германией.

2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце концов дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана.

3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить им некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту “просьбу”, конечно, могли бы удовлетворить.

4. Ваши успехи радуют нас, но мы бы хотели, чтобы во избежание осложнений с немцами вы не пошли дальше Елисаветполя, т. е. не вторглись бы в пределы Грузии, независимость которой официально признана Германией.

5. В вопросе о национализации Каспийского флота можете действовать решительно...

6. Очень, просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку»¹. Сталин и Ленин явно переоценивали силы Бакинской коммуны.

Советско-германский дополнительный договор 27 августа 1918 г. предусматривал сохранение Баку за Россией. Турецкое руководство не стало с этим считаться, продолжив наступление на Баку.

* * *

Мусульманский национальный совет, провозгласивший 28 мая 1918 г. независимость АДР, выдвинул демократические принципы нового государства: «Азербайджанская демократическая республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола»². Но населяющие Баку армяне и русские пока не спешили доверять этим декларациям, так как за спиной новорожденного государства стояла Османская империя, и турки продолжали двигаться к Баку вместе с отрядами «татар», которые теперь стали армией Азербайджана.

Правительство АДР возглавил Ф. Хойский, крупнейшей партией республики был Мусават, лидер которого М. Расулзаде добавлял к абстрактно-демократическим лозунгам отчетливые национальные краски: Азербайджанская республика основывается «на почве тюркской национально-демократической государственности»³. Государство должно было стать национальным и тюркским.

4 июня министр иностранных дел АДР М. Гаджинский подписал договор о дружбе с Османской империей, «ставший гарантией азербайджанской независимости в начальный период ее существования»⁴, — апологетически характеризует этот акт современный азербайджанский историк А. Балаев. Но очень быстро выяснилось, что турецкое руководство ничего не намерено гарантировать, а лишь ищет удобную политическую форму для дальнейшего продвижения к Каспию с выходом в Среднюю Азию.

Командующий турецкими войсками Нури-паша (близкий родственник пантюркистского турецкого лидера Энвер-паши) без труда

¹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. Баку, 1957. С. 347.

² Цит. по: Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. М., 2009. С. 106.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 109.

нашел среди местной элиты сторонников присоединения к Османской империи («илхагистов») во главе с беком А. Агаевым и приблизил их к себе. Впрочем, дело было не только в личных склонностях Нури-паши. Биограф Расулзаде А. Балаев признает: «По нашему мнению, поддержка Нури-паши “илхагистов” исходила из самой сути тогдашней политики правящих кругов Турции в отношении тюркских народов, в том числе Азербайджана.

Так, еще в марте 1918 года в ходе Трапезундских переговоров Энвер-паша настоятельно рекомендовал азербайджанским представителям согласиться на государственный союз Азербайджана с Турцией наподобие Австро-Венгрии»¹.

Создатели азербайджанского государства признавали, что сохранить его без иностранных штыков не представляется возможным. Н. Усуббеков говорил: «Анархия столь грандиозного размера, которая имеется не только у нас, у азербайджанских тюрков, но и на всей территории Закавказья, не может быть подавлена нашими собственными силами; положение еще больше усугубляется тем, что с востока наступают большевики в союзе с нашими вековыми врагами, неся с собою разорение и окончательную гибель тюркскому народу. При таком положении вещей, при такой нашей беззащитности нет другого исхода, как обратиться к иностранному вмешательству. В данном случае мы можем радоваться тому счастливому сочетанию обстоятельств, что внешней силой, долженствующей явиться сюда, будет дружественная и братская нам сила — Турция... Настало время, когда наша делегация должна идти в Батум, и от имени тюрков Восточного Закавказья просить помощи у Оттоманской империи. Но при всем этом никогда не надо упускать из виду идею самостоятельного существования свободного Азербайджана»². Однако османские лидеры вполне могли себе позволить «упустить из виду» эту идею, которая без их помощи могла так и остаться идеей. Тем более что она прямо противоречила пантюркистской геостратегии.

Когда правительство АДР и Национальный совет 16 июня переехали из Тифлиса в Гянджу, Нури-паша не признал их право на власть и предложил им обсуждать гражданские вопросы с его советником А. Агаевым. Несмотря на многочисленные уступки отцов азербайджанской независимости, которые сводили ее к минимуму, уговорить пантюркиста Агаева не удавалось: он требовал роспуска органов АДР и формирования правительства самим Нури-пашой и его окружением. 17 июня Национальный совет распустился, пред-

¹ Балаев А. Мамед Эммин Расулзаде. С. 114.

² Там же. С. 115.

варительно подтвердив полномочия Хойского по формированию из членов того же совета нового правительства (не признанного Нури-пашой).

Реальная власть на территории АДР принадлежала турецкому командованию, которое распоряжалось здесь как в провинции империи. Крестьяне обязаны были сдавать в пользу турецкой армии десятую часть урожая¹. Однако если, например, на Украине поборы оккупантов вызвали волну восстаний, то тюркское крестьянство стойчески переносило пребывание этнически близкой турецкой армии.

Независимость АДР стала эфемерной, да и националистические силы находились в состоянии распада. Как в 1919 г. признавал лидер азербайджанской националистической партии Мусават М. Расулзаде, «за все время нахождения турок на территории Азербайджана партийная жизнь замерла»². Ничто не мешало Османской империи по окончании войны просто присоединить к себе Азербайджан. Серьезного внутреннего сопротивления этому акту со стороны тюркского населения не последовало бы — оно было готово поддерживать Мусават против армян, но не во имя независимости. Спаста азербайджанскую государственность могло только чудо, а именно — крах Османской империи.

Фактически отправленный в почетную ссылку в Стамбул во главе делегации АДР, Расулзаде без большого успеха пытался убедить Энвер-пашу в необходимости для Османской империи сохранить Азербайджан независимым, прославлял турецких воинов, протестовал против признания Германией российских прав на Баку, писал своим сторонникам, что они должны первыми взять Баку — до турок³. Это, конечно, было совершеннейшей утопией. А Кавказская исламская армия продолжала продвигаться к Баку. Но пополнить ее за счет местного населения не удавалось. Попытка Нури-паши провести призыв добровольцев для штурма Баку дала 36 местных рекрутов⁴. Местные крестьяне не хотели умирать ни за пантюркистскую идею, ни за неведомую им АДР, ни за Советскую власть.

Бакинская коммуна: военный коммунизм на кавказской почве

25 апреля система власти в Баку была окончательно оформлена как советская — по общероссийскому подобию Бакинский совет из-

¹ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Баку, 1998. С. 48.

² Цит. по: Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. С. 128.

³ Там же. С. 131–135.

⁴ Там же. С. 136.

брал Совнарком во главе с С. Шаумяном¹. Декларация Бакинского совета 25 апреля подчеркивала, что Баку «будет теснейшим образом связан с Всероссийской центральной властью и будет проводить в жизнь, сообразуясь с местными условиями, все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России — Совета народных комиссаров»².

В правительство вошли большевики и левые эсеры, но Совнарком поддерживала и армянская партия дашнаков, что обеспечивало ему большинство в Совете. Россия, пусть и Советская, должна была защитить бакинских армян от наступления турок и реванша местных тюрок.

Возникнув в результате комбинации межнациональных отношений, Совнарком запустил процесс реальных социальных преобразований: в июне были национализированы банки, нефтяная промышленность и флот. Как соотносятся местная и общероссийская инициативы национализации? Историк А.А. Иголкин приводит аргументы в пользу того, что национализация нефтяной промышленности в июне стала результатом недоразумения. Первоначально она планировалась на осень, после завершения навигации. В первой половине мая Ленин и главный комиссар нефтяной промышленности И. Гуковский дали следующее указание: «Наливной флот в настоящую навигацию остается в управлении прежних владельцев под наблюдением Главконефти Гуковского. Предлагаем незамедлительно передать местным конторам прежних владельцев национализированные суда и баржи, также сооружения [по] ремонту мастерских нефтепромышленных фирм»³.

А.А. Иголкин считает эту телеграмму свидетельством широкого «временного отступления» в деле национализации⁴. Однако для весны 1918 г. лучше говорить не об отступлении, а об упорядочении национализации перед тем, как придать ей всеобщий характер. От спонтанной национализации разнообразных предприятий («красногвардейская атака на капитал») планировалось перейти к национализации отраслей. Поскольку нефтеналивной флот еще не был национализирован, было логично отдать уже реквизируемые суда в управление контор бывших владельцев (бывших — то есть собственность не была возвращена).

¹ О борьбе за Советскую власть в Баку и роли в ней национального фактора см.: Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 340–354.

² Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 252.

³ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999. С. 83–84.

⁴ Там же. С. 84.

Проект национализации нефтяной промышленности был подготовлен ВСНХ уже в марте, а в апреле Ленин подробно обсуждал практические перспективы национализации с Тер-Габриеляном¹.

Подготовка к национализации проводилась и в Баку — 12 мая Совнарком объявил о трестировании, которое должно было облегчить дальнейшую упорядоченную национализацию. Чтобы стимулировать предпринимателей к дальнейшей работе, Бакинский Совнарком повысил цену на нефть до 2,35 руб. за пуд (городская дума с согласия Тифлиса установила цену в 1,65 руб.)². Поведение Бакинского Совнаркома было логичным — денег на выплату зарплат у него не было, нужно было дать нефтепромышленникам восстановить финансовое положение хотя бы после апрельской контрибуции.

Но уже 2 июня была объявлена национализация нефтяной промышленности Баку. Такой крутой поворот А.А. Иголкин объясняет своего рода «испорченным телефоном», в котором виноват Сталин. 17 мая была проведена реорганизация управления нефтяной отраслью, полномочия Наркомата нефтяной промышленности перешли к Главному нефтяному комитету (Главконефти), среди функций которого значилось: «разработка и практическое осуществление мероприятий, связанных с переходом частной нефтяной промышленности и торговли в собственность государства»³. Отправляясь на юг России и становясь таким образом главным эмиссаром Совнаркома в регионе, Сталин послал 28 мая в Баку телеграмму: «Совет Народных Комиссаров утвердил национализацию нефтяной промышленности. Подробные инструкции везет с собой Тер-Габриелян, выехавший 26 мая с. г. Нефтяной комиссариат упразднен, все дело передано в руки Главного нефтяного комитета»⁴. А.А. Иголкин комментирует: «Из трех предложений, составляющих эту телеграмму, лишь одно, последнее, соответствовало действительности. Обстоятельства, побудившие Сталина совершить этот шаг, неизвестны»⁵. Под «шагом» понимается, очевидно, не сама посылка телеграммы, а допущенное Сталиным искажение решений СНК. В чем оно заключается? СНК принял решение готовить национализацию, не определив ее сроки. Сталин сообщает о принятом принципиальном решении, не требует немедленно проводить национализацию в Баку и ссылается на инструкции, который должен привезти С. Тер-Габриелян. То есть до

¹ Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982. С. 238.

² Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. С. 74, 84.

³ Там же. С. 85.

⁴ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 442.

⁵ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. С. 85.

его прибытия национализацию на местах проводить не следует — ведь можно нарушить не прочитанные пока инструкции. Так что Сталин своей телеграммой не дезинформировал Баку.

Однако для бакинских комиссаров эта телеграмма стала возможностью осуществить акт национализации, к которому они сами стремились. С. Тер-Габриеляна дожидаться не стали. В декрет Бакинского Совета о национализации от 2 июня была включена специальная оговорка насчет этих не прибывших пока инструкций: «Во исполнение постановления Верховного Совета Народных Комиссаров о национализации нефтяной промышленности Бакинский Совет Народных комиссаров до получения точных инструкций...» Далее следуют меры, направленные прежде всего на предотвращение вывода капиталов и дезорганизации работы, которые могут произойти при известиях о всероссийской национализации: «наложение запрета» на имущество (то есть на его продажу), требование к персоналу продолжать выполнять свои обязанности, подчинение предприятий Бакинскому Совету народного хозяйства (совместно с профсоюзом) и промыслово-заводским комитетам данных предприятий, повышение ставок¹.

14 июня Главнефть признал «немедленную национализацию несвоевременной» и попытался отыграть назад. 20 июня Баксовнархоз высказался категорически против отмены национализации, сообщив ВСНХ: «Всякое промедление, колебание в вопросе национализации поднимет надежду противников, усилит их сопротивление, легко повлечет забастовку технических сил со всеми тяжелыми последствиями. Изменение принятого курса невозможно...»².

18 июня Ленин направил Шаумяну телеграмму, в которой разъяснил сообщение Сталина: «Декрета о национализации нефтяной промышленности пока не было. Предполагаем декретировать национализацию нефтяной промышленности к концу навигации. Пока организуем государственную монополию торговли нефтепродуктами. Примите меры к скорейшему вывозу нефтепродуктов на Волгу»³. Никаких упреков. Мы пока не национализировали, но это — вопрос второй. А первый — срочные поставки нефти. Однако в июне антисоветские силы укрепились на Волге. Это сделало тему конца навигации менее актуальной.

¹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 453–455.

² Цит. по: Иголкин А. А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. С. 88.

³ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 491–492.

Хотя Сталин и выразился упрощенно, от чего в его телеграмме возникла двусмысленность, претензий к нему Ленин не высказывал. Бакинские комиссары ждали сигнала к национализации, готовили ее, и восприняли телеграмму Сталина как долгожданную «отмашку». Ленин и центральный Совнарком тоже планировал национализацию, а в обстановке начавшейся как раз в это время широкомасштабной гражданской войны стали пересматривать сроки с осени на июнь.

20 июня был принят декрет СНК РСФСР о национализации всего нефтяного дела России. А.А. Иголкин обращает внимание на то, что в этот день ВСНХ и СНК получили телеграмму из Баку о невозможности отмены национализации нефтяной промышленности. Это может объяснять всероссийский декрет — Баку был ядром нефтепромышленности. Но инициатива бакинцев и неточность Сталина мало что изменили. Ведь они не могут объяснить принятия 28 июня 1918 г. декрета о национализации крупной и средней промышленности. Недоразумение с телеграммой Сталина ускорило национализацию нефтяного дела в России на неделю. Но через неделю национализация состоялась бы в любом случае. Дело было не в «недоразумении» с Баку, а в кольце фронтов вокруг РСФСР.

Собственно, причина, которая заставляла комиссаров и в Москве, и в Баку торопиться с национализацией, а рабочих — надеяться на нее, была общая — развал обычных рыночных отношений, необходимость налаживать хозяйство в кольце фронтов, вера марксистов в преимущество нетоварной централизованной экономики. В ситуации апреля–мая 1918 г. общий курс на национализацию еще не требовал спешки, можно было не торопясь готовить ее в течение нескольких месяцев. Когда определились последствия выступления Чехословацкого корпуса, все изменилось, и возможное недоразумение в понимании телеграммы Сталина бакинцами в июне превратилось в видение, адекватное большевистской политике в масштабах всей России.

В условиях, когда капиталисты вынуждены были работать себе в убыток и по возможности выводили капиталы, национализация казалась лучшим выходом для рабочих, так как государство брало на себя обязанность их снабжения и выплаты зарплаты. А.А. Иголкин, считающий национализацию нефтепромышленности ошибочным и по крайней мере скороспелым решением, признает: «На местах, в том числе и в Баку, местные власти и рабочие комитеты требовали немедленной национализации: предприятия не платят зарплаты, у них нет достаточных оборотных средств, нормальный товарно-денежный хозяйственный оборот разрушен»¹.

¹ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. С. 83.

Таким образом, большевистская социостратегия вырастала не только из марксистских идеологических схем (которые, впрочем, тоже возникли не на пустом месте), но и из реальностей ситуации в России в 1917–1918 гг. Она стала ответом на катастрофу индустриальной экономики, основанной на рыночных отношениях. Большевики не стали спасать эту экономику, а попытались заменить ее на другую. Во всероссийском масштабе это помогло им мобилизовать силы в условиях Гражданской войны (оборотной стороной чего стало углубление социальных бедствий и ожесточение той же войны). Бакинские комиссары сделали свой вклад в это дело. Были налажены поставки нефти в РСФСР (отправлено 77,6 млн пудов)¹.

СНК РСФСР в декабре 1917 г. выделил Баку 500 тыс. руб., но доставить их сразу не удалось. Да и сама эта сумма была не велика по сравнению с 300 млн старыми рублями, поступившими в феврале–октябре 1917 г. за нефтепродукты². К тому же левый эсер А. Киреев, назначенный наркомом финансов, оказался жуликом и попытался бежать с казной. За это он был расстрелян.

Хлебозаготовительная кампания провалилась. Крестьяне не собирались расставаться с урожаем за советские рубли, когда вот-вот могли прийти турецкие войска. Прибегнуть к brutальным методам большевиков Центральной России, послать в деревню продотряды Шаумян не решился по той же причине — это могло вызвать волну крестьянских восстаний в тылу Красной армии. Надежда оставалась на помощь Центральной России, которая могла направить хлеб в обмен на нефть. Продовольствие можно было перебрасывать по морю — тем же маршрутом, что и нефть. 11 июня была опубликована телеграмма Г. Орджоникидзе о посылке в Баку морем 10 тыс. пудов хлеба. Но хлеба не хватало в центре России, и Баку мог снабжаться по остаточному принципу.

Национализация вкупе с общей обстановкой блокады и разрухи не способствовала улучшению положения рабочих. С зимы 1918 г. Баку голодал. Рабочие получали по полфунта хлеба в день. Это качнуло настроения рабочих вправо, способствуя усилению позиций умеренных социалистов в Центрокаспии — крупнейшем союзе моряков и портовых рабочих. Это будет иметь тяжелые для режима политические последствия — наряду с эволюцией позиции армянской общины.

«Быстро ухудшались отношения Бакинского СНК не только с рабочими, но и закавказскими соседями»³, — считает А.А. Иголкин. Но отношения с рабочими ухудшались медленно — большевики и в июле

¹ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. С. 91.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 77.

сохраняли влияние в промысловых советах, что подтвердили даже неудачные для большевиков голосования — их исход предопределило изменение позиции дашнаков и флота, но рабочие в большинстве своем остались опорой большевиков и левых эсеров. Что касается соседей по Кавказу, то отношения даже улучшались — Баку был поддержан Андраником, засевшим в Нахичевани. Отношения с Тбилиси продолжали оставаться враждебными. Что касается мусаватистов и Османской империи, о которых пишет здесь А.А. Иголкин, то их трудно считать соседями по Кавказу — первые были внутренними политическими противниками, а вторые — внешней для Кавказа силой.

Если бы не внешнее нашествие, положение Бакинского Совета было бы относительно стабильным. В тылу не было серьезных восстаний, как в России. Земля беков конфисковывалась и передавалась крестьянам. Однако это не привело к притоку тюркского крестьянского населения в Красную армию, она оставалась преимущественно армянской по составу (что также отталкивало мусульманское население от службы красным). Армянскими бригадами командовали полковник З. Аветисов, известный повстанец Амазасп Срванцтян и Казаров. Общее командование осуществлял нарком Г. Корганов, но большую роль в общем командовании играл Аветисов.

Для защиты от кавказских противников бакинцам хватало сил. В апреле красные отбили наступление на Баку Мусульманского корпуса и отрядов имама Н. Гоцинского. 22 апреля он был выбит из Порт-Петровска (Махачкалы).

Шаумян надеялся, пробившись в Елисаветполь (Гянджу), вызвать восстание армян, что «повлияет на грузинское крестьянство, и сейм будет разогнан»¹. «От классовой борьбы в этом призыве не осталось и следа»², — комментирует эту телеграмму А.Ю. Безугольный. И напрасно. Восстание грузинских крестьян против сейма, руководимого грузинами — это явная ставка на классовый конфликт, революционное восстание, в котором советская интервенция играет только роль детонатора. Шаумян сообщил в Москву свой оптимистичный план войны 24 мая — в последние дни существования сейма. 26 мая Закавказское государство распалось на Грузию, Армению и Азербайджан. Это должно было только добавить оптимизма сторонникам Советской власти, если бы не одно «но». На место развалившегося слабого Закавказского государства пришла Османская империя.

16–18 июня Кавказская красная армия смогла даже потеснить турок под Карьямарьямом. Но 27 июня — 1 июля под Геокчаем Кав-

¹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 425.

² Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945. М., 2007. С. 95.

казская исламская армия одержала победу над Кавказской красной армией.

В середине июля в Кавказской исламской армии было около 20 тыс. солдат (из них четверть — азербайджанцы), а в Кавказской красной армии осталось в строю менее 5 тыс. Столько же было потеряно в боях убитыми и ранеными, еще 3 тыс. разбежались¹.

Однако ситуация еще не была безнадежной, на помощь Баку был переброшен многотысячный отряд недавнего командарма Г. Петрова. Правда, Сталин считал, что большая часть отряда будет полезна в Царицыне, и до Баку 19 июля добралось только 780 бойцов², но это была устойчивая часть с кавалерией и артиллерией, которая сыграла большую роль в обороне города.

В начале июля удалось договориться о прибытии под Баку казачьего отряда полковника А. Бичерахова, во время Первой мировой войны служившего в Иране в экспедиционном Кавказском кавалерийском корпусе, а после его развала сотрудничавшего с англичанами. Бичерахов вел переговоры с большевиками о переброске отряда в Баку еще в апреле, утверждая, что необходимо «держат прочную связь с англичанами, так как на этом новом фронте единственную поддержку могут оказать только англичане — и оружием, и патронами, и деньгами, а если понадобится, то и войсками»³. Бичерахов мог оказаться удачным посредником в отношениях с англичанами на крайний случай.

Прибыв в начале июля с отрядом более тысячи солдат, Бичерахов занял правый фланг обороны Баку. Он требовал пополнения, надеясь на мобилизацию бакинцев и помощь казаков с севера. Как он писал брату в Моздок, «пушек, пулеметов и снарядов у меня много, мало живой силы и винтовок»⁴. Бичерахов претендовал на общее командование. Учитывая его равнодушие к социалистическим идеям, советское руководство могло опасаться с его стороны местного 18 брюмера.

14 июля Шаумян получил неожиданную моральную поддержку — военный представитель западных армян Андраник Озanian, контролирующий Нахичевань, заявил: «С сегодняшнего дня со своим отрядом перехожу в полное подчинение и распоряжение Центрального правительства Российской республики.

¹ Безугольный А. Ю. Народы Кавказа и Красная армия. С. 96–97.

² Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 566.

³ Цит. по: Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011. С. 73.

⁴ Там же. С. 81.

Нахичеванский уезд есть неотъемлемая часть Российской республики согласно Брест-Литовского мирного договора...

Не признающие власти правительства республики, или способствующие ее врагам, будут считаться изменниками России и вне закона, будут подвергнуты суровому наказанию»¹. Андраник отправил Шаумяну радиogramму, которая заканчивалась словами: «Жду ответа и распоряжения».

Вообще-то такая поддержка могла бы иметь и серьезное военное значение, если бы Андраник двинулся к Баку. Его 4-тысячный отряд в тылу турецкой армии мог бы навести большой переполох. Но Андраник не собирался этого делать, заботясь больше о судьбе скопившихся в Нахичевани беженцев и о границах Армении, чем о стратегических интересах Советской России, связанных с Баку.

Впрочем, Шаумян, надеявшийся на пропагандистский эффект от заявления Андраника, ответил ему так, будто Баку и не нуждался ни в какой помощи: «Вашу телеграмму получил. Полный текст сообщил в Москву Центральному правительству. Со своей стороны приветствую в Вашем лице истинного народного героя. Если бы господа Качаз-нуни и другие были похожи на Вас, армянское крестьянство не переживало бы сейчас такой трагедии. Передайте привет всем храбрым воинам, сражающимся под Вашим знаменем, и всему трудящемуся населению, вдвойне страдающему и от турецкого штыка и от предательства национальных вождей. Несмотря ни на какие трудности, призываю Вас не склонять революционного знамени. Бакинский пролетариат при усиленной поддержке Российской власти ведет героическую войну в направлении Кюрдамира и Ахсу против турецко-бейских банд. Когда мы победим турок, ханов и беков, грузинских князей и армянскую буржуазию, тогда объединенные крестьяне и рабочие всего Закавказья на общем съезде установят Советскую власть и вновь свяжутся с великой российской республикой. Был бы рад возможности оказать Вам необходимую поддержку, может быть, Вы изыщите пути для связи»².

Для Андраника, который не был приверженцем левых идей, союз с Советской Россией был продолжением его общей пророссийской ориентации, которая при благоприятном стечении обстоятельств могла бы гарантировать защиту от Турции. Сидя в Нахичевани, Андраник рассчитывал дожидаться возвращения российской армии, даже понимая, что «расстояние в три тысячи верст — серьезное препятствие для оказания скорой помощи», но «многочисленные раны мое-

¹ Андраник Озаян. Документы и материалы. С. 288–289.

² Там же. С. 294.

го народа может исцелить единственно только он, русский народ»¹. Но до Баку было куда меньшее расстояние, которое было по силам пройти отряду, двигавшемуся от самого Эрзерума. Но помочь осажденному Баку своими действиями Андраник не пытался. Он ждал, что помогут ему.

Во второй половине июля стало ясно, что правительство Шаумяна не справилось со своей основной задачей, куда более важной для армянской части населения, чем социальные эксперименты. Бакинский Совнарком не смог остановить турок.

Лидеры армянской общины надеялись защититься от турок с помощью англичан. Разумеется, с идеей пригласить англичан были согласны и русские социалисты, но не большевики. Ввод английских войск в Баку был равносильен свержению Советской власти.

Еще в апреле представитель Армянского национального совета беседовал с британским генералом Л. Данстервиллем о возможности высадки англичан в Баку². 16 июля вопрос о приглашении британских войск был поставлен на заседании Совета.

21 июля Сталин по просьбе Шаумяна отправил в Баку телеграмму: «Именем Всероссийского ЦИК и Совета Народных Комиссаров требую от всего Бакинского Совета, от армии и флота, полного подчинения воле рабочих и крестьян всей России. Во исполнение решения Пятого Съезда Советов я требую от Бакинского Совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иноземного капитала, вплоть до ареста членов соответствующих комиссий»³. Под «независимой международной политикой» понималась политика РСФСР, то есть отказ от сотрудничества с Антантой.

24 июля Бакинский Совнарком выступил с обращением, в котором говорилось: «Давно уже английское золото работает в Баку. Сейчас, в минуту смертельной опасности, которую переживаем мы, английские империалисты нашли сторонников внутри нас, среди целых партий, до сих пор поддерживающих советскую политику. И сознательные предатели, подкупленные английским золотом, и их бессознательные прислужники из так называемых социалистических партий — все они говорят о том, что английский империализм лучше турецкого, потому мы должны пригласить в Баку англичан. Какая подлая и холопская постановака вопроса!

¹ Андраник Озаян. Документы и материалы. С. 292–293.

² Искендеров М.С. Из истории борьбы коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти. Баку, 1958. С. 271.

³ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 574.

Ведь в том и в другом случае мы поворачиваемся спиной к революционной России, при первом же затруднении мы отрекаемся от нашей родной матери и предаем ее»¹. Под сторонниками английских империалистов, которые до сих пор поддерживали советскую политику, имелись в виду прежде всего дашнаки. Лишь небольшая группа левых дашнаков продолжала поддерживать Шаумяна. На остальных дашнаков уже не действовала апелляция к «матери-России». Англичане были ближе — в Иране.

Выступая на чрезвычайном расширенном заседании Бакинского Совета 25 июля по вопросу о приглашении англичан, Шаумян говорил: «Если тем фракциям, которым сознательно или бессознательно, продуманно или непродуманно, угодно остаться с Советской Россией и иметь единый фронт с революционными партиями, стоящими на точке зрения признания Советской власти и связи с Россией, то обращаюсь к вам с просьбой этот вопрос как вопрос международной политики снять с обсуждения. Мы имеем перед собой не столь грозного и сильного врага, чтобы мы не могли своими силами и средствами поставить вопрос об обороне. Нужно покончить рознь, внесенную этой агитацией. Никакая Англия не спасет нас, раз у нас начинается разлад и ожесточенная внутренняя борьба»².

Шаумян обещал, что «Советская Россия предоставляет нам громадные средства. Сегодня придут из Астрахани 5 шхун, которые везут 80 орудий, 160 пулеметов, 10 000 ружей, 20 000 патронов, массу обмундирования и т. д.»³. Но эти обещания Советской России остались обещаниями. 24 июля прибыли 4 орудия и 170 солдат. При этом Ленин не исключал возможность сожжения Баку в случае угрозы захвата его противником⁴.

Более реалистичные аргументы на заседании Бакинского Совета нашел нарком М. Азизбеков, который говорил об англичанах: «в Реште у них всего около 1000 человек, и то крестьян и арабов... Явившись сюда, они не захотят сражаться для нас, и, если разобьют турок, мы их не выгоним никогда»⁵.

Голосование по этому вопросу большевики и левые эсеры проиграли. Резолюция Шаумяна получила 236 голосов, резолюция социалистов-революционеров — 259 голосов⁶. За резолюцию Шаумяна

¹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 585.

² Там же. С. 594.

³ Там же.

⁴ В.И. Ленин. Известный Ленин. 1891–1922. М., 1999. С. 239.

⁵ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 595.

⁶ Там же.

голосовали большевики, левые эсеры и несколько дашнаков (левые дашнаки). Решающий перевес резолюции эсеров обеспечили именно дашнаки, о которых Шаумян с горечью писал Ленину 26 июля: «Предательство по отношению к нам совершили своим голосованием дашнаки явное»¹. При этом дашнаки не стали требовать смены власти и поддерживали лояльность России.

После этого Шаумян снова взял слово: «Во-первых, приглашение англичан мы считаем предательством по отношению к революционной России. В этом предательстве нам с вами не по пути, мы поддерживать вашу политику не можем.

Во-вторых, нам предлагают коалиционное правительство из всех партий, входящих в Совет. Мы говорим: правительство — это есть технический орган, который может работать только тогда, когда он однородный. Мы говорим об однородном правительстве, тем более в такие критические минуты. Имея однородное правительство как технический аппарат, мы призываем к работе все партии во имя защиты фронта и объединения пролетариата. Те, которые говорят о фракционной политике большевиков, бесстыдно клеветуют. Ни в каком коалиционном правительстве мы участвовать не будем.

В-третьих, поскольку большинство Совета сказала, что оно признает Советскую власть только на месте и отказывается от признания Советской власти в России, мы считаем, что если товарищи из флота голосовали за это, то они не понимали, за что голосовали. Я говорю это потому, что флот всегда, высказываясь единодушно за признание Российской Советской власти. Поскольку за эту резолюцию голосовали дашнакцаканы, которые вчера на своей партийной конференции решили, что признают власть и Российскую и Бакинскую такая она есть, и никаких изменений не потерпят, они голосовали по недомыслию»².

В итоге Шаумян объявил о сложении полномочий народных комиссаров членами Совнаркома.

Но в действительности Совнарком продолжил работать, что подтверждает протокол расширенного заседания Исполкома Совета 26 июля. Это заседание дало поручение наркому по военным делам, который продолжал работать. На том же заседании обсуждались меры по приведению отряда Бичерахова в подчинение общим правилам Красной армии³. В итоге Исполком постановил: «Исполнительный комитет предлагает всем Народным комиссарам, оставаясь на

¹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 598.

² Там же. С. 595–596.

³ Там же. С. 599.

своих местах, вести всю ту работу, которую они вели раньше, впредь до разрешения вопроса о конструировании новой власти»¹. «Сконструирование» должно было состояться на заседании Совета 31 июля.

Это давало шанс сторонникам Советской власти еще раз переломить настроение Совета. А вдруг флотилия и дашнаки действительно голосовали по недомыслию, и получится их убедить? 27 июля городская конференция большевиков решила власть не отдавать. 28 июля собрание моряков флотилии даже высказалось против приглашения англичан². Но не дашнаки, для которых делом принципа было не пустить в Баку турок. Тем более что события 30 июля лишь укрепили их в уверенности, что большевики не смогут удержать город, и англичане являются последней надеждой. В этот день турки подошли к Баку. Бичерахов ушел на Сумгаит и был отрезан от Красной армии. После этого он отошел в Дагестан. Как признавал Бакинский комитет РКП(б), «стянутые из Алят войска разбежались: из 1600 штыков осталось на фронте только двести человек. Кроме этих двухсот, на правом фланге стоят еще 200 человек из отряда Петрова. Армянские же части численностью более 3000 штыков под предлогом отсутствия у них обмундирования и до этого отказывались занимать заранее намеченные позиции в окрестностях города. Таким образом фронт длиною в 32 версты охраняют только 400 человек. Между тем воздушная разведка указывала на движение крупных сил неприятеля, состоящих из регулярных турецких войск. И командующий армией Аветисов требовал разрешить ему выкинуть немедленно белый флаг и начать мирные переговоры. В противном случае, заявил Аветисов, вы послужите причиной того, что ворвавшийся силою неприятель уничтожит 160-тысячное христианское население»³.

Армянский национальный совет и партия Дашнакцутюн выступили за мирные переговоры, но одновременно проводили мобилизацию. Совнарком отказывался согласиться на капитуляцию. Однако падение города в этот момент казалось неизбежным, и Совнарком решил сдать власть (в общем — никому) и эвакуировать военные силы и «государственное имущество Советской России»⁴.

Но первый штурм Баку 31 июля — 1 августа все же был отбит. В обстановке боев за город большевики не смогли взять назад отставку Совнаркома. 31 июля власть перешла к Диктатуре Центрокаспия и временного президиума Исполкома Совета, опиравшихся на блок

¹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. С. 600.

² Там же. С. 609.

³ Там же. С. 616–617.

⁴ Там же. С. 619.

эсеров, меньшевиков и все тех же дашнаков. 4 августа в Баку высадилось всего около тысячи британских солдат. Сторонники Советской власти со своими отрядами сгрудились в районе Петровской площади. Они продолжали участвовать в обороне, но не подчинялись Диктатуре. 12 августа они выпустили декларацию, в которой объясняли свое намерение покинуть Баку: «Пролетарская социалистическая оборона Баку превратилась в войну двух империалистических коалиций. Революционного фронта в Баку уже нет, а есть фронт империалистический. Борются две силы, одинаково враждебные рабоче-крестьянской Советской власти»¹.

Когда бакинские комиссары попытались 14 августа отплыть в Астрахань, Диктатура обвинила их в дезертирстве и арестовала. Начался их путь к гибели в песках Туркестана 20 сентября 1918 г.

Вопреки ожиданиям Центрокаспия и армянской общины и в соответствии с предупреждением большевиков, высадившиеся в Баку британцы были немногочисленны. Оценив обстановку, они эвакуировались 14 сентября. На следующий день Баку пал.

Как пишут азербайджанские историки, «турецкие войска воздержались от вхождения в город до 16 сентября, что дало местным мусульманам, азербайджанским партизанам и турецким мародерам полную свободу действий в армянских районах города.

Жажда мщения у азербайджанцев, переживших “мартовскую трагедию” была довольно сильна. Однако, азербайджанское правительство, вступившее 17-го сентября в Баку, предотвратило массовость резни. Впоследствии глава кабинета министров Ф. Хойский, касаясь данного вопроса в своем выступлении с отчетом правительства при открытии азербайджанского парламента, указывал: “Правда, при взятии города происходили события, вызывающие лишь огорчение и сожаление. Правительство не скрывает этого и считает недостойным сокрытие удручающих фактов. Правда и то, что многие испытали тяжелые переживания... Однако, возможно ли было, чтобы правительство полностью предотвратило эти события? Думается, взвешивая на них оком справедливости признают, что ни одно правительство в мире не смогло бы их предотвратить. Ведь здесь были истреблены мусульмане, попораны их человеческие права. Город был взят после трехмесячных сражений, и гнев населения достиг апогея”². Турецкие и азербайджанские военные сполна воспользовались этим гневом местных туropol под предлогом для грабежа и убийств. Руководство АДР умыло руки — от него мало что зависело.

¹ Цит. по.: *Искендеров М.С.* Из истории борьбы коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти. С. 299.

² Азербайджанская демократическая республика. С. 46.

Турки пошли дальше на север. Разбив Бичерахова под Порт-Петровском, они заняли дагестанское побережье и 23 октября вошли в Темир-Хан-Шуру. До капитуляции Османской империи в мировой войне оставалась неделя.

* * *

История Бакинской коммуны, которая была одной из попыток радикальных коммунистических преобразований, имеет в качестве «подкладки» борьбу армянской общины и ее политических представителей против тюркской угрозы, как в Баку, так и со стороны Турции. Когда стало ясно, что Советская Россия не сможет помочь Баку, произошла переориентация Бакинского совета на Антанту, хотя его состав остался тем же, что и раньше. Эти национальные факторы оказались сильнее социальной стратегии из-за внешнего вмешательства Османской империи, которая вместо укрепления южных и западных рубежей занялась походом на восток, мотивированным пантюркистским проектом. В Баку этот фактор не смогли уравновесить ни Советская Россия, занятая гражданской войной на многих фронтах, ни Великобритания, как раз «дожимавшая» Османскую империю в других регионах. Но позднее, в 1920 г., социальные и социостратегические факторы взяли реванш, и Советская власть вернулась в Баку.

Если бы не османское вторжение, Баку имел высокие шансы оставаться советским и в 1919 г., как, например, Ташкент. Баку стал советским не случайно. Бакинская коммуна возникла в результате синтеза ряда факторов — и наличия здесь индустриального анклава с активным пролетариатом, русифицированной политической культурой, этнической смешанностью населения (что ослабляло азербайджанский национальный проект), и некоторой поддержки из центра России (в условиях, когда часть населения продолжала считать себя русскими подданными), и политического мастерства большевиков, умения сочетать социально-политические и национальные инструменты при достижении своих целей. Потерпев поражение, Бакинская коммуна продолжала существовать как героический миф, подрывая легитимность азербайджанской независимости и затем укрепляя авторитет многонациональной Азербайджанской ССР.

Закавказские республики и мировые державы

Республика Армения (РА), образованная на урезанной российской части Армении, находилась в наиболее бедственном положении в Закавказье.

Член Армянского национального совета (АНС), публицист и дипломат А. Джамалян писал о последствиях турецкого нашествия на Восточную Армению: «Они унесли в истинном смысле слова все, будь то государственное, общественное или частное. Они забрали зерно, скотину, готовое топливо, товары со складов и из магазинов, железнодорожные семафоры, фонари, телеграфные провода, во многих местах телеграфные столбы и так далее»¹. Небольшая территория республики (12 000 кв. км) была перегружена беженцами (200 тыс. при местном населении 800 тыс.). При этом из-за конфликтов с Грузией и Азербайджаном Армения не могла получить товары извне на протяжении месяцев. Голод сопровождался эпидемией.

После распада Закавказского государства и образования Республики Армения, 28 мая 1918 г. Совет Армении был сформирован из национальных советов армян Еревана и Тифлиса. Он создал коалиционное правительство, но в начале 1919 г. из него вышли либералы, обвинив дашнаков в захвате всей полноты власти. Это признавал и премьер О. Качазнуни, который впоследствии писал: «Практически наша партия стремилась подчинить себе, взять под свой контроль как законодательный орган, так и правительство. Возникла неприемлемая двойственность власти: публично — парламент и правительство, в тени — партия и ее органы.

Понятно, что эти две формы власти — официальная и неофициальная, могли лишь мешать и сковывать друг друга; формальные требования не позволяли, чтобы партия действовала свободно и оперативно, изъявляла свою волю, а вмешательство партии не позволяло правительству проводить свою линию»². Характерно, что большевикам России и Украины подобная партийно-государственная двойственность не мешала.

Положение Армении серьезно осложнила скоротечная армяно-грузинская война в декабре 1918 г. — ведь продовольственные поставки могли поступать в Армению через Грузию. Один из лидеров соседней Грузии И. Церетели задавался вопросом: «О какой Армении вы думаете? Не лучше было бы создать большую Грузию, а армяне могли бы жить под ее защитой»³.

В условиях голода, поразившего Армению, была введена хлебная монополия и карточное распределение продуктов питания⁴. Эти меры

¹ Цит. по: *Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012. С. 32.

² Там же. С. 39.

³ Цит. по: *Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). С. 51.

⁴ История армянского народа в вопросах и ответах. Ереван, 2006. С. 293.

дашнакского правительства были вызваны не столько социалистической доктриной, сколько ситуацией. Впрочем, аналогичные меры большевиков России и Украины, во многом исходившие из доктрины, оказались полезны для режима в условиях Гражданской войны.

Армения оказалась наиболее моноэтничной республикой из трех закавказских государств. Однако население Республики Армения не было единым: «Ереванцы недовольны были руководителями Армении, которые, будучи не местными, в своих делах обходятся без участия местных. И поэтому они, словно обиженные дети, исполняли роль стороннего наблюдателя в отношении событий, происходивших в Армении. Ванцы считали, что к числу наиважнейших вопросов правительство должно причислить возвращение “города Вана” с окрестными районами с тем, чтобы беженцы перестали терпеть лишения. Карабахцы, наоборот, утверждали, что предметом заботы правительства, в первую очередь, должно быть освобождение Карабаха, поскольку Карабах является неотъемлемой частью Армении.

Сасунцы жили обособленно, как отдельное племя, и не позволяли кому-либо вмешиваться в их внутренние дела, равно как и сами не вмешивались в дела других, считая распоряжения правительства необязательными, пока они не поступали от имени ставшего в их глазах племенным вождем “Рубена-паши”. Арешцы не могли понять, как может правительство Армении заниматься каким-либо вопросом, пока оно не убило последнего турка в нашей стране. Ведь эти турки или же их родные соплеменники уничтожили 40 000 армян в Ареше и Нухе. И поэтому они хотели сделать то, чего не делало правительство»¹, — писал А. Джамалян.

Нациестроительство армян, несмотря на длительную историю народа, было далеко от завершения — традиционное аграрное общество и стадильно-культурные различия восточных и западных армян воспроизводили «межплеменную» рознь. При этом треть населения территории республики, будучи мусульманами, вовсе ее не признавало.

Серьезной проблемой для дашнаков оставался Андраник, контролировавший Зангезур. После заключения мира с Османской империей Армения обязывалась сохранить вооруженные силы размером лишь в одну дивизию. Андраник отказался разоружаться и стал формально подчиняться Центральному национальному совету Зангезура, который не контролировался правительством республики.

Армянские официальные лица (включая премьер-министра О. Качазнуни) обещали турецкой делегации на Батумской конференции,

---

¹ Цит. по: *Петросян Г. А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). С. 36.

что если Андраник вернется на территорию Республики Армения, он будет арестован и предан суду¹.

Республика Армения в момент своего рождения оказалась в сфере влияния Османской империи. Г.А. Петросян полагает, что «своим острием грузино-германо-турецкий союз в первую очередь был направлен против Республики Армения: Грузия и Турция стремились реализовать свои захватнические цели. Этот союз был направлен также против России»². Впрочем, Армения явно не тянет на роль главного врага столь могучей коалиции, включающей Германию, Османскую империю и их сателлитов, к числу которых уже летом добавилась и сама Республика Армения. Да и Россия была занята гражданской войной. Главным противником Германии и Османской империи в регионе оставалась Антанта, против нее и был направлен союз. Что касается Армении, то по соглашению с Османской империей она обязалась не иметь дипломатических связей с государствами, находящимися с последней в состоянии войны, то есть являлась не противником, а сателлитом этой империи³.

Впрочем, между Германией и Османской империей существовали трения по поводу Кавказа, которыми надеялись воспользоваться армянские политики. О. Кочазнуни искал противовес Османской империи в лице Германии, но крайне осторожно: «наше сближение с Германией должно происходить так, чтобы не вызвать гнева Турции»⁴.

20 августа армянская делегация во главе с А. Агароняном встретилась с Энвер-пашой, который потребовал от Армении заключить союзный договор, что повлекло бы формальное участие Армении в войне против Антанты. 1 сентября армянская делегация предложила министру иностранных дел Насим-бею заключить договор о мире и нейтралитете Армении в войне. 12 сентября министр иностранных дел Армении А. Хатисов направил телеграмму представителям Центральных держав с просьбой признать Армению⁵.

Но многие армяне еще не утвердились в необходимости существования независимой республики Армения. Как писал А. Джамалян: «Армянский крестьянин так называемой российской Армении и мещанский мелкий буржуа, которые страшно пострадали от хаоса последних лет и находились в тяжелом экономическом положении, меч-

¹ Андраник Озаян. Документы и материалы. С. 299.

² Петросян Г. А. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). С. 52–53.

³ Там же. С. 62. Г.А. Петросян считает, что это положение распространялось также и на отношения с Россией (С. 63), что не верно, так как Россия уже вышла из войны и заключила с Османской империей Брестский мир.

⁴ Цит. по: Петросян Г. А. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). С. 50.

⁵ Киракосян Д. С. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989. С. 245–246.

тали о возвращении России, которая принесет с собой дешевый хлеб, сахар, шелк и снова сделает жизнь такой же легкой, как и прежде...»¹.

Как пишет историк Г.А. Петросян, «независимость казалась временным явлением, ибо государство не имело стабильной основы. Восточные армяне были убеждены в том, что, в конце концов, русские должны вернуться и вновь овладеть их губернией. В представлении же западных армян Арменией являлась лишь Анатолия, т. е. Западная Армения. Отдельные члены парламента республики даже не признавали существование независимой Армении. Они требовали воссоединения страны с Россией. Так, например, 6-го августа 1918 г. на четвертом заседании парламента Армении депутат С. Мамиконян в своем обращении к членам парламента задает вопрос: «Не является ли катастрофой само существование Республики Армения?» Высказавшись против независимости страны, С. Мамиконян требует «восстановить союз с Россией».

Нам представляется вовсе не случайным тот факт, что на начальном этапе существования республики парламента и правительство Армении сочли нецелесообразным официальное принятие декларации о провозглашении независимости страны»². Как мы видели, эти про-российские настроения могли получить поддержку со стороны армии Андраника.

Капитуляция Османской империи в Первой мировой войне кардинально изменила ситуацию на Кавказе. Верховным арбитром в регионе до лета 1919 г. стала Великобритания. Представители британского командования по мере сил пытались прекратить межнациональные войны и остановили наступление Андраника на Карабах (в октябре 1918 г. Шуша была занята турками, которые затем передали занятую ими часть Карабаха войскам АДР). Андраник подчинился.

* * *

Проект «Азербайджан» в 1918 г. был еще неустойчив. Для османского руководства АДР была формальностью. Как и на Украине при Скоропадском, режим оккупации стал вызывать сопротивление в деревне.

Против турецких войск действовал тюркский по составу отряд Кербалай Алескера в Гянджинском и Казахском уездах, произошли волнения в Закатальском уезде и др.³ Однако эти выступления не

¹ Цит. по: *Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). С. 40–41.

² Там же. С. 41.

³ *Искендеров М.С.* Из истории борьбы коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти. С. 332–333.

приобрели украинского размаха и в силу этнической близости азербайджанцев и турок, и из-за непродолжительности оккупации. Само существование АДР после капитуляции 30 октября 1918 г. Османской империи продолжало висеть на волоске. Командующий британскими войсками Томпсон, под контролем которого оказался Баку, заявил: «Не существует республики, родившейся согласно всеобщему желанию азербайджанского народа, имеется только правительство, организованное интригой турецкого командования»¹. Томпсон и прибывший в Баку с остатками своего отряда генерал Бичерахов считали город частью России.

Но постепенно британцы сменили гнев на милость. В Баку нужна была какая-то местная власть. Генерал Бичерахов, деморализованный после поражения от турок под Порт-Петровском и испытывающий к себе недоверие со стороны Деникина, покинул Баку, его армия разваливалась и в своей боеспособной части нужна была на антибольшевистском фронте. А тюркское руководство как раз могло навести какой-то порядок в Баку и его окрестностях, обезопасив его от партизанских действий сторонников Советов. Так что британцы сделали ставку на АДР. М. Расулзаде писал: «Такое поведение англичан не вытекало из того, что они были влюблены в черные глаза азербайджанцев... Нахождение нефти в руках независимого азербайджанского правительства и вообще отделение Азербайджана от России было на руку англичанам. Азербайджан же должен был использовать это обстоятельство. Этим объяснялись дипломатические успехи национального правительства»².

Снова собравшийся 16 ноября Национальный совет принял решение сформировать по квотам парламент АДР. Мусульманские организации получали 80 мандатов из 120. В реальности к началу 1919 г. мандаты получили 79 депутатов. Крупнейшей фракцией обладал Мусават — 23 депутата.

Создатели новой АДР стремились претворить в жизнь максимально плюралистичную систему — это было важно и для признания демократичности Азербайджанского государства Советом Антанты, которому, как казалось, в конечном итоге и предстоит решать вопрос о независимости и границах Азербайджана. Удалось договориться даже с армянской общиной, и на позициях непризнания органов АДР остался только Русский национальный совет, надеявшийся, что победа белого движения покончит и с самостийностью созданных государственных образований. Разумеется, вне легальной полити-

¹ Цит. по: Балаев А. Мамед Эммин Расулзаде. С. 144.

² Там же. С. 155.

ческой системы оказались коммунисты. Впрочем, в АДР была сильна и внутрисистемная оппозиция, которая бичевала искусственный характер расстановки политических сил в парламенте. Доказывая незаконность господствующего положения Мусавата, печатный орган партии Иттихад писал: «Когда будет иметь место свободное волеизъявление народа, когда какая-нибудь партия в результате выборов окажется в большинстве, тогда она имеет право считать себя господствующей. А численный перевес в парламенте Мусават привез из Тифлиса и пополнил плетьюми полицейских сатрапов»¹.

Правительства АДР были многопартийными, их формирование проходило по всем правилам «парламентской демократии». Но при этом, как пишет А. Балаев, «в этом отношении все нити управления как законодательными, так и исполнительными структурами Азербайджана находились в руках правящей партии, каковой на тот момент являлся руководимый М.Э. Расулзаде “Мусават”, обладавший наиболее многочисленной фракцией в парламенте»². Такая система власти способствовала развитию коррупции. В довершение ко всему Азербайджан и Грузия стали конфликтовать из-за этнически перемешанных территорий — Карабаха, Ахалкалаки и Лори.

* * *

Политическая система Грузинской демократической республики (ГДР) представляет дополнительный интерес для исследователей еще и потому, что в ней доминировали не просто националисты, что типично для этого региона и времени, а социал-демократы.

Всего год назад грузинские меньшевики находились в эпицентре глубочайшей Российской социальной революции, формировали систему Советов, выступали за «программу Чхеидзе», предполагавшую создание системы демократического государственного регулирования экономики. В 1918–1921 гг. они руководили родной Грузией. Казалось бы, приход марксистов к власти в стране, экономически еще более отсталой, чем Россия, предвосхитил будущие попытки стран третьего мира «перескочить» капиталистическую фазу развития. Историк Т. Шанин даже сравнивает грузинских меньшевиков с Мао Цзэдуном: «Хорошее сравнение, которое так и напрашивается, относит грузинский политический опыт не к Европе, как на этом настаивал Жордания, а к Китаю. Первое в мире крестьянское восстание, которым руководили марксисты Гурии в 1903–1906 гг. сменила революция, совершенная грузинским “Народным фронтом”, в котором

¹ Цит. по: Азербайджанская демократическая республика. С. 118.

² Балаев А. Мамед Эммин Расулзаде. С. 159.

боевитая и дисциплинированная марксистская партия возглавляла вооруженные силы рабочих, крестьянские массы сторонников и неплебейские группы. В Грузии возникло правительство “ортодоксальных” марксистов, которые опирались на обширную народную поддержку в стране, где большинство населения составляли крестьяне. Знамя Китайской народной республики имеет и сейчас пять звезд на красном поле — одну большую и четыре маленьких. Они символизируют положение Коммунистической партии Китая по отношению к классовым составным частям народного фронта, которые она возглавляет: рабочим, крестьянам, мелкой буржуазии и национальной буржуазии — хорошее описание Грузии во времена Жордания»¹. Грузинские меньшевики в роли маоистов! Просто дух захватывает.

Впрочем, Т. Шанин делает шаг назад от столь смелой аналогии: «Различия, конечно же, были столь же сильными, как и сходство. Грузинские меньшевики, как и большинство ортодоксальных коммунистов их эпохи, полагали, что экономическая отсталость Грузии мешала ее немедленному движению к социализму, и что как класс, крестьяне не могли быть социалистами... Их классовая мобилизация — политическая и военная, отвергалась как опасная для политического режима, руководимого марксистами. Мао и его друзья думали иначе. Тщательно следуя идеологической риторике о пролетарской революции, они заменили ее фактическим крестьянским восстанием и использовали крестьянскую армию, возглавляемую партийными кадрами, в качестве замены пролетариата в революционной социалистической трансформации»².

Признаться, с такой поправкой аналогия меркнет. Использование преимущественно крестьянской армии (а не спонтанного крестьянского восстания) в качестве компенсации дефицита пролетариата роднит Мао скорее с Лениным, чем с Жордания (хотя на этом пути Мао, конечно, превзошел Ленина)³. Главное сходство — марксисты в Грузии, Китае и в значительной степени в России пришли к власти, опираясь на крестьянство. Во всех трех случаях они понимали, что преимущественно аграрный характер страны препятствует движению к социализму (такого комплекса неполноценности не было разве что у российских эсеров). Но важна ведь не формальная принадлежность к марксизму или другому течению социализма, а готовность делать хоть что-то специфически социалистическое. У Ленина,

¹ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М., 1997. С. 428.

² Там же. С. 428–429.

³ О месте китайских революций в типологии революций и гражданских войн см.: Шубин А.В. Революционная гражданская война: критерии типологии // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2. География и политика. М., 2006.

Шаумяна и Мао такая готовность была. Но была ли она у грузинских социал-демократов?

Основной задачей грузинских меньшевиков во время их пребывания у власти было вовсе не формирование элементов социализма, а создание и укрепление национального государства с опорой сначала на Германию, а затем на Великобританию. Весной 1918 г. ситуация в Грузии была нестабильной, происходили волнения и восстания (всего в 1918 г. их было около 20)¹. 8 апреля в Сухуми была провозглашена Советская власть, и только 17 мая ее сторонников удалось выбить оттуда и затем вытеснить из Абхазии.

Приглашение германских войск в Грузию было удачным ходом, который позволил остановить турецкую экспансию на север. Если быть протекторатом, то Грузия предпочитала европейского патрона. Германское руководство на опыте своей страны знало, что социал-демократы могут оставить свои социалистические проекты для далекого будущего, а сами заняться укреплением порядка под лозунгом консолидации нации. Такие партнеры для империи были ничем не хуже обычных националистов. 10 июня германские войска вошли в Тифлис.

Под прикрытием германских штыков грузинские меньшевики принялись форсированно формировать национальное государство, что стало их главной задачей. Русский наблюдатель из Баку Б. Байков вспоминал, что «национализация всего строя, всех учреждений, всего управления производилась с гораздо большим успехом, чем в нашем Азербайджане, что объясняется, конечно, тем, главным образом, что грузины в общем гораздо более культурны, чем татары: грамотность стоит у них высоко, образованных людей достаточно, благодаря чему и явилась возможность в действительности осуществить национализацию управления во многих его отраслях...

Всего труднее давалась Грузинскому Правительству национализация судебных учреждений; учреждения на самом деле остались те же, что были и при Российском правительстве, но не было ни своего законодательства, ни подготовленного кадра судебных деятелей; пришлось остаться при Российских законах, которые нельзя же было сразу перевести на грузинский язык; пришлось пригласить, ввиду недостаточного числа своих, на службу ряд русских судебных деятелей; и, наконец, наряду с грузинским пришлось в судопроизводстве допустить и русский язык»².

¹ Жвания Г. К. Борьба большевиков Грузии за Советскую власть // Великий Октябрь. М., 1958. С. 361.

² Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив Русской революции. Т. 9. М., 1991. С. 168. Слово «национализация» здесь употребляется в смысле «переход на национальный язык».

Отказ от социалистических преобразований легко получил марксистское обоснование. Как говорил на VIII съезде социал-демократической партии Грузии министр внутренних дел Н. Рамишвили, «для осуществления нашей программы нет объективных условий. Мы поневоле должны были делать дело буржуазной демократии... Правительство, которое забывает объективные условия, делает дело реакции, поэтому наша цель была умеренная и куцая: мы не углубляем более революцию»¹. Проблема, которая не впервые вставала перед социал-демократией — стоит ли брать власть, если все равно невозможно выполнять свою программу?² Или кажется, что невозможно.

Во всяком случае, грузинские социал-демократы (действовавшие также от имени более широкого союза «В защиту Родины») провели аграрную реформу — национализировали помещичьи земли, ввели земельный максимум в 15 десятин и продали в кредит конфискованные земли безземельным крестьянам³. Подобные реформы — не редкость для востока Европы от Балтии до Болгарии. Но для этого не нужно приходить к власти марксистам. И уж конечно это никак не подтверждает аналогию с КПК в период ее пребывания у власти.

И тем не менее левая окраска грузинской власти «обязывала». Важнейшие производства (рудники, гидроэлектростанции, порты, железные дороги, источники минеральной воды и др.) перешли в руки государства и общественных организаций (433 предприятия с 26 543 рабочими из 822 предприятий с 31 943 рабочими по данным 1920 г.)⁴. В госсекторе было занято 52% рабочих и служащих, в муниципальных и общественных организациях — 28%, в частном секторе — 19%⁵.

В Грузии действовал 8-часовой рабочий день. Правда, для служащих военного ведомства он был отменен, а в остальных сферах этот закон нарушался, но министерство труда в сотрудничестве с профсоюзами вело борьбу с этими нарушениями. Работали арбитражные суды и примирительные камеры, но если соглашение между рабочими и работодателями не достигалось, происходили стачки. Иногда рабочие лидеры арестовывались, но не за сам факт организации стачки, а за принадлежность к компартии, которая действовала в Грузии нелегально.

¹ Цит. по: *Хачапуридзе Г.В.* Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Очерки. 1917–1921 гг. Тбилиси, 1936. С. 138.

² Подробнее о дискуссиях российских социал-демократов на эту тему см.: *Шубин А.В.* Социализм: «золотой век» теории. М., 2007. С. 581–592.

³ *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. С. 417.

⁴ *Хачапуридзе Г.В.* Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Очерки. 1917–1921 гг. С. 142.

⁵ *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. С. 418.

За отсутствием финансирования не выполнялось законодательство о страховании рабочих. Были введены биржи труда, но трудоустроить большинство зарегистрировавшихся они не могли, и министерство труда выступило за пересмотр «закона о приеме и увольнении рабочих», потому что он все равно не соблюдается, и если не ввести новое законодательство, «масса трудящихся останется вне защиты закона»¹.

Исследователь Б.В. Маилян обращает внимание на кадровые связи грузинской социал-демократии с многочисленным грузинским дворянством и на осторожность аграрной политики властей ГДР и этническую заостренность их антикапиталистических мер, после чего делает вывод: «Дворянство было одним из кадровых и идейных источников грузинской этнократии. Это оказало существенное влияние на политику грузинских социал-демократов “меньшевиков”, которые оказались на “общей почве” с частью урезанного, но все же признанного ими законным дворянского землевладения... Хотя до 1917 г. они декларировали свою приверженность социалистическим принципам и опирались на крестьянство, в реальности их социально-экономическая политика после возникновения республики проводилась во многом не за счет интересов дворянства, а, прежде всего, за счет ущемления армянского капитала»².

Нельзя отрицать важность национальной почвы при формировании социально-экономической политики на Кавказе и в частности в Грузии. Она не могла не играть важную роль и в политике грузинских меньшевиков. Но версия о том, что дворянство было главным заказчиком этой политики, не выглядит убедительно. Все-таки аграрная реформа в Грузии ущемляла дворянство. Многие лидеры меньшевиков вышли из дворянства, что в условиях Грузии было вполне естественно (из дворян вышли и некоторые видные большевики). Однако важно видеть различие между сословием и классом, между дворянином, который может занять любую социальную нишу, и феодалом-помещиком. Дворяне, пришедшие к власти в составе СДПГ, не заботились о помещиках, а следовали марксистской доктрине, которая требовала сначала развивать в Грузии капитализм. А это предполагало сохранение продуктивных небольших по размерам, но и не очень мелких хозяйств. В условиях отсталости сельского хозяйства меньшевики были осторожны в аграрной политике. Зато в городах

¹ Цит. по: *Хачануридзе Г.В.* Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Очерки. 1917–1921 гг. С. 140.

² *Маилян Б.В.* К проблеме актуализации вопроса самоопределения Грузии на рубеже XIX и XX веков // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2014. С. 60–61.

они пошли на довольно радикальное огосударствление, сочетая этнократию и этакратию. Бывшие дворяне и мещане стали частью этой этакратии — слоя чиновников, который вытесняет капиталистов (благо — они в основном были иноэтничны), чтобы сосредоточить капиталы в своих руках ради национальной консолидации, защиты государственности и будущей модернизации. Однако до модернизации дело так и не дошло — источников накопления в тех условиях в Грузии практически не было, и средства от налогов и арендной платы крестьян, которая теперь шла преимущественно государству, едва хватало на чиновников и войска, удерживающие разноэтничное пространство Грузинской демократической республики.

Туркестан между коммунизмом и архаикой

События 1917–1922 гг. в Средней Азии нельзя «ставить на одну доску» с одновременными сюжетами истории России и Украины, так как большинство азиатских народов решало задачи самого начального этапа модернизации, первичного нациестроительства, соответствующие скорее задачам восточноевропейских XVII–XVIII вв., чем начала XX. Но на ситуацию в Туркестане решающее влияние оказывала революция, рожденная народами, находившимися в самом разгаре перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному.

В наиболее отставшем на пути индустриальной модернизации регионе Российской империи — Туркестане — в начале 1918 г. установилась Советская власть, сторонники которой одержали победу над правительством Туркестанской автономии в Коканде¹. В Совнарком Туркестанской АССР во главе с большевиком Ф. Колесовым вошли 7 большевиков, 8 левых эсеров и 2 максималиста. В состав первого советского правительства Туркестана не был допущен ни один представитель коренного населения. Так сформировалась модель «колониальной революции»². Советские лидеры считали, что «туземное население» до коммунизма совсем не созрело, поэтому власть должна принадлежать просоветским европейцам. Правда, в наказе съезда 20 ноября 1917 г. говорилось, что «Совет Народных Комиссаров образуется из большинства партий съезда с включением в него представителей от организованных мусульманских пролетарско-трудовых слоев, которым будет отведено (пропорционально) соответствующее количество мест». Также было решено, что СНК ответственен перед

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. С. 357–369.

² Сафаров Г. И. Колониальная революция. М., 1921.

съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Туркестанского края и «Советом представителей мусульманских пролетарско-трудовых организаций, входящих в состав съезда Советов, созываемого в Ташкенте не реже одного раза в 2 месяца»¹. Таким образом, сторонники Советской власти европейского происхождения надеялись позднее найти опору в «туземном» просоветском активе.

Уже в первой половине 1918 г. в ходе перевыборов Советов началось вовлечение «туземного» населения в местные Советы. Так, в Ташкентском уездном совете доля «туземного» населения была доведена до 54 из 97 депутатов, а в горсовете — до 40%.

Но распространение советской системы на коренное население столкнулось с тем, что «на ключевые руководящие посты в Советах проходили из числа коренного населения в основном представители имущих слоев», потому что беднота была неграмотна². «Туземный» советский актив осторожно саботировал радикальные инициативы Ташкента.

Председатель ЦИК Туркеспублики А. Рахимбаев говорил на IX съезде Советов Туркестана: «Мусульманское население боялось всяческого новшества. Принципы социалистической революции были ему непонятны, а так как они исходили от европейской части населения, то и подозрительны...»³.

9 августа 1918 г. ЦИК Туркестанской автономной советской социалистической республики (ТАССР) объявил, что в органах советской власти должны работать люди, знающие местный язык. Но европейские кадры в большинстве своем местных языков не знали, а носители местного языка были в подавляющем большинстве неграмотны и не могли поэтому занимать ответственные должности.

С началом широкомасштабной гражданской войны, особенно с 1919 г., власть на местах была передана неизбираемым ревкомам и военно-революционным комитетам (ВРК).

Совнарком Туркестана раньше Центральной России перешел к политике огосударствливания экономики, известной позднее как «военный коммунизм». Уже 28 февраля были конфискованы запасы хлопка. 5 марта была национализирована хлопковая промышленность, а 16 марта — топливная и добывающая промышленность. С опережением общероссийской национализации был передан госу-

¹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 76.

² Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д. История кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 2009. С. 182, 186.

³ Цит. по: Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. С. 66.

дарству также транспорт. Индустриальный сектор Туркестана был не велик, и радикальные ташкентские руководители решили, что без труда справятся с управлением им.

На части территории Туркестана еще продолжалась борьба за установление Советской власти.

В ночь на 3 марта 1918 г. сторонники Советской власти провели вооруженный переворот и захватили власть в Верном. Но в уезде казаки продолжали сопротивляться установлению Советской власти. 17–25 апреля казаки осадили Верный, но не смогли с ходу захватить город. После этого было заключено перемирие, но 7 мая военные действия возобновились, и к 24 мая казаки потерпели поражение, отступив в степи.

Разгромив Кокандскую автономию и установив контроль над Верным, лидеры советского Туркестана решили, что им по плечу прихватить и Бухару, но нападение на нее в марте 1918 г., известное как «Колесовская авантюра», закончилось неудачей.

29 ноября 1917 г. Россия признала независимость Бухары, а вскоре — и Хивы, находившихся прежде под протекторатом России. Историк А.И. Пылёв оспаривает реальное обретение независимости Бухарой: «Сохранялась значительная степень фактической зависимости Бухары от Туркестанской республики: на территории Бухары существовал ряд российских поселений-анклавов, юридически подчинявшихся Туркестанской республике; управление проходящей через Бухару веткой Среднеазиатской железной дороги также находилось в руках Ташкента. Она в 1918–1919 гг. часто использовалась для переброски частей Красной Армии на Закаспийский фронт. В российских поселениях эмирата находились гарнизоны Красной Армии; кроме того, продолжала функционировать Амударьинская пограничная охрана, существовавшая по договору еще 1894 г., положения которого не отменялись»¹. Однако такие экстерриториальные институты в то время существовали и в других странах — например, КВЖД в Китае, который сохранял независимость по крайней мере от России, владевшей КВЖД до 1935 г.

Бухара заняла в отношении событий в России позицию нейтралитета. Эмир отказался поддержать Кокандскую автономию, правда принимал на своей территории антисоветски настроенных русских офицеров и казаков. Последние представляли собой военную силу, которая могла оказаться совсем не лишней для эмира в условиях непредсказуемости северного соседа.

¹ Пылёв А.И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005. С. 128.

28 февраля председатель Совнаркома Туркестана Ф. Колесов прибыл с красногвардейским отрядом в российский сэттльмент Новая Бухара и провел совещание с младобухарцами (джадидским, просветительским по происхождению политическим движением, выступавшим за модернизацию Бухары). Обсуждалась возможность нажать на эмира Сайида Алимхана и добиться демократизации политического режима в эмирате. За подписью Колесова и председателя исполкома младобухарцев Ф. Ходжаева эмиру был направлен ультиматум с требованиями реформ и передачи власти младобухарцам.

Получив отказ, Колесов пошел 2 марта войной на Бухару при поддержке небольшого отряда младобухарцев в 200–300 человек. Отряды Колесова были малочисленны, а боеспособность бухарской армии была не велика. 25 марта эмир предпочел подписать Кизилтепинское соглашение, предусматривавшее ликвидацию последствий конфликта, но не затрагивающее внутреннюю жизнь эмирата¹. Бухара предоставила Туркестану 100 вагонов пшеницы. В эмирате прошли массовые казни сторонников прогресса (джадидов). «Колесовская авантюра» окончательно похоронила возможности сколько-нибудь легальной работы реформистов на территории эмирата.

Сайид Алимхан писал позднее: «Законы большевиков ни узнать, ни понять невозможно, поскольку все их усилия и стремления направлены на разрушение власти и порчу государства, на уничтожение людей и храмов, и всюду, где они видят человека почтенного и имеющего власть из любого сословия, грабят его и разоряют...»².

Эмир и консервативная часть его окружения не могли понять ту силу, которая надвигалась на них с севера. А вот джадида быстро сумели освоить язык социализма.

В условиях разрухи и войны на севере Бухара стала переориентироваться на южные рынки — Афганистан и Британскую Индию.

Однако «колесовская авантюра» была только первой попыткой. Судьба Бухары и Хивы определялась тем, что они лежали на обходном пути «мировой революции», через который Советская Россия начиная с 1919 г. надеялась нанести удар в тыл мировому империализму, разжигая революционный пожар в колониальных и полуколониальных странах.

¹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. С. 294–295.

² Цит. по: Печальная история народа Бухары, написанная его высочеством Эмиром Алим-ханом, эмиром Бухарским // Дружба народов. 1992. № 1. С. 169.

* * *

Коммунисты были не одиноки в стремлении взорвать архаичную социальную структур Бухары и Хорезма. Ее давно уже подтачивали местные просветители — джадиды. Сначала они развивали современные методы образования, близкие европейским. А когда столкнулись с сопротивлением клерикалов и абсолютизма, то перешли к политической борьбе. В условиях наложения друг на друга социально-психологических структур архаики, российской колониальной структуры и «мировых веяний» — как европейских, так и пантюркистских — в Туркестане одновременно действовали силы, адекватные разным эпохам по европейской шкале — и доиндустриальной архаике (Средневековье), и раннему Новому времени, и Просвещению. Радикальные джадиды были аналогом якобинцев, но уже успели познакомиться с более современными европейскими (в частности российскими) учениями.

А.И. Пылёв критикует французскую исследовательницу Э. Каррер д'Анкосс, которая видит трагедию джадидов «в том, что специфические проблемы своей страны они планировали решать, опираясь на идеологию европейского либерализма, но были вынуждены сотрудничать с коммунистами Туркестана как единственно возможными в той ситуации союзниками, которые исповедовали совершенно другую идеологию. Однако идеологию младобухарцев 1918–1920 гг. уже вряд ли можно охарактеризовать как либерально-буржуазную в чистом виде, она, скорее, похожа на программу российских социалистов-революционеров»¹. В любом случае Э. Каррер д'Анкосс ошибается, если считает большинство джадидов последователями европейского либерализма. Джадиды черпали источники своей идеологии как в местных реалиях, так и в национал-прогрессистских политических течениях Турции и других стран Востока. Их путь в сторону социалистических идей, отчасти действительно близких народничеству, был довольно быстрым, чему способствовали обстоятельства революции во всей бывшей Российской империи.

На апрельской конференции 1918 г. младобухарцев в Ташкенте обсуждалось три пути: отказ от сотрудничества с большевиками, которое принесло столь печальные плоды, принятие программы левых эсеров и сотрудничество с большевиками на равноправной основе и тесное сотрудничество с большевизмом ради совершения социалистической революции в Бухаре. Сторонники первого течения (А. Бурханов, А. Фитрат и др.) отошли от активной политики, второго — создали левоэсеровскую младобухарскую группу во гла-

¹ Пылёв А.И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. С. 36–37.

ве с У. Пулатходжаевым, третьи — коммунистическую младобухарскую группу во главе с А. Якубовым. От политической деятельности отошел и один из основателей младобухарского движения С. Айни, но он не стал противопоставлять свою позицию большевизму, занявшись просветительской и литературной работой. Лезоэсеровская самоидентификация вскоре оказалась неудобной из-за июльского восстания в Москве, и в сентябре лезоэсеровская группа прекратила существование. Часть ее кадров приняла участие в учреждении 25 сентября 1918 г. Бухарской коммунистической партии (БКП), которую возглавил А. Якубов. Программа партии вобрала в себя основные идеи Младобухарской партии. БКП выступала за демократию на советских началах и социализацию земли.

Лидеры БКП находились в крайне враждебных отношениях с бывшим лидером Бухарского ревкома Ф. Ходжаевым, которого считали ответственным за провал «колесовской авантюры». Но Ходжаев не терял времени даром, съездил в Москву. «Ему удалось заручиться в своей деятельности поддержкой ЦК¹ РКП(б) и зарегистрировать “Временный комитет Младобухарской партии” при Полномочном представительстве Туркестанской АССР в Москве, а также учредить особый отдел при Наркомнаце РСФСР»².

Турккомиссия ЦК РКП(б) предпочла маневрировать между двумя партиями — БКП и Партией младобухарцев-революционеров (ПМБР Ходжаева). В своих воззваниях она выступала за «истинный шариат».

Бывший полпред в Бухаре А. Аксельрод писал В. Ленину о ПМБР и БКП: «Первая из них, партия буржуазно-демократическая, опирается на молодое купечество и чиновничество. Торговый капитал начинает чувствовать себя очень скверно в тисках азиатских деспотий и поэтому начинает оказывать революционному движению свою помощь. С нашей стороны эта партия не встречает почти что никакой поддержки. Вторая же партия — бухарские коммунисты, не имея никаких реальных слоев, на которые она может опереться (отсутствие фабрично-заводского пролетариата, патриархальные отношения в земледельческой среде), существуют исключительно на наши средства. Состав ее — в большинстве русские татары и персы и высланные мелкие бухарские чиновники, [которые] присосались к нашему кошельку и сосут его, предварительно, конечно, перекрасившись в запретный цвет»³.

¹ В цитате опечатка: ВЦИК.

² Пыльёв А. И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. С. 147.

³ Цит.: Геннис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. М., 2001. С. 79.

Отношение к БКП и младобухарцам в РКП(б) не было единым, как не была единой сама партия. Более радикальные фракции предпочитали делать ставку только на БКП, более умеренные — комбинировать усилия двух партий с перспективой их объединения. Обсудив этот вопрос 29 июля 1920 г., Оргбюро РКП(б) приняло решение оказывать поддержку ПМБР. Турккомиссия, не доверявшая младобухарцам, согласилась с этим «при условии, если младобухарская революционная оппозиция официально вступит в ряды коммунистической партии на следующий же день после осуществления переворота»¹.

Российские анклавы стали убежищем и базой пропаганды джадидов, что толкало их на путь заимствования российских политических форм. Впрочем, оставались и сторонники младотурецкого пути или каких-то иных форм капиталистической модернизации.

Борьбы за социализм и коммунизм на Востоке пересеживала политические формы марксизма и других направлений социализма на почву, стадийно соответствующую европейскому раннему Новому времени. Попытка «перепрыгнуть из феодализма в коммунизм минуя капитализм» предпринималась с помощью программы этатистской индустриальной модернизации (аналогичной, например, реформам Петра I). Красный флаг в руках модернизаторов при этом является символом антиколониальной и антиимпериалистической борьбы и заявкой на помощь революционной России. Но особенность Средней Азии заключалась в том, что здесь Россия являлась бывшим колонизатором, еще далеко не оставившим колониальные замашки в своей политике.

* * *

С началом широкомасштабной гражданской войны Советская власть была свергнута в Закаспии. Решающую роль в этом сыграли местные рабочие организации во главе с эсерами.

По воспоминаниям одного из лидеров эсеров и профсоюзного вожака Ф. Фунтикова, «фронтовики и боевая дружина предполагали выступить в августе 1918 г. с оружием в руках одновременно во всех городах Туркестанского края» с лозунгом Учредительного собрания (туркестанского и всероссийского), но события опередили планы эсеров. После начала чехословацкого выступления Закаспийский Совнарком стал готовить мобилизацию. 17 июня жители Ашхабада собрались на митинг для выяснения целей военного учета — не без оснований подозревая, что мобилизованных отправят на фронт

¹ Цит. по: Пылёв А. И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. С. 163.

Гражданской войны. Красноармейцы принялись разгонять митинг, и события вылились в столкновение и восстание. Однако на этот раз конфликт удалось уладить — Совнарком согласился переизбрать Совет и решить вопрос о воинском учете позднее¹.

Однако это лишь оттянуло решающее столкновение. Прибывший в Закаспийскую область чрезвычайный комиссар А. Фролов (бывший председатель Самаркандского Совета) действовал жестоко — им были расстреляны делегаты кизил-арватских рабочих. Возмущенные рабочие восстали и 12 июля уничтожили отряд Фролова. Восстание в Кизил-Арвате стало сигналом к восстанию в других закаспийских городах, которое также сопровождалось террором против коммунистов.

В Ашхабаде был создан стачком во главе с Фунтиковым, который затем был преобразован в Исполком Закаспийской области — местную власть. Повстанцы развернули наступление на Ташкент, хотя прошли не далеко.

Таким образом, гражданская война между европейцами на юге Туркестана была спровоцирована нежеланием местных горожан воевать на других фронтах большой войны, тем более — за деспотичных коммунистов.

Приход социалистов к власти в Закаспии имел смысл только в том случае, если бы они, подобно Комучу, проводили социальные преобразования, составив в этом конкуренцию большевизму. Но социалисты оказались совершенно неподготовленными к этой «профильной» для себя задаче. Они вошли в историю самым резонансным актом антисоветского террора — расстрелом 26-ти бакинских комиссаров (см. главу V).

Да и что могли сделать закаспийские социалисты специфически социалистического?

Аграрный вопрос в Средней Азии имел совершенно иной характер, чем в России и даже большевики не спешили с активным вмешательством в «туземные» аграрные отношения, пока лишь создавая сеть земельно-водных комитетов. Жизнь городского населения зависела от подвоза продовольствия, которое могло попасть в регион либо из России, либо от британцев. Британцы не спешили заниматься этой проблемой. Обладатели капиталов выжидали. В результате стало ясно, что социалисты у власти в Закаспийской области не нужны ни населению, ни элитам, ни Антанте. Демократические структуры, по мнению руководителей Закаспийского правительства, медлен-

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1. С. 391–392.

но принимали решения. После антибританских волнений 31 декабря 1918 г. уже 2 января 1919 г. был создан Комитет общественного спасения, большинство членов которого «должно быть русским по убеждениям»¹.

Запрещались митинги, зато были проведены выборы в Ашхабадскую думу, не вызвавшие, впрочем, энтузиазма у населения. От местного самоуправления мало что зависело в жизни жителей Ашхабада.

Средняя Азия стала ареной не только местного, но и глобального противоборства. Для Великобритании это был периферийный театр противоборства с Германией и Османской империей, а для Советской России — плацдарм для ответного удара по империализму, который, в случае успеха, может поджечь революционным пожаром британскую колониальную империю.

Антибольшевистские движения на окраинах распавшейся империи получали военную поддержку Антанты. 19 августа 1918 г. генерал У. Маллесон и комиссар по иностранным делам Закаспийского правительства В. Дохов подписали соглашение о сотрудничестве ради «восстановления спокойствия и порядка в Закаспийском крае и русском Туркестане» и «оказания сопротивления турко-немецким планам военных захватов и политического господства в Закаспии и Туркестане»². Соглашение предусматривало ввод британских войск в закаспийские города и право вывезти запасы хлопка и другое ценное имущество в случае наступления германо-турецких войск. Генерал Маллесон прибыл в июле в иранский Мешхед, чтобы «предотвратить или остановить германо-турецкое наступление через Баку на Красноводск», которое могло быть проведено «в сотрудничестве или при попустительстве большевиков».

Британское командование направило в Туркестан до 2 тыс. солдат, которые с переменным успехом вели бои местного значения с красными.

В марте 1919 г. было принято решение о начале эвакуации британских войск из Туркестана, 2 апреля они покинули Ашхабад.

Для участников гражданской войны и интервенции в регионе это была борьба за русский Туркестан, в которой роль «туземного» населения рассматривалась как сугубо вторичная. Коренное население могло участвовать или не участвовать в этой борьбе, но ему пришлось бы принять ее исход. Однако на практике «колониальная» гражданская война со временем все же переросла и в «туземную».

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. С. 357.

² Там же. С. 333–334.

На «туземной» почве возникали вооруженные группировки, которые контролировали труднодоступные районы, но в 1918 г. не вели активных действий. Но уже в 1919 г. развернется тяжелая война с басмачами, которая будет продолжаться до начала 1930-х гг.

* * *

Коммунисты стремились использовать противоречия между белым движением и мусульманскими религиозно-национальными движениями, с которыми на своей территории вступали в конфликты. Перспектива этой работы заключалась не только в получении союзников в Гражданской войне, но в перспективе — в переходе на территорию колониального и полуколониального зарубежного Востока.

1 сентября 1918 г. был проведен съезд казахов Букеевской орды (Западного Казахстана, остававшегося еще под контролем РККА). На съезде было принято решение «об организации киргизских частей для защиты Советской власти от чехословацко-белогвардейско-казахских банд»¹.

Также планировалось создать новый кодекс законов для Степи, «в основу которого лягут идеи социализма и обычное право киргиз»². Это соединение социалистических идей и институтов традиционного общества станет важной новацией коммунистической стратегии на Востоке.

Во время гражданской войны между алашевцами и красными казахами пролилось немало крови. Отряды «Алаш-орды» действовали в союзе с казаками, что дискредитировало их в глазах казахского населения. Так, в декабре 1918 г. в Джамбейтинском поселке казахская милиция восстала против Алаш-орды³. Алашевцами был схвачен и затем расстрелян один из вождей восстания 1916 г. и затем поддержавший Советскую власть и назначенный военкомом Тургайского уезда Амангельды Иманов. Это произошло в мае 1919 г., когда большевики уже вели переговоры с алашевцами о сотрудничестве.

4–12 ноября 1918 г. прошел I съезд коммунистов-мусульман. На нем выступил Сталин. Приветствуя съезд от имени ЦК РКП (б), он, в частности, сказал, что «в этот момент на коммунистов России, прежде всего на коммунистов-мусульман, падает величайшая задача... перекинуть мост между народами Запада и Востока и, создав единый фронт революции, прорвать окружающее нас кольцо империализма. Но никто не мог бы исполнить эту величайшую историческую задачу

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. С. 151.

² Там же. С. 152–153.

³ Там же. С. 605.

так легко и безболезненно, как вы — мусульманские коммунисты... ибо для вас открыты двери Персии и Индии, Афганистана и Китая. Ибо освобождение народов этих стран от ига империализма обеспечило бы свободу ваших собственных стран, подорвало бы империализм в его основе»¹.

* * *

Социальный взрыв 1917 г., исходящий из центра империи, из Петрограда, своей волной «накрыл» самые разные социумы — от этнически консолидированной в своем территориальном ядре Польши до этнической чересполосицы Кавказа, от среднеразвитых (для своего времени) аграрно-индустриальных европейских территорий Российской империи до архаичной Средней Азии. В итоге возникла целая палитра сочетаний национальных и социальных задач революции: от радикальных проектов, в основе которых лежал «базис» этнонациональных проектов (как, например, в Баку), до «колониальной революции», где борьба российских сил стала мотором модернизации этносов, только «вылупляющихся» из традиционного общества. Опыт советизации Средней Азии стал для коммунистического проекта моделью дестабилизации мировой колониальной системы, чувствительным ударом по империализму с Востока, народом которого был предложен антиимпериалистический союз и путь быстрой модернизации по коммунистическому пути.

---

¹ Цит. по: *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М., 1999. С. 18.

Глава IV

Советский военный лагерь

Итоги коммунистического руководства Россией к июню 1918 г. были плачевны: голод в Петрограде и хлебопотребляющих губерниях, недовольство крестьян, у которых забирают хлеб по символической цене, не давая взамен промышленные товары, дезорганизация транспорта, волна преступности и самосудов, распад рабочего класса, покидающего города, экономическая зависимость от Германии и резкое сужение территории, удушающее экономику.

Восстания на Дону и на востоке России, казалось, могли добить нерадивую Советскую власть, но они вылились в широкомасштабную гражданскую войну, которая изменила все. Продовольственная диктатура, сначала еще сильнее обострившая ситуацию, теперь стала средством мобилизации ресурсов. Появился повод для всеобщей мобилизации общества на военную борьбу за победу коммунистических идеалов. Рабочие и крестьяне снова превращались в солдат, им было труднее требовать социальных и гражданских прав. Политические оппоненты объявлялись сообщниками вооруженного врага — внутреннего и внешнего. Сужение территории помогало контролировать ее, собирать все ресурсы в один кулак. В условиях относительного мира социализм не клеился. А вот военная машина успешно выстраивалась под лозунгами коммунизма и даже считала себя коммунизмом.

Общие мешки

Начало широкомасштабной гражданской войны создало впечатление, что организация коммунистами системы централизованного милитаризованного общества стала ответом на возникновение «кольца фронтов». Но создание системы, которую потом назовут «военным коммунизмом», началось еще до чехословацкого выступления. Решающим шагом стало введение продовольственной диктатуры, принцип которой Ленин характеризовал так: «Только собрав весь хлеб в общие мешки, мы сможем победить голод, и все равно хлеба будет только в обрез»¹.

---

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 408.

Для осуществления этой задачи были приняты декреты ВЦИК и СНК от 9 мая «О мобилизации рабочих на борьбу с голодом», 13 мая «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий для борьбы с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», 27 мая «О реорганизации Наркомпрода и его местных органов».

Местные продовольственные органы Советов теперь подчинялись наркому продовольствия (Наркомпроду) А. Цурюпе. В распоряжение Наркомпрода переходили все запасы потребительских промышленных товаров. Упразднялись непосредственно связанные с крестьянами волостные продовольственные комитеты. Органы продовольственной диктатуры не должны были зависеть от крестьян.

Некоторые Советы, особенно волостные, оказывали сопротивление продовольственной диктатуре. Против нее выступил и Казанский губернский Совет, где продовольственным делом руководили левые эсеры. Они повысили цены с общегосударственных 4,75 руб. за пуд до 12 руб. Когда Цурюпа попытался реорганизовать губернскую продовольственную коллегия, назначив туда лояльных ему людей, левые эсеры отказались сдать дела¹. 14 июля III Казанский уездный съезд разрешил заготовки хлеба кооперативами и продовольственными органами по рыночным ценам. За свободные цены выступали и другие уездные Советы Поволжья². Но тут очень кстати произошло левоэсеровское выступление в Москве, после которого левых эсеров стали вычищать из Советов. В Казани большевики вышли из объединенного Совета, порвав с левоэсеровским Советом крестьянских депутатов, после чего власть перешла к Совету рабочих и красноармейских депутатов, и продовольственное дело в Казанской губернии перешло в руки большевиков. Правда, с подготовленными кадрами в этой сфере у них было туго. Но теперь требовались не столько компетентные, сколько решительные работники.

Хлеб предстояло отбирать вооруженной силой. Для этого на село направляли вооруженных горожан — продотряды. Численность Продовольственной армии в июле превысила 11 тыс. человек (около половины которых составляли петроградцы), а 1 ноября составила 36 583 продармейца³. К середине июля продотряды реквизируют

¹ Андрианов Н. А., Толстяков К. А. Становление и упрочение власти Советов в Татарии. Казань, 1967. С. 135.

² Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 92.

³ Нелидов А. А. Народный комиссариат продовольствия РСФСР и его местные органы в период установления и проведения в жизнь продовольственной диктатуры (лето и осень 1918 г.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 19. М., 1965. С. 36.

более 2 млн пудов хлеба (в основном в Вятской и Уфимской губернии и из-под Царицына)¹. К концу 1918 г. в продармии Наркомпрода и отрядах Военпродбюро было более 76 тыс. человек².

Профсоюзы в согласии с Наркомпродом выработали временную инструкцию отрядам рабочих организаций, посылаемых для участия в заготовках хлеба. Она предусматривала, что «отряды должны работать только в тех волостях и районах, которые указаны губпродкомом производящей губернии». Из «заготовленного отрядом полovina направляется в адрес губпродкома потребляющей губернии, для выдачи пославшей отряд организации, по установленным нормам, с зачетом выдачи в счет пайка, установленного для рабочего класса». Организация, получившая хлеб, оплачивает его губпродкому.

Инструкция предусматривала, что «к обязанностям хлебозаготовительного отряда относится не только заготовка и реквизиция хлеба, но участие в уборке и обмолоте его по требованию местных продовольственных органов»³.

Например, в Тамбовской губернии продорганы с удовольствием посылали московских продотрядовцев на уборку урожая, а вот вывозить его под разными предлогами не давали⁴.

Продотряды получили широкие полномочия, но их состав оставлял желать лучшего. Как говорилось на заседании Петроградского комитета РКП(б), «состав нежелательный», некоторых надо арестовать⁵.

Но постепенно в этой сфере усиливалась дисциплина. Особо вопиющие случаи становились предметом расследования и показательной расправы. Так, 20 июля «Известия» сообщали из Смоленска: «За грабежи, убийства и незаконные обложения граждан областной чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией расстреляно 14 красноармейцев».

Первоначально продовольственная диктатура вылилась в «политику бессистемных набегов продотрядов»⁶. Юхновские крестьяне писали Спиридоновой: «Мы не прятали хлеб, мы, как приказали, по

¹ Нелидов А. А. Народный комиссариат продовольствия РСФСР и его местные органы в период установления и проведения в жизнь продовольственной диктатуры (лето и осень 1918 г.). С. 39.

² Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 198.

³ ЦГАМО. Ф. 2446. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 22–24.

⁵ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 423.

⁶ Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 164.

декрету, себе оставили 9 пудов в год на человека. Прислали декрет — оставить себе 7 пудов, два пуда отдать. Отдали. Пришли большевики с отрядами. Разорили вконец. Поднялись мы. Плохо в Юхновском уезде, побиты артиллерией. Горят села. Сровняли дома с землей. Мы все отдавали. Хотели по-хорошему. Знали, город голодный, себя не жалели»¹.

Многочисленные примеры произвола красных отрядов были оборотной стороной их безнаказанности. Центру нужно было быстро выбить из провинции ресурсы, а какими средствами — не так важно. Например, на юге Вятской губернии действовал отряд латышей К. Жидялиса, проводивший сбор чрезвычайного революционного налога. Жидялис «избивал лиц, не плативших налога, кулаком по голове и плетью до потери сознания, ставил к стенке и угрожал расстрелом, стреляя в воздух». В Татауровской волости Нолинского уезда латышский отряд «избил 13 человек без всякой надобности, кидал бомбы и стрелял из оружия». Латыши, проезжая по с. Кырчаны, «в пьяном виде требовали от обывателей подачи обеда, кидали без надобности бомбы, стреляли из оружия, ранив двух лошадей»².

Продовольственные и другие отряды получили от центра широкие полномочия применять насилие, потому что было ясно — добровольно будет трудно убедить крестьян расстаться с хлебом.

Вятский коммунист М. Любюков вспоминал: «Я обратился к народу с призывом помочь голодающему населению городов и рабочих поселков. Сразу же посыпались реплики: “Сколько за пуд платить будешь, комиссар? Соловья баснями не кормят, деньги на бочку!” Вслед за тем посылались уже откровенно злобные выпады: “Чего с ним говорить, сдергивай его за ногу с трибуны! Долой!” Члены волисполкома — ни слова, только на меня посматривают. Дескать, помочь ничем не можем»³. Дальше в дело вступал вооруженный отряд.

Для успеха дела продотряды должны были получить поддержку на местах, иначе с огромной крестьянской массой им было не справиться. Свердлов заявил во ВЦИК 20 мая: «Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, — только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем

¹ Цит. по: *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 422.

² *Бакулин В. И.* Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 147.

³ Там же. С. 146.

то, что смогли сделать для городов»¹. Учитывая, что вскоре в России развернется чудовищная по жестокости гражданская война, открытая фраза Свердлова выглядит как призыв к разрушению деревни дотла. Но Свердлов еще не знает, что будущая гражданская война многократно превзойдет по масштабам и разрушениям столкновения конца 1917 — начала 1918 г. Большевики надеялись, что решительность и насилие снова выручат их. Они безответственно разжигали огонь в деревне, не зная, как он полыхнет.

В этом большевики надеялись опереться на массовую поддержку той части деревни, которая и после земельного передела осталась бедной. Согласно декрету ВЦИК и СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты» от 11 июня местные Советы учреждали волостные и сельские комитеты деревенской бедноты. В их задачу входило распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, а также содействие местным продовольственным органам в проведении реквизиций у зажиточных крестьян. Со временем деятельность комбедов значительно расширилась, вплоть до набора в Красную армию, перераспределения земли между крестьянами, «очищения» Советов от «классово чуждых элементов» и т. п. Часто они полностью подменяли Советы.

Проект декрета А. Цюрупы предусматривал, что в комитеты могут входить малоземельные крестьяне и те, кто не пользуется наемным трудом. Но Ленин настоял на другом принципе: «не имеющие излишков хлеба или других продовольственных продуктов» и не пользующиеся наемным трудом². Поскольку декрет от 13 мая запрещал излишки хлеба, комбед становился объединением небогатых крестьян, лояльных продовольственной политике.

По мнению С.В. Ярова, создание комбедов опиралось на настроения, существовавшие в самой деревне: «Крестьяне традиционно не считали деревню единой: для одних существовало деление на богатых и бедных, для других — на прилежных и ленивых, для третьих — на справедливых и несправедливых. Эта специфическая дуальность существовала и раньше (хотя не была отчетливо политической, какой ее сделали большевики, оттого размежевание на кулаков и бедняков не явилось для деревни столь шокирующим).

Еще раз отметим, что сама идея перераспределения богатств возникла не только после чтения большевистских декретов. Призывы к помощи бедным, провозглашение греховности стяжания изначально были созвучны религиозно-этическим предписаниям и нормам

¹ *Свердлов Я.М.* Избранные статьи и речи. М., 1944. С. 72.

² *Декреты Советской власти.* Т. 2. М., 1959. С. 413.

общинной взаимоподдержки». Но «максимализм и жестокость, проявившиеся при воплощении классовых идей в жизнь, отпугнули от них различные слои деревни, в том числе и некоторых бедняков»¹. Деревня была готова бороться с кулачеством сообща, но большевики требовали иного — раскола деревенских масс и изъятия хлеба у середняка. Это не вызывало поддержки у большинства крестьян.

В основном надежды большевиков на раскол деревни не оправдались. Как пишет исследователь В.В. Кондрашин, «из документов ясно следует, что в оппозиции к власти оказывается подавляющее большинство общинников, чьи имущественные права ущемляются самым бесцеремонным образом. Противоречия внутри самой деревни отходят на задний план перед общими проблемами»². Некоторые историки считают, что существенного раскола в деревне не возникло, деревни целиком поддерживали либо красных, либо белых, либо «зеленых», но «внутренних столкновений практически нет»³. Однако в «красных» деревнях была антисоветская «агентура» и наоборот. Устойчивые очаги антисоветского сопротивления должны были заботиться о том, чтобы «выкорчевать», уничтожить и изгнать противников из своих сел и деревень. Иногда вооруженная борьба разворачивалась между соседними селами — более зажиточными и бедными. Нередко односельчан спланировала общинная организация — на тех, кто не хотел участвовать в совместных действиях против власти, община накладывала штрафы. Впрочем, бывали случаи, когда коммунистическим агитаторам все же удавалось добиться размежевания односельчан, как, например, в случае Передольской области Лужского уезда: «Попытка докладом расколоть подавляюще-кулацкое настроение удалась, и при принятии резолюции митинг разделился на две стороны, которые встали между собой в резко враждебные отношения»⁴.

Такие успехи были редкостью. Крестьян было трудно убедить, что после земельного передела они должны враждовать с зажиточными или бедными соседями. Как говорилось в резолюции Каргопольского крестьянского съезда в августе, «организацию комитетов деревенской бедноты считаем недопустимой, так как благодаря

¹ Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. С. 29.

² Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 101.

³ См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. С. 710–713; Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. С. 24.

⁴ Документ о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. // Яров С.В. Крестьянин как политик. С. 114, 136.

уравнительному пределу земли во всем уезде прежнее деление на классы само собой отпало»¹. Крестьяне пытались нейтрализовать комбеды, избирая их всем сходом. Иногда на собрание бедноты являлось «большинство состоятельных»².

Впрочем, те крестьяне, которые быстро проели или продали хлебные запасы, поддерживали перераспределение, так как оно оказывалось в их пользу. Кто накопил — тот проиграл. Но к таким людям, тем более — получившим власть над односельчанами, отношение было соответственное. На III съезде ПЛСР делегат от Нижегородской губернии говорил: «Крестьяне относятся враждебно к большевикам, особенно к комитетам бедноты, как к ябедникам и паразитам»³. Казанский делегат говорил: «Крестьяне искусно прячут хлеб, так как в обмен на хлеб не получают ничего, товарообмена совершенно нет»⁴.

Между тем летом в провинцию двинулись значительные товарные запасы. В июле–августе было распределено 200 млн аршин хлопчатобумажных тканей, из которых 13,5 млн досталось городскому населению, 188,7 млн — сельскому. В среднем один человек получил 2 аршина. Для товарообмена с деревней было выделено 240 тыс. пар галош. Не густо — ведь всего в руках государства было 1200 тыс. пар. 400 тыс. было распределено (примерно пополам среди горожан и селян), а 557 тыс. пар оставили в резерве⁵. Фокус был в том, что промышленные товары передавались не тем, у кого был хлеб, а классово-близким беднякам, помогавшим этот хлеб искать.

С экономической точки зрения такой «продуктообман» не имел смысла, он преследовал все ту же цель — создать коммунистам социальную опору в деревне путем ее раскола.

Перспективы развития сельского хозяйства коммунисты связывали с созданием земледельческих коммун. Пока это было дело добровольное, но поощряемое государством. 3 июля Совнарком ассигновал на развитие земледельческих коммун 10 млн руб., а 3 августа — еще 50 млн. При финансовой поддержке извне и льготах по продразверстке жить коммуной было выгодно. Но этот непривычный уклад жизни прельщал небольшое число крестьян — примерно 186 тыс. едоков, из которых около 106 тыс. трудоспособных (0,15 % крестьян)⁶.

¹ Цит. по: Яров С.В. Крестьянин как политик. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М., 2010. С. 155.

⁴ Там же. С. 261–262.

⁵ Минц И.И. Год 1918-й. С. 217.

⁶ Там же. С. 338.

Накануне введения продовольственной диктатуры продовольственное положение в разных губерниях России было качественно различным, в хлебопроизводящих относительно благополучное, а в хлебопотребляющих начался голод. Делегат III съезда ПЛСР от Уфимской губернии рассказывал в июне: «Хлеб у нас в продаже 1 р. 60 коп.: о черном и говорить не приходится — 30–40 коп. за фунт, и сколько угодно в частной продаже»¹. То есть хлеб можно было купить по 12–64 руб. за пуд в зависимости от сорта. Но советское государство было готово платить 4,75 руб. К тому же из-за разрухи транспорта хлеб было трудно вывозить из губерний². В Астрахани хлеб можно было достать за 24 руб. за пуд³. Делегат от Вятской губернии рассказывал: «Хлеб обошелся нам за май месяц по 200 р. за пуд, не считая человеческих жертв, потому что было много убитых, а раньше были твердые цены от 8 до 15 р. и хлеб можно было получить без всяких требований»⁴.

В наиболее тяжелом положении по естественным причинам оказался Петроград. Его огромное население в сложившихся условиях производило мало продукции, востребованной деревней, а в транспортном отношении он находился далеко от хлебопроизводящих губерний. В начале июня Горький констатировал: «Голод в Петрограде начался и растет с грозной силой. Почти ежедневно на улицах подбирают людей, падающих от истощения...»⁵ Петроград должен был в наибольшей степени выиграть от введения продовольственной диктатуры.

Но ожидавшегося улучшения не последовало. Энергоемкость суточного пайка петроградских рабочих в апреле–сентябре 1918 г. упала с 1023 до 393 калорий (при необходимых для существования 2300 и для работы средней интенсивности — 3100 калорий). В октябре–ноябре этот показатель вырос до 851–1108 калорий, но в декабре упал до 602 и на этом уровне оставался в начале 1919 г.⁶ Чтобы выжить, рабочие распродавали вещи, крали имущество предприятия. Спасала и связь с деревней. В этих условиях квалифицированным рабочим, которые уже оторвались от деревни, приходилось хуже, чем недавним крестьянам. При этом на рынке цены росли так быстро, что продукты становились недоступными для рабочих — в июле 1918 г.

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 247.

² Там же. 254.

³ Там же. С. 273.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Горький А. М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 177.

⁶ Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. С. 279.

зарплата петроградского рабочего позволяла прокормиться с рынка только 4 дня¹.

Из существовавших в начале 1917 г. в Петрограде 773 предприятий с числом рабочих более 5 к апрелю 1918 г. закрылось 231, а число рабочих на них упало с 351 010 до 143 728². К 1 апреля 1918 г. в Петрограде бездействовало 77 % предприятий металлопромышленности³. По подсчетам А.В. Гоголевского из-за безработицы в апреле 1918 г. деклассировалось 12,2 % петроградских рабочих, в мае — 16,3 %, в июне — еще 12,3 %⁴.

На биржи труда в РСФСР записалось 305 614 человек, из которых в Петроградской губернии — 13,6 %, в Московской — 13,2 %, в Иваново-Вознесенской — 6,4 %⁵. В результате безработицы и голода рабочие постепенно деклассировались, уходили с производства, как правило — в деревню.

За первую половину 1918 г. число рабочих Петрограда сократилось более чем втрое — с 331 тыс. до 99 тыс.⁶ Население города сократилось вообще на миллион человек.

В целом в Советской России на село из городов вернулось около 2 млн человек⁷. Происходил распад рабочего класса — один из признаков деиндустриализации и архаизации общества.

Продовольственная диктатура быстро привела к ухудшению положения в Москве, где до этого заготовки велись относительно успешно. В первой половине июня прибывшие в Москву посланники петроградских оппозиционных рабочих констатировали: «Постоянное недоедание переходит в настоящий голод»⁸.

Обострение дефицита продуктов пытались компенсировать строгой регламентацией распределения. В декрете Московского совета рабочих и солдатских депутатов 23 июня о распределении продуктов питания определялся такой порядок: «Все нормированные продукты должны распределяться в строгом соответствии с количеством выданных и приписанных к данному месту продажи карточек, причем посредниками при распределении продуктов (местами про-

¹ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 58.

² Потехин М.Н. Петроградская трудовая коммуна (1918–1919 гг.). Л., 1980. С. 26, 127.

³ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 5.

⁴ Там же. С. 11, 13.

⁵ Там же.

⁶ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 3. С. 54.

⁷ Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. С. 199.

⁸ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 412.

дажи) должны быть только заслуживающие доверия (как то: лавки и склады продовольственного отдела МСРД, районных Советов, лавки фабрично-заводских коллективов, Центрального рабочего кооператива, Союзного т-ва рабочих, потребительских о-в кооперативов и др. объединений)... Отменить выдачу нормированных продуктов всем ресторанам, трактирам, кафе, чайным и пр. заведениям квартирного промысла, усилив одновременно выдачу продуктов общественным столовым и питательным пунктам, зарегистрированным в отделе общественного питания продовольственного отдела МСРД, которые находятся под контролем и обслуживают трудящиеся массы населения, развить самую организацию этих столовых, особенно на окраинах»¹.

Полная централизация заготовок тяжело сказалась на снабжении армии. Главнокомандующий Вацетис жаловался: «Военное ведомство было лишено всякой возможности снабжать войсковые части, солдатский паек Наркомпродом был уменьшен до размеров, способных вызвать лишь вооруженный мятеж на голодной почве»². Только осенью практика военных реквизиций была возвращена.

* * *

Продовольственная диктатура, усилив дефицитность рыночного хлеба, привела к скачку цен на рынках в производящих губерниях. Введение проддиктатуры стимулировало спекуляцию — теневая торговля хлебом стала делом крайне выгодным — ведь цены сдаваемого и продаваемого хлеба различались на порядок.

Запрет торговли хлебом крупными торговыми организациями привел к тому, что хлеб теперь в частном порядке мелкими партиями закупали «мешочники», их массы заполонили железные дороги, дополнительно дезорганизуя их работу.

Люди с мешками хлеба устремились в города, а горожане — в деревню за мешками для себя и на продажу.

Делегат от Тульской губернии на съезде ПЛСР жаловался, что «центр и мешочники выкачивают из Тульской губернии весь хлеб»³. Если раньше был дефицит хлеба, то теперь две силы создавали голод там, где его не было раньше.

22 июля был принят декрет СНК о борьбе со спекуляцией, в соответствии с которым скупка, сбыт или хранение с целью сбыта про-

¹ Листовки Московской организации большевиков. С. 196.

² Цит. по: *Войтихов С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 239.

³ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 155.

дуктов питания, монополизированных республикой, карались заключением на срок не менее 10 лет, соединенным с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества.

4 августа Совнарком утвердил Положение о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах, действующих на железнодорожных и водных путях. Они должны были пресечь неподконтрольный государству продуктообмен. Декрет разрешал провозить на одного человека не более 30 фунтов продуктов. Но даже в эти 12 килограммов не должна была входить мука и зерно вообще. Масло разрешалось в количестве до 3 фунтов, а мясные продукты в количестве не более 5 фунтов. Очень скоро стало ясно, что заградотряды не будут скрупулезно взвешивать фунты. Управляющий делами Совнаркома сообщал ВЧК, наркоматам продовольствия и путей сообщения 26 августа 1918 г.: «Продовольственные и железнодорожные отряды обращаются просто в грабителей, отбирают деньги у пассажиров и проч. Решительно необходимо обратить на это самое серьезное внимание»¹.

В начале августа, фактически признав неудачу тотальной продовольственной диктатуры, власти разрешили провоз полутора пудов продуктов (как правило — с разрешения рабочих коллективов, но это правило не всегда соблюдалось). «В общей сложности только в Москву и Петроград в сентябре “полуторапудники” доставили свыше 4,5 млн пудов хлеба. Это вдвое превысило выработанный Наркомпродом план завоза хлеба в столицы. И было в четыре раза больше того, что фактически заготовило государство. К октябрю в Москве на время почти исчезли хлебные очереди (остались керосиновые, галошные, обувные и т. д.)», — подводит итог историк А.Ю. Давыдов². Наркомпрод выступал против полуторапудничества, вступив в противоборство с руководством Москвы и Петрограда (Каменевым и Зиновьевым), которые поддерживали эту меру. 11 сентября в своем циркуляре Цюрюпа писал, что как только централизованная заготовка достигнет больших успехов, «не будет надобности в таких временных разрешениях, затрудняющих работу продовольственных органов и нарушающих правильное распределение»³. 11 октября полуторапудничество было отменено.

¹ Цит. по: Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 160–161.

² Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921: мешочники. СПб., 2002. С. 248.

³ Цит. по: Нелидов А.А. Народный комиссариат продовольствия РСФСР и его местные органы в период установления и проведения в жизнь продовольственной диктатуры (лето и осень 1918 г.). С. 42.

26 ноября ВСНХ и Наркомпрод приняли решение о запрете частной торговли продуктами питания. Но теневая торговля сохранялась несмотря на репрессии.

Борьба местных инстанций за ресурсы продолжалась и после того, как декретами был установлен строгий централизм. Так, например, 5 декабря 1918 г. Северодвинский совнархоз конфисковал дрова, предназначенные для Вятки. А Вятский горсовет в декабре перехватит бумагу Союза сибирских кооперативных союзов¹.

Выполнение продовольственных нарядов осуществлялось в 4 очереди: в первую очередь удовлетворялись 40 % потребностей РККА и 30 % городов и потребляющих губерний (сначала Москвы и Петрограда), во вторую — 20 % РККА и 15 % потребляющих городов и губерний, и так далее. В сентябре также был создан особый фонд Наркомпрода для чрезвычайных нужд².

Значительная часть собранных продуктов просто сгнивала. А. Шляпников вспоминал: «Прибыв на станцию, мои уполномоченные разыскивали все грузы, среди которых были уже сгнившая колбаса, испортившийся картофель»³. Эта проблема была типичной: «Из Сибирской, Самарской и Саратовской губернских организаций, закупающих ненормированные продукты, везут мерзлый картофель и всякие овощи. В то же время станции Самаро-златоустовской и Волго-бугульминской железных дорог завалены хлебом в количестве свыше 10 млн пудов, которые за отсутствием паровозов и вагонов продорганам не удается вывезти в потребляющие районы и которые начинают уже портиться»⁴.

Москва получила в августе более 237 тыс. пудов, а в ноябре — более 873 тыс. пудов. Подводя первые итоги заготовок, депутаты Моссовета жаловались на беспорядок в работе продовольственных органов: «Нужна нам картошка, они посылают нефть, когда нужна нефть, они картошку посылают, поэтому никогда ничего вовремя не получают... на местах сколько угодно продовольствия, а наряды на картошку не дают»⁵.

В сентябре 1918 г. пошел «большой хлеб» в Вятской губернии, одной из немногих производящих губерний, контроль над которыми в целом сохранили большевики. Если к 1 июля губерния заготовила

¹ Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 198.

² Нелидов А.А. Народный комиссариат продовольствия РСФСР и его местные органы в период установления и проведения в жизнь продовольственной диктатуры (лето и осень 1918 г.). С. 15.

³ Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 91.

⁴ Правда. 1.3.1919.

⁵ ЦГАМ. Ф.Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 21.

150 тыс. пудов, то с 1 августа 1918 г. по 1 апреля 1919 г. (уже в период действия продразверстки) — 7,9 млн пудов¹.

Положение стало улучшаться по мере продвижения Красной армии в Поволжье, где значительные запасы уже были заготовлены Комучем. К тому же в этих относительно богатых хлебом губерниях со сменой режима крестьяне пока опасались выступать против новой власти, присматривались к ней и делились хлебом. В Казанской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях из урожая 1918 г. было заготовлено 49 699 тыс. пудов, а в остальных 8 производящих губерниях — 50 281 тыс. пудов².

За год к 1 августа было заготовлено 30 млн пудов хлеба. С 1 августа по 1 января 1919 г. — 62 млн пудов³. По данным экономиста Н.Д. Кондратьева, хлеба заготовили несколько меньше.

За первый год продовольственной диктатуры (до июня 1919 г.) было собрано 44,6 млн пудов хлеба, а за второй год (до июня 1920 г.) — 113,9 млн пудов. Но только за ноябрь 1917 г. еще не разгромленный продовольственный аппарат Временного правительства собрал 33,7 млн пудов⁴.

Закат власти Советов

Декрет о продовольственной диктатуре от 13 мая положил начало стремительному изменению социально-политической системы Советской республики в направлении жесткой централизации.

Некоторые волостные Советы поддерживали требования крестьян, требовали свободной торговли и прекращения произвола властей — как, например, Девятинский волостной Совет Вытегорского уезда. Требования оказались популярными и в окрестных волостях. 4 июня крестьяне собрались в Вытегре для обсуждения девятинских требований, и этот сход закончился столкновениями с красноармейцами. В итоге был распущен и Вытегорский городской Совет, часть депутатов которого не одобряла действия властей, допустивших кровопролитие⁵.

Проводились разгоны волостных и уездных Советов и съездов Советов, если их большинство стоит на платформе Учредительного со-

¹ Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 166.

² Андрианов Н.А., Толстяков К.А. Становление и упрочение власти Советов в Татарии. С. 158.

³ Нелидов А.А. Народный комиссариат продовольствия РСФСР и его местные органы в период установления и проведения в жизнь продовольственной диктатуры (лето и осень 1918 г.). С. 51.

⁴ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 366.

⁵ Яров С.В. Крестьянин как политик. С. 49–51.

брения или не поддерживает Советскую власть. Так, например, 5 июня Нолинский уездный съезд Советов Вятской губернии принял резолюцию о ликвидации власти Советов и восстановлении власти земских органов в уезде. В ответ из Вятки последовало указание: «В случае вынесения резолюции против Советов немедленно арестовать президиум и доставить в Вятку для предания суду революционного трибунала. Съезд распустить». Место проведения съезда было окружено Красной гвардией, лидеры антисоветчиков арестованы, просьбы об их освобождении проигнорированы. Тогда из Нолинского исполкома ушли левые эсеры и беспартийные¹. Вскоре нолинцы перейдут к вооруженному сопротивлению Советской власти.

Во время волнений в Холме 15 июня толпа кричала: «Хлеба давайте, а если не можете дать хлеба, то царя давайте»². В этих условиях допустить демократические перевыборы Советов означало отдать их в руки антисоветского актива деревни.

Недовольство разливалось широко и глубоко проникало в советский актив. Даже на заседании Московского комитета РКП(б) говорилось 10 июня: «Во время торжественного собрания в Большом театре Свердлову положили на стол изрядную кучу резолюций и требований их оглашения. А в них были требования свободной торговли и в значительной части Учредительного собрания»³. А ведь на такие собрания абы кого не пускали. Коммунистическая социально-экономическая политика становилась несовместима с реальной выборностью органов власти.

С июня 1918 г. полномочия крестьянских Советов передавались комбедам. Осенью сельские Советы были реорганизованы путем слияния просоветских крестьянских депутатов и комбедов.

Избиратели привыкли к избираемости власти и только на этом основании считали ее своей. Отказ от перевыборов вел к конфликтам. Об одном из них повествует жалоба жителей Семёновской волости Демянского уезда Новгородской губернии на своего председателя волостного Совета: «Народ всей волости вскричал, что нужно переизбрать состав волостного Совета, так как ему истек срок и подлежит вновь переизбранию, а прежде всего нужно переизбрать председателя. И его народ немедленно просил оставить свой пост. Председатель же, выйдя в коридор помещения, занимаемого Советом, с револьвером в руке, и закричал народу таким тоном, что умру я, но не сойду с занимаемой мной должно-

¹ Романов Н. И. Борьба за власть. Нолинск, 2014. С. 30–31.

² Документ о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 117.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 582.

сти. Тогда народ еще сильнее закричал: “Долой председателя!”, он в это время почему-то из коридора стал стрелять в публику...»¹

В 1917–1918 гг. Советы прошли путь от органов самоорганизации трудящихся, в которых лидеры находятся под контролем делегатов от заводов, поселений и воинских частей, до политически монолитных подразделений централизованной партийно-государственной иерархии.

* * *

14 июня ВЦИК голосами большевиков против левых эсеров принял решение об исключении эсеров и меньшевиков из ВЦИК и рекомендовал исключать их из местных Советов. Это решение готовилось в первых числах июня² — еще до образования Комуча. Роль партийных структур эсеров и особенно меньшевиков в начавшемся чехословацком выступлении была еще не ясна, так что причиной исключения были не действия социалистов, а сама обстановка Гражданской войны.

16 июня Ю. Мартов писал А. Штейну: «Изгнанием нас из Советов уничтожается, собственно, вся почва “советской конституции”, ибо Советы перестают быть представительством всех рабочих, а там, где наши в больш[инств]е, упраздняются и самые Советы. Этим решением лишь обобщается процесс, происходящий повсюду в течение последних месяцев. Повсюду рабочие требуют перевыбора Советов, избранных перед Октябр[ским] переворотом. Советы упорно сопротивляются этому требованию и часто в борьбе из-за этого вопроса дело доходит до забастовок рабочих и разгона их демонстраций [вооруженной] силой (Тула, Ярославль и др[угие] м[еста]). Кое-где рабочие добивались перевыборов, которые везде дали либо усиление оппозиции, либо переход Советов вновь к м[еньшевикам] и эсерам. И тогда почти повсюду либо Советы разогнаны вооруженной силой от имени “военно-революционных комитетов”, либо из Советов изгнана усилившаяся оппозиция, как “контрреволюционная”»³.

Даже часть большевиков была против исключения социалистов из Советов. Видный московский коммунистический лидер П. Смидович говорил на Московской городской конференции РКП(б) 22 июня: «Мы всегда выдвигали отличительную черту Советов — возможность свободных перевыборов, раз этого нет, где же отличительная черта советской власти. Исключением рабочих из Совета вы сплавливаете

¹ Документы о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 155.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 91.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 547–548.

меньшевиков и с.-р. Из Совета вы их не изгоните, они пройдут под флагом беспартийных. Но Советом это уже не будет»¹.

Большевикам, особенно умеренным, было важно показать, что они по-прежнему могут говорить от имени избирающих их масс трудящихся. Но теперь выборы становились все более формальными, так как в них исключалось соревнование позиций.

В городах и на губернском уровне создавались революционные комитеты, которые действовали самостоятельно от Советов — Советам теперь полного доверия не было. Ревкомы создавались коммунистическими парторганизациями (иногда в сотрудничестве с левыми эсерами, анархистами и максималистами) в прифронтовой полосе или в районах восстаний. 31 мая был создан Симбирский ревком, 11 июля — Ярославский, 1 августа — Казанский, 10 августа — Нижегородский. В сентябре—октябре, когда фронт ушел на восток, они были ликвидированы, и власть вернулась к Советам, где большинство было гарантировано коммунистам, так как представители эсеров и меньшевиков в Советы не допускались, а левые эсеры допускались со многими ограничениями.

Там, где советские органы не проявляли должного рвения в борьбе с крестьянскими выступлениями, ревкомы заменяли их в волостях и уездах. Пока влияние Советов стремительно падало, опорой власти на местах стали вооруженные отряды и уездные ЧК.

Выстраивая вертикаль власти, заменяющую своевольные Советы, руководство РКП(б) не могло пока опереться на структуру собственной партии, которая для того и строилась как строго централизованная. Но именно весной 1918 г. с партией были нелады, о которых ЦК откровенно сообщил парторганизациям в письмах 22 и 29 мая: «В силу ухода массы ответственных партийных работников в деятельность советскую... благодаря наплыву в эту партию широких масс, недавно лишь в нее вошедших, стройность и дисциплинированность наших организаций сильно нарушена»². По мере ликвидации внутрисоветской оппозиции и подчинения местных Советов центру, власть перетекала в коммунистические ячейки. Сеть этих ячеек росла, в них перетекали кадры — как идейно, так и карьерно мотивированные.

Выстраивая массовую структуру, которая должна была проникнуть во все волости и кварталы, РКП(б) заботилась о пополнении рядов молодежью. Становиться коммунистом следовало смолоду. Задачу коммунистического воспитания молодежи и отбора юных

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 587.

² Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) с местными партийными организациями (март—июль 1918 г.). М., 1967. Т. 3. С. 73.

сторонников коммунизма для вступления в РКП(б) должен был решить Коммунистический союз молодежи (комсомол).

Он был создан на I Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи 29 октября — 4 ноября. 194 делегата представляли 22 100 членов коммунистических и других левачьих молодежных групп. Съезд принял решение об их объединении в Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). Съезд принял тезисы программы и устав РКСМ. В тезисах говорилось, что союз солидарен с РКП(б), его цель — распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России. Авторы тезисов провозгласили молодежь наиболее революционной частью рабочего класса. РКСМ был создан как самостоятельная от РКП(б) организация. Только на III съезде РКСМ в 1920 г. под давлением Ленина «левацкие загибы» были убраны из документов РКСМ, и он был полностью подчинен РКП(б).

Но пока коммунистическая смена не подросла, коммунистический режим не мог обойтись без старых специалистов. Например, осенью 1918 г. в управленческих структурах Вятской губернии из 4766 сотрудников советских учреждений 4467 оставались на тех же должностях, что и в дореволюционное время¹. Среди остальных многие были просто понижены в должностях, поскольку ключевые посты заняли ставленники правящей РКП(б).

Окрепнув к концу года, коммунистические парторганизации монополизировали ответственные посты, запрещая назначать на них как представителей других советских партий, так и беспартийных.

Монополизация власти коммунистами открывала широкие возможности для злоупотреблений. Зиновьев сетовал, что в петроградскую парторганизацию пришли «сотни и тысячи жуликов»². Так, например, в Холмском уезде вскрылись злоупотребления группировки, включавшей руководство уисполкома, организации РКП(б) и местной ЧК. Приезжавшим из центра агитаторам, а затем и следователям местные жители жаловались на злоупотребления. Но агитаторов самих обвинили в контрреволюционной агитации, одного следователя арестовали, еще два следователя опасались ссориться с местным начальством, но затем докладывали о жалобах, которые сочли обоснованными: «о штрафах, наложенных исполкомом на бедняков, каковым пришлось продавать чуть ли не последнюю скотину, чтобы выплатить штраф, о взятках, взимаемых членами Исполкома

¹ Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 177.

² Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 366.

не только деньгами, а мясом, мукой и прочим, об арендной плате, которая взималась с помощью комбедов (хутор Таракановка) местным кулаком... о том, что полиция занимает видные места в исполкомах, а учителя из-за личных счетов сидят в тюрьме...»¹

Хищения при реквизициях стали настолько типичными, что это позволило впоследствии Л. Троцкому сделать такое обобщение: «у нас при хищении говорили “реквизнул”...»²

Впрочем, было немало примеров и честности советских ответственных работников: француз П. Паскаль писал в дневнике о русском рабочем, столяре, с трудом живущем на 380 руб. в месяц, секретаре Совета³.

Власть не могла накормить рабочих, но пыталась как можно равномернее распределить в их пользу другие важные ресурсы, такие как жилье. В Москве в хорошие дома переселили 19 150 рабочих⁴. Моссовет муниципализировал 28 тыс. домовладений. Но домкомы вели работу из рук вон плохо⁵.

В городах демократия на всех уровнях заменялась жестким контролем за массами. Лидер левых социал-демократов Ю. Мартов писал об этом: «Надо прибавить, что эта власть, обладая аппаратом фабрично-заводских комитетов, тоже отказывающихся переизбираться и также превращенных в наемных чиновников, держит массы на цепи голода: комитеты увольняют непокорных (особенно при сокращении производства), карают штрафами при забастовках, вводят вооруженную силу для разгона заводск[их] митингов, часто воспрещают продажу оппозиционных газет в пределах завода и т. д. Настоящий “парагвайский коммунизм!”»⁶.

В условиях жесткой централизации власти текущее руководство на местах осуществляли президиумы Советов. Забот было невпроворот — обстановка в стране была экстремальная из-за войны, разрушения привычного уклада и эпидемий. Поскольку негосударственные институты подавлялись, нужно было всем руководить в ручном режиме.

В июле–августе, например, президиум Благуше-Лефортовского райсовета выбивал в Моссовете разрешение на временную ежедневную торговлю на Преображенский площади, занимался установкой на улицах кипяtilьников по случаю холеры, реквизицией торгового

¹ Документы о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 161.

² Двенадцатый съезд РКП(б). 15–17 апреля 1923 г. М., 1968. С. 330.

³ Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. С. 574.

⁴ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 21.

⁵ ЦГАМО. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁶ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 548–549.

имущества Кутипина, организацией на архиерейской даче молочной фермы, а в доме Варнавского общества — клуба «Заря новой жизни» и детской школы. Но соломоновым решением постановили, что церковь будет сохранена. Райсовет открыл три школы для взрослых, принял план заготовок овощей на собственных огородах. Ремонт покрытия бань поручили технически-строительному отделу райсовета¹.

Такова была текучка московской жизни в середине 1918 г. — смесь революционных перемен и житейского прагматизма. Как бы ни менялись государственные формы и социальные структуры, нужно было поддерживать инфраструктуру жизни. Тем более что вместе с неустроенностью и военными бедствиями на страну надвигались холера, тиф и испанка.

* * *

Важным смотром сил в борьбе за Советы стали перевыборы Петроградского Совета 18–20 июня. Руководство Петросовета во главе с Г. Зиновьевым отказалось от принципа, когда рабочие в любое время могли отозвать и переизбрать своего депутата. Теперь выборы проходили единовременно и сопровождались общегородской предвыборной кампанией.

Чувствуя себя неуверенно в условиях разочарования рабочих результатами их политики, большевики подстраховались, зарезервировав места не только для предприятий (в том числе уже закрытых) и воинских частей (в том числе демобилизованных), но и для профсоюзных комитетов и райсоветов, которые в это время не переизбирались, и где у коммунистов было большинство, полученное в других исторических условиях. Депутаты избирались также от остановленных предприятий, коллективы которых распались, но остались старые завкомы. В своей декларации депутаты-социалисты утверждали, что избирательная инструкция была составлена большевиками в пользу «мертвых душ» так, что «1 больш[евистский] чиновник получал в 500 раз больше избир[ательных] прав, чем работающий на заводе рабочий»².

Как пишет симпатизирующий большевикам канадский исследователь Д. Мандель, «подвести итоги этих выборов — непростое дело, так как, кроме рабочих и солдат, право голоса получили организации. Совету профсоюзов Петрограда была отведена квота — один депутат от 5000 членов; отдельные профсоюзы с более чем 2000 членов избирали по два депутата; мелкие профсоюзы по одному. В целом профсоюзы

¹ ЦГАМ. Ф. Р-2630. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10.

² Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 359.

избрали 144 депутата. Районные Советы избирали по три депутата, фабрично-заводские комитеты на закрытых предприятиях, где до закрытия были заняты 1000 и более рабочих, могли избрать одного депутата. Словом, было немало мертвых душ». Рабочие действующих предприятий избрали 262 депутата (что соответствует норме представительства в 300–500 рабочих на депутата при общем количестве рабочих в 143 тысячи)¹. По официальным данным, от работающих предприятий было избрано 127 большевиков (48,5%), 32 левых эсера (12,2%), 29 меньшевиков (11,1%), 46 эсеров (17,6%), 28 беспартийных (10,7%)². Например, на Путиловском заводе было избрано 11 большевиков, 5 левых эсеров, 9 социалистов и 1 беспартийный³.

Как рассказывал петроградский депутат-социалист Д. Захаров, «ряд предвыбор[ных] собраний показал, что масса запугана б[ольшевик]ами, но если она видит сильную оппозицию, она пойдет за нею. Мы прошли на Путиловском, Обуховском [заводах], [заводе] Арсенал, в трамвайных парках, типографиях и других заводах»⁴.

Но значительная часть рабочих продолжала голосовать за большевиков — кто-то искренне поддерживая, а кто-то опасаясь, что оппозиционные заводы не получат заказов от государства, и предприятие остановится. Как говорилось на заседании оппозиционных большевикам рабочих активистов Петрограда, имея в виду лидера петроградских большевиков, «...Зиновьев потому и существует, что его рабочие поддерживают»⁵.

Большевики победили, подтвердив как минимум наличие у них определенного ядра поддержки. Настроения колеблющихся масс переломила эффективность большевистской агитационной машины. Как пишет историк А.В. Гоголевский, «на совещании в Выборгском РК РКП(б) отмечалась исключительная роль большевистских ораторов в изменении настроения рабочих. Большевистские агитаторы района к 21 июня (выборы начались 18 июня вечером) выступили на 26 рабочих собраниях. Иногда в период июньских выборов большевикам приходилось посылать на заводы самых умелых и известных ораторов, членов ЦК, руководителей Петроградской организации... 14 июня полемика между большевиками и меньшевиками развернулась на общем собрании Балтийского завода. Неоднократно высту-

¹ Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.). М., 2015. С. 506.

² Там же. С. 508.

³ Там же. С. 507.

⁴ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 457.

⁵ Там же. С. 197, 201.

павшему А.В. Дуначарскому удалось переломить настроения рабочих, отклонивших резолюцию меньшевиков»¹.

Во время этой кампании 20 июня был застрелен один из лидеров петроградских большевиков и яркий, известный оратор Володарский, что также могло повлиять на настроения рабочих.

Ситуация на выборах осложнялась тем, что 11 мая на кораблях Минной дивизии, находившейся близ Обуховского завода, происходили волнения (подробнее см. параграф «Несчастный Щастный»). Матросы установили контакт с антисоветски настроенными рабочими. После выборов и расстрела бывшего начальника морских сил Щастного настала очередь и мятежных матросов. К тому же, как пишет А. Рабинович, «состоявшиеся 22 июня похороны Володарского усилиями большевиков и левых эсеров были превращены в массовую демонстрацию поддержки Советской власти. В этой обстановке симпатии масс оказались не на стороне восставших моряков Минной дивизии, и их выступление удалось легко подавить»².

Всего было избрано 434 большевика и сочувствующих, 94 левых эсера и сочувствующих, 38 эсеров, 22 меньшевика, максималист, 45 беспартийных и 4 прочих³.

Для большевиков было неприятно, что их противники победили на таких крупных предприятиях, как Обуховский завод и «Арсенал». Обуховский вскоре был подвергнут локауту. Разошлись мнения по поводу того, кто победил на собрании рабочих Путиловского завода. Пресса эсеров и меньшевиков рассказывала, как на заводе победила оппозиция, но мандатная комиссия Петросовета заявила, что это не так, и присудила победу большевикам. Тем не менее оказалось, что 19 из 30 путиловских депутатов — оппозиционеры⁴.

Социалистической оппозиции было трудно использовать трибуну Петросовета для агитации. Д. Захаров рассказывал: «Нам не дают слова в Совете... Они пока терпят нас потому, что мы прошли от крупных заводов»⁵.

Июньские выборы стали переломными. Сама агитация, несмотря на наличие нарушений, все же требовала от режима умения пользоваться демократическими инструментами, убеждать, а не принуждать к голосованию за правящую партию. Несмотря на развернув-

¹ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 102.

² Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 365.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 590.

⁴ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 138–140.

⁵ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 457.

шуюся широкомасштабную гражданскую войну и принятие 14 июня декрета об исключении эсеров и меньшевиков из Советов, оппозиционная социалистическая агитация на петроградских выборах разрешалась, и кандидаты от социалистических партий не были сняты с гонки. А вот после победы на выборах большевики решили, что церемониться уже нет смысла.

С июля оппозиция в Петрограде действовала на заводах фактически нелегально¹. Оппозиционная пропаганда пресеклась не только на предприятиях. 4 августа были закрыты антисоветские «буржуазные» газеты. Правда, сохранялись не только государственные, но и кооперативные издательства.

Те сферы, которые в результате революции стали политизированными — заводы, войска, общественность — оказались либо интегрированы советским режимом, либо изолированы от «масс». А массы были деморализованы голодом, боялись перемен, от которых становится только хуже, либо протестовали, но разрозненно и больше словесно. Историк С.В. Яров пишет о состоянии Петрограда в 1918 г.: «Словно существовало два города: один, дисциплинированный коллективными ритуалами, молчащий и молча голосующий, другой — вне заводских стен и учреждений, без наблюдающего ока, раскованный и непредсказуемый. Очевидцы, видевшие только этот, другой город, удивлялись устойчивости нового режима. «Ну на ком же, в сущности, держатся большевики? — писал Г.А. Князев 8 сентября. — Ведь только и слышно, как поносят большевиков. Царское правительство так не ругали. В трамваях, на улицах, особенно женщины, кричат, что хуже стало, чем при царе. Но равновесие режима поддерживалось «зазором» между этими двумя городами — поведение первого из них жестко регулировалось большевистскими регламентами, организационными и идеологическими, и нейтрализовывали анархическую оппозиционность второго — стихийного, слабо управляемого, разобщенного»². Применительно к 1918 г. такая схема — забегание вперед на несколько лет. «Первый город» волновался, значительной своей частью принимал оппозиционные резолюции и летом 1918 г., и весной 1919 г., пользовался не большевистскими, а революционными регламентами, чтобы лоббировать свое право на хлеб. Но в итоге — с тем же результатом, что и крики в трамваях «второго города» — без того же мощного напора, как в 1917 г. «Первый город» не рисковал снова менять власть, он считал достаточным

¹ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. С. 142.

² Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 30–31.

нажимать на нее, время от времени то напирая, то отступая. И большевики, которые разбирались в социальной опоре больше, чем наблюдатели вроде Г.А. Князева, тщательно следили за настроениями именно на заводах. Там массы были сконцентрированы. Выйдя колонной из заводской проходной, они могли реально угрожать власти серьезными столкновениями. А их жены в трамваях (какой уж тут «зазор» между «двумя городами») и распыленные мещане да «вчерашняя» интеллигенция такой угрозы не несли. Страшны были не крикуны, а молчаливые боевики с наганом. Но их было мало и казалось, что с ними может справиться ЧК, получившая неограниченные полномочия убивать «подозрительных».

Уполномоченные протестовать

Социалисты пытались противопоставить переродившимся Советам движение уполномоченных предприятий, возникшее в марте.

По вопросу о выборах в Петроградский Совет Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда заявило: «Петроградский Совет превращен большевиками из независимой организации, стоящей на страже интересов пролетариата и завоеваний революции, в орган, враждебной рабочему классу власти... Избирательная инструкция составлена так, что заранее обеспечено подавляющее большинство правительственной партии, и голос рабочего класса не будет услышан». Несмотря на это, уполномоченные решили не игнорировать выборы (как предлагали прежде всего меньшевики), а призвать не отдавать голоса за большевиков и левых эсеров. На этой более активной тактике настояли эсеры, которые надеялись создать в Совете сильную фракцию¹.

Уполномоченные выступали за передачу продовольственного дела восстановленным органам местного самоуправления, «привлечение к организации закупок, снабжения и распределения продовольственных продуктов кооперативов, частного торгового аппарата», постепенное ослабление государственного регулирования, когда кооперативы и частные торговые организации смогут свободно закупать продукты, лишь под контролем продовольственных органов². Очевидно, что в этом случае город должен был бы предоставить крестьянам деньги, за которые можно было бы купить продукты. А денег у города не было, потому что он не мог реализовать достаточного количества промышленной продукции.

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 339–341.

² Там же. С. 288.

В июне произошли серьезные волнения на Обуховском заводе, которые были связаны с выступлением матросов и вызвали большое беспокойство советского руководства. 26 июня большевики провели локаут на непокорном Обуховском заводе.

Уполномоченные считали, что представляют 100 тыс. из 146 тыс. петроградских рабочих¹. На Петроградскую губернскую конференцию уполномоченных собрались 218 представителей 72 предприятий, на которых работало более 98 тыс. рабочих². Но насколько уполномоченные представляли всех этих рабочих, какая часть рабочих предприятий шла за ними? Это должна была показать политическая стачка.

В мае уполномоченные призвали рабочих Невского района пока не бастовать, чтобы сконцентрировать силы для более массовой забастовки³.

Смотром сил движения уполномоченных в Петрограде стала одnodневная стачка 2 июля, которая была проведена под лозунгами: «Долой смертную казнь! Долой расстрелы и Гражданскую войну! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует свобода слова и собраний! Да здравствует свобода стачек!»⁴

Советские власти приняли активные меры противодействия, арестовывая агитаторов за забастовку и установив контроль за заводскими гудками, чтобы они не использовались забастовщиками. Готовились штрейкбрехеры из безработных и красноармейцы для того, чтобы продолжить работу на предприятиях, которые могли быть остановлены из-за забастовки. Принятое от имени Петросовета воззвание характеризовало инициаторов забастовки как «белогвардейцев, действующих под фирмой правых с.-р. и Бюро уполномоченных, работающих под диктовку банкиров»⁵.

Петроградский совет профсоюзов выступил 2 июля против стачки: «Так называемое “Чрезвычайное собрание уполномоченных от фабрик и заводов”, собрание безусловных самозванцев, избранных на основе представительства никому не известного, заявляет: “Во имя спасения от голода, от безработицы, от превращения России в царский застенек, от предания страны на раздел и разграбление”».

Но спасет ли забастовка пролетариат от голода?

Разве приостановка работ даже на день не есть лишний удар по продовольственному делу?» Также, по мнению коммунистических

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 349.

² Там же. С. 303.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 353.

⁵ Там же.

профбоссов, не спасет забастовка и от безработицы, и от закабаления империализмом¹.

По данным Бюро уполномоченных, 2 июля бастовало 20 тыс. рабочих, а другие сторонники движения провели собрания, где приняли антибольшевистские резолюции. Это был скромный результат.

Неудачу стачки Бюро уполномоченных объясняло так: «Чрезвычайное положение на дорогах, организация штрейкбрехерских дружин, вооруженная охрана на линиях, опечатание типографий, угроза локаутом и пулями, налеты на профессиональные организации рабочих — все это было пущено в ход, чтобы помешать петроградским рабочим осуществить завоеванное революцией право на стачку»².

Подводя итоги стачки, социал-демократическая «Новая жизнь» писала: «Организаторы стачки переоценили недовольство низов, проявили недостаточное понимание психологии рабочего класса, не учли все те нити, которые, несмотря ни на что, настолько связывают рабочие массы с властью»³.

Что это за нити? Во-первых, сохранялась инерция авторитета большевиков 1917 г., и часть рабочих, оставшихся в Петрограде, воспринимала нынешние трудности как временные, доверяя коммунистическим обещаниям светлого будущего.

Во-вторых, нарастал страх перед контрреволюцией, перед армией реакционных карателей, которая может ворваться в Москву и Петроград, чтобы жестко отомстить за революционные «преступления». А эсеры и меньшевики вступили в союз с вооруженной контрреволюцией. Коммунистическая агитация пугала рабочих ужасами реакции.

В-третьих, рабочий зависел от власти социально, был привязан к ней распределительными механизмами. Как пишет историк А.В. Гоголевский, «при военном коммунизме рабочий “привязывался” к предприятию гарантированным натуральным пайком, который в обстановке голода и разрухи сам по себе был стимулом для добросовестного отношения к труду. Нельзя не принять во внимание и энтузиазм, преданность коммунистической идее части рабочих, готовых во имя ее добиваться высоких производственных результатов»⁴.

Потерпев неудачу в Петрограде, лидеры движения уполномоченных продолжали надеяться на провинцию.

9 июня в Сормово была создана рабочая конференция Нижегородской и части Владимирской губерний. Организаторы утвержда-

¹ Листовки Петроградских большевиков. Т. 3. С. 190–191.

² Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 363.

³ Цит. по: Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. С. 142.

⁴ Там же. С. 194.

ли, что представляют 74 тыс. человек. 63 делегата были беспартийными, 61 — эсер, 42 меньшевика, 8 бундовцев, 6 энесов и даже 1 коммунист. Конференция была разогнана с применением оружия, но создала свое бюро из представителей Сормово, Нижнего Новгорода и Канавино, а затем Богородского. Нижегородско-владимирские уполномоченные провели 18 июня однодневную политическую стачку в 9 населенных пунктах, включая Муром¹.

Настроения рабочих в провинции, особенно недалеко от фронта, радикализировалось. Представитель Нижнего Новгорода на Рабочем съезде говорил 22 июля: «Рабочие говорят, что политическая забастовка не достигла цели, и нужно вооруженное выступление»². Учитывая, что 6 августа Народная армия была уже в Казани, такие настроения в Нижнем были крайне опасны для Советской власти.

Коммунисты опасались распространения движения уполномоченных. 13 июня в Москве были арестованы делегаты рабочей конференции от Петрограда, Тулы, Сормово, Брянска и ряда предприятий Москвы³. Эта акция вызвала волну протестов и выступление Мартова во ВЦИК — последнее перед исключением социалистов из «советского парламента». Рабочая Москва начинала волноваться. На митингах железнодорожников Александровской железной дороги большевикам не давали говорить. 19 июня в Москве с применением оружия было разогнано разрешенное властями собрание рабочих мастерских малого ремонта Александровской железной дороги⁴.

В этих условиях шла подготовка к созданию межгородской оппозиционной рабочей организации.

Решение о созыве Всероссийского рабочего съезда было принято 1 июня на Чрезвычайном собрании уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. Но со всей Россией не было связи из-за кольца фронтов, и решили провести Рабочий съезд Центральной и Северной областей. 29 июня на совещании уполномоченных Петрограда, Москвы, Сормово, Брянска и районных объединений был создан организационный комитет во главе с Ю. Деннике, который провозгласил: «Рабочий съезд должен поставить перед собой задачу воссоздания единства рабочего движения, возрождения и укрепления классовых организаций пролетариата»⁵. Разумеется, в тех условиях о каком-то единстве пролетариата можно было только мечтать. Тем не менее могла возникнуть организация, особенностью которой было бы то,

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 428–431.

² Там же. С. 458.

³ Там же. С. 423.

⁴ Там же. С. 424.

⁵ Там же. С. 441.

что она говорит не от имени партий или захваченных ими профсоюзов, а от имени рабочего класса как такового. Усталость от партийной борьбы в рабочей среде могла стать важным ресурсом сопротивления социальной политике коммунистического режима, подрывая его право говорить от имени рабочего класса.

21–23 июля в Москве прошло Совещание Центральной и Северной областей по созыву Всероссийского рабочего съезда. В историографии это событие иногда не вполне корректно именуется «Рабочим съездом»¹. Такой статус делегаты не решились себе присвоить. 21 июля выяснилось, что делегаты съехались из 6 пунктов. Они провели совещание, но затем делегатов стало больше. Тем не менее президиум собрания все равно употреблял название «совещание»².

22 июля мандатная комиссия докладывала, что делегаты представляют 60 тыс. рабочих в Петрограде, 30 тыс. рабочих в Туле, тысячи рабочих в Сормово, Нижнем Новгороде, Кулебаках, Москве, Коломне, Орле, Вологде, Бежицах, Костроме, Рыбинске, Севастополе — всего более 115 тыс. рабочих.³ Историк Д.О. Чураков считает, что «реальные цифры были на порядок ниже», но в доказательство приводит слова делегата от Тулы, который был избран 500 рабочими от 1700 занятых на предприятии⁴, то есть не на порядок, а в 3–4 раза меньше. Движение в Петрограде, Туле, Сормово, Коломне, Бежице (Брянский машиностроительный завод), Вологде было многотысячным и совокупно составляло десятки тысяч рабочих. На съезде представительство получили социалистические партии — эсеры, меньшевики, отдельно Бунд и созданная Н. Глебовым Единая рабочая партия. Всего на момент разгона съезда в зале было 39 человек. При этом среди делегатов было не менее 21 меньшевика, 6 эсеров и 3 бундовцев. Таким образом, меньшевиков было более половины, а беспартийных — всего несколько делега-

¹ Например: Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007. С. 141.

² Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 466.

³ Там же. С. 455.

⁴ Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). С. 145. Д.О. Чураков утверждает, что участники съезда представляли от 20 до 30 тыс. рабочих, но не объясняет, почему, скажем, не от 10 до 40 тыс. Далее Д.О. Чураков утверждает, что «очень широкие протестные массы рабочих не были никоим образом связаны с движением уполномоченных» (С. 146). То есть существуют десятки тысяч протестно настроенных рабочих, представленных уполномоченными, они работают на протестующих предприятиях, но таинственные «протестные массы» каким-то одному Д.О. Чуракову известным способом избегают с ними каких-либо связей. Впрочем, позиция Д.О. Чуракова становится ясной, когда он заявляет (не подтверждая это фактическими доказательствами), что в это время в России «царили традиционализм и реставраторские тенденции» (С. 158). Движение уполномоченных фактом своего существования подрывает эту идеологию, что определяет отношение к нему Д.О. Чуракова.

тов, в том числе представители Сормово, Бежицы и Тульской губернии. Наибольшее представительство на съезде имели рабочие-металлисты¹.

Заседания проходили под председательством эсера Е. Берга. Делегаты характеризовали настроения рабочих в своих регионах в спектре от апатии до готовности к вооруженному выступлению (в Нижнем Новгороде и Вологде, где был шанс на приближение фронта). Докладчик меньшевик А. Смирнов осудил партийно-интеллигентскую «грызню», что означало необходимость для рабочего движения дистанцироваться от социалистических партий. Ему возразил видный меньшевик Р. Абрамович, который утверждал, что разногласия большевиков и социалистов — это не грызня, а принципиальные разногласия, касающиеся в том числе и судьбы рабочего класса. Впрочем, в главном он был согласен со Смирновым — рабочие разочарованы в социалистах. Но это не значит, что нужно создавать еще одну, чисто рабочую партию: «Масса разочарована во всем и не поверит в новую партию; необходимо собрать раб[очих] всех течений и для нахождения общей линии на завтрашний день... Необходимо изолировать б[ольшевик]ов от раб[очей] массы, ибо тогда они вынуждены будут уйти»². Эта наивная вера в то, что большевики сдадут власть тем, за кем пойдет организованный рабочий класс, была обусловлена классовой схемой мышления социал-демократов и определяла их стратегию, связанную с Рабочим съездом. Между тем социальной опорой большевиков был далеко не только рабочий класс, и они не собирались сдавать власть какому-то собранию, даже самому рабочему, если оно не могло подкрепить свой авторитет достаточной вооруженной силой.

В разгар дискуссии между сторонниками и противниками вмешательства партий в рабочее движение в помещение потребительского общества «Кооперация», где проходило совещание, явились чекисты, которые арестовали 39 находившихся в зале участников мероприятия.

Против ареста уполномоченных протестовали рабочие ряда предприятий, в том числе 16-тысячное собрание путиловцев³.

Газета «Известия» утверждала, что конференция приняла резолюцию, выступавшую за прекращение внутренней войны, прекращение «опытов социализации и национализации», привлечение русских и иностранных капиталов «на началах свободной конкуренции». После таких «кадетских» требований следуют противоположные: «государственный контроль над производством и планомерное распределение сырья между всеми фабриками и заводами» и «регулирование

¹ Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). С. 143–144.

² Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 464–465.

³ Там же. С. 366.

и распределение предметов первой необходимости». Якобы ставилась и «общенациональная задача» борьбы с Советской властью. Арестованные утверждали, что даже не приступили к обсуждению резолюции с требованиями¹. Чекисты им не поверили, не верит этому и историк Д.О. Чураков². Однако он не приводит доказательств, что в руках чекистов оказалась принятая резолюция, а не какие-то наброски, проекты, причем разные и противоречащие друг другу. Основываясь на этих документах, делегатов съезда решили предать суду революционного трибунала, но 21 ноября освободили по амнистии.

Один из делегатов съезда вспоминал о словах своего охранника: «При царе посидели рабочие, теперь пусть посидят буржуи». Он, конечно, воздержался бы от этого замечания, если бы знал, что перед ним — один из участников «Совещания по созыву рабочего съезда», которое в целом прошло через большевистский застенек в сезон 1918–1919 г.³

Подводя итог рабочей оппозиционности в Петрограде, историк А.В. Гоголевский увязывает ее неудачу и упадок с социальными процессами: «революционный порыв рабочих Петрограда стремительно угасал. Из-за экономического кризиса, краха финансовой системы, развала военного производства существенно снизилась их численность. Очень многие покинули предприятия. Сокращения коснулись в большей степени наиболее политизированного круга рабочих, способного к формированию собственного самосознания. Часть его, поддержав новый режим, перетекла в учреждения. Иные укрылись в деревне или рассеялись по кустарным мастерским. Изменения численности и состава рабочих весьма ослабили их самостоятельные организации, что, безусловно, сказалось на монополизации власти большевиками. В целом в 1918–1919 гг. петроградские рабочие избегали политики и занимались выживанием в условиях нараставшего кризиса. На них не могли опереться ни большевики со своим коммунистическим проектом, ни социалисты, вызывавшие к парламентской или советской демократии. Однако большевики располагали серьезными экономическими и политическими ресурсами для того, чтобы обеспечить себе лояльность рабочих крупных предприятий. Без учета этого обстоятельства трудно объяснить, как им удалось удержать власть в чрезвычайно неблагоприятных экономических и политических условиях»⁴.

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. С. 473–474.

² Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). С. 151.

³ «Че-Ка». Берлин, 1922. С. 69.

⁴ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. С. 217.

Это в целом так, но все же отбить атаку активной части рабочих коммунистам удалось в тяжелой борьбе только в июле 1918 г. Однако классовые бои против новой бюрократии оппозиционный петроградский рабочий актив вел и в 1919 г. (в лидеры тогда вышли левые эсеры), и особенно в 1921 г.

В истории Гражданской войны, наполненной кровью и грязью военных преступлений, движение уполномоченных выделяется светлым пятном ненасильственного сопротивления авторитаризму и наступлению на социальные права. Увы, в обстановке экстремального обострения социально-экономической ситуации и приученности населения к насилию — особенно после начала широкомасштабной гражданской войны, уполномоченные имели мало шансов на успех. Но они до последней возможности продвигали практику ненасильственной борьбы за социальные права рабочего человека, чтобы возобновить после завершения войны борьбу за его освобождение от гнета капитала и бюрократии.

Национализация

Модель социалистических преобразований, оглашенная Лениным в «Очередных задачах Советской власти», предполагала не только собирания «в один мешок» продовольствия, но и нерыночное распределение промышленной продукции. А для этого нужно было взять в руки государства промышленность страны и управлять ею как единой корпорацией.

28 июня была проведена национализация крупнейших предприятий промышленности, железнодорожного транспорта, предприятий местного благоустройства и даже паровых мельниц.

Подготовка к национализации началась уже в апреле — «Очередные задачи Советской власти» не были просто декларацией. Тогда была запрещена продажа промышленных предприятий, введена обязательная регистрация акций и национализирована внешняя торговля¹.

2 мая была национализирована сахарная промышленность. Национализация нефтяной промышленности готовилась с марта и откладывалась по различным политическим и тактическим причинам. Национализация этой отрасли была проведена 20 июня (см. главу III).

Выбор конкретной даты массовой национализации был определен обстоятельствами переговоров с Германией. Партнеры требовали компенсации за все имущество германских подданных, которое будет национализировано после 1 июля. Советская сторона ответила, что уже решен вопрос о национализации предприятий с капита-

¹ Минц И. И. Год 1918-й. С. 236.

лом более 500 тыс. руб.¹ Сказано — сделано. По воспоминаниям члена президиума и секретаря ВСНХ А. Шотмана, Ленин потребовал «в течение суток составить список заводов и фабрик России всех отраслей промышленности»². Речь шла именно о крупных предприятиях, которые на следующий день были объявлены национализированными. Национализации подлежало 2 тыс. акционерных предприятий³.

С 28 июня государству принадлежал 31% предприятий, в машиностроении и инструментальной промышленности — 42%, в горной — 57%⁴. И это были крупнейшие предприятия.

Некоторые отрасли (горная, резиновая, нефтяная) были национализированы целиком. За следующий год была национализирована почти вся промышленность, кроме ремесленных предприятий с несколькими рабочими.

Но первоначально национализация была юридическим актом, система управления оставалась прежней — бывшие собственники считались безвозмездными арендаторами, могли финансировать предприятия и получать прибыль на прежних основаниях⁵. Но было понятно, что финансировать государственную собственность большого интереса у предпринимателей не будет — мера была явно переходная. Она отражала тот факт, что национализация планировалась немного позднее. Нужно было срочно искать кадры для управленческой деятельности, готовить планы работы.

Правление части национализированных фабрик формировалось из представителей Совета, фабзавкома и профсоюза⁶. Но на наиболее важные предприятия ВСНХ или региональный СНХ присылали своего управляющего. Рабочие добивались, чтобы его кандидатура согласовывалась с завкомом (то есть в случае чего можно было бы выразить и вотум недоверия). Этого добились, например, путиловцы после того, как был отклонен проект завкома о переходе управления к нему. Но фактически управление делами все же перешло к завкому, который лучше разбирался в делах предприятия, чем присланный товарищ⁷.

¹ Минц И. И. Год 1918-й. С. 242.

² В. И. Ленин во главе великого строительства: Сборник воспоминаний о деятельности В. И. Ленина на хозяйственном фронте. М., 1960. С. 63.

³ Минц И. И. Год 1918-й. С. 242.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Например, правление предприятия «Планета» в Балгуше-Лефортовском районе Москвы было сформировано из трех человек от этих трех инстанций (ЦГАМ. Ф. Р-2630. Оп. 1. Д. 1. Л. 21).

⁷ Гоголевский А. В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. С. 202–203.

Подводя итоги первого года революции, Ленин с гордостью говорил: «Рабочий класс показал, что он умеет без интеллигенции и без капиталистов организовать промышленность»¹. На практике в коллегиях заводских управлений государственных объединенных машиностроительных заводов рабочие составляли 51,3 %, инженеры — 35,1 %, низшие служащие — 13,6 %. В правлениях 23 текстильных предприятий Московской и Костромской губерний рабочие составляли 58,2 %, представители высшего административно-технического персонала — 31 %, низшего — 10,8 %. На 12 металлообрабатывающих предприятиях Нижегородской губернии рабочих в правлениях было больше — 64,8 %².

Чиновники возвращались на работу в ведомства. В наркомате путей сообщения работало 88,1 % старых чиновников, финансов — 97,5 %, продовольствия — 60,8 %, в Главсахаре — 51,4 %³.

Одновременно государство приступило к ликвидации рабочего самоуправления. На V съезде Советов Ленин заявил, что рабочий контроль устарел⁴. В декабре его функции были переданы профсоюзам.

Рабочие ряда отраслей были объявлены мобилизованными, в октябре началось введение трудовых книжек, что означало новый шаг в государственном контроле за движением рабочей силы.

Была введена трудовая повинность для всего населения. В связи с введением трудовой повинности райсоветы брали на учет весь «нетрудовой элемент» — духовенство, лавочников, трактирщиков, держателей мастерских⁵.

Государственная промышленность должна была обеспечить Советскую республику ресурсами. Налоги в этой ситуации были не нужны. Но в условиях разрухи денег катастрофически не хватало, и 30 октября власть пошла на такую меру, как чрезвычайный налог в 10 млрд руб., который должны были заплатить прежде всего имущие классы. Это означало фактическую конфискацию имущества тех, кто имел выше среднего. В деревне списки лиц, подлежащих обложению, составляли комбеды и местные Советы. Налог должен был подорвать финансовые возможности мелкого бизнеса, который еще сохранялся после национализации, а также дать комбедам повод для еще одного удара по кулакам и зажиточным крестьянам.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 134.

² Минц И.И. Год 1918-й. С. 234.

³ Ирошиков М.П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В.И. Ульянов (Ленин): очерки государственной деятельности в июле 1918 — марте 1920 г. А., 1980. С. 424–427.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 515.

⁵ ЦГАМ. Ф. Р-2630. Оп. 1. Д. 1. А. 38.

Государство концентрировало в своих руках потребительскую продукцию, что стимулировало рост цен на рынке (затем — на черном рынке), но предоставляло рабочим некоторые возможности получить необходимые промышленные товары на распределительном пункте предприятия, где одежда стоила в 4–12 раз дешевле, чем на рынке. Это «в известной степени сказывалось на их поддержке существующей власти»¹.

20 июля все предприятия, фабрично-заводские склады, склады сырья и полуфабрикатов, принадлежащие бывшим общественным организациям Земгору, Земсоюзу, Согору и народно-промышленным комитетам, передавались в ведение ВСНХ.

К концу 1918 г. открылось 264 заводов и фабрик, остановившихся в 1917–1918 гг. Конверсия большевикам не удалась, но с началом новой войны военная промышленность вновь была востребована². Удалось наладить и некоторые предприятия, работавшие на массового потребителя, например консервные, кожевенные и мыловаренные фабрики³. Впрочем, их приоритетным потребителем была армия.

Ближайшие последствия национализации касались не производства, а распределения — в руки государства попали огромные материальные запасы. Приумножить их государственная экономика могла незначительно, но могла раздать — отчасти укрепляя свою социальную базу.

Революция и культура

Устояв в борьбе с социалистами, монополизировав решение социальных задач революции, большевизм стал и консолидирующим фактором левой культуры, которая вскоре будет называться советской — уже в честь не Советов, а Советского Союза. Эта культура объединяла формирующееся советское общество.

Историк С.В. Яров пишет о жителях Петрограда: «Происходило медленное, еще малозаметное, ежедневное, зачастую бессознательное приспособление к новому режиму, усваивались его речь, терминология, коды поведения»⁴. Но кто к кому приспосабливался? Ведь большевики лучше других партий освоили речь, терминологию и «коды поведения», которые весь 1917 г. вырабатывала революция

¹ Гозелевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. С. 70.

² Там же. С. 5.

³ Шени О.В. Астраханский край в годы революции и гражданской войны (1917–1919). М., 2018. С. 260.

⁴ Яров С.В. Горожанин как политик. С. 31.

при активном участии самих петроградцев. Советские чиновники не могли повелевать, как царские, а вынуждены были приспосабливаться к нормам революционной культуры: официально чтить рабочих, оправдываться за отступления от демократизма 1917 г., подавая ограничения свобод как временные. Царский чиновник не должен был оглядываться на резолюции и голосования по любому поводу, а советский должен был тратить силы, чтобы «проводить резолюции» (свераясь таким образом с настроениями заводских масс). Не население адаптировалось к «кодам поведения» революции — уже давно знакомым, а Советская власть всячески камуфлировала свой отход от первоначальных демократических принципов революции.

Для того чтобы создать новое общество, необходимы не только экономические, но и культурные предпосылки, определенный культурный уровень населения. Иначе новое общество не сможет начать развиваться — у людей не будет культурной практики, чтобы жить по-новому. Но новая культура возникает в субкультурах и не может овладеть массами населения, развиваться «вширь» без социальных предпосылок, в условиях господства прежних социальных отношений. Социальные перемены должны сопровождаться и культурными сдвигами — иначе результаты революции не могут быть закреплены. Демократия даже в случае радикальных политических реформ не может закрепиться без распространения демократической культуры. Социальное раскрепощение и творчество невозможно без раскрепощения культурного творчества и приобщения к нему широких слоев населения. Социализм не может существовать без способности большинства населения выполнять функции власти и заниматься творчеством, что раньше было достоянием социальных элит.

В ходе революции широкие народные массы стремились приобщиться не только к политической жизни, но и к культуре, что вызвало у представителей творческой интеллигенции противоречивые чувства. Для одних это было покушением на элитарность, высокое качество культуры, вторжение грубой толпы, которая не должна диктовать творцу свои правила. Другие литераторы и художники приветствовали тягу трудящихся к новой культуре, готовы были поставить свое творчество на службу революции. Для них Серебряный век стал частью уходящего мира, где народ был несчастлив.

Социальная революция ударила по элитарной культуре своей разрушительной стороной. Делегат первого съезда по просвещению В. Шульгин летом 1918 г. рассказывал: «Свезли в Рязань из помещичьих усадеб ценнейшие коллекции книг, картин, а из имения

Келлера — музей минералов, монет... Горят усадьбы, горят, и нужно спасти все ценное»¹. А сколько не свезли?

Большинство представителей интеллигенции отнеслись к Октябрьскому перевороту враждебно или неприязненно — либо как к дальнейшему углублению хаоса, либо как к разрыву с идеалами Февраля, давшего свободу. «Почти вся петроградская литература осталась по ту сторону октябрьской границы. Перешли: А.А. Блок, К.А. Эрберг, Иванов-Разумник, О.Д. Форш, С. Есенин, видимо, А. Чапыгин... Перешли не на основании точно обозначенных платформ, а каждый по-своему, на основании чего-то своего; писатели эгоистичны по-преимуществу»², — писал литератор Е. Лундберг. Но эта индивидуальность творческой личности и была ценна, именно ее не хватало поднявшимся «массам». Просоветская интеллигенция не была единой. В. Маяковский вспомнил о своем большевистском прошлом, А. Блок и почти все литературное объединение «Скифы» тяготели к левым эсерам³.

Большевики не боялись конфронтации с творческой интеллигенцией, которая в большинстве своем и так поддерживала их политических противников — социалистов и кадетов. В силовом противостоянии деятели Серебряного века были незначительной величиной. Но для решения конструктивных задач значение интеллигенции было огромно, потому что модернизация России и тем более социализм невозможны без развития культуры населения, как минимум — повышения уровня технических и гуманитарных знаний. Для завершения проекта «Просвещение» в России нужны были кадры интеллигенции. Конечно, в идеале эта интеллигенция должна была стать «пролетарской», то есть состоять преимущественно из детей рабочих и крестьян, искренне исповедующих идеалы большевизма. Но подготовить «пролетарскую» интеллигенцию должна была старая, политически нелояльная. С ней нужно было искать компромисс, который намечался по двум направлениям: свобода творчества, поскольку оно не идет напрямую против Советской власти, и поддержка государством широких культурно-просветительских проектов, направленных на вытеснение традиционной, архаичной культуры рациональной.

После завершения «саботажа» в начале 1918 г. Ленин и Луначарский активизировали контакты с некоммунистической интеллигенцией. Это оценил оппозиционно настроенный, но левый писатель М. Горький: «Что бы и как бы красноречиво не говорили мудрецы от

¹ Шубин А.В. Памятные встречи. М., 1958. С. 3.

² Цит. по: Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. С. 222.

³ Подробнее см. там же.

большевизма о «саботаже» интеллигенции, — факт, что русская революция погибает именно от недостатка интеллектуальных сил. В ней очень много болезненно-раздраженного чувства и не хватает культурно-воспитанного, грамотного разума. Теперь большевики опомнились и зовут представителей интеллектуальной силы к совместной работе с ними. Это поздно, а все-таки неплохо»¹. Большевики всегда звали интеллигенцию к совместной работе, но только на условиях лояльности Советской власти, против которой и был направлен «саботаж». После первого столкновения, когда Советская власть удержалась, часть оппозиционной интеллигенции готова была искать компромисс с режимом, надеясь сделать коммунистический проект более культурным, использовать государственные возможности для культурно-просветительской работы.

Культурное реформаторство большевиков в 1918 г. торопливо и пока бессистемно. С одной стороны — слишком много других проблем, до культуры руки доходят у власти «поскольку — постольку». С другой стороны — важность проблематики культуры осознается и в связи с текущими агитационными задачами, и в контексте грядущей модернизации и формирования человека будущего.

В 1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук (с 1924 г. — Коммунистическая академия) во главе с историком-марксистом М. Покровским, которая развернула широкую пропаганду марксизма и распространение марксистской методологии на все сферы социальных и исторических исследований.

2 августа был принят декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР». Он снимал все ограничения на поступление в вузы, не требовался даже диплом о среднем образовании. Отменялись вступительные экзамены и плата за обучение. Студенты должны были получать государственную стипендию — только учись. В тот же день СНК принял постановление «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Новая интеллигенция должна стать «классово близкой». 21 января 1919 г. СНК принял декрет об учреждении государственных университетов в Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове, а также о преобразовании в университеты бывшего Демидовского лицея в Ярославле и Педагогического института в Самаре. Но провозгласить университет легко, а обеспечить в нем качественное образование — куда более сложная задача. Преподавателей не хватало, а массовый прием неподготовленной и даже неграмотной молодежи в вузы привел к резкому снижению качества высшего образования.

¹ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 137.

Большевики стремились привлечь к сотрудничеству ученых. В апреле 1918 г. было принято постановление СНК «О привлечении Академии наук к решению народнохозяйственных задач». В качестве первоочередной задачи в нем называлось «разрешение проблем равномерного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил».

31 мая Наркомпрос ввел совместное обучение мальчиков и девочек в школах.

В условиях конфликта власти со «старым» учительством у педагогических новаторов возник шанс реализовать самые смелые идеи. Как вспоминает член коллегии Наркомпроса В. Лебедев-Полянский, столкнулись петроградская и московская школы. Москвичи выступали за школу-коммуну как производственный коллектив. Такая школа должна была обучать не только книгам, но жизни, а школы-коллективы должны были воспитывать инноваторов, стать своего рода креативно-научными центрами экономики, выяснять «возможность введения в местную хозяйственную жизнь новых отраслей промышленности, возможных по местным условиям, по тем или иным причинам неизвестных населению»¹. Пусть это была бы игра в научный институт и передовое производство, своего рода наукоград, но ученики чувствовали бы себя сопричастными большим проблемам страны и своего региона, изучали бы таким образом социально-экономические и технические проблемы. Петроградцы возражали, что школа-коммуна предполагает самообеспечение — ученики будут сами топить печи, стирать белье, заниматься ремонтом. Сплошной ремесленный труд — на науки не будет хватать времени. Да и систематичность обучения пострадает, если сосредотачиваться только на проблемах своей местности. Нужно учить детей труду, но труду фабричного типа, а ведь около каждой школы нет фабрики. Но москвичи победили, идеи школы-коммуны были закреплены в «Положении о единой трудовой школе РСФСР», утвержденном ВЦИК 30 сентября. В революционной школе отменялись экзамены, задания на дом, ученическая форма. Слово «учитель» отменялось, он становился школьным работником («шкрабом»). Управление школой передавалось в руки «школьного коллектива», куда входили все ученики и школьные работники — от учителя до сторожа.

Упразднялась плата за обучение. Покровский выступил за создание при институтах и университетах рабочих факультетов (рабфаков). С 1919 г. на рабфаках малообразованные рабочие и крестьяне готовились к поступлению в вузы по укороченной программе. Так

¹ Шульгин В. Памятные встречи. С. 286.

формировалась новая интеллигенция, не связанная с дореволюционной элитарной культурой дворянства и буржуазии.

* * *

На этом этапе партия большевиков, «не желая, по возможности, вмешиваться в вопросы формы и содержания... одновременно стремилась к тому, чтобы поддерживать все начинания пролетарской литературы и искусства (особенно в Пролеткульте), использовать благонамеренных футуристов для агитпропаганды, привлекать на свою сторону писателей из старой интеллигенции (попутчиков)»¹, — делает вывод исследователь К. Аймермахер.

Радикалы революционного культурного обновления считали, что старая культура служила интересам исключительно эксплуататорских классов и поэтому должна быть целиком отброшена и заменена новой культурой пролетариата. Новую «пролетарскую» культуру попытались создать «революционными темпами» члены литературно-художественной и культурно-просветительной организации «Пролетарская культура» (Пролеткульт). Она возникла накануне Октябрьской революции на I конференции пролетарских культурно-просветительских организаций 16–19 октября 1917 г. в Петрограде. Теоретики Пролеткульта, А. Богданов и другие считали, что любое произведение отражает мировоззрение определенного класса и поэтому не годится для другого. Следовательно, как писал А. Богданов, необходимо, «пользуясь прежней буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую пролетарскую...»². Он подготовил резолюцию «Пролетариат и искусство», которая 20 сентября 1918 г. была поддержана Всероссийской конференцией пролетарских культурно-просветительских организаций. В ней говорилось: «Пролетариату для организации своих сил в социальной работе, борьбе и строительстве необходимо свое классовое искусство. Дух этого искусства — трудовой коллективизм... Сокровища старого искусства не должны приниматься пассивно: тогда они воспитывали бы рабочий класс в духе культуры господствующих классов и тем самым в духе подчинения созданному ими строю жизни. Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем критическом освещении, в своем новом истолковании, раскрывающем их скрытые коллективные основы и организационный смысл. Новые организации должны быть построены «на товарищеском сотрудничестве, которое непосредственно воспитывает их работников

¹ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998. С. 42.

² Там же. С. 44.

в направлении социалистического идеала»¹. Творческий коллективизм пролетарских художников и литераторов пролеткультовцы надеялись противопоставить индивидуализму интеллигенции.

Пролеткульт стремился вовлечь пролетарские массы в процесс непосредственного коллективного культурного творчества (вплоть до создания коллективных произведений). В отсутствие сети вузов местные организации Пролеткульта были местом, где рабочая молодежь осваивала навыки творчества. Луначарский симпатизировал Пролеткульту. «От Наркомпроса Пролеткульт получал значительную финансовую помощь: на просветительскую работу по ликвидации неграмотности, на собирание фольклора, организацию рабочих клубов, литературных студий и так называемых “рабочих университетов”, на обучение пролетарских писателей и т. д.»² Через организации Пролеткульта прошло несколько сот тысяч человек.

Однако Пролеткульт и тем более футуризм не стали официальными выразителями позиции большевиков. Классическая литература стала печататься миллионными тиражами. Официально подчеркивалось, что коммунистические идеалы соответствуют гуманизму русской классической культуры. Ленин и Луначарский выделяли в дореволюционной культуре «реакционные» и «прогрессивные» течения, надеясь опереться на вторые в своей культурной политике.

* * *

Антиподом революционной культуры считалась традиционная религиозная, прежде всего православная. Советское государство не стало откладывать наступление на Православную российскую церковь (ПРЦ) в долгий ящик, тем более что и она также не жаловала Советскую власть.

19 января, за день до открытия второй сессии Собора ПРЦ, патриарх выступил с посланием, в котором объявил о начавшихся гонениях на церковь и анафематствовал гонителей: «Тяжкое время переживает ныне Святая Православная церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины, и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово, и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попраны заповеди Христа к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не по-

¹ Литературные манифесты. От символизма до «Октября». М., 2001. С. 327–328.

² Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. С. 45.

винных... людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед родиной...

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенны в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной...

Зовем всех вас, верующих и верных чад церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей.

Враги церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою оружия, а вы противостаньте им силою веры вашего всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению всенародного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч» (Рим. 8,35)»¹.

Осудив тех, кто неправомерно называет себя «строителями новой жизни» (намек вполне прозрачный), патриарх подписал предписание о невмешательстве духовенства в политику.

Собору осталось поддержать инициативу патриарха, что значительно повысило его авторитет, из «первого среди равных» он превратился в вождя ПРЦ. Собор призвал верующих объединиться вокруг патриарха².

20 января был принят и 23 января вступил в силу Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Декрет вырабатывали нарком юстиции П. Стучка, член коллегии наркомата П. Красиков, нарком просвещения А. Луначарский, юрист И. Рейснер и священник М. Галкин (вскоре он снимет с себя сан и посвятит жизнь борьбе уже не просто с ПРЦ, но и с религией). В редактировании текста декрета принял участие и Ленин.

Формальной основой декрета был принцип свободы совести: «В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимуще-

¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. Ч. 1. М., 1994. С. 82–83.

² «Приспело время подвига...» Документы Священного Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на церковь. М., 2012. С. 52.

ства или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан»; «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются». Из официальных актов устранялось всякое указание на религиозную принадлежность граждан.

Религиозные обряды теперь не должны были сопровождать государственные церемонии. Исполнение религиозных обрядов должно было быть свободным «постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики». Подтверждалось, что акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью. Вопрос о свободе совести тесно увязывался с темой просвещения: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом». Вслед за этими мерами по созданию светского государства следовали пункты 12–13, сомнительные с точки зрения свободы совести, но напоминающие конфискационные меры, характерные для европейской Реформации: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ». Если переход имущества мог трактоваться как «возвращение народу» того, что церковь нажила благодаря своему привилегированному положению, то запрет владеть собственностью и лишение прав юридического лица очевидно ущемляли права религиозных обществ и противоречили пункту 10 того же декрета, который гласил, что «церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах...»¹.

Но о какой свободе может идти речь, когда церковь лишают собственности? Государственная власть может предоставить эту собственность верующим, а может и не предоставить. Невозможно теперь жертвовать церкви, потому что и жертвы эти оказываются в собственности государства.

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 373–374.

Историк Д.И. Поспеловский считает: «Декрет 20 января — классическое свидетельство попытки Ленина дословно следовать заветам Марковского учения о религии как духовной надстройке на материальном базисе. Следует убрать этот базис — имущество и средства доходов Церкви — и Церковь отомрет сама собой»¹. Такая стратегия не требовала более активных антицерковных действий. Но декрет 20 января привел к кризису, совершенно излишнему для власти в этот тяжелый период, так как церковь решила сопротивляться.

25 января (7 февраля) Собор выступил с постановлением о декрете, который был назван исполнением «сатанинского умысла» уничтожить церковь. Утверждалось, что «враги Христовы лицемерно надевают на себя личину ревнителей полной религиозной свободы»².

Выступая на Соборе, митрополит Новгородский Арсений возмущался, что священников лишают права проповеди под видом запрета на критику Советской власти³. Впрочем, запрет на критику царской власти в дореволюционное время не воспринимался как запрет на проповедь. В апреле 1918 г. Петербургский комитет РКП(б) разъяснял: «Никогда еще исповедание какой угодно религии не было так свободно, как теперь. Но религия не должна служить ширмой против советской [власти] и [для] контрреволюционной пропаганды. Пусть священнослужитель какой угодно религии произносит проповеди о том, как спасти свою душу, как обрести царствие небесное — ему никто не станет в этом препятствовать».

Но если он станет проповедовать возврат к самодержавию, к власти помещиков и капиталистов, восстанавливать трудящихся против Советской власти, он перестанет быть священником и превратится в контрреволюционного агитатора. Тогда пусть он пеняет на себя»⁴.

Декрет был объявлен актом гонения против церкви, и проведение его в жизнь объявлялось несовместимым с принадлежностью к церкви⁵. Только 12 сентября, после выхода разъясняющей декрет инструкции, Собор разрешил верующим сотрудничать с властями при получении храмов в пользование.

В ночь на 28 января было реквизировано здание Синода и находившиеся там церковные капиталы. 3(16) февраля 1918 г. была реквизирована Московская синодальная типография. При этом у других конфессий дела обстояли лучше. В апреле Московский совнарком, «заслушав заявление уполномоченных от Всероссийских съездов

¹ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 51.

² «Приспело время подвига...». С. 158.

³ Там же. С. 370.

⁴ Листовки Петроградских большевиков. Т. 3. С. 159–160.

⁵ «Приспело время подвига...». С. 160.

и союзов старообрядцев всех согласий о назначении жилищным советом 7-й Рогожской районной управы администратора над всеми владениями Старообрядческой общины Рогожского кладбища Никольской старообрядческой общины в силу декрета об отделении церкви от государства признать необходимость приостановить всякие действия по отношению к старообрядческим общинам». Было решено, что старообрядческие общины — это ассоциации частного характера, и декрет не может иметь к ним приложения¹. Старообрядцев было трогать не велено, а вот за ПРЦ не признавали прав ассоциации частного характера. Но она стала создавать такие ассоциации.

В своем воззвании 27 января (9 февраля) Собор ПРЦ призвал верующих создавать союзы для защиты церковных святынь². Только в Петрограде в них вступило от 57 до 70 тыс. человек³.

28 февраля патриарх и Синод приняли постановление о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти. Оно разъясняло, что «пастыри должны идти навстречу добрым начинаниям верующих, направленным к защите Церкви». Определялось, что союзы для защиты церковного достоинства должны создаваться при приходах, но формально не считаться религиозными, чтобы иметь возможность в случае угрозы объявить имущество церкви своим. Святыни должны храниться так, чтобы их было тяжело изъять. В случае начавшегося захвата следовало бить в набат и созывать народ. Все люди, захватывающие церковное достояние, подлежали отлучению. Отдельно оговаривалась недопустимость содействия со стороны священников удалению своих коллег властями — клир должен был сплотиться перед лицом угрозы⁴.

В конце января — феврале 1918 г. по всей России прошли крестные ходы, посвященные оглашению послания патриарха. В Пензе, Саратове, Харькове, Воронеже, Туле, Шацке произошли столкновения и стрельба со стороны красногвардейцев. Столкновения со стрельбой были при реквизиции Белогорского подворья в Пермской губернии 22 февраля.

Наиболее массовой расправой этого периода стал расстрел в Солигаличе Костромской губернии 7 марта протоиерея о. Иосифа Смирнова, священника о. Владимира Ильинского, диакона Иоанна Касторского и 18 верующих. Казнь была совершена в ответ на серьез-

¹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 112–113.

² «Приспело время подвига...». С. 163.

³ Кашеваров А. И. Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 110.

⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. Ч. 1. С. 97–98.

ные волнения. 24 февраля крестный ход в Солигаличе прошел относительно спокойно. Но 26 февраля советское руководство Солигалича во главе с В. Вылузгиным попыталось реквизировать хлебные запасы Богородице-Феодоровского монастыря. Иерей Василий Ильинский собрал у стен монастыря верующих. В итоге представители Совета были вынуждены отказаться от своего намерения. Но верующие не успокоились и осадили исполком. В результате столкновения один из верующих был убит, а Вылузгин ранен и захвачен участниками волнений. Его отправили в больницу, а утром он был убит неизвестными. Ответственными за это власти объявили священников.

4(17) февраля в Шацке прошел крестный ход, посвященный оглашению послания патриарха 19 января. Собравшиеся прихожане кричали гонителям церкви «анафема», после чего были окружены красногвардейцами. Представители Советской власти требовали разойтись, подкрепляя свое требование штыками и выстрелами в воздух. Верующие не расходились и пытались прорваться. Священники призывали не допускать дело до насилия, но все равно были арестованы вместе с тремя прихожанами. Власти требовали от семи арестованных подписать обязательство «не произносить проповеди на политические темы». Священники отказывались. Через неделю под давлением верующих священников освободили¹.

Представители местных советских властей часто воспринимали крестные ходы, посвященные оглашению послания патриарха, как антисоветские демонстрации. В ночь на 6 февраля за проведение этого мероприятия в Омске попытались арестовать епископа Омского и Павлодарского Сильвестра Ольшевского. Священники ударили в набат, сбежались верующие, но матросы, убив эконома, все же захватили епископа и еще двух священников. Толпы обступили храмы и место заключения священников — «Дом народа». Красногвардейцы и матросы стреляли в основном поверх голов и по колокольным, чтобы прекратить звон. Были убитые, раненые. 8 февраля священников отпустили под подписку о невыезде².

Бурно прошло празднование Пасхи, пришедшейся на 1 мая, в Барнауле, где красногвардейцы пытались разогнать верующих, но те взяли верх. После этого красногвардейцы обстреляли храм³. В селе Дегтяном Рязанской губернии на Пасху Спасский комиссар Пенкин попытался арестовать священника Миловзорова, но был убит прихожанами. В село прибыл вооруженный отряд, священника арестовали за возбуждение народа и грозили расстрелом. Но

¹ «Приспело время подвига...». С. 233–243.

² Там же. С. 250–252.

³ Там же. С. 334.

епископ Иоанн договорился с Рязанским губсоветом, что этого делать не будут¹.

На Пасху 1918 г. Совнарком разрешил проведение праздничных служб в Кремле², но вход в Кремль верующих осуществлялся по списку, представленному официальным представителем Собора Н. Кузнецовым.

Сотрудник французской военной миссии в России и добрый католик П. Паскаль, проникшийся симпатией к русской культуре и революции, писал в дневнике: «Пасхальная полуночная служба. Вместе с товарищами иду на удачу в Кремль... Мы прошли, не раскрывая рта, как, впрочем, и вся публика; миновали несколько постов охраны, и вот — Успенский собор... Это Россия. И солдатская масса, воины Красной Армии со звездочками на фуражке, острижены по уставу, серьезные и суровые — даже вон тот, несомненно командир, поскольку при сабле, во френче с тесным, широко расстегнутым воротником — все это православная Россия в новой форме»³. Загадочная российская традиция лежала в основе революционных событий и может быть даже вызвала их.

Богослужения в Кремле дозволялись до июля 1918 г. В целом по Москве областной СНК принял решение не допустить крестные ходы 1 мая и одобрить аресты духовенства за контрреволюционную агитацию. Райсоветам было указано следить за агитацией в церквях и доводить информацию до ВЧК⁴.

14 марта Соборный совет создал делегацию для переговоров с органами Советской власти. В нее вошли А. Самарин, Н. Кузнецов, Н. Малыгин и А. Июдин. Была подготовлена критика декрета, которую они должны были представить властям. Документ, ссылаясь на определение Собора, настаивал, что «государство не может быть безрелигиозным» и «Россия может быть государством только православным». Впрочем, декрет нарушает и свободу совести, запрещая преподавание Закона Божия не только в государственных, но и в частных и общественных учебных заведениях. Авторы настаивали, что можно ограничиться прекращением государственного финансирования такого преподавания и факультативным его характером в общеобразовательных школах. Лишение церкви права юридического лица и запрет на получение пособий существенно ущемляет ее права даже в сравнении с другими частными организациями. Государство реквизировало церковные типографии, не допускает ве-

¹ «Приспело время подвига...». С. 359.

² Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 48.

³ Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. С. 473–474.

⁴ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

рующих в кремлевские соборы. Все это очевидно нарушает принцип свободы совести. Авторы шли дальше и требовали вернуть церкви ее капиталы, так как они были созданы исключительно из добровольных пожертвований¹.

27 марта представители СНК М. Елизаров, Д. Курский и В. Бонч-Бруевич встретились с делегацией Собора. А. Самарин выступил с критикой декрета. В ответ нарком М. Елизаров заявил, что народные комиссары и он лично относятся к ПРЦ не враждебно, а, напротив, даже благожелательно (как и к другим вероисповеданиям). Но они «не могут допустить влияние Церкви на государство»².

Как докладывали участники встречи Собору, «эта власть сама знает, что в этом декрете было много несовершенного, чем и объясняются отрицательные факты по применению этого декрета, особенно в провинции, акты, не вытекающие с логической необходимостью из декрета, что эксцессы объясняются личными воззрениями на местах совдепов и комиссаров, что декрет будет рассмотрен с участием представителей Церкви и будет разъяснен удовлетворительным образом, — таким образом, предполагалось некое соглашение»³.

Член делегации Н. Кузнецов еще в феврале сформулировал условия возможного компромисса. Он предлагал разрешить церковное обучение детей на средства родителей, церковные общества должны были быть приравнены в правах к другим частным обществам, к ним и должна была перейти церковная собственность. Должны быть сняты ограничения на получение пожертвований⁴. Возможные варианты конкретизации декрета обсуждались в комиссии с участием заинтересованных ведомств. В. Бонч-Бруевич, координировавший эту работу, продолжал поиски компромисса до мая. Но поскольку коллегиальная работа затянулась, в контексте общего сворачивания коллегиальности в мае подготовка декрета была передана в Наркомюст П. Красикову. Встречи с представителями Собора после этого прекратились⁵.

24 августа 1918 г. народный комиссар юстиции Д. Курский подписал «Инструкцию о порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”». В соответствии с ней церковное имущество делилось на богослужebное и небогослужebное. Богослужebное передавалось в пользование общине верую-

¹ «Приспело время подвига...». С. 412–417.

² Там же. С. 61–63.

³ Там же. С. 369.

⁴ *Кашеваров А. Н.* Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). С. 142.

⁵ Там же.

щих для отправления культа, а небогослужебное реквизировалось. Договор о передаче богослужебного имущества заключался с группой верующих из 20 человек («двадцатка»), а не со священником. «Двадцатка» брала на себя обязательство согласовывать свои действия с органами Советской власти и не вести против нее агитацию. Такова была конкретизация декрета, состоявшаяся уже в условиях широкомасштабной гражданской войны.

Изъяв собственность из рук церковного руководства и передав его группам верующих, Советская власть выбила материальную базу из-под церковного единства, создав предпосылки для размежевания по поводу трактовки традиции и вопросов церковного управления. Разногласия по этим вопросам проявились уже на Поместном соборе 1917–1918 гг.¹, но в полную силу вспыхнут в 1920-е гг.

Отделение церкви от государства шло постепенно в течение 1918 г. Осенью 1918 г. юридический отдел Моссовета указывал: «До сего времени еще не удалены из помещений железнодорожных вокзалов, станций, зданий и других государственных и общественных учреждений все религиозные изображения и другие так называемые священные предметы». Их необходимо убрать в течение трех дней².

Юридический отдел Моссовета разъяснял райсоветам, как распределять церковное имущество: богословские предметы и храмы — верующим, движимое и недвижимое имущество прямого назначения (школы, богадельни) — соответствующим отделам и комитетам Советов, остальную недвижимость — жилищным и земельным отделам, движимое небогослужебное имущество — хозяйственным отделам и совнархозам. Продукция бывших церковных предприятий могла продаваться верующим³.

4 октября юротдел Моссовета разъяснял, что при проведении декрета нельзя допускать перегибов. Закрывать храмы следовало только если не окажется граждан, которые будут туда ходить. Впрочем, если здание очень понадобится для хозяйственных нужд — можно забрать его решением пленарного заседания райсовета⁴.

Советские власти воспринимали ПРЦ как источник контрреволюционной агитации, а январско-февральские волнения и столкновения лишь подкрепили убежденность в том, что ПРЦ несет угрозу режиму.

¹ Герулайтис Н. А. Восстановление патриаршества в России // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М., 2007.

² ЦГАМ. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 36.

Священники продолжали критиковать большевиков и социализм как таковой. Барнаульский священник о. Иоанн Шарин писал патриарху: «После молебна я, пользуясь стечением народа, сказал проповедь о христианской любви, развив мысль о разнице, какая существует между любовью, которую заповедал Спаситель, и любовью, которую проповедует социализм»¹.

Священник Иван Ильигорский, находясь в бане, заявил члену тверского губисполкома В. Цыганову: «Неужели же мы, православные священники, пойдем учиться Закону Божьему у жидов Ленина, Троцкого и других». За эти слова он был задержан, подвергнут суду революционного трибунала, который вынес ему порицание².

В январе–марте аресту (иногда кратковременному) подверглись архиепископы и епископы Псковский Евсевий, Омский Сильвестр, Донской Митрофан, Аксайский Гермоген, Камчатский Нестор.

25 января (7 февраля) в Киеве, накануне занятия его советскими войсками, вооруженными людьми был убит митрополит Киевский и Галицкий Владимир Бोगоявленский. Патриарх Тихон обвинил в этом убийстве большевиков³.

2 апреля, при оставлении красными Херсонской губернии, неизвестными, предположительно красными, был убит священник Никита Запольский.

При занятии красными Новочеркаска был арестован архиепископ Митрофан Симашкевич. Но 7 марта военно-революционный суд признал его ни в чем не виновным, а председатель суда объявил епископу: революционная власть теперь убедилась, что народ его любит⁴.

Убийства священников происходили пока как разрозненные «эксцессы», а не целенаправленная политика. В январе под Симферополем солдаты убили о. Иоанна Угрянского. В ночь на 27 февраля красногвардейцами был убит настоятель Спасского собора города Елабуги протоиерей о. Павел Дернов. 6 апреля под Переславлем-Залесским красногвардейцами был убит священник о. Константин Снятиновский. Совет заявил о своей непричастности к этому самосуду. Во время боев на Кубани при занятии станиц красными были убиты священники Волоцкий и Самоваров. В Устюженском уезде был убит о. Павел Кушников, в Волховском уезде Орловской губернии — о. Феодор Афанасьев. Некоторые священники умерли после ранений, полученных в ходе конфликтов верующих с представителями власти (настоятель Брянского Успенского

¹ «Приспело время подвига...». С. 333.

² Там же. С. 342.

³ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. Ч. 1. С. 90.

⁴ «Приспело время подвига...». С. 301.

Сретенского монастыря игумен Гервасий, священник Петр Покрывалов близ Каширы). Еще были два известных Собору случая гибели священников в Закавказье, за пределами власти большевиков.

28 марта была создана комиссия Собора, специально собирающая и проверяющая информацию о фактах гонений. Первые итоги ее работы были оглашены на Соборе 11 апреля в докладе протоиерея Павла Лихотского. Он с печалью констатировал, что нападения на священников и церковную собственность совершают не только солдаты и красногвардейцы, но и окрестные крестьяне. На свои храмы они нападают редко, чаще — на монастыри. «Но вот здесь-то и встает грозный и страшно трудный вопрос: а народ-то наш православный, верующий, богоносец, про который мы говорим, что он не воспринял и не может воспринять такого социализма, как этот народ очутился во многих местах среди самых ярых гонителей?»¹

Как это вышло? Почему часть народа, окормляемого церковью, теперь наносит по ней удары? Докладчик утверждал, что народ все равно является православным и верным своей церкви. Но когда он наносит удары по ней, он «действует не сам по себе». Прежде всего его сбивают с пути истинного евреи².

Народ был расколот в своем отношении к церкви, но ее лидеры не хотели признать этого простого факта. Потому что причины такого раскола пришлось бы искать не только в злокозненности евреев и «сект», но и в практике ПРЦ.

Набивавший обороты конфликт Советской власти и церкви может показаться излишней проблемой, которую большевики добавили себе в эти критические для них месяцы. Действительно, всерьез большевики возьмутся за церковь уже после завершения Гражданской войны. Жесткое столкновение 1922–1923 гг. закончится компромиссом, который покажет, что Советская власть и церковь вполне могут сосуществовать на одной территории. Тогда, после завершения Великой Российской революции, выяснится, что коммунистический проект совместим с очень многим в традиционной культуре народов России и СССР. Но революция — это время, когда старое и новое проверяют друг друга на прочность. И большевики с их атеизмом не могли сохранять нетронутым такой ресурс консерватизма, как церковь, они стремились ослабить ее, понимая, что она в большинстве своем не одобрит радикальных социальных преобразований. Политика большевиков была направлена на поляризацию общества, и это был еще один важный пункт такой поляризации. Отталкивая консер-

¹ «Приспело время подвига...». С. 421.

² Там же. С. 422.

вативно настроенных «реакционеров», большевики своей атакой на церковь приобретали симпатии тех, кто устал от церковной опеки времен Российской империи, кто обвинял клир в стяжательстве и нарушении заветов Христа. И оказалось, что эта «русская реформация» находит массовую поддержку — так же, как массовую поддержку нашла и церковь в борьбе за сохранение своей собственности и идейного влияния. Борьба за душу народа только начиналась.

* * *

12 апреля 1918 г. Совет народных комиссаров принял декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и выработке проектов памятников Российской социалистической революции», известный также как декрет о монументальной пропаганде. Он предполагал, что «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг, сносятся при условии, что не представляют интереса ни с исторической, ни с художественной стороны. Художественную ценность памятников должна была определить комиссия в составе народных комиссаров по просвещению и имуществу и заведующего Отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения. Эти решения должны были согласовываться с художественными коллегиями Москвы и Петрограда, то есть с деятелями культуры. В регионах комиссия должна была согласовывать свои решения с Советами. Та же комиссия должна была организовать конкурс проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции»¹. Декрет был принят в связи с предстоящим празднованием 1 мая, к которому та же комиссия должна была декорировать Москву.

«Монументальная пропаганда» должна была привлечь внимание населения к социалистической и демократической традиции и ее ценностям, которые противопоставлялись монархической традиции. В подборе положительных примеров Ленин проявил широкий социалистический плюрализм. На обелиске в Александровском саду вместо монархической символики в честь 300-летия правления дома Романовых был помещен список теоретиков социализма, в том числе таких противников марксизма, как П.Ж. Прудон, М. Бакунин и Н. Михайловский.

30 июля 1918 г. Совнарком утвердил список новых памятников в честь революционеров и «прогрессивных деятелей», включавший 69 имен. Планировалось поставить памятники А. Радищеву, М. Робеспьеру, К. Марксу, Н. Чернышевскому, Т. Шевченко, Г. Плеханову и др. Первым из этого списка 22 сентября 1918 г. был установлен памятник А. Радищеву в Петрограде.

¹ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 95–96.

Памятники возводились из недолговечных материалов — нужно было делать быстро и дешево. Закладка и открытие памятников проводились в торжественной обстановке, с митингами. Агитаторы разъясняли, какому революционеру воздвигнут памятник, и что хорошего этот человек сделал для народа.

С августа в издательстве ВЦИК начали печатать агитационные плакаты. До конца года художник А. Петров подготовил к изданию несколько их серий. В условиях, когда большая часть населения была неграмотна и малограмотна, плакаты оказались очень удачным средством агитации. Они играли роль, которую сегодня играет телевизионная агитация.

На службу коммунистической агитации становилось и кино, которое вскоре Ленин объявит «важнейшим из искусств». К годовщине Октября были сняты художественные фильмы «Подполье», фильмы по произведениям Д. Бедного и документальные ленты. Первые советские агитационные фильмы имели простое и доходчивое содержание, основанное на лозунгах и призывах.

Документальный фильм Д. Вертова и А. Савельева «Годовщина революции» был смонтирован из кинохроники и размножен в 40 копиях, что было на порядок больше, чем обычно. «Годовщина революции» включала 12 основных сюжетов: Февральская революция в Петрограде и в Москве; Временное правительство; Государственное совещание; Октябрьская революция в Петрограде и в Москве; открытие и ликвидация Учредительного собрания; Брест-Литовское перемирие; Казань; чехословацкий фронт; «Мозг Советской России» (кинопортреты В. Ленина, Я. Свердлова, М. Покровского, Ю. Стеклова и др.); годовщина революции в Петрограде. Литературно-инструкторский поезд ВЦИК возил по стране эту полуторачасовую ленту, доходчиво излагавшую большевистскую версию событий. Этот поезд ехал мимо разоренных сел, его агитаторы звали в светлое будущее голодных горожан и усталых солдат.

Революция — это и разрушение старых социальных структур, и уникальная возможность для создания новых. В условиях Гражданской войны происходило обрушение такой силы, что общество в целом архаизировалось. Но на обломках уже прорастали побеги новой культуры XX в. — технологичной, массовой, зрелищной, идейной.

Трехсвятительское стояние

6 июля 1918 г. особняк Морозова в Трехсвятительском переулке словно перенесся в бунташный XVII век. Толпа вооруженных людей толпилась у стилизованного под старину крыльца, на котором стояла если не царица Софья, то тоже очень авторитетная женщина — Мария

Спиридонова. Она двинулась в сторону Кремля. Солдаты забегали, вокруг потянулись в переулки вооруженные колонны, кто-то продолжал эмоционально обсуждать случившееся. Так начиналось выступление левых эсеров — одно из наиболее странных восстаний в российской истории. Первоначальное возбуждение и деловитость вдруг сменились пассивностью, а затем растерянностью. Что-то пошло не так. Впрочем, такое бывало и раньше, и позднее, и не только в России.

В свое время, анализируя аналогичные по странности события в Японии, я высказал такое предположение: «Японские путчи 1932-го и 1936 годов напоминают о нескольких событиях российской истории — восстании декабристов, июльских днях 1917-го и 1918 годов и ГКЧП 1991 года. При всем различии всех этих выступлений, это всегда нечто среднее между попыткой переворота и вооруженной демонстрацией. В российской истории эта проигрышная комбинация возникает, когда “что-то пошло не так”. Либо в планах переворота что-то сорвалось, и остается гордо демонстрировать верность конституции, пока противнику картечь не подвезли. Либо бряцающая оружием демонстрация, попытка надавить на противника дает ему повод обвинить в мятеже и разгромить неосторожных организаторов вооруженного давления»¹.

Историк Я.В. Леонтьев также проводит аналогию выступления левых эсеров с восстанием декабристов на основании его оборонительного характера². Но если у декабристов оборона стала следствием срыва в целом наступательного плана, то причина оборонительных действий левых эсеров скорее всего вытекала из первоначально принципиально оборонительного плана, который нам предстоит реконструировать.

* * *

Весной–летом 1918 г. противоречия между большевиками и левыми эсерами неумолимо нарастали. ПЛСР считала, что отстаивает интересы крестьянства, выступала за социализм, основанный на самоуправлении. Большевики были сторонниками диктатуры пролетариата, индустриального хозяйства с единым централизованным управлением и планированием. ПЛСР выступала против хлебных реквизиций, произвольных арестов. Особенно ярко противоречия между союзниками разгорелись в связи с заключением Брестского

¹ Шубин А. В. Мир на пути к войне (1933–1940 гг.). СССР и мировой кризис. М., 2017. С. 233.

² Леонтьев Я. В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк) // Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 2. М., 2015. С. 45.

мира. Левые эсеры выступили категорически против капитуляции перед германским империализмом.

С точки зрения левых эсеров и их сторонников, большевики «предали» идею мировой революции. «Братский народ Украины» был отдан на разграбление немцам. Украинский хлеб шел на спасение германской империи. На хлебные районы России, прежде всего Сибири, Дона и Северного Кавказа, ложилась дополнительная нагрузка. Диктатура становилась антикрестьянской.

Покинув правительство в знак протеста против заключения Брестского мира, левые эсеры остались советской партией, признавали законность советской власти и значит — власти большевиков. Другого выбора у них не было — в крестьянской массе более популярна была ПСР, и лишь советизированное крестьянство могло составить силу левых эсеров. Выступление против Советской власти означало бы бессмысленность раскола Партии эсеров в октябре 1917 г. Левые эсеры продолжали бороться против большевиков, но не против Советской власти. Экстремистский настрой левых эсеров склонял их к вооруженным методам борьбы, но опасность крушения советской системы как таковой сдерживала ПЛСР внутри России и привлекла внимание их боевиков к Украине, где развернулась партизанская война против немцев. Это раздражало Ленина и его сторонников, так как могло дать повод для немцев возобновить войну.

Левые эсеры считали себя вправе проводить самостоятельную внешнюю политику и на закрытом заседании II съезда решили организовать теракты против представителей германского империализма. По утверждению члена ЦК ПЛСР А. Карелина, после II съезда ЦК ПЛСР планировались покушения на Вильгельма II и лидеров Антанты¹.

Внутрисоветская критика большевизма со стороны партии, которая насчитывала 80 тыс. членов², а к июлю выросла до 150 тыс.³, представляла серьезную угрозу для гегемонии партии Ленина в системе Советской власти.

Введение продовольственной диктатуры стало менять соотношение сил в пользу левых эсеров в уездных Советах. По подсчетам А.М. Спирина (данные 105 Советов) в марте 66% депутатов были большевиками против 18,9% левых эсеров, а в апреле–августе было уже 44,8% большевиков и 23,1% левых эсеров⁴. Это значит, что

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М., 2010. С. 468.

² Там же. Т. 1. С. 27.

³ Леонтьев Я.В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 71.

⁴ Спирин А.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968. С. 174.

в апреле–июне положение для большевиков было еще хуже, потому что в июле–августе левых эсеров уже вычищали из Советов.

Левые эсеры продолжали сохранять позиции и в центральных органах власти — в наркоматах, ВЧК и ВЦИК. Оплотом левых эсеров во ВЦИК был его крестьянский отдел во главе со Спиридоновой. Как пишет историк А. Рабинович, крестьянский отдел «организовывал программы интенсивной подготовки сельских агитаторов по вопросам, связанным с осуществлением левозэсеровской аграрной реформы, и создавал курсы дополнительного агрономического и социального образования для сельских учителей... Он подготовил горы литературы по аграрным, социальным и политическим вопросам для распространения среди крестьян... Крестьянский отдел превратился в национальный центр, куда крестьяне всей России обращались за помощью и советом»¹. С июня эта агитационная машина развернулась против политики большевиков на селе — против продотрядов и комбедов.

Укрепление коммунистической диктатуры, с одной стороны, и наличие растущей советской партии со своей самостоятельной политикой — с другой, ставило в повестку дня вопрос о столкновении между ними либо о компромиссе путем принципиальных уступок сторон.

Как мы помним, 20 апреля на II съезде ПАСР М. Спиридонова поставила вопросы сторонникам разрыва с большевиками: 1. Может ли ПАСР сорвать мир и взять на свои плечи ведение войны; 2. Может ли ПАСР свалить «в яму другую партию социального переворота, большевиков, и взять власть в свои руки»; 3. Какова положительная программа, которую можно противопоставить большевикам, кроме критики².

Если на третий вопрос ответить было несложно — левые эсеры отстаивали понимание идеалов Октябрьской революции, альтернативное большевистскому — то по первым двум вопросам ситуация принципиально не изменилась. Это ставит интересную проблему: почему Спиридонова и согласные с ней лидеры ПАСР все же согласились санкционировать выступление 6 июля? В ее силах было заблокировать это выступление в ЦК ПАСР. Но Спиридонова активно поддержала его. И не только она, конечно, но и другие активисты, которые весной охотно работали вместе с большевиками.

¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 421.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 440–441.

Говоря о нарастании конфликтов между большевиками и левыми эсерами, Я.В. Леонтьев оспаривает вывод Л.М. Овруцкого «о том, что для низов ПЛСР московские события были полной неожиданностью»¹. Сам по себе конфликт неожиданностью, конечно, не был. Но вот его форма... Сам Я.В. Леонтьев считает: «Нет никаких оснований вплоть до июльского конфликта говорить о том, что левые эсеры готовили восстание против большевиков»². Смотри что считать восстанием. К вооруженной борьбе левые эсеры готовились, пытались перебросить в Москву дружинников из других городов. Нельзя не согласиться с тем же Я.В. Леонтьевым: «Что бы ни говорили отрицатели самого факта подготовки левых эсеров к перевороту, руководители Штаба обороны партии были готовы к пролитию своей и чужой крови»³. Правда, подготовка эта активизировалась в последний момент, что говорит о ситуативности выработки планов ЦК ПЛСР. Но сами планы возникли не за день-два до выступления, а раньше.

* * *

24 июня ЦК ПЛСР принял секретное решение, в котором говорилось: «В интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой мирной передышке... В этих целях Центральный комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов против виднейших представителей германского империализма...». Но тут же речь идет об Украине, так что из текста прямо не вытекает, что теракты произойдут на территории Советской России. Однако постановление переходит к внутривнутриполитическим вопросам: «подготовить к настоящей тактике партии все местные организации, призывая их к решительным действиям против настоящей политики СНК». Так что речь идет не только об Украине, да и трудно рассчитывать на срыв политики передышки действиями только на Украине. Об этом недвусмысленно говорит следующий абзац: «осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы. Сигнал может быть подан в виде террористического акта или в другой форме». Лидеры левых эсеров понимают, что теракты могут привести помимо желания партии к столкновению с большевиками. «Мы рассматриваем свои действия как борьбу против настоящей политики Совета народных комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков»⁴. В этой проти-

¹ Леонтьев Я.В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 30.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 42.

⁴ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 138–139.

воречивой формулировке содержался явный расчет на раскол большевиков на твердых сторонников Ленина и левых коммунистов, которые могут пойти за левыми эсерами. Но поскольку такой раскол мог произойти не сразу, ЦК ПЛСР понимал, что со стороны большевиков «возможны агрессивные действия против нашей партии», и в таком случае допускалось «прибегнуть к оружию для защиты нашей точки зрения»¹. А это — уже перспектива восстания.

«Для учета и распределения партийных сил при производстве этого плана ЦК партии организует Бюро» в составе М. Спиридоновой, А. Голубовского и И. Майорова. Комиссия в составе Б. Камкова, В. Карелина, В. Трутовского и П. Прошьяна должна была готовить лозунги и статьи в связи с предстоящими событиями — то есть они тоже были в курсе дела. 4 июля руководящая тройка была пополнена Камковым и Карелиным². Голубовский отвечал за финансирование партии. После 6 июля он ушел в подполье. Такое глубокое, что партия на некоторое время осталась почти без финансирования.

Постановление было принято почти единогласно, за некоторые положения голосовали с одним против или воздержавшимся³.

ЦК собирался и в дальнейшем, обсуждая ситуацию и действия партии.

Решение ЦК 24 июня было компромиссом радикального антибольшевистского крыла ПЛСР во главе с Камковым и более умеренных членов ЦК, таких как Спиридонова. В отличие от II съезда ПЛСР, где они открыто полемизировали, выступая на III съезде ПЛСР, проходившем 28 июня — 1 июля, Камков и Спиридонова теперь пели почти в унисон. Камков не без удовольствия вспомнил дискуссии на II съезде как некое пройденное прошлое. Теперь его правота очевидна, «со времени подписания Брестского договора партия большевиков быстро аннулировала все свои несомненные заслуги перед революцией... Россия управляется не рабоче-крестьянским правительством, а германским империализмом в лице Мирбаха и Эйхгорна»⁴. Камков уверен, что теперь «мы все действительно представляем единую стальную силу... в рядах только одной партии левых эсеров нет внутреннего расслоения», в то время как в большевизме есть течение, разделяющее взгляды левых эсеров на международное положение⁵.

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 139.

² Там же. С. 33, 35.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же. С. 160–161.

⁵ Там же. С. 380–381.

Выступая следом, Спиридонова поддерживает критику Камкова и ставит задачу: «Необходимо ликвидировать пресловутую “перedyшку” большевиков. Нам необходимо взять в свои руки государственный аппарат — военный, дипломатический, технический»¹. Партия идет к власти. Но каким образом она собирается к ней прийти? На съезде Советов через несколько дней? Но будет ли там у ПЛСР большинство? Шансы на это были не велики, для возвращения к власти при сохранении своих принципов нужен был какой-то другой путь.

Критикуя внутреннюю политику большевиков, Спиридонова стремится объяснить, что ПЛСР ставит те же задачи, но может справиться с ними лучше. Левые эсеры не против борьбы с кулачеством и изъятия у него хлеба. Но против кулаков бороться нужно всей деревней. А «большевики расслоили деревню не так, как мы, левые с. р., а по неверному основанию: на кулаков и бедноту, лодырей, оторванных от земли пьяниц, составляющих 7 % всего населения»². Также Спиридонова выступала за перераспределение не продуктов, а средств производства в деревне³ — и в этом отношении была большим марксистом, чем Ленин.

30 июня, выступая на крестьянской секции ВЦИК, Спиридонова обрушилась на политику большевиков, но недостатки их политики выводила не из их авторитаризма и централизма, а прежде всего из Брестского мира и ленинского соглашательства с Германией. Централизованное управление экономикой ведет к дезорганизации промышленности? Не в этом дело. Просто большевики вывозят мануфактуру в Германию — вот и нет запасов. А еще немцам нужно платить компенсацию за землю, которую они успели скупить: «мы землю получим только с выкупом, и выкуп этот во много раз тяжелее той платы, которой добивались для помещиков буржуазные партии во времена коалиционного правительства»⁴. Большевики ведут себя как те, кого сверг Октябрь! Но дело не в коммунистической идеологии, а в немцах. Если освободить коммунистов от подмявшей их немецкой пяты — вполне можно будет дальше действовать вместе.

Эта речь изобиловала такими невероятными преувеличениями, что Спиридонова вынуждена была дать туманное частичное опровержение, упрекнув публикатора ее выступления в том, что он довел цифры «до гиперболических размеров»⁵. Но в этой речи не только цифры, но

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 162.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 303.

⁴ Там же. С. 409.

⁵ Там же. С. 413.

и сами примеры соглашательства большевиков и зверств германцев были доведены до гиперболических размеров — очевидно самой Спиридоновой. Ленину легко было на V съезде Советов раскритиковать такую речь, назвав ее «болотом обмана и лжи»¹. Но кроме гиперболизированной и потому слабой критики, в этой речи Спиридоновой было еще нечто важное — внутривластные разногласия с большевиками здесь явно затушевывались внешнеполитическими. Основным противником были не большевики, а германский империализм.

30 июня, выступая на съезде ПАСР, Спиридонова заявила: «Товарищи часто путали борьбу с германскими империализмом и с большевиками»². «Основным и ярким моментом нашей деятельности должна быть не борьба с большевиками, а борьба с капитализмом. Условия и обстановка политического момента заставляют нас критически и осмотнительно относиться к вопросу о борьбе с большевиками. Большевики — наши товарищи по многим вопросам. Они наделали, правда, очень много ошибок, непоправимых промахов, запутались в сетях Бреста. Их нужно тянуть за шиворот, за уши из предательской и губительной западни. Мы придем к власти историческим ходом событий. Ведь и мы, как власть, можем сделать много ошибок. Власть развращает... Мы должны бороться вместе с большевиками. Если же мы будем бороться против них, то на этом могут выиграть другие, враждебные нам партии. Мы не протестовали против недобросовестного поведения большевиков в Питере в деле избрания Совета. Опасно: нашим протестом могут воспользоваться контрреволюционные силы, которых в Питере немало»³. Конфликт с большевиками — не принципиальный, защита Советской власти от ее врагов — важнее. Но не ценой подчинения большевикам. Напротив, нужно заставить большевиков идти за левыми эсерами. Но как?

«Возможно, что мы опять с этими партийными соглашателями, с партией большевиков будем дружно сражаться на баррикадах... Возможно, что завтра опять будет дым коромыслом: может быть, не будет даже съезда Советов, может быть, будет и новая обстановка и в Москве, и во всем, что окружает Москву»⁴. Это очень интересно. В ближайшие дни, может быть даже до открытия V съезда Советов, произойдет что-то, что заставит большевиков сражаться вместе с левыми эсерами на баррикадах, а вокруг Москвы будет «дым коромыслом».

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 496.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 395.

³ Там же. С. 176.

⁴ Там же. С. 396.

Спиридонова готова рассматривать крайние сценарии: возможно, большевики «захотят нас расстрелять, и мы, борясь с ними, будем бороться не за то, чтобы их свергнуть, а будем бороться за власть рабочих и крестьян». Но при этом «наверное мы будем у власти и будем партией господствующей»¹. Каким образом? Спиридонова считает, что «может быть в ближайшее время крестьянство пошлет нас к власти в подавляющем большинстве»². А если голосов крестьян не хватит? Что тогда делать и как оказаться у власти? И почему большевики захотят при этом «нас расстрелять», а у них это не получится? 6 июля на эти вопросы появятся ответы.

Спиридонова намекает, почему будет «дым коромыслом»: «если борьба будет вызвана нашей политикой, нашими лозунгами. Мы всецело принимаем на себя ответственность за то, что будет с крестьянами на Воронежско-Курской дороге, на всех линиях, откуда пойдет немецкое наступление»³. То есть левые эсеры надеются в ближайшие дни спровоцировать немецкое наступление на Москву, которое радикально изменит ситуацию.

Лидеры ПЛСР не собираются возобновлять войну с Германией в прежнем виде — с фронтами как в Первую мировую. Спиридонова и Камков верят в методы восстания⁴. Но ведь восстание на Украине пока не свергло Скоропадского и Эйхгорна. Значит, восстание должно быть шире, оно должно охватить Россию. Но если в России будут править левые эсеры, против кого же восстание? Получается, что значительная часть России окажется в таких же условиях, что и Украина — в условиях германской оккупации, против которой поднимется дубина народной войны. Негоже, когда страдают народы Украины, Дона, Финляндии, а «другая часть трудового народа в Великороссии пользуется “передышкой”»⁵. Не будет пользоваться. Грядет мировая партизанская война, и Великороссия не останется в стороне.

Столкнувшись с кризисом своей внутренней политики и считая, что внутренняя политика большевиков тоже ведет в тупик, левые эсеры надеялись выскочить из всех этих проблем с помощью глобальной конфронтации. Кто будет рассуждать о продотрядах и голоде в Петрограде, если вокруг Москвы будет «дым коромыслом»? Если Москва будет осаждена немцами, и россияне должны будут вставать на отпор как в 1612 и 1812 годах? Но тогда нужно было просчитать

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 396–397.

² Там же. С. 397.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 161–162.

⁵ Там же. С. 162.

и дальнейшее — не будет возможности сопротивляться чехословацкой и комучевской армиям. Они придут под Москву на борьбу с немцами, но потребуют свою долю власти. Такой сценарий прекращения войны на Волге ради борьбы с немцами открыто предложил командующий Муравьев через несколько дней после поражения левых эсеров в Москве.

Лидеры левых эсеров понимали, что на принятие решения германским руководством о возобновлении войны с Россией уйдет некоторое время, даже если мотивом будет очень громкий теракт. Даже после убийства Франца-Фердинанда в 1914 г. мировая война началась не сразу. Спровоцировав конфронтацию между Германией и Советской Россией, левые эсеры надеялись уйти в глухую оборону и сохранить свои силы, дождавшись пока «дым коромыслом» не заставит большевиков смириться с необходимостью сражаться против германского вторжения плечом к плечу с левыми эсерами.

* * *

Оказавшись вытесненными из правительства, левые эсеры пытались использовать выборы на V съезд Советов для своего возвращения к власти. Но выиграть эти выборы левые эсеры не могли. Квоты представительства для рабочих были выше, чем для «менее сознательных» крестьян — один делегат от 25 тыс. рабочих и два от уезда. Из 47 губернских и областных городов ПЛСР победила только в четырех.

По данным Наркомата внутренних дел, накануне съезда в 21 губернском исполкоме большевики располагали 70,4% мест, левые эсеры — 26,3%, а другие партии — 3,3%. В 47 уездных исполкомах большевики имели 52,4%, а левые эсеры — 34,6%¹.

Летом в целом в Советской России левые эсеры имели около трети голосов в Советах. Так что шанс получить большинство на V съезде Советов был ничтожным. Динамика у левых эсеров была положительной: в марте—июне представительство ПЛСР выросло на 11,5%, а у большевиков упало на 7,5%². Это давало надежды на VI съезд, если бы Советская республика развивалась по тем же правилам, что и в первой половине года (что уже с мая стало маловероятным).

Из-за конфликтов с большевиками левые эсеры уходили в знак протеста или выдавливались из исполкомов. При выборах на V съезд Советов это сыграло с левыми эсерами злую шутку, так как во многих случаях делегации направлял не местный съезд Советов, а имен-

¹ *Соболев П. Н.* Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 131, 210.

² *Леонтьев Я. В.* Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 10.

но исполком. Система выборов в таких случаях была мажоритарной, при которой победитель получает все. Левые эсеры по понятным причинам настаивали на пропорциональном представительстве, так как обычно были в губернских и уездных Советах в меньшинстве. Но даже при идеальном пропорциональном представительстве они не могли рассчитывать на большинство. Большевики в ходе этой избирательной кампании стремились сделать свое большинство как можно более подавляющим, учитывая, что дискуссия на съездах в условиях революции велась с активным участием зала — делегаты кричали и шумели, одобряя или порицая выступления ораторов. Так что победа над левыми эсерами была нужна с большим перевесом. Чтобы добиться этого, большевики в некоторых случаях выбирали делегатов в отсутствие оппонентов, посылали большее количество своих делегатов, чем положено, даже арестовывали левых эсеров¹.

В V съезде Советов участвовало 1559 делегатов, из которых 1155 имели решающий голос (статус 61 — не ясен). С решающим голосом коммунистов было 694 и 50 сочувствующих (около 65 %) против 317 и 42 сочувствующих у левых эсеров (около 31%)². В работе съезда участвовали также 14 максималистов, 4 анархиста, 4 меньшевика-интернационалиста, по одному представителю Поалей-Цион, дашнаков, эсеров, а также 10 беспартийных³. Но их значение было невелико.

По итоговым данным в центрально-промышленной области соотношение делегатов большевиков и левых эсеров было 71,4 на 26,3 %, от Северной области — 65 на 32,5 %, от Западной — 71 на 23,5 %, а вот от Поволжья — 48,5 на 45 %⁴.

Левые эсеры оспорили 399 большевистских мандатов и признали беспспорными 350⁵. Часть оспоренных большевистских мандатов — это делегаты, направленные исполкомами, а не съездами. Но если бы выборы происходили по принципам, за которые выступали левые эсеры, только часть этого числа досталась бы левым эсерам, а большинство — все равно большевикам.

Я.В. Леонтьев комментирует эту попытку левых эсеров изменить соотношение сил на съезде: «при аннулировании четырехсот мандатов левые эсеры имели бы большинство в 46,2 % голосов (не считая максималистов), а на долю большевиков приходилось бы всего 43,6 %». Но если бы все спорные большевистские мандаты были бы

¹ Леонтьев Я.В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 15–23.

² Миц И.И. Год 1918-й. С. 404.

³ Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. С. 221–223; Фишер А. Жизнь Ленина. С. 349.

⁴ Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. С. 221–223.

⁵ Леонтьев Я.В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 31.

по какой-то невероятной причине обнулены, то большевики оспорили бы и часть левоэсеровских мандатов. Если единогласно было утверждено только 350 большевистских мандатов, то левоэсеровских еще меньше — 197¹. Так что у левых эсеров все равно не было шансов получить арифметическое большинство.

В связи с возникшим конфликтом левые эсеры потребовали паритета в мандатной комиссии, чтобы честно разобрать каждый случай. Но большевики, пользуясь пока не доказанным большинством, отклонили это предложение и сделали представительство в комиссии пропорциональным представительству на съезде, то есть со своим большинством, что позволило им отклонять претензии левых эсеров.

Поскольку порядок выборов не был четко определен, аннулирование мандатов было невозможно — это означало бы, что на съезде не представлены около трети Советов. Единственное, на что могли бы рассчитывать левые эсеры в случае паритетного представительства в комиссии — это не обнуление массы большевистских мандатов, а дополнение представительства части Советов левоэсеровскими мандантами в тех случаях, когда им было в этом представительстве безосновательно отказано (часть отвергнутых делегатов прибыла на съезд требовать правды и даже получала мандаты с совещательным голосом).

Левые эсеры требовали предоставлять мандат меньшинству уездных комитетов, большевики возражали, что это приведет к равному представительству большинства и меньшинства. В свою очередь, левые эсеры не соглашались, когда большевики выступали за право губисполкомов назначать делегатов в тех случаях, если уезды не прислали представителей².

С трибуны съезда В. Карелин привел некоторые примеры большевистских фальсификаций, в том числе отправки пяти добавочных делегатов-большевиков от Могилевского ГИКа, и заклеил эту практику посылки на съезд «мертвых душ»³.

Я.В. Леонтьев считает, что сообщение членов мандатной комиссии о ситуации в ЦК ПЛСР «послужило мощным дополнительным толчком к событиям 6 июля»⁴. Это вряд ли. Такое могло быть, если бы у левых эсеров действительно «украли победу». А победы ПЛСР не было — можно было лишь увеличить долю меньшинства в общем числе мандатов. И это не было сюрпризом для левоэсеровского ру-

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918. С. 168.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 16.

⁴ Леонтьев Я.В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 32.

ководства. Уже до V съезда Спиридонова понимала, что «возможно, что мы будем в трети и не будет возможности оспаривать это, хотя нас послало три четверти населения, и с нами абсолютно не будут считаться. И это будет самый худший выход»¹. Но это не выход — это тупик, из которого нужно искать выход. И об этом тупике лидеры ПАСР знали заранее. И выход нашли до начала съезда Советов.

Лидеры ПАСР поняли, что большевики не позволят левым эсерам стать большинством на съезде. Это можно было понять и раньше — когда левым эсерам не дали прийти к власти в Перми, даже когда они получили большинство на губернском съезде. Как и в случае с Учредительным собранием, для большевиков демократические процедуры были формой, которая признавалась постольку, поскольку обеспечивала «классовое содержание», то есть победу «партии пролетариата».

Моделируя «вероятный сценарий развития ситуации в Москве на V Всероссийском съезде Советов в том случае, если бы не было совершено покушение на Мирбаха», Я.В. Леонтьев пишет: «Скорее всего, ...левые эсеры должны были уйти из Большого театра и попытаться провести альтернативный форум либо объявить о созыве чрезвычайного Всероссийского съезда крестьянских депутатов»². Действительно, Спиридонова планировала созыв отдельного крестьянского съезда³ и угрожала его созывом на V съезде⁴. Такой сценарий вполне соответствовал настроению Ленина. Как пишет А. Рабинович, «Ленин то и дело подначивал левых эсеров уйти со съезда»⁵. Он давал оппонентом понять, что не боится раскола. Эта модель уже была опробована большевиками при расколе Съезда крестьянских депутатов в ноябре–декабре 1917 г. Тогда они использовали левых эсеров. Неудобная эсеровская часть съезда была объявлена самозванцами. Теперь эта модель могла быть использована против левых эсеров: большевики могли объявить своих крестьянских депутатов подлинными представителями крестьянства, а ушедших левых эсеров — никого не представляющей кучкой раскольников.

* * *

4 июля в отчетном докладе ВЦИК съезду Свердлов рассказал об упрочении и упорядочении системы Советов и о том, как полезной

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 307–308.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 304.

⁴ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. С. 54.

⁵ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 427.

работе ВЦИК мешали левые эсеры, полные противоречий и колебаний. Взять, например, вопрос о смертной казни. В деле Щастного они против нее, а в деятельности ВЧК — признают ее применение.

4 и 5 июля в своих выступлениях лидеры левых эсеров М. Спиридонова, Б. Камков, В. Карелин и др. требовали прекратить большевистский саботаж социализации земли, ликвидировать продовольственную диктатуру, продотряды, которые идут «грабить деревню», и комитеты бедноты («деревенских лодырей»), отменить смертную казнь, немедленно разорвать Брестский мир и оказать прямую помощь украинским партизанам.

Большевики не собирались идти на уступки. Троцкий, ссылаясь на нарушения дисциплины в районе демаркационной линии, издал приказ, в котором говорилось: «Всех агентов иностранного империализма, которые будут призывать к наступлению и оказывать сопротивление советским властям с оружием в руках, расстреливать на месте»¹. Он решил утвердить этот приказ на съезде, что вызвало бурю. Ведь в приказе сторонники активной борьбы с немецкими оккупантами приравнивались к агентам империализма и должны были расстреливаться без суда. Левые эсеры считали, что удар будет нанесен прежде всего по тем, кто пытается оказывать помощь украинскому народу (то есть повстанцам). Спиридонова обвиняла Троцкого и большевиков в том, что они ведут себя как Керенский в 1917 году, надеясь укрепить армию с помощью смертной казни². Ленина такие сравнения не могли смутить. Армия — орудие класса. Когда она в руках Керенского и Корнилова, это — плохо, ее нужно было демократизировать. А теперь она в руках Ленина и Троцкого. И это — хорошо. И демократизировать ее больше не надо. Троцкий ответил обвинениями в стиле «сам такой», напомнив о том, что левые эсеры не ушли из предпарламента и после Октябрьского переворота «требовали коалиции с имущими классами»³ (что, конечно, неправда — ничего такого левые эсеры не требовали, а выступали за однородное социалистическое правительство). Черепанов легко опроверг этот домысел Троцкого и напомнил, что идею однородного социалистического правительства тогда поддерживали даже большевики⁴.

Обличая германских империалистов и их большевистских пособников, толкающих трудящихся на «Каиновы дела», Камков назвал

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. С. 23.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 102.

империалистов палачами, грабителями, разбойниками и возмущался, что они «сюда явились»¹, имея в виду Мирбаха.

К. Паустовский делился своими впечатлениями: «Камков подошел вплотную к ложе, где сидел Мирбах, и крикнул ему в лицо:

— Да здравствует восстание на Украине! Долой немецких оккупантов! Долой Мирбаха!

...Под его распахнувшимся пиджаком был виден висящий на поясе револьвер»².

В первый день съезда, находясь в ложе рядом с немецким послом, Спиридонова, Карелин и Майоров обсуждали, не застрелить ли Мирбаха прямо сейчас³.

* * *

6 июля в посольство Германии явились два чекиста и потребовали встречи с послом Мирбахом для выяснения обстоятельств ареста некоего австро-венгерского офицера Р. Мирбаха, якобы родственника посла. Посол согласился поговорить. Чекисты предъявили удостоверение, уполномочивающее их вести переговоры с послом, на котором были подписи Дзержинского и Ксенофонтова. Подписи были поддельными, но бланк подлинным, выданным заместителем Дзержинского левым эсером В. Александровичем заведующему секретным отделением отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК Я. Блюмкину. Левые эсеры Блюмкин и его товарищ Н. Андреев получили задание от руководства ПЛСР убить посла.

Мирбах спустился на первый этаж и прошел в малиновую гостиную, куда провели чекистов. Присутствовали также советник К. Рицлер и лейтенант А. Мюллер. Чекисты поговорили, поговорили, да и начали стрелять. Блюмкин выстрелил в посла и его коллег, но промахнулся. Посол бросился из гостиной в большой зал, но был сражен пулей (скорее всего Андреева), после чего Блюмкин бросил еще и две бомбы, одна из которых не взорвалась⁴.

Под прикрытием взрыва убийцы бросились из здания, Блюмкин был легко ранен охраной. Вместо того чтобы скрыться на конспиративной квартире, как планировалось, он явился в отряд ВЧК, которым командовал левый эсер Д. Попов. А почему он должен был прятаться?

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов. Стенографический отчет. С. 24.

² Цит. по: Леонтьев Я.В., Матонин Е.В. Красные. М., 2018. С. 591.

³ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 468.

⁴ Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1990. С. 201–206. Блюмкин настаивал, что Мирбаха убил все-таки он (Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 467).

Он же совершил героический поступок, убил представителя ненавистного германского империализма. Теперь благодаря их теракту начнется наконец революционная война против империализма.

Блюмкин позднее продолжил работу в ВЧК под руководством бывшего левого коммуниста Дзержинского, подобно левым эсерам критиковавшего мир. Это позволило исследователю Ю.Г. Фельштинскому сделать вывод: «Вероятнее всего, имел место заговор, организованный теми или иными представителями левых партий (но не самими партиями, как таковыми)». Имеются в виду левый эсер П. Прошьян, «возможно» Спиридонова, а также Дзержинский и даже Бухарин¹. Эта версия сенсационна, но не нова. Обвинение в причастности Бухарина к выступлению левых эсеров выдвигалось на сталинском процессе 1938 г. Но она настолько противоречит известным сегодня документам, что ее можно признать чисто конспирологической (как и многие другие сенсационные версии Ю.Г. Фельштинского).

Не только члены ЦК, но даже командир левоэсеровского отряда ВЧК Д. Попов знал о плане убить Мирбаха за несколько дней до теракта². После того, как Мирбах был убит, лидеры левых эсеров с энтузиазмом официально поддержали этот «революционный акт»: «Палач трудового русского народа, друг и ставленник Вильгельма граф Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению Центрального комитета партии левых социалистов революционеров»³, — говорилось в воззвании ЦК ПЛСР. Вместе с тем левые эсеры не считали, что начали восстание против большевиков: «ЦК совершенно не представлял себе, что большевистское правительство не только отождествит нападение на Мирбаха с нападением на себя, но даже защищать германо-империалистическую агентуру будет методами Вильгельма, методами буржуазного государства»⁴, — утверждала впоследствии Спиридонова. Но, как мы видели, такой сценарий лидерами левых эсеров тоже предусматривался.

А. Рабинович считает, что лидеры левых эсеров приняли решение о теракте 5 июля, под влиянием дискуссии на съезде Советов: «Главное, однако, заключалось в том, что к концу первого дня надежда левоэсеровских лидеров на то, что им удастся воспользовать-

¹ *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918 гг. М., 1992. С. 449–450.

² Левые эсеры и ВЧК. С. 146.

³ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 206.

⁴ «Блаженная» Мария. Новые документы к биографии М.А. Спиридоновой // *Неизвестная Россия*. М., 1992. Кн. 2. С. 34.

ся трибуной общего, рабоче-крестьянского съезда, чтобы изменить политику Совнаркома, оказалась разбита. В результате они ощутили необходимость прибегнуть к традиционному оружию эсеров — индивидуальному террору, а именно — к убийству германского посла в Москве графа Вильгельма Мирбаха. Это решение было принято поспешно, из страха, что их лидерам грозит физическая расправа, и в надежде, что убийство Мирбаха, развязав войну с Германией, может спасти им жизнь»¹. В такой формулировке мотивы левых эсеров выглядят совсем абсурдно. Очевидно, что даже если лидерам партии и грозила опасность от германских агентов или большевистских репрессий, организация теракта повышала такую угрозу многократно, так как давала врагам левых эсеров идеальный повод для расправы над ними. Все-таки лидеры левых эсеров имели значительный политический опыт, и их действия не могли быть мотивированы настолько странно. Тем более что и решение о теракте не было спонтанным. На его возможность, как мы видели, Спиридонова намекала на III съезде ПАСР — еще до съезда Советов. Общую установку на теракты против представителей германского империализма дали уже решения II съезда ПАСР и решение ЦК 24 июня. Так что левые эсеры еще до V съезда серьезно рассматривали возможность теракта в рамках более широкого плана.

Блюмкин утверждал, что окончательное решение убить Мирбаха было принято 4 июля. Именно 4 июля к Блюмкину обратился один из членов ЦК за информацией о немецком посольстве, а затем он был приглашен на заседание ЦК. Блюмкин предложил в качестве исполнителей себя и Андреева вместо намеченного до этого В. Шеварева. Покушение сначала планировалось как раз на 5 июля, но за день не удалось подготовиться². Так что принятие решения 5 июля исключено.

Общее руководство терактом было возложено на тройку в составе Спиридоновой, Голубовского и Майорова. Прошьян и Биценко передали исполнителям бомбы. К заговору был привлечен Александрович, которому идея не понравилась, но из соображений партийной дисциплины он подчинился, поставил печать ВЧК на подложном удостоверении Блюмкина, дал автомобиль и дежурил у телефона, чтобы подтвердить полномочия Блюмкина. «Разговор происходил в кабинете председателя ВЧК. По окончании его Александрович и Блюмкин заметили, что за ширмами спит Дзержинский. Они испугались, что он слышал разговор; однако выяснилось, что он крепко

¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 427–428.

² Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 296–298.

спал и ничего не слышал»¹. «Но так ли уж крепок был сон Феликса Эдмундовича?»², — спрашивает историк Я.В. Леонтьев. На основании того, что Дзержинский 7 июля подал в отставку с поста председателя ВЧК, Я.В. Леонтьев делает вывод, что «он до поры до времени закрывал глаза на то, что делали у него под носом его подчиненные»³. А что они такого запрещенного делали? Дзержинский, как и Ленин, кое в чем закрывали глаза на партизанские действия левых эсеров против немцев. Например, в начале июля с санкции Ленина на Украину был переправлен Махно. Но в плане подготовки покушения на Мирбаха и последующей конфронтации между двумя партиями подчиненные Дзержинского по признанию Блюмкина стали предпринимать конкретные меры только 4 июля. Так что никаких доказательств того, что Дзержинский «закрывал глаза», не приводится (раз уж он спал, а не бодрствовал в соседней комнате). Его отставка 7 июля естественна — он прощаясь «заговор» в своей организации, что требовало проверки. Эта проверка не выявила фактов сообщничества Дзержинского в деле убийства Мирбаха. Но это не значит, что Дзержинский не сочувствовал идее срыва Брестского мира. Как мы увидим, такие факты имеются.

Лидеры левых эсеров прибыли в отряд ЧК под командованием Попова. В отряде Попова было 600–800 человек. Еще 130–200 человек было в Отряде особого назначения дружины Всероссийской боевой организации⁴. Понимая, что сил для серьезного столкновения мало, левоэсеровское руководство пыталось перебросить в Москву дружины из других городов, в частности из Витебска. Но витебский отряд был разоружен военкомом В. Путной. В начале июля был создан Штаб обороны партии под предлогом борьбы с некими прогерманскими силами. Левые эсеры боялись, что на них могут напасть не только ленинцы, но и вооруженные германские военнопленные. Эти события также подтверждают, что левые эсеры заранее готовились к вооруженному противостоянию в Москве.

Когда стало известно об убийстве посла и о том, что его виновник Блюмкин явился к Попову, Дзержинский направился прямо в левоэсеровский отряд ВЧК. Это же были его подчиненные.

Левый эсер Ю. Саблин вспоминал: «Дзержинский, совершенно бледный, крайне взволнованным голосом начал требовать, чтобы к нему привели Попова. Камков в это время прошел в комнату ЦК

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 466–467.

² Леонтьев Я.В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 49.

³ Там же. 50.

⁴ Леонтьев Я.В., Матонин Е.В. Красные. С. 645.

и заявил, что Дзержинский грозит арестовать его и Карелина. Тогда в целях самозащиты ЦК решил задержать Дзержинского»¹. Он был обезоружен и посажен под замок. Черепанов заявил Дзержинскому: «Мир сорван, и с этим фактом вам придется считаться, мы власти не хотим, пусть будет так, как на Украине, мы пойдем в подполье, пусть займут немцы Москву»². О том же он говорил П. Смидовичу: «Мирбах убит. Брестский мир, во всяком случае, сорван. Теперь все равно война с Германией, и мы должны идти против нее вместе»³. Таков был план ЦК левых эсеров. Он был основан на том, что германская армия двинется на Москву, политика Ленина провалится, а левые эсеры будут держаться вокруг Трехсвятительского переулка, пока ход событий не заставит коммунистов действовать совместно с ПЛСР против немцев. Первыми правоту левых эсеров должны признать левые коммунисты, одним из которых как раз и был Дзержинский.

Но из разговора с ним лидеры ПЛСР поняли, что с большевиками «столкновение неизбежно». Впрочем, позиция «железного Феликса», по воспоминаниям Попова, оставалась двусмысленной. На утверждение Попова о том, что «мы вовсе не хотим захвата власти», Дзержинский ответил: «Если вы, опрокидывая власть коммунистов, не возьмете сами — сделаете преступление»⁴. Эта фраза отражает близость позиций левых эсеров и левых коммунистов — власть должна все время находиться в руках советских партий. Дзержинский признавал, что Попов активно общался с ним, периодически информируя об успехах выступления⁵.

После ареста Дзержинского Спиридонова не нашла ничего лучше, как отправиться на съезд в Большой театр, чтобы там заявить об убийстве Мирбаха по решению ЦК и огласить декларацию ЦК ПЛСР. В ней говорилось: «Палач трудового русского народа, друг и ставленник Вильгельма граф Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению Центрального комитета Партии левых социалистов-революционеров... Властвующая часть большевиков, испугавшись возможных последствий, как и до сих пор, исполняет приказы германских палачей»⁶. В телеграмме Советам всех уровней, выпущенной ЦК ПЛСР, говорилось: «По постановлению Ц.К. партии левых с.-р. убит летучим боевым отрядом представитель германского империализма граф Мирбах... Ц.К. лев. С.Р. призывает всех левых с.-р. и большеви-

¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 271.

² Там же. С. 259.

³ Там же. С. 265.

⁴ Левые эсеры и ВЧК. С. 148.

⁵ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 259.

⁶ Там же. С. 206.

ков, всех трудящихся, вставать грудью на защиту советов и социальной революции. На защиту украинских рабочих и крестьян, изнемогающих в героической борьбе против империалистов»¹.

Версия ЦК ПЛСР была повторена и в воззвании крестьянской секции ВЦИК: «Граф Мирбах был по поручению Центрального комитета убит»².

Для Ленина новость об убийстве Мирбаха левыми эсерами была как гром среди ясного неба. Ильич заметно побледнел, узнав об этом³. Он ведь так грамотно загнал левых эсеров в политический тупик, из которого не было исхода, а они выпрыгнули оттуда с таким грохотом, что может рухнуть теперь вся ленинская внешнеполитическая конструкция, а вместе с ней — и власть Совнаркома.

Ленин и Свердлов распорядились вывести из зала заседаний съезда большевиков, а левоэсеровскую фракцию во главе со Спиридоновой арестовали. «Попались» такие лидеры ПЛСР, как А. Биценко, А. Измайлович, А. Колегаев, Б. Малкин, С. Мстиславский и др. Задержанные не сомневались в том, по чьему указанию был убит Мирбах и за что фракцию поместили под арест. А. Измайлович сообщала, что на стене, где сидели левоэсеровские представители, они написали, что здесь сидят левые эсеры, члены V съезда, арестованные Совнаркомом «за террористический акт, совершенный над послом германского империализма гр. Мирбахом боевой организацией партии Левых Социалистов-Революционеров по постановлению Центрального комитета партии»⁴. У них не было сомнений, что именно ЦК санкционировал этот теракт.

Арест фракции оказался неожиданностью для Попова, он вскричал: «За Марию снесу пол-Кремля...»⁵.

Многие военные части и милиция заняли нейтральную позицию. Примерное равенство сил поставило ситуацию в зависимость от находившейся близ Москвы дивизии латышских стрелков. Левые эсеры считали их своими потенциальными союзниками, так как Брестский мир закрыл прибалтийским революционерам дорогу домой. Однако 7 июля станет ясно, что латышские стрелки предпочитают выполнять приказы командования, а не устроителей новой войны. Но 6 июля значительная часть личного состава дивизии находилась в увольнении в связи с праздником Янки Купалы.

¹ Левые эсеры и ВЧК. С. 174.

² Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 213.

³ *Бонч-Бруевич В.Д.* Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (по личным воспоминаниям). М., 1927. С. 27.

⁴ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 2. С. 184.

⁵ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 260.

Ситуация оставалась неопределенной. Несмотря на арест Спиридоновой и нескольких лидеров ПАСР, партия сохранила руководство, которое проводило свой рискованный план. Он, очевидно, заключался в том, чтобы спровоцировать советско-германский конфликт с помощью громкого теракта, «забаррикадироваться» вокруг отряда Попова и выжидать. По расчетам левоэсеровских стратегов, возобновление войны в этом случае будет неизбежно — ведь германские империалисты спят и видят, чтобы найти повод для нападения на Советскую республику. Возобновление войны лишало смысла противоречия большевиков и левых эсеров по внешней политике. Более того, выстраивание системы прокорма городов за счет крестьянства тоже срывалось. Ведь первым делом немцы осадят Петроград и Москву. Большевики не смогут вести войну без помощи левых эсеров. Да и в самой большевистской партии существуют противоречия между ленинцами и левыми коммунистами, авторитет которых в новой обстановке, очевидно, вырастет. Так что возможно создание нового Совнаркома как блока коммунистов (вероятно левых) и левых эсеров.

Срыв мира — это не дело одного дня. Германия выдвинет ультимативные требования, которые, как рассчитывали в ЦК ПАСР, нельзя будет уже принять, и война возобновится. Но это произойдет не сразу. Действительно, 14 июля Германия предъявит свой ультиматум о вводе в Москву батальона германский войск. Это требование будет отклонено большевиками. Вопреки расчетам стратегов ПАСР, Германия не станет настаивать. Ведь Ленин будет готов пойти на очень большие финансовые уступки.

Левым эсерам нужно было, во-первых, продержаться до германского ультиматума, чтобы обрушиться на него с критикой, и во-вторых, найти в партии большевиков достаточное количество сторонников возобновления войны, которые объяснят Ленину, что сражаться с левыми эсерами бессмысленно, раз они вот-вот станут союзниками в войне против немцев. Левые эсеры ошиблись в обоих пунктах — они переоценили и стремление германского империализма возобновить войну, и внутрипартийные противоречия большевиков.

Причина неверного расчета левоэсеровских стратегов заключалась в «геополитическом мышлении», столь характерном для многих политических мыслителей. Вместо того чтобы внимательно изучать местную почву (чем до этого были сильны эсеры), в обстановке внутриполитического тупика левые эсеры решили выпрыгнуть из него с помощью возобновления войны. Увлечшись вопросами мировой политики, левые эсеры оторвались от своей практической и теоретической внутриполитической почвы, и их ждал закономерный крах.

* * *

После ареста левоэсеровской делегации съезда, опираясь на отряд Попова, левые эсеры заняли оборонительные позиции в Замоскворечье. Они заняли телеграф и ВЧК, где арестовали заместителя Дзержинского М. Лациса. При аресте его волновала та же проблема, что и Дзержинского. Увидев Карелина и Черепанова, «я обратился к ним с просьбой принять все меры для того, чтобы контрреволюционеры не воспользовались нашим инцидентом и не подняли бы восстание против Советской власти»¹. Лацис не считает левых эсеров, арестовавших его, контрреволюционерами — очевидно, что это лишь временный инцидент.

Отряды левых эсеров заняли телеграф. В этой обстановке член ЦК почтово-телеграфного союза В. Лихобадин отправил телеграмму о запрете на передачу депеш Ленина, Свердлова и Троцкого, а партию левых эсеров назвал «правлящей в настоящее время»², хотя ЦК ПЛСР ничего такого не санкционировал.

Также левые эсеры арестовали председателя Моссовета П. Смидовича.

1-й Мартовский полк на митинге заявил о поддержке левых эсеров и арестовал военкома городского района Шоричева, которого прислал на Трехсвятительский³. Для острастки поповцы обстреляли Кремль из имевшихся на Трехсвятительском орудий. Стрельба была нецельной.

Количество жертв столкновений в Москве было невелико. Погиб председатель Ковровского Совета Н. Абельман. Обстоятельства его гибели описываются противоречиво. То ли его убили поповцы, чтобы отнять автомобиль, то ли антисемитская толпа в неразберихе, то ли он перевозил оружие и вступил в перестрелку. В дальнейшем обвинение в убийстве Абельмана левым эсерам не было предъявлено⁴. 9 июля сообщалось, что он ехал с оружием и «подвергся нападению 20 человек какого-то конного отряда»⁵. Возможно, их целью было как раз оружие.

В перестрелке у телеграфа погиб венгр А. Хорак. На Чистых прудах латышский патруль в 30 человек нарвался на левоэсеровский отряд в 100 человек с броневиком, который открыл огонь. Несколько человек было убито и ранено⁶.

¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 263.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 272.

⁴ Леонтьев Я. В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 56.

⁵ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 2.

С. 155.

⁶ Леонтьев Я. В., Матонин Е. В. Красные. С. 643.

Вопреки ожиданиям левых эсеров, большевики не собирались с ними договариваться и терпеть их Трехсвятительское стояние. Нужно было продемонстрировать немцам большевистскую решимость в борьбе с виновниками убийства Мирбаха. В ночь с 6 на 7 июля пробольшевистские силы были сосредоточены в двух группировках: в районе Страстной (ныне Пушкинская) площади (1-й Латышский стрелковый полк, образцовый Советский полк, батарея латышской дивизии, броневик и др.) и храма Христа Спасителя и расположенного рядом военного наркомата (батальон 2-го Латышского полка, две батареи и два броневика). Также в районе Арбатской площади находился резерв. Всего под командованием Н. Муралова и Н. Подвойского было 720 штыков, 12 орудий, 4 броневика, 72 конных разведчика и 40 человек пулеметной команды. То есть у большевиков не было численного перевеса. У левых эсеров было 4 броневика, 6–8 орудий, но плохого качества¹. Превосходство большевиков в артиллерии и решило дело. Когда начался прицельный обстрел в Трехсвятительском переулке, поповцы бросились к Курскому вокзалу, надеясь эвакуироваться на поезде. Это не удалось, и левые эсеры отступили в сторону Сокольников, постепенно рассыпаясь. Остатки капитулировали уже в Подмоскowie в районе Владимирского шоссе. Было схвачено около 300 участников выступления.

* * *

С выступлением левых эсеров связано выступление примыкавшего к ним командующего Восточным фронтом М. Муравьева. 9 июня с него были сняты обвинения в злоупотреблениях властью во время Украинского похода, и 13 июня он был назначен командующим Восточным фронтом.

8 июля Муравьев вместе с коммунистами подписал заявление против выступления левых эсеров, в котором оно характеризовалось как «Азефщина», да еще и «обставленная по-детски глупо»². Ленин, узнав о заявлении Муравьева о разрыве с ПЛСР, предложил его запротоколировать и ограничиться «бдительным контролем» за его деятельностью³.

10 июля Муравьеву удалось отбить у противника Сызрань. Почувствовав себя прочнее и оценив итоги разгрома ПЛСР, он решил на политическое выступление. Муравьев с Интернациональным полком отправился из Казани в Симбирск. Там он 11 июля арестовал ко-

¹ Леонтьев Я.В., Матонин Е.В. Красные. С. 244.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 2. С. 142–143.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 116.

мандующего 1-й армией М. Тухачевского и нескольких коммунистов, окружил здание Совета броневиками и на митинге объявил о создании Поволжской республики с левоэсеровским руководством. Муравьев объявил войну Германии и выпустил декларацию: «Всем рабочим, солдатам, казакам, матросам и анархистам... Всех моих друзей и боевых сподвижников наших славных походов и битв на Украине и на юге России ввиду объявления войны Германии призываю под свои знамена для кровавой и последней борьбы с авангардом мирового империализма — Германией. Долой позорный Брестский мир! Да здравствует всеобщее восстание!»¹ Муравьев надеялся заключить перемирие с чехословаками, но только на условиях выдачи ему руководителей Комуча². Это условие было нереальным, но в первый момент Муравьеву было важно доказать свою левизну, а в дальнейшем эта позиция могла измениться, если Муравьев действительно надеялся развернуть Восточный фронт против немцев.

Муравьева поддержали командующий Симбирской группой войск левый эсер К. Иванов и командир Курского бронедивизиона Н. Беретти.

Комфронта провел совещание с левоэсеровской фракцией губисполкома и затем с ней пошел на заседание губисполкома в целом. Заседание было бурным. Когда Муравьев вышел из зала во время перерыва, находившиеся в засаде сторонники большевиков во главе с И. Варейкисом попытались его арестовать или убить. В начавшейся перестрелке удалось второе.

* * *

Советское руководство отклонило требование о вводе батальона германских войск в Москву. Это было принципиально и с точки зрения престижа Советской власти, и с точки зрения безопасности — ведь такой батальон мог провести переворот как на Украине. Были даны гарантии охраны посольства и разрешено прибыть для такой охраны 300 военнослужащим Германии в штатском и без оружия. Германия согласилась. А. Рабинович объясняет это начавшейся битвой на Марне³. Но ожесточенные бои на Западном фронте начались в марте, сразу после Брестского мира. И жертвовать им Германия не планировала — это решение уже было принято — при условии, конечно, если Ленин будет также уступчив в финансовых вопросах, как до этого был уступчив в территориальных.

¹ Незабываемое. Воспоминания. М., 1961. С. 49.

² Леонтьев Я. В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк). С. 95.

³ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 436.

Чтобы продемонстрировать германской стороне твердость в борьбе с заговорщиками, 8 июля по постановлению ВЧК были расстреляны Александрович и 12 попавшихся под руку бойцов отряда Попова. Карали участников восстания — чекистов. Чекист должен беспрекословно служить правительству.

Небольшие, скорее рефлекторные вооруженные выступления левых эсеров произошли в Петрограде, Жиздре, Боровичах и др. Волнения продолжались и в августе. В Петрограде 8 июля разоружение левозэсеровской дружины численностью около 600 бойцов вылилось в перестрелку с применением артиллерии.

Решением съезда Советов левые эсеры, не заявившие о неприятии политики своего ЦК, исключались из Советов.

События в Москве были столь невероятны и нелепы, что местные организации просто не верили, что ситуация именно такова, как сообщает официальная пресса (тем более что коммунисты действительно трактовали произошедшее тенденциозно). Казанский губисполком выступил против «дикой травли левых эсеров» и потребовал «строгого и беспристрастного расследования факта убийства Мирбаха». Сам этот факт сурово осуждался как удар по Советской власти¹.

Вернувшись на съезд, часть левозэсеровских делегатов, не попавшая под арест, устами Закса требовала прекращения гонений на левых эсеров на местах, участия в расследовании событий 6 июля представителей всех советских партий, немедленного освобождения остальных делегатов ПАСР и включения их во ВЦИК на пропорциональной основе² (то есть около трети мест).

Большевики не собирались выполнять такие требования. Тогда часть фракции ПАСР на V съезде объявила себя независимой от ЦК и выдвинула своих представителей во ВЦИК. Большевики согласились их принять, и во ВЦИК вошло не менее 20 левых эсеров (Биценко, Закс, Колегаев, Устинов и др.), которые, впрочем, вскоре стали создавать отдельные партии.

Левых эсеров стали выдавливать из Советов и советских властных структур — с разной скоростью и интенсивностью в разных регионах. По Советской России прокатилась волна исключений из Советов и снятия с должностей. Но в некоторых регионах это могло вызвать кадровый голод, и хорошо работающих и лояльных к большевистскому руководству левых эсеров временно оставили при должностях — их очередь настала к концу года. Свердлов даже

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 2. С. 176.

² Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. С. 196.

сдерживал местных коммунистов, предлагая оставить на работе тех левых эсеров, которые выступили против авантюры своей партии¹. В Казанской губернии, где левые эсеры возглавляли губисполком, власть перешла к ревкому. 3 августа казанские левые эсеры собрали съезд крестьянских Советов, но он был распущен большевиками. Этот конфликт происходил в канун наступления Народной армии и легионеров на Казань и конечно дезорганизовал советские органы, облегчив задачу противника². Был разогнан также Петрозаводский губисполком и множество уездных исполкомов.

Некоторые Советы, например Зубцовский, в июле арестовали левых эсеров. Вскоре их выпустили, и левый эсер Смирнов сетовал: «Арест нашей фракции дал возможность буржуазии, находящейся в тюрьме, ликовать»³.

Большинство левоэсеровских делегатов было освобождено 10–13 июля, сразу после завершения съезда. Под суд как члены ЦК, руководившие выступлением и не осудившие его, должны были попасть М. Спиридонова, И. Майоров, Б. Камков, В. Трутовский, Д. Магеровский, А. Голубовский, Д. Черепанов, П. Прошьян и Я. Фишман (его членство в ЦК не очевидно), а также Саблин, Попов, Блюмкин, Андреев и боевик Протопопов⁴.

Спиридонова была помещена в Кремле — по распоряжению Ленина устроена как можно лучше, в Николаевском дворце. Ее кормили с кухни Совнаркома (не роскошь, конечно, но все же), обеспечивали переписку и допускали свидания. Спиридонова иронизировала: «Я двенадцать лет боролась с царем, а теперь меня большевики посадили в царский дворец»⁵.

27 ноября Верховный революционный трибунал рассмотрел дело левых эсеров. Германская империя уже пала, и в свете этого сурово наказывать организаторов убийства Мирбаха было бы странно. К расстрелу был приговорен (заочно) 1 человек; 11 (в том числе Блюмкин и Прошьян) были приговорены к 3 годам тюремного заключения с применением принудительных работ, 2 (в том числе Спиридонова) — к 1 году заключения. Через два дня Спиридонову амнистировали «за прежние заслуги перед революцией».

¹ *Свердлова К.Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1957. С. 450.

² Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. // События Гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев. С. 18, 77.

³ ЦГАМО. Ф. 6897. Оп 1. Д. 12. Л. 93.

⁴ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 251.

⁵ *Смирин А.М.* Крах одной авантюры (левоэсеровский мятеж в Москве 6–7 июля 1918 г.). М., 1971. С. 81.

Но левые эсеры на местах обычно уже не воспринимались большевиками как товарищи. В сентябре в ходе красного террора в Котельничках были расстреляны видный левый эсер А. Мисуно и местный левоэсеровский лидер А. Махнев.

Некоторые организации ПЛСР сразу отмежевались от авантюры ЦК. В Петрограде группой левых эсеров стала создаваться Народная партия революционного социализма. Елецкая организация создала оргкомитет Партии революционного социализма. В Петрограде Г. Закс и его сторонники стали выпускать лояльную большевикам газету «Знамя борьбы» и в сентябре создали Партию народников-коммунистов. Она просуществовала недолго — в ноябре самораспустилась с намерением членов вступить в РКП(б).

20 июля саратовская организация ПЛСР во главе с А. Устиновым, давно критиковавшим ЦК за конфликт с большевиками, взяла курс на создание отдельной партии с левоэсеровской идеологией, но не скомпрометированной акцией 6 июля и лояльной большевистскому большинству в Советах.

Колегаев вел переговоры со Свердловым о легализации ПЛСР и возвращении ее во ВЦИК¹. Когда стало ясно, что большевики взяли курс на вытеснение ПЛСР из советских структур, А. Колегаев, А. Биценко, В. Зитта при благословении М. Натансона 25–28 сентября организовали Партию революционного коммунизма (ПРК). Биценко участвовала в подготовке покушения на Мирбаха, а Колегаев сначала поддерживал курс ПЛСР. Так что создание ПРК было реакцией не на авантюризм ПЛСР 6 июля, а на гонения большевиков, которые ставили левых эсеров перед выбором — продолжать действовать в подпольной партии или создавать новую легальную. ПРК выступала за единый фронт с большевиками, но не отказывалась от критики их аграрной политики. А. Колегаев предсказывал «аграрные беспорядки, когда трудовая деревня увидит, что земля переходит в ведение чиновников из комиссариата... что трудовое население отстраняется от земли, что оно не распоряжается землей»².

Новые партии, образовавшиеся в результате откола, не приблизились по влиянию и численности к ПЛСР.

Делая решительную мину при плохой игре, ЦК ПЛСР в преддверии IV съезда партии одобрил теракт 6 июля: «Последовательная борьба с международным империализмом» (включая

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 26.

² Цит. по: Первое советское правительство. М., 1991. С. 296.

убийство Мирбаха) «вызвала гонения на нашу партию»¹. IV съезд ПАСР 2–7 октября 1918 г. пошел еще дальше и объявил, что после убийства Мирбаха произошел «частичный пересмотр Германским правительством... своей агрессивной политики к Советской России в духе частичных территориальных уступок...»² Левые эсеры утверждали, что германские империалисты очень хотели развязать войну, а она не развязалась. Почему? А все потому же — мы Мирбаха убили. Это звучало уже несерьезно.

Провал привел к эволюции большинства левых эсеров в сторону антиавторитарного социализма, близкого анархистской идеологии. Спиридонова писала IV съезду партии: «Партийная власть имеет в себе какой-то органический порок и ведет в конце концов к господству, к обману масс, к насилию. Назначение партии должно быть — напитать лозунгами страну, разомкнуть живые ключи народного творчества, дать ему ход, дать ему самому и силу, и власть, и помощь строиться, создавать новую правду, новый мир»³.

Партия хотя и была сильно ослаблена, сохранила организационную структуру и влияние на те слои рабочих и крестьян, которым нравилась идея Советской власти и не нравилась политика большевиков. Эта ностальгия Октября поможет левым эсерам сохранять присутствие на советской политической сцене в 1919–1922 гг.

Разгром ПАСР привел к качественной трансформации советской системы в коммунистический режим. Хотя на съезды Советов в небольших количествах допускались представители оппозиционных социалистических партий, к принятию властных решений их уже не подпускали. Как пишет О.В. Шеин на примере астраханского региона, «теперь не партии боролись за делегатов на выборах в Советы, чтобы провести на съезде своих представителей в исполком и органы власти. Теперь одна партия — причем возглавленная никому неизвестными людьми — назначала руководство исполкома и решала, кого пускать на съезд Советов, а кого — нет»⁴.

* * *

9 июля V съезд Советов продолжил работу. С докладом о произошедших событиях выступил Троцкий, осудивший убийство Мирбаха, которое «явилось бессмысленным и бесчестным насилием

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 2. С. 436–437.

² Там же. С. 735.

³ «Блаженная» Мария. Новые документы к биографии М.А. Спиридоновой. С. 36.

⁴ Шеин О.В. Астраханский край в годы революции и гражданской войны (1917–1919). М., 2018. С. 248–249.

над той политикой, которую проводит Всероссийская советская власть»¹.

Главным деянием V съезда Советов должно было стать принятие первой в истории России конституции. Если бы не выступление левых эсеров, конституционный вопрос предвещал острые прения. Но разгром ПЛСР облегчил быстрое принятие Конституции РСФСР, проект которой устраивал ЦК РКП(б).

Уже III съезд Советов принял постановление об основных положениях будущей конституции. Оно предусматривало, что «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов». Ее высшим органом становился Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, который избирает ВЦИК, выполняющий роль верховного органа между съездами. Съезд и ВЦИК формируют СНК. ВЦИК и ЦИКи республик, входящих в федерацию, в том числе «отличающихся особым бытом и национальным составом», проводят разграничение полномочий и определяют способ участия республик в федеральной власти. «Все местные дела решаются исключительно местными Советами». Вышестоящие Советы ограничиваются общим регулированием и разрешением конфликтов между местными Советами. Центральная власть представляет федерацию в целом и проводит общегосударственные мероприятия, не нарушая прав областей². Это торжество федерализма отражало реальность, но только до мая 1918 г.

30 марта была создана конституционная комиссия, в которую входили Я. Свердлов, И. Сталин, М. Покровский от большевиков, Д. Магеровский от ПЛСР, А. Бердников от максималистов (с совещательным голосом), В. Аванесов, Д. Боголепов, М. Лацис, М. Рейснер, Э. Склянский и Н. Бухарин от ведомств. Председателем был избран Свердлов.

Левые эсеры с их идеями Советской республики как федерации автономных регионов получили поддержку со стороны представителя Наркомюста коммуниста профессора М. Рейснера, который предложил разработанный под его руководством проект, представлявший РСФСР как «свободную федерацию» Советов разных уровней, самостоятельно руководящих хозяйственной жизнью регионов³.

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. С. 109.

² Декреты Советской власти. Т. 1. С. 350–351.

³ *Ронин С.А.* Некоторые вопросы истории разработки первой Советской Конституции // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Конституции РСФСР 1918 г. М., 1959. С. 27–33.

Левые эсеры поддержали этот проект. Максималисты предложили свой — тоже основанный на широкой автономии регионов и максимальном участии низовых органов в решении центральных дел. 19 апреля комиссия отвергла эти проекты, и дальше проект конституции разрабатывался под руководством Свердлова.

3 июля ЦК большевиков поддерживал проект комиссии ВЦИК. Ленин предложил включить в нее целиком Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятую III съездом Советов после разгона Учредительного собрания.

На съезде представитель максималистов Н. Полянский (состоявший и в ПЛСР) критиковал неравное представительство рабочих и крестьян на съезде Советов, выступал за расширение представительства уездных съездов, а также за представительство профсоюзов и других нетерриториальных организаций¹. Но принятие большевистского проекта было предопределено.

Конституция РСФСР была принята 10 июля 1918 г. В соответствии с ней Совет народных комиссаров «принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни» (ст. 37). Эти безбрежные полномочия по оперативному управлению страной ограничивали съезды Советов РСФСР и ВЦИК, ведению которых «подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению» (ст. 50). Историк и либеральный правовед В.С. Шейнис критикует советскую конституцию: «Съезд — “высшая власть” в стране, ВЦИК — высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган» (ст. 24 и 31). Их компетенция не разграничена, в исключительном ведении Съезда только изменения конституции и ратификация мирных договоров... «Общее управление делами» осуществляет образуемый ВЦИК Совет народных комиссаров (СНК). На первый взгляд — это исполнительный орган в системе разделения властей. Но это не так. Он вправе издавать декреты... Центральное звено системы управления — не ВЦИК, а СНК, персонально слитый с политбюро ЦК партии. СНК ответственен перед ВЦИК, но многие наркомы являются также и членами ВЦИК и в этом качестве контролируют — вместе со своими коллегами — сами себя (ст. 36)»². Однако такая конструкция имеет много общего с парламентско-президентскими конституциями, где парламенты тоже могут иметь контрольные функции, члены правительства быть в то же время и депутатами, а правительство в случае его однопартийного

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. С. 191–192.

² Шейнис В. А. Власть и закон: политика и конституции в России в XX–XXI веках. М., 2014. С. 128–129.

характера — слитым с руководством партии (Политбюро РКП(б) в 1918 г. еще не было). Российская конституция 1993 г., в разработке которой активное участие принимал В.А. Шейнис, передала президенту и исполнительные полномочия, и право принимать указы законодательного характера. Хорошо это или плохо — другой вопрос, но во всяком случае переплетение ветвей власти — это довольно распространенная практика.

На долю местных Советов по ст. 61 оставалось немного: «проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти» и разрешение вопросов, имеющих «чисто местное» значение, то есть до регулирования и управления которыми руки у центральных органов не дошли. И еще они должны были объединять всю советскую деятельность на данной территории и поднимать территорию в хозяйственном и культурном отношении (очевидно — проводя решения центральных органов).

«Центр тяжести власти был отделен от местных Советов и перенесен наверх. Схема делегирования власти снизу вверх была перевернута»¹, — пишет В.А. Шейнис о трансформации устройства советского государства ко времени принятия конституции.

В конституции фиксировались марксистские идеологемы. Статья 9 провозглашала «установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» «в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Выборы во Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов не были всеобщими — от выборов были отстранены лица, живущие на нетрудовые доходы; не были равными — городские Советы и крестьянские Советы посылали разное число делегатов; не были прямыми — Всероссийский съезд избирался городскими Советами и губернскими съездами Советов.

Уездными и губернскими органами государственной власти являлись соответствующие съезды Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, избиравшие исполнительные комитеты, которым принадлежала власть между съездами. Местными органами государственной власти в городах и селах являлись городские Советы рабочих и красноармейских депутатов и сельские Советы крестьянских депутатов, которые являлись постоянными органами.

---

¹ Шейнис В.А. Власть и закон: политика и конституции в России в XX–XXI веках. С. 130.

Они избирались рабочими и крестьянами сроком на 3 месяца. При этом члены этих Советов могли быть отозваны избирателями¹.

В реальности власть Советов на местах с согласия ВЦИК могла заменяться чрезвычайными органами — военно-революционными комитетами и комбедами. Фактически с установлением однопартийности важнейшие решения принимались партийными комитетами РКП(б) и Совнаркомом.

Приняв конституцию, съезд заканчивался под здравицу Ленину, произнесенную кем-то из делегатов: «Товарищи, вся русская революция доказала, что, несомненно, единственным гениальным человеком у нас является т. Ленин. Вся русская революция связана с именем т. Ленина, с его прозорливостью и умом. Да здравствует т. Ленин!»² Ответом была овация. Разгром влиятельной внутрисоветской оппозиции как нельзя лучше способствовал складыванию культа главной коммунистической личности.

Повстанцы

Переход к системе «военного коммунизма» вызвал ожесточенное сопротивление на территории Советской республики. Но оно нарастало постепенно, по мере того, как ужесточалась политика коммунистического режима.

Причины крестьянских выступлений сводились к трем основным: продовольственная диктатура и связанные с ней злоупотребления властей, гонения на церковь и мобилизация.

Интенсивность выступлений была различной. Наиболее распространенными были волнения — массовые митинги, когда большинство или значительная часть жителей деревни собиралась и выражала недовольство действиями власти. Иногда крестьяне митинговали не по месту жительства, а шли к волостному и уездному центру. Если советские руководители появлялись на таком митинге, им вполне могли «намять бока» и даже убить. Красные начальники, впрочем, были вооружены и могли начать отстреливаться. Чувствуя, чем кончится, они сами иногда вызывали солдат, которые открывали огонь в толпу. Но в деревне было много оружия — ответной стрельбы не приходилось долго ждать. Начиналось восстание, которое обычно происходило не по плану, а в результате закономерного, но неожиданного стечения обстоятельств. Большинство крестьян не хотели вступать в войну по месту жительства. Так что обычно восстание рассыпалось

¹ Декреты советской власти. Т. 2. С. 545–568.

² Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. С. 201.

уже после первых столкновений с прибывшими на место красноармейскими отрядами. Это были не полноценные восстания, а кратковременные бунты. Власти арестовывали «зачинщиков» и миловали остальных. Лишь некоторые крестьянские восстания 1918 г. длились более недели.

Власть в окружении раздраженного населения просила военной помощи против своих избирателей. Например, волостные Советы Ржевского уезда просили по 5–10 красноармейцев, «дабы могли защитить от нападок деревенских кулаков», которые «всеми силами пытаются натравить деревенскую бедноту как на местные советы, а также на высшие органы, и на этой почве происходило немало эксцессов, что волосты бывали избиваемы до полусмерти и т. д.»¹. Крестьяне атаковали власть единым фронтом — от кулаков до бедняков.

Советский работник докладывал на Ржевском исполкоме, что его пригласили в деревню Голенищево Никоновской волости «по делам продовольствия, но оказывается, они меня пригласили не по делам продовольствия, а судить, и даже подвергся чуть не самосуду, и пришлось спасти свою жизнь благодаря бегству, после чего я просил президиум и комиссариат внутренних дел для оказания помощи». Но следствия и наказания бунтовщиков эти органы производить не стали, пока в дело не вмешался уездный исполком².

Широкомасштабная гражданская война только разгоралась. Люди помнили, что гражданская война конца 1917 — начала 1918 г. была скоротечной, как правило без упорного сопротивления противников Советской власти. Сейчас тоже никто не хотел умирать — пока для этого не было достаточно серьезных поводов. Число волнений значительно превышало число восстаний, большинство которых, в свою очередь, длились до первого столкновения с Красной армией³. В 1919–1921 гг. борьба станет гораздо ожесточенней — люди поймут, что митингами ничего не добьешься.

Иногда по частным проблемам с крестьянскими обществами удавалось договориться и не доводить дело до столкновения. «При наличии минимального политического такта власти быстро находили общий язык с крестьянскимиходаками, и на этом обычно все и кончалось»⁴, — рассказывает историк С.В. Яров. Но не надолго — потому что договориться удавалось только по частностям, а конфликт крестьянства с политикой коммунистов был принципиальным.

¹ ЦГАМО. Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

² Там же. Л. 35.

³ См., например: Документы о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 95–168.

⁴ Яров С.В. Крестьянин как политик. С. 42.

Крестьянство не хотело трудиться на власть бесплатно, просто отдавая «дань». С.В. Яров пишет о семи восстаниях на северо-западе: «Главной причиной здесь стал не налог как таковой, а скорее его ненормированность...»¹. Большевики пытались все строить с нуля, не как у капиталистов, поэтому вернулись к основам цивилизации — их действия напоминают ненормированную дань князя Игоря, за которую его убили древляне. Впрочем, вскоре большевики, двигаясь по пути княгини Ольги, нормировали сборы с территорий, введя продразверстку. И в 1919 г. крестьянская война вспыхнула еще сильнее. Ее причиной были не бестактности власти (что лишь усугубляло ситуацию, но не порождало ее), а основа ее политики.

Грубые действия исполнителей на местах были следствием маргинализированного кадрового состава «пролетарской диктатуры», многолетней милитаризации общества, нарастающего и разжигаемого сверху огня социальной враждебности. Раньше врагом, достойным смерти, был немец, а теперь свой «саботажник».

Некоторые подавители крестьянских волнений вели себя таким образом: «Он занял помещение школы, сбил сход и заявил: “Несите оружие, чтобы к утру было готово 5 могил, а то всю деревню выжжем” и т. д. Он ругался, матюкался, угрожал: “Перевешаю всех”, слова не давал сказать в защиту... Утром тов. Липняк снова созвал сход и начал расправу. Били плетьюми так, что они стучали по потолку, наотмашь, со всей силы. Из школы доносились вопли истязуемых, а народ стоял и слушал». Такой произвол не был редкостью, но мы имеем его документальные доказательства, потому что наиболее вопиющие случаи становились предметом расследования советских органов². Они демонстративно наказывали отдельных особо проштрафившихся начальников. Так, суду ревтрибунала был предан замначальника реквизиционного отряда А. Федоров за участие в массовых грабежах и насилиях над мирными жителями в Новоузенском уезде Саратовской губернии³. Однако волна произвола была гораздо шире, да и порочная практика замначальника вряд ли могла достичь столь массового размаха, если бы прежде на нее не смотрели сквозь пальцы другие начальники. Например, из Старорусского уезда буднично докладывали в октябре, что после подавления волнений в Нивской волости, когда побили красноармейца, «виновные, по постановлению сводного отряда, наказаны плетьюми». А в Белебелковской области «карательный отряд» расстрелял 7 человек «за непризнание Советской власти, кражи

¹ Яров С.В. Крестьянин как политик. С. 44–45.

² Там же. С. 65.

³ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 104.

и покушение на красноармейские отряды»¹. Какую роль в судьбе расстрелянных сыграло непризнание Советской власти, а какую — кражи, и были ли они доказаны — осталось неизвестным.

На территории Союза коммун Северной области, включавшей Архангельскую, Вологодскую, Новгородскую, Олонецкую, Псковскую, Петроградскую, Северо-Двинскую и Череповецкую губернии, с 25 марта по 16 октября произошли волнения и беспорядки на почве голода в 269 волостях, а по политическим мотивам — в 38. Из 493 волостей сообщений о волнениях и беспорядках не приходило. Под волнениями понимались выступления, которые обошлись без применения оружия властями, а беспорядки были разогнаны с применением оружия. Больше всего волнений на почве голода было в Череповецкой губернии — 47, а беспорядков — в Псковской — 20. В Петроградской губернии было 5 политических волнений, а в Северо-Двинской — 7 политических беспорядков².

На северо-западе наиболее кровопролитными были события в Старорусском уезде, когда крестьяне 30 деревень захватили станции Волот и Взгляды. Станцию отбивали с помощью бронепоезда. Было убито и ранено 200 повстанцев³.

Если на севере крестьян возмущала неспособность Советской власти обеспечить население продовольствием, то в Поволжье и на Северном Кавказе протест вызывало практически бесплатное изъятие хлеба. Сохранялись и универсальные антивоенные и религиозные причины выступлений.

Восстание было более серьезным событием, чем беспорядки. В Поволжье летом восстаниями были охвачены более 70 волостей⁴. Это не шло ни в какое сравнение с единичными выступлениями крестьян против представителей или военнотружущих Комуча.

10 ноября вспыхнуло серьезное восстание в Казанской губернии, которое удалось подавить только в декабре⁵. Крупное восстание разлилось на стыке Ярославской, Костромской, Вологодской и Череповецкой губерний.

По сводкам НКВД, в июле на советской территории произошло 26 крестьянских восстаний, в 9 из которых «было установлено» лидерство членов антисоветских партий или духовенства. В августе восстания были в 47 местах. Из них во главе 14 восстаний стоя-

¹ Документы о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 136.

² Там же. С. 143.

³ Яров С. В. Крестьянин как политик. С. 63.

⁴ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. С. 100.

⁵ Там же.

ли люди с выраженной антисоветской позицией. В сентябре было 35 восстаний, из них 12 с политическим лицом. В октябре зафиксировали 7 восстаний, в ноябре — 24¹.

Эта статистика имеет невысокую степень точности, так как неясно, какую грань между полноценным восстанием и беспорядками выбирали информаторы НКВД. Но динамика показательна — пик восстаний приходится на август — время сбора урожая и в то же время — максимального продвижения Народной армии Комуча и чехословацких войск. В связи с этим особую опасность для Советской власти представляли восстания в прифронтовых губерниях.

Восставали не только крестьяне, но и красноармейцы. В обстановке неустойчивости фронта и массового недовольства серьезную угрозу представляло восстание Московского полка (645 бойцов при 16 пулеметах и одном орудии). Командиром отряда был бывший офицер А. Степанов, а комиссаром — большевик А. Хомак.

Полк, подчинявшийся Наркомпроду, прибыл из Москвы, чтобы изымать хлеб, и тут же вступил в конфликты с Уржумским уездным исполкомом и Вятским продовольственным штабом. Местное население обвиняло бойцов отряда в грабежах, крестьяне убивали бойцов полка.

14 июля комиссар Хомак объявил о введении в Уржумском уезде военной диктатуры, разоружении Красной гвардии и лишении власти местных советских органов. Вятские губернские власти нажаловались в Москву, что отряд дезорганизует работу. После некоторых колебаний Москва встала на сторону губернских властей. Полку было приказано отойти из Уржума на переформирование, на место событий для разбирательства должен был выехать Шлихтер².

Это совершенно не устраивало командира отряда Степанова. 6 августа он выступил против Советской власти в Малмыже, 8 августа занял Уржум, где 13 августа провозгласил «Временное управление южным округом Вятской губернии» в составе депутата А. Кропотова, уполномоченного Союза возрождения России П. Чиркова, самого Степанова и полковника В. Пантюхина. Хомак был расстрелян степановцами³.

В соседнем Нолинске оборону занял имевший дурную репутацию отряд К. Жидялиса. Противостоящие стороны перепились. Степановцы не наступали, но Жидялис решил не искушать судьбу и увел свой пьяный отряд из Нолинска. «После отхода советских войск

¹ *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории, контрреволюции в 1918 году. С. 291.

² *Романов Н. И.* Борьба за власть. Нолинск, 2014. С. 56–59.

³ Там же. С. 60–63.

в городе началось восстание всех недовольных властью “комиссародержавия”. Во главе его стояли офицеры старой армии Куракин, С. Ершов и другие. Они создали вооруженный отряд, образовали штаб. Однако вскоре власть в городе перешла в руки городской думы. Последняя приняла меры к прекращению в городе анархии, освободила арестованных советских работников и выслала делегацию к отступившим из города большевикам. Отряд офицеров был распущен, и в город вернулись большевики»¹, — пишет историк Ю.Н. Тимкин. Два десятка нолинцев, получив оружие, ушли к Степанову.

Как видим, пока нолинское мещанство и его политические лидеры не горели желанием сражаться с красными. Но те потребовали от горожан выплаты военно-революционного налога в 500 тыс. руб. Жители затаили обиду, денег не дали, и 16 августа приветствовали вошедших в город степановцев. От Нолинска Степанов, пополнив отряд местными жителями, мог двинуться на Вятку, которой в это время стали угрожать также ижевские повстанцы.

Но красные не ушли из Нолинска, засев в здании бывшего духовного училища. 16 августа вокруг здания шла перестрелка. Вечером осаждавшие решили поджечь здание, для чего местные купцы предоставили керосин. Горючее закачали в здание с помощью пожарного насоса. Рискуя жизнью, эсер Дьяконов пробрался к зданию под пулями и поджег керосин. После этого из здания стали выходить служащие с детьми. Ответственные работники и коммунисты во главе с военкомом уезда А. Вихаревым решили обороняться в подвале. Их было более 14 человек. Когда здание разгорелось, и стали рушиться перекрытия, оставшиеся в живых защитники смогли бежать. Всего в здании погибли 7–14 человек. Вихарев и еще двое были схвачены и затем расстреляны. Еще несколько красноармейцев погибло здесь в боях — после возвращения красных у духовного училища были торжественно похоронены 17 человек².

Несмотря на то что красные оборонялись с оружием в руках и погибла меньшая часть тех, кто находился в здании в начале штурма, советская пропаганда использовала этот случай для раскручивания террора. Количество жертв «сожжения» было преувеличено до 30, и в «Еженедельнике ВЧК» была опубликована статья нолинских чекистов и исполкомовцев «Почему вы миндаляничаете», которая предлагала ввести пытки при допросах. ВЦИК пресек эту инициативу, приняв 25 октября специальное постановление, отвергавшее пытки и осуждавшее эту статью. «Еженедельник ЧК» вскоре был закрыт³.

¹ Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 150.

² Романов Н.И. Борьба за власть. С. 74–85.

³ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 221–222.

Попытка красных помочь осажденным товарищам была отбита. Но уже 18 августа к Нолинску подошел более крупный отряд и занял город. У полусгоревшего здания духовного училища расстреляли двух местных жителей, пойманных по дороге и обвиненных в том, что они сигнализировали мятежникам, затем трибунал приговорил к расстрелу и заключению еще 45 человек¹.

17 августа Степанов потерпел поражение под Лебяжим, а 20 августа вынужден был оставить Уржум. 21 августа мятежный полк был окончательно разбит под Шурмой, а Степанов с остатками своих сторонников ушел по реке в Казань.

Выступление Степанова спровоцировало также восстание в Яранске. Узнав о восстании в Уржуме, яранские коммунисты поделили казну «в целях сохранения» и собрались бежать. Узнав об этом, граждане 11 августа собрались в большую толпу и арестовали оставшихся советских работников, включая председателя Совета Яранцева. Власть перешла к Совету городского хозяйства, где преобладали «спецы». Бывшие офицеры формировали отряды самообороны, которые стали готовить отпор отрядам Степанова. То есть восстание было направлено не против Советской власти, а против местных советских деятелей. 14 августа в Яранск прибыл отряд интернационалистов, который восстановил прежние порядки. Несмотря на возражения возвращенного к власти Яранцева, через десять дней начались аресты недавних бунтовщиков². Авторитет коммунистов после их бегства с деньгами пошатнулся. А для центральной власти делом принципа была борьба с самоуправством, тем более — явно не пролетарским. Характерно, что и в Яранске, и первоначально в Нолинске жители выступали не против Советской власти, а против местных злоупотреблений. Степановское восстание было грозным сигналом — Красная армия была ненадежна.

* * *

29 мая ВЦИК принял решение: «Переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны, как для дела борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей, на почве голода, контрреволюции, как внутренней, так и внешней». Предполагалось начать с пролетарских центров (то есть Москвы и Петрограда) и угрожаемых областей³.

¹ Романов Н. И. Борьба за власть. С. 86.

² Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 152–153.

³ Минц И. И. Год 1918-й. С. 523–524.

12 июня была объявлена мобилизация в Приволжском, Западно-Сибирском и Сибирском военных округах, которая дала 42 тыс. человек¹. 17 и 29 июня мобилизация началась в Москве и Петрограде, чтобы обеспечить пролетарское ядро армии — ведь в «угрожаемых областях» мобилизовывалось уже не «беднейшее крестьянство», а представители всех социальных слоев.

Новая мобилизация после тяжелой мировой войны и недавнего роспуска мобилизованной «царской» армии не могла не вызвать возмущения. Как пишут историки В.В. Канищев и Ю.В. Мещеряков, «большевики, оказавшись у власти, словно забыли об антивоенной пропаганде, которую сами с немалым успехом вели несколько месяцев назад»². У большевиков была своя логика: раньше они агитировали против империалистической войны, ведущейся во имя интересов буржуазии и помещиков, а теперь предстоит защищать «свою» Советскую власть. Но эта агитация не очень убеждала. И власть была не то что бы своей, и воевавшие против большевиков чехословацкие солдаты и войска эсеровского Комуча не угрожали таким завоеваниям революции, как раздел помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. И главное — воевать предстояло в основном против своих — русских. Так что советским агитаторам приходилось нелегко.

Мобилизация вызвала серьезные волнения в Саратове, Тамбове, Пронске, Лебедяни, Ельце³, Кирсанове⁴, Астрахани⁵. Лучше других исследовано восстание в Тамбове 17–19 июня. Уже 16 июня начались выступления против мобилизации в некоторых волостях губернии. Но из большинства волостей массы мобилизованных стали прибывать в Тамбов. А там к их наплыву мало что было готово. В этой ситуации агитация эсеров против мобилизации имела успех. Крестьянские призывники объединились с тамбовскими жителями. Толпа мобилизованных захватила оружие и ключевые объекты города, арестовала советских работников во главе с председателем губисполкома М. Чичкановым. Однако существовавшие раньше советские полки остались в городе на положении нейтральных.

Возобновила работу городская дума под председательством К. Шатова, которая передала военную власть эсеру А. Качоров-

¹ Зайцов А.А. Очерки по истории русской Гражданской войны. М., 2006. С. 218.

² Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. Тамбов, 1995. С. 48.

³ Канищев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. С. 131–132.

⁴ Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. С. 74.

⁵ Шенин О.В. Астраханский край в годы революции и гражданской войны (1917–1919). С. 222–228.

скому, а гражданскую — прежней управе во главе с В. Андреевым. В думе разгорелся спор между эсерами и кадетами о том, нужно ли ограничивать власть коменданта коллегиальным комитетом по охране города, возникшим в ходе восстания. Социалисты в думе были в большинстве, демократичный комитет решили сохранить.

Улицы заполнились ликующей антисоветской публикой, а большинство мобилизованных разошлись с ощущением выполненного долга. Тамбовские антисоветчики остались без армии. Ведь воевать на их стороне против большевиков тоже мало кто хотел. Эсеры во главе с депутатом И. Рябовым бросились агитировать в деревни и даже имели некоторый успех, однако за оставшееся время не смогли набрать значительное количество добровольцев. Оперу антисоветских сил составляли правые офицеры и бывшие солдаты-ударники. Опираясь на их поддержку, кадетам удалось добиться на заседании думы 18 июня замены Качоровского на генерала С. Богдановича. Вскоре думу отстранил от власти Военный комитет офицеров и солдат. Лицо движения стало более правым, что сказалось и на настроениях рабочих и крестьян. Крестьяне, были сагитированные эсерами, теперь выжидали — что за власть образовалась в Тамбове? Рабочие вооружились и заняли позицию нейтралитета. Собрание профсоюзных и завкомовских активистов, в основном меньшевиков, критически оценило новый режим.

Военная диктатура оказалась непопулярной даже в городе, который сверг Советскую власть. В ночь на 19 июня оставшиеся в городе советские активисты совершили переворот и, практически не встретив сопротивления, восстановили Советскую власть. 20 июня в город вошел отряд В. Киквидзе, дивизия которого формировалась в Тамбове, но незадолго до восстания убыла на Донской фронт. Если бы не переворот 19 июня, Киквидзе очевидно все равно занял бы Тамбов, в котором было всего несколько сот бойцов под командованием Богдановича. В городе развернулся красный террор¹. Тамбовская история стала локальной моделью развития ситуации в антисоветском лагере на востоке России.

В ходе выступлений против мобилизации в некоторых волостях выяснилось, что крестьяне были готовы на мобилизацию «по-маховски» — получить оружие и бороться за Советскую власть без отрыва от сельскохозяйственных работ — в своих местах².

13–14 октября в Петрограде произошли волнения мобилизованных матросов 2-го Балтийского флотского экипажа. Причиной

¹ Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. С. 74.

² Там же. С. 68.

выступления стали тяжелейшие условия содержания солдат — скудность, грязь, плохое питание. Из этой ситуации легко следовали политические выводы. Под влиянием Я. Шашкова матросы приняли левозерсовскую резолюцию и двинулись по улицам Петрограда. Шашков надеялся поднять кронштадтцев и получить оружие. Но бунтари были окружены войсками и сдались. 11 матросов были расстреляны¹. В этом восстании видятся уже черты Кронштадтского восстания 1921 г. и других военных восстаний 1919–1921 гг.

При всем драматизме восстаний лета–осени 1918 г. — это был еще только первый приступ разгневанного населения против коммунистического режима. Нажим коммунистов на крестьянство и средние слои небольших городков еще только начинался и мог казаться временным. Поэтому сражаться до конца против коммунистов были готовы немногие. Более массовое и ожесточенное сопротивление вспыхнет уже в 1919 г. и будет продолжаться до 1921–1922 гг.

Перелом

Летом 1918 г. антисоветские армии на востоке взяли Казань и угрожали Нижнему Новгороду, Перми и Вятке, с юга давили на Воронеж и Царицын, на севере — заняли Мурманск и Архангельск. На западе германские армии остановили наступление, но могли возобновить его в том случае, если бы ультимативные и все более тяжелые требования Германии не были бы выполнены. Советская республика, сжавшаяся примерно до размеров царства Ивана Грозного, была отделена от источников продовольствия и сырья. Она напоминала остров, вокруг которого поднимается уровень воды и спешно возводятся плотины. Прорыв одной из них мог привести к быстрому затоплению. Восточный фронт или интервенты захлестнули бы Москву, и дальше проантантовские силы выясняли бы отношения с немцами, а большевикам оставалась дорога в подполье или на эшафот.

Спешно мобилизованные новые части были рыхлы и нестойки. Троцкий писал о ситуации лета 1918 г.: «Моментами было такое чувство, что все ползет, рассыпается, не за что ухватиться, не на что опереться»².

Но большевикам удалось вовремя создать новую армию. По словам Троцкого, «из партизанских отрядов, из беженцев, уходивших от белых, из мобилизованных в ближайших уездах крестьян, из ра-

¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 507–516.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 2. С. 123.

бочих отрядов, посылавшихся промышленными центрами, из групп коммунистов и профессионалистов тут же на фронте формировались батальоны, свежие полки, иногда целые дивизии». Человеку, в котором революция пробудила гражданские чувства, нужно было привить психологию солдата революции — ее хозяина, силы, которая «пишет штыком» историю. Это ощущение сплавляло людей в военный кулак. «Я старался, — добавлял Троцкий, — поднять их в их собственных глазах и под конец призвал их поднять руки в знак верности революции. На глазах их заразили новые идеи. Ими владел истинный энтузиазм»¹.

В то же время нужно было дать почувствовать солдатам, что их материальное положение лучше, чем в голодном городе и разоряемой деревне: «Добыть босым сапоги, устроить баню, провести энергичную агитационную кампанию, накормить, дать белья, табаку, спичек», — формулировал Троцкий задачи военного строительства. Но главное условие прочности армии и тыла — все тот же террор: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни»².

К маю Красная армия в европейской части России составляла более 181 тыс. бойцов, причем в Петроградской и Московской губерниях — более 88 тыс., а в Самарской, Симбирской и Саратовской губерниях — более 13 тыс.³ Главная задача РККА заключалась в защите столиц, другая — в отвоевании территорий, захваченных Четверным союзом в случае его краха в войне с Антантой (или в оборонительных действиях, если Германия предпримет новое наступление). Восточное направление до июня считалось второстепенным, а потом оказалось главным. Это стало одной из причин успехов Чехословацкого корпуса.

Наиболее боеспособной частью РККА считалась дивизия латышских стрелков. Остальные отряды в большинстве своем были полупартизанскими, трудно управляемыми и митингующими на тему: нужно ли выполнять полученный приказ? Вступление в добровольческую Красную армию для многих было способом заработать и получать паек. Когда выяснилось, что предстоит воевать с боеспособным противником, такие красноармейцы загрузили. В столкновениях с чехословацкими войсками отряды РККА были неустойчивы.

Были предприняты срочные меры к повышению профессионализма командования. Офицеров, которых недавно подвергали травле солдаты, а потом уволили в ходе демобилизации, теперь поставили

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 145, 142.

² Там же. С. 145, 141.

³ Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 167.

перед выбором — служба новой власти или расстрел. К началу октября было мобилизовано 4–10 тыс. бывших офицеров. В конце года их было призвано уже более 50 тыс.¹ Офицеры, ставшие красными командирами, контролировались комиссарами (эта должность была учреждена 4 апреля), которые одновременно отвечали за агитационную работу среди солдат и должны были помогать в обеспечении их быта.

В июне–июле в РККА было более 116 тыс. пехоты, около 8 тыс. кавалерии без учета внутренних формирований и частей специального назначения (с ними — около 200 тыс. пехоты при 10–12 тыс. кавалерии). По состоянию на 15 сентября в РККА числилось 452 509 человек. На Восточном и Северном фронтах в 1-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й армиях было 80 690 человек, в округах — 322 516, в Западной и Южной завесах — 49 303². Таким образом, часть сил Западной завесы была переброшена на восток.

К началу августа на Восточном фронте РККА было 47 тыс. бойцов при 700 пулеметах и 130 орудиях, а в сентябре — уже 69 тыс. бойцов при 1130 пулеметах и 264 орудиях³. Восточному фронту противостояли 40–57 тыс. бойцов при 165–220 орудиях, входивших в чехословацкое войско, Народную армию, Уральское и Оренбургское казачьи войска. Казакам приходилось отвлекаться также на борьбу с Туркестанским фронтом красных численностью около 6 тыс. штыков и около тысячи сабель⁴. Таким образом, красными был достигнут на Восточном фронте незначительный численный перевес.

Историк А.Г. Прайсман оправдывает поражение Народной армии: «Немногочисленные, находившиеся в процессе формирования части не могли противостоять переброшенным со всех сторон Советской России отборным дивизиям Красной армии»⁵. Интересно, что это за «отборные дивизии»? Качество красных войск было пока невысоким, они были в процессе формирования. Даже отличавшиеся опытом и относительной дисциплинированностью латышские стрелки (это они «отборные»?) позволяли себе своевольничать. Так, 4-й полк самовольно отошел в тыл на отдых, где бойцы, по словам И. Вацетиса, «пьянствуют и безобразничают»⁶.

¹ Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 14.

² Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 135.

³ Миц И.И. Год 1918-й. С. 527.

⁴ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война в России. 1918–1921. СПб., 2002. С. 85–86.

⁵ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 189.

⁶ Там же. С. 148–149.

О командующем Восточным фронтом в июле–августе 1918 г. и затем главнокомандующем РККА И. Вацетисе Троцкий писал: «В противоположность другим военным академикам, он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нем, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда не было надежды на их выполнение. В то время, как прочие “спецы” больше всего боялись переступить черту своих прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения, издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИКа... Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона...»¹.

Когда Вацетис, имевший в качестве главкома совещательный голос в Совете рабоче-крестьянской обороны, спросил Троцкого о возможности предоставить ему там решающий голос, Троцкий ответил: «Какой вы умник! Вы держите в своих руках всю вооруженную силу Республики и хотите еще пользоваться в Директории решающим голосом. Так вы заберете все в свои руки»². Аналогия Троцкого вполне очевидна: не нужно главнокомандующему лезть в Наполеоны — хуже будет.

С 8 августа Троцкий перемещался на поезде, в котором размещались его секретариат, военно-революционный трибунал, охрана, типография, телеграфная станция, рация, электростанция, автопарк и даже баня. 10 августа Троцкий со своим поездом прибыл в Свияжск. Здесь у него было под рукой более 11 тыс. бойцов. Против них действовал трехтысячный отряд Каппеля. Чехословацкие войска обороняли Казань, но уже не проявляли наступательной активности. Под Свияжском Троцкий принялся формировать из рыхлых красных отрядов и подходящих сюда подкреплений способную к наступлению 5-ю армию. Троцкий вспоминал, что в находившихся здесь отрядах «сама почва была заряжена паникой»³ и с удовольствием цитировал видного политработника, а в 20-е гг. антитроцкиста С. Гусева, который признавал: «в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свияжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани»⁴.

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 127.

² Цит. по: Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. М., 2016. С. 192. Исследователь С.С. Войтиков приписывает Троцкому такую аналогию: «...окрестил Совет обороны “Директорией”, сравнив тем самым Ленина с Баррасом — Свердлова, очевидно, с Робеспьером, а себя, судя по всему, с Сен-Жюстом» (Там же). Но Троцкий хорошо знал историю Великой французской революции, и поэтому таких аналогий проводить не мог. Ведь Директория была создана уже после того, как Робеспьер и Сен-Жюст давно были обезглавлены.

³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 125.

⁴ Там же. С. 128.

Время работало на красных — сибирские части не собирались на Волгу. Последней попыткой Каппеля сохранить за собой инициативу была атака в районе Свияжска 29 августа. Он рассчитывал на эффект внезапности. Отряд двигался в тыл 5-й армии разными колоннами, часть сил не подошла к месту боя вовремя, но другая действительно навела в тылу Троцкого изрядный переполох. Т. Герман (Тихомирнов) рассказывал в 1924 г.: «Противник, совершив глубокий обход частей правобережной группы, ворвался на ст. Тюрлема и взорвал два поезда со снарядами.

Таким образом, мы были отрезаны от Москвы.

Как мы узнали после, белые, в числе 1000 человек... имея в своем составе Каппелевский полк, офицерский батальон и артиллерию, высадились в селе Тетюшах, прошли незамеченными десятки верст к Тюрлеме, Ибреси и гор. Свияжску. Отдельная разведка пробралась даже до гор. Алатыря и попыталась взорвать жел.-дор. мост, но огнем нашего охранного поста разогнана.

На станции Свияжск не было в то время ни одной воинской части. Расквартированный поблизости 2-й номерной Петроградский полк после нескольких выстрелов бежал в полном составе к селу Козловке и реке Волге, обнажив тем самым подступы к ст. Свияжск и самому Штабу 5-й армии. Неудачно закончил операции и бронированный поезд, под командой завед. Политотделом т. Машкевича. После нескольких снарядов поезд был белыми сбит с ж.-д. пути и, будучи неспособным к передвижению, взорван и брошен нашей командой.

В довершение всего, к вечеру отряд противника занял гор. Свияжск.

Штаб и вся пятая армия очутились в чрезвычайно тяжелом положении.

Со стороны Тюрлемы белые подошли совсем близко к станции Свияжск. Ближайшие наши части находились за 10 верст, на другой стороне Волги, а правобережная группа отрезана налетом белых на г. Свияжск.

Грубо выражаясь — все было перемешано, начиная с Верхнего Услона и кончая Тюрлемой. (Сначала позиции белых, после красных, дальше опять белые и опять красные).

Поздно вечером выяснилось, что бой придется вести чуть ли ни на самой станции. Нужно было мобилизовать все силы; для этого «призвали под ружье» всех сотрудников Штаба, кошеваров, санитаров и прочих нестроевиков...

На следующей день бой шел не более, как в полуверсте от станции... Все руководство боем сосредоточилось в руках тов. Троцкого, который, нужно это прямо сказать, спас тогда все положение.

Я видел его быстро и решительно отдающим приказы то на одном, то на другом конце станции «Свияжск» в то время, как над ней рвались снаряды...Разрывы наших снарядов следовали тотчас же за выстрелами — настолько близко находились цепи белых. Кроме того, на платформы поезда были втащены орудия. Поезд прошел чуть ли не в расположение противника и открыл по нему боковой артиллерийский огонь»¹.

Подводя итоги боя, Т. Герман утверждал: «Мне кажется, что этот бой был ни чем иным, как беспощадным экзаменом для нашей Красной армии. Только благодаря железной выдержке тов. Троцкого и коммунистов мы спасли положение не только пятой армии, но и Советской России.

Не нужно забывать, что путь на Москву для белых оставался совершенно открытым. Под Казань были брошены почти все силы, пожалуй, последние резервы!..»² Приятно ощущать, что участвовал в победном переломном сражении эпохи. Но все же это был важный бой, а не решающее сражение. Если в начале августа Народная армия и чехословацкие войска, при условии получения подкреплений, имели возможность продвинуться до Нижнего, то теперь под Казанью, по словам Троцкого, к наступлению было готово 25–30 тыс. бойцов³. Рейд Каппеля мог отложить удар красных на Казань, но резервов для наступления антисоветские силы на Волге не имели. А ведь Сибирская армия достигла в это время численности более 60 тыс.⁴ В это время только на Пермском направлении у белых и чехословацкого командования было 32 тыс. штыков и 14 тыс. сабель⁵, которые вели себя пассивно-выжидательно. Даже часть этих сил, переброшенная под Казань, могла бы сыграть решающую роль в новом наступлении. Удара Сибирской армии под Казанью красные тогда не смогли бы удержать. Но белые выжидали, пока провалятся «розовые».

Под Свияжском Троцкий запомнился не только своей решительностью в бою, но и жестокостью после боя. Командир и комиссар бежавшего 2-го Петроградского полка, оставившего позицию, были расстреляны, да еще вместе с каждым двадцатым бойцом. Решение принял трибунал, ориентируясь на указание Троцкого. Сам Троц-

¹ Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. // События гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев. Казань, 2012. С. 98–99.

² Там же. С. 99.

³ Троцкий А. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 398.

⁴ Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 176.

⁵ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. С. 208–209.

кий так вспоминал об этом случае: «Свежий полк, на который мы так рассчитывали, снялся с фронта во главе с комиссаром и командиром, захватил со штыками на перевес пароход и погрузился на него, чтобы отплыть в Нижний. Волна тревоги прошла по фронту. Все стали озиаться на реку». Под угрозой обстрела парохода из орудия «дезертиры сдались без сопротивления. Пароход причалил к пристани, дезертиры высадились, я назначил полевой трибунал, который приговорил к расстрелу командира, комиссара и известное число солдат. К загнившей ране было приложено каленое железо»¹.

Этот случай вызвал возмущение Троцким среди партийцев. Рядовых бойцов и офицеров не жалко, но комиссара-коммуниста-то за что! Историк С.С. Войтиков пишет о расстрелянном комиссаре М. Пантелееве: «Молодой, перспективный партиец, член Западного областного исполкома 1-го и 2-го созывов, бывший во время Октябрьской революции заместителем комиссара труда Западной области, затем — председателем Могилевского губисполкома, Пантелеев добровольно ушел на фронт из Северо-Западного областного комитета РКП(б)»². Бывший глава Облискомзапа А. Мясников потребовал разбирательства, которое стало частью военной дискуссии на VIII съезде РКП(б). Выяснилось, что Пантелеев последовал за своим бежавшим полком и вместе с его остатками сел на пароход. В военном деле он разбирался плохо, в полку был три дня³. Ему не повезло — команда Троцкого демонстрировала непреклонную волю и угрозу смерти для каждого ослушавшегося и труса. Если расстреливать солдат, то чем лучше коммунист? Коммунисты тогда еще не считались привилегированной кастой.

В это время под расстрел можно было попасть очень легко, во многом это было дело случая. «Белогвардейцы, когда казалось, что наш малочисленный отряд (кажется, не более 200 человек) больше не выдержит, неожиданно бросили позиции и пустились в паническое бегство. По сообщению товарищей, участвовавших в бою, — еще минута, и мы погибли бы со всем штабом, 25-ю аэропланами и проч. военным имуществом.

В тяжелую минуту по примеру 2-го номерного полка часть оставшихся на станции сотрудников и кошеваров дрогнула и бросилась бежать в панике на пристань к красному мосту и, вместе с эвакуированными госпиталями, села на санитарный пароход «Одесса».

По приказу Реввоенсовета были расстреляны (бывш. комиссаром штаба т. Михайловым) 41 человек из полка, вместе со всеми

¹ Троцкий А.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 131.

² Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. С. 38.

³ Там же. С. 48.

коммунистами и командным составом. Совершенно случайно, разыскивая с тов. Лукомским (впоследствии зав. политотделом пятой армии) своих товарищей из политотдела, которые, забрав все секретные документы, ушли на пристань, я, вместе с двенадцатью товарищами, был обвинен в бегстве и “приговорен к расстрелу”, хотя, в действительности мы тотчас же вернулись на ст. Свияжск. Политический момент был такой, что почти мы все коммунисты, отнеслись к этому как к должному. Конечно, на другой день, допросом специальной следственной комиссии от Реввоенсовета в лице т. т. Михайлова, Тартаковской и Чугунова, выяснилась неосновательность этих обвинений. А в ту минуту все “приговоренные” всем отрядом тотчас же были затребованы на левый участок фронта (если его можно так назвать) у дер. Ново-Попово, где в это время наши товарищи дрогнули, и нужно было восстановить положение»¹.

* * *

Чехословацкие солдаты под Казанью были уже деморализованы. Участник боев К. Терингл вспоминал о тех, кто эвакуировался с другого берега Волги: «Солдаты в полнейшей апатии... Они похожи на людей, переживших какую-то важную опасность, когда та миновала, они оказались совершенно сломленными»².

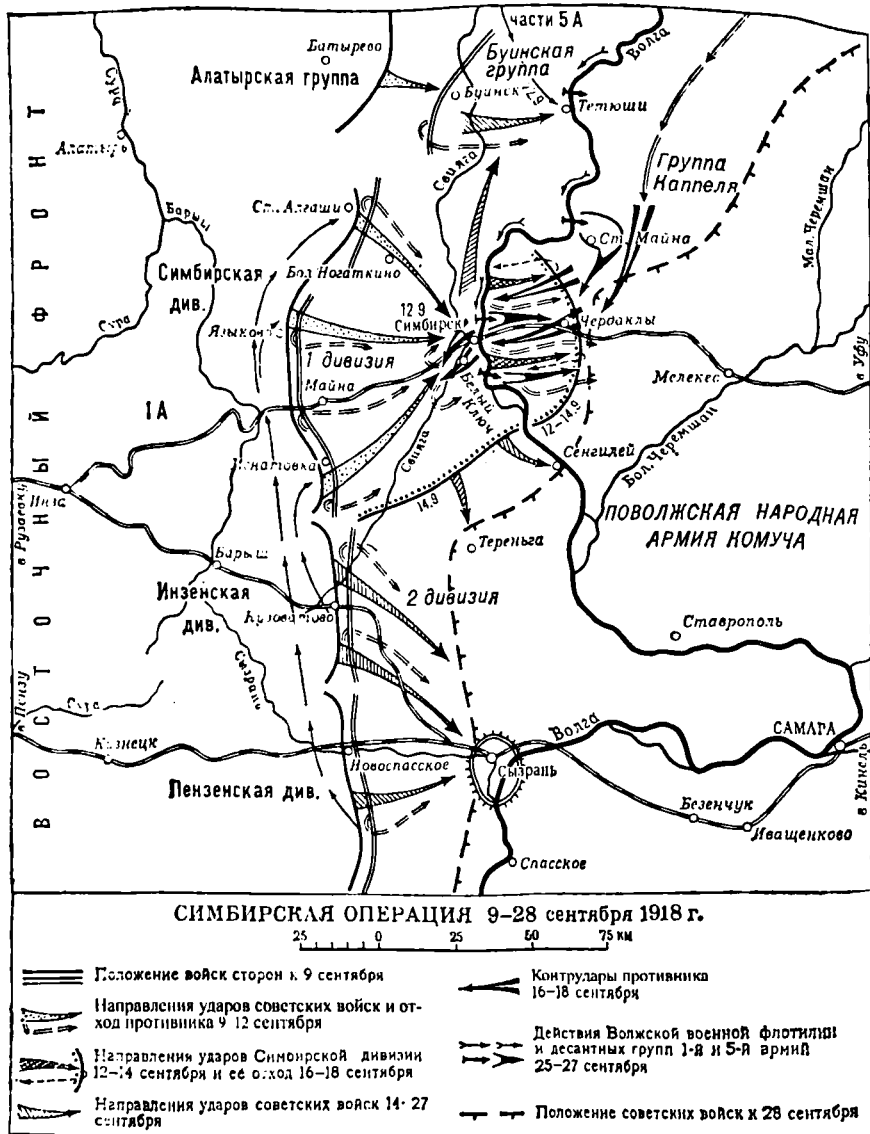
После того как красные выбили легионеров с Верхнего Услона, который господствовал над проходом к городу с Волги, Казань уже трудно было удержать. 10 сентября красные вошли в город.

В конце августа Ф. Махин со своим трехтысячным отрядом наступал на Саратов, взяв Хвалынский и Вольск. Но в сентябре 16-тысячная 4-я армия под командованием Т. Хвесина перешла в контрнаступление и 13–17 сентября отбила Вольск и Хвалынский, отбросив Махина на Сызрань. На короткое время Махину удалось вернуть Хвалынский, но он был ранен, а красные под командованием Хвесина, с одной стороны, и Чапаева — с другой, стали брать группу Махина в клещи и 29 сентября вернули Хвалынский.

9 сентября 8-тысячная 1-я армия под командованием М. Тухачевского двинулась на Симбирск. На направлении главного удара Тухачевскому удалось создать численный перевес. Интернациональный полк пробил укрепленные позиции противника, когда основные силы красных обтекали их с фланга. Отбив контратаки, красные прижали противника к Волге и 12 сентября взяли Симбирск, а затем перешли

¹ Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. С. 99.

² События гражданской войны в Казани (1918 г.) в воспоминаниях очевидцев. Казань, 2012. С. 187, 192.

через Волгу. Но тут к городу подошел отступивший из-под Казани отряд Каппеля. Он отбросил красных за Волгу и 18–24 сентября пытался отбить Симбирск, пока сюда вслед за ним из-под Казани не пришла 5-я армия. После этого Каппель ушел на Бугульму.

После этого командующий Восточным фронтом РККА И. Вацетис двинул 1-ю армию Тухачевского на Сызрань, а 4-ю Хвесина — на Самару. Но такой план оказался слишком наполеоновским. Не сумев разбить группировку Махина, Хвесин остановился. Но и Тухачевскому его задача оказалась не по зубам. Тогда Вацетис приказал Хвесину помочь Тухачевскому, и 1 октября Сызрань была взята.

После этого красные уже навалились на Самару и взяли ее 7 октября. Отход из Самары прикрывал батальон идейных сторонников Учредительного собрания¹. Но эти формирования были только что созданными и малочисленными.

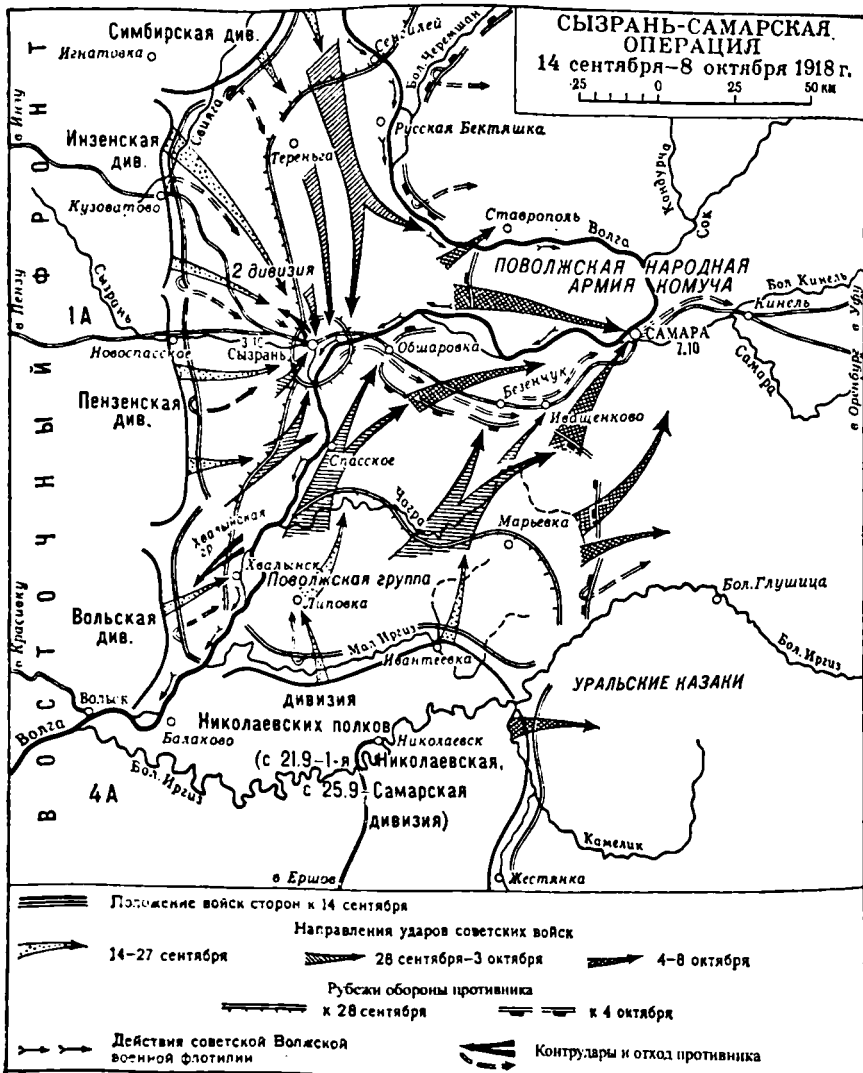
В октябре красные во главе с В. Чапаевым двинулись на Уральск, ударив по уральским казакам, которые до этого вели себя пассивно. Их 20-тысячная армия тоже пригодилась бы Комучу на Волге.

А.Г. Прайсман суммирует причины поражения армии Комуча: «Отказ Временного Сибирского правительства отправить сибирские части на Поволжский фронт, незначительность помощи, оказанной Оренбургским и Уральским казачьими войсками, отсутствие какой-либо помощи со стороны союзников, усталость чешских частей, измотанных многомесячными боями, провал мобилизации, массовое недоверие офицеров, особенно кадровых, демократическими порядками, введенными Комучем, отсутствие совместных планов и действий Добровольческой и Народной армий, не стремившихся соединиться друг с другом и наступавших в разных направлениях, полный провал всей системы снабжения войск оружием, одеждой, продовольствием, наконец, стремительное усиление Красной армии — таковы основные причины поражения Народной армии»². Из этих причин на совести Комуча — только ошибочная ставка на офицерство, «деполитизация» армии, и недостатки в системе снабжения, называть которые «полным провалом» было бы преувеличением. У Народной армии не закончились боеприпасы, и при Комуче она не голодала.

Важно и то, что было упущено время летом. Если бы все противники Советской власти в это время наступали бы на Москву, Советской власти было бы труднее устоять. А затем она уже явила свой мобилизационный потенциал. В октябре в Красной армии насчитывалось уже

¹ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 199.

² Там же. С. 180.

свыше полумиллиона бойцов¹. Правда, значительную их часть приходилось держать на «внутреннем фронте».

На Восточном фронте перелом состоялся, инициатива перешла к РККА. Выряжаясь языком Второй мировой войны, произошел «поворот», перелом не был «коренным», противник еще мог перехватить инициативу на время, что и произойдет в 1919 г. Но белые уже не получают возможности приблизиться к Москве с востока настолько, как это смогли сделать «розовые».

* * *

В ходе Гражданской войны наиболее серьезные военные угрозы Советской республике исходили с востока и юга.

24 августа атаман Войска Донского Краснов отдал приказ о наступлении на Царицын, Дубовку, Камышин, Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, Таловую, Калач. Такое перечисление создает впечатление удара растопыренными пальцами. Но Краснову приходилось скрывать направление главного удара и от противника, и от казачества. Казаки не хотели воевать за пределами области, часть командиров отказывалась переходить ее границы², и Краснов уверял своих воинов, что без занятия крупных населенных пунктов и узловых станций нельзя удержать границы Войска Донского.

При этом Краснов понимал, что воевать с красными придется в масштабах всей России, и главный удар наносил по Царицыну. Падение города отрезало бы советский центр от хлеба Северного Кавказа и бакинской нефти.

Отступавшие с Украины и Дона революционные отряды под Царицыном переплавлялись в Красную армию. На подступах к Царицыну их расформировывали и перетасовывали, чтобы разрушить партизанскую спайку между бойцами. Те, кто хотел служить со своими командирами, считались неблагонадежными. Самые решительные отряды пробивались через кордоны красных, пытавшиеся их разоружить, доходили до самого Царицына, где искали правды — пошлите нас на фронт, но старым составом под командованием лихих командиров, а не назначенцев. Командование оставалось непреклонным.

На подступах к Царицыну были организованы фильтрационные пункты в Котельниково, Сарепте и на пригородных станциях самого Царицына. Часть солдат, вырвавшихся с Украины, не возражали против демобилизации или добровольной записи в новые красные

¹ Миц И. И. Год 1918-й. С. 551.

² Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 336.

части. Но анархистские отряды не желали отказываться от своей организации и командиров, отказывались служить государству. Они сконцентрировались в районе хутора Ельшанка и в Зацарицынской части. Также на путях Владикавказского вокзала стоял эшелон анархиста Петренко. Часть ельшанских анархистов удалось разоружить обманом — во время митинга. 11 мая большевики напали на петренковцев. По версии большевика П. Сенюкова, Петренко был разбит сразу, по версии анархиста Н. Махно, находившегося в Царицыне — атака была отбита, и затем Петренко был вероломно схвачен во время переговоров и расстрелян¹.

Такой же судьбы в этих местах еле избежал и легендарный Железняк. Он агитировал за ликвидацию Совнаркома и передачу власти ВЦИК, в резкой форме требовал от Подвойского улучшения снабжения войск, за что был объявлен вне закона², но успел скрыться на Украине. В Одессе он стал одним из руководителей антинемецкого подполья. Боясь «заражения» Советской России атаманской вольницей, коммунисты и позднее нередко шли на отстрел подозрительных украинских командиров.

Руководившие обороной Царицина Сталин и Ворошилов не были противниками «партизанщины» как таковой. Ворошилов сам был одним из командиров, прорвавшихся с Украины с эшелонами. Сталин позднее поощрял 1-ю конармию С. Буденного, преданную своему командиру и не вполне управляемую из центра Троцким. Ворошилов стал одним из вождей «военной оппозиции», отстаивавшей партизанский опыт даже на VIII съезде партии в 1919 г. Эта коммунистическая «партизанщина» своим острием была направлена против военного диктата Троцкого и военных специалистов, бывших царских офицеров. Здесь видны истоки конфликта между военными и партийцами, пронизывающего всю советскую историю. Уничтожение непокоренных повстанческих командиров преследовало цель ликвидировать самостоятельность партизанской полуанархистской «военщины» от тех же партийцев. Дальнейшее развитие событий под Царицыном только укрепило Сталина и Ворошилова во мнении о необходимости бороться на два фронта против «военщины» — как повстанцев, так и «золотопогонников».

Появление Сталина в этой точке охваченного войной советского пространства было не случайным. Северный Кавказ остался в июне 1918 г. одним из последних источников хлеба, на который еще могла

¹ Махно Н. И. Воспоминания. М., 1992. С. 107–113; Яценко В. Г. Хроника утаенного бунта. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923). М., 2017. С. 22–26.

² О политическом положении на Донском фронте // КАС-контакт. № 30. 1996. С. 7.

рассчитывать Советская Россия после Брестского мира и чехословацкого восстания. Ленин посылает сюда одного из лидеров партии, известного своим «пробивным» характером, чтобы «взять хлеб». К тому же Сталин — нарком национальностей и знает Кавказ. Но, прибыв 6 июня в Царицын, Сталин выяснил, что хлебная проблема теперь является чисто военной — эшелоны застряли, ибо белыми перерезана железная дорога. Сталин требует от военного начальника района, бывшего генерала А. Снесарева, решительно атаковать, очистить дорогу, пропустить эшелоны. Задача с точки зрения военного искусства Первой мировой войны безграмотная. Выдвижение частей на такую глубину — самоубийство, верное окружение. Сталин настаивает, Снесарев проявляет нерешительность, Сталин организует военный совет Северокавказского округа, по сути берет командование в свои руки (впервые в жизни оказавшись на войне), атакует 31 июля и на Калач, и на реке Сал на растянутом фронте. Захватывает запасы хлеба, что-то «проталкивает». Ворошилов дошел до Мартыновки на Сале, где вызволил окруженный казаками красный отряд. В начале августа казаки контратаковали, отбили занятые по инициативе Сталина территории. В Царицыне прошли аресты военспецов, среди которых действительно были агенты белых¹.

История конфликта Сталина и военспецов показательна. Сталин не ценит военное искусство Первой мировой войны и тяготеет к войне маневренной, «революционной». По своим военным вкусам Сталин, как и многие красные командиры — выдвиженцы революции — был ближе к Наполеону, чем к победителю немцев французскому маршалу Фошу. В этом отношении и Сталин, и Тухачевский демонстрировали «отсталость» военного искусства гражданской войны в России от европейского военного искусства первой четверти века (что и проявилось в поражении на Висле в 1920 г.). Сталин был дилетантом по сравнению с военспецами, но он был адекватен революционной обстановке. Кстати, и Деникин, имевший большой военный опыт, признавал «зачастую полную негодность метода позиционной борьбы»² в условиях Гражданской войны в России.

В Западной Европе технические средства обороны были более развиты, чем средства наступления, что позволило создавать прочные фронты, пробивание которых было невероятно тяжелой зада-

¹ Ганин А.В. Бывший генерал А.А. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск, 2002. С. 71.

чей. Отсюда «застойность» Первой мировой, отсюда — «предрасудки» военспецов.

Но Гражданская война была совершенно другой. Здесь не было таких возможностей обороны, и средства наступления превосходили оборонительные. Это вкупе с зыбкой социальной почвой и множеством восстаний порождало динамичный характер войны, которого и ждал от нее Сталин. Казалось, сталинские «предрасудки» испарятся по мере развития технической мощи советской страны. Но военное искусство развивается по закону смены преобладания средств наступления и защиты. Копье отражают доспехи, доспех пробивает пуля, линейную тактику ломает массовая армия, ее порыв останавливает пулемет и окопы. С эпохой моторов военное искусство маневренной войны, выработанное в сражениях Гражданской войны в России, окажется более актуальным, чем военное искусство Первой мировой. Это покажет уже первый год Второй мировой войны, это сделает Сталина и его генералов, прошедших школу Гражданской, адекватными Второй мировой войне с ее отступлениями и наступлениями, презрением к потерям, с огромной ролью идейно-политической мобилизации тыловых ресурсов.

* * *

В конце июля на северном участке, а 8–11 августа по всему фронту казаки Краснова перешли в наступление. Сюда на Царицын наступал отряд И. Полякова, которому противостояла Сальская группа красных. У противников на этом участке было примерно по 10 тыс. бойцов. Группа К. Мамонтова (Мамантова) наступала в центре, имея 12 тыс. против 23 тыс. А. Фицхелауров шел из Усть-Медведицкого округа с 20 тыс., имея против себя 8-тысячный отряд красных. При этом, как сообщалось в Москву, «противник был так уверен во взятии Царицына, что за войсками шли обозы с женщинами за мануфактурой и прочими товарами»¹. Фицхелауровские казаки 3 августа вышли к Волге и обстреливали советские пароходы. Казаки подошли к Царицыну с трех сторон, 15–23 августа вокруг города кипели бои, но затем белые были отброшены красными войсками Царицынского участка, которых поддерживали бронепоезда, 82 орудия и 162 пулемета. Красная 10-я армия снова вышла на реки Сал и Дон. На севере области бои шли с переменным успехом.

11 сентября был создан Южный фронт РККА, в котором вскоре были выделены 8-я, 9-я и 10-я армии, действовавшие против армий

---

¹ Цит. по: Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 366.

Краснова, и 11-я и 12-я, действовавшие на Кубани и Северном Кавказе против Деникина.

В 10-й армии было 31 649 штыков и 7816 сабель, 1005 пулеметов, 240 орудий и 13 бронепоездов, а в 8-й и 9-й — 17 502 штыков, 2318 сабель, 224 пулеметов и 38 орудий¹.

Почувствовав себя уверенно после того, как был отбит первый штурм Царицына, Сталин решил взять в свои руки руководство фронтом и военным округом. Действуя от имени Военного совета Южного фронта (в него входили Сталин, Ворошилов и военком С. Минин), он парализовал работу назначенного командующим бывшего генерала П. Сытина, а затем и вовсе заменил его Ворошиловым без санкции Троцкого и вообще центральных инстанций.

29 сентября в Царицыне состоялось первое заседание Революционного военного совета Южного фронта, на котором обсуждалось создание армий в составе фронта. При этом Сытин настаивал, что он должен назначать командующих армиями, а Сталин, Ворошилов и Минин возражали: «Согласиться предоставить полную власть командующему Южным фронтом в ведении операций они не могут». 3 октября Вацетис и член Реввоенсовета Данишевский указали Сталину: «Никаких перегруппировок частей войск без разрешения командующего фронтом Сытина не производить»².

Сталин и Ворошилов утверждали, что все решения должны приниматься коллегиально. А коллегиально — значит на месте базирования Военного совета в Царицыне, а не штаба фронта в Козлове. Все силы фронта должны были подчиняться задаче удержания Царицына. Впрочем, в той обстановке удержать Царицын действительно было принципиально важно.

Конфликт команды Сталина и военспецов, которых поддерживали Троцкий и Вацетис, продолжался до 19 октября, когда Сталин был отозван из Царицына. Для Сталина недоверие к военной интеллигенции станет идеологическим пунктиком, к которому он будет то и дело возвращаться и в 1919 г., и позднее.

11 сентября 1918 г. белоказаки начали новое наступление на Царицын. Но теперь его защищала более сильная армия, и позиции были подготовлены лучше, он превратился в «красный Верден» (имелась в виду аналогия с обороной Вердена в 1916 г., который не удалось взять немцам). Теперь красные показали владение методами позиционной войны. В начале октября под Царицыном кипели ожесточенные бои. Как докладывал Минин Сытину 15 октября, «поло-

¹ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. С. 208–209.

² Возвышение Сталина. Оборона Царицына. М., 2010. С. 429–430, 433.

жение трагическое. Начата эвакуация Царицына»¹. Но и здесь многое зависело от маневренных действий. 15 октября на южном фланге в тыл белым зашла «Стальная дивизия» Д. Жлобы, которая нанесла противнику урон более тысячи бойцов.

Белым казакам пришлось отойти. Краснов признал, что потери составили 40 % казаков и 80 % офицеров. Только благодаря мобилизациям удавалось удерживать численность «Мобилизованной армии» (старших возрастов) на уровне 22–23 тыс. пехоты и 25–28 тыс. кавалерии. Численность «Молодой армии» (младшие возрасты) выросла 1 сентября — 1 декабря с 5769 пехотинцев и 12 276 кавалеристов до 13 756 пехотинцев и 15 819 кавалеристов². Это были достаточные силы, чтобы вести бои с переменным успехом в ноябре–декабре 1918 г. Но, как показал предпринятый в январе 1919 г. третий неудачный поход на Царицын, казачья армия решающего успеха на этом театре достичь не могла.

В итоге под Казанью и Царицыном начался поворот в военных действиях, который не был необратимым, но оказался решающим. Противники Советской власти на разных фронтах еще неоднократно переходили в наступление, иногда довольно опасно для Москвы и Петрограда. Но шанса взять Москву им уже не представлялось, потому что Красная армия уже научилась воевать.

Достройка лагеря и вымышленные интриги

Покушение на Ленина 30 августа было использовано для нового витка мобилизации сил в РСФСР — 2 сентября были приняты постановления ВЦИК о красном терроре и «О превращении Советской республики в военный лагерь». Во главе военных учреждений и фронтов вставал Революционный военный совет Республики (Реввоенсовет, РВСР) и командующий вооруженными силами. Председателем РВСР стал наркомвоен Л. Троцкий, а главнокомандующим И. Вацетис.

РВСР был создан как коллегия, которая могла оспорить решения своего председателя Троцкого, не приостанавливая их, но апеллируя к Президиуму ВЦИК и СНК. Эти инстанции были выше РВСР. Троцкий много времени проводил на фронтах и в пути, текущую работу РВСР в Москве вел его заместитель Э. Складанский.

Декрет ВЦИК о создании Совета рабочей и крестьянской обороны (СРКО), принятый 30 ноября, подчинял этому новому органу и военное дело, и экономику Советской республики. Хотя Совнарком

¹ Возвышение Сталина. С. 440.

² Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 340–341, 390.

продолжал существовать, СРКО во главе с Лениным стал его военно-экономическим ядром. Декрет провозглашал: «Не только в армии и во флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен военный режим, т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающий положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в военный лагерь»¹.

18 декабря СРКО, обсудив экономические возможности республики, утвердил план по доведению РККА до 1,5 млн человек при 300 тыс. лошадей². Этот план будет выполнен, через год эти пешие и конные массы сметут белые армии. В этом отношении большевистские стратеги лучше своих противников поняли важный урок Первой мировой войны: современную войну выигрывает тыл.

Здание «военного лагеря» было достроено. Государственные, военные и экономические структуры были выстроены в централизованную конструкцию, подчиненную цели военной победы над обступавшими со всех сторон врагами. И эта победа виделась не только в масштабе России, а как минимум Евразии. Тот механизм централизованной экономики — государства-фабрики-армии, который будет выкован в ходе борьбы — станет моделью коммунистического общества, грядущего на смену капитализму.

* * *

Историк С.С. Войтиков, обнаруживший несколько документов, которые позволяют уточнить технологию принятия решений этого времени, попытался выстроить на их основе грандиозную картину непримиримой борьбы за власть между Свердловым и раненым Лениным. С.С. Войтиков видит смысл создания нового неконституционного органа РВСР в установлении «военной диктатуры»³ (хотя в документах таких решений нет) и в том, что «Свердлов и Троцкий фактически получили возможность править, прикрываясь Советом как ширмой»⁴. С тем же успехом можно написать, что Ленин «прикрывался Совнаркомом как ширмой», а Свердлов — «ВЦИКом как ширмой». Впрочем, даже документы, приводимые С.С. Войтиковым, если их читать так, как они написаны, показывают, что ни о каком самовольном правлении двух лиц речь не могла идти. Даже при принятии решения о создании РВС во главе с Троцким в бюро

¹ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 92–93.

² Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. С. 201.

³ Там же. С. 107.

⁴ Войтиков С.С. Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. С. 219.

ЦК (весь ЦК трудно было собрать в той обстановке), планировалось решить и такой вопрос: «Троцкому разрешается поехать из Москвы...»¹. Решения и действия даже самых влиятельных вождей нужно было обсуждать и согласовывать с окружающими товарищами. Этот заведенный Лениным порядок координации в высшем эшелоне власти никто не отменял. Коммунистический режим вообще был основан на том, что решения, принимавшиеся узким руководством (не двумя людьми, конечно, а ЦК, СНК, президиумом ВЦИК, теперь и РВСР), освящались авторитетом съездов, ВЦИК и Советов. Но советские органы были не просто ширмой, но и аппаратом, через который шла мобилизация кадров и организовывалось осуществление решений.

С.С. Войтиков конструирует некий антиленинский заговор Свердлова по разделу власти на основании списка руководителей, приглашенных на заседание бюро ЦК. Дзержинский оценивается как явный противник Ленина, он же «постоянно выступал против В.И. Ленина по важнейшим политическим вопросам»². По каким кроме Брестского мира? Сноска стоит — на старческие воспоминания В. Молотова и на заседание Военного совета при наркомате обороны 1–4 июня 1937 г.³ Нет надежнее источника для конспирологических теорий.

Коварный Свердлов уже получил «ширму» в виде РВСР, но ему мало, и ширмы начинают множиться. «Свердлову Троцкий подходил в качестве “ширмы” по всем параметрам: амбициозный, властный, но, в силу меньшевистского прошлого, окруженный очень слабой... свитой — а потому управляемый. И тоже еврей — то есть был шанс, что рано или поздно террорист а ля Леонид Канегисер найдется»⁴. То есть Свердлов, окруженный «ширмами», ловко управляет Троцким, но почему-то мечтает, что того застрелят враги евреев.

Забыв, что объявил Троцкого «ширмой» Свердлов, С.С. Войтиков рассказывает: когда Ленина ранили, то у Троцкого возник «реальный шанс укрепить свои позиции во власти. А потому у Свердлова были все основания опасаться соратника»⁵. Жуки в банке, боятся не наступающих со всех сторон врагов, а друг друга. Параноики просто. Впрочем, С.С. Войтиков, приписывая свои мысли советским вождям, не приводит доказательств, что они действительно так думали.

¹ Войтиков С.С. Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. С. 221.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 707.

⁴ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. С. 98–99.

⁵ Там же. С. 103.

Свердлов, который после ранения Ленина вел заседания Совнаркома, становится «новым “хозяином”»¹. Здесь С.С. Войтиков, очевидно, перепутал 1918 г. с 1948-м. Но при этом, по С.С. Войтикову, хитрый Свердлов «пошел на провозглашение новым вождем революции Л.Д. Троцкого»², хотя и не находит документы, которые подтверждают такое сенсационное провозглашение. Зато идея о том, что нужно зачем-то обязательно при этом убить Троцкого, становится у Свердлова (точнее у С.С. Войтикова) просто-таки навязчивой: «подставить другого человека под удар очередной Шарлотты Корде»³. Похоже, у Свердлова (за которого взялся думать С.С. Войтиков) появилась точная информация, что у террористов теперь остался только один патрон (или кинжал). Так что если они убьют Троцкого, то Свердлов спасется.

Пока Свердлов молча обдумывает свои коварные думы, не проявляя придуманных С.С. Войтиковым намерений словесно, то Троцкого просто распирает от ненависти к Ленину. В заголовок одной из глав своей книги С.С. Войтиков выносит «цитату» из Троцкого, который якобы сказал, что Ленину «не хватает металла... в теле...»⁴. Если бы Троцкий действительно такое сказал, он бы очень удивил слушателей. Но ничего такого Троцкий не говорил. С.С. Войтиков сконструировал эту цитату сам из обрывков слов Троцкого, имеющих совершенно иное значение: «Мы знали, что о т. Ленине по его характеру никто не может сказать, что ему не хватает металла, сейчас у него не только в духе, но и в теле металл...»⁵. Здесь и сочувствие, и комплимент, а совсем не «злорадство», которое Троцкому хочет приписать С.С. Войтиков.

Ранение Ленина вызвало небольшое обсуждение того, кто будет подписывать решения Совнаркома в его отсутствие. Зиновьев предложил, чтобы это был один из наркомов, а не Свердлов, чтобы не нарушать формальное разделение полномочий этих органов. Также Зиновьев предложил сформировать бюро ЦК в составе: Свердлов, Троцкий, с совещательным голосом Рыков, и еще кандидатами Дзержинский, Крестинский и Каменев⁶.

Из этих деловых предложений С.С. Войтиков делает неожиданный вывод, что Зиновьев «признал как совершившийся факт» «временную постановку во главе государственно-партийного механизма

¹ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. С. 112.

² Там же. С. 111.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же. С. 122–123.

Я.М. Свердлова», и это ни что иное, как «предательство вождя»¹. В чем же предательство? С.С. Войтиков не приводит никаких свидетельств того, что Ленин был противником Свердлова, и что Зиновьев обещал Ленину не допускать Свердлова к ведению Совнаркома, а потом предал. Тезис о предательстве нужен для того, чтобы подкрепить конструкцию о борьбе Ленина и Свердлова резкой эмоциональной оценкой и опереть ее, таким образом, на стереотипы, сформированные во время внутрипартийной борьбы 1920–1930-х гг., где коварный Зиновьев интриговал уже против Сталина.

Но дальше начинается самое интересное. Дело не только в предательском характере Зиновьева. Он испугался «врагов Ленина», которые могли бы просто убить трусливого Григория, если бы он остался верен Ленину: «Упрочение властных позиций Я.М. Свердлова и Л.Д. Троцкого... при демонстративных возражениях сулило председателю Петросовета совершенно случайную, не имеющую, конечно, никакого отношения к товарищам по ЦК, смерть от “эсеровского” (30 августа, выстрелы якобы Ф. Каплан), как вариант — организованного некими “анархистами подполья” (от такого через год погиб друг юности Я.М. Свердлова — секретарь Московского комитета РКП В.М. Загорский-Лубоцкий) теракта или банального схода с рельс поезда...» Здесь С.С. Войтиков почему-то обращается не к облюбованной конспирологами катастрофе, унесшей жизнь Артема (Сергеева), а к авариям с участием Подвойского и Маниковского. Подвойский, правда, остался жив, и новых «покушений» на него не последовало, а Маниковский, как и Артем, погиб уже после кончины самого Свердлова. Но разве такие мелочи могут остановить конспирологические рассуждения? Чтобы придать вид научности картине, в которой убийства соратников по партии были поставлены Свердловым на поток, нужно было бы еще поискать связи между Свердловым и лидером «анархистов подполья» К. Ковалевичем и как-то объяснить удивленному читателю, зачем Свердлову понадобилось тащить своего друга юности Загорского в могилу через несколько месяцев после собственной смерти.

Мы еще вернемся к конспирологической версии Ю.Г. Фельштинского о причастности Свердлова к покушению на Ленина. Но по сравнению с масштабными мазками С.С. Войтикова это — мелочи игры. Воздадим должное размаху конспирологических построений, в котором с ним может посоперничать разве что П.В. Мультиатули, который ставит Свердлова, связанного через Юровского с Бостон-

¹ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. С. 124.

ским клубом, в центр фэнтезийной картины убийства Николая Романова и его семьи (см. главу V).

Поскольку документальных доказательств своей версии о борьбе фракций Свердлова и Ленина за власть С.С. Войтиков не нашел, это его «наводит на мысль о целенаправленном уничтожении документов о борьбе за лидерство в РКП(б) при жизни В.И. Ленина»¹.

Ленин, по С.С. Войтикову, панически боится военного переворота со стороны Троцкого. Споры нет, коммунисты опасались повторения сценария Французской революции и устраняли военных, «почитывавших биографию Наполеона». Но Троцкий, как и Ленин, понимал важность партийно-государственных гражданских структур, и ждать от него собственно военного антипартийного переворота не приходилось. Отношения с Троцким Ленин в случае необходимости выяснял на политических площадках, прежде всего в ЦК. А Троцкий, в свою очередь, уступал перед угрозой раскола партии, как это было перед Брестским миром и будет во время дискуссии о профсоюзах. Но С.С. Войтиков не видит ничего, кроме «противостояния» партийных вождей в придуманной им схватке за власть и так комментирует обсуждение в СРКО проблемы масштабов армии, которую может выдержать экономика республики: «Осознав готовность вождя в очередной раз рискнуть обороноспособностью Советской России для предотвращения потенциальной угрозы военного переворота, Троцкий 18 декабря вторично был вынужден почтить своим присутствием Совет Обороны»². С.С. Войтикову невдомёк, что для совершения военного переворота общая численность армии не имеет никакого значения. Конспирологический метод основан на том, что любой факт, любая цитата вырывается из собственного исторического контекста и служит повторению заранее придуманного идеологического штампа — Троцкий готовит переворот, Ленин так этого боится, что готов белым войну проиграть и быть повешенным, лишь бы навредить «военному диктатору» (так С.С. Войтиков называет Троцкого, забыв, что тот еще не совершил военного переворота, о котором якобы мечтал).

Партия большевиков не была монолитной, в ней явно выделяются более умеренное и более радикальное течения. Заметны также трения между сторонниками укрепления центральной власти и регионалистами, этатистами и синдикалистами, сторонниками и противниками широкого привлечения офицерства в военное строительство, есть и личная неприязнь между влиятельными лидерами. Но это не зна-

¹ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. С. 140.

² Там же. С. 201.

чит, что сторонники разных тенденций большевизма в 1917–1922 гг. были готовы уничтожать друг друга. И не приведено доказательств, что Свердлов, следующий во всех публичных дискуссиях в фарватере политики Ленина, был на самом деле его тайным стратегическим оппонентом и даже врагом. Ленин выполнял роль координатора партии, стараясь находиться над группировками, и лишь иногда резко вставал на одну из сторон. Свердлов в таких ситуациях всегда оказывался вместе с Лениным. Так что версии о противостоянии Свердлова и Ленина требуют очень серьезных доказательств, и таких доказательств нет, что приводит к выводу о ложности самих версий.

Между большевистскими руководителями было множество тактических деловых разногласий и ведомственных трений, которые тогда было принято обсуждать, иногда довольно эмоционально. Культура спора, которая в последующие десятилетия будет вырвана с корнем из отечественной государственной иерархии, тогда не была признаком принципиальных разногласий и враждебности спорящих. И лишь нынешние конспирологи пытаются из этих споров вывести схему смертельной борьбы между большевиками, которые предстают не борцами за свой идейный проект, а бандой гангстеров, дорвавшихся до власти.

Эволюция роли Свердлова в 1918 г. определялась общей сменой власти Советов централизованным коммунистическим режимом. Первоначально Совнарком и ВЦИК играли паритетные роли, чему были две основные причины. Во-первых, текущее управление на местах осуществлялось Советами, и ВЦИК координировал эту работу. Совнарком брал на себя относительно узкую сферу задач, которые не могли быть решены на местах, лишь время от времени выходя за пределы центральной компетенции в особенно важных для правительства случаях. Во-вторых, в условиях многопартийной Советской власти левые эсеры следили за прерогативами представительного органа власти, видя в правительстве угрозу возрождения российской бюрократии. В мае–июле ситуация в этом отношении стала кардинально меняться. Произошел разворот от широкого регионального самоуправления Советов к централизации, резкое усиление власти наркоматов, а Советы потеряли свой многопартийный характер. Их роль в системе управления упала. Свердлов не был защитником старого курса и активно проводил новый. В этих новых условиях у него были новые задачи и функции — конституционное оформление разворота к централизму и однопартийности, организация идеологической работы (включая институт комиссаров в войсках), текущие организационные вопросы, до которых не доходили руки у Ленина (часть этой работы вел Сталин, когда был в Москве). И раньше,

и в середине 1918 г. Свердлов показывал себя как «эффективный менеджер», и нет ничего удивительного в том, что он подменил Ленина во время его ранения, проводя заседания Совнаркома.

Суть деятельности Ленина, Троцкого, Свердлова, Сталина и других видных большевистских политиков в это время заключалась не в мелких интригах и подставах, не в борьбе за место «хозяина», которого не было, а в борьбе за выживание коммунистического проекта, крах которого обернулся бы для них физической гибелью или в лучшем случае прозябанием в эмиграции. И для этой эмиграции, в отличие от дореволюционного периода, было бы тяжело найти безопасное место. Борьбой за власть между собой можно будет заняться в мирное время, после победы в Гражданской войне, а пока у них были совсем другие приоритеты.

* * *

Гражданская война привела к расслоению революционного вектора на противоположности — архаичную и модернизационную. Стремясь к социализму и коммунизму, который воспринимался как сверхмодернизированное общество, в условиях войны и разрухи коммунисты стали строить «военный лагерь» — подражание древним. Нечто вроде римского военного лагеря с его простой военной организацией, жестокой дисциплиной, делением на граждан и бесправные слои, занятые принудительным трудом. «Военный коммунизм» похож не на общество будущего, а на Рим с его децимациями и проскрипциями, речами трибунов, допущением духовного плюрализма при условии лояльности власти, данью с крестьянства в провинциях, которая обеспечивает хлеб и яркие зрелища для жителей городов и солдат легионов, сражающихся на всех направлениях. Это погружение в архаику было закономерным с точки зрения марксистского экономического детерминизма: экономика разрушилась — деградировала и «надстройка». Но российские горожане и политические элиты оставались «модерными», воспитанными на ценностях городской культуры и индустриального прогресса. В этом состоянии культуры было главное отличие Советской России от Древнего Рима и других архаических обществ. Как только разруха закончится — революционные модернизационные проекты начнут возвращать страну в современность и разгонять ее на пути индустриальной модернизации.

Глава V

Многоцветный террор

Пожалуй, самой мрачной стороной истории Гражданской войны является террор. Массовое убийство беззащитных людей настолько аморально, что превращает террор в полюс зла. А это делает сюжет террора удобным средством идеологической борьбы, склонной к упрощению исторической реальности. Идеологическая привлекательность темы накладывает отпечаток и на исторические исследования.

Красный террор — неубиваемая карта в игре против коммунистических идей, осуществление которых повсеместно приводит к массовым убийствам безоружных людей. Впрочем, сторонникам коммунизма или, что сейчас более распространено — державникам под красным флагом, советским патриотам — есть что ответить. Ибо одновременно с коммунистами террор осуществляли белые армии и разноцветные повстанцы. Кровь льется рекой из интернета, один пример страшнее другого. Со стороны исследователей звучат призывы проверять данные, не доверять одноразовым газетным публикациям о тысячах казненных. Но эти занудные проверки — дело долгое и трудоемкое, с источниками беда, и вообще такие оговорки выглядят как попытка работать адвокатами дьявольских злодеев. Тем более что и историки часто примыкают к одному из лагерей, что заметно по их работам, если сообщения о зверствах одной стороны принимаются без сомнения, а утверждения о терроре другой подвергаются придирчивому разбору.

Осторожность в оценках числа жертв террора — это не оправдание его. Даже если бы террор касался десятков людей, он был бы непροщаемым преступлением и неприемлемым явлением, компрометирующим любой политический курс. Но террор осуществляли почти все силы Гражданской войны, сторонники взглядов практически всего идейного спектра. Так что у него были свои причины, которые существовали отдельно от идей коммунизма, социализма, либерализма, консерватизма и др. Но для борцов идеологического фронта «наш» террор был незначителен и потому простителен, а «их» — беспрецедентен по жестокости и массовости. И конечно, «наш» террор был ответом на «их». Как в детском саду оправдываются драчуны: «Он первый начал».

На мой взгляд, ни один из этих аргументов не оправдывает террор (в том числе и террор людей, которые ближе по взглядам лично мне). Но научный подход требует исследования любой проблемы — уже без привязки к моральной оценке. Как развивался террор в период Гражданской войны, кто «вырывался вперед», кто убивал больше или меньше, каковы обстоятельства наиболее резонансных казней и чем вызван этот резонанс?

Выражая распространенную точку зрения, немецкий историк Й. Баберовски утверждает: «Красный террор предшествовал белому. Он не был актом самозащиты, который завершился бы по осуществлении возмездия»¹. А белый террор, получается, был всего лишь «актом самозащиты».

Это утверждение противоречит известным фактам. Первым массовым убийством безоружных противников после прихода к власти в Петрограде большевиков стал расстрел антисоветскими юнкерами пленных солдат в Московском Кремле 28 октября 1917 г. Это был скорее эксцесс, чем сознательная акция уничтожения, но на счету большевиков еще не было и такой, а смертная казнь ими вообще была отменена. 7 января 1918 г. в результате самосуда красногвардейцами и матросами были убиты видные кадеты А. Шингарев и Ф. Кокошкин. Ленин назначил расследование, 8 убийц были арестованы (их выпустили). Еще 22 декабря 1917 г. казачий командир В. Чернецов казнил пленных красногвардейцев в Дебальцево. Атаман А. Каледин расследования не назначил.

21 февраля 1918 г., в условиях германского наступления смертная казнь была восстановлена, в Советской России вводилось право бессудных расстрелов, которым могли быть подвергнуты спекулянты, погромщики, «хулиганы», контрреволюционные агитаторы и германские шпионы. Шедшие в феврале–марте по Кубанской земле бойцы белой Добровольческой армии или двигавшиеся по Украине дроздовцы без долгих разговоров казнили советских работников и пленных. Красный террор стал массовым в июле–августе 1918 г. В это время казаки Краснова, деникинцы и легионеры Чехословацкого корпуса расстреливали пленных сотнями, которые быстро складывались в тысячи.

Вообще рассуждения об оправданности террора «возмездием» и «самозащитой», даже если звучат из уст либерального профессора, означают то же самое, что и в устах чекистов или белых контрразведчиков. Если «плохие парни» убивают «хороших людей», то и «хорошие парни» имеют право убивать из мести «плохих людей»

¹ Баберовски Й. Красный террор: история сталинизма. М., 2007. С. 34.

без долгих разбирательств. Сторонники советской власти тоже объясняли «самозащитой» и «возмездием» постепенное нарастание своих репрессий и переход к красному террору: отпустили плененных юнкеров, отпустили Краснова — и вот смотрите, они теперь убивают пленных на Дону и Кубани.

Если отойти от детского принципа «кто первый начал», придется признать, что красный и белый (точнее — антисоветский) терроры развивались параллельно, подпитывая друг друга. И противники Советской власти нередко обгоняли красных в жестокости, стимулируя жестокость красных. А красные стремились не отставать. Сначала особенно лютовала левацкая низовка. Так, жуткие матросские расправы над «офицерьем» и оппозиционными политиками прокатились по Крыму 15–16 декабря 1917 г. и 23–24 февраля 1918 г. В 20-х числах февраля кровавый пир победителей бушевал на Дону.

Ю.Г. Фельштинский в предисловии к изданию материалов «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России» так характеризует различие белого и красного террора: «Мне хочется отвести здесь знакомое указание на жестокость обеих сторон. Белой армии как раз и была присуща жестокость, свойственная войне вообще. Но на освобожденных от большевиков территориях никогда не создавались белыми организации, аналогичные советским ЧК, ревтрибуналам и реввоенсоветам. И никогда руководители белым движением не призывали к расстрелам, к гражданской войне, к террору, к взятию заложников. Белые не видели в терроре идеологической необходимости, поскольку воевали не с народом, а с большевиками»¹. То есть с точки зрения Ю.Г. Фельштинского и подобных ему адвокатов белого движения вешать, расстреливать и рубить можно людей самых разных левых взглядов от эсеров до анархистов, а можно и тех, кто под горячую руку попадет, но не нужно называть это войной с народом. И тогда простится тебе — мало ли чего на войне может случиться. И вся эта вакханалия белого террора в глазах либерала Ю.Г. Фельштинского вполне оправдана тем, что белые вели борьбу с большевиками. Те, правда, тоже никакой войны с народом не провозглашали, но зато создали (о ужас!) реввоенсоветы, а белые — не создали. Белые казнили людей с помощью структур, которые назывались не ЧК и ревтрибуналы, а контрразведка, военно-полевые суды и станичные правления, а иногда и просто по произволу

¹ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Л., 1992. С. 7.

военных командиров. Это, конечно, в глазах истинного либерала гораздо благороднее и цивилизованнее, чем то, что творили большевики, которые не просто лили кровь, как белые, но еще и делали это во имя «неправильных» идей.

Прокоммунистический историк О.Д. Чураков, рассказав о произвольных убийствах пленных ижевскими повстанцами, пытается использовать этот сюжет для оправдания красного террора: «Большевистский режим также был достаточно жесток, но его жестокость была направлена на установление пусть революционной, но все же законности. Советское государство, применяя методы террора и принуждения, тем не менее, устанавливало жесткую монополию государства на применение насилия. Только государственные органы могли судить и выносить приговоры, карать или миловать»¹. Это, конечно, совсем не так. Известно множество случаев красного террора, когда людей убивали произвольно, и убийцы не несли за это наказания. Например, один из участников подавления Ярославского восстания А. Поляков вспоминал как о чем-то рутинном, само собой разумеющемся: «Масса появилась из [города] беженцев, для чего у меня был организован концлагерь для более ненадежных, коих я направлял в таковой, но красноармейцы по дороге по рукам судили того или иного беженца, если руки похожие на рабочие, то таковых вели в концлагерь, а непохожие на рабочие, то таковых расстреливали»².

Красный и белый террор — две стороны одного явления — террора Гражданской войны, где персональная вина подменялась коллективной, где за реальные или мнимые преступления одних представителей партий и взглядов должны были ответить совсем другие — попавшиеся под руку. Чтобы запугать остальных. Но запугать не получалось, ненависть лишь выходила на новый виток.

Определение числа жертв террора — очень сложная задача, так как документация обрывочна, многие сведения представляют собой пересказ слухов. Существует множество примеров красного и антисоветского террора, как обыденного, так и выделяющегося своей жестокостью или массовостью. Также только приблизительно можно оценить количество заключенных, которые страдали от произвола всех режимов Гражданской войны. Противники хватали сторонников противостоящих им взглядов и подозреваемых в стремлении организовать восстание или переворот (а заговоров всех против всех было предостаточно).

¹ Чураков О.Д. Правые социалисты и белый террор: Ижевск, 1918 год. <http://www.alternativy.ru/de/node/398>

² Ярославское восстание. 1918. М., 2007. С. 441.

Работа по оценке количества жертв настолько далека от завершения (если вообще получится когда-нибудь выйти на итоговые цифры с точностью до сотен), что возможны лишь оценки порядков общего числа и подсчеты в локальных ситуациях. Пока приходится исходить из того, что порядки красного, белого и повстанческого террора периода Гражданской войны одни и те же. Пока не доказано иное.

Антисоветский террор

Антисоветский террор многоцветен — он и белый, и «розовый», и повстанческий. Повстанческий террор при этом может быть направлен также и против белых. Ото всех сторон Гражданской войны страдали не только их противники, но и обыватели. Обширная коллекция сообщений об антисоветском терроре собрана в работах А.А. Литвина, П.А. Голуба и А.С. Ратьковского¹. Эти сведения основаны преимущественно на советских публикациях, некоторые из которых заведомо преувеличены. Наиболее поздним и вероятно наиболее полным является сборник данных И.С. Ратьковского. Если учитывать только конкретные, а не сводные и очевидно преувеличенные (на что указывает и сам составитель) сообщения, то сборник позволяет для 1918 г. «подтвердить» (с учетом возможных советских преувеличений, так как на месте событий подсчеты не велись) несколько сотен жертв структур Комуча, более тысячи — солдат Чехословацкого корпуса, сотни — жертв ижевско-воткинских повстанцев, сотни — казаков Урала и Сибири и сибирских белых. Можно констатировать в 1918 г. несколько всплесков антисоветского террора, когда речь идет о более чем тысяче жертв: май — казаки Дона, июнь — чехословацкое выступление и антисоветский террор в Сибири при разгроме Советской власти плюс продолжение террора на Дону; июль — 2-й кубанский поход Добровольческой армии и казачьи восстания на Северном Кавказе, август — сохранение высоких показателей белых на Юге России плюс несколько сот жертв расстрелянных после взятия Казани². Это примерно те же порядки, что и у красного террора. Но этими сообщениями число жертв антисоветского террора в это время не исчерпывается. Это те случаи, о которых стало известно

¹ Голуб П.А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006; Литвин А.А. Красный и белый террор в России. Казань, 1995; Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017.

² Подсчет по: Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). С. 74–174. Некоторые обобщенные данные И.С. Ратьковского, например о полутора тысячах расстрелянных в Казани, не вытекают даже из советских источников, тем более что после занятия Казани красными здесь состоялись похороны жертв белого террора — 50 человек (Там же. С. 127).

и где производилась хотя бы примерная количественная оценка на месте. Некоторые исследователи террора казачества на Дону оценивают его в 25–45 тыс. жертв¹. Если эти данные не преувеличены, то это больше, чем террор ВЧК. Но и красный террор тоже нельзя сводить только к действиям чекистов.

По оценке советского историка А.М. Спирина, за последние семь месяцев 1918 г. «белыми» (вероятно, включая чехословацких легионеров и комучевцев) были расстреляны 22 780 человек². Свой вклад в дело террора внесли интервенты Антанты, которые не только расстреливали представителей Советской власти, но и создали близ Архангельска концлагерь на острове Мудьюг, где содержалось около тысячи человек и погибло более 200 человек.

И.С. Ратьковский, ссылаясь на советские данные, оценивает число жертв чехословацких войск и Комуча летом–осенью в 5 тыс. человек³. Однако из приведенных им конкретных примеров такая большая цифра не следует. В то же время от рук российских и чехословацких «демократов» погибло не менее 2 тыс. человек, большинство — жертвы первого месяца чехословацкого выступления.

Существуют отдельные сообщения о разовых расправах над тысячей и более жертв. Их достоверность вызывает сомнение. Сенсационные цифры приходят не из первых рук, неясно, кто и как производил подсчеты и каким образом было технически уничтожено такое число людей. Так, очевидец чехословацкого террора С. Моравский сам видел около 50 трупов, но со ссылкой на знакомого штабс-капитана Москвичева, офицера гарнизона, сообщает о «не менее тысячи человек»⁴. Но неизвестно, производил ли кто-то подсчеты, или Москвичев лишь видел множество трупов. Необходимо отсекал единичные сообщения о наиболее массовых случаях террора, если не ясно, каким образом свидетель подсчитал такое большое количество жертв.

«Розовый» Комуч, который выглядит достаточно скромно на фоне террора белых, тоже, как мы видели, не обошелся без многочисленных казней. Наиболее вопиющий и массовый случай комучевского террора в прифронтовой зоне — расстрел 350 латышских стрелков как «иностранных, взявшихся не за свое дело»⁵. Впрочем, оказывается 137 ла-

¹ Гражданов Ю.В. Всевеликое войско Донское в 1918 году. Волгоград, 1997. С. 98; Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). С. 79.

² Спирин А.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 211.

³ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 103.

⁴ Там же.

⁵ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 143.

тышских стрелков расстреляны не были. Погибли те, кто отказался подписать призыв к товарищам о сложении оружия¹.

Под расстрел или на виселицу можно было попасть случайно. Например, легионеры и белые брали заложников из крестьян в районе действия партизанских отрядов².

Некоторые случаи антисоветского террора поражают своей зверскойостью. Например, в Красноярске 26 июля, казаки «стали набрасывать арканы на головы пленных... им удалось заарканить... Лебедеву, Марковского и Печерского ... Привязав арканы к луке седла, казаки со своими жертвами усаkali в сторону реки Качи... Утром 27 июля группа горожан около мельницы Абалакова под откосом старой Качи наткнулись на тела Лебедевой, Марковского и Печерского. Печерский лежал с разбитой головой и выколотым глазом. У Лебедевой рассечен живот и вырезаны груди. У Марковского внутренности лежали рядом с ним...»³.

Разумеется, примеры аналогичной жестокости можно найти со стороны красных, некоторые мы упомянем. Эскалация насилия мировой и гражданской войны пробудила архаические садистские инстинкты и предоставила садистам широкие возможности. Капитан И. Ильин писал: «Познакомился тут же с каким-то казачьим подъесаулом, который мне рассказывал с явным наслаждением, как он собственноручно рубил головы взятым и сдавшимся в плен красным. От его рассказов веет просто ужасом, это садист какой-то. И, разумеется, он не один. Вот тут и разберись! Красные и белые! И там и тут одни методы, и там и тут кровавый ничем не оправдаваемый террор»⁴.

После всего этого не выглядит убедительной и попытка В.П. Булакова представить крестьянский террор неким рекордсменом жестокости Гражданской войны на основании еврейских погромов на Украине: «Но ужасы и красного, и белого террора меркнут на фоне ожесточения крестьянской массы»⁵. Ничуть не меркнут. И белые, и красные, и украинские националисты, и деревенские повстанцы иногда проявляли чудеса жестокости. А иногда поступали гуманно. Например, в начале 1919 г. между Махно и его командиром Щусем

¹ *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. М., 1975. С. 225–226.

² *Недбайло Б.Н.* Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.). Историческое исследование. С. 149; *Цветков В.Ж.* Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. М., 2018. С. 299, 304.

³ Цит. по: *Цветков В.Ж.* Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 296–297.

⁴ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 294.

⁵ *Булаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 237.

вспыхнул конфликт по поводу убийств немецких кулаков бойцами Щуся. Махно требовал их прекратить и принудил Щуся к подчинению¹.

Историк В.П. Булдаков считает, что «эскалация массового взаимного ожесточения происходила вопреки высшим командирам»². Он имеет в виду и красных, и белых. Применительно к красным он ссылается на запрещение Троцким расстреливать офицеров, но ненависть к офицерам — лишь частное проявление взаимного ожесточения и террора. Позиция Троцкого определялась прагматизмом, а вовсе не желанием сдерживать террор, который он и сам, как мы видели, охотно применял. Что касается белых, источники тоже не позволяют согласиться с таким выводом. Казни пленных в Добровольческой армии были приняты уже при Корнилове. Но когда белые заняли обширную территорию на Кубани, казни поощрялись белыми генералами.

А. Шкуро рассказывал о своих отношениях с генералом В. Покровским:

«— Ты, брат, либерал, как я слышал, — сказал он мне, — и мало вешаешь... Приехавший вскоре генерал Покровский распорядился повесить всех пленных и даже перебежчиков... Однажды, когда мы с ним завтракали, он внезапно открыл дверь во двор, где уже болтались на веревках несколько повешенных.

— Это для улучшения аппетита, — сказал он»³.

Но у террора была и низовая поддержка. Судьба человека, попавшего под его каток, зависела от множества случайных обстоятельств — как и в случае с красным террором. «По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть несомненно сплошь и рядом играли роль, однако со всем этим приходилось мириться»⁴, — писал П. Врангель. Пока одни белые генералы и офицеры «мирились», другие поощряли произвольные расправы.

Акты произвола были частью системы, оформленной указаниями руководителей белого движения. В установках «либерала» А. Де-

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013. С. 114–115.

² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. С. 235.

³ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 1991. С. 96–97.

⁴ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 1. М., 1992. С. 118–119.

никина Особому совещанию при главнокомандующем говорилось: «Военная диктатура. Всякое давление политических партий отметить, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать... Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи — не пугать только, но и осуществлять их... Смертная казнь — наиболее соответственное наказание»¹. В условиях широкого распространения таких «грехов», как лидерство в «анархических» (то есть левых) течениях, спекуляция (то есть торговля по «завышенным» ценам) и дезертирство — это была программа массового террора.

Белые не только вешали, но и грабили население: «К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы»², — добавляет П. Врангель.

Грабежи творили солдаты всех сил Гражданской войны. Но для белых это было приговором. Никто, кроме них, не ставил в центр своей агитации восстановление «законности». Та часть населения, которая надеялась на белых, ждала от них именно законности, как от большевиков ждали земли и социальной справедливости, от Махно — воли и защиты крестьянских интересов. Явив вместо законности грабежи и зверства, белые показали населению, что от них нет никакой пользы, кроме вреда.

Порассуждав о бандитской сущности всех своих противников, даже Деникин признает: «набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную мусть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов»³.

* * *

Наиболее резонансным актом антисоветского террора в 1918 г. стал расстрел 26 бакинских комиссаров. После падения Бакинской коммуны сторонники Советской власти пытались отплыть в Астрахань, но были задержаны кораблями Центрокаспия 16 августа, возвращены в Баку, обвинены в дезертирстве и арестованы. Во время взятия Баку турками 14 сентября лидеры большевиков были освобождены.

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск, 2002. С. 325.

² Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1. С. 130.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 98.

дены стараниями А. Микояна. Они не успели сесть на пароход с про- советской командой «Сенап» и попали на последний отходивший из Баку пароход «Туркмен» с армянским отрядом Т. Амирова.

Однако большинство пассажиров «Туркмена» не хотели попасть на советскую территорию. Под влиянием антисоветской части пасса- жиров, а также из-за нехватки топлива и припасов капитан 17 сен- тября привел «Туркмен» в Красноводск, который контролировало эсеровское Закаспийское временное правительство. 35 пассажиров с «Туркмена» были арестованы. При обыске у них был найден спи- сок на 25 человек, во главе с С. Шаумяном, получавших продукты во время заключения в бакинской тюрьме. В этом списке не было А. Ми- кояна и некоторых других оказавшихся в Красноводске бакинских большевиков. 26-м к списку прибавили командира Амирова. В списке оказались и люди, не входившие в советское руководство Баку.

Председатель местного стачкома В. Кун обратился с запросом в Ашхабад к Фунтикову о переводе туда комиссаров и в Петровск к Би- черахову о проведении над ними судебного процесса. Бичерахов пере- дал решение вопроса о суде над комиссарами властям Красноводска¹.

Закаспийское правительство имело тесные связи с британской миссией генерала У. Маллесона в иранском Мешхеде. Узнав о том, что дружественное правительство захватило столь видного больше- вика, как Шаумян, да еще с группой товарищей, Маллесон проявил интерес к передаче комиссаров в его руки. Бакинских комиссаров можно было использовать в качестве разменной карты в советско- британских отношениях. Если бы бакинские советские работники долго находились в заключении в Красноводске или Ашхабаде, веро- ятность их переправки в Мешхед и далее в Индию в британские руки была велика. Сам вице-король Индии Ф. Тесиджер, лорд Челмсфорд заинтересовался возможностью получить столь ценную разменную монету, когда в руках большевиков находился Локкарт и другие бри- танские эмиссары. 18 сентября он направил указание Маллесону пе- реправить пленников в Мешхед. Маллесон и его представитель в Аш- хабаде капитан Р. Тиг-Джонс не сочувствовали бакинским больше- викам и не горели желанием их спасти².

Решение о расстреле комиссаров было принято 18 сентября на совещании членов правительства в присутствии британского пред- ставителя Тиг-Джонса. Когда Фунтиков через несколько лет попал в руки Советской власти, он пытался переложить ответственность за принятие решения о расстреле комиссаров на англичан. Но бри-

¹ Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 95.

² Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918– 1924 гг.: от интервенции к признанию. Рукопись.

танский фактор скорее мешал расправе и предопределил срочность принятия решения о расстреле — пока не вмешались вышестоящие инстанции Британской империи. О такой возможности Фунтикова и его коллег мог предупредить Тиг-Джонс. Но сам он свою активную роль в принятии решения о казни категорически отрицал. И тем более — присутствие на месте казни, которое ему приписывала советская версия событий (в это время Тиг-Джонс еще не оправился от ранения ноги и был маломобилен). Решение о расстреле лоббировал начальник розыскного бюро Закаспийского правительства экс-сотрудник ВЧК С.А. Дружкин, озлобленный на большевиков. Тиг-Джонс утверждал, что он покинул заседание раньше, чем было принято решение¹.

Как пишет историк Е.Ю. Сергеев, «изучение доступных архивных материалов привело автора к выводу, что предложение о казни могли внести на заседании два человека: ими, по нашему мнению, выступили упоминавшийся выше Дружкин и Гаудиц — командир боевиков из числа железнодорожных рабочих-эсеров, который уже имел опыт расстрела ашхабадских комиссаров в середине июля 1918 г.».

Данная гипотеза подтверждается показаниями члена президиума Красноводского стачкома А.М. Яковлева, данными им на судебном процессе 8 ноября 1920 г., о том, что «Гаудиц ясно и при всех объявил, что 26 чел. из Баку погибли от руки боевой дружины партии социалистов-революционеров, расправившейся и с 9 ашхабадскими комиссарами...». Еще одним аргументом в ее поддержку выступают сравнительно недавно рассекреченные документы из личного фонда майора Т. Джарвиса — члена британской военной миссии в Закавказье. В служебной записке на имя своего начальника полковника Пайка автор этого документа указал, что «расстрел комиссаров произошел по инициативе экстремистов из числа железнодорожников, которые имели свои мотивы — страх и месть, чтобы не оставлять в живых бывших бакинских руководителей»².

Закаспийские антикоммунисты знали об интересе британцев к Шаумяну и его товарищам и понимали, что в случае выдачи их в Мешхед и затем обмена, например на Локкарта и других, Шаумян может вскоре появиться на Кавказе или в Туркестане с другой стороны фронта. Закаспийским врагам большевизма не хотелось упускать такого крупного большевика с целой командой красных деятелей.

В этих условиях Тиг-Джонс просто умыл руки, Маллесон согласился передать вопрос о решении судьбы комиссаров на усмотрение

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Там же.

правительства в Ашхабаде, а Челмсфорду осталось довольствоваться сведениями о том, что он опоздал. В ночь на 20 сентября узники были вывезены из Красноводска и убиты между станциями Перевал и Ахча-Куйма в Агджагульской пустыне на 207-й версте Среднеазиатской железной дороги¹.

По версии Тиг-Джонса, он узнал о решении расстрелять команду Шаумяна вечером 19 сентября, а о самом расстреле — 22 сентября. Маллесон позднее утверждал, что 20 сентября днем он потребовал от ашхабадских представителей в Мешхеде передать ему комиссаров живыми, и те ответили: «Их жизнь или наша — так стоит вопрос. Если комиссары доберутся до Ашхабада, то они совершат революцию против нас, и тогда все мы, не только двадцать шесть, но и много сотен, которые помогли избавиться от Фролова и его шайки, будут, несомненно, перерезаны. Ясно, что лучше смерть 26-ти, но если Вы настаиваете, мы будем добиваться, чтобы они были переданы Вам»². Маллесон телеграфировал Тиг-Джонсу: «Если не поздно, передать комиссаров живыми в Ашхабаде специальной охране», направленной из Мешхеда. «Очевидно, что это распоряжение обеспечивало алиби Маллесону и Тиг-Джонсу, которым было прекрасно известно о расстреле комиссаров», — комментирует историк Е.Ю. Сергеев. 21 сентября Маллесон сообщил руководству о вероятном расстреле комиссаров. «Однако на следующий день вместо ответа на это послание Маллесон получил из Главного штаба телеграмму, которую, видимо, следовало рассматривать как запоздавшую реакцию администрации вице-короля Челмсфорда на предыдущую депешу генерала касательно дела 26-ти: «Необходимо, чтобы Вы немедленно взяли под контроль арестованных большевиков, о которых сообщила Ваша телеграмма от 18 сентября за № 00538, чтобы содержать их как заложников, не раскрывая мотивы меньшевикам [то есть членам Закаспийского правительства. — Е. С.]».

Цель руководителей британских военных властей разъясняло следующее послание из Симлы, полученное генералом в тот же день: министр иностранных дел Г. Грант уполномочил Маллесона обратиться по телеграфу в НКВД Туркестанской советской республики с просьбой гарантировать безопасность упоминавшихся Бейли и его сотрудников в столице русского Туркестана. В ответ на обе телеграммы Маллесон смог лишь еще раз подтвердить факт расстрела арестованных комиссаров, добавив, что, хотя еще три боль-

¹ См.: Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. По материалам судебных процессов. Баку, 1928; *Шаумян А. С.* Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1968.

² Цит. по: *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

шевика остаются в тюрьме, но они не из числа руководителей и не представляют интереса для британцев. А 30 сентября он получил из Симлы распоряжение вынести в удобный момент предупреждение Закаспийскому правительству о том, что такие действия, как казнь большевистских лидеров, способны затруднить предоставление ему помощи со стороны администрации вице-короля и вообще ставит это правительство вне обычаев и законов цивилизованного общества»¹.

Вице-король дал этот урок цивилизованности уже после расстрелов британцами представителей Советской власти на севере России. «Обычаи цивилизованного общества» заключались в том, чтобы соблюсти внешние приличия. Сотрудничество между британскими властями и Закаспийским правительством продолжилось, в Туркестан был введен британский военный контингент.

Долгое время судьба комиссаров была неизвестна, и только в марте 1919 г. эсер В. Чайкин опубликовал ставшие ему известными от Фунтикова подробности их гибели.

Наращение советского террора

Советская власть начинала свою историю с гуманного решения об отмене смертной казни.

Между тем развал правоохранительной системы, маргинализация и рост социального отчаяния вели к росту преступности и самосудов. Как писал Горький, «за время революции насчитывается уже до 10 тысяч “самосудов”. Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его»².

В условиях, когда власть не могла справиться с самосудами, решение об отмене смертной казни теряло смысл. Логичным ответом на этот вызов было бы восстановление и совершенствование пенитенциарной системы и направление туда как уголовников, так и участников самосудов. Но у большевистских вождей сохранялось архаичное представление о том, что лучший способ остановить врага — это страх смерти и уничтожение. Ленина этот вопрос интересовал применительно не столько к преступности, сколько к политическим и социальным противникам: «Вздор, — повторял он, — как же мож-

¹ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 92.

но совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессий? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время Гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить»¹.

Однако пока отмена смертной казни действовала, центральные советские органы соблюдали запрет на государственное убийство. Несанкционированные Совнаркомом расправы над «контрреволюционерами» происходили и зимой 1917–1918 гг. Так, после похорон матросов, погибших в боях с противниками Октябрьского переворота под Белгородом и на Дону, обострилась обстановка в Севастополе. 15–16 декабря 1917 г. матросы убили несколько десятков офицеров. Убийства продолжались и позднее. В ходе декабрьских «варфоломеевских» (или, как их еще называли, «еремеевских») ночей погибло более 100 офицеров². Формально большевики осуждали эти самосуды, но не могли их предотвратить или наказать виновных, популярных в матросской массе.

В регионах расстрелы на месте уголовного преступления и «при попытке к бегству» применяли местные Советы.

21 февраля 1918 г., в условиях германского наступления смертная казнь была восстановлена, вводилось право бессудных расстрелов, которым могли быть подвергнуты «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы»³ — широкий круг людей, чем-либо не понравившихся красным командирам. Левые эсеры протестовали против этого решения⁴.

Уже 22 февраля было расстреляно 13 уголовников. 23 февраля ВЧК объявила, что расстреливать может только она. За три последующих дня в Петрограде было расстреляно еще 7 человек⁵. 26 февраля ВЧК расстреляла бандитов Эболи и Бритт, которые действовали под маской чекистов, четверых матросов-грабителей и одного человека, объявленного немецким шпионом. Всего за две недели до переезда в Москву ВЧК расстреляла 16 человек⁶.

В Севастополе 21 февраля матросы без санкции исполкома Совета развернули резню офицеров и «буржуазии», во время которой погибло несколько сот человек. Затем II Общечерноморский съезд формально осудил эти убийства, и команды формально согласились

¹ Троцкий А.Д. К истории русской революции. С. 213.

² История Крыма. М., 2015. С. 288–290.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 358.

⁴ Первое советское правительство. С. 417.

⁵ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 56.

⁶ Там же. С. 55.

с этим осуждением. С должности был снят председатель Центрофлота анархист С. Романовский. Но наказаний убийц не последовало¹.

В марте в стране было самосудно расстреляно более 100 человек. Когда были расстреляны семь анархистов группы «Ураган», это вызвало протесты со стороны анархистов и даже дополнительное расследование с участием членов этой группы².

Дзержинского волновала законодательная неурегулированность права ВЧК выносить смертные приговоры. Он стремился заручиться поддержкой советских органов, сделав, например, 29 марта доклад в Моссовете о необходимости «возбудить в Центральном исполнительном комитете, в Совете народных комиссаров и партийных центрах вопрос о восстановлении смертной казни за известного рода преступления», в частности — за мародерство³.

В мае ВЧК объявили о расстреле 28 человек, в том числе 12 анархистов, обвиненных в уголовщине, и трех предпринимателей, скупавших акции с целью перепродажи их немцам⁴. Советская власть, таким образом, уже в 1918 г. приравнила экономические нарушения к тяжчайшим злодеяниям, достойным смерти.

Наращение репрессий шло волнообразно, со своими откатами. Так, 25 апреля в Петрограде была отменена смертная казнь.

Уже с конца 1917 г. советский режим широко применял аресты своих политических противников. Но условия заключения были еще относительно мягкими. Сидевший в начале 1918 г. в заключении В. Станкевич, позднее вспоминал: «Если бы не недостаток пищи и не тревога из-за поведения вооруженной стражи, сидеть в Крестах было бы недурно... Сторожа обращались не иначе, как со словом “товарищ”, вкладывая в это слово действительно душевное отношение. Двери камер оставались открытыми чуть ли не весь день, и если закрывались, то со словами: “Товарищ, ничего, если я Вас прикрою немножко?..”»⁵ В. Станкевич продолжает: «В апреле–мае 1918 года политические условия были существенно отличными от условий, создавшихся через три месяца... Комитеты всех партий функционировали открыто. Преследования совершались только публичным судом, при широком допущении защиты (дело Брамсона, Болдырева, Пуришкевича)»⁶. Ревтрибунал дал Пуришкевичу 4 года принудительных работ, но вскоре амнистировал.

¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 293–294.

² Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 56–57.

³ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 1.

⁴ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 84.

⁵ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции. 1917 год. М., 1994. С. 165.

⁶ Там же. С. 168.

С началом широкомасштабной гражданской войны в июне счет расстрелов по неуголовным причинам перешел на десятки — в связи с расстрелом участников восстания в Тамбове.

Еще до объявления красного террора право на расстрел присвоили себе самые разные чрезвычайные органы власти по всей стране. Например, в июне в Новгородской области Крестецкий революционный штаб, созданный исполкомом Совета, угрожал расстрелом тем, кто активно выступал против Совета и отдельных членов исполкома¹.

В зоне военных действий уже в середине 1918 г. бессудные расстрелы вообще могли происходить без участия каких-то органов².

18 августа, за две недели до объявления красного террора, Совет комиссаров Союза коммун Северной области принял декрет, в соответствии с которым немедленному расстрелу подлежали те, кто ведет антисоветскую агитацию, «тайно и явно» поддерживает иностранные правительства, взяточничество, саботаж, грабежи «и т. п. преступления». При таких размытых формулировках и отсутствии времени для расследования по этому декрету можно было расстрелять кого угодно. Так, например, 28 августа в Олонецкой губернии расстреляли мясника М. Донского, который обвинялся в срывании советских объявлений (возможно, ему просто понадобилась бумага)³.

«Сентябрьский красный террор не был поэтому каким-то экстраординарным событием в жизни города: к нему уже были готовы, он стал логическим завершением того процесса, который обозначился давно»⁴, — делает вывод о ситуации в Петрограде историк С.В. Яров. Точнее, «процесс обозначился» с июня, после начала широкомасштабной гражданской войны.

Расширение террора происходило под призывы председателя Совнаркома. 29 июля, после выступления Ленина на расширенном заседании ВЦИК и Моссовета, оно призвало проводить «на практике массовый террор» против буржуазии⁵. Ленин рассылал по стране послания, призывая широко применять смертную казнь: «В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших

¹ Документы о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 108.

² Например, Ярославское восстание 1918 г. Документы. С. 441.

³ Документы о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 74–75.

⁴ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 30.

⁵ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. С. 106.

офицеров и т. п.»¹, — телеграфировал Ленин 9 августа. В тот же день он отправил телеграмму и в Пензу: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»². 22 августа председатель Совнаркома приказывает «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты»³. Бедные «колеблющиеся».

11 августа, узнав о начавшемся 5 августа восстании в Пензенской губернии, Ленин стал призывать к возвращению виселиц, что было уже прямым вызовом революционной традиции, для которой виселицы были символом именно белого и царского террора: «1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников согласно вчерашней телеграмме»⁴.

Впрочем, с восстанием быстро справились без рекомендованных Лениным публичных зверств. Уже 12 августа оно было подавлено, 13 зачинщиков и участников убийства продармейцев были расстреляны⁵.

В этих телеграммах Ленин предстает в кровожадном и истеричном амплуа. Его власть висела на волоске уже не первый месяц. В августе Ленин был переутомлен, по свидетельству Л. Сосновского, жаловался на головную боль⁶. Крупская вспоминала: «Лето было исключительно тяжелое. Ильич уже ничего не писал, не спал ночей. Есть его карточка, снятая в конце августа, незадолго до ранения: он стоит в раздумье, так выглядит он на этой карточке, как после тяжелой болезни»⁷.

30 августа Ленин даже предлагал расстрелять Вацетиса за оставление Казани⁸. Через несколько дней Вацетис станет главнокомандующим советскими вооруженными силами. В обстановке крайней нервозности военной ситуации лета 1918 г. Ленин доходил до истерики и швырялся террористическими требованиями.

Но дело было, конечно, не только в Ленине, а в настроениях большевистского актива. 28 августа, за два дня до покушения на

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 142.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 106.

⁴ В. И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. С. 246.

⁵ Там же. С. 246–247.

⁶ Фишер Л. Жизнь Ленина. С. 404.

⁷ Выстрел в сердце революции. М., 1989. С. 17.

⁸ В. И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. С. 250.

Ленина и Урицкого, Петросовет постановил: «Если хоть волос упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы уничтожим поголовно вождей контрреволюции»¹.

Несчастный Щастный

13 июня смертная казнь по решению суда в РСФСР была официально восстановлена. В условиях, когда происходили самосуды и расстрелы без суда чекистами, это могло показаться мерой к восстановлению законности. Теперь казнь могла происходить только после тщательного разбирательства. Но уже первый смертный приговор показал, что советский суд — это спектакль с заранее известным финалом.

Первой жертвой политической казни, произведенной в результате официальной судебной процедуры, стал капитан А. Щастный — видный флотоводец, советский «адмирал». 22 марта — 27 мая 1918 г. он командовал Балтийским флотом и в сложной ледовой обстановке вывел его основные силы из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. Тем самым он спас флот от захвата Германией и Финляндией. Популярность Щастного выросла, ему удавалось ладить и с моряками, и с офицерами, и с комиссарами, за что недоброжелатели называли его «хитрейшим из хитрейших»².

Еще 15 февраля было принято решение Совнаркома о выводе военных кораблей из Ревеля и финляндских портов. Эта операция началась при командующем флотом адмирале А. Развозове. Щастный руководил переходом 1-го отряда флота из Гельсингфорса в Кронштадт 12–17 марта. Это была сложная задача, так как Финский залив еще не освободился ото льда.

22 марта Щастный был назначен начальником морских сил (Наморси) Балтфлота. Главным комиссаром при нем был избранный Советом комиссаров Е. Блохин, с которым у Щастного сложились товарищеские отношения. Комиссары на флоте выбирались командами.

После подписания Брестского мира германская сторона требовала оставления флота в местах дислокации и его разоружения. С высадкой немцев в Финляндии 3 апреля действовать нужно было как можно скорее — еще немного, и флот мог оказаться под контролем

¹ Цит. по: Литвин А. А. Красный и белый террор в России. Казань, 1995. С. 59.

² Шошников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). СПб., 2001. С. 24. Книга Е. Н. Шошникова фактически представляет собой сборник документов с комментариями составителя и хроникой событий.

германских военных с перспективой оказаться потом в руках Маннергейма.

6–22 апреля под руководством Щастного из Гельсингфорса в Кронштадт в сложной ледовой обстановке удалось вывести 167 судов. Некоторые суда продолжали добираться до Кронштадта и в мае. Всего было выведено 233 корабля из 270. 85 кораблей и судов, в том числе 37 военных попало в руки Германии и затем Финляндии¹. Подводные лодки, которые не удавалось вывести, взорвали.

25 апреля разразился новый кризис — финские отряды осадили форт Ино, орудия которого могли обстреливать Кронштадт. Форт находился в рамках границы Финляндии, которая раньше была административной, а теперь стала государственной. Военный конфликт мог повлечь германские войска, и Троцкий приказал взорвать форт в случае, если его не удастся удержать собственными силами. 14 мая форт был взорван по приказу коменданта — без натиска со стороны противника.

4 мая была Пасха, и Щастный дал телеграмму «Всем, всем, всем. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!!!» Такое публичное поздравление вряд ли понравилось коммунистическим руководителям Советской России.

В условиях майской военной тревоги советское руководство опасалось, что Балтийский флот будет захвачен Германией, и это может стать поводом также и для захвата Петрограда. В этих условиях было решено готовить уничтожение Балтийского флота в случае попытки захвата его немцами (аналогичная драма, как мы видели, развернулась и в связи с Черноморским флотом).

Хотя Щастный аккуратно выполнял указания о подготовке флота к уничтожению, 7 мая (кстати, после пасхального поздравления) Троцкий начал общаться с Наморси нервно. Ф. Раскольников передал слова Троцкого, что если Щастный и Блохин не ответят на заданный им технический вопрос в течение дня, то это будет рассматриваться как государственная измена².

Щастный считал, что в случае нападения Германии нужно дать бой, и был недоволен тем, что его не информируют о политической ситуации и отстраняют от нее — ведь в этом случае удар немцев может оказаться для командования внезапным. В свою очередь коммунистические руководители были недовольны, что офицеры готовы защищать Родину, а не Советскую власть. Эти противоречия проявились на совещании 9 мая с участием военных и политических руководителей Петрограда³.

¹ Шошников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 332–333.

² Там же. С. 68.

³ Стенограмму совещания см.: Шошников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 287–296.

11 мая начались волнения в Минной дивизии Балтфлота. Ее эсминцы перебрасывались через Петроград по Неве на Ладожское озеро. Петроградским властям в это время было не до этой операции. Эсминцы не получали мазут, даже мосты вовремя не разводили. 14 мая 11 эсминцев и еще несколько кораблей Минной дивизии пришвартовались недалеко от Обуховского завода, который сам по себе был очагом рабочих волнений в Петрограде.

11 мая состоялось собрание команд. Раздраженные матросы во главе с командиром эсминца «Капитан Изыльметьев» Г. Лисаневичем и его товарищем Ф. Засимукой вынесли решение: «1. Петроградскую коммуны, ввиду ее полной неспособности и несостоятельности предпринять что-либо для спасения Родины и Петрограда, распустить. 2. Всю власть по управлению Петроградским округом вручить морской диктатуре Балтийского флота. 3. Немедленно войти в тесную связь со всеми рабочими Петрограда и демобилизованными солдатами и офицерами армии на предмет взаимной поддержки и организации реальной силы для обороны Петрограда...»¹.

12 мая ситуацию обсуждало собрание матросов, на которое явились Луначарский и Раскольников. С ними без стеснения спорили Лисаневич и Засимука, причем матросы вынесли резолюцию с запретом их ареста. Щастный тоже был недоволен ситуацией с проходом эсминцев, критиковал разруху в Петрограде, но на власть в Петрограде не претендовал.

14 мая Совнарком назначил комиссаром флота И. Флеровского — Щастного решили контролировать жесточе.

Член коллегии Наркомата по морским делам С. Сакс потребовал от Щастного уволить Лисаневича и Засимуку, но тот считал, что это полномочен сделать сам наркомат. Ему не хотелось вступать в прямой конфликт с ершистыми командами. Сакс в телеграмме Троцкому обвинил Наморси в «двойственной политике»². Узнав об этом, Щастный попросил Троцкого подыскать ему замену.

25 мая собрание матросов Минной дивизии постановило не выдавать Лисаневича и Засимуку.

Тем временем продолжалась подготовка к взрыву флота в случае попытки его захвата немцами. Побеседовав с британским морским атташе Ф. Кроми³, Троцкий решил, что необходимо подстраховаться — заплатить большие деньги тем людям, которые будут произво-

¹ Мишанов В.Г. Дело минной дивизии // Андреевский флаг. Межрегиональный морской информационно-исторический вестник. 1992. № 2. С. 7.

² Шошников Е.Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 86.

³ Там же. С. 128.

дить взрыв. Причем деньги должны быть заранее положены на счета подрывников. Эта идея была сообщена Щастному 21 мая и вызвала его неудовольствие. Получалось, что за выполнение этого спорного задания назначались «30 сребреников».

Щастный выступил на совете III съезда Балтфлота (12 человек) и хотел выступить на самом съезде, но его отговорили от этого. В дальнейшем у Щастного изъяли конспект, который он подготовил перед выступлением. Там нет ничего антисоветского: критикуется внешнеполитическое положение и состояние флота, есть призывы к возрождению дисциплины. Высказываются претензии к петроградскому руководству, из-за которого не удастся перебросить эсминцы на Ладогу. Самые рискованные фразы, к которым потом придирались следствие, были такими: «Офицеры не верят, после захвата наших земель, в способность Правительства отстаивать Россию»; «Сдерживать взаимные нападки (Луначарский, Раскольников). а. Осуждаю резкие выходы офицеров. б. Протестую против озлобления крайних парт[ий] ибо последствием будет повторение черноморских эксцессов и объявление флота немцами вне закона... Резолюция об аресте председателя Минной дивизии — не есть выход из положения, а подливает масла в огонь»; «Нужно найти большевистского адмирала»¹. Видно, что Щастный хотел отыграть назад конфликт с минерами, который болезненно ударил по престижу большевистских политиков, но, по мнению Щастного, мог быть разрешен без репрессий. Также Щастный ставил дилемму — или его посвящают в политику и доверяют ему как профессионалу, или «адмиралом» может быть коммунист, которому доверяют полностью, даже если он худший профессионал.

III съезд Балтфлота принял обращение к Троцкому с требованием флот пока не взрывать, сделать это только после боя и уж конечно не назначать за это наград. Таким образом, информация о сомнительном с этической точки зрения плане Троцкого утекла в матросские массы. 23 мая вопрос о взрыве обсуждался на совещании старых и новых комиссаров (на съезде произошло их переизбрание) с участием нового комиссара флота Флеровского, по итогам которого решили, что нужно еще раз обсудить вопрос о взрыве флота с Москвой².

Флеровский выступил против обсуждения на совете секретных вопросов. Характерно, что Щастный в это время продолжал считать своим комиссаром Блохина³, так как Флеровский ему еще официально не представился.

¹ Шонииков Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 308–310.

² Там же. С. 147–148.

³ Там же. С. 83, 94.

24 мая Троцкому и членам коллегии Наркомата по морским делам Саксу и Вахромееву пришлось объясняться с делегацией съезда. Троцкому пришлось придумывать объяснение своего неэтичного предложения заплатить взрывникам: надо же будет позаботиться о семьях героев-взрывников, если они погибнут¹. Почему взрывники должны обязательно погибнуть и почему нужно выплачивать большие компенсации семьям именно этих погибших? Троцкий просто выворачивался в этой неловкой ситуации, придумывая неправдоподобные версии. Судя по его попытке «перевести стрелки» на Щастного, он считал Наморси виновником ситуации, разгласившим идею с оплатой взрывов.

23 мая Щастный официально подал в отставку. 25 мая Троцкий отклонил это ходатайство и вызвал «адмирала» в Москву. Щастный составил для решающего разговора конспект «Мотивы ухода», где планировал высказать Троцкому ряд претензий — безграмотность и интриги советских руководителей (особенно Сакса), неэтичное отношение к флоту, в том числе — равнодушие к расстрелу белофиннами комиссара Б. Жемчужина 8 мая (хотя непонятно, как Троцкий мог бы его предотвратить), «превалирование политики над техникой». Щастный был недоволен тем, что нового комиссара назначили, даже не уведомив Наморси². Если Троцкий пойдет навстречу по этим вопросам — можно продолжить работу, если нет — пусть флотом командует технически безграмотный, но облеченным политическим доверием коммунист.

27 мая Щастный выступил с докладом перед Троцким и членами коллегии Наркомата по морским делам. В ходе доклада Троцкий стал перебивать Щастного, задавать ему вопросы, выдержанные в обвинительном ключе. Как рассказывал Щастный на процессе, «на заданный Троцким вопрос, признаю ли я Советскую власть, сказал, что раз я работаю при этой власти, то считаю вопрос излишним. Это Троцкого рассердило, и он ударил кулаком по столу. Я сказал: прошу разговаривать со мной в тонах более приличных, и в ответ на это Троцкий вызвал красноармейцев и арестовал обвиняемого»³.

Флеровский вспоминал об этом моменте, когда спокойный разговор перерос в конфликт. Это воспоминание известно в пересказе, возможно неточном, но оно показывает, что открытый конфликт начался с упреков Щастного. Возможно, он в соответствии со своим конспектом пошел в атаку на Троцкого и вывел его из себя: «Спер-

¹ Шошиников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 91.

² Там же. С. 324–326.

³ Там же. С. 177.

ва, — вспоминал Флеровский, — разговор происходил в спокойной деловой обстановке, но Щастный упрекнул Троцкого, что все заботы того о флоте по существу сводятся к потоку указаний о подготовке кораблей к уничтожению и о выделении денежных средств для лиц, согласившихся принять участие в этой акции. “Отдайте приказ об уничтожении, и мы, плача, его выполним, приказ ведь не обсуждается. Но я Вам со всей ответственностью заявляю, что на флоте не найдется ни одного уважающего себя человека, который позарился бы на эти наградные тридцать сребреников”.

Троцкий при этих словах Щастного передернулся, и, стуча кулаком по столу, стал обвинять его в измышлениях, касающихся Брестского договора, преднамеренном разглашении секретных сведений, нежелании проводить политику центральных властей. Щастный прервал Троцкого замечанием: “Как вы, народный комиссар, можете разговаривать со мной, наморси, в таком непозволительном тоне!?” Тут Троцкий, потеряв самообладание, воскликнул: “Я не только буду с вами разговаривать в таком тоне, но прикажу сейчас вас арестовать, предать суду Революционного трибунала и расстрелять за вашу контрреволюционную деятельность”. На что Щастный, тоже теряя выдержку, ответил: “Ну и черт с вами, стреляйте. Лучше умереть, чем иметь дело с вами!” Щастный тут же был арестован»¹.

Доклад перерос в допрос. Троцкий стал выяснять, каким образом информация утекла в «матросские массы». Щастный объяснял, что он счел нужным обсудить выполнение приказа с Советом съезда Балтфлота и комиссарами на секретном заседании, обсудил этот вопрос с Советом комиссаров и Советом флагманов. Троцкий настаивал, что Щастный информировал эти Советы для того, чтобы не выполнять приказ, а Щастный — чтобы обсудить практический план выполнения приказа. Троцкий доказывал, что в своих докладах Щастный выступал с политическими заявлениями, а Щастный — что только с техническими. Разница была принципиальной.

В чем только Троцкий не упрекал Щастного — и в дискредитации матросов, и в несанкционированном взрыве форта Ино, и в других прегрешениях, которые Щастный опровергал даже с некоторым удивлением — почему эти обвинения предъявляются ему, а не самому Троцкому и другим коммунистическим начальникам².

Это был набросок обвинительной речи Троцкого на будущем процессе Щастного. Официально Щастный был снят с должности за преступления по должности, паникерство, двойную игру, контррево-

¹ Четверухин Г. Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 11. С. 94.

² Стенограмму этой встречи см.: Шошников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 92–108.

люционные действия и реакционные цели. Следствие по делу Щастного было поручено эстонскому коммунисту, члену ВЦИК В. Кингисеппу. Он вел следствие в заведомо обвинительном ключе, согласуя свои действия с президиумом ВЦИК.

Моряки начали митинговать и посылать делегации, чтобы выяснить, почему на самом деле арестован Щастный. Троцкий, Сакс, Флеровский, коммунистические агитаторы не только обвиняли Щастного, но и успокаивали матросов — будет суд, он разберется. Но даже Дыбенко (сам недавно оправданный трибуналом, но, видимо, ощутивший субъективность разбирательства) предлагал освободить Щастного и доставить в Кронштадт, чтобы объективно разобраться. Собрание Балтфлота с участием Совета комиссаров проголосовало за то, чтобы до суда взять Щастного на поруки¹. В Москве моряки толпились у тюрьмы, желая чем-то помочь Щастному.

Наиболее опасным очагом флотских волнений оставалась Минная дивизия у Обуховского завода. Следствие искало связь между Щастным и минными бунтарями. Она была довольно опосредованной. Щастный сообщил о приказе Троцкого взорвать флот и заплатить за это деньги на Совете комиссаров, который был собран для обсуждения вопроса с комиссаром флота Блохиным. Вроде бы комиссар эсминца «Капитан Изыльметьев» Е. Дужек сообщил об этом своему личному составу. Дужек, впрочем, напоминал следствию, что сам факт подготовки к взрыву флота был широко известен, ничего нового Дужек морякам не сообщил. Возможно, информацию о «30 сребрениках» матросам дивизии сообщил комиссар Гржибовский².

В любом случае обвинение Щастного в разглашении секретной информации было надуманным — в тех условиях он не смог бы подготовить взрыв флота без командиров и комиссаров — не мог же он лично таскать взрывчатку и всю ее подорвать своими руками. Щастный должен был обсудить подготовку к взрыву с командным составом и комиссарами, как же иначе. Понятно, что во время такого обсуждения идея «30 сребреников» за уничтожение флота вызывала эмоциональную реакцию. Но в матросские массы эти сведения самим Щастным не сообщались.

В обвинениях, предъявленных Щастному, было много откровенных придинок — обвинители брали не качеством, а количеством. Щастный обсуждал вопрос о взрыве флота со старым составом Совета комиссаров, который в это время должен был переизбираться, он сразу не признал полномочий нового комиссара Флеровского, кото-

¹ Шошиников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 116.

² Там же. С. 132, 137.

рый только что явился и официально не представился, он не уволил немедленно Лисаневича и Засимуку, а ждал приказа вышестоящих инстанций (но увольнение действительно было прерогативой коллегии наркомата). У Щастного хранились антисоветские фальшивки о том, что Совнарком действует по указке Германии. Но Щастный обсуждал с Блохиным, как бороться с распространением этой дезинформации.

Давая объяснения Кингисеппу, Троцкий обмолвился, что стал подозревать Щастного еще в конце апреля, когда тот не поддержал идею прямых переговоров с германским командованием на Балтике об установлении демаркационной линии (но и не отказался это делать): «У меня тогда же сложилось впечатление, что Щастный как бы относится враждебно ко всему, что может внести определенность положения флота»¹. Исходя из этого впечатления, Троцкий дальше оценивал информацию о действиях Щастного.

Кингисепп строил свое обвинительное заключение на смешении тяжких, но абстрактных обвинений в контрреволюционной пропаганде и стремлении захватить власть, со множеством конкретных, но совсем нетяжких нарушений субординации и случаев нерасторопности. Первое было недоказуемо, так как контрреволюционной и вообще явной политической агитации Щастный не вел — его можно было только подозревать в намерениях. Второе было очень спорно. Практика управления флотом, сложившаяся к маю, не совпадала с временным положением об управлении флотом, принятым Совнаркомом и опубликованным 29 апреля. Щастный его откровенно не нарушал, но оно и само было довольно общим. Кингисепп не указал, какие конкретно его положения Щастный нарушил. Он одновременно обвинялся и в злоупотреблении полномочиями, и, напротив, в том, что предпочитал принимать решения в коллегиальных совещательных органах, чтобы снимать с себя ответственность. Но на то и совещательные органы, чтобы с ними совещаться. В качестве примера контрреволюционной агитации Щастного Кингисепп не нашел ничего лучше, как эпизод, когда Щастный показал Блохину контрреволюционные бумаги, обсуждая с ним, как бороться с распространением фальшивок². По версии Кингисеппа, Щастный искусственно возбуждал недовольство в матросах путем разглашения секретных телеграмм, чтобы с помощью специально задержанной в Петрограде Минной дивизии совершить в городе переворот и свергнуть Петроградскую коммуны³.

¹ Шошников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 124.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 164–165.

Версия следствия была столь шаткой, что нужно было обеспечить монолитность трибунала — 19 июня из его состава вывели левых эсеров, заменив их двумя большевиками.

Подготовка процесса проходила на фоне острого политического кризиса. Одновременно с арестом Щастного произошло выступление Чехословацкого корпуса. 18 июня начались выборы в Петросовет, сопровождавшиеся ожесточенной полемикой между большевиками и социалистами, волнениями на заводах, особенно на Обуховском, недалеко от которого стояла непокорная Минная дивизия. 16 июня эсинец «Капитан Изильметьев» демонстративно встал рядом с корпусами завода. 17 июня собрание рабочих Обуховского завода приняло обращение к собранию уполномоченных и матросам Минной дивизии, в котором требовалось «принять меры воздействия на враждебную нам власть упрямую, заставив прекратить гражданские войны, дать свободу закупок продуктов и подвоза их, демократическим организациям и кооперативам организовать власть временную и созыв Учредительного собрания». В собрании приняли участие матросы. Петроградские власти опасались крупной демонстрации протеста против низких пайков¹. 20 июня террористом был убит видный петроградский большевик Володарский.

Расправа над Щастным происходила в контексте конфликта вокруг Черноморского флота. Еще 6 апреля был арестован комиссар Черноморского флота левый эсер В. Спиро. Убедительных доказательств его неповиновения не было, и Спиро был выпущен до суда, после чего не стал искушать судьбу, бежал за рубеж и 22 июня объявился в Дании. Характерно, что бегство произошло как раз накануне расстрела Щастного. В июне был арестован и командующий Черноморским флотом М. Саблин, пытавшийся возражать против его затопления. 18 июня после острой полемики была потоплена часть Черноморского флота, а другая ушла к немцам.

20–21 июня проходили заседания Революционного трибунала РСФСР по делу А. Щастного. Председательствовал на процесс С. Медведев. Обвинителем был Н. Крыленко, адвокатом — В. Жданов, до революции защищавший революционеров, в том числе А. Галкина, который теперь заседал в ревтрибунале.

Жданов огласил просьбу о вызове свидетелей, которые могли бы прояснить ряд пунктов обвинения. Обвинитель выступил против этого — эта традиция, к слову сказать, действует до сих пор. Морские руководители не хотели ехать на это неприятное дело, где либо

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. С. 332–333.

придется перечить Троцкому, либо подпевать ему с риском подвергнуться допросу адвоката, который мог разрушить обвинительные версии. Люди, которые симпатизировали Щастному, вроде Блохина, сами были под угрозой ареста и не решились защищать тонущего капитана. Более того, трибунал отказал в оглашении данных следствию относительно благоприятных для Щастного показаний Дужека, Блохина, Альтфатера и Раскольников. Так что главным свидетелем оказался и главный обвинитель — Троцкий. Щастный и Жданов еще раз подробно опровергли аргументы его с Кингисеппом версии. В последнем слове Щастный говорил о том, почему решился возглавить флот: «Я вместе с Эссеном работал над строительством флота и не мог в такой момент бросить его»¹. Упоминание в этом контексте царского адмирала Эссена как высшего авторитета — это своего рода политическая манифестация и кредо: профессионалы служат России, а не политическим режимам.

Решение трибунала мотивировалось политическими причинами, а не аргументами, высказанными в заседании. Приговор был выдержан в более категоричных и идеологических тонах, чем даже обвинительное заключение Кингисеппа. Судьи уже не обращали внимания на мелкие административные огрехи в деятельности Щастного, а прямо обвинили его в контрреволюционной агитации, подготовке переворота и постановили расстрелять².

Спасти Щастного все еще пытался адвокат Жданов, обратившийся в президиум ВЦИК с прошением, в котором возмущенно писал о том, насколько приговор не соответствует материалам дела: «Такой приговор не есть оправданный приговор, такой суд — это не суд... Весь приговор основан не на фактах, а на умозаключениях, догадках и чтении на сердце Щастного. Те же лица, которые знали обстоятельства дела, могли выяснить истинную причину этих фактов, трибуналом допрошены не были»³.

За Щастного заступились левые эсеры, в том числе члены ВЦИК — для них это дело стало одним из важнейших пунктов нападения на большевиков.

22 июня Щастный был расстрелян.

Только после этого началось подавление вышедшей из повиновения Минной дивизии. Отряд в 500 матросов захватил эсминiec «Капитан Изыльметьев». Лисаневичу, Засимукe и Дужеку удалось бежать. В даль-

¹ Шошиников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 377.

² Приговор см.: Шошиников Е. Н. Наморси Щастный (Трагическая биография в событиях, фактах и комментариях). С. 181–183.

³ Там же. С. 185.

нейшем Лисаневич служил на флоте у белых на севере, эмигрировать не стал и работал изобретателем в СССР. Побег дал ему еще 20 лет жизни.

Эсминцы «Изяслав», «Свобода» и «Гавриил» отошли выше по Неве, но были блокированы кораблями и бронепоездом. Деваться было некуда, бунтовщики сдались. 13 участников выступления были приговорены к принудительным работам, но вскоре освобождены по амнистии. 26 июня Обуховский завод был закрыт.

Расстрел Щастного, мотивы которого были загадочны, нанес значительный удар по престижу Советской власти. Ведь главное, что было известно о Щастном — что он спас флот от захвата немцами. Получалось, что большевики, как немецкие агенты, расстреляли его именно за этот подвиг. Документы рисуют другую картину и другие мотивы.

Щастный был арестован, так как в это время Троцкий и коммунистическое руководство в целом самоутверждалось в своих отношениях с военными. Коммунисты не только опасались контрреволюционных заговоров, но и боялись, что революция, подобно французской, закончится Наполеоном. Военные должны были привыкнуть беспрекословно и не рассуждая подчиняться политикам. Но бывшие офицеры считали, что политики, ничего не понимая в военном деле, не должны лезть в чисто профессиональные вопросы (в дальнейшем окажется, что политики иногда могли принимать решения лучше, чем военные старой школы — так как военная ситуация была непривычной, непохожей на Первую мировую войну). Щастный был не вполне лоялен, и в обычной ситуации эта проблема легко решалась бы его отставкой. Но ситуация была необычная, и отставной Щастный становился гонимым и оттого еще более популярным. А у него был важный компромат на Троцкого — неуклюжая попытка дорого оплатить работу по взрыву флота. Эта карта «30 сребреников» могла быть эффективно разыграна и представить Троцкого как аморального политика в глазах моряков, для которых флот был самоценен.

Щастный показал себя человеком, который умел ладить с моряками и манипулировать их настроениями. Он, таким образом, объективно вступил на поле политики (в революционной обстановке руководить иначе было практически невозможно). С такими навыками и потенциалом Щастный должен был либо быть коммунистом, либо воспринимался коммунистами как опасный конкурент. Неизвестно, собирался ли Щастный в случае своей отставки предпринимать оппозиционные действия, но если бы предпринял — получил бы несомненный массовый отклик. В этот момент ситуация во флоте и вокруг него была крайне напряженной — и в связи с волнениями Минной дивизии, и по причине их связи с рабочими волнениями в Петрограде, и из-за серьезного конфликта вокруг потопления Черноморского флота. К последнему Щаст-

ный не имел отношения, но в случае его политического выступления два очага волнений могли объединиться при его лидерстве.

В ходе расследования дела Щастного большевистские подозрения в его адрес не получили доказательного подтверждения. Это не значит, что он был лоялен коммунистам, скорее всего — следил за ситуацией и рассчитывал быть полезным флоту и России независимо от того, удержатся ли большевики у власти. Но он не принимал никаких шагов к их свержению. Когда выяснилось, что убедительных доказательств вины Щастного нет, коммунистическое руководство оказалось в безвыходной ситуации. Возвращать его на службу было нельзя — после всего произошедшего он очевидно испытывал к Троцкому крайнюю неприязнь. Но и освободить как из тюрьмы, так и от службы Щастного было нельзя — в этом случае он превращался в популярную и неконтролируемую политическую фигуру. К тому же он был носителем тайн, способный дать катастрофическую для Троцкого интерпретацию событий, которые привели к аресту капитана. Щастного нельзя было направить на службу вдали от Москвы и Петрограда — очевидно, что в условиях кольца фронтов он получил бы возможность перейти к противнику, к которому не испытывал такой же враждебности, как к немцам (именно так поступил бывший командующий Черноморским флотом Саблин). Щастного нельзя было держать в тюрьме — матросы и левые эсеры, которые были еще достаточно сильны, требовали бы его освобождения. Раз доказательств вины не нашлось, большевистские вожди загнали себя с Щастным в тупик, из которого нашли только один выход — убийство, оформленное как судебный процесс. Суд — сложная процедура, и вряд ли матросские массы будут разбираться в ее деталях.

Аргументы политической конъюнктуры оказались весомее человеческой жизни, справедливости, доказательности, «социалистической» и прочей законности. Троцкий в деле Щастного формировал принципы репрессий, которые через два десятилетия приведут на плаху тысячи его партийных товарищей. Только, в отличие от некоторых коммунистических вождей, Щастный на процессе не признавал вины и не унижался.

Семейное дело

В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге по решению руководства Уральского областного Совета были расстреляны последний император России Николай II, императрица Александра Федоровна, наследник Алексей, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а так-

же их приближенные — врач Е. Боткин, повар И. Харитонов, камердинер А. Трупп, служанка А. Демидова.

Для адептов Российской империи гибель царской семьи — «без сомнения, самое тяжкое преступление новейшего времени»¹. Не нацистский геноцид, не убийства сотен тысяч людей в 1937–1938 гг. И уж конечно не гибель тысяч людей, казненных красными и белыми летом–осенью 1918 г. Это же в большинстве случаев смерть простолюдинов. А тут пролилась наидрагоценнейшая голубая кровь Романовых, перед которой благоговеет холопское сердце.

Западные бойцы идеологического фронта тоже не прочь были поставить убийство экс-императора и его близких на одно из центральных мест в истории: «Цареубийство стало первым шагом человечества на пути сознательного геноцида»², — утверждал маститый американский русовед Р. Пайпс. Первым шагом, Ричард! Р. Пайпс очевидно слышал, что за три года до этого был геноцид армян в Османской империи. Но что значат эти сотни тысяч армянских жизней для человека столь правых взглядов, как у Пайпса, если речь идет об убийстве коммунистами коронованных особ? Сотни тысяч на его весах истории мало весят.

Самим Романовым санкционировать убийства себе подобных не возбраняется — вспомним Петра III, Иоанна VI и Павла I. Не говоря о тысячах подданных, казненных в период правления Романовых. Но тут на монаршие головы подняли руку люди без знатного происхождения. Это ли не геноцид?

Фиксируя свое внимание на убийстве царской семьи, воспринимая это событие как беспрецедентное, наши современники мотивированы скорее своим отношением к «России, которую мы потеряли», чем гуманистическим неприятием жестокости и убийства безоружных людей. Их не впечатляет, например, судьба красноармейца И. Кулакова, которого за неделю до гибели Романовых казаки под Орском сожгли в дегтекурной яме³, или Лебедевой, Марковского и Печерского, расстрелянных в Красноярске через десять дней после екатеринбургской трагедии⁴.

* * *

С 19 августа 1917 г. Николай II с семьей по решению Временного правительства находился в Тобольске.

¹ Мультатули П.В. Император Николай II. Мученик. М., 2018. С. 496.

² Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 478.

³ Ратковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды. С. 110.

⁴ Цветков В.Ж. Адмирал Колчак. С. 296–297.

Судьба Николая II интересовала и российских политиков, и западных дипломатов. Оказавшись на свободе, он мог превратиться в политический фактор. В эмиграции вокруг него могли объединиться легитимисты, вес которых после этого может вырасти и в белом движении. Государства Антанты могли признать Николая II или Алексея законными представителями российской власти. Окажись Николай на их территории, это стало бы проблемой для Германии. В свою очередь, монархизм германского руководства требовал хотя бы внешней заботы о безопасности «Ники» и его семьи. В 1921 г. германский консул В. Бартельс, желая оправдать Вильгельма II в глазах бывшего следователя Н. Соколова, рассказывал ему, что германский кайзер вел переговоры об освобождении Николая с испанским королем, а Мирбах требовал от большевиков освобождения царя. На что Ленин согласился, а «еврейская партия» во главе со Свердловым — нет. Опираясь на это шаткое свидетельство, распространявшиеся тогда слухи и обещание Мирбаха монархистам потребовать у большевиков «улучшения положения» царской семьи (которое тогда и так было вполне приличным), апологетический биограф Николая II П. Мультатули делает неожиданный вывод: «Таким образом, можно считать практически установленным, что высшие власти кайзеровской Германии отдали тайный приказ большевикам вывезти царскую семью из Тобольска в контролируемую ими территорию и, по всей вероятности, через Москву»¹. Понятно, что у столь истового монархиста, как П.В. Мультатули, не возникает сомнений по поводу права Вильгельма II отдавать приказы Ленину. Однако даже для того, чтобы считать соглашение о выдаче Николая Германии или еще чего-то «практически установленным», нужно позаботиться хотя бы о каких-то доказательствах в документальных источниках. П.В. Мультатули счел поиск этих доказательств излишним. И так же все ясно. Раз Мирбах обещал члену «Правого центра» «потребовать улучшения условий», значит Вильгельм отдал Ленину приказ.

Германские дипломаты действительно интересовались судьбой Романовых с информационными целями, но ответы советских руководителей были не самыми любезными. Представитель Верховного командования в германском посольстве К. фон Ботмер писал в дневнике 19 июля: «Грубость и жестокость характеризует ответ Троцкого примерно две недели назад на заданный одним из нас вопрос, насколько соответствуют действительности слухи об убийстве царя: “Я не знаю, и это меня совсем не интересует. Меня, действи-

¹ Мультатули П.В. Император Николай II. Мученик. С. 435, 438.

тельно, не может интересоваться жизнь каждого отдельного русского гражданина”¹.

Разумеется, никаких документальных свидетельств ни требований Мирбаха, ни согласия на них Ленина не обнаружено не только в российских архивах (где, по мнению конспирологов, все они уничтожены), но и в германских. Из всего этого вороха слухов реалистично выглядит согласие испанского двора принять Николая II, если его вышлют из России, и готовность большевиков в принципе обменять Николая II на что-нибудь полезное, если Германия или Антанта проявят интерес к такому «товару». Но нет доказательств, что кто-то захотел по этому поводу торговаться.

У Вильгельма не было заинтересованности в возрождении влияния его врага по мировому конфликту, который мог оспорить легитимность Брестского мира. Монархи Антанты были бы в принципе по-человечески довольны, если бы «Ники» осел в Испании в безопасности, но публично не могли за это бороться по двум причинам: монархизм был не в моде, и усилия по освобождению Романовых могли создать внутривнутриполитические проблемы; переговоры с большевиками официально не признавались, а отношения Антанты и Советской России летом 1918 г. стремительно ухудшались.

Весной ситуация еще оставалась не очень ясной — а вдруг империалистам бывший царь за чем-нибудь понадобится. Немцы вяло заступаются за экс-императора. Может быть, получится его выменять на что-нибудь. Если нет — можно использовать суд над Николаем Романовым в качестве важного пропагандистского мероприятия, открывающего дорогу казням по приговору ревтрибунала (уж куда лучше кандидатура для этого, чем капитан Щастный). В условиях предстоящего решения судьбы Николая его нужно было держать «под рукой», а не в далеком Тобольске. 1 апреля бывшего императора решили перевезти в Москву², но затем рассудили, что это довольно опасно — в столице все-таки могло быть (и было) относительно многочисленное подполье. В случае немецкого наступления (которое в это время считалось весьма вероятным) Москва могла пасть. Нужен был город поспокойнее, где-то в тылу. Как мы видели, самым надежным местом Советской республики Ленин считал Урал. Поэтому пункт назначения путешествия Романовых был изменен на Екатеринбург.

Характерно, что назначенному перевозить Николая В. Яковлеву было совершенно все равно, кто из близких его будет сопровождать³. Это признают и конспирологи, которые считают, что пославший

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 556.

² *Мультатули П.В.* Император Николай II. Мученик. С. 439.

³ Там же. С. 444.

Яковлева Свердлов планировал ритуальное уничтожение всей семьи. Между тем большевики преспокойно оставили в Тобольске Алексея, который не мог перемещаться по болезни, и его сестер, которые приехали в Екатеринбург только 23 мая.

Однако выяснилось, что уральские большевики, вполне лояльные Советской власти, не склонны смиренно выполнять указания центра по поводу «Николая Кровавого», с которым связывали и многочисленные беды России, и перспективу реставрации со всеми вытекающими для революционеров последствиями. Председатель Уралсовета А. Белобородов вспоминал: «Мы считали, что, пожалуй, нет даже надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что если представятся благоприятные условия во время его перевода, он должен быть расстрелян в дороге. Такой наказ имел (командир екатеринбургского отряда) Заславский...»¹ Характерно, что, давая такое указание Заславскому, Белобородов предоставлял шанс выжить Алексею, который в это время оставался в Тобольске.

Сопровождавший Николая уполномоченный ВЦИК В. Яковлев с миссией Заславского был категорически не согласен — убийство Николая в пути было бы срывом важного задания центра. Эти противоречия привели к тому, что группа Заславского была готова устроить крушение поезда с царем, Яковлевым и красноармейцами².

Пообщавшись с екатеринбуржцами, которые должны были помочь ему конвоировать Николая, Яковлев заподозрил неладное и предпринял дополнительные усилия, чтобы выполнить свою миссию — сохранить Николая живым. Прибыв в Тюмень, Яковлев связался со Свердловым и поделился с ним своими опасениями. Тогда Свердлов санкционировал изменение маршрута — пока Романова и сопровождавших его лиц следовало отвезти в Омск, а там видно будет. То есть Свердлов также стремился сохранить Николая живым, пока не решено иное.

Когда поезд отправился в Омск, удаляясь от Москвы, уральские большевики страшно возмутились. Сначала они решили, что важный «груз» у них похищен, затем поняли, что им было выказано недоверие центра. В обстановке широкой автономии Советов, которая весной 1918 г. еще не была преодолена, у Свердлова и Яковлева были все основания опасаться, что уральские большевики могут поступить с Николаем по своему усмотрению. Такого самоуправства Свердлов допустить не мог. Укрыв Николая в Омске, он уже строго поговорил

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. М., 1998. С. 27.

² Там же. С. 28.

с Екатеринбург, объяснил Белобородову и Голощекину, кто в этой ситуации главный. И уже потом сообщил Яковлеву, что вопрос улажен: «С уральцами сговорились — приняли меры, дали гарантии»¹. Можно было везти Романова в Екатеринбург. 30 апреля Николай Романов и сопровождавшие его лица прибыли в Екатеринбург и были помещены в дом Ипатьева (Дом особого назначения).

Была ли в Екатеринбурге реальная возможность освобождения Николая Романова и его семьи силами монархистов? В 1990-е гг. следствие по делу о гибели царской семьи пришло к выводу, что «спекулируя на чувствах кругов, близких к царю, “заговорщики” (зять Г.Е. Распутина Б. Соловьев, священник Васильев и другие) присвоили себе большие суммы денег и драгоценности царской семьи, не делая никаких попыток для спасения»².

Однако в Екатеринбурге существовала небольшая офицерская организация, которая подумывала об освобождении царя. Ее члены Д. Малиновский и Г. Ярцов, рассказывая о своей деятельности, очень жаловались на отсутствие денег. Им удалось создать группу в 12 человек, установить контакт с врачом Деревянко, от которого они узнали, что творится в доме. Также была установлена связь с монастырем, из которого семья получала продукты³. Это был важный источник информации. 16 июля красноармеец сказал монахиням, что завтра продукты не понадобятся, и они передали эту информацию Малиновскому⁴. Это могло значить, что семью перевозят в другое место. У заговорщиков не было сил, чтобы штурмовать Ипатьевский дом. А вот напасть на охрану при перевозке при несколько большей решимости они могли. Это значит, что некоторая вероятность попытки освобождения была. А если бы этим монархистам попали денежные средства, собиравшиеся «на освобождение», то они могли бы создать отряд побольше.

Чекисты, не обнаружив заговорщиков, в свою очередь пытались организовать провокацию, чтобы получить компромат на Романовых. Чекист И. Родзинский с помощью П. Войкова написал на французском языке письма от имени офицера-монархиста с предложением организовать побег. Романовы ответили, что ждут возвращения «двух наших людей молодых и мощных» (имеются в виду арестован-

¹ Алексеев В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале.) Екатеринбург, 1993. С. 60–67.

² Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 27.

³ Буранов А.Ю., Хрусталева В.М. Хронология Екатеринбургского убийства и методика дезинформации // Тайны Копытковой дороги. М., 1998. С. 61–64.

⁴ Там же. С. 62.

ные 28 мая и затем расстрелянные И. Седнев и К. Нагорный, сопровождавшие Романовых в Тобольске). В ответ на новое предложение с планом побега Романовы ответили: «Мы не хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой, так как сила нас привела в Тобольск». Пока все хорошо, но «вы сможете всегда прийти нас спасти в случае опасности неизбежной и реальной»¹. Осторожный ответ. В случае провокации Романовых нельзя определенно обвинить в пособничестве похитителям. Но они не против, если их попытаются освободить в случае опасности или «похитят силой».

4 июня Наркомат юстиции направил в распоряжение Совнаркома следователя Багрова для подготовки процесса над Николаем Романовым². Это произошло накануне восстановления смертной казни по суду 13 июня. Спешить с процессом последнего императора не стали, чтобы не шокировать немцев. Для процесса нужен был соответствующий момент.

Но после убийства Мирбаха, когда «торговля» с немцами вступила в решающую фазу и Ленин был готов идти на большие уступки, чтобы предотвратить войну, стало ясно, что Германия не стремится к вызволению Романовых (если бы было иначе — в первой половине июля они легко могли добиться их освобождения или твердых гарантий безопасности). Но в критические для советско-германских отношений дни после убийства Мирбаха Николай Романов совершенно не интересуется Москву, о нем забывают. Раз немцам он оказался не интересен, Николаю Романову оставалась одна дорога — к смерти. Советское руководство не меняло официальной позиции — Николая Романова ждет суд. Но в эти июльские дни было совсем не до него — нужно было ликвидировать последствия левозэсеровского выступления, отбиваться от вторжения Антанты и чехословацко-комучевского наступления. Восстание полыхнуло в Ярославле. Екатеринбург интересовал Москву прежде всего как точка на военной карте. И к этой точке приближался фронт. Все это развязало руки уральским большевикам.

Обстановка на Урале в июле была противоречивой, красный террор как таковой еще не начался, но Романовы были вождленным объектом самосудов местных экстремистов. В ночь с 12 на 13 июня был похищен и убит Михаил Александрович Романов и его секретарь. Но эта акция произошла без официального решения властей. А 4 июля из тюрьмы был выпущен князь Г. Львов, бывший председатель Временного правительства. Это помогло ему спастись.

¹ Буранов А. Ю., Хрусталева В. М. Хронология Екатеринбургского убийства и методика дезинформации. С. 67–71.

² Там же. С. 74.

У большевистских деятелей Урала появилась возможность совершить акт исторического масштаба, деяние, которым они будут гордиться всю оставшуюся жизнь — поставить точку в истории правящей династии Романовых.

16 июля президиум Уралсовета принял решение о казни Николая Романова. В состав президиума тогда входили председатель Совета А. Белобородов, его заместитель Б. Дидковский, военный комиссар и комиссар юстиции И. Голощекин, а также Г. Сафаров и Н. Толмачев. Известно, решили ли они убить также членов семьи и слуг, или это было решение лично Голощекина — такой приказ он отдал коменданту Дома особого назначения Я. Юровскому — члену коллегии областной ЧК.

Участник расправы М. Медведев вспоминал, что решение было принято на заседании Совета (очевидно, его исполкома или президиума) «в неполном составе», где он помнит Белобородова, Сафарова, Голощекина, комиссара снабжения П. Войкова и членов коллегии ЧК Ф. Лукоянова, В. Горина, И. Родзинского и Я. Юровского. Это — уже расширенное совещание президиума или исполкома (Войков, будучи комиссаром Уралсовета, не входил в президиум) с чекистами. Голощекин подтвердил, что ему не удалось получить санкцию Ленина и Свердлова на расстрел, хотя Свердлов якобы сочувствовал аргументам Голощекина, но все равно отказался дать санкцию¹. Однако решение все равно принято. Дискуссии не велись. Похоже, чекистов и возможно Войкова вызывали, как и Медведева, когда решение уже было принято — для обсуждения деталей исполнения приговора. Но Медведев все же утверждает, что этот состав совещания принял решение о расстреле. В любом случае, в принятии самого решения участвовали Белобородов, Голощекин и Сафаров как большинство президиума. Роль остальных могла быть исполнительной и совещательной.

Поскольку Голощекин не заручился санкцией Москвы, уральские лидеры решили подстраховаться и отправили Ленину и Свердлову телеграмму: «Условленного с Филиповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны сейчас же вне всякой очереди сообщить»². То ли в этот момент не было связи с Москвой, то ли (что скорее) уральцы сделали вид, что связь нарушена — но они отправили телеграмму через Петроград, через Зиновьева. Пока телеграмма дошла до Москвы, все уже было кончено. Смысл телеграммы понятен: с Фи-

¹ Из воспоминаний участника расстрела царской семьи М.А. Медведева (Кудрина) // Убийство царской семьи. Материалы следствий. <http://gold-word2008.narod.ru/Memuari4.html>

² *Мультипли* П.В. Император Николай II. Мученик. С. 508.

липовым (Голощекиным) договорились о том, что над Николаем будет суд. Но военные обстоятельства таковы, что вывезти Романова в Москву слишком рискованно — могут отбить по дороге. Так что вопрос приходится решать на месте.

16 июля из дома был уведен племянник И. Седнева, служивший при кухне мальчик А. Седнев — он не должен был стать жертвой и свидетелем расстрела. Этот мальчик не имел прав на престол, как Алексей, и не был сознательным монархистом, как взрослые спутники Романовых.

Трагические события 16–19 июля подробно описаны его участниками в воспоминаниях, которые были оставлены «для истории», а не для публикации при жизни мемуаристов. В 1920 г. партийный историк М. Покровский сделал краткую запись воспоминаний Юровского. В 1922 г. Юровский подготовил более подробные воспоминания. Они были отпечатаны на машинке, и Юровский сделал правку от руки по тексту. В 1934 г. Уральский истпарт собрал участников расстрела и устроил вечер воспоминаний, который был застенографирован. Воспоминания оставил П. Ермаков. М. Медведев (Кудрин) в старости перед смертью в 1963 г. оставил воспоминания, адресованные Хрущеву, которые передал А. Ильичеву. Сохранились более фрагментарные воспоминания других свидетелей. Несколько участников событий были пойманы и допрошены белыми. Воспоминания о захоронении трупов оставили также участник и этой операции, которые не участвовали в расстреле¹. Между свидетельствами есть небольшие разночтения, которые говорят в пользу их подлинности — это впечатления разных людей, которые вспоминали о событиях разное время спустя. Серьезно отличается от остальных картина, нарисованная Ермаковым. Г. Никулин, мемуары которого в основном соответствуют воспоминаниям Юровского и Медведева, осуждает Ермакова за бахвальство и стремление приписать себе весь успех дела². Не будет учитываться здесь рассказ Г. Беседовского о том, что ему якобы рассказывал П. Войков. Беседовский вообще был склонен к мистификациям, и присутствие Войкова при расстреле другими источниками не подтверждается.

Один из солдат, которого допрашивал колчаковский следователь Н. Соколов, утверждал, что на месте расстрела был Белобородов³, но другие свидетели и сам Белобородов это не подтверждают.

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 38–39; *Соловьев В.* Тайны Коптяковской дороги. М., 2010. С. 41–50.

² Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. С. 199.

³ Там же. С. 209.

Вспоминая о подготовке расстрела, Юровский сетовал: «Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в $1\frac{1}{2}$ второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем, были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек (в т. ч. 6 латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц»¹. Под латышами могли подразумеваться и представители других народов, говорившие по-русски с акцентом, например, венгры. Версия Медведева в основном соответствует рассказу Юровского с небольшими отличиями (отказалось трое латышей). В расстреле участвовали семь латышей, Юровский, Ермаков, Никулин, П. Медведев и М. Медведев. Ермаков взял аж три пистолета и засунул их за пояс. «Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид»². Затем веселые ребята пошли на дело.

Романовых разбудили и сказали, что нужно спуститься в нижнюю комнату (дом стоял на пригорке), так как на Екатеринбург наступают враги. Через полчаса они спустились в нижнюю комнату дома, которая уже была освобождена от мебели. Рассказывает М. Медведев: «Юровский уходит в царские покои, затем возвращается — следом за ним гуськом идут: Николай II (он несет на руках Алексея; у мальчика несвертывание крови, он ушиб где-то ногу и не может пока ходить сам); за царем идут, шурша юбками, затянутая в корсет царица, следом четыре дочери (из них в лицо я знаю только младшую полненькую Анастасию и — постарше — Татьяну, которую по кинжальному плану Юровского поручали мне, пока я не выпорил себе от Ермакова самого царя)³, за девушками идут мужчины: доктор Боткин, повар, лакей, несет белые подушки высокая горничная царицы, на лестничной площадке стоит чучело медведицы с двумя медвежатами. Почему-то все крестятся, проходя мимо чучела, перед спуском вниз»⁴.

Вошли в комнату. Александра Федоровна удивилась, что даже стульев нет. Внесли два стула. На один посадили Алексея, на другой села Александра Федоровна. В других воспоминаниях фигури-

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 193. За автомобиль отвечал Ермаков, и Юровский был раздражен опозданием, после этого решил контролировать всю операцию, включая сокрытие тел (С. 213).

² Там же. С. 196.

³ Юровский и Ермаков в своих воспоминаниях с этим не соглашались. Вероятно, Медведев рассчитывал, что в 1963 г. его некому будет опровергнуть. Но характерно, что и он, и другие участники расправы, хотели стрелять именно в царя, что скажется на ходе самого расстрела.

⁴ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 196–197.

рует один стул, на котором сидит Алексей, или три стула. Разница не принципиальная, но эпизод со стульями запомнили разные мемуаристы. Остальные узники стояли. Красноармеец А. Сухоруков вспомнил, что Юровский вежливо расставил их в два ряда, впереди Романовы, а сзади слуги¹. Палачи тоже стояли в два ряда, не помещаясь в комнате.

Юровский, именовавший себя в третьем лице «ком.» (комендант), продолжает: «Когда вошла команда, ком. сказал Р-м, что ввиду того, что их родственники продолжают наступление на советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом “что? что?” Ком. наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее»².

Медведев много лет спустя вложил в уста Юровского более пафосную речь, завершавшуюся словами «На нас возложена миссия покончить с домом Романовых!»³ Если даже Юровский не закончил речь этими словами, они соответствовали настроениям цареубийц.

Началась пальба. При этом Юровский и Ермаков утверждали, что именно они убили Николая, а Медведев был готов разделить эту «честь» с другими участниками, «скромно» приписав себе первую пулю, выпущенную в последнего императора. Вероятно, сразу несколько стрелков, вопреки указанию Юровского, решили «войти в историю», убив бывшего императора. По словам Медведева, он был изрешечен пулями⁴. В результате некоторые другие «менее интересные» жертвы сначала не были убиты. «Дрогнула рука» и у тех, кто стрелял в подростка Алексея — он тоже после первого шквала огня был только ранен. По воспоминаниям Юровского, в живых оставались также Боткин и три княжны: «Это удивило ком-та, т. к. целили прямо в сердце, удивительно было и то, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа»⁵. Причина этих чудес заключалась в том, что на княжнах

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи (С. 201). Ермаков, противореча всем остальным свидетелям, утверждает, что стульев было много и всех жертв рассадил вдоль стены (С. 205).

² Там же. С. 193–194.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 194

были корсеты, в которые были зашиты бриллианты и другие драгоценности, которые сыграли роль «защитных панцирей»¹.

Описание этой сцены в воспоминаниях Юровского 1934 г. отличается небольшим деталями (например, что Николай стоял, загораживая Алексея, и не успел повернуться к палачам до выстрела). Он назвал выжившими после первого залпа также Александру Федоровну и фрейлину Демидову. Юровский добавил, что сам пристрелил Алексея². Это подтвердил Медведев. Он рассказал также, что сначала выжила и Демидова: «Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас! Шатаясь поднимается уцелевшая горничная — она прикрывалась подушками, в пуху которых увязли пули»³.

Член УралЧК М. Кабанов, который зашел в комнату после первого залпа, «увидел такую картину: две младшие дочери царя, прижавшиеся к стенке сидели на корточках и прикрывали голову руками, а в их головы в это время стреляли. Фрельна лежала на полу еще живая. Когда я вбежал в помещение казни, я крикнул, чтобы немедленно прекратили стрельбу, а живых докололи штыками». Он опасался рикошета. «Но к этому времени в живых осталось только Алексей и фрельна. Один из товарищей в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки «Винчестер». Штык вроде кинжала, но тупой, и грудь не пронзил, и фрельна ухватилась обоими руками за штык и стала кричать, но потом ее и 3 царских собак добила прикладами ружей»⁴.

Никулин подвел такой итог: «Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив. Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски»⁵. «Гуманизм» эпохи Гражданской войны.

Завыли собаки. Их тоже перебили, за исключением одной, которая не выла.

При выносе тел из дома начались кражи находившихся на них драгоценностей, которые Юровский принялся пресекать.

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 217.

² Там же. С. 195–196.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же. С. 200.

Трупы должен был уничтожить или скрыть командир Верх-Исетского отряда Ермаков, но Юровский решил сопровождать солдат и Ермакова — на телах могли быть ценности, и Юровский не очень доверял Ермакову и его команде, которая встретила грузовики в пути. И правильно не доверял. Когда на телах обнаружили корсеты с бриллиантами общим весом в несколько килограммов, а на Александре Федоровне — жемчужный пояс, «у публики явно разгорелись глаза»¹.

По рассказам участников этой неважно подготовленной операции, она превратилась в цепь злоключений. У Ганиной ямы тела раздели, из одежды извлекли драгоценности. Одежду сожгли. Возможно, пытались жечь тела, но за короткое время на открытом воздухе уничтожить их было невозможно². Тела сбросили в шахту и кинули вслед гранаты. Выяснилось, что тела видны. Что делать? Посовещавшись с Голощекиным и Сафаровым, Юровский и Ермаков стали осуществлять новый план, для которого комиссару Войкову поручили предоставить по 10–12 пудов керосина и серной кислоты. Раз уж место у Ганиной ямы было демаскировано, там сохранялось оцепление — пусть белые здесь и ищут.

Вытащив тела, на следующую ночь с ними поехали дальше по Коптяковской дороге к более удаленным шахтам, чтобы, обезобразив тела до неузнаваемости, прятать их в разных местах. Дорога была болотистой, грузовик вяз, и в местечке Порошенков Лог, недалеко от железной дороги, снова застрял. Тогда Юровский решил хоронить здесь. Тела разделили, чтобы в случае их обнаружения не совпало число. Два трупа (Алексея и Марии) жгли, а остальные — закопали под дорогой и накрыли старыми шпалами так, что получилась гать на болотистом месте. Полностью сжечь даже два тела не удалось, и то, что от них осталось, закопали в сторонке. Юровский с гордостью вспоминал: «Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли»³.

Эта версия сокрытия тел, изложенная в воспоминаниях самих убийц, разошлась с выводами колчаковского следователя Соколова, который не смог разгадать ребус Юровского. На этом основании часть монархической общественности считает останки из Порошен-

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 214.

² Ахсютин В. Письма следователя Владимира Соловьева. <http://www.ortodoksiya.ru/index.php/60-avstraliya/642-viktor-aksyuchits-pisma-sledovatelya-vladimira-soloveva-v-patriarkhiyu>

³ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 31–33.

кова Лога подделкой. «Подделка», надо сказать, очень искусная и совершенно непонятно зачем организованная. Ведь останки из Поросенкова Лога подходят не только по росту, формам черепов, половозрастному составу. Стоматологическая работа на женских черепках (например, импланты из платины и керамики) такова, что не могла быть по карману каким-то обычным местным жителям, которых чекисты по конспирологическим версиям убивали, чтобы запутать непонятно кого. Смысл этой игры в «ложные останки» заключается не только в тотальном недоверии радикальных монархистов ко всем «незаконным» режимам, возникшим после 1917 г. Он кроется в политической конъюнктуре конца XX — начала XXI в. и более долговечных мистических домыслах.

Еще один вопрос, вызывающий споры, — санкционировала ли Москва заранее расстрел Николая Романова и его семьи? Голощекин, со слов Медведева, это отрицал, и телеграмма в Москву через Питер подтверждает отсутствие санкции на момент принятия решения о расстреле. Более того, из-за самовольства уральцев Ленин чуть не попал впросак. 16 июля он направил ответ на вопрос редакции датской газеты «National Tidende» по поводу слухов о казни бывшего царя, в котором утверждал: «Слух неверен, бывший царь невредим, все слухи — только ложь капиталистической прессы»¹. Телеграмма была уже направлена на телеграф, но из-за отсутствия связи не была отправлена, что избавило Ленина от глупого положения, в которое он бы попал, если бы связь все же была. На следующий день стало известно, что слухи оказались верны.

17 июля в 12 часов президиум Уральского облсовета сообщил в Москву о расстреле царя, а в 19 часов — что была расстреляна и семья². 18 июля президиум ВЦИК признал решение Уралсовета правильным, и 19 июля о расстреле Николая Романова было объявлено публично.

* * *

Для некоторых особенно истовых монархистов невыносима мысль, что царя и его семью какие-то местные плебеи перебили как собак (в прямом смысле слова, потому что собак тоже убивали в этой трагедии). И они строят совершенно фантастические версии. Историк И.Ф. Плотников считает, что Ленин не хотел суда и желал именно «внесудебной расправы», но почему-то стеснялся в этом открыто признаться. Но все равно именно Ленин стал инициатором убийства в Ека-

¹ В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. С. 243.

² Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. М., 1992. С. 265, 267.

теринбурге¹. П.В. Мультатули, назвав И.Ф. Плотникова «большинством историков»², счел эту версию необоснованной (в чем с ним трудно не согласиться) и предложил свою — куда более необоснованную.

Рассмотрим ее подробнее как пример, достойный звания классического. Во-первых, П.В. Мультатули собрал под одной обложкой множество распространенных конспирологических идей. Во-вторых, его книга распространяется в магазинах православной литературы, что свидетельствует о соответствующей поддержке его идей. Завершение биографии Николая II, написанной П.В. Мультатули, читается как сценарий фильма в жанрах «фэнтези» и «хорор». Свердлов, который «был склонен к каббалистическому оккультизму и придерживался его ритуалов»³, с юности искал связей с границей. Он их нашел в начале XX века знаете через кого? Никогда не догадаетесь. Через будущего убийцу царской семьи Юровского: «Нельзя исключать того, что Юровский был направлен в США Свердловым для установления контактов с Бродвейским сообществом, от которого он получил необходимый инструктаж и был снабжен деньгами»⁴. Если убрать нотку неуверенности («нельзя исключать») — это просто как цитата из следственного дела НКВД. Был за границей — явно, чтобы получить деньги и инструкции. Если следовать «логическим» приемам конспирологов, то «нельзя исключать», что Романовы были выходцами из созвездия Большой Медведицы, которых уничтожили инопланетяне из созвездия Медведицы Малой.

При чем здесь Бродвейское сообщество? О, нельзя преуменьшать его роль в событиях мировой истории, которая едва ли меньше, чем роль джедаев и ситхов: «Говоря об убийстве Царской семьи, невозможно не коснуться роли в нем влиятельного мирового сообщества, центром которого к началу XX в. стали США. Главной стратегической целью этого сообщества было создание т. н. нового мирового порядка». Мы знаем о планах гитлеровского мирового порядка, но монархические конспирологи используют это раскрученное название для обозначения замыслов этого самого «Бродвейского сообщества» и еще не менее зловредного «Круглого стола». «В начале XX в. лидеры этого сообщества понимали, что без уничтожения Российской Империи поставленные ими цели недостижимы»⁵. Но если вы наивно думаете, что эта задача была решена уже в марте 1917 г.,

¹ Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Екатеринбург; М., 2003. С. 30.

² Мультатули П. В. Император Николай II. Мученик. С. 435.

³ Там же. С. 437.

⁴ Там же. С. 475.

⁵ Там же. С. 497.

то напрасно. Без ритуального убийства царской семьи тут никак не обойтись. Не даром Юровский от бродвейских оккультистов инструкции и деньги для Свердлова в начале XX в. передавал. Это для того делалось, чтобы «оккультный интернационал»¹ мог наконец организовать ритуальное убийство в Екатеринбурге в 1918 г. В этом деле Свердлова мог подстраховать кадет В. Пепеляев — будущий глава правительства Колчака. А что — он тоже связан с одним из членов «Бродвейского сообщества»² — хороший помощник Свердлову будет. У Пепеляева и с инженером Ипатьевым есть общие знакомые. Он, Ипатьев, не иначе как по заданию оккультного интернационала домик заранее присмотрел, чтобы своей фамилией создать красивую аллереорию — ведь воцарение Романовых связано с Ипатьевским монастырем. А домик тоже что надо — рядом когда-то языческое капище было. Это, увы, только в 1920-х гг. выяснилось. Но оккультный интернационал об этом, разумеется, заранее знал³. И день убийства был выбран не случайный, а символический — День памяти Андрея Боголюбского, который был чем-то вроде первого русского царя⁴ (до годовщины смерти Ивана Грозного, который действительно был первым царем, как-то не дотянули — чехословацкое наступление, наверное, помешало). Впрочем, если бы казнь произошла чуть позднее, П.В. Мультатули мог бы связать ее с днем памяти Сергия Радонежского. У церкви что ни день — то со смыслом. Так что приписать коммунистам какой-то сакральный умысел нетрудно в любой день календаря. П.В. Мультатули находит у убийц и прекрасное знание иудейских обрядов. Еще бы — они ели яйца на Ганиной яме недалеко от костра⁵ — явная иудейская оккультная обрядность, что же еще. Юровский и компания очень бы подивились, что в их действиях был столь глубокий сакральный смысл. Мифостроительство конспирологов очень бы облегчилось, если бы жертв было 12 или 13 — сразу можно было бы усмотреть в этом сакрально-оккультную нумерологию. Но их как на зло было 11. Эту задачу П.В. Мультатули объясняет так: мальчик Седнев был козлом отпущения, которого следовало прирезать потом, а сначала отпустить⁶. Мальчик, впрочем, участниками расстрела царской семьи убит не был, вырос, и погиб только в 1942 г. Как намекает П.В. Мультатули, его уничтожила все та же оккультная организация. Оно и понятно — а кто же еще мог

¹ *Мультатули П.В.* Император Николай II. Мученик. С. 498.

² Там же. С. 499.

³ Там же. С. 499, 523–525.

⁴ Там же. С. 528.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 530–531.

развязать Вторую мировую войну, которая поглотила несчастного Седнева.

Конспирологи уверены, что Романовых убили вовсе не так, как рассказывают убийцы, а совсем иначе — по-оккультному. Их сначала обездвигили выстрелами (что за оккультный обряд это предполагает, П.В. Мультатули не объясняет), а потом специальные оккультные люди, приехавшие из-за океана, закололи жертвы ритуальными трехгранными оккультными кинжалами. Почему трехгранными? А в комнате есть следы ударов от трехгранного штыка винтовки Мосина, в то время как убийцы рассказывают, что у них были другие штыки. Значит, делает вывод П.В. Мультатули, это были не штыки, а кинжалы, которыми оккультные жрецы зачем-то потыкали стену¹. Предположить, что в этой комнате, использовавшейся охраной в течение всего пребывания здесь Романовых, кто-то еще, кроме жрецов, мог штыком в стену потыкать — это выше понимания монархического конспиролога.

Еще одна распространенная среди конспирологов идея — об отрезании венценосных голов. Ясное дело, жрецам неудобно было отрезать головы трехгранными ножами. Но они таки отчленили их и отправили в Москву для совершения кремлевских черных месс, продолжавшихся как минимум до времен Андропова². Поэтому П.В. Мультатули никак не может признать подлинность останков, найденный в Поросятковом Логу, ибо там головы оказались на месте.

Вишенка на этом торте — каракули в комнате, на которые обратило внимание белогвардейское следствие. Они простенькие — вероятнее всего человек просто пробовал перо, после чего сделал какие-то вычисления — рядом ряды цифр. Вот раздолье для знатоков каббалы, игры Таро и прочей оккультной высшей математики, в коей П.В. Мультатули обнаруживает такие познания, будто закончил школу Хогвартс при Бостонском клубе или Круглом столе (не случайно же он о них знает больше всех на планете). Опираясь на труды других почтенных исследователей каракуль, он находит там не только буквы еврейского и греческого алфавитов (которые без спецподготовки в этих каракулях не узнать), но даже символику Таро³. Этот небольшой трактат по чернокнижию, вставленный П.В. Мультатули в биографию Николая II, поразил бы не только автора записи, который просто что-то подсчитал на подоконнике, не только самого Николая и его убийц, которые явно понимали в чернокнижии куда меньше П.В. Мультатули, но и того образованного посетителя комнаты, который сделал надпись на не-

¹ *Мультатули П.В.* Император Николай II. Мученик. С. 543–545.

² Там же. С. 554–558.

³ Там же. С. 546–552.

мецком: «Вальтазар был в эту ночь убит своими подданными»¹. Кто сделал эту эпитафию и когда (очевидно, после убийства, но до начала следствия) — осталось неизвестным. Тоже хороший повод написать конспирологическую книжку. Но для здравомыслящего человека ничего загадочного здесь нет. В здании несли службу латыши и венгры, а они хорошо знали немецкий язык.

Если бы авторы конспирологической литературы претендовали на ту же степень достоверности, как авторы мультфильма «Анастасия» или фильмов «Люди Х», было бы полбеда (хотя даже такое художественное глумление над историей меня как историка немного смущает). Но конструкторы конспирологических версий претендуют на роль носителей научной истины и в этом качестве воспринимаются в клерикальных кругах. В своем стремлении укрепить сон разума, они рожают чудовищ, которые превращают заупокойную молитву в фарс.

Террористы и террор

Слово «террор», широко введенное в русский язык со времен Великой французской революции, имеет два значения, которые нужно различать. С одной стороны, это казни — массовое уничтожение носителями власти своих безоружных подданных и пленников. С другой — политические убийства, которые совершают подпольщики и другие оппозиционеры против представителей власти или тех, кого они отождествляют с государством, против которого борются. Хотя в XIX — начале XX в. это явление тоже часто называли террором, сегодня более корректно называть политические убийства, организованные подпольем иначе — терроризмом. Терроризм и террор — две стороны ситуации в Советской России летом–осенью 1918 г.

В обострившейся обстановке июня–августа 1918 г. противники большевиков прибегли к террористическим методам борьбы, и не только на занятой ими территории. Как часто бывает с актами индивидуального революционного терроризма, они стали оправданием государственных репрессий, укрепляющих режим.

20 июня был застрелен комиссар печати, пропаганды и агитации в Союзе коммун Северной области Володарский (М. Гольдштейн). Он ехал в Невский райсовет, но у машины кончился бензин. Остаток пути Володарский и его спутники шли пешком. Видимо, террорист ждал кого-нибудь из большевистской верхушки, и ему попался Володарский².

¹ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. С. 256.

² Выстрел в сердце революции. С. 57–59.

Позднее, в 1922 г. в организации этого убийства признался лидер эсеровской (но не управляемой ЦК ПСР) боевой организации Г. Семенов. Правда, в это время Семенов уже работал на ВЧК. После ареста в сентябре 1918 г. он был перевербован, пришел к выводу о необходимости диктатуры пролетариата и в 1921 г. вступил в РКП(б). На процессе 1922 г. Семенов утверждал, что Володарский был убит членом боевой организации (БО) И. Сергеевым. Вопрос о покушении якобы обсуждался с членом ЦК ПСР А. Гоцем. Но при этом Семенов не решился утверждать, что Гоц дал на это санкцию. Гоц санкцию не дал¹.

ЦК ПСР официально объявил о непричастности к убийству Володарского. Вернувшийся в мае 1917 г. из США, Володарский быстро прославился как яркий оратор. А.Р. Вильямс так описывал его речи: «Когда Володарский выступает — я слышал его много раз — он загорается как факел и зажигает аудиторию. Нельзя сказать, что его ненависть к классовому врагу была сильнее, чем у других, но его точка кипения была гораздо ниже, и эта ненависть быстро выходила наружу. Пожалуй, из всех русских американцев у него одного жажда мщения угнетателям была в крови. И вот теперь наступил долгожданный час, когда он может нанести свой удар, и он, не щадя себя, день и ночь призывал к возмездию»². Володарский готовил почву для массового государственного террора, до которого не дожил. В этом отношении он оказался своего рода Маратом Российской революции.

Убийцу найти не смогли. В обстановке политической истерии и жажды мщения красногвардейцы схватили и застрелили рабочего меньшевика, депутата Учредительного собрания И. Васильева³.

Уже тогда Ленин выступил за развязывание массового террора: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором, и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную энергию масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное.

¹ *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории, контрреволюции в 1918 году. С. 297.

² *Вильямс А.Р.* Жизнь доказала нашу правоту. Избранная публицистика. М., 1983. С. 89.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. С. 344.

Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример которого решает»¹.

Одним из тех, кто «тормозил революционную энергию», был руководитель Петроградской ЧК (ПЧК) М. Урицкий. Он как мог сопротивлялся расширению репрессий в Петрограде². ПЧК во главе с Урицким предпочитала расследовать, а не казнить. Но активу партийной организации Петрограда, чувствовавшему себя неустойчиво, повсюду мерещились заговоры «бывших». Избавиться от старой элиты радикальные коммунисты надеялись путем ее поголовного уничтожения. В качестве компромисса ПЧК решила «бросить кость» экстремистам и расстрелять 21 заключенного, чья вина была более или менее доказана. Среди них было 5 уголовников, 4 бывших чекиста, обвиняемых в уголовных преступлениях, 6 антисоветских агитаторов среди красноармейцев и 6 участников антисоветского заговора в Михайловском артиллерийском училище, среди которых был В. Перельцевейг. 21 августа они были расстреляны. А 30 августа друг Перельцевейга поэт и правый социалист Л. Каннегисер застрелил председателя ПЧК Урицкого³. Месть за друга была непосредственным поводом к тому, чтобы совершить теракт. Но при этом Каннегисер участвовал в подпольной военной организации своего родственника М. Филоненко и тесно сотрудничал с Союзом возрождения России. Филоненко, политическая позиция которого была близка к Б. Савинкову, потом утверждал, что участвовал в организации убийства Урицкого⁴.

Дзержинский срочно выехал в Петроград, а вечером последовала новая сенсационная новость.

30 августа в 22 час. 40 мин. аппарат ВЦИК разослал сообщение о покушении на В.И. Ленина: «Тов. Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсона в Замоскворецком районе гор. Москвы. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Задержано несколько человек. Их личность выясняется.

Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов.

Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами.

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 106.

² См.: Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 406, 467.

³ Там же. С. 477–479.

⁴ Воспоминания В.И. Игнатъева // Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 94–127.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках...»¹ Таким образом, Свердлов не стал дожидаться результатов расследования покушения, чтобы сделать выводы о политических «заказчиках» теракта и о том, как на него реагировать. Объявление террора готовилось, и нет лучше повода для его объявления, чем покушение на вождя РКП(б).

Скорее всего, покушение на Ленина произошло около 9 часов вечера². Ленин был ранен опасно, но на редкость удачно. Одна пуля раздробила плечо, а вот вторая пробила легкое и застряла в шее. Если бы она отклонилась на миллиметр и попала бы в шейные артерии, вену или нервы, связанные с сердцем, Ленин бы погиб на месте. Теперь все зависело от масштабов кровоизлияния в легком и инфекции. В первых числах сентября кризис миновал, и 5 сентября «Правда» сообщила, что скоро Ленин будет вставать³. Ленин побеседовал с Горьким, которому так прокомментировал происшедшее: «Драка. Что делать? Каждый действует, как умеет»⁴. 16–17 сентября Ленин принял участие в работе Совнаркома и ЦК, а 25 сентября уехал на месяц в Горки отдохнуть и восстановить силы.

Виновной в покушении была объявлена идейная эсерка Ф. Каплан. Ее задержал помощник военного комиссара 5-й Московской советской пехотной дивизии С. Батулин. Честь задержания оспаривали другие, прежде всего председатель завкома Н. Иванов. Однако он «вспомнил» об этом много позже событий, и его пафосное описание задержания малодостоверно.

В своем первом, очень общем описании задержания, данном 30 августа, Батулин сказал, что видел ее во дворе во время стрельбы, но позади себя, а не там, откуда стреляли⁵. Его более полное описание задержания от 5 сентября таково: с толпой он выбежал с территории завода на улицу. «Добежавши до так называемой “Стрелки” на Серпуховке, я увидел бежавших двух девушек, которые по моему глубокому убеждению бежали по той причине, что позади их бежал я и другие люди, и которых я отказался преследовать. В это время позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание»⁶. Батулин толком даже не мог объяснить, чем она привлекла его внимание. Каким-то странным видом. Он задержал эту женщину, на что

¹ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 266.

² Анализ сведений о времени покушения см.: Литвин А. Фейга Файвеловна Каплан // Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? М., 2003. С. 85.

³ Выстрел в сердце революции. С. 100, 109, 138–139, 158.

⁴ В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М., 1961. С. 411.

⁵ Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? С. 201.

⁶ Там же. С. 166.

имел даже меньше оснований, чем задерживать убежавших девушек. Ведь Каплан оказалась за пределами завода до того, как туда прибежал запыхавшийся Батулин. После недолгого обмена репликами Каплан призналась, что в Ленина стреляла именно она. Из толпы на нее указали какие-то люди, которые говорили, что стреляла она. Но что это были за люди, настаивали ли они, или просто стали кричать, что вот, задержали стрелявшую — Батулин не пишет. Из этого более ответственного описания ясно, что во дворе завода Батулин не видел Каплан.

Суммируя показания свидетелей, исследователь А.А. Литвин пишет: «Все показания сходились в одном — стреляла женщина, многие утверждали, что участвовали в ее задержании. Все свидетели писали свои показания Дьяконову после признания Каплан (они знали об этом, видели, как ее увозили), часть видимо хотела преувеличить свое участие в поимке террористки, другие — передавали слухи, разговоры, которыми делились ошарашенные происшедшим люди, выданная версии за факты, ведь лица стрелявшей или стрелявшего никто не видел»¹.

Сама Каплан тоже не могла сообщить ничего конкретного о механизме покушения. А чекистов это не очень интересовало — преступник изобличен, а политическое значение преступления уже охарактеризовано в заявлении ВЦИК. Зачем уточнять детали — а вдруг выяснится, что ПСР ни при чем?

На допросе Каплан объяснила теракт так: «Стреляла в Ленина я потому, что считала его предателем революции, и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм»². Каплан настаивала на своей беспартийности в момент теракта, но поясняла: «По течению в эсеровской партии я больше примыкала к Чернову... Самарское правительство принимаю всецело и стою за союз с союзниками против Германии»³. Несмотря на стремление коммунистической пропаганды перевести стрелки на Партию эсеров в целом, 3 сентября «Известия» признали, что Каплан перед покушением вышла из партии.

Итак, хотя никаких доказательств ее причастности не было, Каплан вдруг признала, что стреляла в Ленина и затем настаивала на этом. Обстоятельства задержания Каплан ставят под сомнение, что стреляла именно она. Но тогда почему призналась? Если стреляла Каплан, тогда как она очутилась на Серпуховской стрелке раньше

¹ Литвин А. Фейга Файвеловна Каплан. С. 76.

² Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? С. 195. Правда, этот протокол допроса Каплан подписывать отказалась.

³ Там же. С. 171.

бегущего Батулина? Если она была непричастна к происшествию, почему взяла вину на себя? Может быть, кого-то покрывала?

Есть еще одна странность. Фейга Каплан (по другой версии ее настоящая фамилия до ареста 1906 г. — Ройтблат) была старой революционеркой, террористкой и каторжанкой. На каторге она почти полностью ослепла. В 1917 г. ей была сделана операция, которая улучшила зрение. Если Каплан была одиночкой, убежденной в необходимости убить Ленина, это объясняет, что она решилась стрелять даже при своем неважном зрении. Но если Каплан была частью команды, вряд ли стрелять поручили бы именно ей.

Вопреки интересам следствия, которое сразу было сориентировано Свердловым на то, чтобы искать заговор эсеров и англо-французского империализма, в 1918 г. этот заговор так и не нашли. Зато заговор «всплыл» в 1920–1922 гг., когда «перековавшиеся» эсеровские боевики Г. Семенов и Л. Коноплева поведали историю своей БО. Г. Семенов возглавил БО, которая в начале 1918 г. стала действовать сначала под руководством военной организации ПСР, а затем все более автономно. Если в условиях начинающейся Гражданской войны эсеры считали возможным проведение против Советской власти восстаний и партизанских действий, то вопрос об индивидуальном терроре ставился на ЦК ПСР отдельно. «На пленуме Центрального Комитета партии в феврале 1918 года сторонники террористической тактики вынесли на обсуждение вопрос о терроре. Поводом к этому послужило сообщение местной организации о бесчинствах Антонова-Овсеенко на Украине. Но после дискуссии была принята резолюция о преждевременности использования террора в отношении большевиков, пока они пользовались поддержкой немалой части рабочих»¹, — рассказывает историк К.Н. Морозов. Но на процессе 1922 г. Семенов и его соратница Коноплева доказывали, что на самом деле они получили санкцию от руководства ПСР на убийство Ленина.

Тут одно из двух: либо участие группы Семенова в этом деле — выдумка чекистов, либо выстрел поручили кому-то другому, а Каплан, взявшая вину на себя, была членом этой группы и выполняла другую задачу, «стояла на стреме».

Если Каплан была частью группы (на чем в дальнейшем настаивал и руководитель этой группы Семенов), то ей вряд ли поручили бы роль стрелка — слишком велика цена промаха. Для этого у Семенова были более близкие товарищи, не страдавшие болезнью глаз. Каплан могла выполнять более скромное задание. Например, как считает

¹ Морозов К. Кто на самом деле убивал Ленина. https://lenta.ru/articles/2018/07/25/die_lenin/

исследователь Б. Орлов, она могла выяснить место и время выступления Ленина, но стрелял кто-то другой¹. Также она могла участвовать в создании затора на выходе с территории завода. Поэтому она и оказалась за пределами завода раньше Батулина и при этом не бежала, а стояла, наблюдая за происходящим и заметно волнуясь. Но Каплан мечтала о роли российской Шарлоты Корде² и в то же время была связана с другими членами группы узлами самопожертвования. В этих условиях ей нетрудно было решиться на то, чтобы взять ответственность за теракт на себя.

А.А. Литвин считает, что Каплан «была «подставлена» организаторами покушения, знавшими многие ее высказывания о готовности убить вождя, предлагавшей себя в качестве исполнителя»³. Но в этой ситуации слово «подставлена» никак не подходит. Подставляют тех, кто не причастен к преступлению. А Каплан хотела совершить преступление, находилась на месте преступления и с готовностью и не по принуждению взяла на себя ответственность за него. Это как минимум соучастие, а не «подстава».

То, что Каплан действительно хотела убить Ленина, подтверждается независимыми источниками. Историк К.Н. Морозов рассказывает: «Я могу сослаться на воспоминания бундовца и меньшевика Александра Иоффе, арестованного большевиками в июле 1918 года. Вместе с левыми эсерами (участниками неудачного выступления в Москве 6 июля 1918 года) и бывшими царскими сановниками он содержался под стражей в Кремле...

Нравы в то время были еще относительно мягкими, и узникам разрешали прогулки и свидания. Каплан почти ежедневно приходила к арестованной Марии Спиридоновой, лидеру левых эсеров. Както в конце августа 1918 года она увидела в кремлевском дворе Иоффе, оживленно беседующего с Лениным... Он тоже гулял по Кремлю и, видимо, решил подискутировать с бывшим соратником. Это продолжалось почти два часа, а потом Ленин ушел. Иоффе позже вспоминал, что после этого к нему подошла Каплан, возмущенная их рукопожатием. Иоффе рассказал о своем разговоре с Каплан, в ходе которого она признавалась, что у нее «руки чесались застрелить» Ленина и, что она «не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело. Надо встряхнуть старых революционеров от спячки»⁴.

¹ Орлов Б. Миф о Фани Каплан // Источник. 1993. № 2. С. 70.

² Такую аналогию с убийством Марата в разговоре с Каплан высказал член ЦК ПСР Донской — по его версии, отговаривая Каплан от совершения теракта (Бабина М.А. Фенераль 1922 // Минувшее. М., 1990. Т. 2. С. 24–25).

³ Литвин А. Фейга Файвеловна Каплан. С. 36.

⁴ Морозов К. Кто на самом деле убивал Ленина.

Член ЦК ПСР В. Зензинов, находясь в эмиграции, рассказывал, что Каплан обращалась к видному эсеру Н. Фомину с предложением совершить теракт против Ленина, но после совещания с Зензиновым ей отказали¹. Таким образом, Каплан определенно не была случайной жертвой чекистов, она вполне сознательно шла на это дело и не рассчитывала выжить — такова была эсеровская этика с начала века. Но поскольку санкция на теракт получена не была, Каплан настаивала, что вышла из ПСР.

Б. Орлов высказал предположение, что в Ленина стреляла не Каплан, а А. Коноплева² — член боевой группы ПСР Семенова, а в дальнейшем — чекистка, обличавшая эсеров на процессе 1922 г. Свидетели видели, но не очень четко, что стреляла женщина. Водитель Ленина С. Гиль запомнил прежде всего женскую руку. Так что Коноплева в этом случае оказывается наиболее достоверной кандидатурой на роль стрелка. В литературе называют и других боевиков, которые могли стрелять в Ленина³. По словам Семенова, сообщником Каплан был боевик Новиков, причем он находился во дворе завода и, в отличие от Каплан, не оказался вдали от места происшествия вскоре после него. Стрелял кто-то один, во всяком случае в Ленина попали пули из одного пистолета⁴.

Может быть, участие группы в этом деле — чекистская выдумка, озвученная Семеновым и Коноплевой? Сергеев сообщил, что идея покушения на Ленина появилась у Конополевой⁵. Она это подтвердила: «Его фигура все больше вырисовывалась на фоне революционных событий. Казалось, что все неудачи эсеров из-за того, что в ЦК ПСР нет такого же Ленина, как в ЦК РКП(б). Только убрав Ленина с политической арены, эсеры могли добиться победы над большевиками. Большевики были сильны Лениным»⁶. Если боевики, готовившие покушение, действительно так думали (а в таких рассуждениях были свои резоны), то вскоре после ранения Ленина выяснится, что уже выстроена организационная машина большевизма, которая может работать и без него (как работала почти без него после июльских событий 1917 г.). Что касается эсеров, то к августу их партия на территории Советской России была уже слишком дезорганизована, чтобы перехватить инициативу у большевиков в случае такого «сбоя», как исчезновение Ленина с политической арены.

¹ Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? С. 17.

² Орлов Б. Миф о Фани Каплан. С. 71.

³ Литвин А. Фейга Файвеловна Каплан. С. 41.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Выстрел в сердце революции. С. 48.

⁶ Цит. по: Костин Н. Д. Суд над террором. М., 1990. С. 13.

Участие БО в покушении подтверждается противоречиями в показаниях ее членов в 1922 г. Подельники стали уличать самого Семенова в некоторых подробностях этой истории, которые он сначала скрыл. Оказывается, именно Семенов отравлял пули перед употреблением¹, сделав на них царапины, куда втирался яд (впрочем, не сработавший). Если бы версия об участии БО Семенова была частью сценария, выдуманного на Лубянке, такие противоречия выглядят невероятно — они компрометируют главного свидетеля, которому на процессе и так пришлось нелегко под огнем возражений эсеров.

Когда Семенов и Коноплева перешли на сторону ЧК, они могли описывать покушение в деталях, демонстрируя откровенность. Но даже при таком саморазоблачении они понимали, что одно преступление прощено не будет — нажатие на курок. Кто бы ни стрелял на самом деле из членов группы, необходимо было твердо стоять на том, что Каплан сказала правду и стреляла именно она.

Покушение на Ленина требовало информации о его перемещениях. Одиночке было трудно ее получить. За Лениным, Троцким и Зиновьевым вели слежку участники организации Б. Савинкова, но не преуспели. Историк К.Н. Морозов обращает внимание на связи Савинкова и Семенова, возможность их сотрудничества при подготовке покушений в 1918 г.² Подпольная сеть 1918 г. была децентрализована и разнообразна.

Если Семенов и Коноплева хотели убить Ленина, их сотрудничество с Каплан, желавшей того же, вполне естественно. Они точно были знакомы, и Семенов даже организовал встречу Каплан с членом ЦК ПСР Донским.

Член боевой группы И. Дашевский, ко времени процесса 1922 г. уже перешедший на сторону коммунистов, вспоминал о Каплан уважительно: «Она производила впечатление глубокой и чрезвычайно упорной натуры. Переубедить ее в чем-либо, что она для себя решила, было трудно». На процессе 1922 г. член ЦК и руководитель военной комиссии ПСР Д. Донской, который обвинялся в том, что дал Каплан санкцию на покушение, высказался о ней более критично: «Довольно привлекательная женщина. Но без сомнения сумасшедшая и в дополнение к этому с различными недугами: глухота, полуслепота, в состоянии экзальтации — полный идиотизм»³. Но Донскому, «изобличенному» в том, что он говорил с Каплан о теракте, нужно было теперь доказывать свою непричастность к его осуществ-

¹ Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 188.

² Морозов К. Н. Кто на самом деле убивал Ленина.

³ Литвин А. Фейга Файвеловна Каплан. С. 30.

лению. Однако он не отрицал, что в Ленина стреляла Каплан, так что его свидетельство о плохом зрении является вполне объективным.

Д. Донской подтвердил, что 24–26 августа встречался с Каплан и обсуждал с ней ее намерение совершить покушение на Ленина. Но, по его словам, Донской высказывал сомнения и предупредил, что Каплан не сможет стрелять от имени партии. Это признание не является самооговором — Донской не согласен с решением следствия о том, что покушение на Ленина организовала партия. Но он признает, что Каплан имела с партией организационную связь. Ведь на встречу ее привел член партии и руководитель БО Семенов. Более того, Семенов потом сообщил, что именно он дал револьвер Каплан, за что Донской сделал ему «выговор»¹.

Донской сразу после покушения написал заявление о непричастности ПСР к нему². Но эта непричастность была относительной — ведь он знал о том, что готовится, и если не благословил акцию, то «умыл руки». К подготовке убийства Ленина был причастен его подчиненный — Семенов. Было ясно, что идейная и кадровая причастность может вскрыться. Эсерам даже повезло, что тогда ЧК не стала «копать» это дело — было принято политическое решение не мудрствуя лукаво просто обвинить в покушении на Ленина эсеров и буржуазию, что позволяло использовать теракт для развязывания массового террора, а не точечных репрессий против террористов.

Версия Семенова и Коноплевой 1922 г. формировалась под контролем коммунистического руководства. Они утверждали, что убийство Володарского и покушение на Ленина было осуществлено группой Семенова по заданию ЦК, которое Семенову передали А. Гоц и Д. Донской. Один из лидеров ПСР и член ее ЦК Гоц категорически отрицал, что знал Каплан и санкционировал покушение на Ленина. Попытка доказать обратное на процессе провалилась — свидетели запутались в деталях, которые оказались вымышленными³. С Семеновым Гоц мог обсуждать проблему террора только во второй половине июля, до своего отъезда в Казань. Разговор велся в общей форме, Каплан не упоминалась. Гоц направил Семенова к Е. Тимофееву, который занимался военной работой в Москве⁴. Таким образом, Семенов оставался в организационной связи с ПСР, но мог действовать за спиной ее руководства. Руководству партии было известно об экспроприациях БО Семенова, так как деньги шли партии.

¹ Литвин А. Фейга Файвеловна Каплан. С. 33.

² Там же.

³ Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. С. 434–435.

⁴ Литвин А. Фейга Файвеловна Каплан. С. 62–63.

По мнению историка К.Н. Морозова, «в ряде случаев реальные факты так переплетались с фальсификацией, что разделить их сегодня крайне сложно. Так, например, существование боевой группы Семенова и совершенные ею покушения и экспроприации — реальный факт, а вот утверждение самого Семенова, а затем и большевиков, что эта группа действовала по приказу и под контролем ЦК ПСР, — фальсификация (впрочем, похоже, что можно обсуждать и версию о том, что один или два члена ЦК действовали, как авантюристы, за спиной ЦК ПСР, и версию о существовании БО, но без террористических функций... и версию о санкции, данной Д.Д. Донским Ф. Каплан на покушение на В.И. Ленина в индивидуальном, а не партийном порядке)»¹.

О вовлеченности ПСР в покушение на Ленина рассказал на процессе 1922 г. член ЦК ПСР Н. Иванов, который в целом со следствием не сотрудничал. К.Н. Морозов пишет об этом: «Вне всякого сомнения, Иванов, скажем, в годы “тюремного противостояния” был одним из самых “непримиримых” и стойких. Вернее было бы предположить, что Иванов, будучи человеком достаточно цельным, прямым и бескомпромиссным, не хотел юлить и выкручиваться перед чекистами, предпочитая идти на них с открытым забралом... Он заявил Агранову: “Центральный комитет партии с.-р. в целом и Петроградское бюро ЦК в своих резолюциях высказывались против террора по отношению к Советской власти весною. В начале лета 1918 г. за применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. Я лично в тот период был за применение террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии”. ЦК такую санкцию не давал, но и исключать из партии за это “не полагалось, т. к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти”»². Ведь шла Гражданская война. Иванов рассказал, что группа Семенова выделилась из военной организации ПСР и имела санкцию на диверсионно-партизанские действия. Но и его показания подтверждают, что группа Семенова действовала автономно от ЦК ПСР, который санкцию на теракты не дал.

Коноплева утверждала, что покушения готовились еще весной с санкции ЦК. Санкция ЦК в этом вопросе — ритуальное построение чекистской версии, а вот дальнейший рассказ вполне может отражать реальные события: «Числа 10 апреля к нам на квартиру пришел Гоц и настаивал на ликвидации группы, так как политический момент —

¹ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. С. 186.

² Там же. С. 203–204. Причем в феврале из членов ЦК Иванов в вопросе объявления террора против советских деятелей поддержал Чернов (С. 205).

ратификация Брестского мира — был упущен. После этого мы дело ликвидировали»¹. То есть «накрыв» вышедших из-под контроля ЦК боевиков, Гоц убеждал их прекратить подготовку терактов, на время убедил, но и на отлучении от партии этих людей не настаивал.

Таким образом, весьма вероятен факт разногласий в ЦК ПСР по поводу возможности совершения теракта против вождей большевизма. Большинство ЦК было против, а меньшинство не могло санкционировать такой акт от имени партии, о чем Донской честно и сообщил Каплан. Однако группа Семенова продолжила террористическую деятельность без ведома ЦК (возможно, в связи с некоторыми членами ЦК). Но в отличие от аналогичной ситуации с убийством Мирбаха и ЦК ПАСР, левозэровские лидеры были уполномочены на принятие решения о теракте, и убийство Мирбаха сразу было объявлено самим ЦК ПАСР акцией партии, частью ее политики. А большинство ЦК ПСР было против покушения, и его организаторы действовали за спиной ЦК и партии, поставив ее перед совершившимся фактом.

* * *

Каплан была расстреляна комендантом Кремля П. Мальковым по указанию секретаря президиума ВЦИК В. Аванесова, оформленного как решение президиума ВЧК². То есть Каплан была изъята у чекистов и расстреляна до окончания следствия по указанию Свердлова, что создало версию о его заинтересованности в скорейшем уничтожении Каплан.

Исследователь Ю.Г. Фельштинский считает, что Ленина «заказал» именно Свердлов. Какие основания его подозревать? Во-первых, Ю.Г. Фельштинский считает, что руководители РСФСР с самого начала ее существования вели друг с другом смертельную борьбу. А раз Свердлову удалось после ранения Ленина посидеть в кресле предсовнаркома, то на нем и шапка горит. И к тому же он, не дождавшись результатов расследования, сразу обвинил в преступлении эсеров, которые ни сном, ни духом. А Свердлов как раз и сном, и духом, потому что он, по версии Ю.Г. Фельштинского, выпустил свое воззвание о покушении на Ленина практически одновременно с выстрелами: «Это могло произойти только в том случае, если обращение было написано заранее, если Свердлов был осведомлен о планируемом покушении, если он умышленно допустил теракт, а может быть, через ВЧК и Дзержинского, является его непосред-

¹ Цит. по: *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории, контрреволюции в 1918 году. С. 297.

² *Мальков П.Д.* Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959. С. 159–160.

венным организатором»¹. Вот такой приговор без права обжалования на столь жидкой доказательной базе. Раскрыл дело на зависть чекистам. Как в анекдоте: «Соболезнования СССР поступили за день до покушения на Садата».

Однако при малейшей проверке логикой такая версия рассыпается. Четкого хронометража выступления Ленина не существует. Публиковать даже написанный заранее документ до поступления известий о покушении может только глупец из анекдота, но не Свердлов. В любом случае заявление о покушении было опубликовано вскоре после поступления сообщения о покушении на Ленина. Насколько позднее — на час или десять минут — мы не знаем. Воззвание — это не картина маслом, такой опытный писатель воззваний, как Свердлов, может справиться с задачей и за пять минут. Тем более что ему все было ясно — виноваты эсеры. Они — главные враги в это время, и к тому же большевики не без оснований боялись, что эсеры могут вернуться к террористическим методам борьбы (в июле другими эсерами были убиты Мирбах и Эйхгорн).

Ю.Г. Фельштинский пишет: «Спустя три года, на открытом судебном процессе против эсеровской партии, советское правительство формально признало тот факт, что покушение на Ленина 30 августа 1918 года готовили сотрудники ВЧК Г.И. Семенов-Васильев и А.В. Коноплева (проникшие в эсеровскую партию)»². Ну какие еще нужны доказательства, что покушение на Ленина организовала ЧК! Подтасовка заключается в том, что в 1918 г. Семенов и Коноплева никакими чекистами не были, а были собственно эсерами. А чекистами, разочаровавшись в эсерстве, они стали к 1922 г. Никаких доказательств, что Семенов и Коноплева были чекистами («проникшими» в ПСР) уже в 1918 г. — Ю.Г. Фельштинский не приводит.

Во-вторых, Свердлов приказал уничтожить Каплан³. Следы за метал. Правда, если Каплан не стреляла и не причастна — тогда она безопасна для «заказчика». Что у нее можно узнать? Можно выяснить, кто ее привел на место действия. Но это ведь явно не какой-то известный чекист или сотрудник Свердлова. Максимум информации, которую из нее можно было бы «выбить» (в способностях чекистов сделать это Ю.Г. Фельштинский не сомневается) — это все та же группа Семенова, которая привела бы следователей куда? Правильно — все к той же партии эсеров. Такой же результат получается, если Каплан стреляла в Ленина при поддержке Семенова или других «агентов ВЧК». Так что, если Свердлов как-то таинственно «зака-

¹ Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М., 1999. С. 193.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 181.

зал» Ленина агентам ВЧК, то бояться расследования не было никаких оснований. Если покушение на Ленина по «заказу» Свердлова организовали чекисты, то у Свердлова не было нужды изымать ее из ведения ВЧК. А тут Свердлов забирает у них обвиняемую. Это как-то не вяжется со схемой их совместного заговора против Ленина. Еще Каплан, по версии Ю.Г. Фельштинского, была уничтожена, чтобы ее нельзя было опознать¹. Так может быть расстреляна не Каплан, а неведомая жертва? А Каплан потом выполнила еще немало заданий партии?

Это — просто дежавю историй об останках-лжеостанках царской семьи. Большевики прятали останки, жгли их. Малькову пришлось уничтожить один труп. Зачем? Да все за тем же, зачем прятали трупы екатеринбургские коммунисты — не должно быть могилы, места поклонения. Ничего загадочного в таком поведении нет.

В-третьих, на верную гибель Ленина послал именно Свердлов, который отвечал за проведение митингов в Москве. Ю.Г. Фельштинский в этом не сомневается: «По приказу Свердлова “совнаркомщик” Ленин без охраны отправился на выступление, о котором заранее были извещены в районе»². Так это Свердлов считал, что нужно проводить митинги, а Ленин выступал против этого? И Свердлов запретил давать Ленину охрану? Никаких источников, которые подтверждали бы столь экзотическую версию, Ю.Г. Фельштинский не нашел. Практика участия советских лидеров в митингах была обычной и Лениным вполне одобрялась. Путевки на выступления выдавались и МГК РКП(б), и агитотделом ВЦИК, то есть не лично Свердловым. Вставал вопрос о том, чтобы освободить Ленина от участия в митингах. И конечно, если бы Ленин не хотел участвовать в этой работе, он легко мог бы добиться снятия с себя обязанности ездить на митинги в связи с занятостью. Но он считал для себя необходимым такой вид общения с массами³.

К организации охраны Ленина Свердлов вообще не имел никакого отношения. Тут же сам Ю.Г. Фельштинский приводит произошедший за два дня до этого эпизод, когда Ленин возмущался слишком нарочитой охраной, организованной Дзержинским, а Дзержинский нехотя шел на уступки. В этот раз Дзержинского нет в Москве — поехал расследовать убийство Урицкого.

А еще, по версии Ю.Г. Фельштинского, «у заговорщика Свердлова были планы расправиться с раненым Лениным», но ему очень мешали управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич и его жена. И представляете, что сделал коварный Свердлов? Жена Бонча умер-

¹ Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. С. 197.

² Там же. С. 191.

³ Выстрел в сердце революции. С. 65–70.

ла. А причина смерти такая невероятная в то время — от «испанки»¹. Ну явная рука Свердлова, кого же еще. Так и хочется спросить Ю.Г. Фельштинского, что за противоядие от свердловской испанки было у Бонч-Бруевича, который как раз и мешал Свердлову по этой версии, а ведь выжил же как-то. Но автора его увлекательная версия уже ведет дальше. И он цитирует Бонч-Бруевича, который рассказывает о кончине Свердлова «от испанки» через несколько месяцев. Вот она — ответка! Бонч с Лениным сумели-таки своего врага то ли заразить, то ли отравить. Если читать Бонч-Бруевича не так, как написано, а глазами Ю.Г. Фельштинского — это же явное «устранение Свердлова, но уже по указанию Ленина, оправившегося от августовского покушения 1918 года»².

Поведение Свердлова и чекистов в тех условиях может быть объяснено без конспирологических допущений. Свердлов был одним из инициаторов террора, предусматривавшего бессудный расстрел тысяч людей. Сохранение при этом в живых Каплан, признавшейя в покушении на Ленина, выглядело странным и даже возмутительным для жаждущих мести коммунистов, а указание расстрелять ее было естественным. То, что оно исходило от высшего государственного руководителя, тоже объяснимо без конспирологических предположений — это была большая ответственность, политическое решение, которое руководители ВЧК не хотели принимать самостоятельно (чтобы не возникло подозрение, что они чего-то скрывают — Дзержинскому еще были памятны подозрения, возникшие по его поводу после убийства Мирбаха).

Перевод особо важного преступника, каковой была Каплан, в Кремль тоже неудивительно — там и до этого содержались важные политические преступники, например лидеры левых эсеров.

Расстрел Каплан был призван показать всем, что дело уже раскрыто, преступник понес заслуженную кару, связи убийцы с эсерами и буржуазией, на чем базировалось идеологическое обоснование террора, не вызывают сомнения.

* * *

2 сентября ВЦИК принял резолюцию, в которой говорилось: «ВЦИК дает торжественное предостережение всем холопам российской и союзнической буржуазии, предупреждая их, что за каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все

¹ Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. С. 205.

² Там же. С. 206.

вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов»¹. Это означало введение заложничества, когда за действия одних людей должны отвечать совершенно другие.

5 сентября 1918 г. Совет народных комиссаров, заслушав доклад председателя ВЧК Дзержинского, постановил «что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»².

Покушение на Ленина и Урицкого было не причиной вспышки террора, а поводом, который для этого предоставили террористы.

5 сентября было объявлено о расстреле 29 «контрреволюционеров», которые были заведомо непричастны к покушениям на Ленина и Урицкого, в том числе бывшего министра внутренних дел Российской империи А. Хвостова, бывшего министра юстиции И. Щегловитова, видного церковного и монархического деятеля И. Восторгова и др. В первый же месяц террора были казнены тысячи людей, большинство из которых было виновато лишь в принадлежности к «контрреволюционным» классам и общественным течениям — предприниматели, помещики, священники, офицеры, члены партии кадетов.

Террор в Петрограде по инициативе местного коммунистического руководства начался еще до объявления красного террора. Лидер петроградских коммунистов, прежде умеренный Г. Зиновьев, который после убийства Володарского сдерживал кровожадные инстинкты, на этот раз был взвинчен и поддерживал даже рабочие самосуды. Вероятно, на него произвело глубокое впечатление и убийство соратника Урицкого, и ранение Ильича, который ведь предупреждал, призывал к террору, а Зиновьев проявлял нерешительность, как в октябре 1917 г., и вот результат. На этот раз Зиновьев хотел выглядеть решительнее решительных. Все же постановили, что расстреливать должна ЧК, но без долгих разбирательств. Расправы творили и рабочие отряды³.

¹ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 267.

² Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Документы. С. 70.

³ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 485–489.

Историк В.П. Булдаков, выражая распространенную элитарную точку зрения о том, что «смута» была вызвана прежде всего импульсами снизу, со стороны архаичных кровожадных масс, так трактует причины начала террора: «Новая власть хотела действовать не просто от лица “передового класса”, но и по его подсказкам. Самонастройка новейшей идеократической системы происходила между тем по древнейшему патерналистскому принципу... Для всякой власти, особенно неустоявшейся, принципиально важно превратить агрессивного “человека толпы” из своего возможного противника в “соучастника” собственной репрессивности. Только так утверждается монополия на насилие»¹. То есть причина перехода к террору — «подсказка» рабочего класса, которому «новейшая идеократическая система» уступила, чтобы агрессивный «человек толпы» на нее не бросился. Но в массе рабочих Петрограда, где стартовал массовый террор, его начало не вызвало энтузиазма. Ведь недовольные представители «передового класса», которых опасались большевики после событий июня–июля, требовали продовольствия, а не крови. А крови требовала та часть «передового класса», которая уже связала свою судьбу с коммунистическим режимом, трансформируясь из низовки пролетариата в низшие слои коммунистической бюрократии, в средние слои нового общества. Это были люди не толпы, а партии и прокоммунистических организаций. Для многих из них это было время начала карьеры, когда, покинув фабрику, они переходили в кабинеты. И крах Советской власти мог стоить им жизни. Имея смутное представление о политической реальности, мысля упрощенными классовыми категориями «идеократической системы», они надеялись спасти коммунистический режим и себя, «ударив по буржуазии». Коммунистическое руководство не боялось этой массы собственных активистов, но оно тоже было напугано терактами и заговорами, тоже мыслило упрощенно и решило воспользоваться методом яковинцев для стабилизации шатающейся власти. Большевики вообще были склонны к простым силовым мерам, и красный террор стал одной из них.

30 августа — 1 сентября в Петрограде было расстреляно 512 арестованных ранее заложников, а всего к октябрю было расстреляно 800 человек и арестовано 6229 человек. В октябре было сообщено о 21 расстреле². В целом в РСФСР вспышка террора в сентябре унесла около 4 тыс. жизней³.

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 449.

² Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 153–154, 185.

³ Там же. С. 181.

В ходе террора была создана сеть уездных ЧК, подчинявшаяся ВЧК и проводившая террор на местах. Она стала возникать еще весной, но летом—осенью распространилась на большинство уездов. 14 сентября было утверждено положение ВЧК о создании единообразных уездных и губернских чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. В нем указывалось, что при ЧК должны создаваться контрольные коллегии с участием двух представителей местной парторганизации РКП(б)¹.

Жизнь людей зависела от настроения чекистов и советских активистов. После первой волны террора выяснилось, что арестованы и погибли люди, которые не только не были замечены в контрреволюционной активности, но и работали на советское государство, обеспечивали жизнь городов как специалисты².

ЧК арестовывала, она же вела следствие, она же судила, и казнила она же. Это способствовало произволу и злоупотреблениям. В антикоммунистической мифе так продолжалось по крайней мере до конца Гражданской войны, а с небольшим перерывом — и далее. Но в реальности террор развивался неровно, вспышками. Поэтому не убедительны попытки подсчитать количество жертв на основании отдельных примеров, умноженных на количество местных чрезвычайек и дней их работы³. Каждая ЧК работала со своей интенсивностью.

Заклученные оказались в крайне тяжелом физическом и моральном положении. В любой момент их могли убить без особого разбирательства. Французский наблюдатель П. Паскаль писал: «Террор? Дарси вернулся из Петрограда, там он два дня отсидел в Петропавловской крепости: до 20 [человек] в камере-одиночке, дышать трудно (на минутку открывали дверь), прогулок не было. Заклученным таким же образом русским давали пищу в воскресенье и больше ничего до вечера четверга, и притом за свои деньги. Зрелище “приличных” людей, набрасывающихся на еду, как животные. Сейчас арестованные французы имеют отдельное снабжение, постель и т. д. Вок хорошо. За ночь, проведенную там, Дарси насчитал 29 вызовов на расстрел»⁴.

Р. Абрамович в сентябре писал о ситуации в Таганской тюрьме, где он сидел летом—осенью 1918 г.: «Люди сидят по 1,5–2 месяца без допроса и без обвинения. Некоторых теперь выпустили после 3–4 месячной сидки. Следователи сплошь малограмотный и совершенно не-

¹ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. Документы. С. 76–77.

² Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде.

С. 498–499.

³ См., например: Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990.

⁴ Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. С. 552.

опытный народ (почти исключительно латыши и 2–3 еврея)... Тюрьма переполнена. Три четверти арестованных нахватаны по ложным доносам... Масса больш[евистских] комиссар[ов], но они в большинстве случаев за воровство и растраты»¹.

За коррупцию и другие злоупотребления до конца года было расстреляно около 50 чекистов².

Террор ухудшил и без того неважное внешнеполитическое положение Советской России. Так, Г. Чичерин связывал перелом в отношении Советской России со стороны администрации президента США Вильсона именно с реакцией американского общественного мнения на террор, после начала которого колебаниям по поводу признания Советской России был положен конец³.

Террор не остановил террористов — теракты против советских работников продолжались и в дальнейшем, хотя и не такие резонансные⁴. А вот роль Советов в условиях террора продолжала падать. Даже «Правда» вынуждена была заметить, что лозунг «Вся власть Советам» сменяется лозунгом «вся власть чрезвычайкам»⁵. Редактор «Известий» Ю. Стеклов признавал среди своих: «Никогда, даже в злейшие времена царского режима, не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической Советской России, такого забитого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, чего можно и чего нельзя. Сплошь и рядом совершающие беззакония затем заявляют, что они думали, что это можно. Террор господствует, мы держимся только террором»⁶.

Произвол ЧК вызывал недовольство в советских и коммунистических кругах. В июле на съезде областных и губернских комиссаров юстиции по предложению наркомюста Д. Курского губисполкомам было рекомендовано поставить местные ЧК под свой контроль. А съезд губсоветов и заведующих губернских советских отделов управления постановил подчинить ЧК губернским отделам управления на правах подотделов. Эту идею поддержал НКВД. Наркомюст настаивал на утверждении вынесенных ЧК смертных приговоров исполкомами Советов, а НКВД — на праве отмены приговоров исполкомами. Противники произвола ЧК апеллировали к конститу-

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. С. 483–484.

² Ратковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 211.

³ Романов В. В. Вильсонизм в оценках Г. В. Чичерина // Чичеринские чтения. Тамбов, 2003. С. 62.

⁴ См.: Ратковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 192–196.

⁵ Правда. 18.10.1918.

⁶ Цит. по: Павлиuchenков С. А. Крестьянский Брест или предмстория большевистского ГЭП. М., 1996. С. 104.

ции РСФСР¹. Выразителем позиции критиков ВЧК выступил член редколлегии «Правды» старый большевик М. Ольминский, который 8 октября обвинил ЧК в стремлении встать над советскими и партийными органами. Даже коммунисты могли быть «во всякое время расстреляны, с отчетом “после” любой уездной ЧК»². Ольминскому в «Еженедельнике ВЧК» ответил заведующий иногородним отделом ВЧК В. Фомин, который потребовал доказательств расстрела коммуниста, «если он не взяточник, не прохвост»³. Обвинение во взяточничестве хотя бы понятно, но сколько расстреляли «прохвостов»? Здесь видна слабость позиции чекистов в противостоянии партийцам (расстрелов беспартийных «прохвостов» и прочей «контры» дискуссия пока не касалась). Резко против Ольминского выступил зампред ВЧК Я. Петерс⁴. Дискуссия в прессе продолжалась до весны 1919 г.⁵, но дала свои результаты — полномочия ЧК стали сокращаться. Этому способствовала и оптимистичная оценка ситуации лидерами РКП(б) в связи с обстановкой на фронтах и началом революций в государствах Центрального блока в октябре–ноябре.

25 октября ЦК РКП(б) в основном одобрил подготовленное коллегией ВЧК положение о ней и осудил публикацию в «Еженедельнике чрезвычайных комиссий» статьи нолинских коммунистов, призывавших ввести пытки (тем более — без осуждающего комментария редакции)⁶. Вскоре еженедельник был закрыт.

Однако запрещение пыток центром еще не значило, что они не применялись на местах. Созданная А. Деникиным «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России» методично собирала сведения о жестокостях коммунистов, включая снятие кожи у жертв местных ЧК. Помимо слухов в качестве доказательств предъявлялись и фото эксгумированных трупов, свидетельства выживших жертв пыток⁷.

25 октября была создана комиссия ЦК РКП(б) по контролю за ВЧК в составе Сталина, Каменева и Курского⁸. Двое последних были сторонниками укрощения распоясавшихся чекистов. 28 октября ВЦИК

¹ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. С. 222–223, 227.

² Цит. по: Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 года // Отечественная история. 2005. № 6. С. 68.

³ Ратковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 223–224.

⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.

⁵ См.: Ратковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 224–230.

⁶ Денин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 86–87.

⁷ См.: Красный террор в годы Гражданской войны. С. 192–193.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 163.

утвердил положение о ВЧК. Вводился принцип двойного подчинения ЧК на местах — они подчинялись исполкомам и ВЧК одновременно¹.

8 ноября VI съезд Советов принял решение о фактическом прекращении красного террора — освобождении всех заключенных, которым в течение двух недель не будет предъявлено обвинение в заговоре против Советской власти, заложников (за исключением тех, конкретное решение о которых примет ВЧК), досрочном освобождении осужденных «в самых широких размерах»².

15 ноября был принят приказ местным организациям ЧК, который определял: «Чрезвычайные комиссии, являясь органом борьбы, должны применять меры наказания лишь в административном порядке, т. е. меры предупреждения тех или иных незаконных действий, для чего комиссии и прибегают к арестам (в административном порядке), высылкам и т. д. Незаконченные же следствием дела о незаконных действиях отдельных лиц и организаций должны передаваться в судебные инстанции, каковыми являются революционные трибуналы, народные суды и пр. на предмет осуждения виновных, но ни в коем случае комиссии не должны брать на себя функции этих судов»³. Такой порядок не исключал произвола ЧК, но во всяком случае расстрелы изымались из их ведения. Увы — лишь на время. В прифронтовой полосе полномочия ЧК могли вновь расширяться. Так, 27 декабря Вятский губком в связи с падением Перми вернул губернским ЧК широкие полномочия по проведению террора⁴.

1 декабря вышла инструкция чрезвычайным комиссиям, в соответствии с которой они становились отделами местных Советов и их исполкомов. Их председатели и зампреды назначались местными исполкомами и утверждались ВЧК. Но вышестоящие органы ЧК могли посылать в нижестоящие своих представителей с решающим голосом⁵.

14 декабря СРКО потребовал от чекистов в 48-часовой срок оповещать об аресте учреждение, откуда изымался сотрудник. Наркоматы, губкомы и горкомы РКП(б) получали право участвовать в следствии. Арестованных сотрудников можно было выпускать на время следствия под поручительство членов коллегии наркоматов, членов губкомов и горкомов партии, а при определенных условиях — членов губернских и городских совдепов и членов правлений профсоюзов⁶.

¹ Новоселов Д. С. Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 года. С. 69–70.

² Декреты Советской власти. Т. 3. С. 529–530.

³ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. Документы. С. 84–85.

⁴ Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. С. 194.

⁵ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. Документы. С. 87.

⁶ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 569–571.

Таков был итог борьбы вокруг ЧК осенью 1918 г. 24 января 1919 г. в РСФСР были ликвидированы уездные ЧК, карательное рвение которых слабо контролировалось из центра. 17 февраля 1919 г. права ВЧК были еще сильнее ограничены. Выносить приговоры (за исключением ситуации подавления восстаний) теперь должны были революционные трибуналы.

По официальным данным, в июне 1918 — марте 1919 г. органы ВЧК расстреляли в 23 губерниях (без Северного Кавказа и Северо-Запада) 5496 человек¹. Большинство расстрелянных в 1918 г. приходится на сентябрь². Оценивая масштабы террора 1918 г. в тысячи жертв, нужно помнить, что решение о расстрелах принимали не только органы ВЧК, но и революционные трибуналы и суды. На фронте и при подавлении восстания могли расстрелять и без суда. Так что тысячи получают немалые.

В целом сентябрьский террор не смог «выполоть» антикоммунистическое подполье и предотвратить в дальнейшем покушения на советских лидеров, волнения и антисоветские восстания.

Массовое уничтожение противников советской власти в период Гражданской войны имело противоречивые последствия. С одной стороны, террор действительно вселял страх, дезорганизовывал противников большевиков. С другой стороны, он способствовал тому, что еще большее количество людей ненавидело эту власть и было готово действовать против большевиков с оружием в руках. В конечном итоге традиция красного террора заложила фундамент репрессивной политики коммунистического режима, когда массовое уничтожение политических противников считалось допустимым во имя высших целей. В 1930-е гг. тысячи коммунистов попадут под нож гильотины, построенной в 1918 г.

Зверства творили солдаты и спецслужбисты всех сил Гражданской войны. Широкомасштабная гражданская война легализует убийство как способ решения и личных, и социально-политических проблем. Если в стабильном обществе кровожадность сдерживается этикой и страхом перед наказанием, то гражданская война создает нравственную атмосферу оправдания убийства и поощрения кровожадной лихости. Это позволяет искать в самой дестабилизации общества истоки массового насилия. Убивали те, кто несколько лет назад жил по правилам и не помышлял о душегубстве. Но «стабильность» Российской империи и ее внешнеполитические амбиции, вылившиеся в участие в кровопролитной внешней войне, привели к на-

¹ *Стирин А. М.* Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920). С. 216.

² *Ратковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 283.

коплению такого острого недовольства своей жизнью и презрения к жизни другого, к такой массовой социальной и межнациональной ненависти, что побоище Гражданской войны и террора стали весьма вероятными еще до свержения самодержавия. А свершившись, массовое насилие определило вектор развития страны на многие десятилетия.

Глава VI

Деградация демократии

Эксперты и карбонарии

В условиях Гражданской войны на территории Советской России продолжали действовать многочисленные антисоветские группы. Часть из них состояла из видных политиков и государственных деятелей, входивших прежде в руководство Российской республики и империи. Эти люди в антисоветской среде считались авторитетными экспертами по самым разным вопросам государственного управления. Их клубы работали в режиме теневых правительств, вырабатывая проекты законов и политических решений, которые пойдут в ход после свержения Советской власти. Сами потенциальные министры как правило не занимались работой по подготовке этого свержения. Жизнь карбонария была выбором других подпольщиков, пытавшихся либо сформировать в советском тылу теневую армию, либо переправить как можно больше офицеров на юг, в «Добровольию», откуда затем придет избавление.

В условиях подполья и радикально меняющейся политической обстановки работа партийных органов становилась неэффективной. ЦК оппозиционных партий собирались в сокращенном составе, так как страну разрезали линии фронтов. Члены ЦК одной и той же партии приходили часто к противоположным выводам по поводу того, с кем стоило вступать в союз, а с кем нет. В результате влиятельные политики предпочитали объединяться «на личной основе», и конфигурации таких объединений отличались от партийных границ.

Подпольный политический спектр середины 1918 г. опирался на четыре основные организации: Правый центр, Национальный центр, Союз возрождения России, Союз защиты Родины и Свободы. Правый центр формировался по инициативе деятелей Совета общественных деятелей (СОД), созданного еще в августе 1917 г. прокорниловскими политиками. В него входили кадеты и политики, по взглядам близкие к октябристам. В 1918 г., когда Совет работал как интеллектуальный клуб, его возглавлял кадет Д. Щепкин. Участвовали видные кадеты П. Новгородцев, А. Астров, А. Червен-Водали и др. СОД выступал за военную диктатуру. Диктатору понадобятся опытные советники и чиновники, члены СОД готовы были послужить в этом качестве, когда белые войдут в Москву.

Дискуссии СОД воспринимались его лидерами как недостаточный вклад в победу над большевизмом. Кривошеин, Струве, Новгородцев и др. «решили образовать весьма ограниченную по числу входивших в нее лиц группу, поставившую себе целью связаться с военными кругами и при их помощи создать силу, могущую свергнуть большевиков»¹, — вспоминал В.И. Гурко. Весной был создан более широкий и деятельный Правый центр (ПЦ). Помимо ядра СОД в него вошли представители Торгово-промышленного комитета (С. Морозов, М. Федоров, А. Невядомский и др.) и Союза земельных собственников (А. Кривошеин, В. Гурко и др.). Персонально вошли П. Струве, князя Г. и Е. Трубецкие. Возглавил ПЦ Новгородцев, лидерами были также А. Кривошеин, В. Гурко и С. Леонтьев. Под контролем ПЦ действовала офицерская организация генерала Довгертса числом около 800 человек.

Весной в ПЦ разгорелись дискуссии по актуальнейшему вопросу антисоветской оппозиции: на какую внешнюю силу ориентироваться — на Германию или Антанту. Большинство ПЦ и СОД во главе с С. Леонтьевым считало, что нужно признавать реалии, Германия выиграла войну и нужно с ней дружить. Не ровен час, немцы избавятся от большевиков, как избавились от Центральной рады на Украине, и тогда у них не будет лучше кандидатов на правительственные посты, чем члены ПЦ. Но такая капитулянтская постановка вопроса возмутила кадетов, которые в большинстве своем были верны Антанте (хотя от этого принципа отошел П. Милюков). В результате кадеты в мае покинули ПЦ и создали проантантовский и проденикинский Национальный центр (НЦ). ПЦ, из которого вышли также противники монархии, оказался на правом фланге антисоветского подполья и продолжал существовать до осени 1918 г., но его деятели постепенно покидали советскую территорию. Сотрудничать с немцами было удобнее на Украине, откуда должно было начаться возрождение всей прежней России.

В НЦ к кадетам присоединились и другие проантантовские деятели несоциалистического толка — земские, коммерческие и даже церковные. Во главе НЦ встал старый земский деятель Д. Шипов. Лидерские позиции занимали Н. Астров, П. Струве и М. Федоров. В НЦ вошел Б. Савинков, возглавлявший военную организацию Союз защиты Родины и Свободы (СЗРС), которая сохраняла внутреннюю самостоятельность.

Для связи с Верховным руководителем Добровольческой армии генералом Алексеевым, кому предстояло бы возглавить правитель-

¹ Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Т. 15. М., 1993. С. 8.

ство в случае победы, НЦ направил на Дон делегацию в составе Астрова, Федорова и Степанова. Там они были тепло приняты Алексеевым и Деникиным, создав филиал НЦ. В Москве, коротая время до победы белых, деятели НЦ готовили законопроекты и политические доклады, которые понадобятся будущему диктатору.

Несмотря на несоциалистическую ориентацию НЦ, некоторые его лидеры испытали влияние социалистических идей. Так, Д. Шипов поддерживал сохранение общины и развитие рабочего законодательства, а Червен-Водали защищал рабочий контроль в более умеренной форме, чем у большевиков¹. Но большинство членов организации стояло на обычных либеральных позициях.

НЦ унаследовал от ПЦ небольшую военную организацию, с которой контактировали Шипов, Астров и Щепкин. К концу 1918 г. она была оформлена в Штаб Добровольческой армии Московского района.

Д. Щепкин, Н. Астров, Н. Кишкин и другие кадеты приняли участие в создании Союза возрождения России (СВР), куда вошли видные народные социалисты (энесы) С. Мельгунов, Н. Чайковский, А. Пешехонов, В. Мякотин и правые эсеры Н. Авксентьев, А. Аргуннов, И. Фондаминский, С. Маслов.

Различие между СВР и НЦ заключалось в более узком характере второго, члены которого отрицали социализм, а СВР включал как либералов, так и социалистов, которые считали борьбу за социализм несвоевременной. Как вспоминал Н. Щепкин, «различие было прежде всего в отношении к социализму»².

После неудачи Комитета спасения Родины и Революции в ноябре 1917 г. правые социалисты и кадеты пытались создать какой-то другой блок. Но официально договориться было невозможно: ЦК ПСР стоял на позиции передачи власти Учредительному собранию, избранному в 1917 г., а кадеты были категорически против этого, потому что там они составляли незначительное меньшинство. Тогда за дело взялись народные социалисты, политические позиции которых находились между эсерами и кадетами. Энесы уполномочили членов партии войти в «персональное» конспиративное объединение с кадетами и эсерами, кадетское руководство знало о нем, а вот право-эсеровские лидеры, как считает инициатор этого проекта С. Мельгунов, не получили санкцию партии³. Очевидно, что левое, черновское крыло ЦК заблокировало бы такую санкцию, если бы Авксентьев ее

¹ Котляревский С. История «Национального центра» // Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 141, 145.

² Тактический центр. Документы и материалы. М., 2012. С. 47.

³ Мельгунов С. П. История «Союза возрождения России» // Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 80.

попросил. В марте–мае 1918 г. был создан «Левый блок» из деятелей леволиберального и правосоциалистического направления, затем получивший название Союз возрождения России¹. Не столь многочисленные, как ПСР, но более сплоченные партии, находящиеся правее, могли через СВР влиять на политику ПСР.

Как писал С. Мельгунов, уже находясь под арестом в ЧК, «задачи «Союза» были: объединить всех тех, которые не признавали Брестского мира, всех тех, кто отстаивал единство России и стоял на демократической платформе; попытаться создать новый фронт при содействии союзников для борьбы с немцами»².

В Петрограде с СВР была связана военная организация, в которую входили генералы М. Суворов, А. Верховский и с которой был связан уехавший в Москву генерал В. Болдырев. Политически ее возглавлял председатель Петроградского комитета энесов В. Игнатьев. По его признанию, организация смогла взять под контроль бронедивизион, имела ячейки в других частях, тесно сотрудничала с военной организацией эсеров, финансировалась французской миссией³.

В мае–июне СВР пополнили экономист эсер Н. Кондратьев, плехановец А. Бородулин, правые социал-демократы А. Потресов, В. Розанов и др. Получилась социал-либеральная коалиция сродни той, что поддерживала Временное правительство в августе 1917 г. В СВР было 14 депутатов Учредительного собрания, из них 9 эсеров, 3 кадет и 1 народный социалист.

Один из лидеров СВР А. Аргунов писал о том, что они вошли в «правильные и частые сношения с представителями союзных миссий, находившимися в Петрограде, Москве и Вологде, главным образом при посредничестве французского посла Нуланса. Представители союзников были подробно ознакомлены с задачами «Союза» и его составом и неоднократно выражали свою готовность всячески ему содействовать, вполне разделяя взгляды «Союза» как на задачи внешней, так и внутренней политики. Причем заявление о содействии носило не частный, а официальный характер»⁴.

В июне СВР обсуждал конструкцию власти. Щепкин настаивал на диктатуре Алексева, остальные считали, что необходима коллегияльная Директория. Щепкин предложил компромисс — Дирек-

¹ Тактический центр. Документы и материалы. С. 44. Н. Щепкин, который вспоминает о начале формирования СВР, не уверен, произошло это в феврале или марте, но из контекста ясно, что СВР возник после заключения Брестского мира.

² Мельгунов С. П. История «Союза возрождения России». С. 81.

³ Воспоминания В. И. Игнатьева // Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 94–99. Правда, воспоминания написаны в условиях подготовки к процессу эсеров 1922 г. Но его сообщения о сотрудничестве с ПСР мало что добавляют компрометирующего.

⁴ Аргунов А. А. Между двумя большевиками. Париж, 1919. С. 6–7.

тория во главе с главнокомандующим. Эта идея не понравилась эсерам, в частности Авксентьеву. На следующий день победила точка зрения о гражданском главе Директории, в которую были намечены Авксентьев, Чайковский, Аргунов, Кишкин, Астров, Болдырев. Им предстояло пробраться в Сибирь и создать там правительство¹.

Несмотря на широкий межпартийный характер, СВР был элитарной, тайной организацией, возрождавшей традиции масонства предреволюционного периода как организационно, так и идеологически — объединяя либералов и умеренных социалистов. Не имея опоры в Москве, СВР рассылал делегатов на территории, занятые антисоветскими силами, где можно было действовать авторитетом многопартийной коалиции, якобы возникшей в Москве. «С отъездом делегатов «Союз возрождения», как таковой, в сущности, перестал существовать в Москве»², — сообщал Мельгунов следователям, что должно было составить алиби его членам в обстановке 1919 г.

Крупнейшую подпольную военную организацию в центральной части России создал Б. Савинков, формально вошедший в ИЦ. В начале 1918 г. он прибыл в Москву с мандатом Донского гражданского Совета (ДГС) за подписью генерала Алексева. Хотя ему поручалось пригласить на Дон антисоветских деятелей, это потеряло смысл, так как в феврале белые ушли с Дона. Тогда Савинков решил использовать мандат Алексева по-своему, возглавив антисоветское военное подполье. Он создал на его основе СЗРС с программой, которая была близка правозэсеровской: единая и неделимая Россия, верность союзникам, власть Учредительному собранию, земля народу³. Несмотря на это, в организации большим влиянием пользовались военные более правых взглядов — командующий генерал В. Рычков и начальник штаба полковник А. Перхуров.

Когда Савинков вовлекал в свою организацию полковника Перхурова, его аргументы были в основном внешнеполитические: Германия продолжает угрожать России, Россия теряет права державы-победительницы, да и благодаря ликвидации Восточного фронта Германии война для Антанты затягивается. Нехорошо. Нужно восстановить такую власть, которая вернет Россию в войну⁴.

Савинков надеялся избежать включения в организацию «явных монархистов»⁵, что сделало бы ее несколько более левой, чем Добро-

¹ Воспоминания В.И. Игнатьева. С. 105.

² Мельгунов С.П. История «Союза возрождения России». С. 81.

³ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 80.

⁴ Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова // Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 52.

⁵ Дело Б. Савинкова. М., 1924. С. 50.

вольческая армия. Савинков готовился к тому, что в случае падения большевиков придется бороться с монархистами из Правого центра, поддерживал Национальный центр¹.

СЗРС финансировался посольством Франции (частично через ЧНС). Перхуров говорил на процессе, что в феврале «получка» составила около 200 тыс. рублей, в марте меньше 100 тыс., в апреле около 500 тыс., в июне больше миллиона рублей². Савинков на процессе сообщил, что перед восстанием французы дали 2 миллиона³.

Организационная идея Савинкова заключалась в том, чтобы сформировать подпольную армию. Офицер, завербовавший еще четырех членов, возглавлял роту, эскадрон или батарею, а завербованные офицеры становились его взводными командирами. Навербовал больше — можно возглавить батальон и полк. Командир знал своих подчиненных, друг друга они не знали. Командиров знал штаб, где существовали отделы по всем необходимым для армии направлениям⁴. Офицеры были готовы числиться, но надо было чем-то и жить. А найти заработок в городах было нелегко. Чтобы кадры не разбежались, нужно было найти деньги для выплаты участникам организации зарплаты. Это привязывало бы их к штабу. Деньги удалось найти.

Таким образом, в полном секрете формировался кадровый состав армии. В начале выступления предполагалось набрать солдат. Организация выросла до численности 5000 офицеров из которых 2000 находились в Москве⁵. Они получали жалованье. Отказы от участия в организации при условии сохранения тайны принимались до 25 мая. После этого уклонение от обязанностей считалось изменой. Но как дошло до дела — в Ярославль удалось отправить всего несколько десятков бойцов.

Штаб располагался в нанятой квартире, где формально работал доктор Григорьев. Пациенты проходили в одну сторону, а называвшие пароль — в другую.

В СЗРС участвовал А. Эрдман (Бирзе), представлявший себя анархистом и работавший в Военном контроле Полевого штаба (то есть в военной разведке) под руководством М. Тракмана. Пользуясь связями с анархистами, Бирзе мог пристраивать савинковцев на жительство в анархистских особняках. Бирзе использовал в интересах СЗРС свои должностные возможности и связи в ВЧК.

¹ Дело Б. Савинкова. С. 50.

² Ярославское восстание. 1918. Документы. М., 2007. С. 267.

³ Дело Б. Савинкова. С. 55.

⁴ Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова. С. 53.

⁵ Ярославское восстание. 1918. С. 275.

Члены СЗРС следили за Лениным и Троцким, надеясь при случае произвести покушение.

Организации СЗРС были созданы в Москве, Калуге, Рыбинске, Ярославле, Костроме, Казани, Арзмасе, Ростове. Савинков утверждал, что они были в 35 городах¹. Произвести переворот в Москве было сложно, и часть московского состава организации была переправлена в Казань, чтобы поднять там восстание при приближении чехословацких войск.

В мае начались провалы. Один из участников СЗРС, юнкер Иванов, сказал медсестре, в которую был влюблен, что в ближайшее время в Москве произойдет восстание. Об этом она сообщила командиру Латышского полка в Кремле, а он просигнализировал в ВЧК. Установив слежку за юнкером Ивановым, чекисты накрыли конспиративную квартиру, где арестовали 13 человек, включая одного из руководителей московской организации СЗРС А. Пинку (Пинкуса). Пинка дал развернутые показания как о московской, так и о казанской организациях. 29 мая был раскрыт московский штаб организации. Пинка после этого пользовался таким доверием большевиков, что был освобожден, после чего бежал за линию фронта². В результате провалов 18 членов организации были расстреляны, ее московская и казанская структуры дезорганизованы. Длительное бездействие и аресты способствовали разложению этой теневой армии. Нужно уже было на что-то решаться. И тут поступило заманчивое предложение от французов.

Ярославское пламя

Выступление левых эсеров и восстание в Ярославле началось в один день — 6 июля. У большевиков это породило уверенность в связанности двух восстаний общим заговором. Но его не было. Ярославские левые эсеры защищали от повстанцев Советскую власть, а савинковская организация в Москве никак не поддержала левых эсеров. Это были очень разные силы с разными целями. Совпадение дат свидетельствует о концентрации сюжетных линий во времени, характерном для революции. Время сжимается, события толпятся. Также и в прошлом июле наложение друг на друга развивающихся по собственной логике сюжетов — «закипания» настроений в Петроградском гарнизоне, споров во Временном правительстве, украинского национального движения, обсуждения проекта власти Советов

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 275, 499.

² Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 51–52, 54, 96.

в левых партиях — привело к буре июльского кризиса 1917 г. Но, как это было и в 1917 г., в июле 1918 г. разные сюжеты плотно связаны контекстом — столкновением революционной волны с внешнеполитической катастрофой на излете мировой войны. И левые эсеры, и савинковцы были возмущены Брестским миром, последствия которого раскрывались все глубже. Они оглядывались на приближающийся Восточный фронт. Савинкова подзуживали представители Антанты, ревновавшие к успехам Германии в России и наблюдавшие кризис Советской власти, ярко проявившийся на V съезде. Казалось, что приближается развязка, и всем активным политическим силам хотелось сдвинуть ее в нужном направлении.

Как вспоминал Савинков на процессе 1924 г., «я первоначально думал о выступлении в Москве силами этой организации. Может быть, на этом плане я бы окончательно остановился, если бы французы в лице консула Гренар и военного атташе генерала Лаверна, который действовал от имени французского посла Нуланса, не заявили бы мне о том, что союзники полагают, что есть возможность продолжения войны с Германией... Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со значительными силами в Архангельске. Этот десант было предположено поддержать вооруженным выступлением изнутри. План был такой: занять Верхнюю Волгу, англо-французский десант поддержит восставших. Таким образом, Верхняя Волга должна была быть базой для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Вологду французы, как они заявили, оставляли за собой.

Но я должен сказать, что французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен, и мы остались висеть в воздухе в Ярославле»¹. Так в чем же иностранцы обманули несчастного Савинкова? Он обещал либо поддержать десант Антанты (тогда не следовало опережать события — десант в Архангельске был высажен 2 августа), либо захватить несколько городов, что стало бы стимулом для Антанты ускорить высадку крупных сил и наступать в глубь России. Если бы Савинков не бахвалился и действительно имел возможность захватить и удерживать до подхода союзников обширную территорию, то восставший Ярославль не остался бы «висеть в воздухе», а союзники получили бы дополнительный стимул углубиться в просторы России. Но ни того, ни другого СЗРС не сделал, так что обвинения Савинкова были попыткой переложить на союзников свой провал.

¹ Дело Б. Савинкова. С. 54.

К тому же версия о том, что Савинков отказался от плана восстания в Москве под влиянием союзников, расходится с его же утверждением, что он уже начал эвакуацию офицеров из Москвы в Казань ко времени сообщения о том, что в ближайшее время ожидается высадка союзников. Савинков сам обманывал союзников, когда обещал захватить Верхнюю Волгу силами СЗРС, который к этому времени был частично эвакуирован и сильно пострадал от арестов.

Общее решение об интервенции было принято еще в начале июня, но конкретная дата начала активных действий Нулансу и Лаверну не была известна. Возможно, они хотели ускорить вторжение Антанты в Россию с помощью восстаний, но вряд ли обещали, что после его начала интервенты немедленно появятся у Ярославля. Это было невозможно даже по географическим причинам — от Архангельска до Ярославля более 700 километров. Очевидно, французы, финансировавшие организацию Савинкова, хотели получить доказательства того, что она на что-то способна.

План Савинкова заключался в том, чтобы для начала захватить Ярославль (штаб военного округа), Рыбинск (артиллерийские склады) и Муром (ставка Высшего военного совета), а по возможности также Кострому. Столкнувшись с восстаниями в нескольких пунктах, большевики не найдут здесь достаточных сил для их подавления, а Северная Добровольческая армия, напротив, сможет пополниться за счет всех недовольных Советской властью и наступать на соединение с союзниками, а затем и на Москву.

Б. Савинков назначил Д. Григорьева руководить восстанием в Муроме вместе с лидером местной организации СЗРС подполковником Н. Сахаровым, полковника А. Перхурова — начальником Ярославского отряда и полковника Ф. Бредиса — в Рыбинск (потом Савинков сам возглавил там выступление, а Бредис уехал в Казань). «Так как в Рыбинске имелись артиллерийские склады, а Ярославль был без артиллерии, то ясно было, что для того, чтобы удержать Ярославль до прихода десанта, нужно было не только взять Рыбинск, но и укрепиться там»¹, — считал Савинков.

Прибыв в июне в Ярославль с инспекцией, Перхуров обнаружил, что организация раскололась, руководитель К. Лебедев поссорился с молодыми офицерами. Пока Перхуров улаживал местные дразги — вник в ситуацию в городе. Это совпало с планами Савинкова совершить восстание не в Москве, а на Верхней Волге, куда быстрее могут добраться союзники.

¹ Дело Б. Савинкова. С. 59.

Савинков говорил Перхурову, что после начала восстания нужно продержаться 4 дня. «К этому времени союзники двинут свои войска»¹. Восстание планировалось не после высадки (тогда можно было бы подождать до первых известий о ней), а как акт, провоцирующий высадку, облегчающий принятие решения союзниками. А для этого требовалось еще время на то, чтобы союзники получили сведения о восстании, проанализировали их и приняли решение о поддержке. Очевидно, что держаться нужно было значительно дольше, чем 4 дня.

После разгона большевиками Ярославского Совета заговорщики рассчитывали на сочувствие рабочих, которые симпатизировали социалистам. Лидер местных меньшевиков И. Савинов обещал поддержку. 4 июля он явился на заседание комитета меньшевиков и сообщил: «Я только что был на собрании группы лиц, которые предлагают выступить против местного Ярославского коммун. Совета»². В этом совещании участвовал и член эсеровского комитета Локтев, кадет Кизнер и Савинков. Такой состав не вдохновил меньшевиков, и они решили объявить нейтралитет, «сохраняя за собой свободу действий», но санкционировали участие Савинова в контактах с заговорщиками, чтобы получить больше информации. Савинов убеждал своих товарищей, что восстание готовят сторонники Учредительного собрания³. Однако как выяснится, Савинков и Перхуров были сторонниками не существующего, а некоего будущего Учредительного собрания.

Посетив Ярославль, Савинков счел, что город вполне можно захватить и обещал Перхурову прислать около 200 бойцов⁴. Имея несколько сот бойцов, Перхуров рассчитывал захватить арсенал, вооружить железнодорожников, лидер которых Савинов обещал поддержку, блокировать казармы, разгромить коммунистический отряд примерно в 200 человек и добиться перехода на сторону восстания расположенных в городе частей (представители 1-го Советского полка численностью в 600 бойцов обещали поддержку или по крайней мере нейтралитет, бронедивизион во главе с Супониным с двумя броневиками находился под контролем подпольщиков). Затем должна была проводиться мобилизация офицеров и призыв добровольцев⁵. В итоге в Ярославле образовалась бы крупная группировка, контролирующая город и окрестности. А тут и подойдет подмога из

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 299.

² Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 106.

³ Там же. С. 106–107.

⁴ Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова. С. 59.

⁵ Там же.

Рыбинска с тяжелыми вооружениями, которые там должен был захватить Савинков.

Но от Савинкова прибыло 50–60 человек¹. Впрочем, Перхуров не смог подготовиться к прибытию и этой подмоги — помещения для них не было, офицерам пришлось ночевать на улице, что грозило арестом².

Накануне выступления на станцию Всполье под Ярославлем прибыли новые силы красных — около 470 штыков и 280 сабель³. При таком соотношении сил выступление могло иметь успех только при условии внезапности и четкой скоординированности действий.

Выступление планировалось на ночь с 4 на 5 июля. Но явилось меньше ста человек, и то позднее назначенного срока. Перхуров перенес выступление на следующую ночь, что при всей хрупкости плана повлекло за собой новые проблемы. В предыдущую ночь на артиллерийском складе дежурили заговорщики, а теперь — обычное красноармейцы⁴.

5 июля от Савинкова поступила команда повременить с выступлением, но Перхуров понимал, что в третий раз бойцы уже не соберутся и отказался переносить срок⁵. К тому же красные начинали подозревать, что готовится восстание.

В ночь на 6 июля Перхуров собрал на Леонтьевском кладбище недалеко от склада 105–110 бойцов. Он решил, что нужно выступить — переносить второй раз было нельзя, люди просто уже не придут на следующую ночь. С 12 револьверами заговорщики подошли к артскладу, заговорили с часовыми, приблизились к ним и разоружили. Фактор неожиданности и нежелания воевать «со своими» помог успешно начать выступление.

С опозданием прибыли два броневика, правда Супонин куда-то пропал и явился уже во время восстания. Все это задерживало наступление на город.

Из артскладов взяли два орудия, для транспортировки которых нашли лошадей. Остальная артиллерия осталась на складе.

Войдя в спящий Ярославль, восставшие захватили ключевые объекты центральной части города, мост через Волгу и заводской плацдарм в Тверицах. Коммунистический отряд удалось разоружить.

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 299.

² Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова. С. 59.

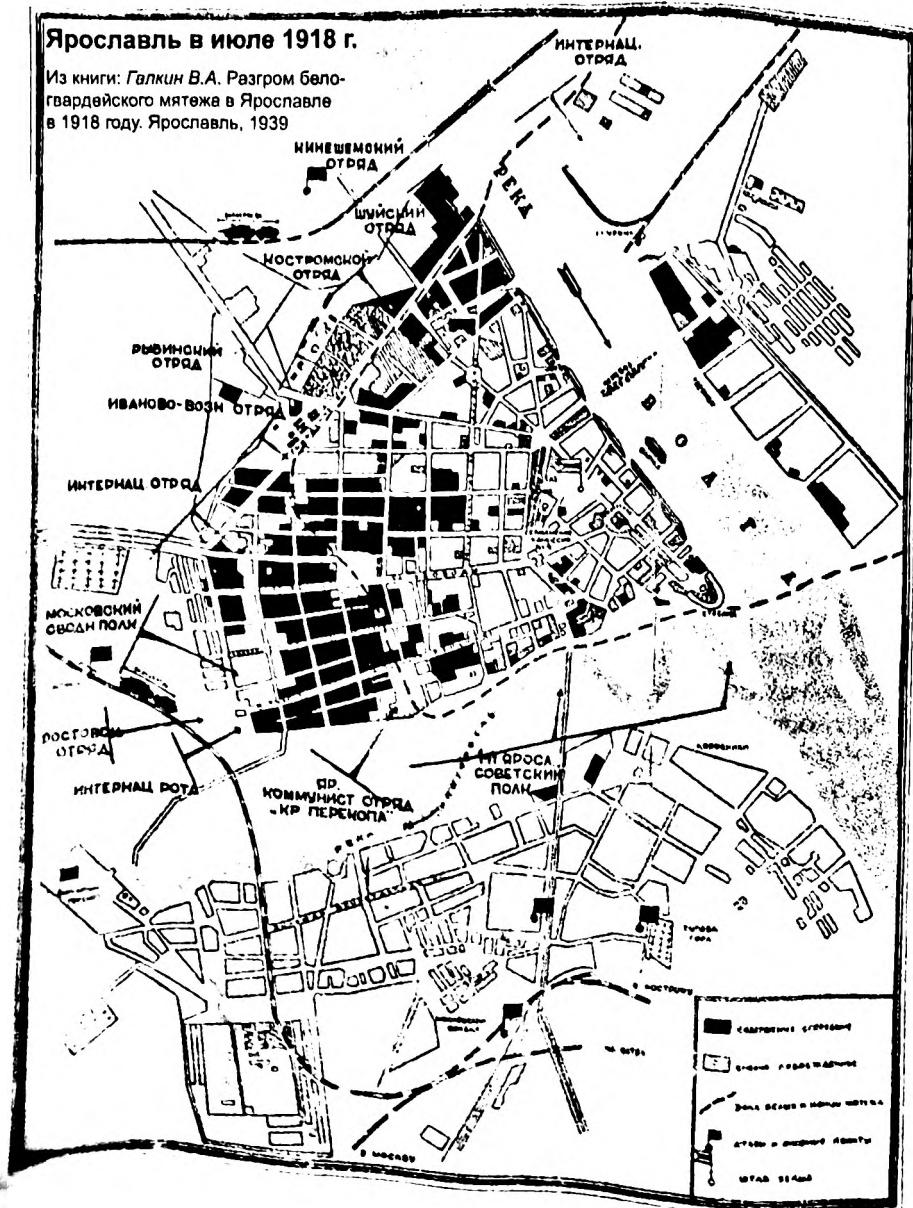
³ Из воспоминаний генерал-майора К.И. Гоппера о Ярославском восстании 1918 года // Ярославское восстание. Июль 1918. С. 82, 85.

⁴ Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова. С. 60–61.

⁵ Ярославское восстание. 1918. С. 301.

Ярославль в июле 1918 г.

Из книги: Галкин В.А. Разгром бело-
гвардейского мятежа в Ярославле
в 1918 году. Ярославль, 1939

«Начало восстания — образец быстрой и успешной операции»¹, — считает историк В.Ж. Цветков. Однако не все поставленные задачи были выполнены. Повстанцам не удалось взять под контроль казармы Советского полка. Там победили сторонники Советской власти, и полк начал действовать против повстанцев, заняв позиции по реке Которосль. Это отрезало от повстанцев вокзал и железнодорожные мастерские. Меньшевики под давлением Савинова согласились вооружить рабочих, как утверждал уже на суде член комитета П. Богданов-Хорошев — ради поддержания порядка². Понятно, что в тех условиях вооружение рабочих ставило бы их на сторону восстания. Дружина рабочих в 200 человек успела подойти за получением оружия. Как рассказывал меньшевик П. Богданов-Хорошев, «дружина обратилась к стоявшим здесь офицерам: “Товарищи, пришла рабочая дружина, где нам получить оружие?” На это получили ответ такого сорта: “Здесь нет тт. здесь есть только солдаты и офицеры. Кто хочет защищать родину, тот становись в затылок и слушайся команды”. По рядам рабочих... эти слова прошли как электрическая искра»³. Узнав о правом курсе восстания, рабочие в большинстве своем заняли выжидательную позицию. Но по мнению красного командира Я. Громова, они вели саботаж против красных⁴.

Еще более серьезным поражением восставших стала потеря артиллерийских складов — Перхуров оставил там символическое охранение. Красные получили артиллерию при достаточном количестве снарядов и прекрасную позицию для обстрела города отсюда и с Туговой горы за Которослью.

Главная ставка Перхурова делалась на помощь извне. Надежды у руководства повстанцев вызвало появление двух летчиков, которые отрекомендовались французами, подтвердили, что в ближайшее время подойдет помощь интервентов. Перхуров организовал им возможность выехать из города в сторону Архангельска, и больше о них никто ничего не слышал. Возможно, в переплет в Ярославле попали вовсе не французы и смогли таким образом выбраться из Ярославля.

Политическое лицо восстания было оформлено в приказе Перхурова № 1: «На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление

¹ Цветков В.Ж. Восстание на Ярославской земле // Ярославское восстание. Июль 1918. С. 6.

² Ярославское восстание. Июль 1918. С. 109.

³ Там же.

⁴ Ярославское восстание. 1918. С. 449.

гражданской частью в ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии»¹. Таким образом, восстание позиционировалось как филиал белого движения юга России. Белое лицо выступления создало проблемы с вовлечением в движение просоциалистически настроенных рабочих и крестьян. Меншевик Савинов, назначенный помощником Перхурова по гражданской части, попытался смягчить это впечатление с помощью воззвания, которое они подписали с Перхуровым. Там говорилось о созыве нового Народного собрания (то есть не Учредительного собрания), которое сможет «закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его собственность». Было обещано, что «все покушения на личность и частную собственность граждан, в какой бы форме это не проявлялось, будут беспощадно караться». Правда, покушения на личность коммунистических руководителей явно были не в счет. К делу продовольствия будет «привлечен частный торговый капитал». Северной армией командует «старый революционер Борис Савинков»². Это воззвание соответствовало позиции правых социалистов (правее Комуча) и кадетов.

Вскоре Савинов под давлением организации меньшевиков отказался от роли помощника Перхурова по гражданской части, и это место занял кадет А. Кизнер.

Кадет В. Лопатин, который был городским головой до июля 1917 г., был снова назначен на эту должность. Управа занималась размещением погорельцев, оказанием им медицинской помощи, оплатой служащих, водоснабжением, похоронами, попытками организовать эвакуацию жителей³.

Бытовыми проблемами штаба восстания и другими хозяйственными вопросами занялась артистка В. Барковская, которая активно поддержала восстание. До выступления она была вхожа в ярославские коммунистические верхи⁴. Артист Ю. Морфесси, оказавшийся во время восстания в отеле «Бристоль», вспоминал: «Бристольская челядь все время держала себя вызывающе, немилосердно хамила и грозила нам всевозможными карами, как только вернется “законная народная” власть. Эта плебейская наглость отравляла нам жизнь. Тут появилась Барковская в офицерской форме с пистолетом, выстроила «челядь» и заявила:

— Послушайте, вы! Если на кого-нибудь из вас поступит хоть малейшая жалоба, я сама с ним расправлюсь! Помните это и будьте примерными слугами для тех, кто оплачивает вашу работу!

¹ Ярославское восстание. Июль 1918. С. 97.

² Там же.

³ Ярославское восстание. 1918. С. 178–179.

⁴ Там же. С. 341.

Челядь моментально притихла и до прихода красных была прямо шелковая...»¹ Наглядный урок капитализма.

В постановлении Перхурова и Кизнера от 13 июля политическая ситуация «отыгрывалась» к 1917 г. с попыткой исправить «ошибки» Временного правительства: восстанавливались органы власти, существовавшие до октября 1917 г., отменялись все законы и постановления Советской власти. Но не только. Отменялись также акты Временного правительства о губернских и уездных комиссарах, о милиции, о земельных комитетах. Приостанавливалось действие решений о выборах в местные органы власти и о самих этих органах, а также об административных судах. Власть на местах передавалась управам. Все возникающие в связи с этим проблемы должно было разрешать Управление Главногоначальствующего Гражданской части Ярославской губернии. Судебная власть была представлена окружным судом и мировыми судьями, которые должны были решать дела единолично, а не коллегиально. Восстанавливались в правах выбранные ранее мировые судьи, а если их не оказывалось на месте, то судьи назначались все тем же управлением из кандидатов, представленных окружным судом². В общем, поменьше демократии. Это уже куда правее «Приказа № 1».

Историк В.Ж. Цветков пишет об обращении 13 июля: «Этот законодательный акт примечателен прежде всего потому, что в нем почти с абсолютной точностью воспроизводилась система местного управления на белом юге России в 1919 году». Имеется в виду «временная военная диктатура, приоритет исполнительной власти над представительной, представительство не партийное, а сословно-профессиональное»³. В Советской России возобладали те же тенденции. В условиях Гражданской войны демократические игры отбрасывались, теперь управление передавалось не выборным популярным местным деятелям, а назначенцам — иногда из местных общественных деятелей.

Историк Е.А. Ермолин считает, что идеологам восстания «казалось, очевидно, более оправданным возвращение к исторической традиции посредством устранения анархии, ставшей следствием не продуманных реформ. Это влекло за собой сокращение звеньев низовой представительской демократии, оказавшейся неэффективной в экстремальных условиях войны и подступавшей разруги»⁴. Раз по-

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 539.

² Ярославское восстание. Июль 1918. С. 98–99.

³ Цветков В.Ж. Восстание на Ярославской земле. С. 9–10.

⁴ Ермолин Е.А. Идеология Ярославского восстания // Ярославское восстание. Июль 1918. С. 40.

литика Временного правительства не удалась, то нужно возвращаться к «традиции» Российской империи — пока все же частично — обещающая созыв нового Учредительного собрания (старое было слишком «нетрадиционным») и передачу земли в собственность крестьян. Антисоветский маятник качнулся от эсеров направо.

Однако население вопреки этой авторитарной «традиции» действовало по-своему — в период осады была создана демократическая структура квартальных комитетов во главе с центральным квартальным комитетом. Комитеты вместе с городской управой занимались распределением продовольствия, тушением пожаров и охраной кварталов, оказанием помощи пострадавшему от обстрелов населению¹.

* * *

В первый день восстания были застрелены председатель исполкома Ярославского Совета Д. Закгейм и комиссар Ярославского военного округа С. Нахимсон. Закгейма убил офицер Перлин, которому поручили искать большевистских руководителей. За это убийство Перхуров, как он утверждал на суде в 1922 г., отстранил его от должности². Нахимсон был убит антисемитски настроенными офицерами после его ареста, уже во дворе милиции³.

Было арестовано до 200 сторонников Советской власти, 109 из которых разместили на полузатопленной барже (14 заключенных потом увели, но не расстреляли)⁴. Из-за обстрела вскоре их перестали кормить и практически не охраняли. Несколько человек погибло. Тогда заключенные сняли 18 июля баржу с якоря и уплыли к красным.

12 июля Перхуров и Кизнер выпустили объявление о том, что аресты могут совершаться только уполномоченными на это лицами⁵.

В городе работал гражданский суд. Перхуров утверждал, что суд вынес один смертный приговор, который командующий не утвердил. Еще 3–4 приговора были к заключению, что в условиях восстания имело мало смысла⁶. Можно говорить скорее о ритуале, чем о стремлении наладить правосудие под огнем артиллерии.

Красные с пленными не церемонились. И не только с повстанцами. Красный командир А. Поляков вспоминал: «Масса появилась из г[орода] беженцев, для чего у меня был организован концлагерь для более ненадежных, коих я направлял в таковой, но красноармейцы

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 47–48, 489.

² Там же. С. 310.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же. С. 258, 309.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 309.

по дороге по рукам судили того или иного беженца, если руки похожие на рабочие, то таковых вели в концлагерь, а непохожие на рабочие, то таковых расстреливали»¹. Есть и другие свидетельства о бессудных расправах красных².

20 июля красное командование приказало населению в течение 24 часов оставить город и выйти к Американскому мосту. Оставшиеся после указанного срока в городе будут считаться сторонниками мятежников. Сделать это под огнем было нелегко. На счастье ярославцев, 21 июля восстание закончилось.

* * *

Сначала обе стороны не имели резервов, и решительный натиск мог решить дело. У красных сначала было 500 бойцов³. Инициатива была у повстанцев, в их ряды записывались массы горожан — около 2000 (по другим данным, даже 6000⁴). Но на фронт потом явилось гораздо меньше людей. Как вспоминал полковник К. Гоппер, «главная причина состояла в том, что большинство явившихся на регистрацию, очевидно, полагали, что весь переворот уже кончен. Но когда увидели, что приходится еще драться, постепенно исчезали по своим домам вместе с оружием, и уследить за ними в уличных боях не было ни малейшей возможности. Вместе с подчиненными исчезали иногда начальники застав и десятков, обнажая, таким образом, целые улицы и кварталы. Вот на затычку таких дырок и уходили положительно все силы, которые только удавалось сформировать»⁵. Перхуров считал, что фронт держало около 600 бойцов при 60–70 пулеметах⁶.

К повстанцам присоединялись окрестные крестьяне, но некоторые, получив оружие, уходили назад в свои деревни. Крестьяне окрестных сел просили оружие на сотни бойцов, но в Ярославль пришло только 60–70, а остальные хотели воевать без отрыва от дома⁷. Восставшие и дальше продолжали агитировать крестьян присоединиться к ним, но без большого успеха. СЗРС делал ставку на военных, а не на политиков, так что опытных агитаторов, способных работать с крестьянами, в руководстве восстанием не было.

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 441.

² Там же. С. 469.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 303.

⁵ Из воспоминаний генерал-майора К.И. Гоппера о Ярославском восстании 1918 года. С. 88.

⁶ Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова. С. 67; Ярославское восстание. 1918. С. 354.

⁷ Из воспоминаний генерал-майора К.И. Гоппера о Ярославском восстании 1918 года. С. 86.

9 июля Перхуров объявил мобилизацию лиц в возрасте от 18 до 39 лет в «добровольческую» армию. При этом «право на землю имеют только те, кто будет защищать ее»¹. Эта угроза не дать землю остальным крестьянам была новостью, которая вряд ли обрадовала окрестные деревни. Но в том же документе Перхуров требует от тех, кто взял оружие и не хочет сражаться, вернуть его, а офицеров, не желающих сражаться, угрожал лишить офицерского звания². Так что мобилизация была относительной.

Мужчины, не желавшие идти на фронт, должны были вступать в самооборону для поддержания порядка или на общественные работы³.

В начале противоборства четкой линии фронта не было. Командир новгородского отряда А. Поляков, пытаясь вернуть артиллерийские склады, был захвачен белыми, но его отряд пытался его отбить. Капитан восставших счел за лучшее решить дело миром. Десять лет спустя Поляков с удовольствием вспоминал, как дал слово офицера, что после освобождения не будет атаковать Ярославль, но, вернувшись к отряду, тут же напал на освободившего его капитана, который был убит⁴.

Советское руководство в Москве, отвлеченное выступлением левых эсеров, сначала недооценило серьезность Ярославского восстания. Спротивление восстанию сначала пытался организовать созданный на станции Всполье революционный штаб, на основе которого 8 июля был создан ВРК Северных железных дорог во главе с И. Мироновым. Сначала в него вошли левые эсеры, но после получения известий из Москвы об их выступлении левых эсеров исключили. Наладить фронт пытался окружной военком В. Аркадьев, но он базировался в Иваново, лишь наезжая во Всполье. Назначенный им командующий бывший офицер К. Нейман не отличался инициативностью. 14 июля его сменил присланный военным наркоматом Ю. Гузарский, а Нейман стал его помощником. Со стороны Петрограда против заволжского плацдарма действовала группировка под командованием военкома А. Геккера. Координация двух «фронтов» — южного и северного была слабой, пока красные не заняли мост через Волгу. 16 июля по нему была протянута связь через Волгу. После этого кольцо сжималось в тесном взаимодействии двух красных группировок⁵.

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 32.

² Там же.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 439.

⁵ Там же. С. 64–65, 85–89.

К красным быстро прибыли отряды из Твери, Костромы, Кинешмы, Иваново-Вознесенска, затем полк китайцев¹. Уже 7 июля красные нарастили свои силы до 2500 бойцов². 9 июля у них было уже около 100 орудий³. Красные несли большие потери. Прибывшие подразделения китайцев потеряли 75–90 % своего состава⁴.

У повстанцев было два броневика, но один вскоре сломался. Красные тоже использовали броневики.

В заволжской части повстанцам удалось сделать импровизированный бронированный поезд, который действовал между станциями Урочь и Филино, но затем потерпел крушение.

И у красных было три бронепоезда, один из которых 18 июля полетел под откос, причем чуть не погиб командующий «южного фронта» Гузарский (он будет расстрелян по приказу Троцкого в 1919 г.).

Козырем красных было превосходство в артиллерии. Артиллерия красных разбила здание гимназии, в котором разместился штаб Перхурова, которому 9 июля пришлось эвакуироваться в здание банка. Гузарский считал: «Если не удастся решить дело иначе, придется скрыть город до основания»⁵. Были завезены химические боеприпасы, но их не стали применять.

Против Ярославля действовала молодая советская авиация. На Ярославль было сброшено 12 пудов динамитных бомб⁶. XX век только начинался.

Красные активно применяли зажигательные снаряды. На суде в 1922 г. Перхуров говорил: «Когда начались пожары, я не верил, как можно простым снарядом полевым произвести пожар. Я сам артиллерист и знаю, что полевым снарядом нельзя зажечь здание без соломенной крыши. Здесь же горели здания каменные и деревянные, во всяком случае с железными крышами. Потом я узнал, что стрельба производится зажигательными снарядами. Я сделал предложение, чтобы они прекратили стрельбу зажигательными снарядами, так как это приносит громадный вред населению, а на нас мало действует». Перхуров грозил, что за продолжение такой стрельбы «будет расплачиваться тот, кто сидит под арестом». Стрельба зажигательными снарядами прекратилась, зато стали прилетать крупнокалиберные шести- и восьмидюймовые снаряды⁷.

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 444–445.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 354, 445.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 158.

⁷ Ярославское восстание. 1918. С. 304–305.

Водокачка была повреждена орудийным огнем, и тушение пожаров прекратилось. Из-за пожара ночью было светло как днем.

Ярославский пожар уничтожил не только жилье, не только уникальные архитектурные сооружения, но и оказавшиеся в Ярославле в эвакуации культурные ценности: часть коллекции Артиллерийского исторического музея Петрограда, включая трофейные знамена и архивные материалы¹. От обстрелов погибло около трети города, а повреждены были практически все здания центра².

* * *

Тем временем 8 июля Савинков попытался организовать восстание в Рыбинске. Он вспоминал: «В ночь на 8-е я приказал выступить в Рыбинске. Наш штаб находился на окраине города в квартире маленького торговца. Жил я в квартире другого торговца, на берегу Волги, у самых большевистских казарм. Ночью мы собрались в штабе, и ровно в 1 час раздался первый ружейный выстрел. Но уже в 2 часа мой адъютант доложил мне, что, в сущности, бой проигран. Мы были преданы. Большевикам стали известны наши сборные пункты, и конные большевистские разъезды были на всех дорогах, ведущих к артиллерийским складам. Несмотря на это, артиллерийские склады были взяты. Но когда члены нашей организации двинулись, вооружившись, на Рыбинск, они встретили заготовленные заранее пулеметы. Им пришлось отойти. К утру, понесся большие потери, они вышли за город и окопались в нескольких километрах от Рыбинска»³.

После этого Савинков с остатками своего отряда организовал несколько диверсий, не оказавших заметного влияния на ситуацию в Ярославле, и подался в сторону чехословацкого фронта.

Также 8 июля СЗРС выступил в Муроме. Был захвачен арсенал, военный комиссариат, Совет и вокзалы. Советские активисты арестовывались. Руководитель ставки генерал Бонч-Бруевич накануне уехал в Москву и не попал в руки восставших.

Переворот организовали начальник милиции — бывший штабс-капитан Кравченко, руководитель военной частью Муромского уездного комиссариата — поручик Блескунов и другие бывшие офицеры, служившие в РККА. Восставших в Муроме возглавил штаб в составе Григорьева (в качестве временно исполняющего обязанности уполномоченного правительства, представителя центрального штаба при восточном отряде), Сахарова как командира Восточного отряда Северной Добровольческой армии, и купца А. Жадина как казначея.

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 14–15.

² Там же. С. 351.

³ Там же. С. 502.

Были выпущены приказы и обращения, в целом соответствовавшие аналогичным документам Ярославского восстания.

10 июля подошедшие из Владимира, Меленок, Коврова и Выксы красные отряды и местные коммунисты контратаковали Восточный отряд Северной Добровольческой армии и прогнали его из Мурома. Остатки белых ушли в сторону Казани. 24 захваченных участников восстания были расстреляны¹. Ярославль остался в одиночестве.

* * *

Союзники не высадились, Рыбинск молчал, силы красных нарастали. Перхуров понял, что нужно прорываться из города. Для обсуждения этого плана 13 июля был созван военный совет с участием гражданских политиков. Перхуров предложил прорываться из города, но генерал П. Карпов, местный житель, предложил держаться дальше, «заплестись в городе проволокой». Перхуров возражал, что «без патронов не поможет никакая проволока», но большинство участников совещания все равно были за продолжение обороны². Тогда Перхуров, который уже ни за что не хотел оставаться в обреченном на гибель положении, предложил «прорваться на пароходе вверх по Волге, затем зайти в тыл к противнику с севера и действовать для облегчения левобережного участка, положение которого особенно тяжелое»³. К определенному выводу не пришли⁴.

Перхуров решил прорываться из города во главе отряда желающих, уговорив Карпова командовать обороной и обещав ударить в тыл красным напротив Заволжской части⁵.

Выйдя утром 15 июля на пароходе из города, Перхуров с отрядом в 50 бойцов (больше Карпов не дал увести) высадился выше Толгского монастыря и принялся плутать в лесах. Крестьяне встречали эту вооруженную группу дружелюбно, но присоединялись к ней единицы. Перхурову дали проводника, и этот «Сусанин» завел белых в болото. В тыл красным перхуровцы вышли только через три дня. На левобережье было тихо, и Перхуров мог с чистой совестью удалиться от театра сражения, решив, что по крайней мере на этом берегу все кончено. Заволжский плацдарм был ликвидирован 16 июля⁶. Командиру Заволжского плацдарма Гопперу удалось скрыться.

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 567.

² Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова. С. 68.

³ Там же.

⁴ Ярославское восстание. 1918. С. 535–536.

⁵ Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова. С. 69.

⁶ Ярославское восстание. 1918. С. 135.

На суде в 1922 г. Перхуров признал, что не надеялся с 50-ю людьми «поправить дело»¹. Это был способ избежать неминуемой гибели. Перхуров повел свой постепенно распадающийся отряд в сторону Костромы. По дороге он нарвался на красных. Произошел небольшой бой, который обошелся без потерь для перхуровцев. Полковник распустил свой отряд и пробрался на Восточный фронт, где продолжил воевать в Народной армии и затем в армии Колчака.

16 июля красные предприняли штурм Ярославля, который был отбит². Но кольцо сжималось. Управа отправила к красным парламента — бывшего городского голову меньшевика С. Суворова, чтобы договориться об эвакуации мирного населения, но при подходе к позициям он был убит³.

После ликвидации заводского плацдарма очаг сопротивления, и без того сжавшийся до нескольких кварталов, мог обстреливаться с тыла. Положение, как и предсказывал Перхуров, стало безвыходным. Карпов скрылся.

Тогда штаб, который очень не хотел сдаваться красным, решил сдать «более достойному» противнику — немцам. Ведь повстанцы считали себя с ними в состоянии войны, а в Ярославле были немецкие пленные. Восставшие вооружили их и 21 июля сдались председателю германской комиссии — лейтенанту К. Балку. В условиях, когда большевики после убийства Мирбаха были готовы на широкие уступки немцам, это было не так глупо. Конечно, при условии, если бы судьба пленных савинковцев заинтересовала германское посольство.

По мнению Е.Я. Ермолина и В.Н. Кизлякова, капитуляция восставших перед немцами была продиктована «кодексом офицерской чести, в соответствии с которым сдача “официальному” военному противнику достойнее, чем капитуляция перед той властью, которую восставшие не признавали»⁴.

Балк принял капитуляцию 56 офицеров и выпустил воззвание: «Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской федеративной республики и уполномоченная тем же правительством германская комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее: 1) штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой армии объявил 8-го сего июля германской комиссии № 4, что добровольческая армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к жела-

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 332.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 14.

тельными результатам, и дабы избежать дальнейших разрушительных бедствий, Ярославский отряд Северной Добровольческой армии 21 июля 1918 года предложил германской комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие. Германская комиссия № 4 приняла предложение. 2) Комиссия передает штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее. Германская комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета. Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку.

Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее! Ярославль, 21 июля. Председатель германской комиссии № 4 лейтенант Балк»¹.

Но Гузарский не стал играть в эти дипломатические игры, а просто накричал на Балка и заставил его уступить — все арестованные были переданы красным на расправу, тем более что германское посольство не изъявило желания заниматься этим делом.

После допроса 41 член штаба был расстрелян 22 июля. Всего в эти дни было расстреляно около 400 человек². Позднее, до 1922 г., было разыскано еще 339 участников выступления³.

Савинков подводил итоги восстания, оправдывая свой авантюризм: «Его нельзя назвать удачным, но оно не было бесполезным. Впервые не на Дону и не на Кубани, а в самой России, почти в окрестностях Москвы, русские люди, без помощи кого бы то ни было, восстали против большевиков и чем доказали, что не все русские мирятся с национальным позором Брест-Литовского мира и что не все русские склоняются перед террором большевиков. Честь была спасена. Слава тем, кто пали в бою»⁴. Собственно, в эти же дни левые эсеры доказали, что «не все русские мирятся с национальным позором Брест-Литовского мира». Стоило ли ради этого еще и сжигать Ярославль? С точки зрения восставших, в ярославском пожаре были виноваты большевики — они применили то оружие, которого от них не ожидали. XX век только начинался, но мировая война уже покрыла развалинами Европу. Нужно было понимать, что между жизнью своих бойцов и целостностью зданий большевистские командиры выберут первое. А о

¹ Ярославское восстание. Июль 1918. С. 100–101.

² Ярославское восстание. 1918. С. 589.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 503.

старинных документах и знаменах в этой заварухе не думали ни те, ни другие. Что им слава военной истории, когда они сами решили писать славную военную историю!

Вечный спор: стоит ли вооруженная борьба за идеалы той крови и разрушений, которые она с собой несет? Мужество революционных и контрреволюционных бойцов делает им честь и обеспечивает место в истории, но стоит ли оно сгоревших рукописей и разрушенных зданий? Этот вопрос вставал перед парижскими коммунарами, бойцами декабрьского восстания в Москве в 1905 г., участниками гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг., Варшавского восстания 1944 г. и других критических ситуаций, от которых зависела история. Были и другие ответы. Чехи жалели Прагу в 1938–1939 гг. и сдались нацистам. В 1940 г. французы пожалели Париж... Есть простой лозунг «Свобода или смерть». Смерть реальна, а свобода относительна и после победы «освободительных» сил редко приходит в той мере, которую ждут бойцы. После победной эйфории наступает разочарование будней. А ведь после победы и поражения остаются развалины, пепел и трупы. Это не романтическая игра, как она видится до начала «дела». Стоит ли начинать? Но стоит ли жить в том, что ты считаешь рабством? И есть ли другой путь кроме рабства и восстания? Пока он есть, стоит его искать и по нему идти. Пока он есть.

Пробная интервенция

Время поиска компромисса между Антантой и Советской Россией подходило к концу. 1–3 июня Высший военный совет Антанты принял решение о занятии союзными силами Мурманска и Архангельска. Чехословацкий корпус было решено оставить в России.

Клемансо заявил, что нужно направить в Россию союзные войска, чтобы «не допустить резню чехов»¹. Впрочем, пока чехи отлично справлялись с красными вдоль Транссиба и 29 июня свергли Советскую власть во Владивостоке.

17 июня в Мурманск прибыл генерал Ф. Пуль, назначенный главнокомандующим войска Антанты на севере России. Он принялся формировать славяно-британский легион из местных. Красные силы на севере были разбросаны и не превышали 4 тыс. бойцов. Гарнизон Архангельска составлял до 600 красноармейцев².

6 июня советская сторона протестовала против направления британского экспедиционного корпуса на север России. Локкарт в ответ

¹ Цит. по: Дэвис Д., Трени Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 273.

² Какурин Н.Е. Как сражалась революция. С. 208.

ссылался на то, что большевики вывозят военное имущество союзников из Архангельска¹.

В своей телеграмме госсекретарю США Р. Лансину 22 июня посол Д. Фрэнсис продолжал настаивать на более активном участии США в союзной интервенции: «Рабочие и крестьяне повернулись против Советского правительства, потому что они видят паралич правительства и сталкиваются с голодом... Русские люди уверенно ожидают союзную интервенцию и будут ее приветствовать, если отчаявшиеся в интервенции и подозревающие союзников в поддержке Советского правительства не обратятся за поддержкой к Германии как к последней надежде... Германию уже постиг бы голод, если бы не украинское продовольствие». Америка имеет «право на лидерство» в интервенции, что особенно важно, если иметь в виду послевоенные экономические отношения. «Русские ожидают, что Америка возглавит интервенцию; нас не подозревают в территориальных амбициях, и немногие обвиняют нас в зловещих коммерческих намерениях... В то же время эти люди нуждаются в руководстве и потому полагаются на нас». Посол предлагает направить в Россию продовольствие, стоимость которого компенсировать российскими товарами — вероятно, захваченными, так как предполагается затем «его бесплатная раздача», «которая стала бы хорошим капиталовложением и убедила бы русских ожидать руководства от Вашингтонского правительства». В случае интервенции с востока чехословацкие войска захватят весь Транссиб, а на долю немцев останутся разве что Москва и Петроград. По мнению посла, большинство русских людей в этих условиях встанут на сторону Антанты².

Но пока США даже сдерживали интервенцию, так как не соглашались предоставить Японии свободу рук на Дальнем Востоке. 24 июля Япония, наконец, подтвердила свою приверженность территориальной целостности России и заявила о готовности направить семитысячный контингент. 16 августа во Владивостоке также началась высадка семитысячного американского контингента — для соблюдения баланса с Японией (затем оба государства наращивали свои силы на российской территории). Высший военный совет Антанты благословил интервенцию на Дальнем Востоке. К середине сентября во Владивостоке и Сибири находилось уже примерно 70 тыс. японцев, 9 тыс. американцев и полторы тысячи британских войск³.

¹ *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Цит. по: *Быков А. В., Панов А. С.* Дипломатическая столица России. С. 74–75.

³ *Дерябин А. И.* Гражданская война в России 1917–1922. Войска интервентов. М., 1999. С. 12–24; *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

От Владивостока началось наступление на Хабаровск, который 4 сентября чехословацкие легионеры взяли вместе с интервентами: «С нашей стороны в бою участвовали три батальона чехословаков, один английский батальон, один французский батальон и отряд атамана Калмыкова. Все они проявили отвагу в своих действиях. С фронта наступал японский отряд, который, к сожалению, в этот день потерял убитыми и ранеными 200 человек»¹, — писал о союзном боевом братстве японский генерал Оой.

После долгих переговоров маршал Ф. Фош как командующий на Западном фронте санкционировал направление в Россию части американских войск, предназначавшихся для Франции. В сентябре на севере России был высажен американский экспедиционный корпус численностью 4800 солдат.

С 10 июля НКВД стал настойчиво рекомендовать посольствам, осевшим в Вологде, приехать в Москву. 12 июля в Вологду прибыл К. Радек, который высказывал решимость привезти «весь зверинец» под конвоем². Формальный повод приглашения, изложенный Радеком, был связан с убийством Мирбаха и восстанием левых эсеров: «авантюристические элементы, которые сделали попытку втянуть Россию в войну посредством убийства германского посла, попытаются защититься от обвинения в том, что они действовали по подстрекательству союзников путем нападения на представителей держав Антанты». Да и находящиеся поблизости немецкие пленные возбуждены убийством посла³. Мало ли что.

Но по сути большевики ставили вопрос ребром: в России не должно быть параллельной столицы, куда в случае занятия ее интервентами, могут съехаться противники большевиков и получить там международное признание. Либо послы приезжают к непризнанному ими советскому правительству, то есть по сути признают новую власть, либо они не могут оставаться в России. Френсис был «против того и другого»⁴. Радек заявил, что «несогласие с нашей просьбой мы будем рассматривать как недружественный и враждебный акт»⁵.

Послов вдохновляла неудача Радека и других коммунистов на митинге в Вологодских железнодорожных мастерских, где была проголосована эсеровская резолюция, критиковавшая политику Совнаркома и намекавшая на желательность союзной интервенции — каза-

¹ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.). Сборник документов. Владивосток. 1955. С. 190.

² Быков А.В., Панов А.С. Дипломатическая столица России. С. 156.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Там же. С. 163.

лось, что почва под советским правительством проваливалась. Радек предупредил британского консула Ф. Линдлея, что «любое расширение мурманского предприятия будет означать войну с Россией»¹.

Послы отказались ехать в Москву. Посольства были взяты под охрану во избежание нежелательных контактов. 17 июля Радек покинул Вологду. Стало ясно, что «вологодское сидение» заканчивается. На совещании послов было решено добиваться переезда в Архангельск, к морю. Как сообщал Френсис, «Чичерин ответил, что ехать в Архангельск означает покинуть Россию и спросил, таковы ли наши намерения». Френсис был намерен ответить, что покинет Россию только по принуждению. Но другие послы внесли коррективы в телеграмму: «Если по прибытии в Архангельск местные власти сочтут небезопасным для нас оставаться там, мы уедем с сожалением и с надеждой на скорое возвращение»². Советское руководство решило выпустить послов. 25 июля они покинули Вологду. Из Архангельска 30 июля дипкорпус перебрався в Кандалакшу, уже занятую британцами. Последние сотрудники посольств и подданные США и Великобритании были вывезены из Вологды 3–6 августа и позднее покинули страну. Послы вернулись в Архангельск после занятия его интервентами.

В новых условиях сотрудничество советских властей с союзниками в Мурманске становилось неуместным. 6 июня Ленин и Чичерин «напомнили» председателю Мурманского Совета А. Юрьеву, что корабли Антанты по Брестскому миру не могут входить в российские территориальные воды, на что Юрьев 14 июня сообщил: «Противосоюзническая политика краесовета невозможна. Заставить союзников силой уйти невозможно. Военная сила неоспоримо на их стороне»³. 25 июня Ленин и Троцкий потребовали от Мурманского Совета организовать отпор английскому десанту⁴, чего тот сделать не мог. Тогда 26 июня Ленин раздраженно заявил Юрьеву: «Если Вам до сих пор не угодно понять советской политики, равно враждебной и англичанам, и немцам, то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа»⁵. 30 июня Юрьев на заседании Совета, Совета железнодорожников и Центромурз заявил, что указания Ленина исполнению не подлежат, и союзники должны остаться. 1 июля Юрьев был объявлен врагом народа.

¹ Быков А. В., Панов А. С. Дипломатическая столица России. С. 159–160.

² Там же. С. 175.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1959. С. 611–612; Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. Мурманск, 1960. С. 199.

⁴ Там же. С. 622.

⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 106–107.

Совнарком направил своего чрезвычайного комиссара С. Нацаренуса в Мурманск. Он поставил командующему британской эскадрой Т. Кемпу ультиматум: либо союзники признают советское правительство, и тогда возможны совместные действия — в данном случае против финских войск, угрожающих железной дороге из Мурманска на юг. Либо войска союзников должны покинуть территорию России. Союзники не собирались делать ни того, ни другого. 2 июля они взяли Кемь, разогнали там Совет и расстреляли трех членов его исполкома — А. Каменева, П. Малышева и Р. Вицупа. 17 июля представители Мурманского Совета подписали соглашение с союзниками о приглашении их войск в Мурманск и окрестности. Союзники нарастили здесь свою группировку до 12–15 тыс. солдат¹. Когда стало известно, что послы находятся в безопасности, британские корабли с десантом двинулись в сторону Архангельска.

31 июля интервенты захватили Онегу. 2 августа Ленин писал стороннику сохранения дипотношений с Антантой Иоффе: «Проводить “прежнюю” политику неразрыва с Антантой после Онеги — смешно. Нельзя же даму с ребеночком сделать опять невинной»².

2 августа войска Антанты высадились в Архангельске. Это стало сигналом для выступления подпольной организации, созданной местными эсерами и офицерами при участии эмиссаров СВР С. Маслова, Я. Дедусенко и М. Лихача. Было создано правительство социалистов во главе с энесом Н. Чайковским (Верховное управление Северной области). По сведениям энеса В. Игнатьева, для генерала Пуля создание этого правительства было неприятным сюрпризом, он бы предпочел партнеров с более правыми взглядами. Но дипломатический корпус Антанты поддержал правительство Чайковского³.

Силы интервентов в Мурманском крае летом составили 10 334, в Архангельске — 13 182 солдат и офицеров. Только осенью красным удалось стянуть на Северный фронт более 10 тыс. бойцов⁴. Имея такое превосходство, интервенты могли бы беспрепятственно двигаться к Вологде и Ярославлю. Но они не горели желанием углубляться в российское осиное гнездо.

Об этом не знали в Москве, где высадка союзников произвела сильное впечатление. В беседе с Локкартом заместитель Чичерина Карахан рассуждал о перспективе перехода большевиков в подполье⁵. Но вскоре выяснилось, что союзники смогли выкроить для

¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922). Т. 1. С. 767.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 134.

³ Воспоминания В.И. Игнатьева // Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 118.

⁴ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. С. 209–210.

⁵ Локкарт Б.Р.Г. История изнутри. Мемуары британского агента. С. 283.

десанта крайне незначительные силы, с которыми было бы нелегко взять Москву. Надежды на то, что корпус союзников станет ядром новой мощной русской армии не оправдались. Высадка не сыграла роли детонатора, так как «белый» актив уже в большинстве своем откочевал на юг и восток, а накануне были разгромлены антибольшевистские восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске, организаторы которых надеялись на союзную помощь, но напрасно. Интервенты произвели не решительный натиск, а пробную интервенцию малыми силами на двух дальних окраинах. Идти на Москву они не собирались, снимать силы с Западного фронта в условиях решающих сражений — тем более.

* * *

Поняв, что угроза с севера не так уж велика, большевистское руководство решило заканчивать историю неофициальных контактов с союзниками. 4–5 августа прокатилась волна арестов подданных государств Антанты. 31 августа британское и французское посольства были заняты советскими отрядами, британский военно-морской атташе Ф. Кроми оказал им сопротивление и был убит (возможно — собственным агентом)¹. Кроми не случайно оказал сопротивление чекистам. Ему нужно было выиграть время, пока уничтожались важные документы: «Доказательством активной вербовки бывших командных кадров, которую осуществлял Кроми всю первую половину 1918 г., стали списки российских подданных, готовых перейти на службу к англичанам, обнаруженные чекистами 31 августа 1918 г. во время захвата и обыска здания британской миссии на набережной р. Мойки... Одним из таких офицеров являлся некий А.В. Фриде, латыш по национальности, бывший подполковник царской армии, поступивший на службу к большевикам и занимавший должность начальника отдела в штабе Московского военного округа. Обладая доступом к секретным оперативным документам, он играл заметную роль в организации заговора, а его сестра — Мария являлась связником Рейли (как и его любовницей) и Локкарта»². Е.Ю. Сергеев продолжает: «На наш взгляд, необходимо лишь добавить один важный нюанс: лицом, которое выступило поручителем за Шмидхена и Бредиса перед Кроми в Петрограде, был не Рейли, как постфактум сообщал Локкарт в своем отчете для Форин офис, а Мария (Мура) Игнатъевна Закревская, носившая после первого замужества фамилию Бенкендорф, а после второго — Будберг. Будучи наподобие известной М. Хари сильной личностью авантюрного

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Там же.

склада и работая переводчицей в британской миссии на берегах Невы с декабря 1917 г., фактическое руководство которой после отъезда в Британию Бьюкенена перешло к Кроми, Закревская одновременно выполняла отдельные поручения контрразведывательного отдела ВЧК как внештатный сотрудник. Кроме того, очевидно, что в случае с Локкартом служебные мотивы действий Муры переплетались с взаимным сильным личным чувством, которое заставило молодого дипломата опустить в официальном отчете, а затем и мемуарах подробности участия в заговоре его любовницы»¹.

24–26 августа прошла волна арестов, направленная на разрушение антисоветского подполья, связанного с союзниками.

3 сентября был арестован Локкарт (уже вторично). Он обвинялся в том, что пытался подкупить командира артиллерийского дивизиона латышских стрелков Э. Берзина для совершения переворота в Кремле. Арест или уничтожение советского руководства должно было привести к захвату Москвы антисоветскими силами.

Советская пресса провозгласила, что раскрыт «заговор послов», хотя арестован был не посол, а неофициальный представитель Великобритании. В организации заговора с целью свержения Советской власти были обвинены также посол Франции Ж. Нуланс, генеральный консул Франции Ф. Гренар, посол США Д. Фрэнсис, лейтенант разведывательной службы Великобритании С. Рэйли, капитан разведывательной службы Франции А. Вертимон (они были вне досягаемости ВЧК), а также резидент разведки США К. Каламатиано. К следствию были также привлечены русские офицеры А. Фриде, А. Загряжский и др.

По версии самого Локкарта, он «всего лишь» дал делегатам латышей «охранную грамоту» на случай, если они сдадутся англичанам в случае их посылки на Северный фронт, хотя британский агент С. Рэйли (З. Розенблюм), действовавший по поручению Локкарта, мог договариваться о более решительных шагах². При этом даже в своих мемуарах Локкарт рассказывает, как участвовал в финансировании антибольшевистского подполья³.

Историк С.Ю. Сергеев пишет о «разочаровании Локкарта относительно перспектив сотрудничества с большевиками, которые он так рьяно отстаивал на протяжении февраля — марта 1918 г., вызывая, как уже говорилось, недоумение и даже подозрения руководства. Ключевыми моментами в переосмыслении молодым дипломатом

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Локкарт Б.Р.Г. История изнутри. Мемуары британского агента. С. 289–290, 296.

³ Там же. С. 268, 287.

целей своей миссии в РСФСР стало, во-первых, начало посольства В. фон Мирбаха в России, а, во-вторых, принятая вслед за приездом последнего резолюция ЦК РСДРП(б) о продолжении «линии Бреста» во внешней политике Кремля... Документы свидетельствуют, что Локкарт обеспечивал дипломатическое прикрытие и частичное финансирование переворота, в то время как уже знакомый читателю военный атташе Кромби и Рэйли выступали в роли его технических организаторов — первый в Петрограде, а второй — в Москве. В это же время сотрудники официальной дипломатической миссии под руководством Линдли, следуя инструкциям Форин офис, воздерживались от непосредственного участия в подготовке заговора, информируя Лондон о ситуации в России и обеспечивая продолжение контактов в торгово-экономической области, хотя могли выполнять отдельные поручения Локкарта в зависимости от быстро менявшейся ситуации»¹.

Поскольку латыши, с которыми установили контакт Локкарт и Рейли, сотрудничали с ВЧК, то и заговорщическая деятельность британских представителей проходила под контролем чекистов. Им удалось внедрить своих агентов и в окружение Кромби, но, если верна версия об убийстве Кромби одним из них — там были и двойные агенты, которые не хотели афишировать всю подноготную своей работы на британцев.

Берзин 19–28 августа получил от британцев 1300 тысяч рублей (собранных под английские гарантии с местных предпринимателей), которые поступили в советскую казну. Сначала план Локкарта и Рэйли заключался в том, чтобы спровоцировать уход латышей с позиций и открыть таким образом путь союзникам на Вологду. Но союзники не очень-то стремились прорываться к Вологде, и план изменился. Теперь планировалось во время заседания ВЦИК 28 августа арестовать народных комиссаров и объявить о передаче власти директории в составе трех человек, председателем которой станет Берзин, а одним из членов — сам Рэйли.

Как пишет Е.Ю. Сергеев, «поскольку интервенция носила коалиционный характер, Локкарт просто не мог обойтись без поддержки своих коллег — упоминавшихся генеральных консулов Британии — Уордропа, Франции — Гренара и США — Пуля вместе с руководителем американского информационного бюро Каламатиано, а также представителей военных миссий Антанты, все еще остававшихся на территории Советской России... Начальник Северного департамента

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

британского МИД, курировавшего отношения с Россией, Дж. Грегори сообщил Локкарту 30 июля 1918 г.: «Ваша деятельность одобрена, можете ее продолжать...» ...Наше исследование показывает, что Рейли и Кроми сумели убедить Локкарта откорректировать первоначальный замысел с переносом акцента на захват власти в обеих столицах, когда ожидавшееся стремительное наступление экспедиционных сил Антанты на севере России не состоялось»¹.

24 сентября 1918 г. советские газеты опубликовали письмо французского журналиста Р. Маршана президенту республики Р. Пуанкаре, в котором журналист написал о секретном совещании дипломатов и военных представителей государств-союзников в московском здании американского консульства 25 августа, где присутствовал сам Маршан. Совещание было посвящено подготовке переворота и взрыву моста через Волхов. Однако сам факт такого обсуждения еще не означал, что было принято решение о таких действиях.

По мнению Е.Ю. Сергеева, на встрече союзников в московском здании американского генконсульства 25 августа авантюристический план Рейли по захвату власти в столицах был отвергнут большинством собравшихся. Но неутомимый британский разведчик лишь перенес его осуществление на 6 сентября, когда должно было состояться совместное заседание ВЦИК и Московского Совета. «На наш взгляд, есть все основания утверждать, что Локкарт, как и другие союзные дипломаты, просто “умыл руки”, будучи хорошо осведомленным о трансформации изначального замысла привлечения к заговору “преторианской гвардии” большевиков, но предпочтя переложить выполнение всей “грязной работы” на Рэйли, Кроми и их агентуру», — делает вывод Е.Ю. Сергеев.

Разумеется, ни 28 августа, ни 6 сентября переворот не мог произойти, потому что все эти конспирации проходили под контролем ВЧК, с которой тесно сотрудничал Берзин. После терактов 30 августа было решено заканчивать с этой игрой и приступать к арестам представителей Антанты.

Французская миссия также как могла помогала антисоветскому подполью, поддерживая и диверсионно-террористическую деятельность. Сотрудник французской миссии П. Паскаль писал в июле в дневнике: «В миссии существовал склад гранат и револьверов. Гудин брал время от времени, вечером эти гранаты и объявлял, что идет делать хорошую работу»². «Гудин сотрудник Борда». Борда — «капитан французской миссии в Яссах, которую в начале 18-го года гене-

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. С. 515.

рал Бертело командировал в Новочеркасск с деньгами для поддержки белого движения»¹.

Обсуждался вопрос о предании Локкарта суду ревтрибунала с последующей казнью. Но в Великобритании был арестован советский представитель М. Литвинов, и советское правительство решило обменять на него Локкарта. 3 октября 1918 г. Локкарт и остававшиеся в России работники британской и французской миссий были высланы из России. Ж. Садуль и Р. Маршан остались, связав свою судьбу с коммунистическим движением.

3 декабря Верховный революционный трибунал приговорил Каламатиано и Фриде к расстрелу (еще шестерых во главе с Локкартом приговорили к расстрелу заочно); 8 обвиняемых — к различным срокам заключения. Каламатиано в итоге не стали расстреливать и выпустили в 1921 г. Фриде был 17 декабря 1918 г. расстрелян².

* * *

29 июля, выступая на расширенном заседании ВЦИК, Ленин заявил: «Война гражданская у нас теперь... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое... Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну»³. Эта война продолжалась и после завершения Первой мировой войны. Интервенция стала фактором углубления Гражданской войны в России, не поспособствовав при этом успеху Антанты в борьбе с Германией и ее союзниками.

Но официально объявлять войну государствам Антанты не стали. 24 октября последовала нота НКВД в адрес президента Вильсона о готовности к мирным переговорам с союзниками; 3 ноября аналогичное обращение было направлено руководителям Антанты с возможностью посредничества нейтральной Швеции, а спустя еще три дня с предложением мира выступили делегаты VI Всероссийского съезда Советов.

Официально государства Антанты тоже не вели войну с Россией и действовали в интересах российского государства, представленного региональными антисоветскими правительствами, а затем — Директорией и Колчаком.

¹ Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. С. 514.

² О «заговоре послов» см. также: Архив ВЧК. М., 2007. С. 489–592; Зданович А. А. «Латышское дело». Нюансы раскрытия «заговора послов» // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 25–32; Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 13, 17.

Под покровом западных «демократий» архангельская политическая система сохраняла плюралистичный характер и эволюционировала направо. У власти были правые социалисты во главе с Н. Чайковским.

Правые круги «Национального союза», группировавшиеся во круг кадета Н. Старцева и бывшего комиссара при Корнилове М. Филоненко, саботировали работу более левого правительства. Интервенты, которым не хотелось самим активно сражаться с красными, формировали в качестве основы местной армии Славяно-британский легион. Энес В. Игнатьев, один из лидеров СВР, так характеризовал легион: «Мы оказались в ядре черносотенцев, взятых под свою защиту и на свою службу английским командованием; русскому военному командованию батальон не подчинялся»¹.

Фронт против РККА держали также образовавшиеся летом повстанческие отряды антисоветски настроенных крестьян.

6 сентября войска во главе с находившимся на британской службе капитаном Г. Чаплиным вовсе арестовали правительство и отправили его на Соловки. Чаплин передал власть кадету Н. Старцеву. Но сторонники социалистов смогли организовать забастовку против переворота и подтянуть к Архангельску крестьянские отряды. В этих условиях, по требованию посла Фрэнсиса, Пуль вернул правительство в Архангельск. В качестве компромисса значительные полномочия были переданы губернатору Северной области полковнику Дурову, который получил свой пост под влиянием союзников². Чаплин на время был сослан, но вернулся к активной деятельности в белом движении в 1919 г.

Чаплинский путч не прошел бесследно. 7 октября было сформировано новое правительство Чайковского — уже без социалистов, с преобладанием кадетов. Самым левым там оказался кадет П. Зубов, сотрудничавший с СВР.

Однако настроение архангельцев было иным — социалисты во главе с эсером А. Ивановым победили на выборах в гордуму. СВР в крае стал действовать как партия, включавшая эсеров, энесов и левых кадетов, отстаивая сохранение демократических норм против военщины. При этом более левые силы поддерживали крестьянские отряды, даже собирали на них средства.

Проанализировав союзную прессу, исследователь М. Левидов пришел к выводу: «Интервенционистская идеология развивалась постепенно: речь шла сначала об охране запасов союзников, о восстановлении порядка во Владивостоке, о парализовании герман-

¹ Воспоминания В.И. Игнатьева. С. 117.

² Там же. С. 120.

ской угрозы на Мурмане, об оказании помощи чехо-словакам в их движении на Владивосток. Одна за другой все эти причины были отбрасываемы, один за другим снимались эти покровы, и за несколько дней до фактического начала интервенции совершенно отчетливо определилось, что основной целью ее является сбросить Советскую власть силами, состоящими из союзников, чехо-словаков и русских военных формирований»¹. Эта картина выглядит как постепенная реализация коварного плана. Но такая же последовательность возникает и при реагировании на меняющуюся ситуацию в России. Ведь союзники действительно не желали терять имущество, заботились о создании опорных пунктов в России на случай превращения страны в поле боя с Германией и ее союзниками. Воспринимая большевиков как враждебную силу, союзники до начала выступления Чехословацкого корпуса колебались между политикой сотрудничества с властью, существовавшей де-факто, и поддержкой малоэффективных попыток свержения большевизма. Выступление чехов и словаков дало новый шанс, которым руководители Антанты просто не могли не воспользоваться, но в силу продолжения Первой мировой войны они не могли выделить достаточно сил, чтобы довести дело до конца с помощью собственных войск. Оставалось надеяться на поддержку «здоровых сил русского народа», на гражданскую войну в России.

Поход от Москвы

На советское счастье, белые лидеры в 1918 г. «перепутали задачи», на что были свои причины. С военно-политической точки зрения было бы разумнее, если бы Донская армия Краснова обороняла Дон, а Добровольческая армия Деникина перешла в наступление на север и северо-восток. Такое распределение ролей было бы обусловлено характером мотивации двух армий. Казаки не хотели уходить за пределы Дона — вплоть до неповиновения некоторых частей. Краснову даже для похода на Царицын приходилось придумывать объяснения о том, что без занятия близлежащих городов нельзя обеспечить безопасность области Войска Донского. Краснов понимал, что в действительности эту безопасность нельзя было обеспечить без разгрома Советской власти в целом, но объяснить это казакам было трудно.

Бойцы Добровольческой армии, напротив, мечтали войти в Москву. Мотивацией их борьбы был колокольный звон при вхождении в древнюю столицу и победный парад в центре Петрограда. Вместо

¹ Левидов М. К истории союзной интервенции в России. С. 174.

этого Деникин повел свою армию в противоположном направлении. Почему?

Основных причин было три, и все они были идеологическими, а не военно-стратегическими. Во-первых, Деникин не хотел, чтобы его тылом в борьбе за Москву был Дон — неподконтрольный, своевольный и возглавляемый соперником в борьбе за лидерство в белом движении. Во-вторых, Деникин и значительная часть «первопоходцев» жаждали реванша за поражение на Кубани, за разорение могилы Корнилова и ледяное отступление, подобное бегству французов из России. Миф «ледяного похода» не мог быть полноценным без победного занятия Екатеринодара. В-третьих, Деникин считал большевиков немецкими марионетками, а своим главным врагом — Германию. Но к полноценной войне с немцами Добровольческая армия была совсем не готова, эта война могла быть только символической — без прямого соприкосновения (и при фактическом союзничестве через посредство Краснова, передававшего добровольцам оружие, полученное от немцев). Наступление на север неминуемо привело бы к ситуации, когда фланг Добровольческой армии соприкоснулся бы с германскими оккупационными войсками. И пришлось бы либо унижаться рукопожатиями с врагом, либо начать реальную военную конфронтацию и получить мощный удар во фланг. Но немцы не собирались летом 1918 г. еще глубже влезать в российскую гражданскую войну — у них было достаточно проблем на Западе и на Украине.

Могла ли Добровольческая армия наступать на север, имея в тылу действовавшую на Северном Кавказе 11-ю красную армию? Но вот тут-то и могли проявить себя донские белоказаки. Они встали бы на пути напавших с Кубани красных, обороняя свой Дон и помогая кубанским белоказакам. Такое распределение ролей было чрезвычайно опасно для Красной армии именно в середине 1918 г., пока она еще только формировалась и не смогла удержать даже Казань. Позднее, когда Деникин развернул наступление на север в 1919 г., РККА была уже готова к отпору.

Именно Второй Кубанский поход Добровольческой армии дал большевикам такую же передышку при обороне центра своей территории, как и промедление Сибирской армии с выступлением на фронт в европейской части страны.

23 июня Добровольческая армия под командованием А. Деникина численностью до 9 тыс. человек начала свой Второй Кубанский поход.

Красные были в это время слабо мотивированы, дисциплина была низкой. Главной задачей считалось сопротивление немцам, которые еще в мае продолжали здесь наступать, но затем остановились. Внут-

ренный фронт до июня казался чем-то второстепенным. Солдаты обжились на фронте, были не чужды пьянству. Впрочем, как только над красными нависла смертельная угроза, шкурники стали разбегаться, а идейно мотивированные бойцы — ответственнее относиться к выполнению приказов, выработанных часто коллегиально. Выбранные командиры должны были заботиться не только о благосостоянии бойцов, как в спокойное время, но и о выживании, что требовало непопулярных решений, к которым теперь бойцы относились с пониманием. Усилилась и борьба с пьянством, в чем тоже помогала военная демократия. Как вспоминал член ЦИК Северокавказской республики Е. Лехно, «я не знаю случая, чтобы командир пьянствовал, и отряд его не переизбрал... Под пристальными взглядами бойцов невозможно было пьянствовать в то время»¹. Но командиры еще не привыкли сами выполнять приказы без обсуждения — армия была очень плохо управляемой.

Во второй половине 1918 г. белые уступали красным в численности и, что естественно, превосходили в организованности. На 1 августа 1918 г. против 20–25 тыс. солдат Деникина действовало 60–100 тыс. красных. Эта неравная борьба придает белым ореол романтических героев, которые противостояли бесчисленным ордам варваров. Но уместно задуматься — почему страна раскололась таким образом, что белая идея увлекла явное меньшинство тех, кто был готов определять судьбу страны с оружием в руках? Почему белым удавалось долгое время противостоять поднявшимся против них массам прежде всего за счет профессиональной подготовки офицерских частей и помощи внешних сил?

Затем соотношение сил стало меняться. Обе стороны привлекали солдат в свои ряды убеждением и силой (нередко насилие с одной стороны было причиной того, что человек присоединился к другой). Постепенно организованность красных росла (в том числе и за счет притока офицерства в их ряды), зато белые набирали в числе за счет мобилизаций, теряя при этом в качестве.

Не только Троцкий в Центральной России, но и командующий Кубано-Черноморской советской армией А. Автономов, который основным противником считал немцев, надеялись привлечь к строительству армии старое офицерство. А. Шкуро вспоминает, что во время его пребывания в Пятигорске Автономов обратился к нему, а затем к генералам Н. Рузскому и Р. Радко-Дмитриеву, которые там отдыхали, с предложением возглавить советские войска. «Моя главная задача, — начал Автономов, — помирить офицерство с со-

¹ Цит. по: Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006. С. 331.

ветской властью для того, чтобы начать борьбу против немецких империалистов, по-прежнему в союзе с Антантой, и добиться отмены позорного Брест-Литовского мира. Если немцы доберутся теперь до Кубани, где имеются громадные запасы всякого рода, то это их чрезвычайно усилит. Я прошу вас, господа, помочь мне в этом отношении. Не думаю, конечно, сохранить за собою должность Главкома. Было бы желательно пригласить на этот пост генерала Рузского или Радко-Дмитриева»¹. Гражданская война еще только разгоралась, и на периферии патриотические мотивы продолжали конкурировать с социально-идеологическим расколом.

Правда, Шкуро сопровождает свой рассказ такими подробностями, что либо Автономов морочил голову своим партнерам, убеждая их в своей антисоветскости, либо Шкуро сознательно дискредитировал Автономова в своих мемуарах: «Автономов хвалился, что он уже, при посредстве Гуменного, передал Добровольческой армии на станции Тихорецкой несколько составов с вооружением»². Представить себе такую передачу в тех условиях трудно. Рисуя образ Автономова как белого агента-вредителя, Шкуро забыл, что чуть выше писал о стремлении Автономова помирить офицеров и генералов с Советской властью. Но в том, что Автономов пытался привлечь офицеров к военному строительству, не было ничего необычного. Вскоре начнется мобилизация офицеров в РККА. Генералы, если верить Шкуро, отказались вступить в Красную армию, мотивируя это тем, что при первой неудаче красные своих начальников и расстреляют. К тому же у красных нет того, «что мы привыкли понимать под словом армия». И вообще они «мерзавцы». Радко-Дмитриев к тому же не собирался действовать против Деникина³.

Вскоре начнется красный террор, и «бесхозных» генералов казнят, увязав это с «мятежом» Сорокина, к которому они не имели никакого отношения. Но их враждебность Советской власти Шкуро в своих воспоминаниях вполне подтвердил. Оставаться нейтральным в Гражданской войне для офицеров и генералов становилось невозможным.

Попытка заигрывать с будущими белыми подорвала репутацию Автономова. А. Шляпников рассказывал: «Приехал Автономов со своим отрядом и бронированными вагонами. На станции они встретились уже с Беленковичем и поругались... Когда они заняли места по моему указанию и оказались друг напротив друга, разделенные письменным столиком, они впились один в другого глазами

¹ Шкуро А. Г. Записки белого партизана. С. 39.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 44.

и, опираясь на стол руками, поднялись с рычанием друг на друга... Т. Белденкович напомнил, что завербованный Автономовым весной того года полковник Шкуро гуляет с его мандатом по станицам, занимается бандитизмом и борьбой с Советской властью. Этот урок, действительно, был весьма яркий и служил убедительным доводом против повторения подобных опытов»¹.

Автономов вступил в конфликт с созданным 29 апреля Чрезвычайным штабом обороны, состоявшим из членов ЦИК Кубано-Черноморской Советской республики, в том числе левых эсеров, которые враждебно относились к созданию регулярной армии с офицерами во главе. Глава штаба левый эсер Иванов третировал Автономова, сторонники командующего арестовывали циковцев. Автономов обвинил штаб в том, что там работают немецкие шпионы, а штаб в ответ снял его с поста. Автономов отказался подчиниться². Конфликт вырвался на трибуну Кубано-Черноморского съезда Советов, его «разруливал» лично эmissар ЦК РКП(б) Г. Орджоникидзе. Стало ясно, что Автономова оставлять командующим нельзя — Орджоникидзе согласился отправить его в Москву, а потом держал на Северном Кавказе при себе, давая разные поручения. 5–7 июля по указанию Орджоникидзе Кубано-Черноморская, Ставропольская и Терская Советские республики объединились в Северокавказскую Советскую республику. Командующим ее армией назначили старого большевика, бывшего прапорщика К. Калнина (Калниньша). Войсками он командовал неуверенно, но был склонен к авантюрам международного значения — 5 июня высадил под Таганрогом десант против немцев, что вызвало возмущение Москвы³. Но вскоре советским лидерам Кубани и Северного Кавказа станет не до немцев.

* * *

23 июня под Лежанкой Добровольческая армия сбила с позиций бригаду Д. Жлобы и 25 июня взяла станцию Торговая, перерезав железную дорогу в Центральную Россию. Тогда же был смертельно ранен командир 1-й дивизии Добровольческой армии С. Марков.

В районе станции Тихорецкой на Екатеринодарском направлении оборонялось около 30 тыс. красноармейцев⁴. Многочисленная группировка красных под командованием И. Сорокина находилась на Тамани, но он не торопился идти на помощь К. Калнину. Тихорецкая была хорошо укреплена, но защищавшиеся здесь части были

¹ Шляпников А. Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 108.

² Карпов Н. Д. Мятаж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 214–221.

³ Там же. С. 242–243.

⁴ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. С. 225.

нестойки. Участник штурма станции Добровольческой армией Э. Карюс вспоминал: «Приостановив движение, стали выравниваться и подтянули в цепь пулеметы, выдвинув их местами вперед для обеспечения движения цепей.

“Сдаются”, — вдруг разносится по нашим цепям.

Действительно, видим на поднятых вверх ружьях белые флаги... Наши цепи поднялись и стал быстро подходить... Красные сразу открыли залпами огонь по поднявшимся и движущимся к ним цепям. Мы попали в ловушку. Цепи отхлынули на линию наших пулеметов, которые немедленно открыли по окопам огонь, заставивший засевших в них скрыться и прекратить огонь. Наши кубанские стрелки воспользовались этим моментом и бросились на окопы в штыковой бой... Разъяренные обманом со стороны красных, они не давали никому пощады. Шло поголовное истребление, и никакая сила не могла их остановить... Часть красных продолжала сопротивление, что ухудшало положение тех, кто побросал оружие»¹. Но был ли обман? Одни красные бойцы хотели сдаваться, другие не дали им капитулировать, а разбираться белые не стали, пленных не брали. Для желающих перейти на сторону белых это была наука — во время боя сдаваться смертельно опасно. Вообще судьба пленных на этой войне висела на волоске. Противники то брали пленных, то нет, и это было вопросом случайного настроения и мстительности победителя.

На других участках боя пленных взяли, сформировав из них даже солдатский полк в дивизии Дроздовского. Потеряв в этих боях около четверти своего состава, Добровольческая армия стала расти за счет пополнения и достигла 20 тыс. бойцов².

Когда 14 июля белые взяли Тихорецкую, Калнин в последний момент смог бежать из своего штабного вагона, а начальник штаба не успел скрыться и застрелился. Красные полки на этом направлении разбежались. Как вспоминал участник похода Б. Прянишников о взятии Тихорецкой, «наша армия, вооружавшаяся прежде всего за счет противника, захватила большие трофеи: три бронепоезда, около 50 орудий, в том числе несколько дальнобойных пушек Канэ, множество снарядов и патронов, полевые телефоны и разное интендантское имущество»³.

Следующей целью белых стал Екатеринодар, который обороняло 6700 красных пехотинцев и 1700 кавалеристов при 7 орудиях⁴.

¹ Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. С. 203.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 166.

⁴ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. С. 226.

В этих условиях Сорокин стал отводить свои отряды с Тамани на юг, но многие бойцы не хотели покидать обжитые позиции. Пока митинговали — деникинцы стали выходить во фланг и тыл, что вызвало панику. Однако маршрут отступления с Тамани удачно совпал с направлением удара во фланг деникинцам. Сорокин атаковал под Кореновкой и приблизился к Тихорецкой. Навстречу ему от Екатеринодара атаковала группа красных Е. Ковтюха. Постепенно красные «сгущались» вокруг Тихорецкой. 25–27 июля Сорокин и Ковтюх зажали авангард Добровольческой армии с двух сторон, нанеся ему большой урон. Один из добровольцев полка М. Дроздовского вспоминал: «Положение оказалось отчаянное. Пришлось вести бой на два фронта... Обе стороны вели кровавый бой на уничтожение друг друга. Перевес клонился на сторону красных. Нашим войскам почти не было выхода. Тихорецкая — ставка Деникина — отрезана. Связь потеряна... Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, дабы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и изыскать кружным путем соединения с командующим армией...»¹. Иными словами, надо спасаться.

Сорокин доложил в ЦИК о славной победе, «правда, несколько преувеличив успех»². Это помогло ЦИК определиться с кандидатурой нового главнокомандующего войсками Северокавказской республики.

Сорокин, звезда которого всходила в это время, был волевым и амбициозным казаком, терпимым к загулу своих воинов, но покорявшим их личной храбростью и пафосными речами. Из вагона он выходил под оркестр, но под тот же оркестр хаживал и в атаку³. Как и Автономов, Сорокин терпеть не мог политическое руководство, тем более такое, в котором было много евреев, как он выражался — «иерусалимских казаков»⁴. Председателем ЦИК Северокавказской республики был А. Рубин, его заместителем и главой парторганизации РКП(б) — М. Крайний (Шнейдерман). Евреев было много среди тех, кто лучше владел словом, чем шашкой и штыком. Подобные конфликты, характерные для Гражданской войны, вызывались не столько национальным вопросом, сколько плохой совместимостью социально-психологических типажей революции, которые вели борьбу по судьбоносному вопросу: кто важнее — солдат или пропагандист?

¹ Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. С. 212.

² Карпов Н. Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 262.

³ Там же. С. 244–245.

⁴ Там же. С. 272.

Когда «Известия» Кубано-Черноморского ЦИК позволили себе покритиковать командование и коменданта Екатеринодара Золотарёва (он потом был разоблачен как уголовник), Сорокин явился в типографию с отрядом и заставил напечатать опровержение «Где узурпаторы?». Редактор, за которым стояли политические руководители республики, ответил своей статьей, продолжая урезонивать пожда и убеждая его прекратить массовое пьянство, грабежи и насилия на улицах Екатеринодара. В итоге политики победили — Золотарёв и его сообщники были расстреляны¹. Затем Сорокин успешно командовал отрядами на Тамани. После июльской полупобеды он 4 августа был назначен главнокомандующим войсками новой республики. Сорокину предстояло навести порядок в рыхлой 125-тысячной армии.

Между тем белые возобновили наступление, отрезая Тамань. Пехота и кавалерия обеих сторон на Кубани поддерживались бронепоездами, бронсвиками, пулеметными тачанками². Военная ситуация качественно изменилась по сравнению с весенним Первым Кубанским походом, и в основе этого лежала ситуация социальная.

Комиссар Сорокина С. Петренко писал о том, что действия красноармейцев «явились одним из тех толчков, которые бросили казачество из революционного лагеря в руки Деникина и Алексеева. Станицы, лежащие по пути следования наших войск, подлежали полному разгрому... дома казаков редко оставались целыми. Они сначала разграблялись, не считаясь с тем, богатые или бедные, а после грабежа поджигались... Особенно отличились украинцы в этих подвигах»³. Советский военачальник и военный аналитик М. Свечников в своем обзоре ситуации согласился с этими оценками, частично просто переписав их: «советские войска, особенно украинские, подвергли полному разгрому станицы казаков, лежащие по дороге, совершенно не считаясь со степенью их обеспеченности, что, естественно, бросило кубанских казаков из революционного лагеря в руки Деникина и Алексеева»⁴.

Первый Кубанский поход, известный еще как «ледяной», был неудачным — белые не смогли закрепиться на какой-то территории, потерпели поражение при Екатеринодаре, где потеряли своего командующего Л. Корнилова. Теперь, во время Второго Кубанского похода, ветер истории дул в спину белым. Они опирались на крепкий тыл на Дону, где действовала армия П. Краснова. Изменились

¹ Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 193–206.

² Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. С. 196, 207, 305.

³ Цит. по: Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 261.

⁴ Цит. по: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. С. 226.

и настроения на Кубани. Весной 1918 г. широкие массы на Северном Кавказе и Кубани в принципе поддерживали идею власти Советов или по крайней мере не собирались поддерживать борьбу против нее. А в середине года Советская власть обернулась произволом разнузданной военщины, склонной к грабегам. Выбор перед мужским населением вставал все острее — или идти в Красную армию (она стала самой многочисленной в Советской республике), либо сражаться против нее.

Теперь белые получили широкую поддержку, не то что весной: «Богатая, торговая, большая станица Куцевская приняла своих освободителей очень радушно. Марковская молодежь встретилась с учащейся молодежью, нашла развлечения и забавы: киносеансы, танцевальный вечер в театре... И как-то мимо проходили последствия большевистской власти: похороны и панихиды по убитым и расстрелянным большевиками. Даже не замечалась поставленная на площади станичного правления зловещая виселица, а затем и тела повешенных на ней врагов казачьих, среди которых был и офицер — подъесаул. Впрочем, марковцы такие картины наблюдали в пройденных ими станицах»¹, — вспоминал один из бойцов Добровольческой армии. Забавы, похороны, танцы и виселицы — будни белых походов.

Тех офицеров, которые служили прежде красным, на деникинской территории ждал «полевой суд Русской армии, суровый и беспощадный»².

На местах восстанавливалось казачье самоуправление. Это происходило и раньше: «По мере очищения области от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевозочных средств. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры»³, — писал П. Врангель.

* * *

В помощь Деникину были и антисоветские восстания на Северном Кавказе. В мае А. Шкуро начал партизанить против красных в предгорьях Кавказа в Пятигорском округе. 10 июня он возглавил восстание в районе станиц Богучарская и Суворовская под лозунгами Учредительного собрания, освобождения казачества и восста-

¹ Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. С. 58.

² Цит. по: *Ипполитов Г. М.* Деникин. М., 2000. С. 326.

³ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1. М., 1992. С. 118–119.

новления его традиций, попранных большевиками. «Поздравляю вас, — кричал я, объезжая сотни. — Вы опять казаки! Многие из вас не увидят больше родной станицы, но те, которые погибнут, умрут за освобождение казачества!»¹ 27 июня, чтобы захватить оружие, Шкуро атаковал Кисловодск. Красные отбились, закрепившись около Нарзанной галереи, но оружие Шкуро все же добыл и ушел назад формировать новые сотни.

В июне восстали терские казаки. Кровь на Тереке лилась уже несколько месяцев. Этносоциальная напряженность вытекала из остроты земельного вопроса. Равнинные, удобные для сельского хозяйства земли в период Российской империи попали в руки казаков, кавказские народы, особенно мусульманские, были оттеснены в горы и занимались преимущественно скотоводством и земледелием на неудобных клочках земли. Бедность и традиции, уходящие еще ко временам Кавказской войны, толкали горцев на грабительские набеги на равнинных жителей. Если до 1917 г. ответы российских властей были сокрушительны, и горцы опасались предпринимать крупные рейды, то теперь ситуация изменилась — начались регулярные взаимные вооруженные набеги горцев и казаков, бои с применением артиллерии и пулеметов.

Но предпринимались и попытки наладить мир, найти компромисс. В феврале 1918 г. на II съезде трудовых народов Терека был избран Терский народный совет и Терский народный комиссариат. Эти органы считались советскими, хотя организованы были иначе — избирались всем населением. Во главе комиссариата стоял большевик С. Буачидзе, но в него входили социалисты, горцы и казаки. Такие же советы создавались в округах и отделах (на территориях). Поскольку большевики стояли больше за горцев, казаки создали свой Совет казачьих и солдатских депутатов. Между сторонами, лояльными Советской власти, был достигнут относительный паритет².

22 мая открылся III съезд народов Терека, который постановил переселить в пользу горцев 4 станицы, включая Сунженскую и Тарскую. Не успели казаки отреагировать на это решение, а на Тарскую уже напали ингуши. Разгневанные казаки во Владикавказе убили Буачидзе. 21 июня казачье-крестьянский съезд в Моздоке отложился от власти Терского совнаркома и создал свой казачье-крестьянский Совет во главе с социал-демократом Г. Бичераховым. Совет признавал Советскую власть, но в станицах уже началось антисовет-

¹ Шкуро А. Г. Записки белого партизана. С. 61.

² Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Известные страницы Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. С. 158–161.

ское восстание. 23 июня Моздокский Совет объявил войну Терскому. Командование было передано генералу Э. Мистулову (после его ранения командовал полковник Н. Федюшкин). 30 июня восставшие казаки выгнали из Моздока красный гарнизон. Бичерахов возглавил Временное терское правительство.

Бои развернулись под Грозным, Прохладной и Кизляром. Казаки воевали с красными не очень охотно, часто уходили в тыл, заниматься хозяйством. В руководстве восстанием нарастали типичные для анти-советского движения того времени противоречия между более левым гражданским руководством и более правым военным. На Тереке эти противоречия выражались географически — в западном и восточном векторах. Штаб Федюшкина в Прохладной симпатизировал Деникину, а Георгий Бичерахов стремился соединиться со своим братом Лазарем, войска которого находились в Дагестане. Красные гарнизоны Грозного и Кизляра, а также фронт у Прохладной блокировали Терское восстание как от деникинцев, так и от армии Л. Бичерахова. Л. Бичерахов направлял по горным тропам оружие и боеприпасы терцам. Несмотря на войну, обе стороны приняли участие в IV съезде народов Терека во Владикавказе. Во время съезда казаки и осетины 6 августа атаковали город, но к 18 августа были отбиты красными и ингушами.

В октябре войска двух Бичераховых не смогли взять Кизляр, а в ноябре Северо-Кавказская красная армия навалилась на Прохладную и Моздок, который пал 23 ноября. Остатки терского войска отступили вдоль Терека к Л. Бичерахову в Дагестан, а часть прорвалась к Деникину¹.

21 июля к Ставрополю из Терской области прорвался отряд Шкуро. Красный отряд Ф. Шпака вел бои за город. Но после гибели командира 24 июля красные отошли. 27 июля белые взяли Армавир, но 30 июля красные отбили его. Города Северного Кавказа еще не раз будут переходить из рук в руки.

Соединившись с белыми, Шкуро представился полковнику П. Глазенапу и заявил:

— Мы, казаки, идем под лозунгом Учредительного собрания.
— Какая там лавочка еще, Учредительное собрание? — ответил он мне. — Мы наведем свои порядки².

* * *

1 августа белые начали штурм позиций красных, прикрывавших Екатеринодар под Пашковской. Деникин вспоминал: «Все поле боя

¹ Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 162–184.

² Шкуро А. Г. Записки белого партизана. С. 80.

было видно как на ладони; вдали виднелись знакомые очертания города... Четыре месяца назад Армия уходила от него в неизвестное, раненная в сердце гибелью любимого вождя... Быстро продвигался вперед 1-й Кубанский полк под сильным огнем. Левее его цепи Дроздовского покатались безостановочно к Пашковской... гоня перед собой нестройные цепи противника... Прошло немного времени, и картина боя изменилась... Наши цепи отступали в беспорядке, и за ними текли густые волны большевиков». Только выход кубанцев в тыл большевикам позволил удержать Пашковскую¹. Это решило судьбу сражения.

16–17 августа белые заняли Екатеринодар, а красные отошли за Кубань и на Новороссийск. Деникин вспоминал о чувствах, которые переполняли его: «Вступили с волнующим чувством в тот город, который за полгода борьбы в глазах Добровольческой армии перестал уже вызывать представление о политическом центре, приобретя какое-то мистическое значение»². Белые крестоносцы вошли в свой Иерусалим. Но это было только начало тяжелой борьбы за северокавказскую «землю обетованную».

Описания боев на Северном Кавказе напоминают репортажи с футбольных матчей: атака, контратака, мы приблизились, нас отбили, «г-о-о-ол» — взят важный пункт — Армавир, Ставрополь или Невинномысская. И снова атака, контратака, «обмен голами» — взятие и оставление городов и крупных станиц. Только вместо толпы эмоциональных болельщиков этот «матч» оставил горы трупов на пространстве от Дона до Кавказа.

Такие волны атак и контратак видны и на оперативном, и на тактическом уровне. Вот один из многих примеров этой борьбы с переменным успехом: «Но вот в тумане появляются силуэты...

Огонь!

И... в ответ красные рванулись вперед с могучим криком «ура»...

Сдержат ли противника марковцы?

Прорвавшиеся вперед красные попали под огонь с флангов. Они остановились, залегли; они расстроены. «Ура!» — закричали марковцы, ринулись в контратаку и сбили красных...

И внезапно, когда навстречу отступающим красным подошли их резервные цепи, те повернули назад и вместе с резервами бешено перешли в контратаку. Огонь не сдержал их. Неизбежна штыковая

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. Минск, 2002. С. 334–335.

² Там же. С. 335.

схватка, чтобы остановить противника, но силы для этого ничтожны и... марковцы побежали назад...

И вот в этот момент навстречу бегущим вылетает лавой сотня... и врубается в цепи красных. Марковцы мгновенно поворачиваются и также бросаются на них... Красные бегут по всему фронту»¹.

Белые сражались на пределе сил. Военный губернатор Ставропольской губернии полковник Глазенап заявлял в приказе 9 августа: «Деморализация достигла таких размеров, что значительная часть бойцов офицерского полка позволила себе покинуть передовую линию под различными предлогами. Ссылки на недостаток патронов и на необходимость оказания помощи раненым считаю не существенными потому, что беспорядочный отход начался задолго до истощения боевых припасов; количество же раненых в этот день непропорционально мало числу уклонившихся от боя»².

21 августа белые взяли Ставрополь. Но только на время.

В летних боях белые потеряли 25–30% численного состава дивизий. Деникин перешел от добровольчества к мобилизации. Численность армии выросла за вторую половину августа с 12 тыс. до 35–40 тыс. У белых было 86 орудий, 256 пулеметов и 5 бронепоездов. Численность росла и благодаря прибытию офицеров со всей России. Правда, часть по пути записывалась в Донскую армию, где платили 300 рублей против 250 у Деникина³.

Как отмечал генерал П. Врангель, «ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 000 штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше, большое количество офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях»⁴. Врангель продолжал с раздражением: «Штаб с его бесконечными отделами страшно распух и утопал в море бумаги. Забывая и откладывая решение самых насущных и повседневных мер, штаб главнокомандующего занимался изучением и разрешением целого ряда вопросов... имевших в данной обстановке скорее академическое значение: пересматривались и разрабатывались уставы, заседали комиссии по разработке организации высших войсковых соединений...»⁵. Генерал Деникин и аппарат генерала Алексева готовились к решению куда более масштабных задач, чем борьба с провинциальной Северо-Кавказской Красной армией.

¹ Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. С. 375.

² Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг). Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1957. С. 125.

³ *Ипполитов Г. М.* Деникин. С. 308.

⁴ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1. С. 112.

⁵ Там же. С. 163.

Они мечтали о предстоящем походе на Москву, о возобновлении участия в мировой войне. А в это время офицерство в тылу наслаждалось жизнью: «Несмотря на присутствие в Екатеринодаре ставки, как прибывшие, так и проживающие в тылу офицеры вели себя непозволительно распушенно, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами... На глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попок под председательством генерала Покровского закончилась трагично. Офицер-конвоец застрелил офицера Татарского дивизиона. Все эти безобразия производились на глазах штаба главнокомандующего, о них знал весь город, и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат»¹.

Шкуро тоже был недоволен состоянием дисциплины «рыцарей порядка»: «За свое краткое пребывание в Торговой я видел много пьяных офицеров и казаков и слышал жалобы жителей на плохое поведение войск»².

* * *

На Тамани красные оказались отрезанными от основных сил. С огромным обозом беженцев колонны таманцев пробились через Новороссийск и Туапсе (разгромив по ходу дела занявших его грузин) и в сентябре вышли в район Армавира и Ставрополя. В Геленджике 27 августа военный совет двух колонн из трех (Ковтюх ушел вперед) провозгласил Таманскую армию во главе с моряком И. Матвеевым. Экстремальная ситуация похода способствовала росту дисциплины в частях Таманской армии.

17 сентября она соединилась с основными силами Сорокина. Силы Таманской армии составляли 30 тыс. штыков, 4 тыс. сабель, 141 пулемет и 32 орудия. Это была солидная прибавка для армии Сорокина. Всего силы красных на Северном Кавказе составляли более 93 тыс. пехоты и почти 14 тыс. кавалерии при 919 пулеметах и 247 орудиях. Они были сведены в 11-ю армию, вместо отрядов формировались полки и дивизии. 12-я армия существовала скорее символически — в нее входила Астраханская дивизия.

11-ю армию ослабил уход на север «Стальной дивизии» Жлобы, чему способствовала тяга части бойцов к соединению с основными силами Советской республики, их нежелание сражаться в глухом предкавказском углу, а также противоречивые указания Военного совета Северокавказского военного округа, базировавшегося в Царицыне.

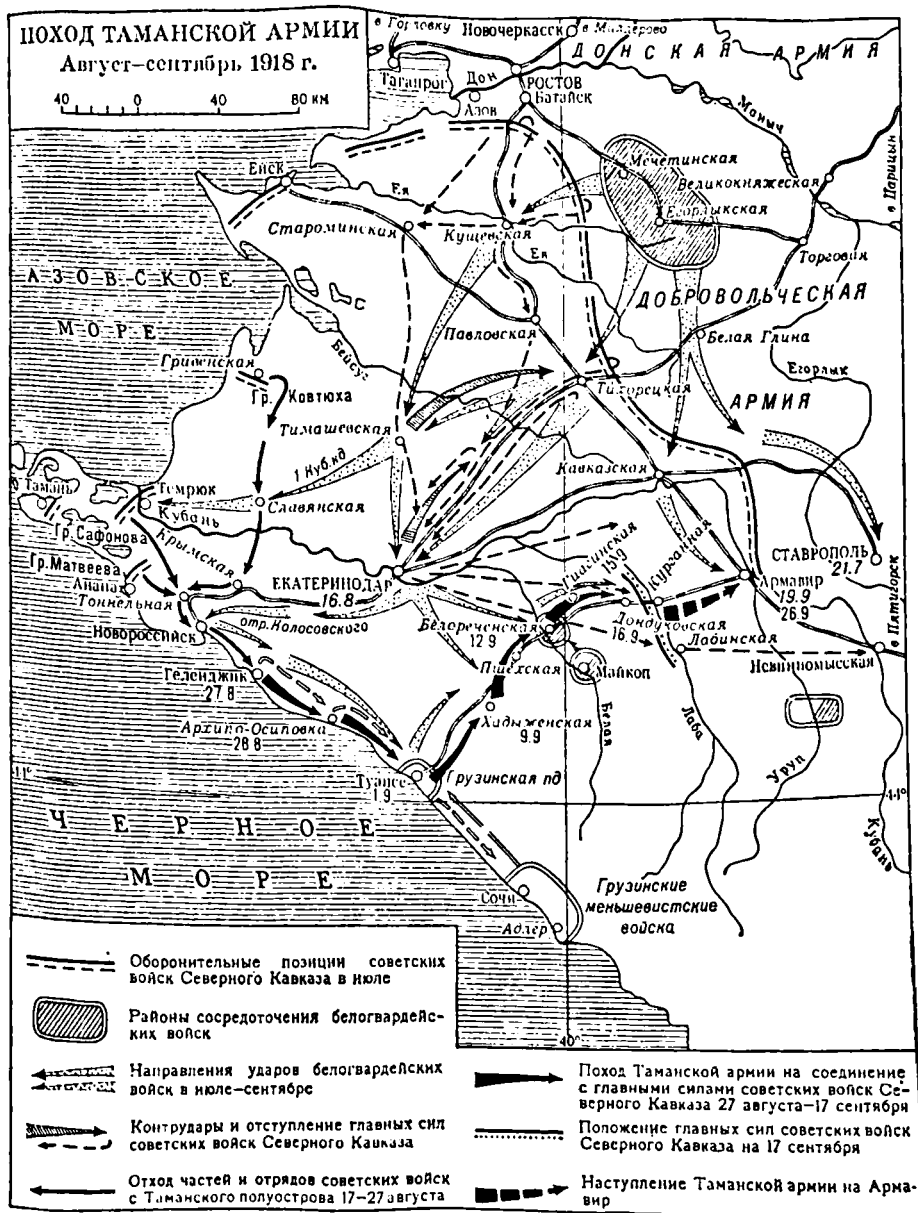
¹ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 1. С. 165–166.

² Шкуро А.Г. Записки белого партизана. С. 80.

ПОХОД ТАМАНСКОЙ АРМИИ

Август—сентябрь, 1918 г.

40 0 40 80 км

Его фактическим руководителем был Сталин, которому из Царицына было плохо видно, что там творится на Северном Кавказе. С 11-й армией не было даже телеграфной связи. Казалось, что эта армия разлагается, ее дожимает Деникин, и лучшее, что можно сделать — это вывести ее на Волгу. 22 августа Военный совет округа затребовал армию под Царицын, но абстрактно, без более конкретных указаний. К этому времени часть войск Жлобы, который как раз ездил в Царицын, дезертировала из-под Армавира. Вернувшийся Жлоба эти части остановил, но потом решил действовать в духе директивы Царицына, с которой Сорокин не согласился. Жлоба стал уводить свои войска на север, что ослабило фронт 11-й армии. 19 сентября белые заняли Армавир, а 20 сентября — Невинномысскую. Собрав желающих уйти, Жлоба провозгласил «Стальную дивизию» числом 15 тыс. бойцов и повел ее в сторону Царицына. Разгневанный Сорокин послал распоряжение задержать и разоружить нарушителей дисциплины, но остановить их было некому. А 24 сентября пришел приказ штаба Северокавказского округа, в котором 11-й армии предписывалось удерживать Северный Кавказ и наступать на Деникина¹. Надо сказать, что «Стальная дивизия» прибыла под Царицын очень вовремя, и наказывать Жлобу за дезертирство из 11-й армии никто не стал, тем более что ее командующий очень кстати для Жлобы и Сталина сам оказался вне закона.

23 сентября Северо-Кавказская Красная армия перешла в контрнаступление против деникинцев и отбила Армавир. Бои за город продолжались до ноября. 28 сентября красные отбили Невинномысскую.

«Тяжкие сентябрьские бои обескровили и нас, и противника»², — вспоминал Деникин. Но Сорокин при поддержке Реввоенсовета армии планировал одновременный удар в разных направлениях, и этот рискованный замысел имел успех — вскоре красные взяли Ставрополь, а другая их часть разгромила силы терских повстанцев и 23 ноября взяла Моздок. Это позволяло сорвать попытки Деникина прижать красных к Кавказу. 11-я армия могла закрепиться на востоке Северного Кавказа, откуда уже вести контрнаступление на белых. Однако по поводу плана операции кипели жаркие споры. Командующий таманцами Матвеев протестовал против идеи наступления в сторону Моздока, считал нужным отбить Екатеринодар, а в случае неудачи уходить в сторону Царицына. По мнению историка Н.Д. Карпова, Матвеева «не устраивала перспектива снова наступать по голодной безлюдной калмыцкой степи», после тяжелого

¹ Карпов Н.Д. Мятаж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 295–299.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 380.

горного перехода он предпочитал богатую Кубань. А Сорокин, по мнению части свидетелей этой истории, ревновал к славе Матвеева¹. РВС армии поддержал своего командующего, а эмоциональная дискуссия закончилась расстрелом. Матвеев не просто спорил с планом Реввоенсовета, но и заявил об отказе его выполнять. Согласно постановлению ЦИК, неподчинение РВС было преступлением. Матвеев был арестован и 10 октября расстрелян, что вызвало шок у таманцев. Хотя решение было коллегиальным, главным виновником расстрела Матвеева считался Сорокин.

Началось сражение под Ставрополем и Армавиром, которое длилось месяц. 23 октября красные перешли в контрнаступление и 28 октября взяли Ставрополь. Этот успех был достигнут путем перегруппировки, ослабившей позиции под Армавиром. 18 октября белые ворвались в этот город, но были выбиты. 26 октября они повторили взятие Армавира на бис, но опять были выбиты 30 октября. В целом ситуация складывалась в пользу красных. Сорокин объезжал фронт, следя, чтобы колонны двигались в соответствии со сложным планом наступления.

Но в это время развернулся кризис в советском руководстве. Хотя РВС армии и поддержал Сорокина против Матвеева, расправа над последним расценивалось политическим руководством республики как часть борьбы с командирским своеволием. А главным своевольным командиром был сам Сорокин. Председатель ЧК республики М. Власов и М. Крайний обсуждали возможность смещения Сорокина, но Крайний еще не был к этому готов². 20 октября Сорокин вернулся с фронта. Крайне раздраженный тем, что РВС рассылает войскам свои приказы, не согласованные с командующим армией, Сорокин даже отказался участвовать в заседании РВС. Его члены были готовы обсудить эти разногласия с участием членов ЦИК, но им не суждено было это сделать. 21 октября солдаты Сорокина оцепили пятигорскую гостиницу «Бристоль», в которой находился ЦИК Северо-Кавказской республики. Были арестованы председатель ЦИК А. Рубин, его заместитель и первый секретарь организации РКП(б) М. Крайний, председатель фронтовой ЧК Б. Рожанский, уполномоченный ЦИК по продовольствию С. Дунаевский. Они были отправлены в тюрьму под горой Машук. Во время поездки Крайний ругал адъютанта Сорокина Гриненко, тот выстрелил в арестованного, после чего всех арестованных перестреляли. Судя по реакции Сорокина, он не давал приказа убить арестованных, но после того, как

¹ Карпов Н.Д. Мятаж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 318.

² Там же. С. 315–316.

это случилось, взял на себя ответственность за происшедшее. Когда к Сорокину для переговоров явился член РВС и его бывший комиссар и начальник штаба С. Петренко, то на вопрос о том, по чьему приказанию проведен арест, Сорокин ответил: «Мною за предательство. Они уже расстреляны»¹. Сорокин заявил, что берет на себя всю власть в республике и проведет чистку ЦИК и РВС от предателей. 22 октября Сорокин выпустил воззвание, в котором публиковались шпионские «документы», где открытым текстом белые агенты обращались к Шнейдерману (Крайнему), обсуждали его деятельность на благо белого дела и передавали секретные «условные знаки»². Кто бы ни изготовил эти бумаги — белые агенты, подбросившие их Сорокину, или окружение командарма, работа была топорная. Но ведь и Сорокин был человеком политически неопытным — чтобы его убедить, особой тонкости не требовалось. В случае разбирательства с такими «доказательствами» его бы подняли на смех. Вероятнее всего, причиной действий Сорокина были не эти внезапно появившиеся «доказательства», а длительный конфликт «военщины» и «политиканов», которых Сорокин обвинял не только в плохом руководстве и вмешательстве не в свое дело, но и в коррупции³.

Даже если Сорокин понимал, что его «доказательства шпионажа» не выдержат разбирательства, и убийство его противников все же было им санкционировано, в любом случае ссориться с центральными органами Советской власти командующий не собирался. Тем более что они были далеко и не могли непосредственно вмешаться в ситуацию. Свое воззвание Сорокин закончил здравицами в адрес Советской власти, Ленина и Троцкого.

23 октября, продолжая пропагандистское наступление, Сорокин опубликовал «признания» брата Крайнего А. Шнейдермана, который подробно подтверждал сообщения о шпионаже брата в пользу белых.

Партийные и советские работники бежали из Пятигорска в Георгиевск. Они получили поддержку совещания командиров в Армавире. Было решено провести в Невинномысской чрезвычайный съезд, на котором объявить Сорокина вне закона. Но, не дожидаясь съезда, противники Сорокина 27 октября разослали телеграмму, в которой говорилось: «ЦИК объявляет Главкома Сорокина вне закона как изменника и предателя Советской власти, и поэтому ЦИК предписывает все приказы и распоряжения СОРОКИНА не испол-

¹ Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 246–247.

² Там же. С. 347–353. Знаки такие действительно существовали и могли быть найдены у Крайнего, так как были обнаружены у белого подполья чекистами и переданы ими Крайнему для военных нужд (Там же. С. 355).

³ Там же. С. 357.

нять и считать недействительными. Не исполнившие этого приказа будут считаться изменниками Советской власти, будут преданы военно-революционному суду вплоть до расстрела»¹. Главкомом был назначен И. Федько. При этом такой противник Сорокина, как глава ЧК Власов, предпочел после совещания скрыться в Минеральных Водах. Мало ли чем кончится съезд. С небольшой группой своих сторонников он даже испортил железнодорожный путь, чтобы Сорокин опоздал на съезд. Власов прятался не зря — сорокинцы нашли его и расстреляли на месте².

28 октября в Невинномысской начал работать II Чрезвычайный съезд Советов, который объявил: «Расстреляны избранники городской и деревенской бедноты без всенародного суда и следствия бандитом, стремящимся на трупах наших лучших товарищей создать свою единоличную диктатуру вместо диктатуры пролетариата»³. Чтобы увязать самого Сорокина с белыми, авторы воззвания решили ответить на авантюру Сорокина красным террором: «Съезд заявляет, что каждый, покушающийся на жизнь члена трудящихся масс без всенародного суда, считается изменником революции, и сами трудящиеся массы на белый террор наймитов буржуазии ответят массовым красным террором»⁴. Сорокин, конечно, не очень волновался за судьбу «наймитов буржуазии» и не был противником красного террора. Но в обстановке неконтролируемого террора было легче расправиться с мятежным командармом и списать его гибель на борьбу с контрреволюцией.

За самоуправство Сорокина предстояло ответить генералам Рузскому, Радко-Дмитриеву и другим «классово чуждым», а также «шпионам» белых, арестованным за фальшивомонетничество и другие преступления. 2 ноября было сообщено о расстреле накануне 104 заключенных (из них 59 заложников, в том числе 26 генералов). В действительности патронов решили не тратить, и большинство заложников зарубили шашками. Несколько человек из этих списков спаслись⁵. На фоне развернувшегося на Северном Кавказе красного террора обвинение Сорокина в несудебной расправе выглядело как идеологический штамп. Вина Сорокина заключалась в том, что он расправился с партийно-государственными руководителями. Реше-

¹ Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг). Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1957. С. 139.

² Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. С. 356–357.

³ Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг). Сборник документов и материалов. С. 140.

⁴ Там же.

⁵ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков. С. 34–53.

ние съезда об объявлении Сорокина вне закона было принято делегатами-коммунистами до того, как приехала значительная часть делегатов, после чего и Сорокин не рискнул появляться в Невинномысской. Коммунисты показали силу своей организации.

Прибыв в район Ставрополя, Сорокин понял, что войска не готовы поддержать его против коммунистов. Получив телеграмму от 27 октября, комендант Ставрополя П. Сечкин и комполка Таманской дивизии М. Смирнов организовали 30 октября арест Сорокина, его охрана не оказала сопротивления. Таманцы не простили Сорокину расстрела Матвеева. 1 ноября комиссар 3-го Таманского полка 1-й Таманской пехотной дивизии И. Высланко застрелил Сорокина во дворе ставропольской тюрьмы.

5 ноября белые заняли Невинномысскую. Ставрополь был обложен белыми, и 15 ноября красные с трудом вырвались из него. Зато им сопутствовал успех на Тереке, где был взят Моздок. Территория, контролируемая красными, стала более компактной, они закрепились на востоке Северного Кавказа, где бои продолжились с переменным успехом. Но на 150-тысячную 11-ю армию обрушился тиф. Белым, численность которых выросла до 60 тыс., удалось прижать потрепанную 11-ю армию к пустынной степи. В начале 1919 г. эта армия будет разгромлена денikinцами, после чего они станут разворачиваться в сторону Москвы.

* * *

После смерти генерала Алексеева 8 октября 1918 г. Деникин сосредоточил в своих руках всю власть в Добровольческой армии и на территории, которую она занимала. Деникин возглавил Особое совещание при Верховном главнокомандующем, которое должно было заниматься гражданскими проблемами — в той степени, в какой до них не доходили руки у начальников гарнизонов и других военных руководителей.

Биограф Деникина Г.М. Ипполитов пишет: «Командующий Добровольческой армией понимал, что большинство добровольцев настроено монархически... Генерал М.В. Алексеев предупреждал командарма в письме от 5 июня 1918 года о том, что отношение к Добровольческой армии, в связи с увлечением некоторых офицеров политикой, “назойливой бравадой, монархическими идеями, резко ухудшается”»¹. Деникин запретил военнослужащим выступать с политическими публикациями и состоять в политических группировках. Это снизило мотивацию борьбы, но не избавило белых от подо-

¹ Ипполитов Г.М. Деникин. М., 2000. С. 303.

зрений со стороны широких масс в стремлении восстановить старые порядки. Тем более что они и собирались в основном их восстановить, пойдя лишь на частные реформы по сравнению с временами Российской империи.

Генеральскому абсолютизму противостояла Кубанская рада — представительная структура казачества и несоветских политических сил Кубани. Она возникла еще в 1917 г., избрала Законодательную раду во главе с Н. Рябовым, сформировала краевое правительство во главе с Л. Бычем, избрала атаманом А. Филимонова. 28 января 1918 г. Кубанская рада провозгласила самостоятельную Кубанскую народную республику как будущую часть федеративной России.

В Кубанской раде были представлены две основные силы: украиноязычные «черноморцы» (сторонники федеративного устройства России либо самостоятельности края в тесном союзе с Украиной) и русскоязычные «линейцы», выступавшие за автономию в составе России. «Черноморцы» по политическому составу были левее «линейцев»¹. С марта 1918 г. лидеры Рады и часть ее состава «кочевали» с Добровольческой армией. 30 марта в станице Ново-Дмитриевской правительство Рады заключило договор с Добровольческой армией о совместной борьбе с большевиками, в соответствии с которым Кубанские вооруженные силы подчинялись командующему армией, а он в свою очередь не вмешивается в гражданское управление на Кубани. Кубанцы действовали в составе 1-й Кубанской дивизии Кубанской народной республики.

После занятия Екатеринодара, когда Рада вернулась в свою столицу, стало ясно, что Деникин, который был сторонником принципа единой и неделимой России, не собирается соблюдать соглашение о политической автономии Кубани. В свою очередь депутаты, особенно «черноморцы», стали все резче критиковать практику деникинского управления.

Союзниками Деникина в Раде были «линейцы», центром которых был Армавир. Они представляли русских казаков и противостояли более влиятельным «черноморцам», представлявшим украинцев по происхождению казаков.

Шкуро, который в целом симпатизировал парламентаризму и кубанскому автономизму, вспоминал о беседах с депутатами: «Чувствовалась сильная оппозиция главному командованию: его упрекали в неисполнении договора, заключенного генералом Корниловым с казачеством, согласно коему Главнокомандующий обязался не вме-

¹ См.: Федюк В. П. Кубань и добровольческая армия: истоки и сущность конфликта // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М., 2002. С. 398–399.

шиваться в казачьи дела; в неисполнении обещания сформировать отдельную Кубанскую армию; в том, что командование игнорирует казачьи установления и конституцию Края. С другой стороны, для меня не осталось незамеченным, что левое крыло Рады имеет сильное тяготение к Петлюре и даже стремится к суверенитету Кубани, что не могло не возбудить недоверия Главнокомандующего, стоявшего на страже общегосударственных, русских интересов»¹.

Кубанская рада возобновила работу 14 ноября, выслушав грозную речь Деникина, в которой он требовал от собравшихся не вмешиваться в деятельность армии. При этом армия самым активным образом вмешивалась в гражданские дела, считая территорию Кубани на военном положении. В своем выступлении 23 ноября Быч поддержал создание Южно-русского союза, что вызвало резкую реакцию Добровольческой армии в лице генерала А. Лукомского. Делегация армии демонстративно покинула зал².

Уже в это время генерал Покровский порывался разогнать Раду, но не встретил поддержки Шкуро, который потребовал санкции Деникина и Филимонова. Филимонов был категорическим противником разгона, а Деникин не стал подтверждать указание произвести разгон³. Ликвидация Кубанской рады была отложена на год. 31 декабря 1918 г. Быч ушел в отставку, проиграв Филимонову выборы атамана. Но депутаты Рады продолжали критиковать произвол белых военных.

* * *

В июле правительство Войска Донского предложило Кубанской раде создать Донско-Кавказский союз, состоящий из «самостоятельно управляемых государств... соединенных в одно государство на началась федерации». Во главе государства со своим флагом и гимном должен стоять Верховный совет из представителей Донского, Кубанского, Терского, Астраханского войск и Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Совет должен избирать председателя и созывать Сейм⁴. То есть речь шла об отдельном от России государстве с явным преобладанием казаков над горцами (на что те вряд ли согласились бы). Интересна была оборонительная стратегия инициаторов Союза, которые вовсе не были намерены идти вызволять от

¹ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. С. 100.

² Федюк В.П. Кубань и добровольческая армия: истоки и сущность конфликта. С. 399–400.

³ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. С. 102–103.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 410–411.

коммунистов Москву, а считали нужным бороться с большевистскими войсками на своей территории.

Узнав об этой инициативе, Деникин обратился с письмом к председателю Донского правительства А. Богаевскому с критическими замечаниями по поводу проекта (то есть по сути изложил условия дальнейшего сотрудничества Кубани с Доном). Деникин с недовольством указал: «Создается впечатление, что речь идет о создании постоянной федеративной державы, вполне самостоятельной, наподобие “самостийной” Украины». Краснов смущенно написал на полях «Это неверно», но содержание проекта было именно таково. Когда Деникин раскритиковал идею отдельного флага, «помимо родного русского», Краснов написал «Согласен». Также он согласился с требованием Деникина подчеркнуть временность Союза до воссоздания России и участием в проекте Добровольческой армии в лице генерал-губернатора Ставропольской губернии. Таким образом, Деникин был готов участвовать в этом пусть и временном, но федеративном образовании. А в условиях германского доминирования временное могло стать и постоянным.

А вот напротив фразы Деникина «Командующим всеми вооруженными силами союза назначить командующего Добровольческой армией» Краснов написал «Никогда»¹. Никогда не говори никогда.

Дальнейшему укреплению власти Деникина на белой территории юга России способствовали неудачи Краснова. Ему не удалось взять Царицын, красные перешли в контрнаступление, а германские покровители потерпели поражение в Первой мировой войне. Антанта не хотела иметь дело с прогерманским Красновым и ставила на Деникина.

8 января 1919 г. Деникин и Краснов встретились на станции Торговая и стали торговаться об условиях объединения. Деникин настаивал, что в преддверии ожидавшегося поступления помощи Антанты общее командование должно перейти к нему — при сохранении Донской армии. Краснов возражал, что подчинение Деникину может привести к тому, что казаки начнут расходиться по домам. Договорились, что конституция Дона не будет нарушена (Кубанская рада уже знала цену таким обещаниям). В итоге Деникин подписал свой первый приказ в качестве командующего Вооруженными силами юга России (ВСЮР): «По соглашению с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского, сего числа я вступаю в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 414–415.

Краснов подтвердил: «Единое командование — своевременная и единая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками»¹.

Генерал Врангель так характеризовал своего начальника и оппонента генерала Деникина, который теперь стал лидером белого движения на всем юге России: «Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна... Самим внешним обликом своим малокрасочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толщу, ... он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находится вне этих непрекаемых для него истин». Деникин «сохранил многие характерные черты своей среды, провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком. От этой среды осталось у него бессознательное предубежденное отношение к “аристократии”... Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу... В этой чуждой ему работе он видимо терялся, боясь ошибиться, не доверял никому...»².

Эта оценка Врангеля, не лишенная метких, но субъективных наблюдений, отражает не только личный конфликт двух генералов, но и противоречие двух генераций элиты, руководивших белым движением. Здесь сошлись аристократы и разночинцы, которые поколениями смотрели друг на друга недоверчиво, а тут должны были вместе действовать в экстремальной социальной ситуации. Неудивительно, что аристократ считает, что харизме противопоставлен облик среднего обывателя. Он видит харизму в рыцарственном образе, а не в манерах среднестатистического горожанина. Но как раз таким же «средним обывателем» с виду был и Ленин. Интересно, что к нему можно применить многое из того, чем Врангель характеризует Деникина. Тоже внешне «малокрасочен», тоже был выходцем из провинциальной разночинной среды, враждебной аристократии, тоже держался своих истин и был непримирим к принципиальным оппонентам. Ленин тоже не имел опыта государственной работы. Он, правда, меньше боялся ошибиться, был склонен к экспериментам и привлекал на государственные посты людей, которые могли наломать дров. Но их можно было и заменить. Однако основное различие между Лениным и Деникиным, очевидно, было не в этих особенностях стиля автори-

¹ Цит. по: Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. С. 412.

² Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 1. С. 184–185.

тарного управления. Различие между Лениным и Деникиным было в силе идей. Она и решала исход Гражданской войны.

Розовые и белые

8 сентября в Уфе собралось Государственное совещание антисоветских партий и организаций России, призванное создать их общепризнанное государственно-политическое руководство. В совещании участвовали 170 человек (в том числе 79 депутатов Учредительного собрания), представлявшие Комуч (М. Веденяпин и др.), областные и национальные правительства: Временное сибирское (С. Старынкевич, генерал П. Иванов-Ринов и др.), Уральское правительство (Л. Кроль, А. Кощеев и др.); казачьи войска (А. Дутов, М. Хорошхин, Э. Березовский и др.); оренбургское уральское, сибирское, иркутское, семиреченское, енисейское, астраханское; Башкирское правительство (И. Султанов), казахскую Алаш-Орду (А. Букейханов), Туркестанское правительство (М. Чокаев), Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири (С. Джантюрин и др.), эстонское правительство (Б. Линде), Съезд городов и земств Сибири, Урала и Поволжья (И. Ахтямов и др.). Некоторые образования были эфемерными — «правительство» Эстонии, например, ничем не управляло, а Туркестанское давно было разгромлено Советской властью. Наиболее влиятельными были четыре силы: Комуч, ВСП, национальные тюркские формирования и казачество. Политически делегаты относились к партиям эсеров, социал-демократов (меньшевиков), кадетов, энесов и плехановскому «Единству». В центре политического спектра совещания оказался Союз возрождения России, в который входили очень правые социалисты и левые либералы.

Совещание началось с массовой манифестации и торжественных речей. Генерал Болдырев вспоминал: «Прилегающие к “Большой Сибирской гостинице” улицы полны народом. Всюду плакаты с приветствиями совещанию и лозунгами борьбы за власть Всероссийского Учредительного собрания»¹. Лозунг Учредительного собрания, даже с учетом его двойной трактовки, нравился не всем участникам совещания и отражал организованное социалистами давление улицы. Открывал совещание Авксентьев, который был назначен его председателем. «Внешне весьма представительный, хороший оратор, правда, с некоторым уклоном к пафосу и театральности, Авксентьев сумел придать торжественность моменту.

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. М., 2017. С. 44.

Он много и хорошо говорил о скорби родины, необходимости полного объединения, дружески отозвался о чехах. Все было как следует»¹, — продолжает Болдырев. Затем последовали приветствия от организаций. Они продолжались и 10 сентября — пока не приехали представители ВСН, без которых реальное обсуждение было невозможно. Только 12 сентября прибыла делегация ВСН (С. Старынкевич, В. Саножников, П. Иванов-Ринов).

10 сентября было решено создать согласительную комиссию из 23 представителей делегаций и президиума совещания (Н. Авксентьев, И. Серебrenников, Е. Роговский, Б. Моисеенко, П. Мурашев). В ней должны были предварительно согласовываться решения совещания. Так что роль пленарки резко упала, а в комиссии, сформированной к 14 сентября, закипели яростные споры. В. Болдырев вспоминал: «Здесь проще обстановка. Здесь можно было резко спорить, обиднее извить. Здесь русский интеллигентский разговор, многословный, полный добрых побуждений, красивых фраз, беспочвенных мечтаний, грозил временами обратиться в безнадежный, бесполезный спор»². Как в XXI в. иные затянувшиеся дискуссии в Интернете. Но за речевыми оборотами и злыми придирками оставалась суть спора, которая была довольно проста и понятна собравшимся.

Как вспоминал Авксентьев, «боролись за то или другое решение на Уфимском совещании 2 действительно реальные в то время силы: Сиб(ирское) правит(ельство) и Самарск(ий) ком(итет) Учр. собр. Все остальные многочисленные правительства были лишь «спутниками», вращавшимися в орбите этих двух «светил». Самарск. ком. представлял «левых», а Сиб. правит. — «правых», причем компромисс был результатом не столько идейного сговора, сколько дипломатического соглашения по необходимости двух реальных сил, располагавших армиями, средствами, территорией и понимавших, что хотя и против сердца, но согласиться надо»³.

Историк А.Г. Прайсман полагает, что «если бы вопросы решались простым арифметическим большинством голосов, то на совещании восторжествовала бы линия Комуча и ПСР»⁴. Но ПСР была расколота между сторонниками Комуча и СВР, которые к этому времени представляли собой по существу разные партии.

Еще летом члены бюро фракции ПСР Павлов и Аргунов сначала именем ЦК пытались добиться отказа Комуча от власти, а затем, ког-

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 45.

² Там же. С. 55

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 412.

⁴ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 368.

да стало ясно, что ЦК ПСР не принимал такого решения, отказались войти в Комуч, чем, по мнению Веденяпина, серьезно подорвали его авторитет. Веденяпин как эмиссар ЦК в Поволжье направил эсерам Сибири телеграмму, критиковавшую Аргунова и Павлова за попытку создать отдельную структуру СВР¹. Затем выяснилось, что Бюро фракции ПСР постановило не входить в Комуч и собраться в Омске². ПСР по сути раскололась на две партии — сторонники Комуча и СВР, который на местных выборах выставлял отдельные от ПСР списки.

Прежде всего разгорелась борьба вокруг вопроса об ответственности правительства. За то, чтобы правительство было подотчетно Комучу, выступали представители Комуча, большинство эсеров, меньшевики, представители автономий и самоуправлений. За безответственное правительство выступали Сибирское и Уральское правительства, СВР, кадеты, казаки, энесы и группа «Единство»³.

Выражая позицию СВР, но не ЦК ПСР, Авксентьев говорил на заседании комиссии: «Данное Учредительное собрание вошло клином. Состав его чисто партийный — там одни социалисты-революционеры, и представить себе ответственность власти перед ним невозможно. Если бы был другой орган, составленный более пропорционально, был ли предмет споров? Конечно нет. Если бы такой орган был, то от ответственности перед этим органом мы бы не отказались»⁴.

Линию СВР с оговорками поддерживали центристы ПСР во главе с М. Гиндельманом, Е. Роговским и В. Зензиновым. Они были готовы идти на широкие уступки в деле создания Директории, но отстаивали права старого Учредительного собрания собраться и принять дальнейшие решения о формировании власти (возможно — и об условиях скорейшего избрания нового).

Лидеры Комуча В. Вольский, М. Веденяпин, Н. Ракитников, П. Климушкин отстаивали подконтрольность новой власти Комучу или Съезду депутатов. Наиболее последовательно ответственность правительства перед депутатами отстаивали левые члены ПСР М. Коган-Бернштейн и В. Чайкин. На VIII Совете ПСР в мае Коган-Бернштейн утверждал, что ПСР «ни в коем случае не должна идти на какую бы то ни было кооперацию с цензовыми и недемократическими элементами в деле накопления реальных сил, предпочитая роль

¹ *Прайсман А.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 456.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 455.

³ Там же. С. 463.

⁴ Цит. по: *Прайсман А.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 377.

социалистической оппозиции существующему режиму роли пособника перевороту, имеющему задачей привести к власти недемократические группы, хотя бы и под покровительством коалиции»¹.

Для Комуча было принципиально, чтобы высшим органом власти оставалось Учредительное собрание в его нынешнем составе. Это создавало преемственность демократической власти, даже если старое собрание назначит выборы в новое. К тому же таким образом закреплялись важные законодательные принципы, уже принятые собранием в январе — социализация земли и федеративная республика. Чтобы коалиционная власть не сползала вправо от этих популярных решений и не провоцировала рост сопротивления крестьян, городских низов и национальных движений, она должна была находиться под контролем левых политиков, гарантирующих сохранение революционных завоеваний. К тому же 1917 год показал шаткость власти, которая не опирается на представительные структуры.

Правое крыло совещания упирало на то, что прежнее собрание было не таким, как нужно, дало себя разогнать, причем почти треть собрания участвовала в его разгоне. Таким образом, правые солидаризировались с большевиками: если парламент разогнан, то его права аннулируются. Это был важный прецедент — если парламент не нравится, его можно просто разогнать. По мнению ВСП, «политическая ответственность Всероссийской власти возможна только перед будущим полномочным органом правильного волеизлияния народа. И до создания такого органа Всероссийская власть является несменяемой»². Таким образом, предлагалось «отыграть» историю к сентябрю 1917 г. Правда, за ним, как известно, последовал Октябрь. Тогда коалиционное маневрирование Керенского, правительство, построенное по принципу «лебеда, рака и щуки», союза социалистов и либералов, привело к параличу власти и облегчило приход к власти большевиков³. Теперь конструкторы Директории наступали на те же самые грабли.

Кадеты надеялись «отыграть» историю ко временам корниловского выступления августа 1917 г., но для этого им не хватало Корнилова, поэтому они нехотя соглашались с идеей Директории при условии, что та станет коллективным диктатором. А. Кроль от имени кадетов выступал за единоличную диктатуру, но признавал, что «не явилось ни одного человека», которому бы «вся нация» могла дове-

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 379.

² Цит. по: Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 370.

³ См.: Шубин А. В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014.

рять власть, поэтому приходится мириться с коллективной Директорией, но при условии, что она будет иметь диктаторские полномочия и ни перед кем не будет отвечать за свои действия¹. Можно подумать, что Директории могла доверить власть «вся нация».

Декларация ВСП поддержала высказанную ранее казаками и кадетами идею избрания нового парламента, перед которым Директория даст отчет. Однако, в отличие от партии кадетов, сибирские лидеры не хотели передавать в руки Директории всю полноту власти: «Директория, ответственная только перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа, объединяет в своих руках общегосударственные функции власти и оставляет руководство отдельными отраслями государственной и хозяйственной жизни в пределах областей за соответственными органами областных территориально-автономных правительств»².

Первый компромисс предложил энес Чембулов — время от времени собирать для контроля за Директорией имеющееся Государственное совещание, пополняя его представителями новых антисоветских сил по мере наступления на большевиков. Но Уфимское совещание было собрано после тяжелого согласования условий, и большинство участников не собиралось давать кому-то возможность пересматривать решения, принятые в Уфе. Они должны были носить конституционный характер до созыва Учредительного собрания.

На левых давил и Галкин, и Дутов, и находившиеся в Уфе военные круги в целом. В пользу скорейшего образования объединенного правительства высказывалось чехословацкое руководство, которое надеялось на то, что русские после его образования наконец возьмутся за ум и перебросят войска из Сибири на фронт. Галкин и Болдырев, выражая настроение офицерства, также выступили против депутатских претензий на долю власти, а уфимские офицеры перевели гарнизон из подчинения Народной армии в подчинение Сибири. Лидерам Комуча пришлось «проглотить» этот маленький переворот. Тем более что Народная армия в это время терпела поражения.

Левому крылу совещания очень не доставало Чернова с его ораторским искусством, социалистической позицией и авторитетом председателя Учредительного собрания. Авксентьев признавал, что правые эсеры сознательно под разными предлогами не допускали Чернова в Уфу³.

Члены Комуча разрывались между Уфой и Самарой, где нужно было организовывать оборону против усилившегося натиска Красной армии. Члены СВР пользовались этим, чтобы добиться большин-

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 51.

² Цит. по: Там же.

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 413.

ства в обескровленной таким образом фракции ПСР. Они настояли на том, что голоса уехавших не учитываются, хотя те уехали не ради отдыха. «Всю тяжесть ударов в комиссии выдерживал, главным образом, эсер Гендельман, спокойный, вдумчивый, недурной диалектик. Непрерывную атаку вел маленький, непрерывно заряжавший свою трубку, кадет Л.А. Кроль. Остроумный и едкий, он немало крови испортил сидевшему напротив него Гиндельману.

Казаки во главе с Березовским были ударной группой правого крыла»¹.

Компромиссная идея СВР была оглашена Болдыревым: «Исходя из отмеченного признака общего доверия, власть эта отнюдь не должна быть стеснена в своих действиях каким-либо параллельно существующим контрольным аппаратом и, как власть, создаваемая на основании принципа народовластия, ответственна перед Всероссийским Учредительным собранием, в его законном составе собравшимся к определенному сроку»².

Директория мыслилась как коллективный президент, который формирует отдельное «деловое правительство» — Совет министров. Таким образом пытались соединить два принципа: политический, идеологически окрашенный состав власти (социал-либеральный) с отрицанием партийного вмешательства в текущее управление, где должны работать «профессионалы». То, что профессионалы могут иметь партийные взгляды, причем более правые, чем даже Директория, обходилось вниманием. Все понимали, что какими-то блестящими, невероятно компетентными профессионалами правительство наполнить не удастся. Правительство должно быть командой работающих вместе людей, такая команда была у Комуча и у ВСП. Одной из них и предстояло стать правительством, над которым предстояло царить, а точнее парить Директории.

17 сентября Л. Кроль озвучил такие компромиссные условия: Учредительное собрание может начать работу 1 февраля 1919 г., если прибудет 250 депутатов. До этого времени вся власть бесконтрольно принадлежит Директории (Временному всероссийскому правительству). Съезду депутатов предлагалось работать над созывом собрания, а в остальном на несколько месяцев власть должна была создаваться так, как за это выступало правое крыло Уфимского совещания³.

Центральное место СВР на совещании предоставило ему решающую роль в определении кадрового состава Директории, как в свое

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 57.

² Цит. по: Там же. С. 54.

³ См.: Прайсман Л. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 367–387.

время социал-либералы, сблизившиеся в масонских кругах, составили ядро Временного правительства 1917 г. Стороны выдвигали кандидатуры, их оппоненты отвергали наиболее одиозные вроде Алексеева и Деникина. Сошлись, что генерал может быть только один — участник комиссии и член СВР Болдырев. В ответ правые получили возможность отвергнуть Вольского и других эсеров из левого, «черновского» крыла партии. В итоге состав Директории сосредоточился в спектре от правых социалистов, уже не думавших о возможности социалистических мер, до либералов. Болдырев предложил список, который после обсуждения был утвержден: Н. Авксентьев, Н. Астров, В. Болдырев, П. Вологодский, Н. Чайковский. Некоторые кандидатуры, введенные в правительство по предложению СВР и правого крыла совещания, отсутствовали на востоке России — Чайковский руководил правительством в Архангельске, позиция кадета Астрова пока была не ясна. Эта проблема была решена с помощью института заместителей для каждого члена верховной власти, соответственно: А. Аргунов, В. Виноградов, М. Алексеев (правые его протащили как заместителя Болдырева), В. Сапожников и В. Зензинов. А затем, когда антисоветские армии соединятся, можно будет и Чайковскому приступить к исполнению всероссийских обязанностей в Москве, да и Астров может сменить гнев на милость (особенно если Учредительное собрание так и не наберет кворум или ему не дадут этого сделать). А пока реально заседать в Директории предстояло Авксентьеву как председателю, Болдыреву как командующему, Виноградову, Сапожникову (до 19 октября, когда с Дальнего Востока вернулся Вологодский) и Зензинову.

Вскоре выяснилось, что Астров приезжать не собирается и, вместе с другими членами ЦК кадетов, оказавшимися под крылом Деникина в Екатеринодаре, не собирается признавать Директорию всероссийским правительством. Он писал Виноградову 18 ноября (по иронии судьбы в день гибели Директории): «Вчера члены ЦК, находящиеся в Екатеринодаре (Винавер, князь Долгоруков, графиня Панина, Степанов, Соколов и я) признали, что я не должен вступать в состав правительства, долженствующего к январю предстать перед осколком Учредительного собрания старого созыва и имеющего сложить всю полноту власти к ногам кучки эсеров с Черновым во главе. Правительство это не может быть признано всероссийским... Члены ЦК рекомендуют Вам выйти из состава правительства»¹. Письма с критикой товарищей по ЦК приходили к Виноградову и раньше, так что он не очень держался за место члена правительства, не имея на

¹ Цит. по: Хандорин В. Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. С. 219.

то санкции партии и подвергаясь критике даже со стороны того, кого и правительство замещал.

Дело шло к соглашению. К концу совещания стороны были измотаны и ослаблены военно-политическими обстоятельствами — Комуч поражениями на фронте, а ВСНГ — неудачной попыткой правого переворота в Омске. А.Г. Прайсман даже считает омские события причиной «уступчивости» правого крыла совещания, хотя о них в Уфе стало широко известно 24 сентября, когда решения уже были приняты (а договоренности о них достигнуты вообще до начала омских событий)¹.

Когда Коган-Бернштейн понял, что капитуляция лидеров ПСР перед СВР неизбежна, он решил, что здесь больше делать нечего. Комуч оказался в плену у правых сил. Прямо бороться с товарищами по партии и организовывать против них подпольную борьбу Коган-Бернштейн не хотел, но и сидеть сложа руки его кипучая натура не позволяла. Он решил приложить свои силы к эсеровской агитации в Советской России, но при переходе линии фронта был схвачен и расстрелян красными. У А.Г. Прайсмана этот факт вызывает веселье: «Конец этого правого эсера, в сущности мало чем отличавшегося от большевика, был трагикомическим... Автор надеется, что никто не упрекнет его в цинизме за этот термин, но ситуацию, когда человек, бросивший Государственное совещание и своих товарищей по Учредительному собранию, расстрелян красными именно за то, что он член этого Собрания, иначе как трагикомической я назвать не могу»². Автор надеется совершенно напрасно. В таких оценках проявляется не только цинизм, но и кричащие двойные стандарты, идеологическая ангажированность. Обличая красный террор как «геноцид против населения собственной страны»³, либеральный историк радуется, когда под каток этого самого террора попадает человек, расходящийся с А.Г. Прайсманом по взглядам. Вспоминается генерал Чернота из «Бега»: «Я грешный человек, нарочно записался бы к большевикам, чтобы тебя расстрелять. Расстрелял бы, и мгновенно обратно — выписался бы». Что же заставляет А.Г. Прайсмана «записаться к большевикам»? То, что Коган-Бернштейн понял очевидное — контрреволюция на востоке России победила? То, что эсер не хочет служить либералам, с которыми у него совершенно разное понимание необходимой для страны политики? То, что Коган-Бернштейн хочет отстаивать свои принципы эсера, когда их

¹ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 391, 397.

² Там же. С. 378, 506.

³ Там же. С. 144.

предали его товарищи по партии? Ах, он «бросил Государственное совещание»! Добавим — доживающее последние дни. Ах, он «бросил своих товарищей по Учредительному собранию»! Добавим — давно разделившихся на сторонников и противников восстановления этого собрания. Где он их бросил? Что это за дети в лесу среди волков, которых Коган-Бернштейн мог привести к маме и папе, но не привел, а «бросил»? Он ушел от тех, кто сидел под защитой войск в Уфе. Он предупреждал, что выбранный ими курс ведет к катастрофе и реакции. Он ушел, чтобы проповедовать там, где за это можно было получить пулю. Он ее получил (и не за то, что был депутатом, а за то, что был эсером), потому что на советской территории был опасен для Советской власти. Этому могут радоваться и называть трагикомедией только адепты коммунистического террора или «белые большевики», отрицающие методы большевиков лишь потому, что они служат коммунистическим целям.

Чернов прибыл в Самару только 19 сентября, когда Комуч уже согласился передать власть органу, созданному на Государственном совещании в Уфе — Директории. Председатель Учредительного собрания говорил о ней: «Трехголовая, пятиголовая или одноголовая — диктатура остается диктатурой, то есть противоположностью демократии и народовластия. Принципиально здесь, именно здесь, самая убийственная капитуляция»¹. Чернов, Д. Раков и другие депутаты из левого крыла ПСР пытались убедить Зензинова и других правых эсеров не сдавать позиции на совещании. Но тщетно.

23 сентября были оглашены итоги совещания: создавалось Всероссийское временное правительство (Директория) во главе с Н. Авксентьевым. Помимо него в работе на востоке России участвовали также В. Болдырев, П. Вологодский (его сначала замещал В. Сапожников), кадет В. Виноградов, замещавший кадета Н. Астрова, и эсер В. Зензинов, замещавший энеса Н. Чайковского. Директория должна была исполнять обязанности до созыва Учредительного собрания, которое могло состояться 1 января 1919 г., если соберется 200 депутатов, либо 1 февраля, если соберется треть состава. В случае созыва парламента правительство должно было дать ему отчет и передать власть. Комуч преобразовывался в Съезд членов Учредительного собрания, задачей которого стал сбор рассеянных по России депутатов. Для этого он получил полномочия и финансирование.

Программа нового правительства России соответствовала взглядам правых социалистов: непризнание Брестского мира,

¹ Цит. по: Трухан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 27.

гражданские свободы, восстановление земского самоуправления, политический федерализм и широкая автономия территорий, культурно-национальное самоопределение, устранение армии из политики, «привлечение к производству частной инициативы и предприимчивости» и «государственное регулирование промышленности и торговли», «регулирование условий найма и увольнения», охрана труда, «свобода коалиций», то есть профсоюзов, отказ от хлебной монополии и твердых цен, но с сохранением нормировки дефицитных продуктов. Программа оставляла землю в руках нынешних владельцев, но предоставляла Учредительному собранию возможность вернуться к этому вопросу¹, что не могло не вызвать разочарования и беспокойства крестьян. Это была попытка вернуться в середину 1917 г.

Было о чем беспокоиться сторонникам национально-территориальной автономии: «Все функции Верховной Власти, временно отправляемые ввиду создавшихся условий Областными Правительствами, должны быть переданы Временному Всероссийскому Правительству, как только оно того потребует... Установление пределов компетенции Областных Правительств на началах широкой автономии областей и на основании приведенных в изложенной ниже программе деятельности Правительства, предоставляется мудрости Временного Всероссийского Правительства»².

Консервативное офицерство также не сочувствовало целям Директории, не желая воевать за «учредилку». Новое Временное правительство не получило признания всех антисоветских сил. 12 октября Особое совещание при главнокомандующем Добровольческой армии постановило: «Уфимское правительство не признавать как общероссийское»³, хотя можно вступать с ним в сношения. Впрочем, пока южный и восточный фланги антисоветского фронта мало чем могли помочь друг другу.

3 октября Комуч самораспустился, передав незаконченные дела Съезду членов Всероссийского Учредительного собрания. Совет управляющих ведомствами Комуча во главе с В. Филипповским продолжал действовать в качестве регионального уфимского правительства. А вот ВСП не спешило с аналогичным решением о самороспуске, пока Директория не согласится создать всероссийский кабинет именно на основе ВСП.

¹ Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 189–193.

² Там же. С. 189.

³ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 11.

Первым делом, которым предстояло заняться Директории, стала попытка правого переворота в Омске. Суть политических противоречий в Сибири состояла в том, что правые силы сконцентрировались вокруг Административного совета (АС) во главе с И. Михайловым, а социалисты имели большинство в Сибирской областной думе, возобновившей работу в Томске. Дума была источником легитимности власти ВСП, где, в отличие от АС, были представлены левые политические силы. Но из-за отъездов министров ВСП правительство перестало работать и передало полномочия в руки АС и по существу — лично Михайлова, чей политический курс был гораздо правее, чем у думы и даже ВСП в целом.

На заседании 16 сентября Сибирская дума выступила за реорганизацию ВСП с целью восстановления его работоспособности и прежнего политического лица. Предлагалось включить в правительство популярного эсера и казака А. Новоселова, который прежде состоял в правительстве Дербера.

20 сентября заместитель председателя правительства, министр внутренних дел энес В. Крутовский собрал членов Сибирского правительства, находившихся в Омске — левого М. Шатилова и правого И. Михайлова. В заседании принял участие председатель областной думы И. Якушев. Крутовский потребовал уменьшить права АС и восстановить работоспособность «разъехавшегося» ВСП. Для этого правительство следовало пополнить. Во-первых, вернуть на место министра юстиции энеса Г. Патушинского, который 8 сентября подал в отставку из-за разногласий с АС. Во-вторых, Крутовский предложил передать ему портфель военного министра, а Новоселова сделать министром внутренних дел. Опираясь на эти позиции, левые надеялись обуздать военщину. Также они намеревались пополнить делегацию в Уфе левыми представителями облдумы, чтобы легче было договориться с Комучем.

В случае восстановления работоспособного правительства АС во главе с Михайловым терял реальную власть, снова становился техническим органом, в качестве которого и учреждался. Михайлов не собирался уступать и ушел с заседания. Оно потеряло кворум и завершилось ничем. Михайлов и начальник Омского гарнизона полковник В. Волков, возглавлявший подпольную организацию правых офицеров¹, решили не давать левым второго шанса. Крутовского, Шатилова и Яковлева вызвали к телеграфу для разговора с Ивановым-Риновым

¹ Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 401.

и по дороге арестовали. Также был схвачен Новоселов, которого присоединили к остальным арестованным политикам. В ночь на 22 сентября под угрозой убийства министры подписали прошение об отставке. Того же потребовали и от Новоселова, но он отказался (хотя и в правительство еще не успел войти). Сдавшихся министров выслали из Омска, а Новоселова как человека, популярного среди казачества, 23 сентября убили¹. 21 сентября Михайлов оформил протоколом АС отставку двух левых министров как якобы сделанную добровольно на заседании АС. «И это происходило тогда, когда названные министры под дулами пистолетов, под ругань и издевательство подписывали прошения! Видимо, Михайлов и другие участники заседания испытывали какое-то извращенное удовольствие, обставляя обычными бюрократическими формальностями подачу прошений об отставке, которые вырывались с обещанием расстрела через три минуты, если прошение не будет подписано», — комментирует историк А.Г. Прайсман. В бюрократических формальностях, оформляющих насилие, был свой практический смысл. Если изгнанные министры будут апеллировать, например, к Вологодскому, Михайлов мог предъявить протокол и со своей обворожительной улыбкой сказать: «Какие пистолеты? Вот же документы — вы сами попросили». Тем же протоколом объявлялось о прекращении заседаний областной думы.

Дума не подчинилась приказу АС о ее роспуске и в ночь на 22 сентября вынесла постановление: «1) ...Считать административный совет незаконно созданным и подлежащим немедленному роспуску. 2) Постановление административного совета от 21 сентября 1918 г. о перерыве занятий думы и ее комиссий считать недействительным. 3) Министра финансов Ивана Михайлова и товарища министра внутренних дел Александра Грацианова считать уволенными от занимаемых должностей и подлежащими суду по обвинению в государственном перевороте. 4) Временным сибирским правительством считать правительство в избранном думой в январе 1918 года составе, за исключением министра финансов Ивана Михайлова. 5) При условии невозможности продолжать работы Сибирской областной думы временно предоставить все права думы, а также право временного устранения министров и всех должностных лиц от занимаемых должностей комитету Сибирской областной думы в составе: П.Я. Михайлова, М.С. Фельдмана, А.М. Капустина, С.А. Тараканова, С.Д. Майдышева, Л.С. Зеленского, под председательством председателя Сибирской областной думы Ив. Ал. Якушева, и президиу-

¹ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 402.

ма Областной думы, для восстановления насильственно прерванной деятельности Областной думы и совета министров и предоставления им возможности исполнять возложенные на них обязанности. 6) По миновании чрезвычайных обстоятельств и выполнении поставленных целей означенному комитету Сибирской областной думы сложить свои полномочия и дать отчет в своей деятельности Областной думе»¹.

В ответ на эту попытку восстановить правительство Дербера и создать парламентский режим томский губернский комиссар А. Гаттенбергер по указанию АС начал аресты депутатов. Казалось, правый переворот вполне удался. Но лидеры АС не договорились с чехословацким руководством.

Председатель ЧСНС в России Б. Павлу предложил в своей телеграмме в Уфу: «По-моему следует Михайлова арестовать и обо всем опубликовать в газетах и таким образом его в моральном отношении уничтожить»². Этот вопрос был поставлен перед генералом Болдыревым. Но он не решился воспользоваться таким шансом покончить с опасностью, которая затем погубит Директорию. Болдырев объясняет это тем, что пока не вник в ситуацию и в то же время не хотел становиться в зависимое положение от чехословацкого руководства. Но зависимое положение от военной силы Чехословацкого корпуса было данностью в это время. И никто не мешал Болдыреву пообщаться с теми, кто лучше разбирался в ситуации. Он предпочел посоветоваться с Ивановым-Риновым, который сочувствовал омским путчистам и успокоил Болдырева. Но он и хотел успокоиться: «Я знал, что у обеих борющихся сторон каждый мой шаг был на учете и всякое неосторожное с моей стороны решение могло иметь ряд самых нежелательных последствий»³. И главное такое последствие — срыв наметившегося включения генерала в Директорию в качестве главнокомандующего. Так что с реакцией на события в Омске предстояло подождать до 23 сентября. А затем, когда за решение этой проблемы взялась Директория, ее мнение определялось правым крылом, для которого Михайлов был куда ближе, чем сибирские леваки, против которых он боролся. Авксентьев, сделавший ставку на примирение правых социалистов и кадетов, не был способен на решительные меры против правых.

Не дождавшись ответа из Уфы, 22 сентября генерал Я. Сыровый дал чехословацкому гарнизону в Омске команду арестовать административных путчистов. Начальник Омского гарнизона Волков и за-

¹ Цит. по: *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории, контрреволюции в 1918 году. С. 364–365.

² *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты. С. 63.

³ Там же. С. 64.

меститель министра внутренних дел Грацианов, узурпировавший место Крутовского, были арестованы, Михайлов ушел в подполье.

Болдырев писал: «У Директории не было реальной силы в Омске. Быстрая и короткая расправа с переворотчиками могла быть выполнена только через чехов. Их батальона оказалось достаточно, чтобы арестовать начальника гарнизона полковника Волкова и заставить скрыться подозреваемого главу переворота Михайлова.

Очень смелые с безоружными министрами аненковцы и красильниковцы — реальная сила Омска — пальцем не шевельнули в защиту их начальника Волкова и покровителя — министра Михайлова»¹. Этим они сохранили силы для второго, решительного удара по остаткам демократии.

Но Директория не решилась добивать Административный совет и в то же время поддержала сворачивание активности «слишком левой» думы. Заседания думы были приостановлены вплоть до создания условий для ее «нормальной деятельности». Они, по мнению Директории, так и не возникнут. Отставку И. Шатилова и В. Крутовского решили считать недействительной, но и к И. Михайлову претензий не предъявили. В этих условиях Крутовский и Шатилов не рискнули вернуться в Омск. Для расследования сентябрьских событий был назначен А. Аргунов, «расследование» которого не привело к политическим последствиям, хотя организаторы сентябрьского путча были очевидны. «Чехи, со своей стороны, вполне ясно увидели в этом решении определенный намек, что их вмешательство в наши внутренние дела совершенно не одобряется Директорией»², — подводит итог В. Болдырев. В итоге сентябрьский путч в Омске стал репетицией свержения самой Директории два месяца спустя.

Иванов-Ринов освободил Волкова и, отправившись на Дальний Восток, взял его с собой. Когда Болдырев затребовал полковника назад для следственных действий, Иванов ответил: «Выступление Волкова, может быть, юридически преступно, но в результате, несомненно, спасло положение», а его осуждение «может вызвать новую смуту»³. Волков был возвращен в Омск, остался на свободе и принял участие в колчаковском перевороте вместе с членами своей военной организации.

* * *

Второй вопрос, который должно было решить Временное всероссийское правительство, — это место его расположения. Бюро Съезда членов Учредительного собрания выступало за то, чтобы правитель-

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 65.

² Там же. С. 66–67.

³ Цит. по: Там же. С. 89.

ство осталось в Уфе и воспользовалось управленческим аппаратом Комуча, который эвакуировался туда из Самары. Но Авксентьев и другие директора предпочли ехать в Омск, чтобы там лучше наладить контакт с союзниками, перехватить контакты с ними у ВСП, подчинить себе уже налаженный аппарат АС, «обволакивая» его¹. Это был политический выбор — члены Директории боялись деятелей Комуча больше, чем сибиряков.

«Мы не знаем, что произошло бы, если бы Директория разместилась не в Омске, а в Екатеринбурге или в Челябинске, но все-таки можно предположить, что с такой фантастической легкостью, не столкнувшись даже с минимальным сопротивлением, ее свергнуть бы не удалось... решение Директории переехать в Омск, наверное, нужно исследовать средствами психиатрической науки, а не исторической. Большее безумие трудно себе представить»², — считает А.Г. Прайсман. Рассматривая эту альтернативу, нужно учитывать, что сторонники колчаковского переворота без большого труда справились с сопротивлением в Екатеринбурге в ноябре 1918 г. То есть свержение Директории было возможно и на Урале, где тоже было достаточно правого офицерства. Шансы на сохранение Директории были в Уфе — столице учредиловцев, где они и продержались до декабря, то есть до тех пор, пока их не предало чехословацкое руководство. Но Директория не доверяла учредиловцам сильнее, чем Омскому АС. Учредиловцы домогались контролировать правительство, которое хотело администрировать независимо от левodemократического контроля. С этой точки зрения Омск был лучше Екатеринбурга, так как в сибирской столице был несоциалистический административный аппарат, и она была дальше от фронта, «безопаснее».

Аргументы за переезд кажутся безумными, когда мы знаем, чем все кончилось. Но Авксентьев и Зензинов этого не знали. Если бы Директория осталась в Екатеринбурге, то историки нашли бы, за что покритиковать такой выбор: находясь в Екатеринбурге, Директория не смогла бы в тех условиях контролировать Сибирь, проталкивать Сибирскую армию на фронт и устанавливать контроль над союзной помощью, если она наконец начнет поступать.

Жизнеспособность Директории зависела не столько от ее местоположения, сколько от ее действий. Само пребывание в Омске способствовало тому, что политика Директории проводилась под контролем правых сил. Но именно в этом и заключался политический

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 397–398.

² Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 412.

выбор Директории еще до приезда в Омск — стремление путем максимальных уступок найти компромисс с правыми силами. Так что переезд в Омск был по-своему логичен. Гибельная ошибка Директории заключалась не столько в географии, сколько в основе ее политического курса. Если бы дело обстояло иначе — Директория вернулась в Екатеринбург и Уфу, убедившись в том, что Омск — неподходящее место.

9 октября Директория прибыла в Омск, погрузившись в его «мексиканскую атмосферу»¹ (сравнение с Мексикой, пережившей накануне гражданскую войну и множество политических убийств, было тогда в ходу — российская гражданская война еще только разгоралась).

Помещения, которые были предложены для Директории, были так плохи, что она предпочла пока жить в вагонах. Когда с Административным советом договорились о разделе власти, нашлись и подходящие помещения.

Прибывшие в Омск правители пол-России подверглись интенсивному давлению омских политических делегаций, которые убеждали директоров в необходимости сохранения и усиления Административного совета и гибельности политики Облдумы и Комуца². Кампанию вел «Омский блок», в который вошли местные правые социалисты и либералы. «Блоком дирижировал, так же, как и правыми кругами, министр финансов ВСП Михайлов»³. Эта обработка, где льстивые увещевания перемежались с шантажом бытовыми неудобствами, готовила Директорию к главному — передаче реальной власти в руки ВСП, которое предстояло трансформировать во все-российский Совет министров во главе с Вологодским. В дальнейшем министры должны были нести ответственность перед Директорией⁴, но пока состав Совета министров предстояло согласовать с ВСП. 12 октября Административный совет предложил это в такой ультимативной форме, что даже Авксентьев заколебался и заявил, «что предложения эти — капитуляция для нас, что надо рвать»⁵. Но ни он, ни другие директора не решились разорвать с Административным советом. Ведь, не воспользовавшись шансом разгромить его в конце сентября, Директория оставила Сибирь под его контролем. Разрыв с Сибирью превращал Директорию в еще более изолированную

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 68.

² Там же. С. 86.

³ Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 422.

⁴ Там же. С. 425.

⁵ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 87.

структуру, чем был Комуч, обесценивал все Уфимское совещание. Поэтому большинство Директории урезонило своего председателя и пришлось искать компромисс. Было решено пока брать ВСП в качестве делового аппарата с правом менять его министров и отдавать им указания со стороны Директории. Окончательно оформить превращение ВСП во всероссийское правительство было решено после прибытия Вологодского, который намечался председателем кабинета (дабы ослабить влияние интригана и заговорщика Михайлова).

Впрочем, отказываться от его талантов директора не собирались. Болдырев писал о нем в дневнике: «Штатский Наполеон», «говорят, очень дельный. Во всяком случае, очень ориентированный в местных делах»¹.

13 октября было принято официальное решение об учреждении министерств при Директории, делами которых предстояло временно заведовать министерствам ВСП. В этот же день в Омск приехал с Дальнего Востока вице-адмирал А. Колчак. Он был известен как бывший командующий Черноморским флотом, конфликтовавший с органами матросской «военной демократии» в 1917 г. После прихода к власти большевиков Колчак поступил на британскую военную службу и было собранся на Месопотамский фронт, но британское руководство предпочло, чтобы он действовал в России. В мае—июне 1918 г. Колчак руководил охранной стражей КВЖД, а затем решил пробираться в Добровольческую армию, к Черному морю. 20 сентября Колчак прибыл во Владивосток, где познакомился с П. Вологодским и Р. Гайдой.

Возвышению Колчака как нельзя лучше способствовало падение 5 сентября Гришина-Алмазова (а то, глядишь, и белый режим в 1919 г. назывался бы алмазовским, а не колчаковским). Как вспоминает генерал Болдырев, «несдержанность Гришина-Алмазова оказалась для него роковой. Под влиянием хорошего ужина на банкете в Челябинске он высказал много лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников. Бывшие на банкете союзные представители обиделись. Это обстоятельство, в связи с внутренними интригами Сибирского правительства, стоило Гришину-Алмазову его высокого поста, а позднее он принужден был выехать из пределов Сибири»². «Принудила» его к отъезду обида. Скоро мы увидим энергичного Гришина в Одессе. Алмазова сменил Иванов-Ринов, который имел репутацию еще большего грубияна. Хорошие отношения с союзниками были обязательным условием для военного руководителя белых. В этом отношении Колчак имел преимущество не только

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 88.

² Там же. С. 42.

перед ершистыми Гришиным и Ивановым, но и перед Болдыревым — ведь адмирал состоял на британской службе. При этом Болдырев «вполне искренне стремился задержать его для работы в Сибири»¹. В случае назначения военным министром популярный адмирал, казалось, будет заниматься вопросами тыла и флота, так как в ведении военных действий на суше он не разбирался.

Вологодский прибыл 18 октября. В ходе поездки ему удалось договориться об окончательной ликвидации правительства Дербера-Лаврова и подчинении Директории правительства Хорвата. Его прибытие усилило сибиряков на переговорах о составе Совета министров — Вологодский был кандидатом на пост главы Совета министров и одновременно третьим полноценным членом Директории после Авксентьева и Болдырева.

В ходе переговоров о составе Совета министров возникли две неприемлемые для сторон кандидатуры — эсер Е. Роговский и путчист И. Михайлов. Левая часть Директории согласилась понизить Роговского до заместителя министра внутренних дел, начальника Главного управления по делам милиции и государственной охраны (с чем сибиряки продолжали спорить, но уже не так жарко). Колчак угрожал отказом войти в правительство, если Роговский будет назначен, но после характерного для него всплеска эмоций остыл. Авксентьев и Зензинов больше не выдвигали комучевцев в качестве кандидатов в министры. Эсер Веденяпин упрекал председателя правительства: «Все обещания Авксентьева о советах с ЦК были очень скоро забыты, как только Авксентьев почувствовал себя в роли председателя Директории»². Сибиряки «пожертвовали» Савинковым, который рассматривался на пост министра иностранных дел, но не был популярен в Сибири. Зато они твердо отстаивали Михайлова — фактического лидера их команды. Эта кандидатура возмутила не только левых, но и чехословацких командиров³, которые ведь еще в сентябре подавили организованную им попытку переворота.

ВСП также требовало роспуска ненавистной Сибирской думы, но Авксентьев отмолил проведение ее законного самороспуска, который обещал обеспечить силой своего красноречия.

После переговоров 23 октября Болдырев узнал, что Вологодского охраняет казачий отряд, присланный Михайловым, а квартиру его — верные ВСП сербы. «Здесь, видимо, уже не стеснялись иметь

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 91.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 467.

³ Допрос Колчака. Стенограммы. А., 1925. С. 162.

собственных «латышей»... Чего они так боятся? Ведь мы все еще пока безоружны. Мексика среди снегов и морозов»¹. Но после сентябрьской истории сибирские лидеры предпочитали обезопасить себя от возможности ареста директорами, что те все еще могли сделать с помощью чехословацких солдат, а позднее — и с помощью частей, которые пытался формировать Болдырев.

Болдырев надеялся сформировать новую бригаду, на которую Директория могла бы опереться в тылу. Он поручил это дело своему начальнику штаба Розанову — офицеру весьма правых взглядов, который благополучно саботировал это начинание в преддверии правого переворота².

Сибирским спасителям России казалось, что крепкая охрана спасает от участи мексиканских политиков, погибших в междоусобицах. Но главная «Мексика» была еще впереди — дубина повстанчества и неудержимое движение революционных армий.

А пока «мексиканские методы» военщины, вытекавшие из безнаказанности организаторов сентябрьского путча, проявились с новой силой. 24 октября офицеры похитили секретаря Съезда членов Учредительного собрания Б. Моисеенко, который привез в Омск крупную сумму денег (2600 тыс. рублей из 10 млн, ассигнованных съезду³), пытали его, чтобы узнать, где деньги, и убили.

27 октября переговоры о правительстве зашли в тупик. Утверждение Михайлова, главного «мексиканца», виновного в организации переворота и, по всей вероятности, убийстве видного эсера Новоселова, было бы серьезным унижением для эсеров Авксентьева и Зензинова. Тем более что эсеры пожертвовали кандидатурой Роговского на пост министра и не стали настаивать на включении в Совет министров других комучевцев. Сибиряки настаивали на включении Михайлова, как и на роспуске думы. Тогда Авксентьев и Зензинов подали в отставку, после чего из Директории попросился и Виноградов. Вологодский грозил отказаться от формирования правительства. Виноградов при этом посоветовал Болдыреву сохранить власть как командующему⁴. Таким образом, 27 октября ситуация вплотную подошла к легитимному установлению военной диктатуры Болдырева. Но на следующий день выяснилось, что заявления предыдущего дня были обычными политическими демаршами, и торг возобновился с новой силой.

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 104.

² Там же. С. 77–78.

³ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 492.

⁴ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 108–109.

2 ноября был согласован список Совета министров. Председателем Совета министров снова стал Вологодский; его заместителем В. Виноградов. Управляющим Министерством внутренних дел стал активный участник сентябрьского переворота А. Гаттенбергер. И. Михайлов остался министром финансов. Военным и морским министром стал А. Колчак.

Только тогда 3 ноября ВСП торжественно провозгласило: «В отмену декларации 4-го июля 1918 года “О государственной самостоятельности Сибири”, сложить с себя Верховное Правление и всю полноту власти на территории Сибири передать Временному Правительству Всероссийскому», ибо «без Великой России не может существовать Сибирь»¹. Роспуску подлежали и другие региональные правительства и представительные органы власти (имелась в виду прежде всего Сибирская дума), на местах создавались подчиненные Директории и Совету министров областные органы управления на основе прежних самостоятельных правительств. 4 ноября решение о создании всероссийского Совета министров было объявлено официально, Директория формально имела право им руководить. Обмен формы на содержание власти состоялся.

Авксентьев направился в Томск, 10 ноября открыл заседание Сибирской думы и уговорил ее самораспуститься. За это проголосовало 66 членов думы при одном против и 22 воздержавшихся.

Авксентьев утверждал, что рассчитывал на баланс между Самарой и Сибирью, но в силу наступления красных и сужения территории левых до размеров Уфимской губернии, «вся реальная сила оказалась у Сибири, которая подхлестываемая авантюристами вроде Михайлова, правыми кадетами, просто реакционерами, и военными, и штатскими “большевиками справа”, стала, конечно, сожалеть о ненужной жертве в Уфе, о ненужном компромиссе и пытаться наверстать упущенное»². Авксентьев умалчивает, что именно Директория не воспользовалась шансом арестовать «авантюристов и реакционеров» во главе с Михайловым за попытку переворота 21–22 сентября, а, напротив, сделала ставку на их административные таланты, санкционировав преобразование ВСП во всероссийский кабинет.

* * *

Все вооруженные силы формально подчинялись Болдыреву, но через своих командующих — Сырового у Чехословацкого корпуса,

¹ Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. — 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 3. С. 428–429.

² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 412.

Дутова у казаков¹. Командование Сибирской армией осталось за Ивановым-Риновым, но его удалось сплавить на Дальний Восток для приведения в порядок тамошних своевольных казачьих войск Калмыкова и Семенова, а также белых формирований Хорвата.

Создание Директории не улучшило, а ухудшило положение на фронте, так как она сконцентрировала в своих руках денежные средства и перестала посылать что-то в Поволожье². Полковник А. Перхуров жаловался: «В части Народной армии не присылалось ни подкрепления, ни снабжения, ни даже денег, несмотря на то, что в Уфе были склады имущества и продовольствия, вывезенные Народной армией из Казани, Самары и Симбирска»³.

Волновались чехословацкие солдаты — продолжение войны для них теряло смысл. Австро-Венгрия агонизировала. Пора было возвращаться на Родину. К тому же, как пишет А.Г. Прайсман, «на легионеров влияло то, что летом они вели в основном так называемую эшелонную войну. Завладев большим количеством вагонов, в которых они очень хорошо, по-хозяйски устроились, и только на время, для ведения боев, выходя из них, чехи не хотели осенью воевать в неподготовленных окопах и землянках, к чему их вынуждала усиливавшаяся с каждым днем Красная армия... Чехам все более становилось непонятно, что они делают на бескрайних российских просторах, при откровенном нежелании большинства русских сражаться за свою свободу»⁴.

11 октября на станции Кинель к С. Чечеку и командующему 1-й дивизии Й. Швецу пришли представители полков с заявлением, что солдаты больше воевать не хотят. 25 октября, после митинга, на котором он не смог убедить солдат в необходимости продолжать воевать, Швец застрелился. После этого шокированные солдаты согласились оставаться на фронте еще месяц. 10–14 ноября они помогли Народной армии нанести успешный контрудар под Бугульмой. Уфу удалось удержать, фронт стабилизировался до декабря.

Этот месяц был насыщен событиями — 28 октября в Праге была провозглашена независимая Чехословакия, 3 ноября капитулировала Австро-Венгрия, 11 ноября — Германия. Первая мировая война закончилась. 18 ноября в Омске была свергнута Директория. Российское антисоветское движение разорвало с остатками демократического имиджа, который придавал смысл участию в войне чехо-

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 71.

² Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 467.

³ Прайсман А.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 200.

⁴ Там же. С. 75–76.

словацких солдат. В декабре чехословацкие войска приняли участие в наступлении на Пермь и после успешного завершения операции были отведены в тыл.

Болдырев договорился с чехословацким командованием об отводе корпуса в тыл. На его место следовало выдвинуть Сибирскую армию. Болдырев начал выдвижение Среднесибирского корпуса А. Пеняева на «некомучевский» екатеринбургский фронт¹.

В Омске реальной военной силой располагало чехословацкое командование и казачьи атаманы Красильников и Анненков. Болдырев писал о них: «Они учли общую расхлябанность, отсутствие организованной заботливости и давно уже перешагнули черту, отделяющую свое от чужого, дозволенное от запрещенного. Утратив веру в органы снабжения, они просто и решительно перешли к способу реквизиции. Почти каждый день получались телеграммы о накладываемых этой вольницей контрибуциях. Они были сыты, хорошо одеты и не скучали.

Система подчинения была чрезвычайно проста: “На небе Бог, на земле — атаман”. И если отряд атамана Красильникова, развращенный пагубной обстановкой Омска, носил все признаки нравственного уродства и анархичности, то в частях другого атамана, Анненкова, представлявшегося человеком исключительной энергии и воли, было своеобразное идейное служение стране.

Суровая дисциплина отряда основывалась, с одной стороны, на характере вождя, а с другой — на интернациональном, так сказать, составе его. Там был батальон китайцев и афганцев и сербы. Это укрепляло положение атамана: в случае необходимости китайцы без особого смущения расстреливают русских, афганцы — китайцев и наоборот»².

13 и 17 ноября пьяные офицеры во главе с Красильниковым и Волковым устроили два дебоша на банкете, посвященном иностранным гостям. Пение царского гимна сменялось оскорблениями в адрес каждого, кто этим возмущался. Власти начали расследование, грозившее дебоширам отправкой на фронт. Офицеры были готовы действовать. Это было лишь верхушкой заговорщического айсберга, грозившего потопить Директорию.

* * *

19 октября Съезд членов Учредительного собрания прибыл в Екатеринбург, где, как и Директория, столкнулся с бытовыми трудно-

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 122.

² Там же. С. 102.

стями. С трудом удалось найти помещение для работы. Обустроившись, можно было оценить первые итоги правления Директории.

Поставленный перед фактом решений Уфимского совещания, Чернов понимал, что они ведут прямым к правому авторитаризму и обострению конфликтов антисоветского движения с широкими массами. Его авторитет вывел ЦК ПСР из состояния колебаний.

22 октября ЦК ПСР собрался в составе В. Чернова, Н. Ракитникова, М. Гендельмана, К. Буревого, Н. Иванова, Ф. Федоровича, В. Чайкина и М. Веденяпина. Возобладало левое крыло во главе с Черновым, и ЦК принял обращение «Ко всем партийным организациям», получившее известность как «Черновская грамота». Против принятия обращения голосовал по-видимому Гендельман¹. В нем говорилось: «В борьбе, идущей между Советской Россией и Россией Учредительного собрания, между охлократией и демократией, этой последней угрожает грозная опасность от примкнувших к ней с целью ее порабощения элементов контрреволюции»².

Постановление утверждало, что «утвердительного разрешения задачи организации власти на Государственном совещании в Уфе достигнуто не было»³. Лидеры ВСП характеризовались в постановлении как «реакционно-империалистическая группа»⁴.

ЦК ПСР подверг критике политику Директории, в частности ее территориальное разлучение со Съездом депутатов Учредительного собрания, передачу «важнейших государственных функций соответствующим Министерствам Сибирского правительства», подтверждение роспуска Сибирской областной думы, безнаказанность правых заговорщиков, «восстановление погон и дисциплины старого типа, попытка ликвидации агитационно-культурно-просветительной работы в армии и целый ряд личных назначений, отдающих армию в руки реакционных генералов и атаманов». Директория не реагирует на отмену Сибирским правительством закона о социализации земли, расправы над рабочими организациями и другие нарушения гражданских прав⁵.

«Несмотря на эти промахи и проявления слабости и нерешительности, партия с.-р., в соответствии с принятыми ею на себя в Уфе обязательствами, продолжает всемерно поддерживать центральное правительство в его борьбе с комиссародержавием и готово оказать ему такую же всемерную поддержку в борьбе с реакционно-авантю-

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 400.

² Там же. С. 393.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 394.

⁵ Там же.

ристическими группами, в руки которых местами попала областная власть и которые стремятся сделать власть Всер. Врем. Прав. чисто номинальной»¹.

Съезд депутатов должен заняться более активной агитацией, публиковать проекты законов, которые будут приняты Учредительным собранием, «чтобы в случае посягательства на его права Съезд мог стать центром, организующим в его защиту революционную Всероссийскую власть»². А это — уже не Директория. Если правые пойдут на переворот, они обнулят уфимское соглашение, и Съезд должен создать новую власть.

Почти все это воззвание, болезненное для СВР и более правых сил, было выдержано в стиле политического анализа и конструктивной критики Директории. Но один пункт мог рассматриваться иначе: «В предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта»³. В сложившейся ситуации формирование вооруженных отрядов для противостояния реакции в тылу было мерой оправданной. Но это нужно было делать на практике без лишнего шума, а не включать этот пункт в сенсационное заявление, подставляя партию под обвинение в подготовке гражданской войны в тылу антибольшевистского фронта. Даже Болдырев отметил, что воззвание огласило «то, что с точки зрения партии, может быть, и следовало делать, но о чем целесообразнее было помолчать»⁴.

Как пишет историк Х. Иммонен, «самая “взрывоопасная” часть Черновского манифеста, требование мобилизации и вооружения всех партийных сил, была пустыми словами»⁵. Правда, времени до колчаковского переворота оставалось очень мало, а в 1919 г. эсеры будут принимать участие в вооруженной борьбе против Колчака.

По утверждению Зензинова, постановление ЦК ПСР поддержало 22 депутата, еще 10 были согласны с его содержанием, но считали вредным его публикацию в сложившейся обстановке, трое воздержались и 10 были против. По другой версии, большинство членов Съез-

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 395.

² Там же.

³ Там же. С. 396.

⁴ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 117.

⁵ Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). С. 116., 2015. С. 273.

да поддержали постановление, около 10–12 депутатов встало в резкую оппозицию к нему¹.

Зензинов вспоминал, что, узнав о «Черновской грамоте», генерал Нокс потребовал расстрелять Чернова, что вызвало отповедь Авксентьева².

5 ноября постановление ЦК ПСР обсуждала Директория. Вологодский и Болдырев считали, что ЦК нужно арестовать. Зензинов был в принципе не против, но при условии предварительного расследования этой ситуации и ареста также офицеров-монархистов. Согласились, что нужно начать официальное следствие против ЦК ПСР, которое вел министр юстиции С. Старынкевич. Зензинов утверждает, что Старынкевич считал это дело «раздутым»³.

Эсеры были специалистами по «уговариванию» масс. Директория и тем более правые офицеры и политики не видели особенного смысла в этой работе. В гражданской войне решает сила.

Между тем под Директорией начинала колебаться социальная почва. 17 октября произошла забастовка железнодорожников — прежде всего против сдельной оплаты. Она была подавлена с помощью репрессий, но для обсуждения требований рабочих была создана согласительная комиссия с участием представителей рабочих, министров путей сообщения и труда⁴. Омские рабочие после подавления забастовки железнодорожников по признанию Болдырева были «озлоблены» в отношении Директории⁵.

В ноябре в Сибири произошла серия восстаний. 1 ноября в Томске восстали новобранцы, освободившие заключенных. 9 ноября вспыхнуло Минусинское восстание в Енисейской губернии. Оно началось с сопротивления крестьян мерам против самогонарения. Но когда жители села Дубенское побили правительственный отряд, к ним стали присоединяться тысячи крестьян. Оказалось, что дело не только в самогонке, а в общем недовольстве властью. 21–23 ноября повстанцы штурмовали Минусинск. Восстание было подавлено в декабре — уже при Колчаке⁶.

18 ноября русского Бонапарта

Правым силам, контролировавшим Омск, не хватало только Бонапарта, чтобы разогнать Директорию. Болдырев на эту роль не

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 410, 400.

² Там же. С. 409–410.

³ Там же. С. 410–411.

⁴ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 94.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ См.: Мармышев А. В., Елисеев А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008.

соглашался и в понимании правых был слишком тесно связан с левыми через СВР.

Еще 28 сентября правый кадет В. Пепеляев обсуждал с Р. Гайдой кандидатуру Колчака на место диктатора. Гаيدا поддерживал установление диктатуры адмирала, с которым недавно познакомился. Как пишет историк В.Г. Хандорин, «убедить» чехов Гаиде так и не удалось — основная масса их была настроена демократически. Но его влияние способствовало сохранению ими нейтралитета»¹.

В октябре шли интенсивные переговоры в кадетских, предпринимательских и военных кругах. «Переворотной команде», политическое обеспечение которой взял на себя энергичный Пепеляев, легко удалось заручиться поддержкой британских представителей. Сентябрьский опыт не прошел даром — представители Антанты должны были нейтрализовать чехословацкое сопротивление перевороту.

5 ноября Пепеляев обсудил перспективу установления диктатуры с Колчаком. Тот поддержал идею диктатуры, посоветовал не торопиться, высказался за то, чтобы всероссийским диктатором был Алексеев или Деникин. Но их не было в Сибири. Так что Колчак подытожил: «Но если будет нужно, я готов принести эту жертву»². Как справедливо пишет историк В.Г. Хандорин, «приведенный разговор А.В. Колчака с В.Н. Пепеляевым лишний раз опровергает и мнение некоторых современников о “неосведомленности” адмирала о планах заговорщиков — более того, он в принципе не возражал против предлагаемой ему роли. Другое дело, что он, как человек новый, заняв выжидательную позицию, не участвовал в непосредственной подготовке переворота и мог не знать его конкретной даты»³.

15 ноября Роговский доложил Директории о подготовке военного переворота против нее. Заслушав доклад, члены правительства не санкционировали каких-то контрмер, а Болдырев выехал на фронт⁴. 16 ноября в Омск из поездки на Урал вернулся Колчак.

Восточная конференция Партии народной свободы (кадетов) 17 ноября по докладу В. Пепеляева одобрила курс поддержки диктатуры. По словам историка В.Г. Хандорина, большинство кадетов Сибири «вслед за ЦК партии по существу приняло идейный курс прежней партии октябристов (исключая лозунг монархии)... Сибирские кадетские вожаки — В.Н. Пепеляев, В.А. Жардецкий, Н.В. Устрялов, А.К. Клафтон — стали трубадурами диктатуры»⁵.

¹ Хандорин В. Г. Национальная идея и адмирал Колчак. С. 226.

² Цит. по: Там же. С. 227.

³ Там же. С. 228.

⁴ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенцы. С. 132.

⁵ Хандорин В. Г. Национальная идея и адмирал Колчак. С. 166–167.

При этом ораторы использовали пьяно-монархический дебош Волкова и Красильникова как важный аргумент. Как писал участник собрания И. Ильин, «кто-то выступил и пояснил, что монархические принципы вообще так назрели, что офицерство, например, как только выпьет, сейчас же начинает петь “Боже, царя храни”. На это ответил Жардецкий очень остроумной речью, в которой сказал, что он вполне присоединяется к “тезисам Пепеляева”, что момент для диктатуры настал, но что от одного избави нас Боже — от Пьяного царя! Что же касается власти, то в Омске сейчас находится известный адмирал, мужественный и прекраснейший человек — Колчак, и Жардецкий предлагает собранию приветствовать адмирала от лица съезда. Все встали и долго аплодировали»¹. На фоне пьяного монархизма офицерства установление генеральского абсолютизма казалось не самой крайней идеей.

План переворота во многом повторял сентябрьскую репетицию. На этот раз планировалось арестовать директоров-социалистов, спровоцировать таким образом распад Директории, объявить носителем власти Совет министров, который передаст эту власть военачальнику, который готов ее принять — адмиралу Колчаку. Сам факт установления диктатуры был важнее, чем фигура диктатора. Колчак не имел познаний, необходимых для ведения сухопутных операций, почти не имел политического опыта и был человеком весьма эмоциональным. Но за неимением гербовой организаторы переворота решили писать на простой и лепить Наполеона из того, что было. Неопытность Колчака была скорее плюсом для политиков Михайлова, Вологодского и кадетов, с одной стороны, и офицеров Ставки (А. Андогский, А. Сыромятников и др.), Волкова, казачьих атаманов — с другой. Они могли руководить его именем так, как считали нужным.

Капитан И. Бафталовский, участвовавший в подготовке переворота, вспоминал, что план разрабатывался генералом Андогским, полковником Сыромятниковым и эмиссаром Добровольческой армии Лебедевым, которые привлекали других офицеров. Михайлов щедро финансировал заговорщиков². Однако что за план они разрабатывали? Ведь военная сторона переворота в Омске была очень простой и технически опробованной в сентябре. Вероятно, речь идет о военном обеспечении обороны Омска от возможных контрдействий со стороны сторонников Директории в Уфе и Екатеринбурге, а также со стороны командира 2-м Сибирским корпусом А. Матков-

¹ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. С. 346.

² Цветков В. Ж. Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 73.

ского, исполнявшего обязанности командующего Сибирской армией и поддерживавшего Директорию. Бафталовский подтверждает, что с Колчаком велись переговоры о взятии власти, и он предпочитал получить ее от Директории добровольно¹.

К Колчаку пришли полковники Д. Лебедев, В. Волков, Г. Катанаев и офицеры Ставки, которые стали зондировать готовность адмирала взять власть. Колчак вспоминал на допросе в 1920 г.: «По приезде моем в Омск, ко мне являлись многие офицеры из ставки и представители от казаков, которые говорили определенно, что Директории осталось недолго жить, и что необходимо создание единой власти. Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предполагают на это место выдвинуть для того, чтобы была единая власть, мне указали прямо: "Вы должны это сделать". Я сказал: "Я не могу взять на себя эту обязанность просто потому, что у меня нет в руках армии и вооруженной силы. А то, что вы говорите, может быть основано только на воле и желании армии, которая бы поддержала то лицо, которое хотело бы стать во главе ее и принять на себя верховную власть и верховное командование. У меня армии нет, я человек приезжий, я не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы. Затем мне остается неизвестным вопрос об отношении к такой конъюнктуре власти со стороны Сибирского правительства. Сибирское правительство, насколько я мог понять, борется с Директорией, против Директории, желая власть сохранить у себя в оставив то положение, которое было до прибытия Директории, — это во-первых; а во-вторых, как я сказал, я нахожусь на службе, я это подчеркиваю, и не считаю возможным, оставаясь на службе, предпринимать какие-нибудь шаги в том смысле, в каком вы говорите"»². Таким образом, Колчак поставил два условия своего согласия возглавить переворот против Директории: поддержка армии и Совета министров. 18 ноября ему будет обеспечено только второе. Но он согласится рискнуть.

17 ноября произошло совещание с участием Волкова, Пепеляева и других заговорщиков, где были согласованы последние детали. Один из организаторов заговора, Сыромытников, заявил своим офицерам: «Господа, все, к чему мы готовились в течение последнего месяца, должно сегодня ночью свершиться. Помните, что в случае провала нас ждет веревка»³.

¹ Цетков В. Ж. Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 75.

² Допрос Колчака. Стенограммы. Л., 1925. С. 167–168.

³ Иоффе Г. З. Колчинская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 140.

В ночь на 18 ноября только что назначенный исполняющим обязанности командира Сибирской казачьей дивизии В. Волков, командир 1-го Сибирского казачьего полка войсковой старшина А. Катанаев и командир подчиненного им отряда И. Красильников отправили отряд казачьих офицеров к зданию управления государственной охраны, где на квартире Роговского как раз проходило совещание Авксентьева, Зензинова и Роговского с делегацией из Архангельска (С. Маслов, М. Лихач и Я. Дедусенко). Также в совещании участвовали эсеры М. Гендельман и Ф. Раков. Бойцы отряда Роговского были разоружены без единого выстрела, и участники совещания были арестованы и отвезены в казармы отряда Красильникова. Как вспоминал Зензинов, «в половине первого ночи раздался топот многочисленных ног, и к нам с криками “руки вверх!” в комнату ворвались несколько десятков офицеров с направленными на каждого из нас револьверами и ружьями...; большинство из них были пьяны... Весь дом Роговского был окружен пешими и конными солдатами и казаками, — числом около трехсот»¹. Арестованных отвезли в здание Сельскохозяйственного института, где базировался отряд Красильникова.

Утром 18 ноября об исчезновении Авксентьева и Зензинова был извещен Вологодский и затем другие члены Совета министров. Сам по себе факт ареста двух членов правительства из пяти не означал, что Директория перестала существовать. Трое оставались на свободе, обязанностью Совета министров было подавить новую попытку переворота и наказать виновных. Но Виноградов и Вологодский вполне сочувствовали ликвидации Директории. Виноградов заявил о сложении с себя полномочий члена Временного всероссийского правительства. После этого акта верховная власть все равно принадлежала четырем членам Директории, половина которых находилась на свободе. «Исчезнувшие» Авксентьев и Зензинов от власти не отрекались, и для начала их следовало найти (что было нетрудно). Но с одобрения Вологодского Совет министров захватил верховную власть и принялся обсуждать, кому ее передать. «Значит диктатура?» — риторически спросил Виноградов². Выдвинули три кандидатуры в диктаторы: Болдырев (его предложил выдвинуть начштаба Розанов), Хорват и Колчак.

Колчак вспоминал в 1920 г.: «В дальнейшем уже шло обсуждение вопроса о том, кто персонально должен быть верховным главнокомандующим и облеченным такой властью. После обмена мнений большинство членов Совета министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность. Тогда я считал своим долгом

¹ Зензинов В. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 115.

² Трухан Г. А. Антибольшевистские правительства России. С. 74.

высказать свое мнение по этому поводу в том смысле, в каком я его высказал и раньше, — надо прежде всего стараться без всякой ломки сохранить то, что уже существует и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особенных возражений и сомнений, т. е. власть существующую в лице верховного главнокомандующего генерала Болдырева. Я говорил, что генерал Болдырев является верховным главнокомандующим, что им организован штаб и что при существующем отношении к генералу Болдыреву со стороны войск против него особых возражений не будет. Говорили про него, что он находится в руках партийных представителей с.-р., отзывались о нем довольно безразлично, но против него серьезно ничего не говорилось в войсках, и фактически он существует уже, как верховный главнокомандующий. Гораздо проще для армии и ее органов, чтобы осталось то лицо, которое уже имелось, и хотя речь идет о моем назначении, но я должен сказать, что я — человек новый. Власть должна опираться прежде всего на широкую популярность и доверие войск, между тем, хотя мое имя известно, но в общем ни казаки, ни армия меня не знают, и как они отнесутся к этому, не знаю»¹. Колчак понимал, что на Болдырева ставку делать не будут, так как с ним договоренности нет, и есть риск, что он вернет к власти прежний состав Директории и накажет переворотчиков. «Тогда Вологодский обратился ко мне и сказал: «Я принимаю во внимание все, что вы сказали, но я вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим необходимым детально и более подробно обсудить этот вопрос, и так как нам придется говорить о вас, то вам неудобно здесь присутствовать». Я оставил это заседание, которое продолжалось довольно долго. Я вошел в кабинет Вологодского, а затем через некоторое время ко мне пришли Петров или Михайлов, — не помню, — Матковский и Розанов, и передали мне, что меня просят пожаловать в зал заседания, что Совет министров единогласно признал Директорию несуществующей, принял на себя всю полноту власти и, исходя из тех положений, которые обсуждались, признает необходимым передать власть одному лицу, которое стояло бы во главе всего правительства в качестве верховного правителя, и просит меня принять этот пост. Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета министров, заявивши, что Совет министров считает это единственным выходом из настоящего положения»².

Совет министров принял положение «О временном устройстве Государственной власти в России», своего рода «конституцию 18 ноября». Осуществление верховной государственной власти «во

¹ Допрос Колчака. Стенограммы. С. 173.

² Там же. С. 173–174.

всем объеме» и с правом применения чрезвычайных мер временно передавалось Верховному Правителю, которому подчинялись вооруженные силы. При этом «все проекты законов и указов рассматриваются в Совете Министров и по одобрению их оным, поступают на утверждение Верховного Правителя», и «Все акты Верховного Правителя скрепляются Председателем Совета Министров или Главным Начальником подлежащего ведомства; из сего изъеются указы о назначении и увольнении Председателя Совета Министров, каковые скрепляются Управляющим делами Совета Министров». Таким образом, Совет министров оставлял за собой подготовку всех важных решений по гражданской части и контроль за тем, чтобы диктатор сгоряча не принял какую-то меру в обход Совета министров. Власть не должна была уйти из рук Совета министров и в случае «тяжкой болезни или смерти Верховного Правителя, а также в случае отказа его от звания Правителя или долговременного его отсутствия». В этих случаях осуществление верховной государственной власти возвращалось Совету министров¹. Характерен язык акта 18 ноября, возрождающий правовой дух Российской империи: «по одобрении их оными», «из сего изъеются».

Вступая на высокий пост, Колчак выпустил 20 ноября обращение, в котором говорилось: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, которое он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, провозглашенные по всему миру»². Только без гибельной партийности.

«Омский блок» приветствовал установление диктатуры Колчака. Но западнее еще сохранялась власть Директории, которая теперь была представлена Болдыревым.

В беседе с Болдыревым по телеграфу 19 ноября Колчак сообщил, что «события в Омске произошли неожиданно для меня в Совете министров». Когда Совет министров решил, что нужна единоличная диктатура, Колчак предложил на это место Болдырева и оставил зал заседаний, пока его не позвали принимать власть³. Это могло быть и алиби на случай, если бы чехословацкое командование и Болдырев все же решились бы на подавление переворота.

¹ Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. — январь 1920 г.). Вып. 1. Томск, 2002. С. 23–24.

² Там же. С. 25.

³ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 142.

Болдырев настаивал на восстановлении Директории и на своих правах верховного главнокомандующего. Отыграть ситуацию к 17 ноября Колчак уже не мог. Ведь в случае восстановления власти Директории могли последовать репрессии против путчистов, в составе которых уже весь Совет министров. Колчак заявил категорически, подтвердив, что одобряет совершившийся «неожиданно для него» переворот: «Директория вела страну к гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост верховной власти. Совершившийся акт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мной преданы полевому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать долее, возбудив против себя все общественные круги и военные в особенности»¹. Таким образом, Колчак объявил преступным арест членов правительства, которых в любом случае следовало отстранить от власти, что теперь и делается. Признав преступность формы переворота, он оправдывал его содержание.

Что успели «разложить» Авксентьев и Зензинов, Колчак не конкретизировал. Формальный суд над переворотчиками превратится в их триумфальное оправдание. А вот гражданская война в тылу после установления его диктатуры разольется с большей силой, чем при Директории. Хотя первые восстания в Сибири начались уже при Директории, ее свержение только усилило оппозиционные настроения. Расширился и круг повстанческих активистов — к сторонникам Советской власти и непартийным бунтарям присоединились эсеры.

После этого разговора Болдырев мог с полным основанием объявить Колчака вне закона. Он потребовал от Колчака немедленно восстановить полномочия Директории, на что получил отказ. Но могли Болдырев найти войска для похода на Омск? На его стороне была сила приказа — он был законным командующим, и открыто не подчиниться ему было опасно даже для офицеров, сочувствующих перевороту. Обнадеживающим сигналом было то, что попытка Колчака добиться признания в штабе в Челябинске 18 ноября столкнулась с отказом². Дитерихс сообщил Болдыреву, что чехословацкие руководители за исключением Гайды против переворота и поддерживать Колчака не будут³. Болдырев взвешивал за и против объявления Колчака мятежником и взятия всей полноты власти в свои руки.

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 143–144.

² Плотноков И. Ф. Окончательная гибель Всероссийского учредительного собрания // Исторический архив. 1999. № 4. С. 155.

³ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 138.

В условиях ухода из Директории правого крыла и ареста левого Болдырев становился легитимным диктатором — как единственный оставшийся на свободе член Директории и действующий главнокомандующий. На его стороне было и чехословацкое командование. Так что шансы на быстрое подавление колчаковского переворота сохранялись. Однако политически в этом случае Болдыреву пришлось бы опираться на черновцев, которым он не сочувствовал. Он не хотел бороться за восстановление в правах эсеров, не популярных среди офицерства. Хотя и понимал, что диктатура Колчака непопулярна среди солдат¹. Даже в случае сосредоточения всей власти в его руках, Болдырев бы предпочел продолжать курс Директории. А это был курс примирения эсеров и либералов. Партия либералов — кадеты — поддержала переворот. Сближение Болдырева с омскими заговорщиками было невозможным — не прощать же их второй раз в ожидании третьего. Значит, выступив против диктатуры Колчака, он логикой обстоятельств принуждался идти на сближение с более левыми силами, чем ему бы хотелось.

Болдырев не решился брать в свои руки миссию подавления переворота Колчака, ссылаясь на угрозу развала армии и собственную усталость. Его, военного человека, вымотали политические дискуссии последних двух месяцев. 20 ноября Болдырев решил ехать в Омск, чтобы подать в отставку². Этим шагом он лишил сторонников Директории шансов на ее восстановление.

20 ноября Авксентьев, Зензинов и Роговский были высланы в Кийтай, куда они прибыли через неделю.

* * *

Центром политического сопротивления перевороту стали Съезд членов Учредительного собрания в Екатеринбурге и уфимское областное правительство. 19 ноября съезд принял воззвание, в котором взял на себя миссию борьбы с переворотом и создания новой власти. Понимая, что возврат к Директории в прежнем составе невозможен, учредилорцы брали назад итоги Уфимского совещания. Был создан Исполнительный комитет для руководства борьбой с переворотом в составе Чернова, Вольского, Алкина, Федоровича, Брушвита, Фомина и Иванова³. Но своей вооруженной силы у учредилорцев в Екатеринбурге не было.

¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 140.

² Там же. С. 146.

³ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 493.

Вечером 19 ноября сторонники Колчака арестовали Чернова и других учредителей в гостинице «Пале-Рояль». При нападении на Съезд колчаковцы убили члена Уральского областного бюро ПСР И. Максуну, который пытался предупредить депутатов о появлении военных. Депутатов повели под конвоем.

Сподвижник Колчака Д. Филатьев писал: «Колчак приказал по телеграфу арестовать всех членов Комуча с квалифицированным негодяем из эсеров Черновым во главе. Это было исполнено... Вот тут-то и пригодились чехи: комендант Влага с отрядом солдат нагнал арестованных и отбил их у конвоя. В дальнейшем, по сношению с Омском, решено было членов Комуча отправить в Тюмень и Шадринск, но при помощи чехов же им удалось бежать в Уфу. Протест и бумажное восстание Комуча были ликвидированы, но не надолго: скоро Омскому правительству пришлось иметь дело с целым рядом восстаний, организованных эсерами»¹.

Народных избранников вернули в гостиницу под охрану легионеров. Однако Р. Гайда не желал ссориться с Омском и отправил депутатов в Челябинск, а Чернова снова арестовал и попытался отправить отдельно в распоряжение генерала Сыровы. Но депутаты отказались ехать отдельно от своего председателя, и Гайде пришлось уступить. Съезд переехал в Уфу, где пытался добиться от чехословацкого командования поддержки против Колчака. 23 ноября в Уфу прибыло 44 депутата и около 60 человек аппарата и членов семей².

Совет управляющих ведомствами в Уфе 19 ноября выпустил очень решительное воззвание, в котором грозил выслать против омской реакции «свои добровольческие части»³. Как рассказывал секретарь Съезда членов Учредительного собрания С. Николаев, в Уфе противники переворота надеялись опереться на батальон имени Учредительного собрания, конный отряд Фортунатова и русско-чешский батальон общей численностью в 800 бойцов⁴. Это было бы немало, учитывая, что основная часть войск сохраняла нейтралитет в развернувшейся борьбе.

Ситуация зависела от позиции чехословацкого командования. С одной стороны, большинство командиров не сочувствовало перевороту. С другой стороны, чехословацкие лидеры боялись гражданской войны в тылу фронта и в то же время искали повод выйти из

¹ Филатьев В. Г. Катастрофа белого движения в Сибири. Париж, 1985. С. 36.

² Плотников И. Ф. Окончательная гибель Всероссийского учредительного собрания. С. 144.

³ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 145.

⁴ Прайсман А. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 467.

игры. За поддержку Колчака выступили миссии Великобритании и Франции, что было важным фактором для чехословацкого командования. Если сначала главным лоббистом колчаковской диктатуры среди чехословацких военных был Гайда, то затем он получил поддержку в лице министра обороны Чехословакии М. Штефаника, который прибыл с широкими полномочиями по реорганизации чехословацкого войска в России. Во время переворота более правые члены ЧСНС уехали встречать Штефаника и начальника французской военной миссии М. Жанена во Владивосток. Члены Совета Патеидл и Свобода издали воззвание с осуждением переворота. 23 ноября совещание в штабе корпуса с участием Штефаника и Нокса приняло решение о поддержке Колчака. ЧСНС в России был ликвидирован. Создавалась Специальная коллегия для России во главе с уполномоченным чехословацкого правительства Б. Павлу. Его заместителем стал командующий чехословацкими войсками в Сибири генерал Я. Сыровы.

30 ноября и. о. начальника штаба Ставки Колчака Д. Лебедев с возмущением писал начальнику штаба Западного фронта М. Дитерихсу, что в Челябинске до сих пор не расклеены обращения Колчака, против них действует цензура, зато распространяются «постановления уфимского сброда». Лебедев грозил пожаловаться на чехов представителям союзников. А если сотрудничество ЧСНС и учредильцев продолжится, «придется вступить на путь отдачи непосредственных распоряжений русским начальникам, хотя бы это угрожало потерей большой территории». Опасаясь развала фронта, русские генералы на чехословацкой службе решили подчиниться Колчаку и 30 ноября согласились начать действовать против учредильцев¹. Чехословацкое командование не стало возражать.

2 декабря в Уфу прибыл направленный Дитерихсом первый эшелон 41-го Уральского полка под командованием полковника А. Круглевского, он не встретил сопротивления и приступил к арестам эсеров. Большинство депутатов и эсеровского актива перешло на нелегальное положение, но 25 «учредильцев» удалось арестовать. 20 из них отправили в Омск².

5 декабря совещание руководителей ПСР, включая Чернова, Вольского, Веденяпина, Климушкина и др., решило перенести основную активность ПСР на борьбу с белыми, а не с красными. Но к переходу в подполье партия была готова плохо. Воззвания, написанные

¹ Плотников И. Ф. Окончательная гибель Всероссийского учредительного собрания. С. 160–161.

² Там же. С. 145.

Черновым и Вольским, не удалось распечатать из-за отсутствия подпольной типографии¹.

Еще до переворота Вольский, Брушвит и др. стали склоняться к необходимости переговоров с большевиками. Вольский мотивировал это как нарастанием реакции в антисоветском лагере и реакционностью Антанты, так и ликвидацией Брестского мира, который был одним из важных мотивов борьбы против большевизма².

В ночь на 2 декабря в Оренбурге переворот против Дутова надеялись совершить эсеры (В. Чайкин, Ф. Махин и др.) и башкирские национальные лидеры (А. Валидов и др.). Это был первый результат курса на русскую национальную консолидацию и сворачивание национальных автономий. Вскоре башкирские вооруженные отряды перейдут на сторону красных.

Диктатура, политической опорой которой стала партия российского либерализма — кадеты, начала с повторения «подвига» большевиков — разгона «учредилowцев». Это странное на первый взгляд сходство между большевиками и либералами объяснимо: и те, и другие, сделав своим лозунгом свободу и демократию, были в то же время уверены в том, что достичь их можно через собственную диктатуру и ограничение гражданских свобод. В результате, как только демократия вступила в противоречие с их социальными проектами, большевики и кадеты пошли на уничтожение структур народовластия.

Историк В.Г. Хандорин весьма оптимистично оценивает последствия переворота: «Факт укрепления власти после переворота был налицо. Прекратились бесконечные междоусобицы неподчиняющихся друг другу правительств и “областных дум”, умерились партийные распри, была выстроена единая “вертикаль” управления сверху донизу, воспряла духом армия»³. Но часть из перечисленного — «заслуга» Директории, которая как раз и выстраивала «вертикаль», ликвидировала многообразие местных властей, между которыми, к слову сказать, вооруженных междоусобиц не было и раньше. Теперь Колчака не признал атаман Семенов, что создало серьезные проблемы, так как он контролировал Читу и путь на Дальний Восток. Власть на местах перешла к офицерам, которые правили в соответствии со своими казарменными представлениями о порядке, творили произвол, вызывая раздражение, а то и ненависть населения. Теперь «партийные распри» перешли как раз в вооруженную фазу. Эсеры

¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года. Архив новейшей истории России. Т. 11. С. 495.

² Там же. С. 494.

³ Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. С. 248.

стали помогать антиколчаковскому подполью, чему способствовала и расправа над их видными деятелями в декабре 1918 г. Первым испытанием для власти Колчака, показавшим, насколько зыбка его социальная почва, стало восстание в Омске в декабре 1918 г.

* * *

Большевики готовили в Омске восстание, но его штаб был разгромлен колчаковцами. Тем не менее в ночь на 22 декабря в Омске восстали две роты 8-го Сибирского полка, к которым присоединились просоветские отряды, сформированные из рабочих и других сторонников Советской власти. Восставшие освободили политзаключенных, в том числе содержавшихся в омской тюрьме эсеров, включая депутата Н. Фомина, бывшего главу уфимского правительства В. Филипповского, И. Нестерова, редактора челябинской газеты «Власть народа» Е. Маевского и др. Часть восставших солдат предлагала организовать власть «учредивцам»¹, часть была за Советскую власть. Повстанцы попытались освободить заключенных концлагеря, но неудачно. После этого восставшие отошли к станции Куломзино, где их поддерживали железнодорожные рабочие, взявшие в руки оружие. Это были те самые железнодорожники, которые бастовали во время Директории, а против Колчака восстали.

Утром к Куломзино подошли казаки Красильникова и чехословацкие части, обстреляли станцию из артиллерии, окружили восставших и заставили их разоружиться. Согласно официальным данным при подавлении восстания в Омске погибло 113 человек, по приговору военно-полевого суда расстреляно 49 человек, приговорено к заключению 13 человек. В Куломзино же по приговору военно-полевого суда было расстреляно 117 человек, оправдано 24 человека, убито при подавлении 124 человека. На стороне белых потери составили 24 убитыми, 35 ранеными, чехословацких солдат убито 7 человек, ранено 18². Во время боев британский батальон прикрывал ставку и квартиру Колчака. Сам Колчак в это время болел и вроде бы не нес ответственность за происходившие после восстания расправы. Но он был достаточно дееспособен, чтобы принимать доклады и отдавать указания³ — в частности, когда непосредственная угроза миновала, он распорядился снять британскую охрану⁴, а то получалось как-то непатриотично.

¹ Гутман А. Декабрьское восстание в Омске в 1918 г. // Цветков В.Ж. Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 222.

² Там же. С. 224–225.

³ Допрос Колчака. Стенограммы. С. 199–200.

⁴ Гутман А. Декабрьское восстание в Омске в 1918 г. С. 225.

После подавления восстания был опубликован приказ начальника гарнизона генерала Бржозовского с требованием к разбежавшимся заключенным вернуться в тюрьму на условии безнаказанности. Кто не вернется — тому расстрел. Гарантии безопасности вернувшимся подтвердил министр юстиции С. Старынкевич. В государствене Колчака была юстиция. «Некоторые из бежавших: Феодорович, Нестеров, Филипповский, Иванов, Сперанский и Владыкин не пожелали вернуться в тюрьму и скрылись из Омска. Другая же часть, а именно: эсеры Девятов, Кириенко, Фомин, Барсов, Саров, Локотов, Павлов, Лотошников, Подвицкий и социал-демократы Маевский и Брудерер решили вернуться в тюрьму, доверяя опубликованному приказу, гарантировавшему их безопасность»¹, — рассказывает свидетель событий А. Гутман. Заключенные, вернувшиеся в тюрьму, были рассажены по камерам.

Такое торжество правопорядка совершенно не устроило атамана Красильникова. «Хотя документально установить это и не удалось, но из совокупности всех данных, сопровождавших акт убийства, не оставалось сомнения, что неофициальный приказ офицерам Рубцову, Барташевскому и др. забрать всю группу учредиловцев как наиболее опасных большевиков, из тюрьмы и доставить их в полевой суд, функционировавший в гарнизонном собрании, отдал Красильников, который не мог действовать без ведома и участия других казачьих атаманов. Они рассчитывали, что полевой суд приговорит к расстрелу приведенных арестантов, не разобравшись в их вине, без какого-нибудь уличающего материала»². Этот расчет был основан на том, что и других обвиняемых колчаковские военно-полевые суды приговаривали к смерти без долгих разбирательств.

В ночь на 23 декабря отряд под командой офицеров Рубцова и Барташевского забрал арестованных «учредиловцев» из тюрьмы, против чего офицер, руководивший охраной, не стал возражать. 13 арестованных отвезли в военно-полевой суд, но его председатель не взял на себя ответственности их судить. После чего офицеры решили, что эти формальности не обязательны и расстреляли группу «учредиловцев» без суда. «На следующий день на берегу Иртыша нашли девять изуродованных трупов, среди которых были опознаны: Нил Фомин, Брудерер, Кириенко и др. Судебно-медицинским осмотром трупов было установлено, что убитым нанесено много сабельных ударов и штыковых ран во время завязавшейся борьбы. Очевидно, убитые отчаянно сопротивлялись»³, — пишет А. Гутман.

¹ Гутман А. Декабрьское восстание в Омске в 1918 г. С. 226.

² Там же. С. 230–231.

³ Там же. С. 232.

Этот акт произвола был настолько вопиющим, что Колчак даже назначил расследование. Его волновало, что расстрел может скомпрометировать его перед иностранцами¹.

Адмирал вспоминал: «Затем, мне кажется, что в этот же вечер, часов в 9 или в 10 примерно, я получил совершенно неожиданно для меня записку от Вологодского, который сообщал, что предаются военно-полевому суду члены Учредительного Собрания, которые никакой связи с восстанием не имели, а просто находились в тюрьме и были освобождены, и что он просит моего распоряжения о том, чтобы их суду не предавать. Я потребовал сейчас же бланк и написал на нем, что члены Учредительного Собрания суду не подлежат, и без моего ведома никакому суду их не предавать... Свою записку я приказал отправить срочно начальнику гарнизона, потому что полевой суд был при начальнике гарнизона назначен Матковским. Начальником гарнизона был генерал-майор Бржозовский. Это было уже довольно поздно вечером, часов в 10–11, и после этого всю ночь меня никто не беспокоил и никаких сведений я не получал. Мне было довольно скверно, меня старались не беспокоить»². Утром министры сообщили правителю о расстреле «учредилковцев». Это был важный вызов власти Колчака. Офицерство, свалив Директорию, превратилось в преторианскую гвардию, которая считает себя вправе не считаться с указаниями Верховного.

Расследование велось также, как после сентябрьского путча. Фамилии исполнителей расправы были выяснены, но замахнуться на Красильникова не решились. На допросе в 1920 г. Колчак признал: «Обвинять Красильникова, зная его отношение ко мне, я не мог, я не мог подозревать, чтобы Красильников мог сделать этот акт, направленный против меня»³.

Арестованный по этому делу Бартошевский был освобожден как благонадежный человек под надзор Красильникова, а другие участники расправы не арестовывались⁴.

По словам А. Гутмана, «расследование следственных властей приводило неизменно к атаману Красильникову и другим казачьим военачальникам, как к главным виновникам убийства. Были указания об участии в этом деле также казачьего генерала Иванова-Ринова. С точки зрения закона следовало бы предать суду Красильникова и его сообщников, — но для адмирала и его правительства это было совершенно невозможно. Адмиралу Колчаку пришлось бы пойти

¹ Допрос Колчака. Стенограммы. С. 206.

² Там же. С. 200.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 204.

на конфликт с казачеством, объявить казакам войну. Это угрожало большой опасностью для едва укрепившейся власти и еще неизвестно чем бы такой конфликт окончился. Нельзя забывать и того, что в то время назревал острый конфликт с атаманом Семёновым, не признававшим омской власти...

Верховному Правителю скрепя сердце пришлось примириться с фактической невозможностью покарать виновных»¹.

Так закрепилась формула колчаковского режима: формальный абсолютизм Верховного Правителя, фактическое управление Совета министров в центре и терпимость к произволу полевых командиров на местах.

* * *

Война продолжалась с переменным успехом. 29 ноября белые — екатеринбургская группа войск численностью 45 тыс. солдат под командованием А. Перхурова и Р. Гайды — перешли в наступление против 3-й армии М. Лашевича (28 тыс.). 25 декабря белым удалось взять Пермь. «Пермская катастрофа» стала пощечиной красному командованию, но стратегически она не угрожала Москве и уводила центр тяжести колчаковского фронта в северном направлении, на соединение с интервентами, которые вели себя пассивно. А вот на центральном направлении белые и чехословацкие войска 31 декабря сдали Уфу.

27 января 1919 г. был издан приказ об отводе чехословацких войск с фронта. Они не желали проливать кровь на фронте непонятно за что. Раньше они сражались за независимую Чехословакию и демократию в России. Первое было достигнуто, второе — растоптано. Поскольку немедленная эвакуация была невозможна, максимум на что соглашались легионеры — охранять Транссибирскую магистраль — путь на Родину.

По мере наступления Красной армии чехи и словаки стремились к Тихому океану — в России их не удерживало ничего, кроме нажитого в ходе войны добра. Капитан И. Ильин писал: «Чешские эшелоны, которые нас обгоняют, набиты добром, что называется, до крыш. Под вагонами в ящиках везут медведей, в вагонах ковры, зеркала. Материю, сукно, рысистых прекрасных лошадей, обувь, шляпки, видимо, просто вывозят целыми магазинами»².

В ноябре на фронт стали наконец прибывать части Сибирской армии. Они отличались от Народной армии. Как писал один из участни-

¹ Гутман А. Декабрьское восстание в Омске в 1918 г. С. 234–235.

² Ильин И. Белая одиссея. Из дневников // Октябрь. 2014. № 4. С. 132.

ков войны на Волге С. Щепихин, «офицеры как будто боялись своих солдат». Внешняя дисциплина не давала той «неписанной спайки», которая была в Народной армии¹.

Несмотря на то что насильственная мобилизация не делала солдат враждующих армий вполне надежными, у красных было лучше поставлено дело агитации в войсках. Комиссары звали бойцов на защиту завоеваний Октября, прежде всего земли и равноправия (хотя бы возможности человека из низов стать «начальником»), к неведомому счастливому будущему. А куда было звать мобилизованного белым? Назад в Российскую империю с какими-то непонятными конституционными поправками?

Если до ноября 1918 г. на востоке России шла война между двумя вариантами революции, один из которых отстаивал демократический путь, то затем эта альтернатива исчезла. Теперь по обе стороны фронта была диктатура. Различие стало иным. Белая диктатура привлекала тех, кто был разочарован в революции как таковой и стремился прекратить ее как можно скорее и тверже. Революция воспринималась сторонниками белого дела как деструкция, и при ритуальном осуждении реакции, цель движения заключалась в восстановлении порядка, в основных чертах соответствующего дореволюционному. Может быть, без монархии, что, впрочем, тоже не было очевидно для белого офицерства. В этих условиях большевики воспринимались в качестве меньшего зла теми, кто стремился сохранить революционный импульс перемен, надеялся на то, что Россия выйдет из революции другой, обновленной, открытой к модернизации и основанной на принципах социальной справедливости. Оба эти социально-психологических блока были разнородны и внутренне конфликтны, но 18 ноября 1918 г. разделило их непримиримым психологическим фронтом до конца Гражданской войны фронтов. От соотношения сил этих двух частей России зависел исход этой войны в 1919–1920 гг.

---

¹ Цит. по: *Прайсман А. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. С. 209.

Глава VII

От мировой войны к мировой революции

Октябрьская годовщина и ноябрьская революция

Появившись 22 октября на широкой публике впервые после покушения, Ленин выступил с докладом на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и ФЗК. Выслушав долгие аплодисменты, он предложил слушателям парадокс: «Товарищи, мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, чем теперь»¹. Это сказано после Брестского мира, летне-осенних сражений Гражданской войны, после покушения на него лично. Что за угроза нависла над большевиками, когда они утвердились в центральных регионах России? Ленин не отвечает сразу, а обрушивает на слушателей множество оптимистических новостей: революция вспыхнула в Болгарии и Сербии (на самом деле этого не произошло). Австро-Венгрия распадается, и буржуазия там не удержится, потому что «везде стучится в двери рабочая революция». Немного торопя события, Ленин даже утверждает, что в Германии началась революция². И ведь действительно через две недели Германская революция свергнет монархию. Советскую республику приветствуют на социал-демократических и рабочих собраниях также в странах Антанты. «Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата!»³

Гром аплодисментов, слушатели уже забыли об угрозе, которую Ленин анонсировал в начале речи. Но «чем ближе мы подходили к мировой пролетарской революции, тем больше спланивалась контрреволюционная буржуазия»⁴. Это выглядит как упражнение в диалектике. Однако Ленин делает из него практический и весьма реалистический вывод — следует ждать нападения англо-француз-

---

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 111.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 117.

ских сил с юга, через Дарданеллы. Этот прогноз в ближайшее время осуществится. Ленин-прагматик понимает нечто, что не умещается в пропагандистскую схему. Конечно, Россия не является для империалистов главной головной болью. Но скоро вопрос о Российской революции снова встанет в повестку дня Антанты, потому что кончится Первая мировая война. Империализм объединится, будет создаваться послевоенный мировой порядок, в котором Советской России не может быть места. Значит, предстоит полномасштабная интервенция Антанты и уже подчиненной ей Германии против иностранного образования, которое не вписывается в мировой порядок. Раньше можно было играть на межимпериалистических противоречиях, а теперь они на время исчезнут. И это — огромная опасность.

Ей можно противопоставить только восстание, революцию. Причем начать стоит с Украины, которая дестабилизирует Германию: «наша главная задача — пропаганда в интересах украинского восстания»¹. Это как раз то, против чего Ленин выступал в отношениях с левыми эсерами и левыми коммунистами. Тогда было рано, теперь в самый раз. «Южный наш фронт не есть фронт единичный, — это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире, но мы его не боимся, так как знаем, что ему самому не удастся справиться со своим внутренним врагом... Рабочие созрели, чтобы знать эту правду. Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм»². И победить его можно, опираясь на революционное рабочее движение в самих империалистических странах.

Последующие дни приносили одну оптимистическую новость за другой. 3 ноября Ленин выступал на демонстрации, посвященной Австро-Венгерской революции, где заявил: «На венских площадях, вероятно, празднуется первый день австрийской рабочей революции. Уже близко то время, когда повсеместно будет праздноваться первый день всемирной революции»³.

Эти события совпали с первой годовщиной Октябрьского переворота. Ее празднование стало двойным триумфом, так как проходило под аккомпанемент все новых сообщений о революционных событиях в Австрии, Венгрии, Германии и других странах. Казалось, что мир капитала начал рушиться, хотя он всего лишь трансформировался в итоге войны.

6 ноября Ленин выступил на VI съезде Советов, первом, на котором оппозиции уже почти не осталось. Это было одно из первых

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 121.

² Там же. С. 124–125.

³ Там же. С. 131.

появлений Ленина на публике после ранения, и он столкнулся с массовым обожанием, длительной и энергичной овацией до и после выступления, не считая аплодисментов по ходу речи.

Ленин заявил, что после четырехлетней войны достигнута «задача создания сознательной социалистической организованной массы»¹. Эта «организованная масса» стала надежной опорой для Советской власти, которая теперь вступит в бой с объединенным империализмом: «мы подвели фундамент, мы подошли к решительным битвам, которые действительно будут решительными»².

8 ноября в речи о международном положении Ленин развивал тему единства империализма и связанных с этим опасностей: «империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему», и в то же время «полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым Россию мы причислить не можем»³. Нужно создать Советскую власть в Германии, тогда дело пойдет.

Ленин даже не исключает, что империалисты могут теперь разгромить Советскую Россию, но «они ошибаются, если думают, что, задавив один очаг революции, они задавят революцию в других странах... Положим, одну страну раздавить могут, но они никогда не раздавят международной пролетарской революции, они еще больше ее разожгут и они все в ней погибнут!»⁴. История сложится иначе. Отныне ленинскому проекту и мировому империализму придется делить одну планету.

Спорить с Лениным было практически некому — после чисток Советов от оппозиции и раскола левых эсеров состав съезда был почти однородным — 933 коммунистов с решающим голосом и 333 — с совещательным. Оппозиции дали считанные мандаты — 10 революционным коммунистам, 5 левым эсерам, 2 народникам-коммунистам, 1 максималистам и 1 анархистам⁵. Но все эти партийные течения были не меньшими сторонниками разжигания мировой революции, чем Ленин.

Настроение было благодушное. VI съезд принял амнистию, официально прекратив красный террор. 9 ноября были отменены комбеды. 30 ноября в Советы были допущены меньшевики.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 146.

² Там же. С. 152.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же. С. 167–168.

⁵ Ионкина Т.Д. Всероссийские съезды Советов в годы пролетарской диктатуры. М., 1974. С. 201.

* * *

При недостатке хлеба годовщина Октября обещала зрелищ. К праздничному оформлению городов были привлечены художники самых разных направлений. В оформлении улиц Петрограда участвовали свыше 170 авторов, в том числе К. Петров-Водкин (оформление Театральной площади в Москве) и Н. Альтман (Дворцовая площадь в Петрограде). Улицы городов украшали знамена, эмблемы, настенные панно. Авангардистские, футуристические и кубистические объекты раскалывали зрителей, как и социальная политика коммунистов — возбуждая одних и пугая, возмущая других зрителей.

7 ноября перед зданием Моссовета был открыт памятник Советской Конституции, сменивший генерала Скобелева. На Красной площади была организована грандиозная демонстрация. Над площадью аэропланы разбрасывали листовки. На площадях столицы выступали артисты цирка, народ до вечера веселился в ходе этого нового праздника¹.

К первой годовщине революции в Москве было приурочено открытие нескольких произведений монументальной пропаганды: памятники К. Марксу и Ф. Энгельсу на площади Революции (скульптор С. Мезенцев), Ф. Достоевскому, Ж. Жоресу, С. Перовской и И. Каллеву, мемориальная доска борцам Октябрьской революции на Красной площади (скульптор С. Коненков); памятник Конституции на Советской площади перед зданием Моссовета (архитектор Д. Осипов). В центре Москвы была организована массовая инсценировка «Пантомима Великой революции». Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса подготовил к празднику выставку произведений искусства, вывезенных из бывших помещичьих имений.

Выступая с трибуны на Красной площади, Ленин снова говорил об опасности империалистического нашествия и бросил слушателям лозунг: «Победа или смерть!»² Он говорил «немного крикливо, звонко и отчетливо, как будто спешил, как будто волновался»³. Вероятно, Ленин в это время действительно пребывал в волнении, в эйфории. Они смогли, они продержались, и не просто год, а тот год, как считал Ленин, который отделяет Октябрьский переворот от начала всемирной пролетарской революции. Теперь-то уж дело пойдет. И он

¹ Рихтер З. Первая годовщина // Ленин всегда с нами. М., 1967. С. 266–269.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 172.

³ Полетаев Н. Ленин на трибуне // Ленин всегда с нами. М., 1967. С. 270. Тот же автор рассказывает, как эмоционально Ленин хлопал на довольно средненьком концерте 6 ноября. Он находился в превосходном настроении и думал прежде всего о мировой революции, о которой тут же принялся говорить безо всякого перехода со сцены, где проходил концерт (С. 271).

остался жив, несмотря на все опасности, он увидит это грандиозное мировое потрясение и, возможно, начало мирового коммунистического общества.

Петроградцы стремились не отстать от новой столицы в коммунистическом креативе. 6 ноября празднование началось с многочисленных демонстраций, речей и кумачей. Зиновьев прославлял Октябрьский переворот, против которого выступал год назад (но об этом мало кто помнил). Состоялось открытие памятника К. Марксу у Смольного (скульптор А. Матвеев). В. Мейерхольд и В. Маяковский подготовили к годовщине премьеру спектакля «Мистерия-буфф». 7 ноября заседание Петросовета переросло в концерт классической музыки, а вечером на Неве публика с восхищением смотрела грандиозное огненное шоу, а затем наслаждалась революционными представлениями в театрах и кинотеатрах под открытым небом. 8 ноября под торжественные речи был открыт Дворец труда и памятник металлиту около него. А 9 ноября был проведен еще и детский праздник — демонстрации сирот и детей рабочих, поездки на украшенных трамваях, выслушивание речи Луначарского и концерт на холодном ветру Дворцовой площади. Потом был горячий чай с конфетами и возвращение домой. Те, кто вечером 9 ноября продолжал смотреть представления, впали в эйфорию, когда было объявлено, что революция началась и в Германии¹. Это совпадение выглядело как заранее продуманная победная точка всего праздника. В итоге этих четырех дней петроградцам разных поколений было теперь что вспомнить, кроме голода и стрельбы.

Праздник шагал по стране, но сообщения о гуляниях перемежались с безрадостными картинками. Так, из Тихвинского уезда сообщали: «Вообще население уезда настроено тревожно, и везде стоит вопрос о выборе новых составов Советов, причина тому — бескормица, а в Саньковской волости частью питаются мхом.

Из Волостных Советов получены сообщения о том, что дни празднования торжества Октябрьской революции происходили торжественно при массе собравшихся граждан и учеников, при всех Советах происходили манифестации в присутствии командированных от уездного исполкома членов коммунистов и празднование это в большинстве случаев отмечено устройством разного рода увеселений, лекций и митингов». Впрочем, несмотря на голод, настроение крестьян повышалось из-за сообщений об отмене Брестского мира и взятии Пскова у немцев². Теперь на Советскую власть работал фактор патриотических чувств.

¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 549–558, 580.

² Документ о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. С. 152–153.

Еще 5 ноября российское посольство в Германии было закрыто из-за использования его в целях революционной пропаганды. В 1920-е гг. полпред в Германии А. Иоффе рассказывал Л. Фишеру, что посольство «было главным штабом германской революции. Я покупал тайную информацию у германских чиновников и передавал ее радикальным деятелям, ...которые использовали ее в своих речах и статьях, направленных против правительства кайзера. Я заплатил 100 000 марок за оружие для революционеров. Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались за счет нашего посольства. Мы хотели свергнуть монархию и прекратить войну»¹. Даже если это преувеличение самого Иоффе или пересказа Фишера, возмущение германского руководства не было основано на пустом месте. Но советское руководство уже не боялось разрыва с Германией.

* * *

Брестский мир дал Германской и Австро-Венгерской империям дополнительный ресурс для поддержания стабильности, но в условиях войны его хватило на полгода. 15 сентября войска Антанты прорвали австро-венгерскую, а 27 сентября — германскую оборонительную линию.

29 сентября сдалась Болгария, 30 октября — Османская империя, 3 ноября — Австро-Венгрия.

12 ноября 1918 г. в условиях военного поражения, массовых национальных и социальных движений Австро-Венгрия прекратила существование. Государства, образовавшиеся на ее территории, получили возможность выстраивать разнообразные социально-политические системы. Венгрия провозгласила независимую республику, которой теперь предстояло определить с Антантой новые границы — более тесные, чем прежде. Южнославянские земли попали в состав провозглашенного 29 октября Королевства сербов, хорватов и словенцев. Австрия, не претендуя на иноэтничные территории, превратилась в небольшую германоязычную республику, где социал-демократы приступили к социальным реформам. Временным национальным собранием Чехии и Словакии 28 октября была провозглашена республика Чехословакия. Благодаря лояльности ее отцов-основателей Антанте и участию Чехословацкого корпуса в интервенции в России, Чехословакия не была причислена к стану проигравших мировую войну, хотя и была расположена на территории бывшей Австро-Венгрии. Ей досталась вся Богемия, включая населенную немцами Судетскую область. Чехословакия стала оплотом

¹ Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 456.

нового порядка, провозглашавшего ценности демократии и противостоявшего дальнейшему углублению революционных процессов под лозунгом «Власть Советов!».

5 октября германское правительство Макса Баденского обратилось к президенту США Вильсону с предложением о перемирии и просьбой о посредничестве. Однако мирные предложения сопровождались военными приготовлениями — был отдан приказ о выходе в море флота. 28 октября начались волнения моряков, которые отказались выполнять такой приказ. 3 ноября матросов поддержали рабочие, в Киле начался митинг. По демонстрантам был открыт огонь. В ответ в Киле началось восстание, 4 ноября был создан солдатский Совет. Движение стало распространяться на другие города. Митингами были охвачены города по всей Германии. Солдаты братались с рабочими. 9 ноября революция победила в Берлине. Рейхсканцлер Макс Баденский передал власть лидеру социал-демократов Ф. Эберту. Император Вильгельм II бежал из страны. Депутаты рейхстага провозгласили республику. 11 ноября Германия капитулировала в Компьене¹.

По инициативе группы рабочих лидеров («революционных старост») был создан Берлинский Совет, который взял ситуацию в столице под свой контроль. Советы стали создаваться по всей стране. Как и в России в первой половине 1917 г., большинство в рабочих Советах получили социал-демократы. Они входили в умеренную Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) и более радикальную Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). Берлинский Совет поддержал правительство (Совет народных уполномоченных) во главе с Ф. Эбертом и Г. Гаазе. Правительство немедленно разрешило свободную деятельность профсоюзов, забастовки и ввело 8-часовой рабочий день.

Судьбу страны должно было решить Учредительное собрание. СДПГ выступала за демократическую парламентскую республику, защиту социальных прав трудящихся, равноправные соглашения между профсоюзами и предпринимателями при сохранении капиталистических отношений. Лидеры НСДПГ полагали, что уже в условиях происходящей революции можно создавать основы новых социалистических отношений: развивать рабочее самоуправление, сочетать парламентскую демократию с советской. В составе НСДПГ действовала группа «Спартак» во главе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург, которые выступали за переход от буржуазной революции к социалистической. В декабре спартаковцы вышли из НСДПГ и создали Коммунистическую партию Германии (КПГ).

¹ Подробнее см.: *Драбкин Я.С.* Революция 1918–1919 гг. в Германии. М., 1958. С. 66–97.

События в Германии со своими особенностями развивались по сценарию, близкому к Российской революции в первой половине 1917 г. Обе революции начинались со стихийных массовых выступлений, вызванных военными и послевоенными трудностями, приводили к возникновению Советов, в которых доминировали умеренные социалисты. На первом этапе революция получала поддержку части статусной политической элиты, озабоченной прежде всего внешнеполитическими проблемами. В дальнейшем события развивались по пути радикализации до решительного столкновения сил социальной стабилизации и сторонников скорейшей социалистической революции.

23 ноября 1918 г. правительство и Берлинский Совет договорились о разделении полномочий, по которому правительство сосредоточило исполнительную власть в своих руках. 6 и 24 декабря произошли вооруженные столкновения между сторонниками и противниками дальнейшего углубления революции. Рабочие требовали социализации предприятий, возможность которой изучала правительственная комиссия. 16–17 декабря прошел I Всегерманский съезд Советов, на котором успеха добились умеренные социал-демократы. Съезд назначил выборы в Учредительное собрание на 19 января 1919 г.

Роль германского «июльского кризиса» сыграли события января 1919 г. По мнению историка С. Хаффнера, «судьба германской революции решилась в Берлине в течение недели с 5 по 12 января 1919 г., вошедшей в историю как “спартаковская неделя”. Но название это неверно. События тех январских дней были отнюдь не коммунистическим восстанием против социал-демократического правительства. То была попытка берлинских рабочих масс вновь и таким же способом добиться того, что они завоевали 9–10 ноября и уже успели наполовину растерять. Пятое января было повторением 9 ноября (имеется в виду начало ноябрьской революции 1918 г. — А. Ш.).

Но то, что в ноябре удалось по крайней мере внешне, в январе потерпело полное крушение. Поражение лишь отчасти объяснялось тем, что руководство, которое и на этот раз осуществляли “революционные старосты”, было еще более неорганизованным и беспомощным, чем в ноябре. Главная причина — в другом: Эберт почувствовал себя достаточно сильным, чтобы отважиться на то, что не осмелился сделать тогда, — расстрелять революцию»¹.

Но Эберт и военный министр Г. Носке были уверены, что они стреляют не в революцию, а в экстремистов, которые ей угрожают.

¹ Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности. М., 1983. С. 142–143.

Еще до начала ноябрьской революции германские левые социал-демократы были настроены весьма радикально, их стоило даже немного сдерживать. 23 ноября Н. Бухарин рассказывал на заседании Моссовета: «Так этот самый Барт, который теперь вступил в это подлое предательское правительство Шейдемана—Гаазе, этот самый Барт говорил мне: “Дорогой Бухарин, мы не будем делать этих глупостей, как делали Вы, русские, мы не будем так мягки, мы перевешаем всех контр-революционеров, перевешаем их столько, насколько у нас хватит веревок“»¹. Но в ноябре 1918 г. в Германии не было особой необходимости «вешать контрреволюционеров» — царила атмосфера, подобная марту 1917 года в России. А когда настал час решительных столкновений, то социал-демократы со всей решительностью возглавили разгром коммунистов. Бухарин продолжал рассказывать о настроениях германских товарищей еще до свержения кайзера Вильгельма II: «Товарищ Либкнехт оказался даже левее нас». Он хочет «устроить с места в карьер вооруженное восстание в Берлине». Либкнехт объяснял советским представителям: «Не важно, пускай мы будем разбиты, но в Германии рабочий настолько не привык стрелять на улице и настолько не привык, чтобы в них стреляли, что ему чрезвычайно полезно пострелять»². Либкнехт размышлял о том, как восставшие рабочие будут расстреливать полицейских. Советские представители с трудом уговорили Либкнехта ограничиться для начала организацией рабочей и солдатской демонстрации и посмотреть — сколько народа выйдет. Если много — можно попытаться захватить объекты города. «Если не будет достаточного количества рабочих масс на улице, тогда решили ограничиться простой мирной демонстрацией, и в случае, если полиция будет пытаться загородить пути, то пострелять немножко в полицейских»³. Однако Берлинский рабочий центр со счетом 22 против 19 решил отложить столь опасную демонстрацию. Ведь в случае столкновения с полицией рабочие организации могли быть разгромлены и подвергнуться жестоким репрессиям. И это — накануне назревавшей революции. Готовность К. Либкнехта к решительным, хотя и неподготовленным действиям, приведет в январе 1919 г. к его гибели и тяжелому поражению германских коммунистов.

Но Либкнехт был не единственным лидером левой социал-демократии. Ее теоретики не спешили признавать в большевистском эксперименте зарю социализма. Если до октября 1917 г. большевистский проект представлялся социал-демократам слишком анархиче-

¹ ЦГАМ. Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 8.

ским, то практика Советской власти оказалась, напротив, слишком авторитарной. К. Каутский настаивал: «Демократия и социализм различаются не тем, что первая — средство, а второй — цель; оба они — средство для одной и той же цели... Социализм как средство освобождения пролетариата без демократии немыслим»¹. Каутский, которому доставалось от Ленина в «Государстве и революции» за излишний этатизм и эволюционизм, теперь критиковал большевиков с демократических позиций. В центре его критики был террор — не меньшее варварство, чем война.

Каутский был одним из идеологов НСДПГ, то есть левого крыла германской социал-демократии. И если в борьбе за левосоциалистические умы концепция «Государства и революции», Советов как самоорганизации масс, была весьма привлекательна, то авторитарный радикализм большевиков разочаровывал их потенциальных союзников. Каутский уже не относился к референтной группе Ленина. Председатель Совнаркома резко раскритиковал, можно сказать разругал германского оппонента в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Но критика Советской власти с демократических позиций была очень опасна в борьбе за умы левых социалистов в Европе, которая с завершением войны приобретала решающее значение для распространения советской революции на Запад.

Теоретиком не только НСДПГ, но с декабря 1918 г. — германских коммунистов была Р. Люксембург. Во время Первой мировой войны она актуализировала лозунг Маркса «Социализм или гибель в варварстве!»². Действительно, война нанесла такой удар по цивилизации и цивилизованности, что простое продолжение запущенных ею тенденций вело к варварству. Советская республика претендовала на роль очага социализма и антитезы войны. Но террор и авторитаризм были атрибутами скорее варварства, чем социализма, понимаемого как демократическое общество.

Люксембург отнеслась к Советской власти более благосклонно, чем Каутский. Еще находясь в заключении до начала Германской революции, она писала о «гигантских задачах, к которым большевики подошли с мужеством и решимостью»³. Но и она была настроена к большевистской модели весьма критически: «Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким

¹ Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большеизм в тупике. М., 2002. С. 39.

² Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 345.

³ Там же. С. 327.

и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, — активную, беспрепятственную энергичную политическую жизнь широчайших народных масс»¹. Это была квинтэссенция отношения левых демократических социалистов к большевизму. С одной стороны, их подкупали решительность и новизна происходящего в России, модель Советов казалась выражением непосредственной воли «рабочего класса и беднейшего крестьянства». С другой стороны, большевики пока демонстрировали подавление демократии, выраженное террором и разгоном Учредительного собрания (о разгонах Советов большевиками было пока мало известно за рубежом). Распространять большевистский опыт следовало осторожно — без его авторитарной составляющей, истоки которой можно было объяснить отсталостью России.

Люксембург критиковала стремление Ленина представить «в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном счете явившиеся следствием банкротства интернационального социализма в этой мировой войне»². Соответственно, модель мирового коммунистического движения и социалистического общества, стартовавших в России, должна вырабатываться не в России: «В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально»³.

Ленин не прочитал эту критику Люксембург, она тогда не была опубликована. Настроение Либкнехта внушало скорее оптимизм, по сравнению с ним даже левый коммунист Бухарин выглядел умеренно.

Однако в начале 1919 г. недоверие германских товарищей к большевизму выразится в том, что посланник КПП Г. Эберлейн возразил против немедленного провозглашения Коминтерна. Сначала нужно выработать проекты основных документов. Как отмечают К. Макдермотт и Д. Агню, «публичные высказывания Эберлейна однако не передавали сути того беспокойства, которое испытывали германские коммунисты. Незадолго до своей смерти Роза Люксембург намекнула, что преждевременно созданный в Москве Интернационал неизбежно окажется под влиянием большевиков. Она предупредила руководство германской компартии, что такой Коминтерн будет

¹ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 324.

² Там же. С. 332.

³ Там же. С. 333.

«русской Kramerei» (лавочкой), с которой мы будем не способны справиться. Мы погибнем с ним»¹.

Ленин был согласен с тем, что идеология Коминтерна должна формироваться на основе синтеза большевизма и спартакизма². Однако такая постановка вопроса на практике имела одно условие — германские коммунисты должны были победить в Германии. Но этого не произошло, Советская Россия превратилась в главный очаг и оплот коммунистического проекта. В итоге западные коммунисты постепенно либо приняли и поддерживали большевизацию, то есть все более авторитарный режим в международном коммунистическом движении, либо оказались за бортом Коминтерна.

Концепция большевиков заключалась в том, что их опыт будет повторяться во всех странах с непринципиальными поправками. Ход революции в Германии сначала подтверждал эту параллель. В январе 1919 г. в Берлине произошли события, подобные июльскому кризису в Петрограде. Но если Ленин и Зиновьев скрылись, то Люксембург и Либкнехт погибли. Дезорганизованная КПГ в 1919 г. не смогла осуществить германский «Октябрь».

Большинство германских социал-демократов считало, что предпосылок для социализма в Германии еще нет. Следовательно, необходимо сохранить капитализм против варварства коммунистов. Но в межвоенный период германский капитализм стабилизировался всего на пятилетку, после чего Германия двинулась к новому варварству — нацистскому.

Ноябрьская революция и поражение Германии в войне привели к крушению грандиозной системы марионеточных государств от Финляндии до Грузии. Теперь режимам, образовавшимся здесь под патронажем кайзера, предстояло самим заботиться о самосохранении и расширении границ в условиях этнической чересполосицы.

Поход на Запад и Украинская революция

Статья 12 Компьенского перемирия 11 ноября гласила, что войска Германии и ее союзников должны покинуть территорию бывшей Российской империи, но только тогда, когда «союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»³.

¹ Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 28–29.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 227–228.

³ Цит. по: Минц И.И. Год 1918-й. С. 538.

Однако теперь Красная армия готовилась подтолкнуть штыком немецкое отступление, пока оккупированную территорию не заняли войска Антанты и белогвардейцы.

13 ноября РСФСР официально денонсировала Брестский мир. 22 ноября красные атаковали Нарву, которую занимали немецкие войска.

Развернулось наступление Красной армии на Запад, которое было с большим сочувствием встречено частью населения бывшей Российской империи.

28 ноября 6-я стрелковая дивизия 7-й армии, усиленная эстонскими красными добровольцами, пошла на штурм Нарвы, которую обороняли немцы и эстонцы, причем мотивированы сражаться были только вторые. После высадки красными десанта немцы стали отступать. В схватке красных и «белых» эстонцев (точнее «розовых», так как только что вышедшее из подполья эстонское правительство было левоцентристским) удача сопутствовала советской стороне. Нарва была взята, и в ней провозглашена Эстляндская трудовая коммуна, просуществовавшая до января 1919 г. Ей противостояла Эстонская республика во главе с правительством К. Пятса.

17 декабря был опубликован Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Латвии во главе с П. Стучкой об установлении Советской власти в Латвии. Красная армия вошла в Лифляндию (северная часть современной Латвии и южная часть современной Эстонии). На острие наступления 7-й армии шла дивизия латышских стрелков.

18 декабря 1918 г. красные взяли Валк (Валка), выбив оттуда белых (немцы уже ушли). Город стал первой резиденцией советского правительства Стучки.

А. Ливен, командир русского отряда в Латвии (Либавский добровольческий стрелковый отряд), вспоминал, что в конце 1918 г. население было настроено «большевистски» и враждебно относилось к белым¹.

22 декабря вышел декрет Совнаркома РСФСР о признании независимости Советской Республики Латвии. В действительности советская республика в Латвии возникнет через три недели — после взятия красными Риги.

Впрочем, у сторонников Советской власти в Латвии было немало конкурентов. 17 ноября 1918 г. два национальных политических центра, сформировавшихся во время оккупации — Латышский временный национальный совет и Демократический блок договорились о формировании временного парламента — Народного совета Лат-

¹ Ливен А. Основание отряда // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 13.

вии. 18 ноября он провозгласил независимую Латвийскую демократическую республику, многопартийное правительство которой возглавил К. Ульманис.

Чтобы получить какую-то военную силу, Ульманис пошел на союз с еще не ушедшими из Латвии германскими войсками. До революции имущественная элита этого региона была в значительной степени немецкой. 7 декабря правительство Ульманиса согласилось признать формировавшийся германским командованием балтийский ландесвер вооруженными силами Латвийской республики. Таким образом, легализовались те немецкие военные, которые готовы были остаться (им пообещали латвийское гражданство и землю). Латыши должны были составить большинство этих войск, но Ульманису и его сторонникам не удалось найти достаточного количества желающих служить новому государству. Большинство «латвийской» армии составили немецкие военные.

«Грешный альянс» (так нередко в исторической литературе обозначают сотрудничество Временного правительства с немецкими оккупационными властями), который опирался на совпадение интересов обеих сторон, заметно снизил популярность кабинета Ульманиса среди населения Латвии»¹, — пишет латвийский историк И. Фелдманис. 30 декабря из правительства вышли социал-демократы, не желавшие сотрудничать с немцами на таких условиях.

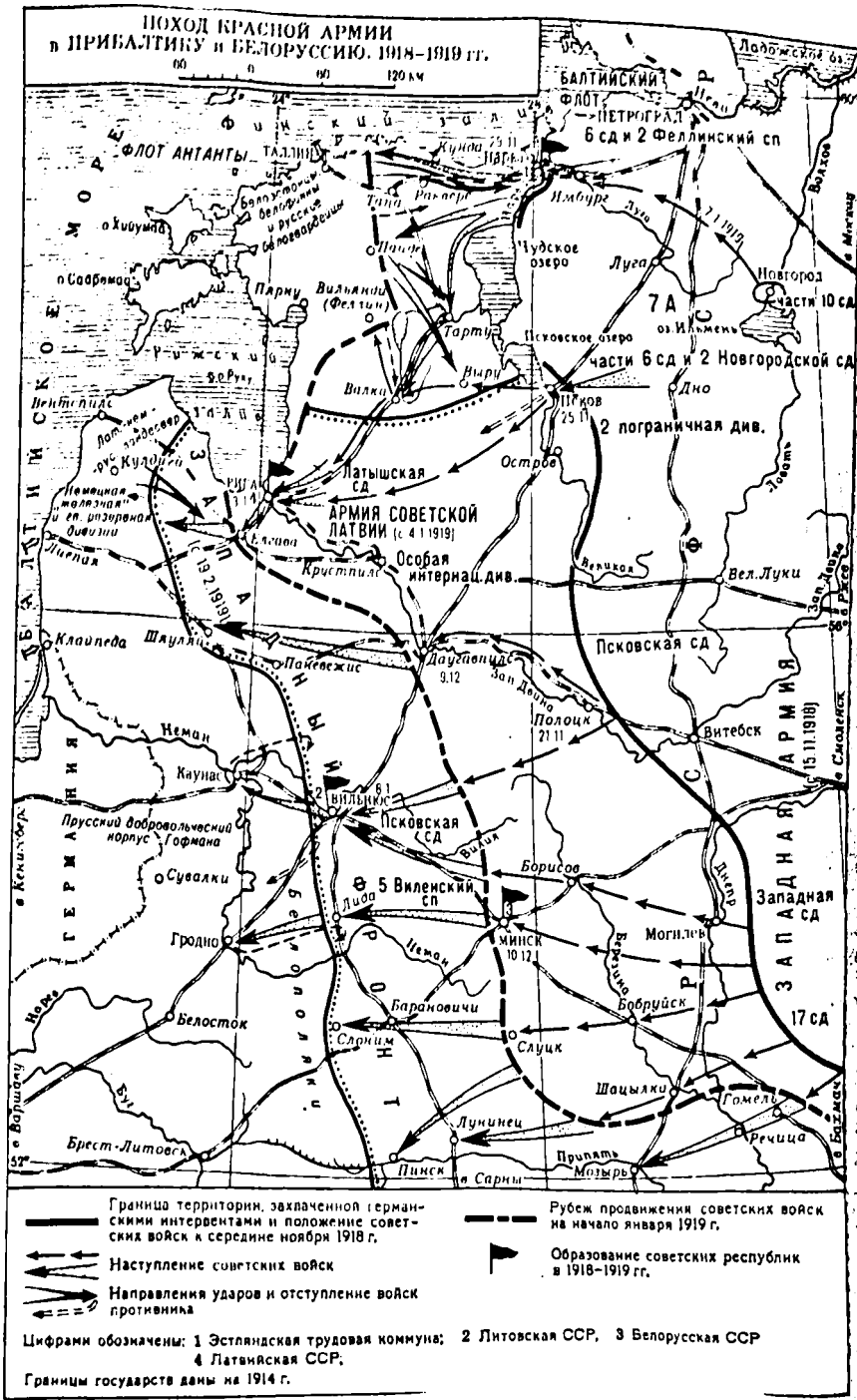
Зато росла популярность сторонников Советской власти, тем более что большевистская агитация в Латвии была одновременно анти-немецкой. В Лифляндии и Латгалии возникали Советы.

Германское командование попыталось остановить красных на укрепленных позициях под Инчукалном, но неудачно. Латыши, служившие в ландесвере, были ненадежны — одна рота восстала накануне боев за Ригу². Потерпев поражение, немецкое командование оставило город, который стали брать под контроль дружины местных сторонников Советской власти. Вспоминает один из латышских стрелков: «Вечером 3 января мы получили приказ командования выслать разведку, чтобы выяснить, какие немецкие силы находятся в Риге... Наши кавалеристы приблизились к городу. Нас встретили рижские рабочие, которые подняли восстание и захватили уже важнейшие объекты города... В городе еще происходили отдельные столкновения, в то время как на станцию прибыл поезд с правительством. Председатель правительства П. Стучка и его заместитель

¹ История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 123.

² Ливен А. Основание отряда. С. 14.

ПОХОД КРАСНОЙ АРМИИ в ПРИБАЛТИКУ и БЕЛОРУССИЮ. 1918-1919 гг.

Ю. Данишевский рассказали о текущем моменте, о задачах дальнейшей борьбы и поблагодарили нас за взятие города»¹.

Красные стрелки встретили в Риге радушный прием сторонников Советской власти: «Стрелки нашего полка спешно погрузились в подготовленный рабочими эшелон, стоявший на пригородной станции, и поехали к Центральному рижскому вокзалу. Там нас ожидали жители города. Многие искали среди стрелков своих родных. Совершенно чужие люди со слезами на глазах бросались к нам на шею и стремились сказать хоть несколько сердечных слов»², — рассказывал стрелок Л. Идерсал.

Латышские стрелки, заняв почти всю Латвию, кроме Либавы, подошли к Восточной Пруссии.

В связи с крушением Германской империи в ноябре 1918 г. началось быстрое формирование структур уже действительно независимых и республиканских Польского и Литовского государств, которые до ноября существовали в виде зависимых монархий. Германия обеспечила инкубационный период независимости этих государств и вовремя ушла со сцены, что создало удачные условия для развития польского и литовского национальных проектов. Однако отношения между ними были отягощены двумя проблемами: территориальным спором и федеративным проектом польских политических элит, нацеленных на поглощение Литовского государства федерацией с центром в Варшаве. Как пишут историки Д. Масюлис и Д. Сталюнас, «по мере того, как нарастала угроза большевистского вторжения, в декабре 1918 г. Варшава предложила Литовскому правительству защищать Вильнюс от большевиков совместно. Литва согласилась принять помощь при условии, что Польша признает независимость Литвы со столицей в Вильнюсе. Польша не собиралась признавать независимое Литовское государство, и вместо ответа Литовское правительство получило известия, что Варшава формирует администрации бывших Каунасской, Сувалкинской и Вильнюсской губерний»³. 4 января 1919 г. красные вошли в Вильнюс. Они были врагами для Польского и Литовского государств, активные советско-литовские боевые действия продолжались до июня 1920 г. Но, как мы видим, национальный фактор раскалывал антибольшевистский фронт, создавая треугольник, в котором могли бы возникать разные альянсы.

¹ Рейнарт А. Ф. Поход на Ригу // Латышские стрелки в борьбе за советскую Латвию. Воспоминания и документы. Рига, 1962. С. 192.

² Идерсал А. А. В боях за советскую Латвию // Латышские стрелки в борьбе за советскую Латвию. Воспоминания и документы. С. 268.

³ Maciulis D., Staliunas D. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question, 1883–1940. Marburg, 2015. P. 66.

Большевики оценили силу литовской национальной идеи, противостоящей великопольскому проекту, и передали Вильнюс советской Литве. Минск стал столицей советской Белоруссии, провозглашенной 1 января 1919 г.

Белорусские национал-коммунисты во главе с Д. Жилуновичем вступили в территориальные споры с литовскими коммунистами во главе с В. Капсукасом, а также с руководителями, которым не нравилась сама идея создания национальной советской республики на территории Западной области.

Национально-территориальная организация пространства между Каунасом и Смоленском еще была неустойчивой и пластичной.

* * *

В октябре 1918 г. Ленин заявил, что начать стоит с Украины, которая даже до начала мировой революции дестабилизирует Германию: «Наша главная задача — пропаганда в интересах украинского восстания»¹. Однако после начала революции в Германии и денонсации Брестского мира большевистское руководство медлило с действиями на Украине. Промедление с продвижением на Украину вызывало протесты лидера левого крыла Украинской коммунистической партии (большевиков) Г. Пятакова, который с санкции Москвы уже формировал на территории России Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. 23 ноября Г. Пятаков взывал из Курска к И. Сталину: «Считаю Вашей обязанностью объяснить Ильичу всю недопустимость создавшегося положения. Перед всеми мы берем на себя колоссальные обязательства. Сил нам никаких не дают. Если считаете украинскую борьбу важной, надо сделать выводы. Нам не только не дают сил, берут отсюда. Положение отчаянное. Нужно же действительно серьезно отнестись к делу. Скажите Вацетису, пусть даст сил, оружие, обмундирование, иначе катастрофа неизбежна»².

Но в полемике с Пятаковым и другими левыми коммунистами весной—летом 1918 г. Ленин проникся скепсисом в отношении повстанческого вспышкопускательства, если оно не подкреплено действиями хорошо организованной Красной армии³. А части РККА для похода на Украину нужно было выделить с других направлений. Пока более важными были бои в Прибалтике и против Войска Донского.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 121.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 22. Л. 51.

³ Подробнее см.: *Солдатенко В. Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. С. 204–238.

Украинским коммунистам даже запретили публиковать манифест о провозглашении Советской власти на Украине¹. Санкция на движение советских войск на Украину была получена только в самом конце 1918 г.

Созданное к 28 ноября Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Ю. Пятаковым расположилось в Судже.

Промедление коммунистов с действиями на Украине облегчило задачу другой силе — украинскому национальному движению, наследникам Центральной рады, объединившихся в Украинский национальный союз (УНС). Он сумел сохранить и даже приумножить свое влияние. Как писал начальник штаба гетмана генерал Б. Стеллецкий, «священник, учитель и кооператив были тремя союзниками Петлюры»². Украинская общественность, недовольная австро-германской оккупацией и авторитаризмом Скоропадского, сплотилась преимущественно вокруг УНС.

13 ноября УНС как наследник Центральной рады создал Директорию Украинской народной республики (УНР) во главе с левым социал-демократом В. Винниченко. В нее также вошли С. Петлюра, Ф. Швец, А. Макаренко и А. Андриевский. Военными силами Директории — гайдамаками, командовал правый социал-демократ С. Петлюра.

14 ноября Директория провозгласила восстание против «насильника и узурпатора» Скоропадского. Первоначально с воззванием от своего имени выступил Петлюра, что вызвало неудовольствие председателя Директории Винниченко: «“Петлюра идет на гетмана”, “Петлюра призывает против немцев”... Словом, этим сразу было внесено в движение как раз все то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения... Имя Петлюры стало маркой всего движения»³.

Директория обещала вернуть все завоевания революции и созвать Учредительное собрание. Винниченко предложил перехватить у большевиков лозунг Советской власти, создать демократические Советы. «Будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере...»⁴, — рассказывал В. Винниченко. Но большинство директоров не поддерживали эту идею, так как она означала неизбежный конфликт с Антантой и в то же время не гарантировала друже-

¹ *Солдатенко В. Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. С. 250–255.

² *Гетман П. П.* Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М., 2014. С. 739.

³ Революция на Украине по мемуарам белых. М.; А., 1930. С. 278–279.

⁴ Там же. С. 282.

любия большевиков. Петлюра утверждал, что советскую идею не поддержат и атаманы — вожди формирующихся частей национальной армии. В действительности их мнения разделятся, что трагически скажется на состоянии фронта — атаманы Волох и Григорьев перейдут на сторону Советской власти, а Болбочан и Оскилко окажутся врагами Петлюры справа. В итоге был выработан компромисс — наряду с парламентом предполагалось создать трудовые советы, обладающие только контрольными функциями, а также созвать Конгресс трудового народа — аналог Съезда Советов. Реальная власть должна была перейти к комендантам и комиссарам Директории.

15 ноября директора прибыли в Белую Церковь, где базировались сечевые стрельцы Е. Коновальца, готовые выступить против Скоропадского. Восстание было поддержано многими украинскими военными частями и их командирами — атаманом Болбочаном в Харькове, серожупанной дивизией на Черниговщине и др. Директория была популярна и среди крестьян. «Хлеб и всякие другие продукты привозили к нам возами»¹, — вспоминал Винниченко. В 1919 г. эта поддержка резко ослабнет, и солдаты Директории будут голодать.

17 ноября созданный немецкими солдатами Совет подписал с Директорией соглашение о нейтралитете. Немцев интересовало одно — скорейшая эвакуация на родину. Поэтому повстанцы должны были сохранять в целости железные дороги и не торопиться с наступлением на Киев, чтобы дать немцам возможность спокойно выйти с Украины.

Теперь гетман Скоропадский надеялся на офицерские части, поскольку белое офицерство могло поддержать создание в Киеве оплота против большевиков. Однако силы этих формирований были невелики, энтузиазм украинских повстанцев заметно превосходил готовность офицеров умирать за гетмана. 18 ноября у Мотовиловки гетманские силы были разбиты и отошли к Киеву. Повстанцы, памятуя о немецком факторе, тоже пока не трогали столицу. Но постепенно на их сторону переходили гетманские войска. В итоге около 50 тыс. войск УНР противостояли 3-тысячной группировке гетмана.

Еще 24 октября Ф. Лизогуб сформировал новое правительство Украинской державы, в которое вошли пять представителей Украинского национального союза. Это должно было подчеркнуть «отдельность» Украины от России. Однако когда стало ясно, что Рах Гетмана рухнет, 14 ноября было создано русофильское правительство С. Гербеля. Гетман заявил: «На иных началах, на началах федеративных, должно быть восстановлено прежнее величие и сила Все-

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 279.

российской державы. В этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест...»¹. Теперь Скоропадский решил превратить Украину в «русский Пьемонт», из которого начнется освобождение России от большевиков. Такая модель должна была предоставить Скоропадскому, потерявшему опору в немцах, поддержку со стороны сторонников российского белого движения. Это соответствовало и его личным предпочтениям. Б. Стеллецкий вспоминал о Скоропадском: «Он совершенно искренне признавался, что в Петербурге ему была непонятна возможность отделения Украины (Малороссии) от России, и хотя он вне всякого сомнения природный малоросс, но ни его сердцу, ни его уму Малороссия ничего не говорила»².

Но планы Скоропадского не получили поддержку со стороны генерала Деникина, который обвинял гетмана в политике, противоречащей идее единой и неделимой России. Для Деникина «сохранение русской государственности являлось символом веры... Символом ортодоксальным, не допускавшим ни сомнений, ни колебаний, ни компромиссов». На фоне этой ортодоксальности даже Скоропадский казался Деникину аналогом Мазепы³. Для Деникина Скоропадский к тому же был и явным конкурентом в борьбе за лидерство хуже Краснова — учитывая географическую удаленность и значительные ресурсы Украины, если бы они были направлены на благо белого движения. 12 ноября в Киеве был опубликован приказ Деникина о вступлении в командование всеми военными силами на территории Украины. Часть офицерских формирований перешли на сторону Деникина и собралась на Дон. Это вызвало возмущение Скоропадского. Представитель Деникина в Киеве генерал П. Ломновский был на некоторое время арестован. Деникин дезавуировал приказ, но продолжил установление контроля над белыми формированиями на территории Украины.

27 ноября офицеры 8-го корпуса гетманской армии во главе с генералом И. Васильченко бросили Екатеринослав и двинулись на соединение с Добровольческой армией. 22 декабря они дошли до Крыма, где и закрепились.

По мере эвакуации немцев приближался момент наступления гайдамаков на Киев. 14 декабря гетман отрекся от власти и бежал. 17 декабря 1918 г. гайдамаки заняли Киев. УНР была восстановлена. 26 декабря 1918 г. Директорией было создано правительство социал-демократа В. Чеховского.

¹ Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 36.

² Там же. С. 697.

³ Деникин А.И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 64–65.

Первоначально Директория заложила довольно левый курс. Декларацией Директории 26 декабря было восстановлено законодательство Центральной рады, должны были быть восстановлены демократически избранные органы местного самоуправления, создана «национально-персональная» (культурно-национальная) автономия для национальных меньшинств, возвращен 8-часовой рабочий день. Были обещаны рабочий контроль, государственное управление ведущими отраслями промышленности и борьба со спекуляцией. «Впредь до полного разрешения вопроса о земельной реформе Директория УНР оповестила, что все мелкие крестьянские хозяйства и все трудовые хозяйства остаются в неприкосновенности в пользовании прежних их владельцев, остальная же земля переходит в пользование безземельных и малоземельных у крестьян, а в первую очередь тех, кто вступил в войска республики для борьбы с б. гетманом»¹. Здесь крестьян, наученных горьким опытом гетманата, не могли не смутить слова «впредь до полного разрешения...». То есть сейчас права на землю в УНР еще не гарантированы. Такое «учредительство» было уже достаточно скомпрометировано, и большевики, уже отдавшие землю безо всяких отсылок к будущему парламенту, казались крестьянам предпочтительнее.

Декларация 26 декабря определяла, правда, очень нечетко, порядок выборов делегатов на Конгресс трудового народа. Крестьяне должны были выбирать их на съездах в губернских городах, рабочие — от фабрик и мастерских. Правда, позднее за рабочими было зарезервировано менее пятой части мест. Интеллигенция могла участвовать в Конгрессе только «трудовой» своей частью, к которой относились работники просвещения, лекарские помощники, работники кооперативов и служащие. В дальнейшем под давлением партий круг «допущенной к Конгрессу» интеллигенции был расширен. Конгресс должен был получить права верховной власти до созыва Учредительного собрания, которое намечалось на время после завершения войны.

На практике в Киеве и на местах власть перешла в руки атаманов, которые, по словам Винниченко, «решали не только военные дела, но и политические, социальные и национальные. Вся верховная, то есть реальная, действительная власть находилась в руках атамана, именно в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами заискивал у них ласки. Они вводили осадное положение, они вводили цензуру, они запрещали собрания... Директория и кабинет министров играли только декоративную роль ширмы и громоотводов»².

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 293.

² Там же. С. 297, 300–301.

Петлюра и его сторонники сделали ставку на быстрое формирование армии УНР на основе отрядов уже выдвинувшихся полевых командиров. А они устанавливали свою диктатуру на местах, не собираясь согласовывать свою политику с Директорией и соблюдать какие-то демократические принципы. «Из всех властей, которые царили над нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвели таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев при гетмане денежной публики... Бороться против налетов было очень трудно, и случаев ареста налетчиков, насколько я помню, почти не было»¹, — вспоминает А. Гольденвейзер.

На новый виток вышла украинизация, на этот раз сопровождавшаяся заменой вывесок на русском языке (иногда в них просто переправляли буквы).

21 декабря бойцы Коновальца разгромили резиденцию киевских профсоюзов. Петлюровские войска направлялись в города, где возникали Советы, для их разгона. Это дополнительно распыляло вооруженные силы Директории и множило очаги конфликтов вокруг Киева. Впрочем, если Советы стояли «на государственной точке зрения», правительство Директории указывало комиссарам их поддерживать.

На востоке Украины дело Директории оказалось в руках командования, продолжавшего по сути гетманскую политику. Перешедший на сторону Директории Болбочан разогнал Совет и профсоюзный съезд. Неудивительно, что здесь революционные массы, и без того не склонные в большинстве своем к национализму, быстро развернулись против Директории. Складывание режима «атаманщины» вызывало и вооруженное сопротивление на местах, направленное против режима Директории в целом, и политическую критику изнутри политического лагеря УНР.

В январе за власть Советов выступил Всеукраинский совет крестьянских депутатов. Национально-советская позиция Винниченко, отвергнутая Директорией, была поддержана на VI съезде Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). В докладе о политическом положении на Украине А. Песоцкий предложил участвовать в мировой революции, создавать свою власть Советов и начать социализацию хозяйства. Председатель правительства В. Чеховский также поддержал переход к советской системе, но без большевистских диктаторских методов. То есть речь шла о введении действительно власти Советов, которая не существовала уже

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 51.

в РСФСР, замененная диктатурой партийно-правительственных органов. Но власть Советов была популярным требованием и знаменем большевиков, перехватить которое было бы очень важно для сохранения популярности Директории. Против советских идей в пользу сохранения парламентаризма категорически выступило правое крыло партии во главе с И. Мазепой и др. Решения съезда УСДРП в этой ситуации во многом зависели от позиции Винниченко. Однако он не поддержал своих левых сторонников, скованный решениями Директории и, не желая ее раскалывать. В итоге партия поддержала созыв парламента и трудового конгресса, но от нее откололась левая группа независимых социал-демократов.

Значение Трудового конгресса повышалось еще и тем, что на нем предстояло провозгласить воссоединение украинского народа.

Завершение мировой войны открыло новые перспективы перед украинским национальным движением. «Украинская революция», которая в 1917 г. была одним из национальных потоков Великой российской революции, направленных на создание национальных государственных образований¹, теперь выплеснулась за пределы бывшей Российской империи. В ходе распада Австро-Венгрии на территории Восточной Галиции 1 ноября власть перешла к украинской Национальной раде и державному секретариату во главе с К. Левицким, и 13 ноября была провозглашена Западноукраинская народная республика (ЗУНР). Однако поляки не собирались уступать ей Львов и вообще Галицию. Они перешли в наступление, уже 4 ноября отбили Львов. Державный секретариат эвакуировался в Тернополь, затем в Станислав и Каменец.

1 декабря было достигнуто соглашение об объединении ЗУНР и УНР 22 января 1919 г., накануне созыва Трудового конгресса, Директория приняла Универсал, провозглашавший объединение. 23 января Трудовой конгресс утвердил его в торжественной обстановке. Правда, до Учредительного собрания правительство ЗУНР оставалось фактически самостоятельным. «Однако этот шаг создавал для Директории вооруженного врага с запада»², — пишет В. Винниченко. УНР вступила в войну с Польшей, что еще сильнее подрывало возможность опереться на поддержку Антанты. Украинское национальное движение вступило в борьбу за передел восточноевропейского пространства.

8 января, предваряя волю Конгресса, Директория приняла земельный закон. Он отменял частную собственность на землю. Зем-

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. С. 240–242; История Украины. М., 2015. С. 260–276.

² Революция на Украине по мемуарам белых. С. 290.

ля передавалась во владение с правом наследования тем, кто ее обрабатывает. Вводился земельный максимум в 15 десятин с правом увеличения этой нормы земельными комитетами, если часть земли признавалась песчаной или болотистой. Также с согласия земельного комитета владелец мог передавать землю другому владельцу. Не должна была отчуждаться земля сахарных, винокуренных и других заводов. Излишки земли подлежали перераспределению, но прежде предстояло провести большую исследовательскую работу, чтобы понять, каковы эти излишки.

Уже это принятие важнейшего акта Директорией, предваряющее решение Трудового конгресса, показало, что конгресс не рассматривается как верховный орган власти. Собравшиеся делегаты (более 400, 35 с запада Украины) выслушивали речи и должны были выбирать между проектами решений, заранее подготовленными левыми и правыми социалистами. Большинство делегатов принадлежало к эсерам. Но еще в мае 1918 г. на IV съезде партия раскололась, когда на выборах в ЦК победили левые эсеры-боротьбисты (по названию газеты «Боротьба»). Правое крыло Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) не стало подчиняться этому ЦК, и партия была дезорганизована. Боротьбисты формировали новую партию, выступавшую против Директории. Социал-демократы фактически лидировали на конгрессе (тем более что украинские социал-демократы были предельно близки по взглядам к эсерам, признавая, что для задач пролетарской революции время еще не пришло). В условиях, когда сторонники Советской власти вели войну с УНР, решения конгресса уже были далеки от идей сочетания советских и парламентских принципов. 28 января конгресс призвал готовить выборы в парламент и сохранил полноту власти за Директорией.

Правда, заместитель министра иностранных дел УНР А. Марголин, который в это время ехал с дипломатической миссией в Одессу, вспоминал: «Власть Директории уже ограничивалась Киевом и ближайшим районом. В Казатине была уже своя самочинная власть»¹. Атаманы правили по своему усмотрению, что выражалось прежде всего в произвольных арестах и досмотрах с грабежами.

Делегаты конгресса торопливо разъезжались из Киева, к которому подходила Красная армия. 2 февраля Директория обосновалась в Виннице.

* * *

Пока коммунисты медлили с борьбой за Украину, активизировались их левые конкуренты, потерпевшие поражение в России.

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 378.

24 ноября партизанский отряд, которым руководили левые эсеры и максималист А. Авилов, взяли Валуйки. После ранения Авилова местными повстанцами командовал левый эсер Цветков. Здесь была создана «Восточная повстанческая армия», в которую вошел также отряд Сахарова и затем Саблина. В декабре 1918 г. из нейтральной зоны на Украину выступил отряд левого эсера Ю. Саблина, который занял Купянск и Волчанск. Был создан Центральный повстанческий штаб во главе с Саблиным, который не подчинялся коммунистам. 26–29 декабря левые эсеры стали формировать здесь власть, альтернативную центральной Советской власти. 27 декабря в этот район вошли войска РККА во главе с П. Дыбенко. 11 января 1919 г. левые эсеры здесь были разгромлены, а некоторые левозэсеровские командиры, включая Цветкова, расстреляны¹. Не получалось у левых эсеров создать «свой» район.

Более успешны были действия анархиста Н. Махно. Бывший председатель Гуляйпольского Совета вернулся на Украину в июле и с сентября начал партизанские действия в своем районе. После успешного боя в Дибровках к Махно, получившему почетное прозвище «батько», присоединился отряд Ф. Щуся. Отряд Махно стал самым крупным и активным повстанческим формированием в Северном Приазовье.

Развал режима немецкой оккупации создал вакуум власти на южном Левобережье Днепра. Махно решил создать единую повстанческую зону с единым фронтом под командованием махновского штаба, в который кроме военных командиров вошли левый коммунист Херсонский, левый эсер Миргородский и анархист Горев (штаб возглавлял сначала Махно, а потом А. Чубенко).

27 ноября Махно занял Гуляйполе. Повстанцы довольно быстро вытеснили из своего района немцев, разгромили сопротивлявшиеся хутора и усадьбы и наладили связи с органами местного самоуправления. Махновский штаб установил контроль над обширным районом в Приазовье с неясными границами — на юге начинаются стычки с красновцами, на западе ощущается давление со стороны украинской Директории, сменившей режим Скоропадского. Но махновский штаб еще не вполне контролировал внешне лояльных ему командиров. Махно принялся бороться с несанкционированными поборами и грабежами. Даже своему заслуженному командиру Петренко Махно грозил расстрелом в случае, если на него от бедняков поступят жалобы о притеснениях. Махно вспоминает о борьбе с грабежами:

¹ См.: Леонтьев Я.В. Трижды исключавшийся, или Вехи политической биографии Е.Ф. Муравьева // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 89–96.

«Об этой контрибуции я узнал при моем выступлении с речью перед крестьянским сходом села Васильевки. Никогда за все время моей революционной деятельности я не чувствовал на сердце такой боли, как во время этого своего выступления. Мысль, что в отряде есть люди, которые тайно совершают непозволительные преступные акты, не давала мне покоя. И отряд не вышел из этого села до тех пор, пока лица эти не были раскрыты, и хоть и с болью, но без всяких колебаний, расстреляны в том же селе... все в тревоге перед сознанием, что в отряд просачивается элемент, преследующий цели грабежа и личной наживы. И мы решили не останавливаться ни перед чем, чтобы с корнем вырывать его из повстанческих рядов и уничтожить»¹. Показательно, что в сообщении либеральной газеты «Приднепровский край» о захвате махновцами поезда в эти дни ничего не говорится о грабежах².

Опасаясь борьбы на два фронта, в ноябре 1918 г. махновцы пропустили через свою территорию мобилизованных украинским правительством новобранцев при условии, что будет разрешено вести среди них агитацию. Махновская делегация стремилась нащупать противоречия среди гайдамаков, поддержала их в борьбе с 8-м корпусом Добровольческой армии. Уход 8-го корпуса из Екатеринослава положил конец заигрыванию националистов с рабочими организациями города. Петлюровцы разогнали рабочий Совет. Одновременно они усилили агитацию на Левобережье — стало ясно, что Директория собирается включить махновскую территорию в единое Украинское государство. 26 декабря Крестьянский съезд Екатеринославской губернии, находившийся под влиянием махновцев, выступил против Директории.

Махно вступил в переговоры с большевистским ревкомом Екатеринославской губернии о совместных действиях по захвату Екатеринослава. Махно был назначен ревкомом Главнокомандующим Советской Революционной Рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района. Чтобы решиться на штурм города, Махно «счел необходимым созвать комсостав, перед которым был поставлен вопрос о наступлении сегодня же ночью на Екатеринослав. Все ответили: хоть сейчас»³, — вспоминает начальник большевистского штаба Е. Кузнецов.

Махно располагал полутысячей бойцов, готовых к операции за пределами махновского района. По утверждению советского историка М. Кубанина, эта сила была подчинена большевистскому ко-

¹ Махно Н. Под ударами контрреволюции. Париж, 1936. С. 150.

² «Приднепровский край». 10.12.1918.

³ Пятая годовщина Октябрьской революции. Екатеринослав, 1922. С. 180.

мандиру Г. Колосу, собравшему в районе Синельниково около полутора тысяч бойцов¹. Махно категорически отрицает свое подчинение Колосу и считает, что Кубанин преувеличил численность его отряда в пять раз². В этом споре прав Махно, что подтверждается и большевистскими источниками: «Необходимо отметить, что Махно назначен командиром всеми вооруженными силами, наступавшими на Екатеринослав...»³, — утверждает Д. Лебедь.

Трудность наступления на Екатеринослав заключалась в том, что основные силы повстанцев находились на левом берегу Днепра, а город — на правом. Участник событий Е. Кузнецов вспоминает: «План заключался в следующем: по пешеходной части моста пускаем по обеим сторонам по пять человек, одетых в рабочие костюмы с узелками, в которых находятся бомбы, чтобы снять посты пулеметчиков. Вслед за ними... пускаем паровоз, чтобы прочистить путь, а за ним — пудмановский вагон с двумя бомбометами, — потом двинутся эшелоны один за другим»⁴. 27 декабря эшелоны беспрепятственно прибыли на вокзал Екатеринослава. Двери открылись, и к изумлению гайдамацкой охраны из вагонов посыпались махновские бойцы. Привокзальный район оказался в руках повстанцев, к которым затем присоединились небольшие отряды большевиков и левых эсеров. Эффект внезапности еще не гарантировал окончательного успеха. 27–28 декабря махновцы с боями продвигались в глубь города.

Одновременно началось формирование новой власти, в которой особую активность проявили большевики: под конец боя «губком партии большевиков... произвольным образом, что называется “нахрапом”, обойдя мой штаб... назначил из своих членов коменданта города, комиссию почты и телеграфа, комиссара путей сообщения, начальника милиции и другого рода начальство. Все эти большевистские партийные избранники не то накупили, не то конфисковали себе министерские портфели и под мышками с ними пришли в мой штаб, помещавшийся на втором этаже Екатеринославского вокзала...»⁵. Но Махно и не думал подчиняться «новой власти». Повстанцы тоже претендовали на свою долю влияния. В конце концов был создан Военно-революционный комитет, в котором повстанцы получили треть голов, но фактически присутствовали в гораздо большем количестве.

Несмотря на попытки большевиков провести в председатели ВРК своего человека, анархисты, по словам Махно, поддержали канди-

¹ Кубанин М. Махновщина. Л., 1927. С. 41.

² Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. Париж, 1928. С. 7.

³ Пятая годовщина Октябрьской революции. С. 188.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. С. 8–9.

дата левых эсеров¹. Затем началась торговля вокруг распределения власти, в которой основное участие приняли большевики и левые эсеры². Равнодушие анархистов в этом вопросе объяснялось просто — они воспринимали ВРК как действительно временный орган, который должен максимально быстро собрать съезд Советов и передать ему власть. Этот съезд, считал Махно, «и наметит себе для охраны своих завоеваний и связанного с ними нового социально-общественного строительства нужные конструктивные положения»³.

К 29–30 декабря положение петлюровцев в Екатеринославе стало безнадежным. На сторону Махно перешла гайдамацкая батарея под командованием Мартыненко. Затем к Махно перешло еще несколько петлюровских подразделений, и 30 декабря гайдамаки оставили город.

Одержав победу, махновцы приступили к организованному снабжению своей армии из местных магазинов. Но одновременно начались и беспорядочные грабежи населения. Большевистские авторы обвиняют в них махновцев. Махно придерживается на этот счет другой версии: «На самом деле я за грабежи, как и за насилие вообще, расстреливал всех. Конечно, среди расстрелянных в Екатеринославе за грабежи оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики арестовали и окрещивали их махновцами. Лишь в штабе в моем присутствии выяснилось, что все эти лица не знали даже, на каких улицах махновцы занимают позиции, кто их командиры, как называются роты и т. д. Но зато эти лица хорошо знали места формирования Кайдацкого большевистского отряда, где он стоит, командира его и когда они записались в этот отряд и получили оружие»⁴. Из этого следует, что большевики вместе с Махно боролись с грабежами. Никто из большевистских авторов не отрицает, что Махно беспощадно расправлялся с пойманными грабителями. Чьи бойцы в большей степени виновны в грабежах — большевистские или махновские — установить, видимо, уже не удастся. Во всяком случае, даже большевистские авторы признают, что их Павлоградский полк изрядно «разложился»⁵, от этого не были гарантированы и более свежие отряды большевиков.

Махновский штаб предпринимал меры к тому, чтобы нейтрализовать неблагоприятное воздействие грабежей на настроение горожан.

¹ Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. С. 11.

² Пятая годовщина Октябрьской революции. С. 180.

³ Махно Н. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. С. 10.

⁴ Там же. С.12.

⁵ Пятая годовщина Октябрьской революции. С.170.

Было выпущено воззвание Махно к ним, в котором говорилось: «При занятии города Екатеринослава славными партизанскими революционными войсками во многих частях города усилились грабежи, разбои и насилия. Творится ли эта вакханалия в силу определенных социальных условий или это черное дело совершается контрреволюционными элементами с целью провокации, во всяком случае это делается. И часто делается именем славных партизан-Махновцев, борющихся за независимую, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства. Чтобы предотвратить этот разгул пошлости, совершаемый бесчестными людьми, позорящими всех честных революционеров, не удовлетворяющимися светлыми завоеваниями революционного народа, Я именем партизанов всех полков объявляю, что всякие грабежи, разбои и насилия ни в коем случае допущены не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут мной пресекаться в корне»¹. Это заявление было подкреплено угрозой расстрелов, которая незамедлительно стала приводиться в действие. Крутые меры Махно против грабителей дали результат — даже враждебные махновцам мемуаристы признают, что в этот раз нападавшим «не удалось... как следует пограбить города»².

Приведенный выше фрагмент возвания Махно характерен и еще в одном отношении — он демонстрирует представления Махно об источнике его власти. Это революция и повстанцы. Пока Махно готов отчитываться в своих действиях прежде всего перед армией, а не перед населением. Позднее, когда вновь станут формироваться гражданские структуры движения, положение изменится.

Махно направил большевистские части на подступы к Екатеринославу. Это была ошибка, которая дорого стоила повстанцам. Большевистские отряды были разбавлены большим числом новобранцев и уступали повстанцам в боеспособности. Часть вооруженных рабочих была настроена пропетлюровски и в решающий момент даже ударила в тыл махновцам³. Подошедшие под Новый год свежие петлюровские части прорвали фронт и одним ударом выбили махновцев из города⁴. Неудачливым союзникам оставалось лишь обвинять друг друга в поражении. Из Екатеринослава Махно сумел вывести лишь около 200 бойцов⁵.

Первый опыт взаимодействия с коммунистами оставил у Махно отрицательное впечатление об этой партии: «они не сохраняют пози-

¹ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153. Л. 91–90.

² Архив русской революции, Т. 3. М., 1991. С. 239.

³ *Белый В.* Махновщина // Летопись революции. 1928. № 3. С. 214.

⁴ *Махно Н.* Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. С. 14.

⁵ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 274. Л. 11.

ции, а держатся власти и думают, что за них кто-то будет воевать, — говорил он Чубенко. — Когда он занял Екатеринослав, совместно с коммунистами, то они не (стремились удержать) город, а старались организовать ревком»¹. Впрочем, это не мешает Махно вновь войти в союз с Советской властью в феврале 1919 г.

Отступив за Днепр, Махно не допустил гайдамаков на левый берег. Западная граница махновского района стабилизировалась, а на юго-востоке развернулись бои с белыми.

В это время Москва, наконец, дала добро на наступление на Украину. Две украинские советские повстанческие дивизии стали продвигаться на юг. 4 января 1919 г. был создан Украинский фронт во главе с Антоновым-Овсеенко, который начал двигаться к Донбассу, чтобы вести там борьбу с белыми. Правобережную Украину пока не планировалось занимать². Если бы Украинская республика была устойчива, большевики вели бы сражения с белыми, а Киев остался бы в стороне. Но волна восстаний против Директории отклонила ось наступления Украинского фронта далеко на запад.

1–2 января у Казачьей Лопани 2-я украинская советская дивизия разбила силы Болбочана, а в Харькове развернулось восстание. Была провозглашена Украинская Советская Социалистическая республика (УССР). Всеукраинский ЦИК (ВУЦИК) Советов был сформирован на двухпартийной основе — на 90 большевиков приходилось 10 боротьбистов.

16 января Директория объявила войну России. В тот же день Болбочан сдал Полтаву. Попытка Петлюры отбить город оказалась неудачной. Фронт УНР рушился из-за многочисленных восстаний, перехода атаманов на сторону Советской власти. Красные развернули наступление в сторону Киева и Одессы, взяли Екатеринослав. Советская власть возвращалась на Украину. Красный фронт двигался к старым границам Российской империи, и было неизвестно, остановится ли он на них.

Ленивая интервенция и мировая революция

Ленин был прав по поводу намерения Антанты начать интервенцию на юге бывшей Российской империи. Однако сила этой интервенции оказалась довольно скромной. 27 октября, еще до победы в Первой мировой войне, Ж. Клемансо дал распоряжение главнокомандующему союзных армий на Ближнем Востоке генералу Л. Фран-

¹ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 274. Л. 21.

² Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921 гг. М., 2002. С. 167.

ше д'Эспере готовить операции на юге России. В штаб командующего французским контингентом в Румынии А. Бертело прибыл его старый знакомый, бывший фактический командующий Румынским фронтом, а теперь представитель А. Деникина генерал Д. Щербачев. Он, как ему показалось, договорился о скорейшем выдвижении войск Антанты в Киев, Харьков, Донбасс и на Кубань. Под прикрытием союзников на этой территории будет сформирована русская армия для наступления на Москву¹. Как говорится в секретном докладе «Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования», изданном Управлением генерал-квартирмейстера Штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), командующий Деникин считал, что для выполнения этой задачи достаточно 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий интервентов, которые «ни в каких активных действиях участвовать не будут и лишь обеспечат операции русских армий»². Правда, до мая 1919 г. армия Деникина так и не развернула серьезного наступления в сторону Украины и Москвы. Деникин ждал расширения интервенции, а интервенты не собирались участвовать в «активных действиях».

16–23 ноября 1918 г. в Яссах собрались российские политики, представлявшие сторонников Всероссийского временного правительства («Уфимской директории») и более правых группировок. Они должны были выработать политическую формулу власти, которую может поддерживать интервенция. Ведь Антанта вводила войска в Россию во имя поддержки «законного правительства», а такового не существовало даже с точки зрения части антисоветских сил, которые Директорию не признавали. В разгар дискуссии, 18 ноября относительно легитимная Директория пала жертвой государственного переворота в далекой Сибири. После ожесточенных споров сошлись на следующем: единство России, отказ от создания независимых государств на территории России, существовавшей «до большевистского переворота»; согласование действий с союзниками в борьбе против большевиков; создание единого военного командования, немедленная помощь Добровольческой армии; создание общей делегации, полномочной представлять Россию в отношениях с Антантой. Россиян выслушали находившиеся в Яссах представители Антанты, которые сочли, что Россия пригласила войска союзников в свои пределы.

По соглашению еще от 23 декабря 1917 г. лидирующее место в интервенции на Украине заняла Франция, так как Британии была выделена сфера влияния восточнее. К французам присоединились греки,

¹ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования // Архив русской революции. Т. 16. М., 1993. С. 234.

² Там же. С. 236.

сербы и другие контингенты Антанты. Французская гегемония в интервенции на Украине создала сначала незаметную, но затем все более серьезную проблему. Армия генерала Деникина, претендовавшего на руководство всеми антисоветскими силами на Юге России, находилась в сфере влияния Великобритании. Пользуясь поддержкой британцев, Деникин считал себя вправе распространить свою власть и на сферу действия Франции, что в ее планы не входило. Формально соглашаясь с необходимостью единства действий антисоветских сил, французское руководство не собиралось отдавать руководство военно-политическому центру, находившемуся в британской сфере влияния.

23 ноября — 14 декабря союзники высадились в Новороссийске, Севастополе, Николаеве, Феодосии и Одессе. Центром французской интервенции стала Одесса. 7–10 декабря французский десант занял порт и часть Николаевской набережной с гостиницей «Лондонской». «Углубляться в город и способствовать сохранению в нем порядка и безопасности мирных граждан наши доблестные союзники не пожелали»¹, — сетует свидетель событий В. Маевский. 12 декабря город был занят силами УНР, которым не оказали сопротивление контролировавшие его прежде австро-германские и гетманские войска. 14 декабря гетман П. Скоропадский бежал, и Украина, куда еще не вступила Красная армия, оказалась в основном под контролем УНР. По мнению историка В.А. Савченко, таким образом «у французской армии исчез не только союзник, но и цель “экспедиции в Украину”»². Цели интервенции никуда не исчезли, потому что она была направлена против большевизма. Зато теперь французским военным пришлось выбирать между популярным в странах Антанты принципом самоопределения наций и союзом с белым движением. Если после поражения Германии Скоропадский уже не очень настаивал на независимости Украинской державы, то для УНР это было делом принципа, что усложняло ситуацию — ведь Деникин и другие белые генералы категорически выступали за единую и неделимую Россию.

Для начала было решено опираться на белое движение. Под прикрытием французского флота белый отряд А. Гришина-Алмазова атаковал войска УНР в Одессе. Завязались бои. Французское командование потребовало от УНР очистить город, и под давлением военного руководителя Директории УНР С. Петлюры они подчинились, заняв позиции в 40 км к северу от города. Директория УНР

¹ Маевский В. Осень 1918 г. на Украине // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 371, 374.

² Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2005. С. 110.

была заинтересована в сближении с Антантой, у которой надеялась получить если не немедленное признание независимости, то хотя бы помощь в предстоящей борьбе с большевиками.

Как пишет историк А. Рогачевский, возможно «что бои между подразделениями Добровольческой армии под командованием будущего одесского военного губернатора генерала А.Н. Гришина-Алмазова и войсками Директории 18 декабря 1918 г. при занятии французами Одессы были не нужны, поскольку власть в городе перешла бы в руки французов безо всякого сопротивления, но добровольцы сами затеяли перестрелку, опасаясь заключения соглашения между французами и Директорией»¹. Действительно, первоначально французский командующий генерал А. Бориус надеялся просто «вступить в город с музыкой», но Гришин-Алмазов убедил его, что первоначально необходимо очистить Одессу от украинских отрядов силой оружия².

Французский консул в Одессе Э. Энно поддерживал белое движение, и способствовал назначению Гришина-Алмазова военным губернатором. Деникин хотя и был недоволен самоуправным назначением, но санкционировал его.

В целом в регионе высадилось около 60 тыс. интервентов (включая и гражданских лиц)³. В феврале 1919 г. в районе Одессы находилось около 25 тыс. французских и греческих военных при 22 танках, 12 тыс. греков, польский добровольческий легион численностью в 2 тыс. штыков. Части 40-го румынского корпуса числом в тысячу штыков прикрывали Одессу со стороны Днестра. Отдельная Одесская стрелковая бригада генерала Н. Тимановского составила еще 3300 штыков и 1600 сабель⁴. А на довольствии в штабе Одесского военного округа стояло около 10 тыс. человек⁵. Офицеры не торопились вступать в полевые части, предпочитая найти место в тылу.

Солидный контингент интервентов восвать тоже не очень хотел. Настроения в Великобритании, Франции и США в конце 1918 г. были связаны с двумя понятиями — усталость и ответственность. Западная Европа устала от затянувшейся тяжелой войны и эйфорически

¹ Рогачевский А. Пинхас Рутеберг в Одессе (по британским архивным материалам) // Всемирный клуб одеситов. Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах: Сборник. Одесса, 2007. Т. 28. С. 70.

² Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 236.

³ Рогачевский А. Пинхас Рутеберг в Одессе (по британским архивным материалам). С. 68.

⁴ Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. С. 115.

⁵ Кефели Я. С генералом Шварцем в Одессе (осень 1918-го — весна 1919 года) // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 361.

радовалась наступившему миру, причем миру победному. Но оборотной стороной Победы была ответственность за послевоенное мироустройство, где Франция, Великобритания и США сохраняют гегемонию, обеспечив Европу гарантиями от нового кровопролития. Усталость препятствовала проведению новых военных операций, ответственность требовала их, чтобы доделать работу Победы.

Но вызов новому миропорядку бросила Советская Россия. Как пишет исследователь А.А. Вершинин, «Антанта, разгромив своего главного врага на полях Первой мировой, готовилась с новыми силами вмешаться в Гражданскую войну в России»¹. Но где было взять эти «новые силы»?

Западное общественное мнение раскололось по поводу большевизма. Президент США В. Вильсон вообще с трудом сдерживал изоляционистские настроения, противостоявшие вмешательству США в дела Старого Света. 24 октября Чичерин направил президенту США ноту, в которой вскрыл противоречие между миролюбивыми и демократическими декларациями президента США и фактом интервенции в России, которая оживила силы русской контрреволюции. Как отмечает историк В.В. Романов, «тем самым большевики затронули самую “болевую” точку вильсоновской политики, поскольку перспектива реставрации старых порядков в России всегда рассматривалась американским президентом как совершенно неприемлемая»². Не жалея разоблачительных слов в адрес американской агрессии и двойных стандартов политики США, нота в то же время предлагает перейти к взаимовыгодному сотрудничеству с помощью концессий — после прекращения интервенции, конечно. В Великобритании одни политики, к примеру, Черчилль, Гардинг и Бьюкенен, открыто выступали за восстановление «единой и неделимой» России фактически в прежних границах, делая исключение лишь для Польши и Финляндии... Другая группа видных британских деятелей, к которой относились Кёрзон, Милнер, О. Чемберлен и Сесил, считали, что косвенная финансовая и материальная поддержка национальных государств, возникших на окраинах России, больше отвечает целям Великобритании, население которой устало нести на своих плечах основное бремя военных расходов и людских жертв. По их мнению, Россию необходимо раздробить на ряд небольших государств, либо, по крайней мере, как уже говорилось выше, создать по дуге

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923 гг.). К истокам французского коммунистического движения. М., 2012. С. 40.

² Романов В.В. Вильсонизм в оценках Г.В. Чичерина // Чичеринские чтения. Тамбов, 2003. С. 56.

ее европейских и азиатских границ лимитрофные образования — от Финляндии до Синьцзяна, которые сумели бы предотвратить распространение «большевистской заразы» на Запад и Восток»¹.

Но лейбористы, влияние которых росло, выступали против противодействия Россией революции.

В октябре 1918 г. видный лейборист Д.Р. Макдональд в «*Socialist Review*» обрушился с критикой на правительство, которое вело себя также, как прадеды, когда они выступали «за реставрацию Бурбонов на троне Французского королевства». В этой же статье автор отзывался с похвалой о Ленине за то, что он предоставил России шанс «стабилизироваться» и спас ее от «царства ужаса»².

Во Франции большевистский вызов разбередил старые исторические раны. А.А. Вершинин приводит такой эпизод 1919 г.: «19 февраля с высокой трибуны заседания одной из парижских секций соцпартии Ренодель и Самба фактически оправдали интервенцию, возложив на большевиков ответственность за “ужасную бойню”, которая происходила на территории бывшей Российской империи, и прямо обвинив их в установлении диктатуры и организации террора. “Но у нас самих разве не было террора в [17]93 г.?”», — послышался из зала вопрос с явным намеком на якобинский период Французской революции. “Никто не может сравнивать революцию, произошедшую более 100 лет назад, и те события, которые мы наблюдаем сейчас в России. Люди с тех пор изменились”»³. Но изменились даже не все французы, и половина социалистов Франции смотрела теперь на Москву как на новую землю обетованную.

Революция в России стала зеркалом для французской политической культуры, на фундаментальном уровне которой находятся 14 июля и «Марсельеза». Воевать против революции, которая явно походила на французскую и даже сознательно куталась в ее словесные одежды («комиссары», «трибуналы» да и сам террор), это значило бросать вызов собственным ценностям. И столетняя дистанция ничего не меняла, ведь Россия считалась страной отсталой, и она только сейчас созрела до того состояния, которое Франция переживала в конце XVIII в. А история свидетельствовала, что в те времена революционный народ одерживал победы над контрреволюционными армиями. И это было предупреждением против интервенции.

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию.

² Там же.

³ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923 гг.). К истокам французского коммунистического движения. С. 40.

Таким образом, отношение к российской революции и интервенции раскалывало французскую общественность на фундаментальном уровне. Радикальные демократы и социалисты видели в позиции современной Франции возвращение к контрреволюционной традиции. Но и с прагматической стороны вторгаться в этот растревоженный муравейник было крайне рискованно — большевики уже показали, что не падут от слабого толчка. Зато опыт Французской революции подсказывал, что они так или иначе вернутся на путь мировой цивилизации. Если правы демократы, и российская революция аналогична французской, то наступит термидор. Если верны представления правых, то возьмет верх российская традиция, которая переварит большевизм, и он останется в российских пределах.

Сохранение за Францией, Великобританией и США роли гарантов нового порядка требовало скорее символического, чем полномасштабного вмешательства, а также поддержки антисоветских сил для сдерживания большевистской экспансии. Не лишним было приобретение силовых позиций, пока не были урегулированы вопросы, связанные с выплатой российского долга, разделом Османской империи и границами на Балканах. Япония и США ревниво следили друг за другом на Дальнем Востоке. Такие задачи интервенции требовали повторения пробной интервенции середины 1918 г., а не полномасштабного похода на Москву, которого боялся Ленин.

Формула «Гражданская война и интервенция», возникшая по свежим следам событий, наиболее точно характеризует суть событий 1918–1922 гг. Именно в таком порядке. Россия подверглась внешнему вторжению, которое может рассматриваться как необъявленная война между Советской Россией и Антантой. Но значение этой войны было меньшим, чем военной конфронтации внутрироссийских сил. Против вялых действий интервентов было легче обороняться, чем против наступления белых армий и повстанческих движений. Зато в 1919 г. Советская Россия получила союзника в лице многочисленных антиимпериалистических движений от Германии и Венгрии до Индии и Кореи, сливавшихся в мировую революционную волну, воспринимавшуюся в Москве как начало «мировой революции». Пережив изоляцию, интервенцию, австро-германо-турецкое давление и начало гражданской войны, Советская Россия оказалась в эпицентре этой «мировой революции».

Итоги и уроки 18-го года

Гражданская война была многосторонним столкновением, когда по разные стороны баррикад оказались не «хижины и дворцы», но «братья по классу», даже соседние избы. Эта ожесточенная борьба возникла не одновременно, революция постепенно сваливалась в воронку массового кровопролития.

У широкомасштабной гражданской войны, начавшейся а мае-июне 1918 г., было несколько основных причин — экономических, внутри- и внешнеполитических, этнонациональных. Массовое насилие было результатом также глубокого социально-культурного разлома, глубокого неприятия друг другом людей, мысливших по-разному и не владевших навыками ненасильственного диалога. Они воспринимали оппонента как смертельного врага на уровне эмоций, а не понимания. Альтернативой диалогу было насилие, особенно после многолетней войны, приучившей миллионы людей к массовым убийствам. Крушение имперских институтов, обеспечивающих сдерживание противоречий, сначала привело к бурному выстраиванию новых демократических институтов, которые пытались обеспечить диалог разных социально-политических и этнонациональных сил в 1917 г., но в силу разных причин не преуспели в этом¹. Модернизация общества, распад архаических структур и возникновение массового общества, где массы неопытных людей пытались творить новый мир — одновременно создавали шансы прорыва в будущее и угрозы социальной катастрофы.

Сила слова или оружия

Большевики предприняли радикальные меры по созданию посткапиталистических отношений в России — стране, экономическое развитие которой отставало от уровня ведущих капиталистических стран, которая находилась в состоянии революции и была обескровлена войной. Слабость социально-культурных предпосылок перемен и одновременно происходящий острый кризис старой социальной системы создавали очень узкую вилку возможностей для тех, кто проводит революционные преобразования. Каждая ошибка была чревата срывом восхождения к новому обществу и частичным отка-

---

¹ См.: Шубин А. В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014; *Он же*. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018; *Он же*. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918 г. СПб., 2017.

том даже не к дореволюционному состоянию, а в более глубокую архайку. Такая опасность особенно возрастала в случае «сваливания» революции в широкомасштабную гражданскую войну.

Успехи и неудачи коммунистического проекта зависели от способности большевизма решать задачи Великой российской революции (аграрно-продовольственная проблема, подготовка нового этапа индустриальной модернизации, введение социальных гарантий, выход из войны, урегулирование национальных противоречий, улучшение системы вертикальной мобильности) и подавлять сопротивление их проекту самых разных слоев: демократической интеллигенции, православной общественности, бунтующих от голода рабочих, не желающих расставаться с продовольствием крестьян.

Неудача диалога давала дорогу насилию. Большевики не ценили компромиссы и не боялись гражданской войны, недооценивая уровень напряженности на этом этапе модернизационного перехода.

Важным шагом к срыву политического диалога и замены силы слова на силу оружия стал разгон Учредительного собрания, после чего исчез общероссийский авторитет и площадка принятия общих решений. Также — что не менее важно — оппозиция получила популярный всероссийский лозунг, на время консолидировавший ее. Но механизм обратной связи между властью и обществом становился глубже, не только на центральном, но и на местном уровне.

Пока советский проект был обращен к России своей демократической стороной, раскрепощающей, обещавший землю и мир — невозможно было поднять против него критическую массу бойцов, готовых умирать. Скоротечная гражданская война ноября 1917 г. быстро утихла в центре России, превратившись в партизанские действия на окраинах. В скоротечной гражданской войне конца 1917 — начала 1918 г. победили сторонники Советской власти, выглядевшей как власть Советов. Но в 1918 г. станет ясно, что это не одно и то же. После скорого преодоления временного комиссародержавия на местах советская система должна была превратиться в сеть автономных Советов и их федераций, регулируемую компактной государственной надстройкой. Действительно, страна переходила под контроль множества региональных Советов, и петроградский центр Октябрьской революции первоначально мало вмешивался в дела местных советских властей, сосредотачиваясь на главном: разгромить вооруженное сопротивление, вывести страну из войны и накормить крупнейшие города.

Советская система выстраивалась с двух сторон. В Петрограде отработывалась работа ее управленческого ядра. На местах творчество масс формировало практику самоорганизации активной части рабо-

чих и крестьян. Власть Советов устанавливалась местным большевистским и левозсеровским активом на местах почти самостоятельно от центра, но центр выстраивал централизованную кадровую машину с тем, чтобы позднее протянуть нити управления в каждую точку России. Членам исполкомов Советов, как правило, не имевшим управленческого опыта, приходилось теперь решать самые разнообразные вопросы, превышающие сферу компетенции дореволюционной администрации. Понятно, что при такой широкой компетенции и низкой компетентности, высокой интенсивности работы и отсутствии времени на изучение решаемой проблемы качество работы Советов было не велико. Зато Советы воспринимали себя как плоть от плоти масс, их депутаты знали непосредственно жизнь трудящихся масс, которой пытались управлять, и надеялись на поддержку населения в осуществлении своих начинаний. В начале 1918 г. практиковалась широкая демократия для сторонников принципов Советской власти, что было формой ограниченной демократии. Советская система была основана на высокой вертикальной мобильности, черпая кадры и мнения с нижних этажей социальной иерархии. Однако принятие решений многочисленными форумами просоветского актива (с небольшими вкраплениями актива несоветского) требовало длительного времени, которого не хватало в быстро меняющейся обстановке. Советская система становилась перед выбором: либо создание более компактных Советов, на каждом уровне состоящих из делегатов нижестоящих организаций и выполняющих их волю, либо превращение в совещательные органы при управленческой вертикали Совнаркома, поглощающей аппарат Советов. Эта альтернатива проявит себя весной 1918 г. перед лицом острых социальных вызовов.

В связи с этим нужно было делать и другой выбор: или каждый Совет получил свою ясно очерченную сферу компетенции, где даже Совнарком должен с ним договариваться, или структуры всех Советов должны быть твердо подчинены общей иерархии с центром в Совнаркоме. Ленин надеялся, что вскоре удастся соединить результаты творчества низового актива и центра. Но когда весной 1918 г., освободившись от других срочных дел, он и его соратники займутся этим соединением, выяснится, что его очень трудно достичь. У центральных и региональных советских работников формировались разные практики и даже психологические установки, региональные и центральные интересы входили в конфликты.

До середины 1918 г. советская система была «не достроена», в ней не было единых принципов организации, зато быстро накапливались противоречия между разными уровнями власти и территориями.

Весной 1918 г. Ленин стал формировать систему строго централизованного управления. Уже история ратификации Брестского мира показала, что ключевые решения принимались в ЦК большевиков, ВЦИК и затем существующий механизм власти обеспечивал их утверждение съездами, несмотря на сопротивление значительной части Советов. Из-за обострявшейся социально-экономической ситуации большевики стали терять позиции в Советах, укреплялись позиции социалистической оппозиции. Разгоняя неугодные Советы, большевики в этих пунктах теряли связь с рабочими и крестьянами. Ценой ограничения народовластия сторонники радикальной социальной революции стабилизировали систему власти и надеялись диктаторскими методами сделать организацию общества более справедливой, социально равноправной. Однако без политического равноправия невозможно и социальное.

Пространство революции

Социальные проблемы на пространстве Российского государства тесно переплетались с национальными. Революция, являющаяся «тараном» индустриальной модернизации, открыла новые возможности для нациестроительства, являющегося одним из проявлений индустриальной стандартизации в области культуры и чреватого резким обострением этноконфликтов. Национальные движения и социально-политические силы, вовлеченные в революционный переворот, стремились использовать друг друга, социальные задачи соседствовали с национальными в политических программах. Но на разной этносоциальной почве национальные и социальные лозунги срабатывали по-разному, то привлекая и консолидируя, то отталкивая и раскалывая массы.

К началу 1918 г. в одних регионах, как на Украине и в Закавказье, успели сформироваться влиятельные национальные движения, которые сумели обзавестись достаточной вооруженной силой, чтобы отбить первый натиск большевизма. В других случаях, как в Белоруссии и Молдавии, большевики наносили поражение «буржуазным» автономистам, перехватывая лозунг автономии. В борьбе с более прочным национализмом Советское государство было готово пойти даже на предоставление независимости — с последующей поддержкой левосоциалистических сил, которые должны были сделать новые независимые государства частью будущей семьи социалистических республик. В обстановке 1918 г. социальный проект большевизма, дополненный обещаниями права наций на самоопределение, составлял достойную конкуренцию в борьбе за симпатии масс даже сильным национальным проектам Финляндии, Украины и народов Закавказья.

Первоначально влиятельные национальные движения выступали за территориальную автономию в составе обновленного, федеративного Российского государства. Но их не устраивала Советская федерация, в которой виделась угроза большевистского господства. Разгон Учредительного собрания лишил национальные проекты надежд на легитимную защиту их прав от леворадикального российского центра. Естественным результатом стало стремление национальных лидеров отгородиться от разбушевавшегося в России социального смерча с помощью провозглашения независимости. А защитить независимость в условиях Первой мировой войны можно было только опершись на мощную внешнюю силу. В условиях заключения Брестского мира провозглашение независимости от России означало превращение в германский протекторат.

Часть национальных деятелей пошла по пути поддержки советского проекта, в котором увидела форму осуществления национальной идеи. Национал-коммунизм станет важным фактором советской истории на всем ее протяжении. Советская модель сочетания социального и национальных проектов оказалась привлекательна для антиимпериалистических и антиколониальных движений в мире, что было важно для глобальной борьбы российских коммунистов. Глобальный контекст, в котором развивалась Великая российская революция, оказал сильнейшее влияние на ее развитие. Милитаризация общества привела и к милитаризации революции, гипертрофированной роли в ней солдатской массы, настроениями которой лучше всего воспользовался большевизм. Солдаты, с одной стороны, стремились к скорейшему миру, так как устали от мировой войны и перестали видеть в ней какой-то смысл для себя, а с другой стороны — считали себя вправе бороться за демократический мир и социальные перемены с оружием в руках. Это сочетание пацифизма и преторианства армии помогло большевикам победить в борьбе за власть, но создало для них большие проблемы после прихода к власти. Советская власть уже не могла не заключить мир.

Революционный пацифизм большевиков стал одним из важнейших ресурсов их популярности в стране и мире. Циммервальдский принцип мира без аннексий и контрибуций с правом народов на самоопределение превратился в ноябре 1917 г. из лозунга европейских политических аутсайдеров в официальную позицию России, повлиявшую на позиции враждующих блоков и представившую миру шанс на скорый честный мир, завершающий бессмысленную бойню. Циммервальдский принцип угрожал территориальной целостности Российского государства, но в то же время превращал российских левых в законодателей мод мировой политики, предложивших убедительную альтернативу империалистическому мироустройству.

Империализм оказался сильнее и заставил Советскую Россию капитулировать, подписав 3 марта и 27 августа 1918 г. соглашения, разрывавшие с первоначальными обещаниями демократического мира и сделавшие германский империализм гегемоном на востоке Европы, а Османскую империю — на большей части Кавказа. Но, вопреки ожиданиям оппонентов Ленина, это не сделало Россию германским протекторатом. Ожидание мировой революции, которая позволит покончить с Брестским миром и вернуть большую часть территориальных потерь, оказалось мобилизующим фактором коммунистического проекта, позволившем пережить трудные времена. Когда завершающая фаза мировой войны вызвала революционную волну, большевики с их антиимпериалистическим проектом сразу оказались в ее авангарде.

Социально-экономический разворот

Настаивая на заключении Брестского мира, Ленин рассчитывал на «мирную передышку», которая позволит решить конструктивные задачи социалистической революции, создать основы общества, которое позволит России выйти из социального кризиса и продемонстрировать миру преимущества социалистической системы, что само по себе будет способствовать мировой революции, предоставив ей конструктивную практическую модель будущего.

Большевики объявили курс на социалистические преобразования, но в чем же они могли заключаться? Социалистические теории обсуждали два пути к посткапиталистическому обществу: через переход предприятий в руки их коллективов (снизу) и обобществление всей экономики в систему, работающую по единому плану (сверху). Считалось, что пути сверху и снизу вполне совместимы. Но большевики не смогли построить систему, основанную на балансе таких важнейших составляющих революции, как самоорганизация, низовая инициатива, производственная демократия, с одной стороны, и единство экономической системы, ее целенаправленное регулирование — с другой.

Также необходимо было обеспечить баланс не только «верха» и «низа», но и двух разных направлений государственной социально-экономической политики — регулирования и непосредственного управления государственным сектором. Регулирование полезно экономике, когда оно носит рамочный и индикативный характер. А советские менеджеры то пускали важнейшие экономические проблемы на самотек, то хватались за управление самыми разными предприятиями, не связанными в единый комплекс.

Государственное регулирование, которое по замыслу большевиков должно было обеспечить выход из кризиса, удушало производство, так как государственные структуры вместо установления правил пытались управлять хозяйством страны в ручном режиме. В результате возможность сбыть продукцию зависела уже не от потребителя, а от чиновника, который далеко не всегда понимает нужды производства, потребителя и вообще не успевает досконально изучить ситуации, которыми пытается управлять. Государство должно было обеспечить прозрачные правила экономической игры — либо рыночной, либо кооперативной, но как раз с этой задачей оно не справилось.

В условиях индустриальной модернизации государство должно концентрировать ресурсы на узких производственных направлениях, необходимых для развития остальной экономики. И чем шире фронт государственного вмешательства, тем ниже его эффективность. Сознание даже компетентного чиновника не может вместить все факторы производства, распределения и потребления. Члены коллектива лучше государственного управленца понимают, что происходит на их предприятии, а потребитель — что бы он хотел на самом деле приобрести.

Кризис-менеджмент Советской власти в 1917–1918 гг. оказался неудачным, но большевиков извиняет то, что он осуществлялся действительно в тяжелых условиях и в отсутствие подобного опыта. Большевистский социально-экономический проект был направлен на замену капиталистической системы нерыночной системой продуктообмена, управляемого государственным центром. Такой переход не может произойти постепенно, плавно. Самим фактом своей победы сторонники социализма ускоряют отток капитала и разрушение капиталистической экономики. Но именно поэтому производство оказывается в тяжелом положении. Если капиталисты продолжают бесконтрольно распоряжаться большей частью промышленности, это позволяет им выводить капиталы из производства.

В начале 1918 г. некапиталистические элементы экономики представляли собой плохо состыкованные части недостроенного здания. Но свято место пусто не бывает — если не возникает новая экономическая система, то приходит разруха, сменяющаяся господством бюрократии. Если не капиталисты и не производственное самоуправление — то бюрократия.

Не сумев преодолеть кризис промышленности, транспорта и обмена, Советская власть встала перед лицом голода в городах. Получив землю, крестьяне могли жить для себя. Они меньше, чем горожане страдали от разрухи, начавшейся до Октября, но усугубившейся в результате политики большевиков. Передача земли крестьянам могла стимулировать сельскохозяйственное производство в усло-

виях гражданского мира, сохранения промышленного производства и денежного обращения, автономных общественных организаций, в том числе кооперативного снабжения. Но эти условия не были соблюдены.

Нужно было срочно «достраивать» систему снабжения городов продовольствием, устранив ее хаотичность. Это можно было сделать двумя путями. Либо устанавливая общие правила доступа к продукции предприятий и регионов, в ней нуждающихся: с помощью кооперативов или регулируемой государством деятельности посреднических организаций и индивидуальных торговцев; либо путем жесткой централизации продовольственного дела, изъятие продукции у крестьян в пользу государства с последующим распределением по всей стране. Несмотря на то что умеренные большевики показали преимущества первого варианта, второй путь больше соответствовал стратегии и политическому стилю большевизма.

В первые месяцы Советской власти большевики открывали кингстоны революции, впуская в государственную конструкцию поток низовой стихии. Впервые высшее руководство России так безоглядно пошло навстречу требованиям, действительно вызревшим в народе. Оппоненты большевиков, особенно социалисты, понимая, что реализовать народные чаяния не так просто, продумывали сложные механизмы осуществления именно этих народных требований и приглашали обсудить все это на Учредительном собрании. Большевики предложили массам опробовать все самим. Если что не получится — убедитесь на собственном опыте. Пустив народную инициативу на самотек, большевики отчасти дискредитировали ее и потом забрали выданную свободу назад.

Был ли это циничный расчет? Нет, все было сложнее. Марксистский проект не разделял демократию и авторитаризм, а соединял их в одно целое. Если подряд прочитать две работы Ленина — «Государство и революция» и «Очередные задачи Советской власти», может возникнуть впечатление, что писали их непримиримые противники. «Государство и революция», написанная до Октября, — это труд ультрадемократа. По идее Маркса и Ленина, изложенной здесь, государство после революции сразу же начинает отмирать в пользу общественной организации рабочих. Трудящиеся легко справятся с задачами управления, насилие может понадобиться только в отношении сопротивляющихся эксплуататоров. Пролетариат вырабатывает важнейшие решения сам и выносит их в центр через свободную демократическую советскую систему. Массы будут добровольно следовать этому своему свободному решению. Так считал Ленин летом 1917 г.

Весной 1918 г. перед нами Ленин — менеджер и управитель. Он рассуждает о том, что русский человек — плохой работник, и нужно бороться с разгильдяйством с помощью репрессий и системы Тэйлора. Ленин размышляет о том, как государство будет организовывать жизнь миллионов людей, вникая во все стороны их жизни.

Интересно, что сам Ленин не считал идеалы «Государства и революции» устаревшими — эта работа была напечатана в 1918 г. А основные тезисы «Очередных задач» были сформулированы Лениным во время рождественского отпуска в декабре 1917 г. Две работы Ленина — это две стороны одной стратегии.

Марксистский проект, унаследованный Лениным, основан на полном экономическом централизме. Формально может существовать демократия, но общество должно развиваться по единому плану. План этот позволит реализовать высочайшие гуманистические идеалы, выдвинутые социалистической идеей. Но соблюдаться он должен неукоснительно, и сопротивление несогласных с общей хозяйственной политикой должно пресекаться. Без принуждения вряд ли может быть осуществлен такой всеобъемлющий план.

В условиях кризиса советской социально-экономической политики нужно было делать выбор между строительством социализма «сверху» и «снизу», и Ленин взял курс на превращение органов, возникших в результате самоорганизации в собственную противоположность — элементы единой централизованной организации, управляемой узким кругом руководителей.

Война, социализм и архаика

Вместо того чтобы выправить курс, обозначив границы полномочий и находя компромисс разных социальных групп трудящихся (к чему склонялись правые большевики и левые эсеры), большевистское руководство решило подавить противоречия путем тотальной централизации, жесткого подчинения центру всех уровней власти, демонтажа самоуправления в пользу управления, подавления сопротивления все более широких масс. Этот курс исключал поиск балансов, что может быть было хорошо для победы в войне и отчасти даже для фабричной модернизации. Но социализм не сводится к модернизации.

РКП(б) стремилась восстановить целостность социального организма на нерыночной основе. Производство и распределение должно было осуществляться государственными структурами, а также подчиненными им фабзавками, кооперативами и профсоюзами.

Но если промышленность можно было относительно быстро подчинить государственному центру, то также управлять миллионами

крестьянских хозяйств было практически невозможно. Но именно крестьяне должны были дать продовольствие городам и регионам, в которых начинался голод. Аграрный вопрос превратился в аграрно-продовольственный. Получив землю, крестьяне были готовы поставлять продовольствие в обмен на потребительскую продукцию. Но в условиях разрухи в городах, с которой Советская власть не справилась, достаточное количество продовольствия потребителям не поступало. Так же как раньше политика Временного правительства, политика Советской власти вошла весной 1918 г. в полосу тяжелого кризиса. Решившись на преобразования, большевики и левые эсеры не нашли оптимального сочетания демократических и антикапиталистических мер. В мае 1918 г. большевики сделали выбор в пользу решительных антирыночных силовых мер, направленных на изъятие продовольствия у крестьянства. 13 мая 1918 г. был принят декрет о продовольственной диктатуре. Эта мера воспринималась как составляющая быстрого продвижения к коммунизму. Этап «Октябрьской революции» завершался, но он сменился не начальной фазой коммунизма, а широкомасштабной гражданской войной.

Декрет о продовольственной диктатуре 13 мая положил начало стремительному изменению социально-политической системы Советской республики в направлении, определенном в работе Ленина «Очередные задачи Советской власти». Эта модель централизованного управления экономикой получил название «военного коммунизма», а обстановка начавшейся в мае 1918 г. широкомасштабной гражданской войны придала мерам мая–июня вид вынужденных действий. Однако разворот к «военному коммунизму» был запланирован и начал осуществляться до июня 1918 г., и был вызван не войной, а неспособностью советской системы наладить производство и распределение в условиях, когда сохранялось фундаментальное противоречие между советской самоорганизацией и технократическим управлением экономикой как единой фабрикой из государственного центра. Марксистская идеология помогла Ленину и шедшим за ним большевикам сделать выбор.

Этот выбор ставил в повестку дня столкновение большевизма уже не только с буржуазией, массами интеллигенции и служащих, но теперь и с крестьянским большинством России. Такое столкновение было крайне опасно в условиях возобновления общероссийской гражданской войны. К ней большевизм был готов лучше других политических сил. Большинство коммунистических лидеров недооценивало опасность и возможные масштабы гражданской войны и потому не боялось ее. Но недовольство крестьянства большевизмом придало антибольшевистским силам массовость, а войне — разрушительность и длительность.

Важным фактором, обеспечившим начало широкомасштабной войны, расколовшей страну на несколько воюющих частей, стали внешние силы — восстание Чехословацкого корпуса, экспансия Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, интервенция Антанты. Осознавая угрозу, которую империалистической системе несет советская революция, лидеры враждующих блоков поддерживали антисоветские силы. Но эта поддержка была недостаточна для быстрой победы над большевизмом, способствуя затягиванию войны и сдвигу лидерства в антибольшевистском лагере от социалистов к военно-диктаторским режимам.

Не сумев преодолеть социально-экономический кризис в условиях относительного мира, большевики с началом широкомасштабной гражданской войны могли переложить ответственность за социальную ситуацию на своих врагов, разрезавших Россию линиями фронтов. После этого коммунисты могли совмещать две задачи: создавать основы нового общества, как казалось — принципиально отличного от капитализма, ликвидирующего эксплуатацию человека человеком, и концентрировать в руках государства все ресурсы, необходимые для войны с капиталистической системой. Представления большевиков о коммунизме совпали с задачами организации военной экономики. Уже во время Первой мировой войны в воюющих странах резко усилилась роль государства, возник «военный социализм». Большевики довели эту тенденцию до степени, максимально возможной в России, до «военного коммунизма» — полного огосударствления промышленности и снабжения города за счет деревни.

А вот для сторонников демократического пути России широкомасштабная гражданская война стала отложенным приговором. В душной военной атмосфере многопартийность не могла нормально работать. У демократов было несколько месяцев, чтобы перехватить социальную тему у большевиков и победить быстро. Затяжная война стала борьбой красных, белых и преимущественно крестьянских повстанческих движений. Это было соревнование в умении убивать, а не конструировать общество будущего.

Страна раскололась на несколько частей, советская территория превратилась в осажденный «единый военный лагерь», что развязало руки сторонникам самых радикальных действий — в том числе и в деле перехода к некапиталистическому обществу. Казалось, что коммунисты делают рывок к коммунизму, но этот «военный коммунизм» приобретал черты не посткапиталистического, а скорее докапиталистического общества.

Гражданская война привела к расслоению революционного вектора на противоположности — архаичную и модернизационную.

Стремясь к социализму и коммунизму, который воспринимался как сверхмодернизированное общество, в условиях войны и разрухи коммунисты стали строить «военный лагерь» — подражание древним. Нечто вроде римского военного лагеря с его простой военной организацией, жестокой дисциплиной, делением на граждан и бесправные слои, занятые принудительным трудом. «Военный коммунизм» похож не на общество будущего, а на Рим с его децимациями и проскрипциями, речами трибунов, допущением духовного плюрализма при условии лояльности власти, данью с крестьянства в провинциях, которая обеспечивает хлеб и яркие зрелища для жителей городов и солдат легионов, сражающихся на всех направлениях. Это погружение в архаику было закономерным с точки зрения марксистского экономического детерминизма — экономика разрушилась — деградировала и «надстройка». Но культура, в отличие от экономики, более инерционна не только при движении вперед, но и назад. Российские горожане и политические элиты оставались «модерными», воспитанными на ценностях городской культуры и индустриального прогресса. В этом состоянии культуры было главное отличие Советской России от Древнего Рима и других архаических обществ. Как только разруха закончится — революционные модернизационные проекты начнут возвращать страну в современность и разгонять ее на пути индустриальной модернизации.

Новая правящая элита теперь формировалась из наиболее активной и радикальной части социальных низов, маргинальных слоев и части прежней элиты, готовой принять большевистские принципы или по крайней мере сохранять лояльность новому режиму. Старая буржуазно-помещичья элита подверглась дискриминации и частичному уничтожению.

Особенностью режима времен «военного коммунизма» было сохранение некоторого плюрализма в правящей партии — явление, характерное для многих тоталитарных режимов на ранней стадии их развития, равно как и относительная терпимость в области культуры.

Партия большевиков не была монолитной, в ней явно выделяются более умеренное и более радикальное течения. Заметны также трения между сторонниками укрепления центральной власти и регионалистами, этатистами и просиндикалистами, сторонниками и противниками широкого привлечения офицерства в военное строительство, есть и личная неприязнь между влиятельными лидерами. Между большевистскими руководителями было множество тактических деловых разногласий и ведомственных трений, которые тогда было принято обсуждать, иногда довольно эмоционально. Культура спора, которая в последующие десятилетия будет вырвана с корнем из

отечественной государственной иерархии, тогда не была признаком принципиальных разногласий и враждебности спорящих.

Тоталитарные институты в период широкомасштабной гражданской войны были неустойчивы и оценивались лидерами режима как чрезвычайные, временные. Война была главным мотивом мобилизации значительных социальных сил вокруг большевиков. Но и ее продолжение угрожало режиму, так как усугубляло экономическую разруху. Промышленность почти остановилась. Работало в основном военное производство и кустарная промышленность. Тоталитарные структуры лишались индустриальной базы, без которой они также не могли быть устойчивыми.

Сопровождавшие большевистскую революцию разрушения и общественные катаклизмы, отчаяние и невиданные прежде возможности социальной мобильности порождали иррациональные надежды на скорую победу коммунизма. Радикальные лозунги большевизма дезориентировали другие революционные силы, не сразу определившие, что РКП(б) преследует цели, обратные задачам антиавторитарного крыла Российской революции, также выступавшего за Советы. Брестский мир и поворот большевиков к централизму обострил их противоречия с левыми эсерами, максималистами и анархистами. Но весной–летом 1918 г. властные позиции большевиков уже достаточно окрепли, чтобы отбить атаки сторонников антиавторитарного социализма. Авантюризм лидеров левых эсеров, оторвавший партию от социальной почвы, облегчил большевикам задачу разгрома этой партии. В дальнейшем левые социалисты и анархисты (с осени 1918 г. — даже часть эсеров) считали борьбу с белым движением более важной задачей, чем борьбу с большевизмом. Обещания широкой автономии и даже независимости национальных регионов при условии создания в них власти Советов дезориентировали и многие национальные движения. Противники большевиков, представленные белым движением, рассматривались крестьянскими массами как сторонники реставрации, возвращения земли помещикам. Большинство населения страны было в культурном отношении ближе большевикам, чем их противникам. Все это позволило большевикам создать наиболее прочную социальную базу, обеспечившую им победу в борьбе за власть в столкновении с социалистической и правоавторитарной альтернативами.

Социалисты, доминировавшие на политической сцене в середине 1917 г. и победившие на выборах в Учредительное собрание, не смогли противостоять силовым действиям большевиков в начале 1918 г. Но они не собирались прекращать борьбу за свои цели — создание общества, совмещающего социальное равноправие, широкие гражданские свободы и парламентское народовластие. Осуществление такой модели озна-

чало создание в России наиболее демократичной модели социального государства. Эта модель предвосхищала реформы Рузвельта и шведских социал-демократов. Попытка Комуча проводить такие преобразования в условиях кольца фронтов и блокады позволяла лишь наметить курс.

Путь Комуча предполагал сочетание рыночной экономики (не обязательно только капиталистической), государственного регулирования и широких социальных прав. Рабочие и крестьяне после большевистских обещаний отнеслись к этому довольно спокойно, как к должному, опасаясь возможной отмены социальных завоеваний революции и выражая недовольство нарушениями обещанных гражданских прав. А вот буржуазия, убедившись в «непоследовательности» демонтажа институтов, ущемляющих право частной собственности, встали в резкую оппозицию Комучу, делая ставку на его противников в антисоветском лагере.

Политика Комуча имеет много общего с другими альтернативами Гражданской войны. Все, кто пытался претендовать на победу в тех условиях, ограничивал полномочия местных выборных органов, применял репрессии, использовал вооруженные формирования, которые иногда творили произвол. Но у Комуча были свои отличия. От Советской и белой властей он отличался сочетанием передовой для того времени социально-экономической политики с принципиальной догматизмом приверженностью идеям парламентской демократии. В случае военной победы такой власти успех социал-демократической модели еще не был гарантирован (что показала история Европы межвоенного периода), но все же заметно увеличивались шансы России на движение по пути, сочетавшему социальное государство и демократические институты.

Милитаризация жизни, рост влияния офицерства, усиление правых социально-политических группировок привели к эволюции политической системы антисоветской территории вправо — сначала к социал-либеральным коалициям, воспроизводящим модель Временного правительства 1917 г., а затем — к военной диктатуре белого движения (на юге России руководство Добровольческой армии сразу стремилось к военной диктатуре, но и ему пришлось терпеть противовес Кубанской рады). Отбросив демократическую и социально-ориентированную программу социалистов, «белые» в глазах большинства населения не имели существенных преимуществ в сравнении с большевиками.

В случае гипотетической победы белого движения развитие нашей страны пошло бы, конечно, не так, как это случилось в советскую эпоху. В этом смысле альтернатива была, и как показывает опыт Европы, это была альтернатива прежде всего между коммунизмом

и фашизмом. В 1920–1930-е гг. Европа и Северная Америка шли к индустриальной системе социального государства. Это развитие могло идти тремя путями — коммунистическим, нацистско-фашистским и социал-либеральным (включая сюда и варианты, предлагавшиеся демократическими социалистами). В России последний из этих путей в обход тоталитаризма был гипотетически возможен в случае победы социалистов — эсеров и меньшевиков. Две первые возможности вели по тоталитарному пути. Коммунистический путь нам известен. «Белый» путь уже в период Гражданской войны заметно коричневел, как коричневели и другие диктаторские режимы Европы в первой трети XX в. Впрочем, как показывает опыт Польши, возможна была длительная консервация страны в состоянии авторитарного режима с периферийным капитализмом.

Не сумев удержаться на краю широкомасштабной гражданской войны, Великая российская революция пошла на спад — ее социальные и тем более демократические цели отступили на второй план перед задачами военной мобилизации и выживания образовавшихся здесь многочисленных режимов. Война укрепила мобилизационно-милитаристские черты советского общества, которые станут источником его силы и бессилия. Оно научится побеждать в войнах и строить заводы, но коммунистическое общество социального равноправия, свободного творчества и самоорганизации трудящихся останется для советских людей недостижимой мечтой.

Однако, вопреки надеждам противников коммунистов, советский вызов стал менять мировую систему, подрывая ее империалистическую конструкцию, сдвигая мир к левым ценностям. Они глубоко вошли в плоть и кровь культуры народов бывшей Российской империи вместе с коммунистической риторикой — как бы компартия не изменяла этой риторике на практике, мобилизуя широкие массы трудящихся на прорыв в будущее. Когда отгремят сражения Гражданской войны, и лава Великой российской революции застынет, этим будущим станет СССР — синтез левых идей и традиции российской истории.

«Ракета» революции стартовала к социализму и коммунизму, но, не выдержав курса, полетела не туда, куда планировалось. Отказ от сбалансированной модели в пользу тотально централизованной, сверхгосударственной системы исключал достижение социального равноправия и народовластия, заявленных в начале проекта как его цели. Через 20 лет государство, физически уничтожающее сотни тысяч подозреваемых в несогласии с высшим руководством, основанное на жесткой чиновничьей иерархии, господствующей над массами полуголодных рабочих и крестьян, объявит, что построило социализм. Но этот «социализм» не соответствовал критериям, с помощью кото-

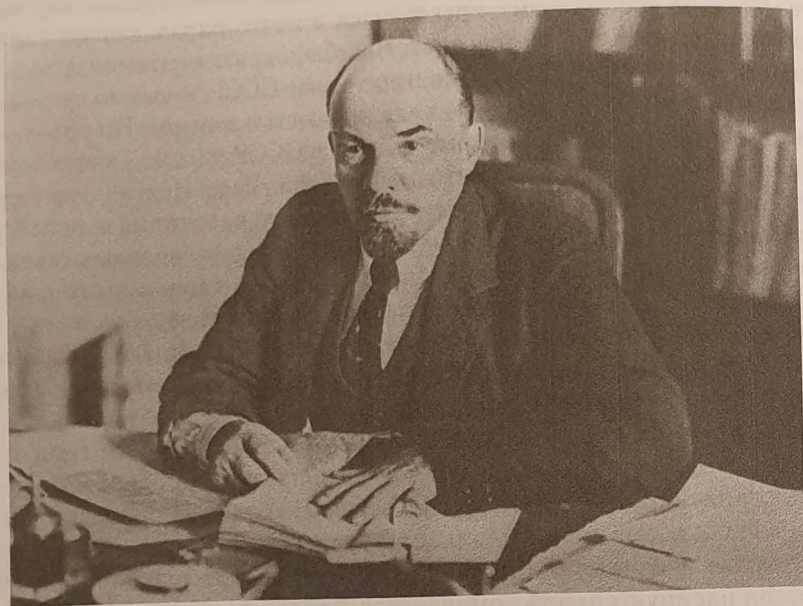
рых социалистическая мысль определяла социалистическое общество: отсутствие классового господства, угнетения, эксплуатации, более высокие, чем при капитализме, производительность труда и доходы трудящихся классов. СССР не мог доказать, что опередил мир капитализма, и «социализм» превратился в нечто параллельное капиталистическому пути. Сверхэтатистский, бюрократизированный вариант индустриального общества, построенный в СССР, имеет по сравнению с периферийным капитализмом свои плюсы и минусы. Но революция анонсировала задачи, которые идеологи СССР отложили «до коммунизма», оставшегося несбыточной мечтой. Являются ли эти задачи утопией? Это большой вопрос, учитывая, что некоторые европейские страны приблизились к их осуществлению и в части производственной демократии, и самоуправления, и федерализма, и социальных прав. До середины 1918 г. шансы пойти по более демократическому пути к социальному государству оставались и у России. Затяжная Гражданская война удушила элементы народовластия как в советском, так и в анти-советском лагерях.

Выживание коммунистического режима было куплено ценой отказа от социалистических принципов равноправия, народовластия и самоорганизации. От принципов Октября. Но отказ на практике еще не означал отказа в принципе, в идее, в культуре. Образ Октября остался гарантом изначальных принципов советской цивилизации. Он будоражил идейную совесть коммунистов, как заветы Христа будоражили совесть католиков во времена инквизиции, а затем — Реформации.

Этот образ и сегодня будоражит умы, являясь символом грозной развязки проблем, которые господствующие элиты не желают решать заранее, мирным путем. 1917–1918 гг. — их ночной кошмар. Но проснувшись, они успокаивают себя тем, что коммунистический проект не удался. Что же, может быть, он не удался из-за конфликта тоталитарного каркаса и советской социалистической традиции, гуманистической и демократической в своей идейной основе. Это противоборство составило содержание советской истории и советской культуры. Их противоречивое влияние продолжает ощущаться и сегодня. Власть тянет в будущее номенклатурное наследие с культом личности первоначальника, а население по-прежнему не может смириться с социальным беспорядком и разрушением социальных гарантий. Проблемы, волновавшие людей в 1918 г., во многом актуальны и сто лет спустя.

Действующие лица

Владимир Ильич Ленин

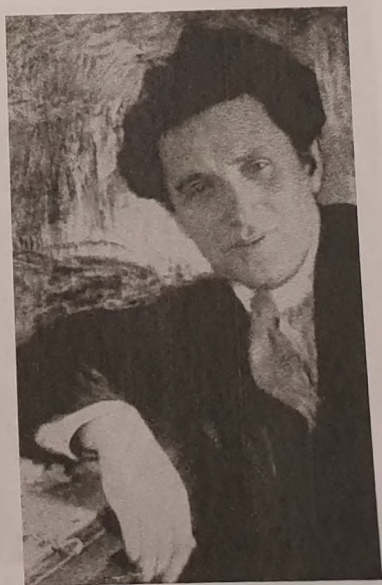
Лев Давидович Троцкий

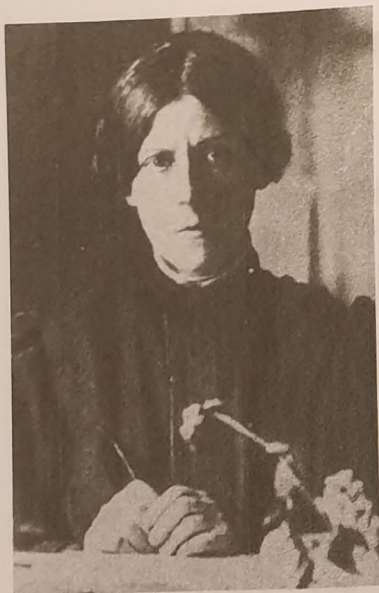
Феликс Эдмундович Дзержинский

Яков Михайлович Свердлов

Григорий Евсеевич Зиновьев

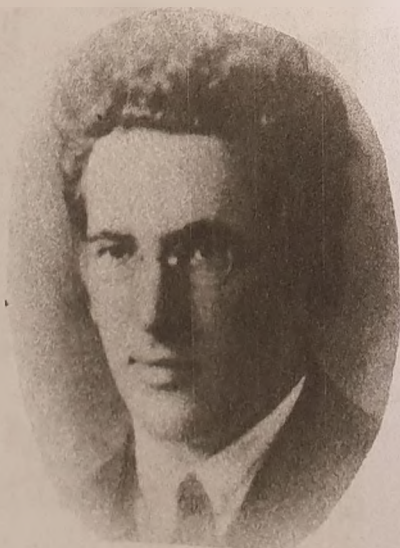
Мария Александровна Спиридонова

Борис Давидович Камков

Владимир Казимирович Волюский

Борис Осипович Богданов

Виктор Михайлович Чернов

Иосиф Виссарионович Сталин

Климент Ефремович Ворошилов

Николай Дмитриевич Авксентьев (в центре)

Николай Романов и его сын Алексей

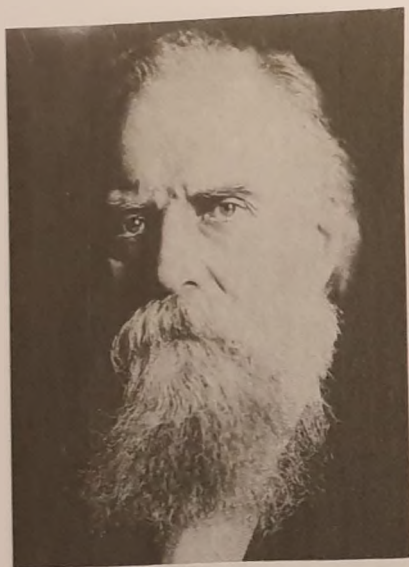

*Николай Иванович Астров на заседании Особого совещания
при генерале А.И. Деникине*

Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (в центре)

Николай Васильевич Чайковский

Василий Георгиевич Болдырев

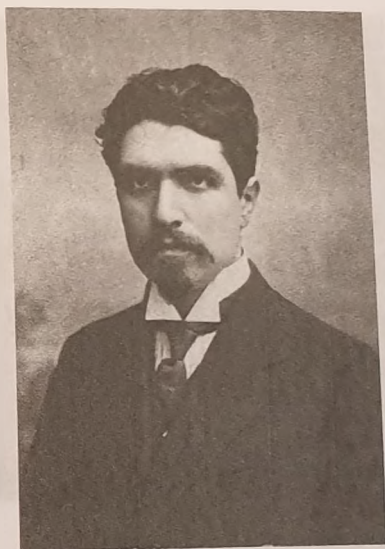
Александр Петрович Перхуров

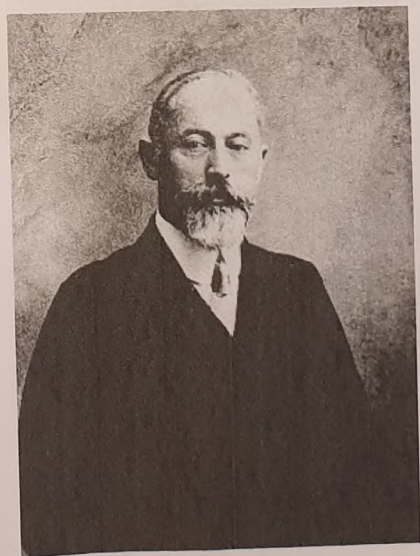
*Тихон, Патриарх Московский
и всея России*

Алексей Михайлович Щастный

Степан Георгиевич Шаумян

Ной Николаевич Жордания

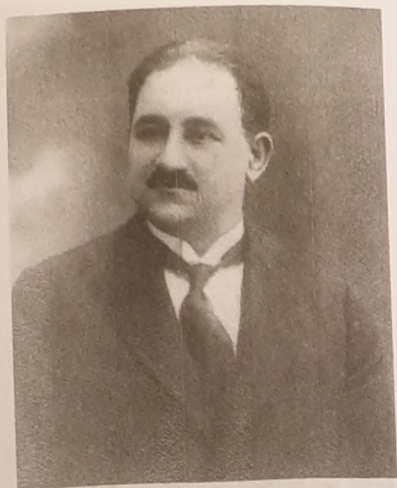

Александр Васильевич Колчак

Владимир Оскарович Капель

Мамед Эмин Расулзаде

Петр Николаевич Краснов

Антон Иванович Деникин

Андраник Торосович Азарян

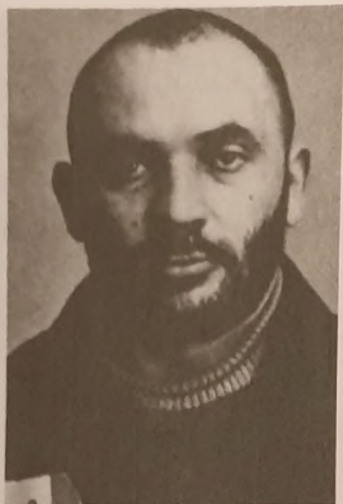
Борис Викторович Савинков

Петр Васильевич Вологодский

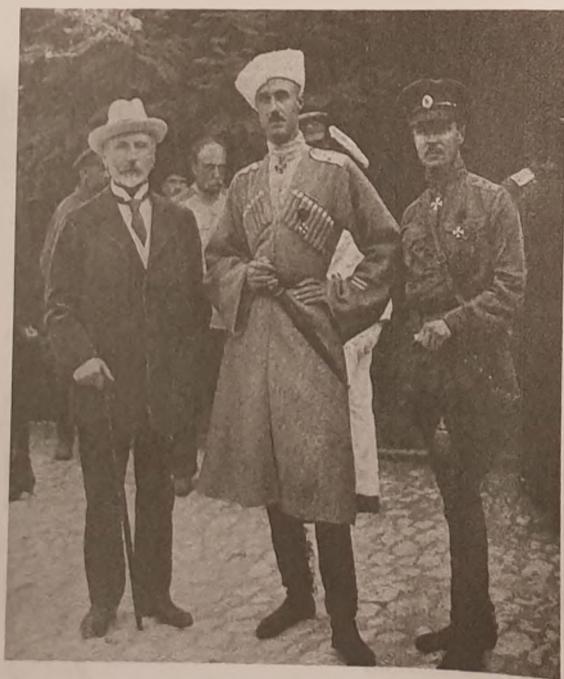
Ян Сыровый

Яков Григорьевич Блюмкин

Вильгельм фон Мирбах

Петр Николаевич Врангель

Андрей Григорьевич Шкуро

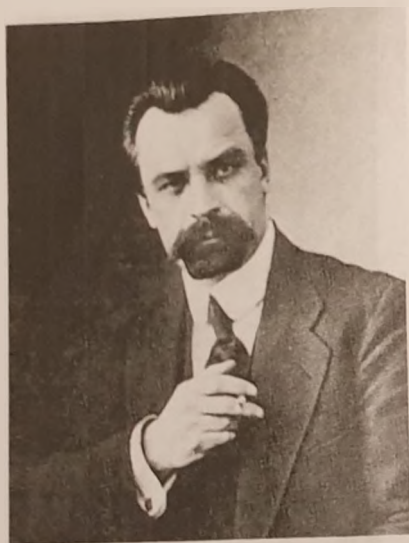
Александр Ильич Дутов

Павел Петрович Скоропадский

Фрэнсис Дэвид Роулэнд

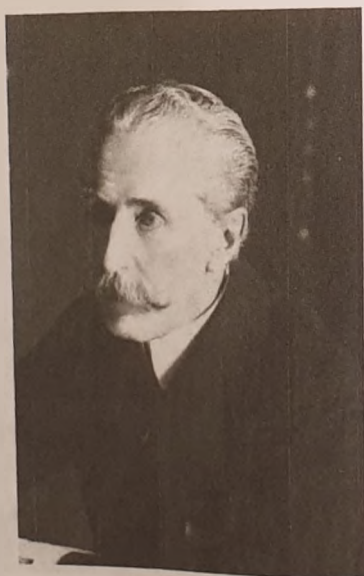
Владимир Кириллович Винниченко

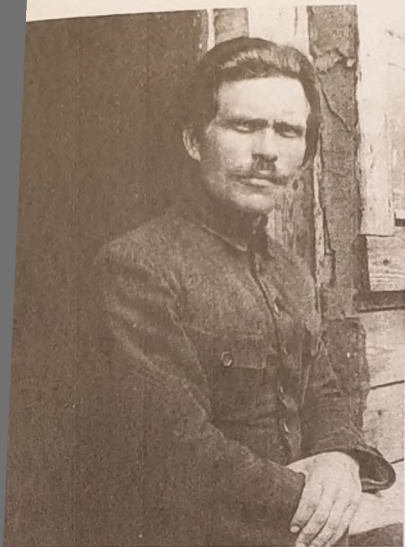
Роберт Брюс Локкарт

Иван Адрианович Михайлов

Джордж Уильям Бюкенен

Нестор Иванович Махно

Семен Васильевич Петлюра

Карл Либкнехт

Роза Люксембург

Оглавление

Глава I. На пути к большой войне.....	5
Глава II. Распад России	87
Глава III. Азия: социальный эксперимент и нациестроительство	207
Глава IV. Советский военный лагерь	250
Глава V. Многоцветный террор	365
Глава VI. Деградация демократии	433
Глава VII. От мировой войны к мировой революции	532
Итоги и уроки 18-го года	568
Действующие лица.....	584

Научное издание

Шубин Александр Владленович

1918 год. Революция, кровью омытая

Корректор: Башлай И.М.

Компьютерная верстка: Исакова Т.В.

Группа допечатной подготовки изданий:

Зеленцов П.О.

Иванова М.В.

Коновалова Т.Ю.

Крылов К.А.

Подписано в печать 26.11.2018. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 37,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»

(общество с ограниченной ответственностью),

адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;

сертификат соответствия

№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;

орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51

ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии»,

адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,

телефон: +7 499 322 3832

По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,

факс: + 7 495 305 6088,

e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,

интернет-магазин: www.academ-pro.ru.

на широкомасштабной гражданской войне, расколовшей
ану на враждующие части. Подробно анализируя ситуа
ны 1918 г., автор выясняет причины возникновения этой во
атель получит возможность познакомиться не только с х
нных действий, но и с жизнью по разные стороны фр
драматичными событиями заговоров и восстаний, мотив
обстоятельствами действий таких ярких личностей, как Ле
цкий, Шаумян, Спиридонова, Чернов, Савинков, Дени
чак и многие другие. События столетней давности, о кот
оказывает эта книга, оставили в наследство стране ур
ые имеют непреходящее значение.